

СИМОНА ВЕЙЛЬ

Тетради 1933–1942

ТОМ II

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИВАНА ЛИМБАХА

SIMONE WEIL

Cahiers

1933–1942

nrf

Gallimard

СИМОНА ВЕЙЛЬ

Тетради 1933–1942

*Перевод с французского,
составление и примечания
Петра Епифанова*

Том II

октябрь 1941 – февраль 1942

С приложением
«Комментариев к пифагорейским текстам»
и пьесы «Спасенная Венеция»

Издательство Ивана Лимбаха

Санкт-Петербург

2016

УДК 1 (44) (091) «19» = 161.1 = 03.133.1

ББК 87.3 (4Фра) 6-021*83.3

В 26

*Издано при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы
«Культура России (2012–2018 годы)»*

*Перевод осуществлен на средства СПб РОО «Возвращение»
в память о переводчице Галине Арсеньевне Островской*

В 26 Вейль Симона. Тетради 1933–1942: В 2 т. / Пер. с франц., сост. и
примеч. Петра Епифанова. — СПб.: Издательство Ивана Лимбаха,
2016. — Т. 2: октябрь 1941 – февраль 1942. — 616 с.

ISBN 978-5-89059-269-9 (общ.)

ISBN 978-5-89059-271-2

Воплотившая в себе образ героя своего трагического времени — героя абсолютного поступка среди безнадежности, абсурда и богооставленности, — Симона Вейль (1909–1943) не только снискала славу великого религиозного философа, прошедшего путь от марксизма и атеизма до предельных форм христианского аскетизма, но и стала тем кьеркегоровским «рыцарем веры», парадоксализм мысли и действий которого стал своего рода фундаментом нравственного выживания европейской цивилизации после двух мировых войн. Первый русский перевод избранных «Тетрадей» Симоны Вейль, снабженный подробным историко-культурным и философским комментарием, наконец-то вводит это уникальное, равнозначное «Опытам» Монтеня и «Мыслям» Паскаля собрание идей, в российский интеллектуальный читательский обиход.

*Текст «Тетрадей» Симоны Вейль
печатается с учетом авторской пунктуации*

© Петр Епифанов, перевод, составление,
статья, примечания, 2016

© О. В. Панкратьев, статья, 2016

© Н. А. Теплов, дизайн обложки, 2016

© Издательство Ивана Лимбаха, 2016

Список используемых сокращений

- AD — Simone Weil. *Attente de Dieu*. P.: Fayard, 1966.
- CSW — *Cahiers Simone Weil*. Ежеквартальное издание, посвященное исследованию жизни, трудов и идей Симоны Вейль; выходит во Франции с 1978 г.
- CEC — Simone Weil. *Œuvres complètes* / Sous la dir. d'A. Devaux et F. de Lussy. P.: Gallimard. Издается с 1989 г.; на сегодняшний день вышло 7 томов, включающих 12 отдельных книг.
- P — Simone Weil. *Poèmes, suivis de «Venice sauvée»*. Lettre de Paul Valéry. P.: Gallimard, 1968.
- PG — Simone Weil. *La Pesanteur et la Grâce*. P.: Plon, 1991.
- Q — Simone Weil. *Œuvres* / Sous la dir. de Florence de Lusse. P.: Gallimard, 1999. (Collection «Quarto»).
- SP — Simone Pétrement. *La vie de Simone Weil (avec des lettres et d'autres textes inédits)*. P.: Fayard, 1997.
- ТБ — Симона Вейль. Тяжесть и благодать / Пер. с фр. Н. Ликвинцевой; сост., коммент. Н. Ликвинцевой, А. Шмаиной-Великановой. М.: Русский путь, 2008.
- Ф — Симона Вейль. Формы неявной любви к Богу / Пер. с фр. П. Епифанова и Н. Ключаревой; сост., вступ. статья, коммент. П. Епифанова. СПб.: Свое издательство, 2012.

Библия. Книги Ветхого Завета

- Быт — Первая книга Моисеева: Бытие
- Исх — Вторая книга Моисеева: Исход
- Лев — Третья книга Моисеева: Левит

Числ	— Четвертая книга Моисеева: Числа
Втор	— Пятая книга Моисеева: Второзаконие
Нав	— Книга Иисуса Навина
1 Цар	— 1 Книга Царств
Иов	— Книга Иова
Пс	— Псалтырь. Нумерация псалмов дается двойная: 1) по греческому переводу Семидесяти, церковно-славянскому (разных редакций) и Синодальному русскому переводу, и 2) по каноническому для иудаизма Масоретскому тексту Библии и сделанным с него переводам на новоевропейские языки (английской King James Bible, французскому Louis Segond и др.; этой нумерации придерживалась и Симона Вейль).
Притч	— Книга Притч Соломоновых
Прем	— Книга Премудрости Соломоновой
Еккл	— Книга Экклезиаста или Проповедника
Песн	— Песнь песней Соломона
Ис	— Книга пророка Исаии
Иер	— Книга пророка Иеремии
Иез	— Книга пророка Иезекииля

Книги Нового Завета

Мф	— Евангелие от Матфея
Мк	— Евангелие от Марка
Лк	— Евангелие от Луки
Ин	— Евангелие от Иоанна
Деян	— Деяния Апостолов
Иак	— Послание апостола Иакова
1 Петр, 2 Петр	— Первое и Второе послания апостола Петра
1 Ин, 2 Ин, 3 Ин	— Первое, Второе и Третье послания апостола Иоанна Богослова
Иуд	— Послание апостола Иуды
Рим	— Послание апостола Павла к Римлянам
1 Кор, 2 Кор	— Первое и Второе послания апостола Павла к Коринфянам
Гал	— Послание апостола Павла к Галатам

Ефес	— Послание апостола Павла к Эфесянам
Флп	— Послание апостола Павла к Филиппийцам
Кол	— Послание апостола Павла к Колоссянам
1 Фес, 2 Фес	— Первое и Второе послания апостола Павла к Фессалоникийцам
1 Тим, 2 Тим	— Первое и Второе послания апостола Павла к Тимофею
Тит	— Послание апостола Павла к Титу
Флм	— Послание апостола Павла к Филимону
Евр	— Послание апостола Павла к Евреям
Откр	— Откровение апостола Иоанна Богослова
LXX	— Греческий перевод Библии, т. н. Семидесяти толковников (Септуагинта).
СП	— Синодальный перевод Библии на русский язык (1876), и переиздания.
DK	— Die Fragmente der Vorsokratiker. Griechisch und Deutsch von Hermann Diels. Herausgegeben von Walther Kranz. Weidmannsche Buchhandlung, Berlin, 1910.
БАУ	— Брихадараньяка-упанишада
ИУ	— Иша-упанишада
КУ	— Катха-упанишада
КнУ	— Кена-упанишада
МУ	— Мундака-упанишада
МяУ	— Мандукья-упанишада
ПУ	— Прашна-упанишада
ЧУ	— Чхандогья-упанишада
ШУ	— Шветашвара-упанишада
БхГ	— Бхагавад-Гита

Условные обозначения

В примечаниях используются обозначения и номера тетрадей и страниц, принятые во французских и переводных изданиях «Тетрадей». Например, K1 — тетрадь I, K2 — тетрадь II, и т. п. Ki1 — неизданная тетрадь I (т. е. не вошедшая в первые издания, осуществленные издательством «Pion» в 1951–1954 и 1970–1974 гг.), и т. п.

Аббревиатура ms. с номером в квадратных скобках означает страницу рукописи оригинала.

[] — текстуальные вставки Симоны Вейль в свои прежние записи, продолжающие размышления над темой или пояснительные.

[...] — части текста в цитатах, выпущенные Симоной Вейль.

власть — курсивом выделяются слова и фразы, подчеркнутые в оригинале одной линией, а также некоторые понятия философии индуизма, приводимые Симоной Вейль на деванагари или в латинской транскрипции.

ТРУД — увеличенным шрифтом выделяются слова и фразы, подчеркнутые в оригинале двойной линией.

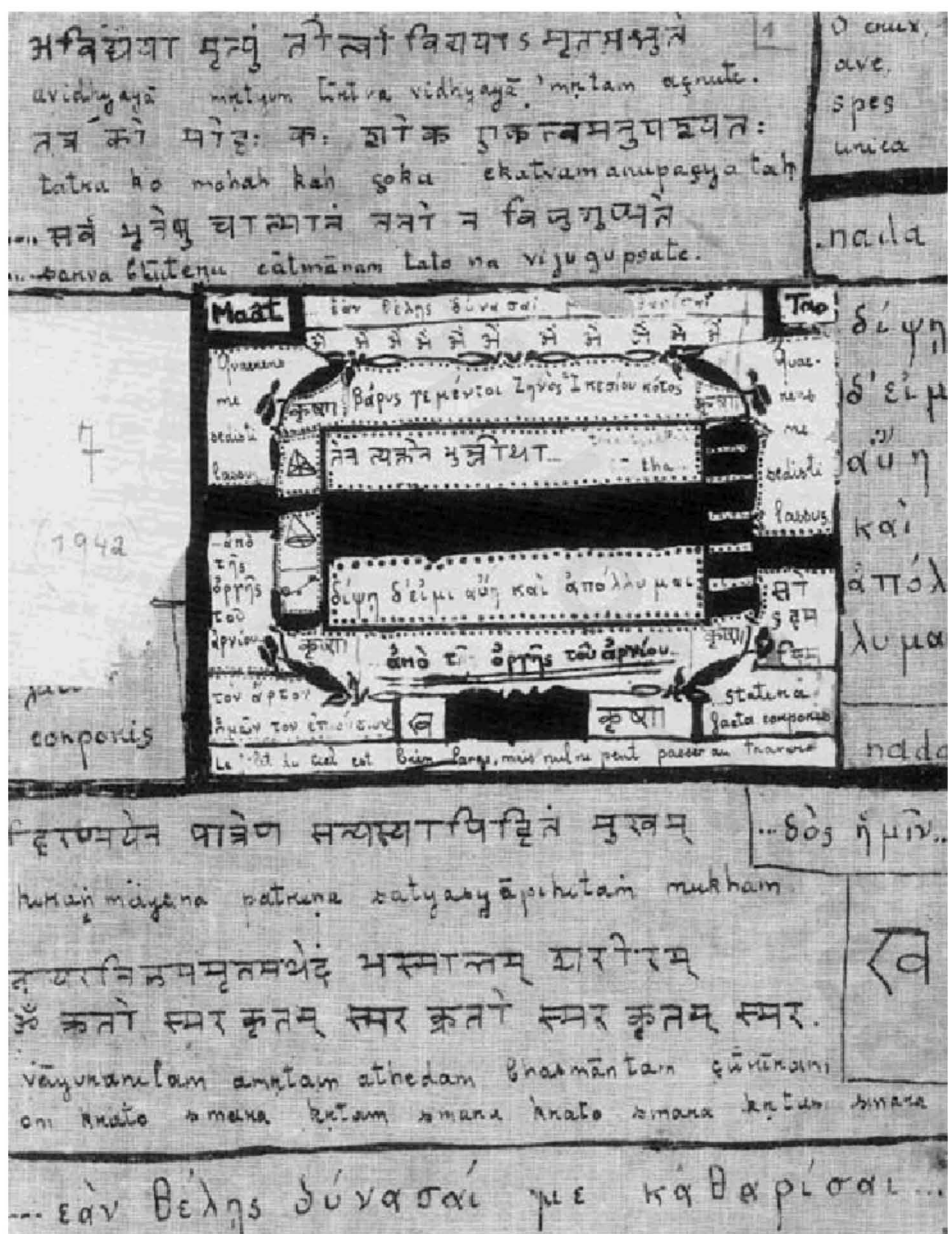
[] — пояснения переводчика, переводы иноязычных текстов.

<также>, Д<етёф> — дополнения текста, делаемые для большей связности; раскрытие сокращений имен.

(...) — фрагменты текста, выпущенные переводчиком. В основном, это заметки и записи по точным наукам, математические и физические формулы, или записи, повторяющие прежние.

По возможности воспроизводятся индивидуальные обозначения, применяемые Симоной Вейль, как фигурные: || ↑ † } и др., так и буквенные, с использованием латинского и греческого алфавита.

ТЕТРАДИ V-VII

Тетрадь V (K5)

Сен-Марсель д'Ардеш — Марсель,
24 октября — конец ноября (?) 1941

Тетрадь V была начата Симоной, когда она, получив расчет у месье Риё, перед возвращением в Марсель посетила еще раз Г. Тибона в Сен-Марсель д'Ардеш, где тоже получила заработанные в августе деньги и по приглашению хозяев осталась на несколько дней. При расчете Тибон сказал: «Я ведь знаю, куда вы потратите эти деньги» (ему было известно — вероятно от о. Перрена — что Симона раздает почти всё, что ей перепадает). Симона промолчала.

Содержание записей показывает, что почти все они сделаны в Марселе, многие — в размышлении над книгами, которые Симона получила посылкой из Парижа. По энтузиазму, с которым она штудировала Галилея и Д'Аламбера, чувствуется, что за три деревенских месяца она сильно соскучилась по привычной обстановке и привычным книгам. Она вернулась домой, как думала, ненадолго, до предоставления нового рабочего места в деревне, о чем ей должны были написать. Но расчетливые местные хозяева не склонны были нанимать на зимний период людей со стороны, ибо холода увеличивали расход на одежду, обогрев и питание работников. Вернуться к сельским трудам Симоне больше не пришлось. Романтическая мечта стать крестьянкой так и осталась мечтой. Но если бы она исполнилась, навряд ли что-то могло бы спасти Симону осенью 1942-го, когда немцы, целиком оккупировавшие Юг, при содействии французской жандармерии начали массовые депортации евреев в лагеря смерти. Благодаря гуманизму и мужеству многих простых крестьян, священников и абба-

тов, укрывавших евреев в монастырях, случаи спасения были нередки, но для Симоны, с ее внешностью, с ее прямым характером и свойством привлекать к себе внимание окружающих даже невольно, потаенное существование было бы крайне затруднено.

Тем временем родители Симоны продолжали настойчивые хлопоты о возможности выезда в США, куда письмами их постоянно звал Андре. Он был уже вполне сносно обеспечен жильем и работой в университете Лихай (Бетлехем, штат Пенсильвания). Вскоре, в феврале, он напишет родителям, что они с Эвелиной ожидают прибавления в семье. В хлопотах и ожиданиях (из-за огромного наплыва желающих получить визу и места на пароходе было весьма непросто) у Вейлей пройдут конец осени, вся зима и начало весны.

Жизнь, что называется, в подвешенном положении только стимулировала Симону в ее занятиях. В середине февраля она, прося извинить ее за продолжительное молчание, пишет Симоне Петреман: «У меня был период, когда я потеряла чувство времени». То же самое она повторила и в письме Тибону. На самом же деле именно ощущение ускоряющегося, ускользающего из рук времени и побудило Симону к весьма интенсивной работе. Она бралась за различные, далеко друг от друга отстоящие темы, по каждой из которых прочитывала всю литературу, которую у нее была возможность достать. Тетради зимы — весны 1942 года лишь частично отражают материал, проработанный и осмысленный за это время. Единичные беглые упоминания, например, не дают представления о том, как активно интересовалась Симона движением катаров, которому посвятила статью для «Cahiers du Sud». Лишь по касательной затронута в Тетрадах тема Проторенессанса в Южной Европе, чрезвычайно важная для ее концепции европейской истории¹³⁷⁸.

Лучше отражены другие темы: это размышления над Платоном и Гераклитом (о каждом из них Симона напишет по большой статье и проведет цикл публичных бесед в крипте доминиканского монастыря о. Перрена), над средневековой католической мистикой, над философией классической европейской науки, продолжающееся изучение источников индийской традиции, и т. п.

[ms. 1. Повторен тот же текст, что и в K4, ms. 1. Стихотворение Мелеагра «Весна» в переводе Симоны. Ср. K2, ms. 99, т. 1, с. 216.]

[ms. 2. Пустая страница.]

[ms. 3–24. Заметки и размышления над текстами Галилея, по изданию: Galilei G. Opere: 5 vol., Firenze, 1935¹³⁷⁹.]

[ms. 25. Пустая страница.]

[ms. 26] (...) Если наша эпоха разрушила внутреннюю иерархию, то как бы она могла оставить в покое иерархию общественную, которая есть всего лишь огрубленный образ <внутренней>?

Алгебра разрушает очистительное свойство математики, или, по меньшей мере, оставляет его разве что в моменте открытия, когда инварианты еще неименуемы (отсюда теория Шевалле¹³⁸⁰). Λόγοι ἄλογοι — вот где очищение¹³⁸¹.

Поклонение, с которым относился к вельможам народ XVII века (Лабрюйер¹³⁸²), было эффектом воображения, заполняющего пустоты; он иссяк, когда на смену пришли деньги. Оба эффекта низменны, но деньги — больше.

[ms. 27] Жизнь крестьян перестала быть похожа на жизнь, <описанную у> Гесиода всего лишь полвека назад (Θ_p¹³⁸³). Разрушение науки, такой, как ее понимали греки, <произошло> в тот же период. Деньги и алгебра восторжествовали одновременно.

Λόγοι ἄλογοι, инварианты неименуемые, побуждают к внутренней вертикальной иерархии.

Справедливость — один из таких инвариантов.

Мироздание — образ Бога, но этого нельзя сказать о мироздании, если его рассматривать только с одной точки зрения. В мироздании, рассматриваемом с одной точки зрения, равновесие и полнота могут быть разве что воображаемыми, с по-

мощью огромных усилий воображения, усилий опустошающих.

Мироздание, как его видит Бог, для человека — инвариант, не имеющий ни имени, ни формы.

[ms. 28–30. Выписки, комментарии Симоны к «Трактату по динамике»¹³⁸⁴ Ж. Л. Д’Аламбера.]

[ms. 31] Связь между абсолютным, поставленным не на своем месте, и противоречием. Ставя относительное на место абсолютного, мы впадаем в противоречие.

И обратно: если мы исходим из принимаемого противоречия (противоречия дурного рода, на том же уровне), мы встречаемся с абсолютным. Эйнштейн.

Ад как иллюзорный рай. Это не что иное как сладострастие. «Искусственный рай»¹³⁸⁵, замечательно сказано. Сладострастие (но не чистое удовольствие) — иллюзорное счастье. У чистого удовольствия есть свое место; оно может сопутствовать счастьем, но при этом не включает в себе иллюзии. Оно не кажется бесконечным; оно выглядит как имеющее свой предел.

Некоторые ищут царствия Божьего так, как будто это искусственный рай, всего лишь лучший из других искусственных раев. (...)

[ms. 32] (...) Предел мыслят как нечто, противостоящее извне тенденции к беспредельности. <Как> смещение предела и беспредельного.

Подчинив сном то, что принадлежит телу,
Он не спит и взирает на спящих. (...)
Золотой Пуруша, одинокий лебедь¹³⁸⁶.

Пустота. Те, кто делал ему зло, далеко, ему их не достать; те, кто рядом, сделали ему добро; он связан перед ними почти-тельностью, он им улыбается, всячески им угождает. У него все

это выходит ценой чрезвычайного усилия, но об этом никто не догадывается, так как его поведение выглядит естественным¹³⁸⁷.

|| *Λ Пустота*. Если человек нуждается в чрезмерном усилии, чтобы иметь поведение, которого от него ожидают как естественного, — в этом пустота, бездонная горечь.

[То, чего другие ожидают от человека в качестве естественного, соответствует действию силы тяжести в них. Если это не происходит¹³⁸⁸, пустота у них.] [ms. 33] (Так случается часто, ибо от человека ожидают, как естественных, действий и моделей поведения, соответствующих его положению в обществе, его кажущемуся характеру, той этикетке, которая на нем наклеена, а это не всегда для него бывает легко.)

Тогда начинает работать заполняющее <пустоту> воображение; последствия этого проявляются и удивляют подчас спустя уже долгое время.

Пустота — когда ничто из внешнего¹³⁸⁹ не соответствует внутреннему напряжению.

Пример: наказание в концентрационном лагере: перетаскивать тяжелый камень из точки В в точку А, потом из А в В, потом снова из В в А, и так в течение дня. Весьма большая разница с тем же усилием, прилагаемым при нормальной работе¹³⁹⁰.

Риё¹³⁹¹. В таких условиях... «год проработали, а ничего не заработали», только сохранение <на прежнем уровне>. — «Ну, хоть было, на что жить». — «Если бы я работал только чтобы жить, я не смог бы». — [Он не смог бы, «как отец Ж<акмен>, кланяться, делать все, что прикажут, собирая виноград по 8 часов в день». — «Ну, а если бы ты был вынужден, если было бы надо?» — «Если было б надо... хорошо, если было б надо, я б не стал заниматься этим. Я выкрутился бы еще как-то». Считает, что тех, кто ворует картошку, надо расстреливать. «Пусть просят, а то ишь чего, воровать». При этом: «чтоб ходить по-

бираться, это надо такой характер иметь». Так значит, он-то сам как бы поступил?]

Работать просто чтобы жить — для него означает работать впустую. «У меня бывает охота работать, только если я думаю, что от этого смогу размахнуться пошире». [А имеет якобы миллион [ms. 34] наличными (?), с которыми ничего не делает, так как ни в чем не меняет своего образа жизни; и еще полно земли.] Плачется на обязательные поставки винного спирта¹³⁹², из-за чего он зарабатывает не больше (правда ли это?), чем когда работал один и выделял 500 литров вина. «В таких условиях работаешь задаром».

Следует уничтожать пустоту насколько возможно — а этого совсем не делается — в общественной жизни, потому что пустота полезна только для получения благодати, но общество — это не общество избранных. А на долю избранных пустоты всегда хватит.

(...)

<Софокл. «Электра»>

<Электра>

О памятник того, кто всех любимей!

Душа Ореста — здесь... Увы, о том ли

Мечтала я, когда его спасала!

И вот держу в руках своих — ничто...

А уходил ты, милый мой, цветущим!

[...]

И вот вдали погиб ты, как беглец,

Без родины, без дома, без сестры.

Мне не пришлось любовными руками

Твой прах омыть. Увы! Я из костра

Не вынесла, как должно, скорбной ноши.

Чужими ты руками прибран был, —

Вернулся... горстью пепла в тесной урне!

Увы мне, бедной! Стало быть, напрасен

Был сладостный мой труд, когда, бывало,
Я нянчила тебя.

[...]

[ms. 35] Все умерло с тобою. Ты ушел
И все унес, как буря...

[...]

Прими, прими сестру в приют свой тесный!

Ничтожная, да перейду в ничто...

За гробом вместе будем жить! Ведь здесь

Одной мы жизнью жили... Умерев,

Хочу с тобой я разделить могилу.

Умершие не ведают скорбей!¹³⁹³

Отречение св. Петра. Сказать Христу: «А я останусь тебе верен», — уже было отречением от Него, ибо означало, что Петр полагает источник верности не в благодати, а в себе самом. Это благо, что, поскольку он был избран, отречение стало явным для всех и для него самого. А сколько у других творится такого бахвальства — и они так ничего никогда и не понимают.

(Пусть все мои отречения станут явны. Но пусть их будет меньше.)

|| Трудно быть верным Христу. Это означало верность *пустоте*. Куда легче быть верным до смерти Наполеону. Намного легче была позднее верность для мучеников; потому что уже была Церковь — сила, с данными ей обетованиями в земной истории¹³⁹⁴. Умереть можно за то, что сильно, но не за то, что слабо; или, по крайней мере, за то, что будучи в настоящий момент слабо, сохраняет ореол силы. Верность Наполеону на острове Св. Елены не была верностью пустоте. Когда умирают за то, что сильно, смерть теряет свою горечь. И в то же время — свою награду.

[ms. 36] Надо заново показать мир, — то, что в нем — пустота, — чтобы мир почувствовал нужду в Боге. А это предполагает и <наличие в нем> зла. Ὑπενάντιον ἀγαθῷ¹³⁹⁵.

В то же время, мир как явление Бога — полон. «То — полное, это — полное»¹³⁹⁶.

«*Vere tu es Deus absconditus*»¹³⁹⁷. И в то же время «они могли бы познать через мир, который Его являет»¹³⁹⁸. Мироздание являет и скрывает Бога.

| *Пустота*. Пустота есть высшая полнота, но человеку не дано права это знать. Доказательство — то, что от самого Христос в какой-то момент это было полностью скрыто. Одна часть меня должна это знать, но другая — нет, ибо если бы они знали это своим низким способом, пустоты здесь уже не было бы¹³⁹⁹.

Отстраняться от тех верований, что заполняют пустоты, подслащивают горькое. Вера в бессмертие. Понятие о полезности грехов, «*etiam peccata*»¹⁴⁰⁰. [Полезно только то, чтобы они были явны.] О провиденциальном порядке событий¹⁴⁰¹.

(Краткий обзор «утешений», которые часто ищут в религии.)

[Мадемуазель Риё, любуясь хорошей погодой, подходящей для уборки винограда: «Надо говорить: это так и положено»¹⁴⁰², но и — что это Господь все милостивый подает».]

Низшие части моего «я» тоже должны любить Бога, но не слишком. Иначе это будет не Бог.

Чтобы они любили так, как люди чувствуют голод и жажду. Но только самая высшая часть меня имеет право вкусить <этой любви> до сытости.

(Польза от голода и жажды.)

[ms. 37] | Христос нес на себе всю человеческую слабость, кроме греха. Но он обладал и тем, что делает человека способным на грех. Способным на грех делает человека пустота. Все грехи — попытки заполнить пустоту. Таким образом, моя полная нечистоты жизнь близка к Его жизни, совершенно чистой, и одновременно — к жизням самых падших людей. Как бы низко я не пала, я не стану от Него далека. Просто если я паду слишком низко, то я буду уже не в состоянии это знать. Я могу это

знать — в такой-то определенный день — только посредством благодати, полученной в этот день.

| Вещи, которыми наполняют пустоты, бывают реальными (доставляемыми извне), или взятыми из воображения, или то и другое сразу (улыбка Людовика XIV; деньги¹⁴⁰³). Можно было бы выстроить их по иерархии, от наиболее реальных — до самых воображаемых; среди последних и те, которые заключают в себе бесконечность.

Λ *Мотивы*. Мысли переменчивы; они подчиняются страстям, фантазиям, усталости. А деятельностью приходится заниматься постоянно, ежедневно, подолгу. Следовательно, должны быть мотивы, не поддающиеся мыслям, а значит, и соотношениям; мотивы абсолютные, идолы.

Находить идолы менее вредные.

Если не имеешь идолов, надо часто, каждый или почти каждый день, мучиться в пустоте. А это невозможно <вытерпеть>, не получив сверхъестественного хлеба¹⁴⁰⁴.

|| Итак, идолопоклонство является жизненной необходимостью для сидящих в <платоновской> пещере. Она неизбежно узко ограничивает понимание и доброту даже у лучших из них.

[ms. 38] | Послушание — вот единственный чистый мотив, единственный, который ни на каком уровне не предполагает компенсации действия, но возлагает все попечение на Отца, который втайне, который «видит втайне».

(...τῷ πατρί σου τῷ ἐν τῷ κρυφαίῳ...¹⁴⁰⁵

...ὁ πατήρ σου ὁ βλέπων ἐν τῷ κρυφαίῳ...¹⁴⁰⁶)

При условии, что это будет послушание необходимости, а не принуждению. (Ужасающая пустота у рабов.)

| Что касается добродетельных поступков, делать только те, от которых нельзя удерживаться; но непрерывно, посредством хорошо управляемого внимания, увеличивать число таких поступков, которых нельзя не делать.

Каждый раз, когда замечаешь у другого проступок, спрашивать себя, не допускаешь ли ты его сам; но спрашивать себя и о том, допускаешь ли ты проступки (какие-нибудь из проступков) противоположные и эквивалентные.

Два высказывания X¹⁴⁰⁷: «Смерть — ничто, ужасна была бы только внутренняя смерть. Мы в течение нескольких месяцев приучали себя жить так, как будто нам вот-вот пришлось бы умереть». И потом: «Что касается ***, то я бы его не потерпела. То есть, сама по себе я могу его терпеть; я всё стерплю. А ради других я бы его не потерпела». (Софизм Уголино¹⁴⁰⁸.)

| Собрать различные формы (с подлинными примерами) софизма Уголино.

| Л_p Почему как только человек заверяет, что немного или много нуждается в другом, этот другой сразу отдаляется? Я часто это испытывала, занимая то первое, то второе место в этом отношении. *Сила тяжести*.

Время, необходимо нужное для такого-то дела (например, потраченное на установление контакта между двумя людьми), и время, которое предоставляют обстоятельства. Эти две хронологии очень часто между собой не согласуются.

| Композиция, согласованная на многих уровнях, неявно и проявляет себя только в отношении целого.

Прежде чем встать туда, откуда эта композиция воспринимается (не в чувственной сфере, но в более высокой части человека¹⁴⁰⁹), надо прочувствовать, в какой точке ее не существует. А если посредством воображения и обмана соорудить себе ложную композицию, никогда не доберешься до настоящей.

Из двух человек, не имеющих опыта Бога, тот, кто Его отрицает, может быть, ближе <к Нему>¹⁴¹⁰.

[ms. 40] Ложный Бог который похож на настоящего по всему, кроме того, что его нельзя коснуться, никогда в жизни не даст подступить к настоящему.

«Сто возможных талеров» Канта¹⁴¹¹. Так и Бог.

Верить в Бога, который по всему похож на истинного, за исключением того, что он не существует, ибо его нет там, где существует Бог.

«Делать добро». «Делая добро» (материально, морально, как угодно), несчастному (одному из тех, кому несчастье изгрызло душу), мы уменьшаем его нынешнее несчастье, но рискуем увеличить его несчастье прошлое. Как он сможет его одолеть?

Как исцелить ушедшие годы?

Это сверхъестественно.

Если мы этого не достигаем, его неблагодарность законна.
(«Дикарка» Ануя¹⁴¹².)

[Если несчастный, которому пришли на помощь, полагает всё свое благо в благе другого... Но тогда он дорого платит; для этого нужно, чтобы сохранялась дистанция¹⁴¹³.]

Λρ ? Невозможно вести другого вверх по ступеням силы, кроме как только сверхъестественным образом.

| Горы, пирамиды, изгибы статуй — всё это столь прекрасно; это именно те вещи, которые являют силу тяжести.

Безобразные, вульгарные, постыдные дела, преступления — не будут ли и эти вещи прекрасными, если прочесть в них другую силу тяжести?

[ms. 41] Не думать, что мы у нас есть права. То есть, не скрывать, не искажать справедливость, но и не считать, что можно с полным правом надеяться на ход вещей сообразно справедливости; и тем паче, что и сами мы будем справедливы.

| Наложение по вертикали.

Есть дурной способ считать, что у нас есть права, и есть дурной способ считать, что у нас нет прав.

Следует всегда рассчитывать на то, что дела пойдут соответственно действию силы тяжести, без вмешательства сверхъестественного.

Надо быть признательными, если с нами поступили по справедливости.

И наоборот, единственное добро, которое надо стремиться делать другим, это обращаться с ними по справедливости.

Чтобы испытать чистую благодарность (оставляя в стороне случай дружбы), я должна думать, что со мной обходятся хорошо не из жалости, не по симпатии, не по прихоти, не в порядке одолжения или привилегии, не по естественному проявлению темперамента, но из желания сделать то, чего требует справедливость. Значит, поступающий со мной таким образом желает, чтобы каждый, кто находится в его положении, поступал так с каждым, кто находится в моем положении. (Но совсем не является необходимым заставлять это делать, ибо такое принуждение может иметь больше опасных, нежели полезных последствий.)

Вот в таком случае благодарность будет чиста и счастлива, это будет любовь, сопровождаемая желанием не воздать за добро равным, но подражать ему. А если и возникнет желание чем-то услужить, то оно будет вызвано лишь только [ms. 42] восхищением.

Любая другая форма благодеяния в чем-то унижает и благодетеля, и того, кому оказано благодеяние.

Ошибка (в обе стороны) в этих случаях делается относительно уровня. Почти всегда справедливость ставят очень низко.

Любая ошибка относительно уровня производит два ошибочных мнения, которые противоположны и эквивалентны друг другу.

(Истину или отрицают, или утверждают, придавая ей такой смысл, при котором она перестает быть истиной.)

☹¹⁴¹⁴ Бóльшая чистота физического страдания. Отсюда бóльшее достоинство в поведении простого народа¹⁴¹⁵.

Следствия страдания слишком большого и <переносимого> без <помощи> благодати: Овидий. Уайльд. Ван Гог.

Однообразное страдание по истечении определенного времени становится нестерпимым, поскольку истощается энергия, которая давала силы его выносить. Итак, неправда, что уже миновавшее страдание ничего не значит.

|| Трагедия тех, кто, по любви к добру став на путь, где надо страдать, в определенный срок достигают своего предела и теряют доброе в себе¹⁴¹⁶.

| [ms. 43] Невозможно (особенно с моим складом, когда изнурение сбивает с ног сразу) в такой-то момент точно знать наперед, что днем или часом позже не окажешься на пределе, когда вся энергия истощится. Никогда про это не забывать.

Сверхъестественный хлеб. Может быть, это условие, при котором ты достигнешь предела и почувствуешь это.

При достижении предела не обманывать себя, продолжая работать безоглядно.

| В несчастье есть такая точка, когда человек уже не способен вынести ни его продолжение, ни избавление от него.

Два моих врага: усталость и отвращение (физическое отвращение от некоторых вещей). Оба почти непобедимы; в некоторых обстоятельствах они могут моментально свалить меня так, что я паду очень низко. Следить за этим.

|| Л «Так страдать *невозможно*»¹⁴¹⁷. Это чувство невозможности есть чувство пустоты. Оно сопутствует всякому подлинному страданию, оно пронзает, лишь только заполняющее воображение на какой-то момент останавливается. Отсюда еще

чувство ирреальности в несчастье. *Это неправда, потому что это невозможно.* Это невозможно, потому что для меня невозможно это вынести. Но что такое: выдержать? Support¹⁴¹⁸. Это значит: быть в равновесии.

Λ Искать соотношение между пустотой и тем, как течет время.

[ms. 44] Не забывать, как в определенные моменты моих головных болей (когда кризис нарастает, но прежде высшей его точки) у меня возникало сильное желание мучить кого-то другого, бить его прямо в это самое место лба.

Аналогичные желания, весьма нередкие у людей.

Много раз в этом состоянии я, по меньшей мере, поддавалась искушению говорить оскорбительные слова. Послушание силе тяжести: самый большой грех, или один из самых. Искажается сама функция языка — выражать отношения между вещами.

Считать все свои грехи простым проявлением человеческой немощи — немощи, общей для всех, включая Христа — только это позволит рассматривать их непосредственно, сняв завесы. Иначе не хватит сил, и обман будет закономерен, неизбежен.

И наоборот: считая так, не будешь никого презирать.

Приговоренные к смерти, которых видела в России и сфотографировала Элла Майяр в момент, когда все они одновременно низко опустили головы, услышав приговор¹⁴¹⁹.

[ms. 45] Действие силы тяжести.

Эти действия силы тяжести в моменты больших несчастий, отчасти комичные, отчасти отталкивающие, всё делают маленьким. В зрителях они почти совсем заглушают жалость; они препятствуют тому, чтобы у зрителя возникало впечатление не-

счастья, впечатление, которое, напротив, создает несчастье фиктивное, где сила тяжести отсутствует.

Несчастный, не находя ни жалости, ни сочувствия, не понимает, почему так. Он думает, что на месте зрителей он имел бы жалость к страдальцу, ибо, воображая себя на их месте, он представляет себе воображаемое несчастье, где ничто не возбуждает жалости. И главной эмоцией, когда с человеком обращаются жестоко, является изумление. *Почему* со мной так поступают? Это изумление длится долго, и когда приятие наконец сменяется изнурением, это также становится приятием того, что не поддается пониманию.

Это можно проиллюстрировать множеством испанских историй.

А еще — отсутствие силы тяжести в фантазии, которая представляет зло интересным и соблазнительным, а добро — скучным. Потому что если нет силы тяжести, то добро представляется как бы автоматическим, а зло непредсказуемым, обольстительным, и этим нравится. Присутствие силы тяжести являет все это в противоположном свете.

|| Идущий человек — что может быть обыденней? Но если он идет по воде, это уже необычно. Такова в человеке разница блага фиктивного и реального.

[ms. 46] Сила тяжести в эпосе, в трагедии (Софокл, «Федра»¹⁴²⁰, Шекспир) — торжество гения.

Проблема: действия силы тяжести, соответственно ситуации, будучи представлены в произведении искусства, не вызывают у зрителя (слушателя, читателя) коррелятивных действий силы тяжести. Это сверхъестественно.

Самое великое искусство сверхъестественно.

Значение формы, ритма, церемонии?

Повиновение: их два. Можно повиноваться силе тяжести, а можно — соотношениям вещей. В первом случае, делается то, на что толкает воображение, заполняя пустоту. К этому можно приклеить любую этикетку, даже «благо» или «Бог», и най-

дуются те, кто поверят. Если же остановить работу заполняющего воображения, и приложить внимание к соотношению вещей, нам откроется необходимость, которой невозможно не повиноваться. | До этого момента мы не имеем ни понятия о необходимости, ни чувства послушания.

Будь даже это послушание совершенным (а оно таким почти никогда не бывает), нельзя гордиться тем, что мы его осуществляем — во всяком случае, в то время, когда это происходит — потому что мы только и делаем на свете, что повинемся; даже если творим чудеса.

** То, что выполняется чистым повиновением, каковы бы ни были при этом усилия и труды, не вызывает потребности в компенсации.*

(И все же она нужна в один особенный момент — в момент смерти старого человека. *Старика убивает <сознание> того, что он всю жизнь проработал вхолостую.*)

[ms. 47] Подобно этому, некое простое соотношение, в тот момент, когда мы постигаем его во всей его простоте, хотя бы это представляло собой необычайное открытие, не производит ни малейшей гордости. Ампер¹⁴²¹.

Посвящая себя другому человеку или великому делу, перенося ради этого любые труды, — если мы делаем это, в чистом виде повинаясь ясному видению соотношения вещей, повинаясь необходимости — мы решаемся на это без усилия над собой, хотя выполнение этого потребует и больших усилий. Мы не можем поступить иначе; и в результате не наступает никакого переворачивания, не возникает никакой пустоты, которую надо наполнять, никакого стремления к компенсации¹⁴²², никакой злобы, никакого снижения.

Ответ бретонского юнги журналисту, который спросил, как он смог это сделать: «Fallait bi»¹⁴²³. Самый чистый героизм. (В простом народе он встречается чаще, чем где бы то ни было.)

Необходимость. Рассматривать соотношения между вещами, и саму себя, включая цели, которые я ношу в себе, в качестве одного из членов. Исходя из этого действие получает свой естественный результат.

Глыба загораживает дорогу, по которой нам надо спешно проехать. Мы не хотим, для нас неприемлемо, чтобы она здесь лежала. Мы набрасываемся на нее, пытаюсь оттащить с пути. Тратим большие силы, отдавая их ради фиктивного представления, что глыбы здесь нет. Или поступим иначе: рассмотрим глыбу, себя, свое желание пройти. Глыба — перед нами, но она не есть всё. Этот момент остановки позволит нам <обдумать, как можно> использовать не прямое действие и рычаг. Тому, кто пытается сдвинуть глыбу с места, зачастую это удастся. [ms. 48] Но если он потерпит неудачу, выбившись из сил, глыба будет казаться ему абсолют, с которым невозможно справиться. А того, кто использует рычаг, даже если ему и не удастся сдвинуть глыбу, она уже не будет абсолют; он подумает, что у него это могло бы получиться при таких-то и таких-то условиях...

«Если б я знал (например, что Людовик XIV на меня даже и не взглянет), я не стал бы делать то-то и то-то». У тех, кто повинуеться только необходимости, такой мысли не возникает. Эти люди делают не в долг.

Человек может вырваться из-под действия законов этого мира разве что на мгновение. Моменты остановки, взгляда, чистой интуиции, мысленной пустоты, принятия моральной пустоты. Именно благодаря этим мгновениям бывает возможно сверхъестественное.

Кто переносит некоторое время пустоты, тот или получает сверхъестественный хлеб, или падает. Риск страшен, но на него надо идти, даже когда в какой-то момент пропадает надежда. Но в него не следует бросаться. (Второе искушение¹⁴²⁴.)

Пройти через смерть.

Невозможность перенести то, что есть. Однако на самом деле мы это переносим, поскольку это есть. Напряжение всего существа перед непосредственным будущим, ближайшим моментом, когда, как нам кажется, этого больше не будет. Бельгийцы, которые, после года войны, ожидают, что она счастливо завершится на следующей неделе¹⁴²⁵.

«Я не могу этого выносить, *значит*, это пройдет».

Будущее — заполнитель пустот.

Или наоборот (как я при головных болях [ms. 49] в 1938): человек не в силах думать, что несчастье может пройти, поскольку мысль об избавлении принуждает думать о несчастье более трезво. Проститутки, которые не хотят избавиться от своего положения, и т. п. Воины, которые от страдания доходят до нежелания мира. («Илиада»¹⁴²⁶.)

Крайнее страдание производит одно или другое воздействие. (Сначала, без сомнения, первое — а потом второе?)

Λ_p | В тех городах, где случилось массовое освобождение рабов, оставшихся никак нельзя было принудить к повиновению. (Многочисленные примеры). Еще накануне возможность неповиновения не могла прийти им на ум, так как это дало бы им слишком остро почувствовать свое несчастье. Но начиная с этого момента им казалось невыносимым сохранять повиновение хотя бы еще на один день.

А при этом реально ни в положении их господ, ни в положении их самих ничто не изменилось — только в воображении.

Будущее как заполнитель пустот. Иногда и прошлое играет эту роль. (Я был..., я сделал...) [Возможно ли воображаемое прошлое? Может быть, в таких случаях оно всегда воображаемое? Кто знает.] В других случаях несчастье делает мысль о прошлом нестерпимой; оно лишает несчастного его прошлого. (Или это одни и те же случаи?)

Будущее. Думают, что то-то придет завтра, до самого момента, когда начинают уже думать, что оно не придет никогда. Две мысли немного смягчают несчастье: или что оно пройдет почти немедленно, или что оно не пройдет никогда. Или невозможность — или необходимость. Но не [ms. 50] могут думать, что оно просто *есть*. Вот это уже невыносимо.

«Это невозможно»; невозможно помыслить будущее, где несчастье будет продолжаться. Естественный порыв мысли к будущему остановлен; человек терзается в самом чувстве времени.

«Да сможем ли терпеть неделю, месяц, год...»¹⁴²⁷

Желание есть устремление мысли в будущее. Будущее, которое не содержит ничего желательного для нас, НЕВОЗМОЖНО.

Страдания не бывает вне соотношения между прошлым и будущим, но что реальнее для человека, чем это соотношение? Оно — сама реальность.

Человек, который не может вынести мысли ни о будущем, ни о прошлом, унижен до состояния бездушного вещества. «Белые» русские на заводе Рено¹⁴²⁸. Так можно приучиться быть покорными как бездушное вещество; впрочем, несомненно, они каждый день будут сочинять себе прошлое и будущее — короткое и ложное¹⁴²⁹.

|| Невозможно представлять, что несчастье не возвышает. Думая о несчастном, мы думаем о его несчастье. Но несчастный не думает о своем несчастье, он любит его, до краев заполняя <мысль> любым ничтожным облегчением, к которому он мог бы стремиться.

Для того, чтобы человек был в силах рассматривать несчастье, когда он сам в него впал, <ему> нужен сверхъестественный хлеб.

Раздробленность времени у преступников и проституток; то же самое у рабов. Значит, это [ms. 51] является характерной чертой несчастья.

У тех, чей город разрушили, а их самих увели в рабство, нет ни прошлого, ни будущего; каким предметом могут они заполнить свою мысль? Самообманами, да еще самыми ничтожными, самыми жалкими притязаниями — готовые, может быть, скорее пойти на мучительную казнь за кражу курицы, нежели умереть в битве за родной город. Это даже определено так; и нет необходимости в каких-то безумных казнях. Сами наказания, которым подвергают рабов, таковы, что риск их получить — не возвышает.

Или же¹⁴³⁰ надо быть в состоянии выдержать *пустоту* в мыслях.

| Никто не жалеет раба; значит, он не может распространять вокруг себя зло, которое терпит сам, иначе, как собственной озлобленностью; ибо побудить другого к состраданию он не в силах.

Ниже некоторого определенного уровня это желание разливать зло вне себя пропадает, и несчастье становится сладким. Черные рабы. (По сравнению с нищими неграми Нью-Йорка в ту же эпоху...) Когда твое изумление тем, как жестоко с тобой обращаются, не находит никакого ответа, ты начинаешь чувствовать себя странным образом созданным для этого жестокого обращения. Когда изумление превышает само страдание. Индейцы в XVI веке¹⁴³¹. Когда изумление отнимает чувство ориентации во времени, будущее и прошлое, даже близкие, поистине пропадают. Человек становится смирным, как вещество.

Во время приступов головной боли, пока кризис нарастал, я находилась в первом из этих состояний; во втором — начиная с [ms. 52] момента, когда он почти достигал высшей точки. Это происходило каждый раз одинаково¹⁴³².

Желание ударить другого в ту же точку лба. Это желание, чтобы кто-то другой страдал в точности так, как ты. Именно поэтому (кроме периодов социальной нестабильности) бедняки вымещают озлобленность на таких же, как они сами.

Это один из факторов социальной стабильности.

Казанова¹⁴³³. Отказывается от замыслов бегства из благодарности к тем, которые, без суда заключив его в тюрьму, после трех недель одиночного заключения дали ему бумагу и карандаш. Признательность как феномен силы тяжести.

Проявления взаимной злобы между бедняками; среди двух, из которых один унижен хотя бы на малую толику меньше другого, каждый смотрит на другого с желчью, так как каждый из двух является причиной унижения для другого.

? *Описание феноменов силы тяжести в социальной жизни. Что другое важнее <этого>?*

? | Жизнеспособно ли общество, в котором безраздельно правила бы одна сила тяжести, или наличие хотя бы толики сверхъестественного является жизненной необходимостью?

В Риме, возможно, действовала одна сила тяжести.

Может быть, у евреев тоже? У них и Бог был *тяжек*¹⁴³⁴.

При этом повсюду есть *самттва*¹⁴³⁵.

| [ms. 53] Вся энергия на Земле идет от Солнца, кроме энергии силы тяжести. Всё — комбинация солнечной энергии и силы тяжести (речь не идет о сверхъестественном хлебе).

Уподобить законы небесного мира земному притяжению (Ньютон) поистине было нечестием.

Тем более что наука, произошедшая от Ньютона, обанкротилась.

(...)

Желание есть неукротимая сила, устремленная в будущее; если на его пути встают преграды, оно меняет направление (как

скоро — зависит от темперамента); в тех стесненных судьбах, где оно в состоянии переместиться разве что на предметы ничтожные, оно сужает душу.

В тюрьме Лозен больше думал о своем звании капитана мушкетеров, чем о свободе¹⁴³⁶. Посредством какого механизма?

[ms. 54] Люди мечтают о том, чтобы вернуть конкретные обстоятельства некоего утраченного блага, знаки, в которых они могут прочесть это благо. Заполняющее пустоты воображение прилепляется к знакам, а не к обозначаемому, которое не является предметом воображения.

| Свобода как таковая не есть предмет воображения.

| Люди читают реальные, не воображаемые знаки. Когда воображаемы сами знаки, обозначаемое пропадает совсем. Оно может быть мыслимо только тогда, когда мы воспринимаем его под таким-то именем и в такой-то форме. Вот чего судьба может лишить: лишить связи между знаком и обозначаемым, лишить возможности читать эти связи. Это на самом деле дорого.

|+ Все, что реально — настолько реально, чтобы можно было прочитывать его на разных уровнях — не содержит в себе вины или зла.

Заполняющее пустоты воображение лживо по самой сути. Оно исключает третье измерение, потому что иметь три измерения могут только реальные объекты. Оно исключает множественность соотношений.

Не следует искать пустоты, ибо это значит искушать Господа о сверхъестественных хлебах, чтобы ее заполнить. Второе искушение Христа¹⁴³⁷.

И тем более не следует бежать от пустоты. Первое искушение¹⁴³⁸.

Притча о лукавом домоправителе. Скорбь посылается от Бога. Но раз уж вы всеми средствами стараетесь от нее избавиться, то избавьте от нее и других.

? || [ms. 55] Попытаться определить вещи, которые, происходя в действительности, в некотором смысле остаются воображаемыми. Война. Преступление. Месть. Крайнее несчастье.

Те, что не допускают многообразного прочтения.

† ПРЕСТУПЛЕНИЯ В ИСПАНИИ СОВЕРШАЛИСЬ НА САМОМ ДЕЛЕ, НО ПРИ ЭТОМ БЫЛИ ПОХОЖИ НА ПРОСТЫЕ БАХВАЛЬСТВА.

Реальности, не имеющие других измерений, кроме сна. Плоскости.

Во зле, как в сновидении, нет многообразного прочтения; отсюда простота преступников. Простота высшей добродетели объясняется высшим единством.

Простота, но и паясничанье преступников —
действие с помощью восполняющего воображения.

Чтение. Чтение — вне определенного качества внимания — повинуется силе тяжести.

Мы читаем мнения, внушенные силой тяжести.

При наивысшем качестве внимания мы прочитываем и саму силу тяжести, и различные системы возможных равновесий.

Любить истину означает <быть в состоянии> выдержать пустоту и, следовательно, принять смерть. Истина находится рядом со смертью. Любить истину всей душой невозможно без муки.

Преступления в Испании. Это похоже на сны плоскости, с двумя сторонами: стороной палача и стороной жертвы. Что ужаснее, чем умереть в состоянии кошмара?

[ms. 56. Формулы движения под действием толчков по Д'Аламберу.]

[ms. 57] Система Евдокса, позволяющая приравнять отношение между количествами веса к отношению между количествами времени и т. д. — как считают возможным не говорить об этом при обучении?

Это рациональные отношения — 3 часа по отношению к 2 часам будет столько же, сколько 3 кг по отношению к 2 кг — в сущности понятие то же, но скрыто за цифрами. В Ревилле я обнаружила определение Евдокса¹⁴³⁹, еще его не зная, когда пыталась объяснить Марселю Лекарпантье¹⁴⁴⁰, что такое отношение.

Для рациональных отношений — самое простое, использовать равенство. Если у нас есть одна масса 3 кг и другая в 2 кг, чтобы их уравновесить, надо первую умножить вдвое, а вторую втрое. Таким же образом...

Определение Евдокса покоится на неопределенном ряде неравновесий. Подход через равенство не соответствует ни одному числу. (В этой идее есть что-то головокружительное.)

Форма идеи несоизмеримых. Если имеется два ящика, наполненных чугунами кубическими гирьками, такими, чтобы сторона у самой большей из них равнялась диагонали грани у самой меньшей, — мы *никогда* не создадим равновесия, распределяя их (и не смешивая) на двух платформах симметричных весов, какое бы число гирек ни положили¹⁴⁴¹.

Невозможность равновесия; какой замечательный символ! Невозможность не только выполнить, но даже *именовать* — ἄλογος — не удивительно, если бы это сделалось чем-то выше всяких мистических упражнений.

Поскольку таким образом можно уравнивать отношения между двумя абсолютно разными парами величин, можно надеяться и на то, что понятие отношения применимо также и к психологическим и духовным феноменам.

Пропорция и идея посредничества в Евангелии.

Аксиому о четвертом пропорциональном можно найти в истории об измерении <высоты> пирамид Фалесом¹⁴⁴².

[ms. 58] *Два равных отношения, которые варьируются, оставаясь при этом равными, — вот идея функции.*

Если два отношения составляют пропорцию с тремя членами (среднее пропорциональное), образом этой вариации будет парабола (если первый член остается постоянным).

*Прочитывать функции во всем*¹⁴⁴³. Тени. Анаксимандр — изобретатель гномона¹⁴⁴⁴.

Характерно, что эти неименуемые отношения, однако, воспринимаются чувствами. Природа делает их доступными для чувств (через свойства пространства).

Математику пространства, в отличие от математики числа, можно использовать применительно к вселенной со всей точностью, отнюдь не приблизительно.

Но идея Анаксимандра — неравновесия, которые взаимно компенсируются в неопределенности¹⁴⁴⁵, образы равновесия — напоминает это неименуемое равенство, что определяет неравенства; напоминает методы последовательного приближения...

Зрелище моря.

Колебания, компенсирующие <друг друга>.
(Действие и противодействие...)

Предел — то, что всегда переступается, но понуждает делать компенсирующее колебательное движение.

[ms. 59] *Движение по кругу — образ колебания, не ограниченного пределом (соответствие возвратно-поступательному движению).*

«Естественное место» — вот центральная точка, вокруг которой и совершается колебание.

Ни одно тело *никогда* не занимает свое «естественное место».

Истина есть неименуемый (ἄλογο¹⁴⁶⁶) пункт, относительно которого можно расположить все возможные мнения по <данному> предмету, поместив их на их законные¹⁴⁴⁷ места.

Вместо: всякая кривая, проходя с одной стороны на другую сторону прямой, пересекает ее, — аксиома о множествах. Преимущество в том, что это приложимо ко многим разновидностям величины.

Однако лучше было бы изложить аксиомы в этом роде для многих разновидностей величины (сформулированные конкретно для каждого случая), и дать имена тем разновидностям величин, для каждой из которых можно сформулировать АНАЛОГИЧНУЮ аксиому.

Галилей допускает эту аксиому для скоростей (невозможно перейти из состояния покоя <сразу> к конечной скорости), как истинную не только математически, но и физически. Он использует ее также для установления принципа инерции.

Она также подразумевается, применительно к физике, в понятии равновесия у Архимеда.

|| Аксиомы суть фактически очевидные отношения.

Это истины в действительности априорные.

[ms. 60] *Такая-то вещь В ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ невозможна.*

Наука. Пытаться постичь всё, что не исполняется — как невозможное (возможное при других условиях). Невозможность всегда условна (*если* три отрезка составляют треугольник...)

† A priori и a posteriori различаются не так, как сказал об этом Кант¹⁴⁴⁸.

Логика

Перечислить истины, имеющие такую природу, что, утверждая их, мы их разрушаем (например, благодать, содержащаяся <даже> во грехе), ибо они не являются истинными в плоскости мнений, которые мы утверждаем (в этой плоскости истинно противоположное), но в некой более высокой. Их под силу воспринять в качестве истинных только умам, способным мыслить одновременно на разных уровнях, каждый из которых не общается с другим. (...)

Не «использовать всю власть, которую имеем в распоряжении»¹⁴⁴⁹, значит, сносить пустоту.

Возможно ли добровольное принятие пустоты в отношениях между человеческими коллективами?

Глыба на дороге¹⁴⁵⁰. Ухватиться за нее с силой, так, как будто от определенной интенсивности нашего желания (ведь усилие — не что иное, как желание) она исчезнет. Или пробраться через нее, как если бы [ms. 61] нас самих не существовало.

Мыслить вместе, одновременно, о существовании, и о глыбе как ограниченной вещи, и о себе тоже как о существе ограниченном, и об отношении между мною и ей: рычаг. Но если просто использовать рычаг, не делая этого соотношения, любое усилие будет бесполезно.

Надо отрешиться от своего желания, чтобы, методом транспозиции, понять эквивалентность двух действий: опустить <рычаг> и <поднять> глыбу. (...)

Гесиод¹⁴⁵¹:

Скрыли великие боги от смертных источники пищи¹⁴⁵².

(Объяснение, почему стал необходим труд. Ради наказания <за> Прометея.)

Пей себе вволю, когда начата иль кончается бочка,
Будь на середке умерен; у дна же смешна бережливость¹⁴⁵³.

Лишь на востоке начнут всходить Атлантиды-Плеяды,
Жать поспешай; а начнут заходить — за посев принимайся.
На сорок дней и ночей совершенно скрываются с неба
Звезды-Плеяды, потом же становятся видными глазу
Снова в то время, как люди железо точить начинают¹⁴⁵⁴.

[ms. 62] ...недолго тогда при сиянии солнца
Над головами рожденных для смерти людей совершает
Сириус путь свой, но больше является на небе ночью. [...]
Самое время готовить из дерева нужные вещи¹⁴⁵⁵.

[На полях:] осень

Жарко подземному Зевсу молись и Деметре пречистой...¹⁴⁵⁶

Только лишь царственный Зевс шестьдесят после солнворота

Зимних отмеряет дней, как выходит с вечерней зарею
Из океанских священных течений Арктур светоносный
И в продолжение ночи все время сверкает на небе (1).
Следом за ним, с наступившей весною, является к людям
Ласточка-Пандионида с звенящею, громкою песнью;
Лозы подрезывать лучше всего до ее появления¹⁴⁵⁷.
(весна)

[На полях:] 1 марта, когда стемнеет, Арктур восходит на востоке. В середине февраля он еще не виден. Итак, он появляется спустя два месяца после зимнего солнцестояния.

В разгар лета Гесиод желает отдыха в тени под скалой, лепешку, козьего молока, вина, воды из родника, мяса — телячьего или овечьего¹⁴⁵⁸.

Только начнет восходить Орионова сила, рабочим
Тотчас вели молотить священные зерна Деметры.
[...] И тогда пусть рабочие отдых
Милым коленям дадут и волов отпрягут подъяремных.
Вот высоко середь неба уж Сириус стал с Орионом,
Уж начинает Заря розоперстая видеть Арктура:
Режь, о Перс, и домой уноси виноградные гроздья¹⁴⁵⁹.

(Собранный виноград держать в течение 10 дней на солнце, 5 дней в тени¹⁴⁶⁰.)

После ж того, как Плеяды, Гиады и мощь Ориона
Станут на западе, — помни, что время посева настало.
Вот как дели полевые работы в течение года¹⁴⁶¹.

[ms. 63] Глыба на пути. Желание побуждает человека наброситься на нее, чтобы пройти по ней, как по телу врага, которого он хочет уничтожить. Но ведь это не сама глыба причиняет нам досаду, но ее положение и то, что держит ее в этом положении, — сила тяжести. Но можно воспользоваться той же самой силой тяжести, чтобы переместить глыбу.

Когда человек применяет рычаг, само его желание иное, <чем в первом случае>.

Этот пример трудно использовать в построении аналогий, так как следует прилагать его, относительно каждого человека, к тому, что желает именно он.

Надо прилагать его ко всем желаниям.

Λ Желание перепрыгивает во времени через промежуточные звенья¹⁴⁶². Чтобы мыслить промежуточные звенья, надо выдерживать *пустоту*.

Λ Некая удивительная тайна, связанная с могуществом *социального* <фактора>: средним людям их профессия дает, относительно связанных с ней предметов, такие способности¹⁴⁶³, которые, если бы они распространялись на все ситуации жизни, сделали бы их святыми или героями.

Но сила социального фактора делает так, что эти способности существуют как *естественные*¹⁴⁶⁴. Кроме того, они нуждаются в компенсации.

Колебания. В природе имеются как феномены, предполагающие колебания, так и те, что их не предполагают. Колебаний не происходит при передаче теплоты от теплого тела холодному. Феномен притяжения часто осуществляется без видимых колебаний, а часто и с колебаниями. В этом различие между двумя энергиями¹⁴⁶⁵. (...)

[ms. 64. Продолжение рассуждений о колебаниях.]

[ms. 65] (...) Хотели свести тепловую энергию (не-колебательную) к механической; тогда то несводимое, что полагали возможным свести, оказалось в разряде «вероятного». Ложный прогресс.

<Пленные> ополченцы из «Испанского свидетельства», которые выдумывали победы, чтобы выдержать смерть¹⁴⁶⁶. Даже если победа ничего не сулит нам лично, можно принять смерть за победоносное дело, — но не за то, которое будет проиграно. Умереть за нечто, абсолютно лишённое силы, выше человека; ученики Христа. *Мысль о смерти требует противовеса, и этим противовесом — если не говорить о благодати — будет только обман.*

Для Пёрл Бак такой противовес — расовая гордость¹⁴⁶⁷.

[ms. 66] Смерть — источник всякого обмана и всякой истины для людей.

Причинность и финальность. При анализе, например, строения и функционирования органов некоего живого организма, взятого в отдельности, начинают с того, что абстрагируются от их связи. Не удивительно, что *относительно такого анализа* их связь воспринимается как *совпадение*. И мы не умеем делать такие анализы, не разделяя.

| Мы не умеем воспринять каузальный процесс, ведущий сложную целостность из одного состояния в другое состояние.

Ближе всего к такому восприятию — концепция *инварианта*, и ряда трансформаций, возможных с этим инвариантом.

Машина. Смотрят сначала, как работает всё вместе, потом отлаживают по частям. Ум человека должен сделать над собой насилие, так же как его руки делают насилие над материей.

Мы мыслим о связи только после простой идеи (использование машин).

Живые организмы не имеют окончательной финальности. Единственная финальность — это длительность, т. е. цикл. И она также не может быть понята вне посредств.

Общества как аналоги живых организмов. Аналогичные явления.

[ms. 67–70. Вычисления, выводящие законы Кеплера из всеобщей гравитации, сопровождаемые размышлениями Симоны.]

[ms. 71–74. Формулы выделения теплоты при органико-химических реакциях.]

[ms. 74] (...) *Педагогика*. — В начальной школе следовало бы составлять с детьми перечень вещей, о которых наука не в состоянии дать никаких сведений. (...)

| [ms. 75] Ужас пустоты — многочасовые очереди за продовольствием: если люди не расходятся, это (может быть) потому, что как только изнурение по-настоящему овладело их чувствами, они уже не могут уйти. Невыносимо — выбиться из сил и не получить ничего.

Но почему люди сюда возвращаются?

Люди счастливо и гордо говорят: «у меня были такие-то дела». Вместо того, чтобы сказать: «я не выстоял очередь»; это трудно выговорить, это *отрицательное*.

Отрицательное — это не то, чего добиваются.

Отсутствие страдания (если мы не говорим об настоящих эпикурейцах) не может быть предметом желания.

Эпикур: *пустота* есть благо¹⁴⁶⁸.

Отсутствие страдания не является объектом для воображения.

{ Работа — это разложение собственной жизненной субстанции в неорганическое вещество. Частичная смерть. Это даже — сделаться веществом.

Цикл. Моя жизненная субстанция разлагается в неорганическую материю, чтобы произвести энергию, которая сделает возможными движения, нужные, чтобы создать условия для наилучшего роста растений, которые, в свою очередь, преобразуют неорганическую материю в материю живую, усваиваемую человеком. — Таким образом, я возмещаю больше, чем расходую, так как и кроме работы, сама по себе, жизнь есть расход энергии.

Органическая жизнь представляет собой такой расход энергии, что мы вынуждены тратить ее больше еще и для того, чтобы возмещать то, что необходимо для жизни. Нам приходится расходовать ее добровольно для возмещения той, которую расходует недобровольно.

У кого так не получается, тот умирает. У кого это получается впритык, тот живет всю жизнь в страдании.

[ms. 76–83. Размышления над «Мемуаром о теплоте» А.-Л. Лавуазье и П.-С. Лапласа (1780) и выписки из него; формулы и размышления о компенсации различных видов энергии.]

|| [ms. 84] Астрономия. Сделать астрономию не телеологичной, но такой, чтобы центральным ее понятием было *условие существования*.

Так же и с атомистикой.

Не упростит ли это ее в значительной степени?

Это придало бы единство.

Понятие *работы* не приложимо ни к звездам, ни к атомам.

Расчет черного излучения, начиная с атомов, соответственно классической механике, ведет к заключениям не только экспериментально ложным, но абсурдным. Здесь в принципе есть что-то абсурдное.

Энтропия, *с одной стороны*, есть отношение энергии к температуре, *с другой стороны*, логарифм некоторой вероятности. Оба этих определения совпадут только если мы определим надлежащим образом вероятность.

| Дурная манера исследования:

Внимание, привязанное к проблеме. К тому же феномен ужаса перед пустотой. Мы не хотим, чтобы наше усилие пропало зря. Охотничье остервенение. Не нужно — хотеть найти. <Иначе,> как и в случае излишней преданности, мы попадаем в зависимость от объекта наших усилий. Мы нуждаемся в компенсации извне: случай подчас ее нам предоставляет, и вот, мы уже готовы получить ее ценой искажения истины.

Только усилие без желания (не привязанное к объекту) безошибочно дает компенсацию. 'Ο πατήρ ἐν τῷ κρυφαίῳ...

Подходя к объекту, отложить то, чего мы ищем. *Действительно лишь то, что косвенно*. Делая любое дело, сначала отступают. Рычаг. Корабль. Любой труд.

Дергая за виноградную гроздь, только рассыплешь ягоды по земле.

[Напряжение в наемном труде происходит от того, что нам приходится совершать не прямое действие с такой быстротой, с какой естественно делать усилие по собственному желанию.]

[ms. 85] Рычаг. Опустить, когда надо поднять.

Таким же образом, как «тот, кто себя понижает, возвысится»¹⁴⁶⁹.

(Необходимо, чтобы существовали законы и в области благодати.)

Работа. Движения, естественным образом соединенные с желанием и с воображением того или иного изменения в веществе, никак не соотносятся с движениями, реально способными произвести это изменение. Отсюда доля насилия в ученичестве. *При этом желание должно присутствовать как стимул.*

Tr¹⁴⁷⁰ | Приспосабливать тело к истинным отношениям вещей.

Péd¹⁴⁷¹ || В связи с ремесленным ученичеством — теоретическое обучение, направленное на анализ своей первоначальной неловкости в деле. В чем ее причины? Почему наши движения неэффективны? Моральная транспозиция.

Именно через это насилие над собой труд выводит нас из воображаемого и вводит в контакт с реальностью.

Аналогия между этим насилием и тем, что производит над собой ученый.

Привычка хоть и вторая натура, но сильнее, чем первая.

Привычка к труду делает обладателем мира.

Привычка в самом труде. Устранение «я». Образ совершенной добродетели.

Без транспозиции добродетель труда часто остается бесплодной.

Когда человек без стимулов выполняет свою работу наилучшим образом — это род святости.

Труд. «Я» существует через усталость и однообразие. Как вещь, которая приносится в жертву.

Ежедневное жертвоприношение. Оно должно быть обращено к Богу.

[ms. 86] Чувство понижения, неотделимое от труда. Гордость как компенсация — в чем ее источник? Или бессознательность.

Время — вот причина этого чувства понижения.

Труд как выкуп за первородный грех; участие в искуплении.

[Чтобы вывести из католической веры ту действенность, которая побуждала бы использовать труд в качестве духовного упражнения, следует отказаться от идеи, что труд есть страдание.]

Ложь — вот что всегда противоположно благу¹⁴⁷².

Насилие, которое мы делаем <над собой>, чтобы желание служило стимулом для движений, с которыми оно по своей природе не соединено, — само это насилие производится энергией переменного уровня.

? | Что происходит у тех, у кого есть навык, кто трудится хорошо, и при этом не имеет высокого духовного уровня?

| Даосы; вошь¹⁴⁷³. Определенному качеству внимания соответствуют эффективные движения, <производимые> без усилия и желания.

Они — продукт *дрессировки*. У животного дрессировка вырабатывает разве что условные рефлексy (хотя, может быть...); у человека она может выработать привычку. Что при этом происходит в душе?

Мысль такого-то человеческого существа производит в нас реакции. Бог — Тот, кто не вызывает у нас рефлексов¹⁴⁷⁴.

Наука *не обязана* быть удовлетворяющей и последовательной, ибо она принадлежит к области имен и форм¹⁴⁷⁵.

Быть в состоянии видеть ее пределы.

[ms. 87] Аналогия между *привычкой* и *благодатью*. Физический смысл слова «grâce».

[М-ль Аньес Риё, которая умеет обрезать виноград быстрее других, не оставляя ни одной кисти на лозе, не роняя на землю ни ягоды, и одновременно видит, что происходит на дороге; при этом уровень интеллекта и духовности весьма невысок. Как это получается?¹⁴⁷⁶]

«Мне его *не хватает*» — пустота —

↓¹⁴⁷⁷ *Для человеческого воображения — консервация ПУСТОТЫ, но не разрушение. Что до созидания, его здесь нет.*

Риё (во время сбора винограда). Увеличение числа (простого числа) является <для него> более сильным стимулом, чем сохранение жизни.

Только чувство возможности близкой смерти делает сохранение жизни самым мощным из стимулов.

«Ничто так не сладко для несчастного, как жизнь, и именно в момент, когда эта жизнь ничем не предпочтительнее смерти»¹⁴⁷⁸. Феномен *пустоты*.

Ужас пустоты и работа воображения в воспоминании и в размышлении о будущем.

Человек *естественным образом* стремится к разрушению.

Израсходовать энергию, чтобы все снова оказалось в прежнем состоянии; невыносимо.

[Это часто случается у крестьянина: собрал сено в копну, замочило дождем, снова раскладывает, чтобы просушить, снова собирает в копну.]

Обычный порядок человеческой жизни: подметать, стирать, и т. д., есть. «Сводить концы с концами» — выражение цикла. Поле этой осенью, поле следующей осенью: всё похоже, то же бремя трудов, дом примерно таков же, что и был; зерно всё также ссыпают в амбары... (Данаиды). Только мы сами немного постарели.

[ms. 88] *Последовательность чисел*, как мотив к труду — стимулятор жадности.

Сохранение является пустотой для воображения; разрушение — бесконечностью.

Марсель Лекарпантье¹⁴⁷⁹. С трудом находил в себе энергию для того, чтобы каждый раз браться заново; мечтал «выкарабкаться из этого». И так ощущают себя многие простые люди в наше время. Из какого источника они раньше черпали энергию? Как это проявлялось? (...)

[ms. 88–89. Размышления о физических проблемах, формулы.]

[ms. 90] Де Тард¹⁴⁸⁰. — *Печаль, причиняемая общим положением, усиливает — а не ослабляет — привязанность к деньгам.* ФЕНОМЕН ПУСТОТЫ. Деньги занимают место мотивов, подавленных принуждением. АНАЛОГИЙ МНОЖЕСТВО.

[На полях:] То же самое бывает и у стариков.

[N. В., что люди зачастую, признавая заинтересованный характер действий у других, не признают его у себя.]

Λ_ε¹⁴⁸¹ КОГДА ВНЕШНЕЕ ПРИНУЖДЕНИЕ ОТМЕНЯЕТ ПОБУДИТЕЛЬНЫЕ МОТИВЫ, ТЕ ИЗ НИХ, ЧТО ОСТАЮТСЯ, ЗА-

НИМАЮТ МЕСТО, ОСТАВЛЕННОЕ ИСЧЕЗНУВШИМИ — ЕСЛИ ТОЛЬКО НЕ ВОЗНИКНУТ НОВЫЕ.

В случае, когда эти отмененные мотивы суть мотивы благородные, принуждение понижает.

Выдуманный пример: художник, невоздержный в еде; если он ослепнет, то останется просто чревоугодником. Деметрий¹⁴⁸².

(Кот у монаха-отшельника; аскетизм может иметь то же последствие.)

Пример реальный. Неукротимое желание есть и спать в первые дни после подписания перемирия. — Вильгельм II в 1918 г. и чашка чаю¹⁴⁸³. —

Λ_ε Отмена мотива означает, что больше не существует объект, на который в действительности были направлены усилия и часть энергии. Эта часть энергии ДОЛЖНА найти другой выход. Когда человек ее УДЕРЖИВАЕТ, его несчастье усиливается.

Смерть любимого существа.

Смерть родины.

Сознание вероятности близкой смерти может оказать такое же воздействие, отменяя все мотивы, кроме тех, что направлены на ближайшее будущее. Тюремь в эпоху Террора; война.

Зато уверенность в близкой смерти действует совсем по-другому; отмена всех мотивов сразу; пустота. И при этом в нее не верят, кроме нескольких мгновений ужаса. (Разве что...) Ощущение невозможности.

Два очень разных ощущения:

То, что обязательно должно быть, — это именно то самое, что есть.

То, что невозможно — » —.

Первое из них соответствует прекрасному в природе.

[ms. 91] Прекрасное в природе: единство чувственного впечатления и ощущения необходимости. Это *должно* быть так (во-первых), и это в точности так и *есть*.

Именно такое чувство должна вызывать у зрителя хорошая пейзажная картина.

В самой природе тоже присутствует композиция на разных планах. Согласие одной волны с другой, одной капли воды с другой.
КООРДИНАЦИЯ НЕОБХОДИМОСТЕЙ В РАЗНЫХ МАСШТАБАХ.

|+ Математическое выражение этого свойства мира? (...)

[ms. 92] Личностный и безличностный аспекты Бога.

Может быть, <так>: иметь личные отношения с безличным Богом?

Не говорить Богу: «я», не говорить Ему: «Ты». «Я» и «ты» разделяют людей, и это разделение заставляет их подниматься выше¹⁴⁸⁴. Без «я» и «ты», чтобы связь была более интимной, чем в любом человеческом союзе.

Предметом моего исследования является не сверхъестественное, но этот мир. Сверхъестественное — свет. Не надо пытаться сделать его объектом, иначе мы его снизим.

Молиться ἐν τῷ κρυφαίῳ¹⁴⁸⁵, даже когда мы наедине с собой. Молится — не «я». Если молитва совершается в моем «я», надо, чтобы я об этом не знала. У меня нет другого Отца, кроме Того, который ἐν τῷ κρυφαίῳ.

Λ Разлад между словами и поведением. Можно быть достаточно убежденным, чтобы хватило энергии произнести такие-то слова, но ее не хватит на то, чтобы выполнить такие-то действия, а от таких-то действий себя удержать.

Когда внутреннее препятствие тому, чтобы мы фактически приняли такой-то образ поведения, намного превосходит энергию влечения, побуждающую нас к этому поведению, — эта энергия, неспособная к полезному действию, растрачивается в сло-

вах, подобно тому как кинетическая энергия — в теплоте. (Пруст, снобизм месье Леграндена¹⁴⁸⁶. Патриотизм у ***. Презрение ко временному у ***.)

Первое средство — удерживать эти слова. (Св. Хуан де ла Крус: Умеренность в словах дороже поста и дисциплины). Так будет накапливаться энергия. ЭТО ОЧЕНЬ ТРУДНО.

Говорить <только> о том, что мы считаем в высшей степени правильным, вплоть до борьбы ради этого с самими собой. И ни на атом больше.

А у меня???

[ms. 93] 'Ο ἐν τοῖς οὐρανοῖς [...] ἐν τῷ κρυφαίῳ¹⁴⁸⁷. Он сокрыт в небесах.

«Чтобы твоя правая рука не знала...»¹⁴⁸⁸ — скрыт даже от собственного сознания.

| Отношение между человеком и Богом. Человеческая личность должна быть вовлечена в него так же всецело, как она вовлекается в любовь, в дружбу, в крайнее томление, производимое страхом, голодом или страданием, в величайшую радость; но, в противоположность тому, что проходит в этих эмоциях, к Богу человек относится не личностью, а чем-то другим. И это другое, по необходимости, обращается к чему-то другому <в Боге>, чем личность.

| Страх Божий у св. Хуана де ла Крус; не есть ли это страх мыслить о Боге, когда мы недостойны этого? Страх запятнать Его дурной мыслью. Посредством этого страха низшие части нашего «я» сами отдаляются от Бога.

Даосы: «Сокрыв вселенную во вселенной, мы ее не потеряем»¹⁴⁸⁹.

Внутренняя переквалификация энергии: ограничить формы сниженных энергий в себе. (Воображение, слова...)

Сохранять в себе энергию, свободную для действия.

Ценность АНАЛОГИИ в человеческой жизни. Позволяет производить переносы энергии; находить примеры. (...)

Когда мы решаемся не удовлетворять желание, удерживая его, чем становится *энергия* этого желания? Голод, жажда и всё остальное... Является ли лишение способом переквалификации энергии? А когда желание не удовлетворяется вследствие внешнего принуждения, нельзя ли вывести из этого принуждения средство переквалификации энергии? Это было бы еще предпочтительнее. Но если мысль непрестанно обращена к воображаемому удовлетворению желания невозможного или запрещенного, в этом случае, напротив, происходит потеря энергии (разве что если человек захочет удовлетворить свое желание вопреки всем обстоятельствам).

Всякое желание — ценно, ибо всякое желание заключает в себе энергию.

Пустота как фактор переквалификации энергии.

| [ms. 94] Реальное удовлетворение лучше воображаемого. Но лишение — в определенных случаях — лучше реального удовлетворения.

Желания становятся реальностью, когда с них снимают покров воображаемого удовлетворения.

Энергия, высвобождаемая при исчезновении тех объектов, что служили для нее мотивами, всегда имеет тенденцию к снижению.

Низкие чувства (зависть, злопамятство) являются плодом сниженной энергии.

Переносы энергии по восходящей. Одни — по ассоциации (<переход> от желания получить хорошую оценку к желанию сделать хороший перевод), другие по аналогии (примеры?).

Только те, что делаются по аналогии, могут поднять нас достаточно высоко, может быть, потому что только они поднимают над прерывностью.

Например, любовь к *порядку*.

И другие...

Перенос посредством посоха слепого?

«Я свободен» — звучит как противоречие, ибо то во мне, что говорит «я», — не свободно.

[Ремарка. Гораздо легче сказать о себе: «Я переведу, перепису и т. д. столько-то страниц того-то», — чем: «Я в течение часа сделаю то-то». Применение в наемном труде.]

Говорят: «Если у меня не будет такой-то вещи, тогда для меня потеряно все». — Это значит, что мысль о других вещах в этот момент лишена энергии. Разве мог предвидеть Вильгельм II, что, когда у него вырвут из рук мировое господство, он всем существом будет увлечен лишь тем, как выпить чашку чаю?

Такой перенос влечет уплотнение, сгущение обмана, ибо [ms. 95] как это можно вынести — увидеть себя в столь измененном состоянии?

Марий¹⁴⁹⁰ — тот в течение долгого времени был привязан к мысли о господстве, отложенном на будущее. Его желание могло преодолеть мысль о времени. Впрочем, для этого ему пришлось переменить собственную природу (исполнить себя жаждой мести).

Мария чтут больше Вильгельма II, следуя только престижу силы.

Перенос. Переносы могут происходить между средствами и целями (от хорошей отметки — к хорошему переводу, и наоборот); между знаком и обозначаемым; между взаимосвязанными обстоятельствами; между аналогиями.

Лоуренс: перенос <чувства> с С. А¹⁴⁹¹. на свободу арабов.

Обмены энергией. Объект не только дает направление энергии, но ее аккумулирует и восстанавливает. Лишенные энергии в такой-то данный момент, мы вновь обретаем ее, чтобы служить любимому существу; та энергия, которую аккумулировали на нем, есть энергия прошлого. В подобном случае (в случае опустошения), исчезновение объекта, который был для нас двигателем, не высвобождает энергию, но отнимает ее¹⁴⁹². (Лоуренс после подписания Версальского договора¹⁴⁹³.) Оба действия могут совершаться одновременно (или всегда так совершаются?) Осязательная действенность нашего усилия — источник энергии. Вид наполовину вспаханного поля придает нам силы вспахать и другую половину.

ἀνωφελήτου¹⁴⁹⁴ — Реакция на потерю.

Производя любой расход энергии, мы словно даем в долг. Что может быть труднее, чем списать этот долг?¹⁴⁹⁵

В каком смысле грех делает нас должниками? [См. текст «Отче наш».] Мы позволили энергии пропасть даром (быть растраченной). Мы — неверные домоправители¹⁴⁹⁶. Следует восстановить пустоту в нас.

[ms. 96] Басня о богаче, у которого похитили зарытое им сокровище¹⁴⁹⁷. «Что у тебя пропало?» Он потерял *накопленную энергию*. Энергию, соответствующую всем трудам и лишениям, которые он перенес ради этого сокровища. В свою очередь, энергия *направленная* (направленная на приумножение сокровища) высвобождается и, беспорядочно врываясь в душу, производит в ней страшное смятение.

Потерять свое прошлое — то, что прошло, что не существует — что именно это может означать?

Он больше не может вспоминать свои былые муки. Это воспоминание, вместо стимула, становится для него препятствием.

Решения. На то, чтобы выработать некое решение, требуется гораздо меньше энергии, чем чтобы его осуществить. Но *энергия всякого невыполненного решения деградирует.*

Итак: никогда не принимать решения, не сконцентрировав на нем энергию, достаточную для того, чтобы его исполнить, — а это может быть сделано только силой внимания и посредством механизма переноса.

Каков этот механизм?

Λ Одно и то же усилие легче выполняется по низким мотивам, нежели по возвышенным. Посредством какого механизма? Это происходит потому, что низкие мотивы не требуют никакого внимания, и, следовательно, изнурение не препятствует им присутствовать в уме. Напротив, изнурение затемняет мотивы возвышенные тем, что парализует внимание. Сделать такое-то усилие, чтобы помочь несчастному, которого мы никогда не видели; если только не примешивается тщеславное желание «делать добрые дела», нас может склонить на это лишь видение справедливости и усилие воображения. Но утомление очень скоро полагает этому конец, сбивая весы и измышляя софизмы.

То, что присутствует в уме, когда внимание расслаблено, — низко. Как включается «второе дыхание» у бегунов, так и нам нужно «второе внимание».

Λ [ms. 97] Если человеку необходимо чрезмерное усилие, чтобы принять позицию, которая предварительно, извне, рассматривается им как естественная, и если при этом мнение и внешнее принуждение препятствуют ему принять некую другую позицию, пустота — неизбежна; и в нем неизбежно происходит *модификация*.

Например, выдержать без ответа, взгляда или <внутреннего> движения досады жестокий разнос цехового мастера. — Дрессировка.

Закон. В определенных обстоятельствах душа человека имеет склонность к тому, чтобы, приняв способ поведения, к кото-

рому принуждают его обстоятельства, не чувствовать в себе пустоты.

Таким образом, то, что от него ожидается как естественное, и становится для него естественным.

(Или еще... (?) то, что компенсации всегда к его услугам.)

| Между двумя состояниями равновесия — *тревога*¹⁴⁹⁸ и ощущение *невозможности*.

Отец Ж<акмен>¹⁴⁹⁹. Компенсация в будущем. Но сейчас он пока в тревоге. Чуть позже — оцепенение.

После такой адаптации — чем будет желание избавления? Нельзя мыслить избавление без того, *что мы переменились*, а сама эта мысль внушает страх. [Мой случай, головные боли в 1938 г.]

Таким образом мы бываем «довольны своей участью» настолько, насколько чувствуем определенную стабильность.

Нет ничего столь невыносимого для человека, как чувствовать свою собственную подверженность изменениям. Это — немощь, укорененная в самом его существе¹⁵⁰⁰; чтобы смотреть на нее пристально, нужен свет благодати.

Вещи, представляющие собой отрицание¹⁵⁰¹, которые внезапно предстают нам утверждающими¹⁵⁰², когда мы их лишаемся: свобода, безопасность, здоровье. В это время мы так хотели бы снова их иметь, хоть на один миг, чтобы ощутить их *как* утверждающие. Но как только обретаем их вновь [ms. 98], они тут же становятся вновь отрицающими. Таким образом, самые драгоценные радости оказываются для нас запретными. Так же и познание. Ибо во время страдания наш ум несвободен, и мы не можем рассматривать страдание вместе с тем, что ему противоположно, и отношения между ними. А к страданию лишь воображаемому мы не можем приложить внимания, достаточного, чтобы его мыслить. Каждый раз или слишком много <страдания>, или слишком мало внимания. Нужно было бы в одно и то же время страдать и не страдать.

(Ср. девиз Сэва¹⁵⁰³.)

| Есть такие радости — самые дорогие из всех — весьма бледные, когда их воображаешь, вся ценность которых в их присутствии. Вот для них-то не существует стимула, чтобы их искать, даже ценой небольшого усилия, — кроме как...¹⁵⁰⁴

(О если бы мне больше не совершать этого преступления против себя самой — упуская их...)

|| Обладать в себе свободной энергией, позволяющей следовать истинному соотношению вещей.

Какой жестокой муки не претерпеть, чтобы освободить в себе энергию!..

...ὁ ἄρτος δὲ ὃν ἐγὼ δώσω, ἡ σὰρξ μου ἐστὶν ὑπὲρ τῆς τοῦ κόσμου ζωῆς.

«Хлеб, который я дам, есть плоть моя, ради жизни мира (вселенной)¹⁵⁰⁵».

«Если зерно...»

Отдать свою плоть ради жизни мира и воспринять взамен душу мира¹⁵⁰⁶.

ἀμὴν ἀμὴν λέγω ὑμῖν, ἐὰν μὴ ὁ κόκκος τοῦ σίτου πεσὼν εἰς τὴν γῆν ἀποθάνῃ, αὐτὸς μόνος μένει· ἐὰν δὲ ἀποθάνῃ, πολὺν καρπὸν φέρει¹⁵⁰⁷.

[ms. 99] Совершенная радость исключает само чувство радости, ибо в душе, наполненной своим предметом, не остается ни одного не занятого уголка, чтобы сказать «я».

Мы не воображаем себе радостей такого рода, когда они отсутствуют; таким образом, отсутствуют побудительные мотивы их искать.

«Если зерно не умрет...» Оно должно умереть, чтобы освободить живую материю и энергию, которую несет в себе, чтобы из них могли составиться новые сочетания.

Таким же образом мы должны умирать, чтобы освободить *связанную <с нами> энергию*.

(А ведь священники легко могли бы говорить об этом крестьянам в проповеди во время сева.)

Если бы энергия распределялась сообразно тому, что советует истинное разумение. Но как я от этого далека!..

Мы освобождаем в себе столько-то энергии — потом еще немного — потом еще немного — Но она непрерывно привязывается заново. Как высвободить ее всю?

¹⁵⁰⁸ | Надо желать, чтобы это в нас совершалось. Желать по-настоящему. Просто желать, не пытаясь это выполнить. Просто об этом думать. Потому что любая попытка <сделать что-то> в этом направлении бесполезна, и за нее придется дорого расплатиться. В таком деле всё, что я называю «я», должно быть пассивно. Мне требуется только внимание, внимание столь полное, что «я» исчезает. Забрать у всего, что я называю «я», свет внимания и перенести <этот свет> на непостижимое.

Положение мольбы; по необходимости я должен повернуться к другой вещи, нежели я сам, поскольку речь идет о том, чтобы я оставил самого себя¹⁵⁰⁹.

Пытаться проделать это высвобождение посредством моей собственной энергии — похоже на корову, когда она пытается высвободиться от пут и падает на колени.

Мольба действительна сама по себе — если она неотступна.

[ms. 100] Мы высвобождаем в себе энергию тяжким усилием, которое ее понижает. Компенсация как в термодинамике; адский круг, выбраться из которого можно только <помощью> свыше.

Фарисеи — это люди, которые рассчитывали приобрести добродетель своими собственными силами.

Смирение состоит в сознании, что то, что мы называем «я», не является источником энергии, способной возвыситься. Тогда человеческие низости, включая наши собственные, будут удивлять нас не больше того, что мы не видим людей, ходящих по водам; но при этом будем помнить, что ходить по водам и есть состояние, к которому, собственно, человек призван¹⁵¹⁰.

Все, что есть во мне ценного, все без исключения, исходит не от меня, а извне, но не как дар, а как ссуда, которую приходится постоянно пополнять. Все, что есть во мне моего, без исключения, не имеет ни малейшей ценности. Из дарований, полученных извне, все, что я усваиваю себе, моментально оказывается лишенным ценности.

Οὐδέν ἐῖμι¹⁵¹¹ —

История с Одиссеем — οὐδεὶς¹⁵¹² — сокровенный смысл.
(Плавание души?)

Как извлекать пользу из греха: напоминать себе об этом. Но сам грех для этого не является необходимым.

Однообразие зла: ничего нового; здесь все ЭКВИВАЛЕНТНО. Здесь нет ничего реального; здесь всё воображаемо. Зло однообразно в точности как то, что существует лишь в воображении; как рисунки или истории детей, целиком взятые из головы.

Создать это впечатление однообразия и пресыщенности¹⁵¹³.

Λ Именно по причине этого однообразия столь большую роль играет *количество*. Много власти, много королевств¹⁵¹⁴, много денег, много женщин (Дон Жуан) или мужчин (Селимена¹⁵¹⁵).

Приговоренные к ложной бесконечности. Вот где настоящий ад.

[ms. 101] Суметь понять, что именно потерял скупой, у которого похитили сокровища; это было бы очень ценным познанием.

Лозен и чин капитана мушкетеров. Он предпочитал быть узником тюрьмы — и капитаном мушкетеров, нежели свободным — и не капитаном¹⁵¹⁶.

Все это — одежды. «Они увидели, что наги, и устыдились»¹⁵¹⁷.

Каким образом *зарытое в земле* сокровище становится источником энергии?

*Энтропия. Больцман. Вероятность. Забавно видеть, как физики конца XIX века свели понятия (тогда столь ненавистные) финальности и порядка под именем вероятности (незначительной вероятности, конечно). ИБО МАЛУЮ ВЕРОЯТНОСТЬ МОЖНО ОПРЕДЕЛИТЬ ТОЛЬКО КАК ПОРЯДОК*¹⁵¹⁸.

Принцип энтропии: мир идет от порядка к беспорядку.
(...)

Иоанн, XII, 27: Νῦν ἡ ψυχὴ μου τετάρακται, καὶ τί εἶπω; πάτερ, σῶσον με ἐκ τῆς ὥρας ταύτης. ἀλλὰ διὰ τοῦτο ἦλθον εἰς τὴν ὥραν ταύτην. πάτερ, δόξασόν σου τὸ ὄνομα¹⁵¹⁹.

| Оставлять долги нашим должникам. Не только людям, но и вещам. Не привязывать к вещам и живым существам энергию, которая израсходована ради них (включая ту, которая позволяет выносить страдание).

Желание воздаяния подобно привязанности скупца к своему сокровищу.

«Оставь нам долги»¹⁵²⁰. Верни нам растрченную энергию. Мы ожидаем этой энергии только от Тебя, не от сотворенных существ.

[ms. 102] Если мне делают зло, я ожидаю чего-то от того, кто мне сделал зло, как скупой ожидает чего-то от своего сокровища. («Удовлетворение»¹⁵²¹.) И обратно: сделать человеку зло — это значит, получить от него что-то. Что? Что мы заработали (и что надо будет отплатить), когда сделали зло? Мы увеличили себя. — Мы расширили себя. — Мы заполнили пустоту в себе, опустошив другого.

Мы принимаем зло, причиненное нам, как лекарство против того, что сами сделали; а другого лекарства и нет. Если бы нас не обижали, мы не могли бы быть прощены.

Не то страдание, которое мы могли бы сами наложить на себя, но то, которое терпим извне, — вот истинное лекарство. И ему даже подобает быть несправедливым. Если мы сами согрешили несправедливостью, нам недостаточно будет постра-

дать по справедливости; следует, чтобы мы претерпели <именно> несправедливость.

«Какой мерой мерите, такой и будете измерены»¹⁵²². Благодать, подчиняющаяся законам.

*Чтобы быть немотивированной*¹⁵²³, *благодать не должна быть произвольной*. Таинство.

Возможность безнаказанно делать несправедливости другому; например, вымещать свой гнев на нижестоящем, на том, кто вынужден молчать. Это значит, щадить себя от расхода энергии — того расхода, что вынужден принять на себя другой. Так же обстоит дело и с незаконным удовлетворением любого желания¹⁵²⁴.

В результате — привязка. Двух родов. Мы привязываем этих людей и к нашему «я», и к вещам, которыми мы распоряжаемся. Они здесь играют роль количества.

Энергия, которую экономят таким образом, тотчас деградирует.

|| «Необходимостью природы обусловлено, что каждый из богов и людей использует всю власть, которую имеет в распоряжении» (Фукидид)¹⁵²⁵. Как распространение газа по *всему* пространству, которое ему доступно.

Труды, которым мы принуждены отдать себя, если мы не ожидаем возмещения энергии от их объекта, вновь создают возможность пустоты.

Склонность распространить страдание вне себя. Если, будучи слишком слабы, мы не в состоянии ни вызвать жалость, ни сделать зло другому, мы причиняем зло *отображению мироздания в нас самих*. (Если только не...)

Тогда все эстетически прекрасное и хорошее становится <для нас> будто оскорблением.

[ms. 103] (...) Коль скоро энтропия есть *логарифм* вероятности, каким образом выбранные интервалы могут модифицировать изменение энтропии?

На самом деле речь идет не о *прерывности*, а о распределении вероятностей.

Мячик катится по плоскости. Еще круговое движение. Еще колебательное движение.

НЕ ИНЕРЦИЯ, А КОЛЕБЛЮЩАЯСЯ ЭНЕРГИЯ.

Мячик — Маятник — Звезды — Мячик, который подпрыгивает —

«Количество переходит в качество». Но с понижением¹⁵²⁶. Про что забыл Маркс. Впрочем, это бывает при изменениях физического состояния, вызванных количественной разницей, — таких, как испарение.

Электра. Предполагаемая смерть <брата>, а после — чистая радость реальности¹⁵²⁷.

Полнота радости: это — *есть!* Здесь не что иное, как чувство реальности.

«Этого не может быть!» — крик крайней скорби.

«Возможно ли это?» — крик радости.

Что получила Электра извне?

Ее голод, ее изнурение, ее унижения и т. д. были ей возмещены.

...ἄτ' ἐν τάφῳ πετραίῳ
αἰαῖ δακρύεις¹⁵²⁸

СЦЕНА УЗНАВАНИЯ В «ЭЛЕКТРЕ» — ЛУЧШИЙ ПРИМЕР ПРОЧТЕНИЯ¹⁵²⁹.

Что именно изменилось? (Если бы можно было ответить на этот вопрос...)

[ms. 104] Отношение скупого к тому, что у него забрали его сокровище. То, что у него отняли, — это застывшее прошлое. Прошлое и будущее — единственные богатства человек.

↓¹⁵³⁰ Зло — произвольно, и потому однообразно; потому что тут приходится всё извлекать из себя. Но ведь человеку не дано творить¹⁵³¹. Получается дурная попытка подражать Богу.

Мольба: попытка силою мысли дать существование некой ценности. Имеет смысл только по отношению к Богу, и только ради самых высоких ценностей.

А НЕ ОСОЗНАВАТЬ, НЕ ДОПУСКАТЬ НЕВОЗМОЖНОСТЬ <для человека> ТВОРИТЬ — ИСТОЧНИК МНОГИХ ОШИБОК. НАМ СУЖДЕНО ЛИШЬ ПОДРАЖАТЬ АКТУ ТВОРЕНИЯ, И ЕСТЬ ДВА ВОЗМОЖНЫХ <способа> ПОДРАЖАНИЯ — ОДИН РЕАЛЬНЫЙ, А ДРУГОЙ ПРИТВОРНЫЙ — СОХРАНЯТЬ И РАЗРУШАТЬ.

В СОХРАНЕНИИ НЕТ НИ СЛЕДА «Я». ОНО — В РАЗРУШЕНИИ. «Я» СТАВИТ В МИРЕ СВОЮ ОТМЕТИНУ, РАЗРУШАЯ.

Ревность. Неверность — как неблагодарность. Она отнимает¹⁵³² прошлое у человека. Мое прошлое всегда в руках у другого. Так же — смерть дорогого человека. Смерть дорогих людей (или разрыв с ними) лишает одновременно и будущего, и прошлого.

Смерть. Состояние *мгновенное* — ни будущего, ни прошедшего. Необходимое для доступа к вечности.

Как накапливается энергия на предметах?
Ее накапливают только вне себя самого.
Условные рефлексy.

Накапливать энергию в Боге — в том, что не существует¹⁵³³. Или: во всем мироздании (скрыть вселенную во вселенной).

[ms. 105] Накапливать энергию на иной вещи, нежели *отдельные предметы*. На том, что всемирно¹⁵³⁴ —

Стимуляция всегда имеет внешнюю природу. Она не происходит изнутри.

Стимуляторы разделяются по классам. Для скотины — охапка сена, кусок хлеба.

Переносы энергии, послушной чистому разуму.

Длительность: вид предмета, напоминающего о прошлом усилии, действует как возбудитель.

(Осмыслить цикл дней и времен года как возбудитель.)

Стимуляторы: радость. — То, что является объектом усилий для многих, есть стимулятор.

Преодолеть это. Πλεονεξία¹⁵³⁵ —

Λ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЙ ПРИНЦИП: В НАС, КАК И В МИРЕ, ИМЕЮТСЯ ЭНЕРГИИ МНОГООБРАЗНОГО КАЧЕСТВА, И ИЗМЕНИТЬ ПОБУДИТЕЛЬНЫЙ МОТИВ (К КОТОРОМУ ПРИВЯЗАНА ОПРЕДЕЛЕННАЯ ЭНЕРГИЯ), НА ДРУГОЙ, КАЖУЩИЙСЯ ЛУЧШИМ, БЕЗ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ЭНЕРГИИ, БУДЕТ ЛИШЬ ИЛЛЮЗИЕЙ ПРОГРЕССА.

Нам не дано мыслить о Солнечной системе в полноте, как о системе. В нашем земном мире, не считая Солнце, имеют место и уменьшения энтропии.

(Составить их список. Есть ли что-то еще, кроме роста растений?

Нефть? Радиоактивность?)

Вот почему Солнце — образ Бога.

Солнце дает и не требует обратно.

Подобает оставлять долги, как Бог их оставляет.

[ms. 106] *Как мы прощаем другим, так мы прощаем себя самим себе.*

«Мы оставляем <должникам>» — мы избавляем создания, включая низшую часть нашей собственной натуры, от возвращения нам эквивалента света — полученного нами свыше — который проливаем на них.

Действие не действующее ¹⁵³⁶ — <i>послушание.</i> Деятельность не действующая ¹⁵³⁷ — <i>сохранение.</i>	}	Связь между двумя идеями.
--	---	------------------------------

Энергия низкого качества требует возмещения извне — через будущее и прошлое.

Дорога дает желание идти. Стимулятор, в качестве образа времени.

Время неопределенно. Количество, сородич времени (оба они противоположны вечности). — (При этом нужны *этапы*).

|| Посредством какого механизма декорация восстанавливает энергию (низкого качества).

Именно сила тяжести составляет красоту в море и в горах, в скульптуре и в архитектуре. (...)

Колебания, столь прекрасные в море.
 Бах, колеблющаяся музыка.

Море, видимая композиция на многих уровнях.
 Ритм, композиция на многих уровнях.

[ms. 107] Колебания и циклы.

Соответствие не воображаемое. Полнота, не по отношению к нам.

Двойная природа числа: сложение, начиная с 0, и отношения, в которых никогда не участвует 0.

Как происходит то, что мы выражаем *отношения* числами?

Группа мультипликативная, а не аддитивная?
Отношение, не умножение.

В природе существуют лишь отношения; в ней не бывает нуля. И ЕДИНИЦЫ тоже не бывает. Множество трудностей происходит отсюда (если присмотреться поближе).

Даосский текст: (Из «Nouvelle revue française»¹⁵³⁸)

【Вселенная...】 «Если спрятать лодку в бухте, а холм в озере, то покажется, что они надежно укрыты. Но в полночь явится Силач и унесет все на своей спине, а Невежде будет невдомек. Как бы ни было удобно прятать малое в большом, оно все равно может пропасть. Вот если спрятать Поднебесную в Поднебесной, ей некуда будет пропасть. Таков великий закон сбережения всех вещей»¹⁵³⁹.

«Что едино, то едино. Что не едино, и это тоже равным образом едино. Тот, кто познает единое, следует природе»¹⁵⁴⁰.

«Когда высыхает пруд, рыбы, оказавшиеся на суше, увлажняют друг друга жабрами и смачивают друг друга слюной. И все-таки лучше им забыть друг о друге в просторах многоводных рек и озер»¹⁵⁴¹.

Сила тяжести — сила колебательная и не-колебательная вместе.

Шрёдингер; дифференциальные уравнения, устанавливающие связь между *непрерывным*¹⁵⁴² и *прерывным*. При этом они ничего не объясняют, но являются лишь выражениями этой тайны.

? [ms. 108] «Я ощущал себя так, что исполнил бы любую команду, какова бы она ни была; потому что я был солдат 2-го класса; но я ничего не стал бы делать по собственной воле, *я просто не мог*»¹⁵⁴³.

Что за источник энергии заключен в установленном *порядке*¹⁵⁴⁴, что он позволяет человеку совершить героический поступок, не будучи героем?

<Что нужно,> чтобы быть героем: придать порядок самому себе.

В чем трудность? И как этого достичь?

Не существует другой меры силы, кроме силы тяжести. Например, магнит поднимает массу такую-то, и т. д. Сила есть то, что может уравновесить силу тяжести.

Если мы поместим кусок железа *под* магнит, то, когда магнит поднимается, производится *работа*. Если мы его просто подкладываем снизу магнита, и он остается в покое, работа не производится. На весах <в равновесии> работа тоже не производится.

Если мы помещаем маленький железный шарик на горизонтальную поверхность, то, когда магнит тянет его за собой, если шарик поднимется на n сантиметров, работа будет $= Fh = m\gamma h$.

Но если мы приложим к нему магнит *мгновенным* импульсом и сразу же отнимем, работа не будет произведена.

Единственное отличие в том, что приложение силы в первом случае продолжительно, во втором — мгновенно.

Но, если нет сопротивления, маленький шарик должен колебаться — и, следовательно, работа непрерывно сводится к нулю.

$m\gamma h$ — γ бесконечно мало, h бесконечно велика. Их произведение при этом может получить конечную величину, т. е. $\frac{1}{2} v^2$.

Держа груз массой в 1 кг, я преодолеваю силу тяжести. Поднимая этот груз, я преодолеваю силу тяжести и, *вдобавок*, присоединяю движение. Но разница между обоими случаями бесконечно мала, ибо, если сила тяжести сводится к нулю (сопротивлением воздуха мы пренебрегаем), достаточно бесконечно малого импульса. Так же и с веревкой по обе стороны блока, с двумя равными грузами на концах; достаточно щелчка, чтобы один груз поднялся выше другого. Стало быть, совершается работа? Но если я тяну груз, мою силу можно разложить на две: 1) силу, равную весу груза, и 2) бесконечно малый импульс. Сила, равная его весу, его удерживает, но не перемещает.

[ms. 109] Субординация: экономия энергии. Благодаря ей героический поступок может быть выполнен и без того, чтобы отдающий приказ или тот, кто ему повинует, в обязательном порядке были героями.

Нужно научиться¹⁵⁴⁵ получать приказы от Бога.

Дела, чья «заслуга исчерпывается»¹⁵⁴⁶, суть те, что производятся конечной энергией.

Лоуренс.

Приказ распрямляет внутреннюю пружину.

Приводить в действие¹⁵⁴⁷ механизмы ассоциации собственной силой внимания.

Злые поступки снижают не сами по себе, но действуя как барьер для силы внимания. Затем они или преграждают путь вниманию, или приводят в навязчивые состояния.

Добрые же поступки сами по себе возвышают лишь немного.

Мы не думаем о... Агарь не видела источника, пока не «открылись глаза ее»¹⁵⁴⁸.

Вот почему истину у Бога нужно вымаливать¹⁵⁴⁹. «Так обнищал, что вынужден просить милостыню где придется»¹⁵⁵⁰. Но тот, у кого мы просим, справедлив.

Платон. Неподвижный мир, в котором мы находимся, есть образ мира колеблющегося, где всё на своем месте¹⁵⁵¹.

Рассуждения из платоновского «Алкивиада».

«Ты предложил бы афинянам вести справедливые войны, или несправедливые?.. А знаешь ты, что справедливо, а что нет? Какой наставник тебя этому обучил? — Никакой. Я сам до этого дошел. — Значит, ты до этого доискивался? Значит, было в

твоей жизни время, когда ты, как сам считаешь, этого не знал? Когда же? Год назад? Два? Три? Четыре? Или когда ты был еще ребенком? Разве ты не говорил: «Меня обыграли нечестно», еще когда мальчиком играл в бабки? Значит, ты никогда этого не искал <, а знал всегда>. — Меня этому научили многие люди, так же как и греческому языку. — А войны, о которых рассказывает эпос, — разве они не были смертельными спорами о том, что справедливо и несправедливо? Значит, «многие» не имеют об этом единого мнения; они не могли тебя этому научить. Стало быть, ты этого не знаешь»¹⁵⁵².

«— Я советовал бы не то, что справедливо, но что полезно. — Итак, ты знаешь, <что полезно?>»¹⁵⁵³

ἐὰν μὴ αὐτὸς σὺ σαυτοῦ ἀκούσης ὅτι τὰ δίκαια καὶ ἐστὶν, συμφέροντά ἄλλῳ γε λέγοντι μὴ πιστεύσης.

«Если ты сам от себя не услышишь, что справедливо, и что полезно, не думай, что сможешь поведать об этом другим»¹⁵⁵⁴.

πῶς οὖν λέγεις περὶ ἀνδρείας; ἐπὶ πόσῳ ἂν αὐτοῦ δέξαιο στέρεσθαι;

«Что же ты скажешь относительно мужества? Ценою чего ты согласился бы его лишиться?»¹⁵⁵⁵.

Мужество — из добродетелей наиболее видимая в Пещере, потому что зависит от силы¹⁵⁵⁶. Μεταξύ.

[ms. 110–111] То, что справедливо (поскольку оно прекрасно, и поскольку то, что прекрасно — оно же и добро), как *такое*, всегда выгодно¹⁵⁵⁷. Могут быть невыгодными только последствия.

Противоположные мнения в одном и том же уме приводят к тому, что человек не знает, полагая, что знает.

(Противоречие, пробный камень, различение.)

[Далее идут выписки на греческом без перевода:]

«Наука магии по Зороастру... что на деле означает почитание богов»¹⁵⁵⁸.

«Следовательно, Гиппий, тот, кто добровольно погрешает и чинит постыдную несправедливость — если только такой человек существует, — будет не кем иным, как человеком достойным»¹⁵⁵⁹.

«*Сократ*. Значит, ни в коем случае нельзя поступать несправедливо. (...) нельзя и отвечать несправедливостью на несправедливость (...) Ну, а воздавать злом за зло (...) будет справедливо или несправедливо? *Критон*. Никоим образом. (...) Стало быть, не надо ни отвечать на несправедливость несправедливостью, ни делать кому бы то ни было зла (...) я знаю, что так думают и будут думать лишь немногие»¹⁵⁶⁰.

Речь от лица Законов:

«Ты поступаешь так, как мог бы поступить самый негодный раб, собираясь бежать вопреки обязательствам и соглашениям, по которым ты обязывался жить под нашим управлением»¹⁵⁶¹.

Уверяю тебя, милый друг Критон, мне кажется, что я все это слышу, как и корибантствующим кажется, что они слышат флейты, и отголосок этих речей гудит во мне так, что я не могу слышать ничего другого¹⁵⁶².

«Несправедливый поступок никак не может быть хорошим или прекрасным»¹⁵⁶³.

«Апология»:

«Я не думаю, чтобы худшему было позволено вредить лучшему»¹⁵⁶⁴.

«Раздраженные, как сонные люди, которых внезапно разбудили, вы умертвите меня, и потом остаток вашей жизни проведете во сне»¹⁵⁶⁵.

«Я могу представить верного свидетеля того, что я говорю правду, — мою бедность»¹⁵⁶⁶.

«Если бы я попробовал заниматься государственными делами, то уже давно бы погиб»¹⁵⁶⁷.

[ms. 111] «Нет такого человека, который мог бы уцелеть, если бы стал откровенно противиться вам или какому-нибудь другому большинству и хотел бы предотвратить всё то множество несправедливостей и беззаконий, которые совершаются в государстве. Нет, кто в самом деле ратует за справедливость, тот, если ему и суждено уцелеть на малое время¹⁵⁶⁸, должен оставаться частным человеком, а вступать на общественное поприще не должен»¹⁵⁶⁹.

«Уж если что принимать за верное, так это то, что с человеком хорошим не бывает ничего дурного ни при жизни, ни после смерти, и что боги не перестают заботиться о его делах...»¹⁵⁷⁰.

«Бояться смерти есть не что иное, как думать, что знаешь то, чего не знаешь»¹⁵⁷¹.

[Сократ не стал готовить свою защитительную речь¹⁵⁷²; ср. Евангелие¹⁵⁷³.]

История Персефоны. Аналогия между гранатом и яблоком Евы.

В обоих случаях ЛЮБОПЫТСТВО ПОДТАЛКИВАЕТ К НАСЛАЖДЕНИЮ, а последствием является смерть.

Родство между Персефой и Деметрой, колос в Элевсинских мистериях, и: «если зерно не умрет...»¹⁵⁷⁴

Гранат и яблоко; обе <истории>, возможно, означают одно. Плод съедают, чтобы познать его на вкус¹⁵⁷⁵.

Умолять человека — отчаянная попытка, силой неотступности, провести свою систему ценностей в ум другого. Умолять

Бога — противоположное; это попытка провести божественные ценности в собственную душу. <Делать это> вместо того чтобы думать интенсивно, насколько возможно, о ценностях, к которым мы привязаны, <значит, переживать> внутреннюю пустоту.

Мы желаем стать иными, чем мы есть; итак, мы обращены вовне.

[ms. 112–113. Математические и физические формулы.]

[ms. 114–115. Размышления о физике и математике.]

[ms. 115] (...) Воплощение, евхаристия. Бог сделался человеком, Он сделал себя материей... В богах-животных нельзя ли найти след той же идеи?

«Из предания мы полагаем относительно богов, а из опыта знаем относительно людей, что всегда, по необходимости природы, каждое существо использует всю власть, которую имеет в распоряжении»¹⁵⁷⁶.

Бог христиан не таков. Он — *сверхъестественен*, в отличие от Иеговы, который есть Бог *естественный*.

Верить. Очень разные смыслы. Я верю, что $2 + 2 = 4$, или что я держу эту ручку. В этом случае вера будет равнозначна чувству очевидности¹⁵⁷⁷. И тогда я, по определению, не могу верить в таинства. Но я верю, что таинства католической религии — неисчерпаемый источник истин о человеке и его месте в мире¹⁵⁷⁸. (Больше того, они являются для меня предметом любви.) Но совершенно ничто не препятствует мне верить в то же самое относительно других таинств, или верить, что некоторые из этих истин где-то <вне католической религии> выражены напрямую. Согласие ума, подобное тому, которое вызывает произведение искусства (самого высокого искусства).

Нетерпимость проистекает из смешения между разными способами верить.

[ms. 116] Энтропия. Необратимый переход от блага к злу. Соответствие традиционной мысли.

Но как же тогда: «*etiam peccata*»¹⁵⁷⁹? «Больше радости на небесах...»¹⁵⁸⁰? Мытарь¹⁵⁸¹? Несомненно, надо прибавить: раскаяние грешника в 99 раз труднее и реже, чем постоянство праведника.

То, что ниже, крепче того, что выше: энтропия.

Когезия¹⁵⁸². Понятие силы: весы. Здесь когезия не учитывается. Затем переносим ту же механику на изучение сплочения, как если бы маленькие весы...

Метафора «тяжести»: это по причине энтропии. «Падение» — трансформация необратимая.

Кто понизит себя, тот будет вознесен. Это похоже на компенсации в термодинамическом смысле.

Бессилие Бога. Христос был распят; Отец позволил Его распять: два аспекта одного и того же бессилия. Бог не проявляет свое всемогущество; если бы Он его проявлял, мы бы не существовали, совершенно. Сотворение: Бог связывает себя необходимостью. — Мы можем надеяться на то, что эти цепи падут в смерти, но при этом мы прекратим существовать как нечто отдельное. — Почему сотворение есть благо, если оно неразделимо связано со злом? В чем благо того, что я существую, а не только один Бог? Чтобы Бог любил себя через мое жалкое посредство? Я не могу этого понять. Но все, что я терплю в страдании, терпит и Бог, по действию той необходимости, правил которой Он не нарушает. (Вот так¹⁵⁸³ Он и стал человеком, и становится веществом, пищей.) (...)

[ms. 117. Формулы по расчету т. н. черного излучения.]

[ms. 118] Волновая механика и концепт целостности. — Образ волны и вибрирующей струны. — Соотношение целое-части.

Вибрирующая струна, связь между непрерывностью и числом. — Пифагор. —

|| Рассматривать эти образы. Божественные образы.

«Всё есть число»¹⁵⁸⁴, а число — *истинно*. Здесь нет точек зрения, кажимостей, иллюзий, мнений. Предмет мысли второго или третьего рода.

Мы приближаемся к Богу. Или какой смысл это может иметь?

Прочтение письма...

? ПРОЧИТЫВАТЬ ЧИСЛА В МИРОЗДАНИИ И ЛЮБИТЬ МИРОЗДАНИЕ; ОДНО И ДРУГОЕ СВЯЗАНО.

Древняя наука была более способна к такому прочтению, нежели наука нового времени¹⁵⁸⁵. Может быть, Церковь была и права в споре с Галилеем.

(Поскольку несчастье все ставит под вопрос, и мы ставим всё под вопрос в нашем сознании¹⁵⁸⁶.)

Наука, не приближающая нас к Богу, ничего не стоит.

Но... (Если наука, на деле, неверно приближает нас к Нему, то есть, приближает к Богу воображаемому, — еще хуже.)

Λ Три рода познания и три уровня ментальной *энергии*.

От менее определенного¹⁵⁸⁷ — к более определенному: мечтание — счисление — созерцание.

Когда движущееся тело останавливается на полном ходу, кинетическая энергия расходуется в теплоту. В душе — напротив; остановка — это переквалификация энергии. [Да, но если остановка осуществляется изнутри. Если это не дрессировка.]

| Люцифер. Сам факт существования иных, отличных от Бога, существ, подразумевает возможность греха. Эта возможность связана не со свободой (ибо она не действует относительно Бога), но с существованием. С обособленным¹⁵⁸⁸ существованием. (Христос не мог грешить¹⁵⁸⁹.) Бог, творя, сотворил возможность греха. Сотворение — отречение <от всемогущества>¹⁵⁹⁰.

Любовь — скорбь обособленного существования. Два существа желают быть одним, но если бы они стали одно, это

единое существо любило бы само себя, — и что могло бы быть хуже этого кошмара! Это жажда еще более неутолимая. Нарцисс. Итак, единственный возможный объект любви есть Бог. Нарцисс просил у самого себя стать другим, чтобы быть в состоянии любить этого другого. Любящий просит у любимой стать им. (Только Бог есть и Один, и Другой¹⁵⁹¹.)

? [ms. 119] *Первородный грех. Грех, допущенный ПРЕЖДЕ всякого греха. Вневременной, трансцендентальный.* АПУР-ВА¹⁵⁹²?

Отречение. Подражание отречению Бога, <проявленному> в сотворении. Бог отрекается — в определенном смысле — быть всем. А это¹⁵⁹³ и есть начало греха. Мы должны отречься быть чем-то. Вот единственное благо для нас.

Числа как μεταξύ. Среди чисел нет «я». Разве что как причина ошибки¹⁵⁹⁴.

Бог отрекся от того, чтобы быть всем, вплоть до того, что был распят на кресте. Нам следует отречься быть чем-то; и сделать это мы должны в той же мере, что и Он.

Λ Аналогия между разложением кинетической энергии в теплоту и разложением в воображении тех устремлений души, которые не могут быть реализованы. (Озлобление против вышестоящего, и т. п.)

Любовь к себе — это тоже любовь, но лишь один Бог может любить самого себя. Потому-то мы не можем <истинно> любить иначе, как только прося Бога, чтобы Он сам любил себя через нас.

↑¹⁵⁹⁵ Зато другие движения души, которые не встречают препятствия, осуществляются на одном и том же энергетическом уровне (злоба на безответного подчиненного); эквивалентность

между сознанием, что тебе это позволено, <с одной стороны>, и принуждением <с другой>. Принуждение отбрасывает в область воображения, где позволено все.

Деятельность по преодолению препятствия, параллельная познанию второго рода.

Не-деяние...¹⁵⁹⁶

[ms. 120. Формулы с расчетом колебания вибрирующей струны.]

(...)

Целые числа и круги: выходя из одной точки круга, мы вернемся в нее, пройдя *целое число* окружностей.

Число и время.

Небесные движения и музыка.

(Пассаж из «Тимея», возможно, имеет именно такой смысл; теория аккордов?)

Сходство между вибрацией струн и вращением сфер.

Вибрирующие струны — отношение между целым и частями.

Со всей очевидностью, меру времени содержит *единообразное круговое движение*, а не движение прямолинейное. Чтобы прямолинейное движение содержало меру, надо, чтобы оно было ходом туда и обратно — частным случаем движения кругового.

Маятник.

Исходя из единообразного прямолинейного движения, обнаружить число невозможно.

К этому подводят «волны». Но чем ограничиваются волны? У струн есть две конечности. Для камня, брошенного в воду, колебания между двумя уровнями.

[На полях:] Просмотреть Гюйгенса, Френеля.

В случае со светом, с излучениями, что ограничивает колебания?

Гипотезы об астрономическом движении атомов.

Какой смысл тогда имеет принцип инерции?

Милосердие и несправедливость могут быть определены не иначе как путем *прочтений* — и, таким образом, не поддаются никакому <общему> определению. Чудо с «благоразумным разбойником» состояло не в том, что он вспомнил о Боге, но в том, что он признал Бога в Том, кто висел на соседнем кресте. Перед тем как прокричал петух, Петр уже не признавал во Христе Бога, иначе бы он не отрекся от Него.

Иные отдают себя на смерть ради ложных пророков, ложных чудотворцев — ложных творцов истинных чудес, может быть? — в которых они прочитывают Бога. Их самопожертвование не приводит их в царство Божье.

|| Кто вправе обольщать себя тем, что прочтет верно?
Поэтому и надо умолять об истине.

(Если бы Провидение давало каждому, чего он заслуживает, — были бы мы тогда уверены, что всегда прочитываем правильно? Нет, это не так.)

Можно быть несправедливым по намеренному желанию попираť справедливость или по причине дурного прочтения справедливости. Но почти всегда (или всегда?) делается по второму варианту.

Какова должна быть любовь к справедливости, чтобы она могла обезопасить нас от ложного прочтения?

Критерий веры: верить вопреки видимостям. Надо верить вопреки видимостям, но когда?

(Это и есть главная мысль «The Ring and the Book».)¹⁵⁹⁸

Какова разница между справедливым и несправедливым, если все всегда (или почти всегда) ведут себя сообразно справедливости — такой, как они ее прочитывают?

Жанна д'Арк: почти все те, кто сегодня ее восхваляют, <тогда> приговорили бы ее к смерти. Ведь и ее судьи пригово-

ривали не святую, не деву, сражавшуюся за правду, а ведьму... и т. д.

Дело в том или другом способе прочтения. Общественное мнение — вещь очень весомая. — Страсти¹⁵⁹⁹.

Жанна д'Арк: в ее истории прочитывают то, что диктует нынешнее общественное мнение. Но она сама остается неизвестной¹⁶⁰⁰. И Христос...

Клевета — не из надуманных моральных проблем.

Великие произведения литературы: завесы перед истиной, но прозрачные. «Электра». «Антигона».

[ms. 122] Какая надежда остается для невиновности, если ее не признают <за таковую>?

Тогда, значит, мы погрешаем, веря клевете.

«Что есть истина?»¹⁶⁰¹ — Чему следует верить или не верить?

Никакое из человеческих дел нельзя помыслить без учета прошлого; но прошлое не поддается проверке. Оно не является предметом исследования. Воспроизводится чисто предположительно. Окутано неправдой. Как избежать опасности худших несправедливостей?

{ *Прочитывать* бесстрастно. Но когда прочитывают то, что вызывает страст<ную реакцию>, люди никогда не принимают это в расчет: они думают, что прочитывают именно то, что написано у них перед глазами.

Прочтение и сила тяжести.

Смешение обоих: помрачение рассудка.

Мы *читаем* текст, способный легче всего доставить равновесие — (метафоры здесь плохо подходят) —

[ms. 122–123. Геометрические формулы.]

[ms. 123] (...)

|| Мнимые числа. К ним приходится прибегать в арифметике соответственно той роли, которую играет круг в отношении непрерывного-прерывного.

Человек считает *дни* и *шаги*. А ходьба есть феномен циклический (равновесие — нарушение равновесия — возвращение к первоначальному равновесию — человек идет, как мячик катится). Колебание.

Вместо желания устранить человека из науки, как Планк, — что ведет к заблуждению, — и перерядить человеческое в алгебру, нужно делать противоположное.

[ms. 124] Если мы наблюдаем другого в трехмерном пространстве¹⁶⁰², мы видим в нем и самих себя, и в таком случае различаем свои ошибки и можем просить прощения. Иначе мы не можем просить о нем, а в таком случае, как мы его получим?

Можно вообразить себе *все что угодно* на предмет другого, касательно его прошлого и будущего (он сделал то-то... он делает...), и тем самым оправдать *любой поступок*.

«Кто хочет собаку утопить, скажет, что она бешеная» ¹⁶⁰³ . Софизм Уголино и т. п.	}	оправдывают <i>всё</i> .
--	---	--------------------------

Мироздание, состоящее из материи, без прошлого и будущего (или, во всяком случае, вечно кажется одной и той же...). Созерцание очищает.

[«Они набивают цену» — каково обвинение!¹⁶⁰⁴]

Только остановив эту работу воображения, мы приходим к пониманию того, что и мы тоже можем быть <в чем-то> виновны (условие прощения).

Иначе, *разве что случай внезапно заменит одно прочтение другим*, и мы поймаем себя на ошибке, как при оптической иллюзии. Пение петуха¹⁶⁰⁵. (А если бы петух не пропел!..)

[С Иудой — другое дело.]

«Не судите»¹⁶⁰⁶. — В конечном счете, следует поступать, как если бы мы вынесли суждение. (Уволил бы я этого работника?.. и т. д.) Но на некоторое время воздержаться от суда.

Приостановиться.

Попробовать другие прочтения.

«Экзистенциальная» философия. Анализ верования. Истины здравого смысла. Что-то в нас верит им больше, чем та наша часть, что обладает здравым смыслом. Что-то в нас верит им меньше, чем или им вовсе не верит. Как переменить верования в нас? Каким образом и в каком [ms. 125] смысле? Но уже Платон: «всей душой»¹⁶⁰⁷.

«Не судите», и при этом нам приходится постоянно выражать суждения самими поступками. Должна я или нет пожать руку этому человеку? «Не судите» не означает, что я должна жать руки всем на свете.

«Не судите, иначе сами будете судимы», то есть: не судите, иначе вы не <сможете> судить о себе сами. Нам придется или самим себя судить, или осудят нас.

Как добро, в своем реальном проявлении, можно было бы предохранить от видимостей без того доверия, которое проникает сквозь кажимости?

Добро — не то, что кажется. Так же и зло.

Желание думать согласно общественному мнению дает ему (злу. — П. Е.) полную волю реконструировать прошлое и будущее. Общественное мнение — сила. Несогласие с общественным мнением — *пустота*.

Даже если мы не следуем ему в нашем поведении, нам хочется в какой-то степени внутренне соответствовать ему.

Нас толкнули. Мы переносим этот импульс и прочитываем его извне.

В нравственном отношении человек считает себя неподвижным, и думает, что вещи движутся вокруг него.

Ощутить собственное движение. Установить неподвижное там, где его место. Найти в себе то, что неподвижно. АТМАН.

{ Математика. Стоит допустить ошибку, и нас тут же хватают на месте. Искусство, наука — искусственные миры, посредством которых человек пробует обучиться избегать обмана. Но, сбитые с верного пути, они оказывают противоположное действие. Они средства, но не цели. Бог — вот единственная цель.

Любовь: учит создавать реальность *вне нас*. Вот почему она $\mu\epsilon\tau\alpha\chi\acute{\upsilon}$, как и математика. Если мы достигаем *любви недвижимой*.

Любовь. Мы полагаем центр за пределами себя. Но еще в области конечных вещей.

[ms. 126–147. Чистые страницы.]

[ms. 148] Духовность труда. Труд как участие в деле искупления.

Тетрадь VI (К6)

Марсель,

начало (?) декабря 1941 —

конец (?) января 1942

[Внутренняя сторона обложки. Цитаты из Геродота и Евангелия от Марка на греческом:]

«Сердцем, о лев, терпеливым терпи нестерпимую муку»¹⁶⁰⁸.

«Если хочешь, можешь меня очистить».

«Приходит к Нему прокаженный и, умоляя Его и падая пред Ним на колени, говорит Ему: если хочешь, можешь меня очистить. Иисус, умиловшись над ним, простер руку, коснулся его и сказал ему: хочу, очистишься. После сего слова проказа тотчас сошла с него, и он стал чист»¹⁶⁰⁹.

Звезды

Звезды, огнями наполняющие ночью далекие небеса,
Звезды безгласные, вращающиеся незряче, всегда ледяные,
Вы исторгаете из наших сердец наше «вчера»,
Вы вметаєте нас в «завтра», не спрашивая согласия:
Мы плачем, и все наши вопли к вам тщетны.
И поскольку так должно, следуем за вами, со связанными руками,
С очами, обращенными к вашему блеску — чистому, но горькому.
Перед вашим взглядом мало значит любая боль.
Мы молча идем, ваяясь от усталости, по нашим дорогам.
Вот он, внезапно, — в сердце — их божественный свет¹⁶¹⁰.

[ms. 1. Черновые наброски стихотворения «Море».]

[ms. 2. Чистая страница.]

[ms. 3] Чувство *невозможности*; неравновесие; ситуации, в которых воображение, выдумывая прошлое, будущее, отдаленные предметы, не в силах заполнить пустоты. Оно пытается, но не может. Внутренний голод и жажда. Скованный порыв. Когда страдание достигает той точки, в которой воображение, создающее компенсации, уже не действует. Внутренние колебания между отвержением и принятием. Движения души без объекта, даже воображаемого. Навязанная пустота. Если так продолжается долго, следуют опустошение и отмирание определенных частей души.

Подобно газу, душа стремится занять всю полноту пространства, которое ему предоставлено. Если бы газ уступал пространство, оставляя пустоту, это противоречило бы закону энтропии. Фукидид: «каждый использует всю власть, которой обладает». Каждый расширяет себя, насколько ему возможно.

Остановиться, удержаться — значит, создать в себе пустоту.

Временами это ощущение пустоты создается насилием извне. Внезапная смерть, предательство или отсутствие любимого существа, внезапная потеря чего-то, с чем соединялась мысль о будущем. Колебания. В этом поистине пустота, потому что в душе остается ненаправленная энергия. И она растрачивается в беспорядочных движениях.

Причинить самому себе такое насилие? Надо, чтобы благодать совершила его. Но тогда без колебаний.

Благодать наполняет, но она может войти лишь туда, где есть пустота, способная ее воспринять, и сама же благодать есть то, что создает эту пустоту.

Бесплодная смоковница. Душа, которой коснулась благодать, должна или принести сверхъестественные плоды, или иссох-

нута. (Иуда.) Ей не дозволено впредь приносить только обычные плоды.

[ms. 4] *Неутолимая* тягота (и «ощущение невозможности») между двумя состояниями равновесия, какова б ни была относительная ценность обоих этих равновесий.

«Женщина во время родов терпит скорбь...»¹⁶¹¹

[Далее следуют выписки из 2-й и 3-й глав Послания апостола Иакова.]

[ms. 5] Узда, руль.

Небольшая направленная сила покоряет силу большую, но слепую. Но, чтобы придать ей направление, тому, кто правит, необходимо обладать небольшой силой.

Если бы в нас не было чего-то, способного управлять и распоряжаться небольшой силой, тогда сама наша мысль целиком была бы во власти случайности; но она не может быть такова.

Тревога: пока мы ее испытываем, мы не можем вообразить равновесия.

Зависимая роль воображения по отношению к реальному состоянию. Во время сытости мы не в силах вообразить себе голод. Будучи голодны, не можем вообразить сытость. Мы воображаем еду (вплоть до того, что это становится навязчивой картиной), но не воображаем сытость, последствие еды. Равновесие и неравновесие суть два образа существования, испытывая один из которых, мы не можем вообразить другой. В неравновесии мы представляем себе другое, компенсирующее неравновесие.

Компенсации. Марий мечтал об отмщении. Наполеон грезил <благодарностью> потомков¹⁶¹². Вильгельм II пожелал чашку чаю. Его воображение не было достаточно сильно привязано к власти, чтобы перелететь через годы; оно обратилось к чашке чаю¹⁶¹³.

Два вечера в миланской «Ла Скала»; первый стоя, второй сидя. В первый вечер я постоянно создавала существование зрителей, которые сидели. Во второй я абсолютно не создавала существование тех, кто стоял (тех, кто сидел — тоже)¹⁶¹⁴.

[Близость между моим понятием *прочтения* и *Dasein* экзистенциалистов¹⁶¹⁵.]

πρῶτος καὶ ἔσχατος¹⁶¹⁶.

«...да не обратятся...»¹⁶¹⁷

[ms. 6] Апокалипсис, 6.

Политическая власть (лев, орел), война (бык) и торговля (человек).

«Конь бледный, и на нем всадник, которому имя „смерть“; и ад следовал за ним; и дана ему власть над четвертою частью земли — умерщвлять мечом и голодом, и мором и зверями земными»¹⁶¹⁸.

«Произошло великое землетрясение, и солнце стало мрачно как власяница, и луна сделалась как кровь. И звезды небесные пали на землю, как смоковница, потрясаемая сильным ветром, роняет незрелые смоквы свои. И небо скрылось, свившись как свиток; и всякая гора и остров двинулись с мест своих»¹⁶¹⁹.

«Говорят горам и камням: падите на нас и сокroyте нас от лица Сидящего на престоле и от гнева Агнца; ибо пришел великий день гнева Его, и кто может устоять?»¹⁶²⁰.

Гнев Агнца.

Агнец-пастух.

«Агнец, Который среди престола, будет пасти их и водить их на живые источники вод; и отрет Бог всякую слезу с очей их»¹⁶²¹.

«Убелили одежды свои кровью Агнца»¹⁶²².

Выбелить одежды в крови.

«И когда Он снял седьмую печать, сделалось безмолвие на небе, как бы на полчасу»¹⁶²³.

«И не возлюбили души своей даже до смерти»¹⁶²⁴.

«Зверь» <из Апокалипсиса> и «Великий Зверь» Платона.

Все, чьи имена не вписаны в книгу жизни у Агнца, поклонятся Зверю.

[ms. 7] «...ибо они девственники...»¹⁶²⁵

«...брак Агнца...»¹⁶²⁶

«От лица Которого бежало небо и земля, и не нашлось им места»¹⁶²⁷.

Воображение, с одной стороны, заполняет пустоты; с другой, привязано к текущему состоянию; иногда оно колеблется между двумя этими условиями. Там, где оно может беспрепятственно восполнять недостатки, оно этим с удовольствием занимается. Так, оно фабрикует <в нас> порочащие интерпретации относительно людей, осуждаемых общим мнением, если мы не связаны с этими людьми каким-то особенным образом. В этом есть своя приятность. Оно измышляет добродетели сильных, преступления несчастных. Или наоборот — если речь идет о силе и несчастье, которые достаточно удалены от нас: в обоих случаях имеет место компенсация. (Романическое несчастье вызывает <у нас в воображении> образ добродетели, а несчастье реальное — образ преступления или, во всяком случае, ничтожности.)

Нам тягостно, когда реальность препятствует воображению в его фабрикациях. Когда же конфликт становится жестоким, нам уже «невыносимо». (Невозможно, чтобы мне пришлось умереть прежде, чем я увижу солнце утра.)

Прекрасное: то, что останавливает фабрикацию воображения.

Любимый человек, обманувший мои ожидания. Я ему написала. Невозможно, чтобы он не ответил мне именно то, что я сама себе наговорила от его имени¹⁶²⁸.

«Гита». Кришна дает одним свое оружие, другим — себя лично¹⁶²⁹.

Должники. Люди должны нам то, что, как мы воображаем, они нам отдадут. Простить им этот долг.

Признать их чем-то другим, нежели создания нашего воображения, — подражание самоотречению Бога. Принять то, что они существуют.

Страсть¹⁶³⁰ <Христа> — то же самоотречение <Бога>, что в творении, перенесенное на человеческий уровень¹⁶³¹.

Я и сама — иное, чем то, что я о себе воображаю. Понимание этого — <зalog> прощения.

[ms. 8] Выдерживать разлад между воображением и фактом. Не создавать себе новую воображаемую систему, приспособленную к новому фактическому положению.

«Я страдаю». Это лучше, чем: «Эта местность — отвратительная».

[«Грех во мне говорит „я“». Надо поправить. Не «я» делаю 15 суммой 7 и 8; но это «я», допуская ошибку в сложении, в некотором смысле делаю 7 + 8 равным 16. Но так как я ошибаюсь, я говорю просто: 7 + 8 = 16.

«Грех во мне говорит „я“», имея в виду добро. Я подарила, я сочинила красивое стихотворение... Но не зло; зло я помещаю вне меня и абсолютизирую. Не: «я в гневе», а: «он невыносим».]

Γνῶθι σεαυτόν¹⁶³². Здесь говорится именно об этом.

Прочитывать отрицательно то, что мы знаем о прошлом человека, коль скоро фактическая ситуация (обида, сила общественного мнения) направляет нас против него.

Когда нас толкают, мы не говорим «я». В моральной сфере <происходит то же самое>, как когда мы едем в поезде, нам кажется, что бегут деревья. Мы говорим «я», когда совершаем усилие. Это естественно.

(Надо выучиться противоположному языку. Но когда человек ему выучивается, «я» становится <для него> внешним.)

Когда у меня нет ощущения, что я двигаюсь, — меня тянут. Когда у меня есть такое ощущение, я недвижим. Так как именно остановка побуждает нас к усилию.

(Лучше сказать: грех во мне — становится «я».)

А Я забываю, что Я читаю: текст скачет у меня перед глазами. Я думаю, что Я делаю, притом, что я ничего не делаю. <Необходимо> даже усилие — даже принятие пустоты — чтобы познать, что Я читаю и что Я не делаю.

Материальный труд: я делаю лишь то, что вместо меня могла бы сделать машина. Но в этом и заключена цена труда, проклятие [ms. 9] и искупление. Мой ум и моя любовь делаются материей. — Евхаристия: Бог, с одной стороны, чистый дух, с другой, чистое вещество, в обоих аспектах не-действующий.

Он зол, и я его караю. В реальности: я вижу его злым, и он — наказан.

Орест: «Не я, но твое прошлое дело тебя убивает»¹⁶³³. Если, нанося удары¹⁶³⁴, он в то же время не судит это прошлое дело, он чист.

Не судите, то есть не прочитывайте.

«Не судите, иначе <сами> будете судимы». Слово «судить» в том и другом случае имеет не один и тот же смысл, ибо во втором случае он — божественный.

Я даю, и он становится моим должником: это прямо противоположно истине. (В реальности *нечто* переходит от меня к нему, а я налагаю на него обязательства.)

Скупой и сокровище. Сокровище играет ту же роль, что улыбка Людовика XIV. Минимальная поддержка для заполняющего воображения¹⁶³⁵. Сказать, что, когда его обокрали, он не потерял¹⁶³⁶ — это как сказать про головные боли, что это «нервное». Он <действительно> потерял, раз он страдает.

Правда Кьеркегора. «Невозможно жить»¹⁶³⁷ в мире, где желание не достигает своего предмета. Надо желать иначе, чтобы желание безошибочно достигало своего предмета; важная проблема только в этом и заключается. Но как иначе? Он этого не выяснил. В переходе от одного желания к другому — пустота. (А он не хотел пустоты.)

Привести воображение внутрь себя, а действие поставить вне себя. Я прочитываю, и мое действие производит то-то и то-то. (Грех, который во мне, следует принудить говорить: «я».)

[ms. 10] Получая толчки в спину, мы прочитываем их ложный перевод в том, что находится у нас перед глазами.

Самсон и сказочные великаны¹⁶³⁸.

Делать самих себя верными весами, останавливаясь и претерпевая давление <груза>. «Взять на себя крест». При этом мы его чувствуем, так как сопротивляемся ему. Мы перестаем прочитывать извне его ложный перевод.

Это усилие без специальной цели. Следовательно, это принятие пустоты. Принятие смерти.

Для этого надо крепко держаться за Бога.

Крепко держась за Бога, мы терпим всё, что на нас давит, как боль.

О<тец> ***. «Я окрестил уже восемнадцатого взрослого...». Через количество во всё, даже в самое святое, вносится «сокровище скупого». И это может, в частности, ослепить относительно самого качества того или иного крещения¹⁶³⁹.

Усилия без цели — единственно чисты, но они выше человеческих сил.

【Хананеянка. Неотвязность мольбы. Любой человек, будучи сотворен, находится у стола Бога, если не как сын, то хотя бы как пес, и имеет право на кусок Божьего хлеба, если по-настоящему его хочет¹⁶⁴⁰.

Если сопоставить со словами Христа: «нехорошо давать псам хлеб детей», смысл, возможно, будет тот, что надо уделять крошки <с Божьего стола> и самому низкому в себе, если низшая часть нас самих тоже обращена к Богу.

Оба смысла перекликаются. Если во мне еще не возросло чадо Божье, то во мне живет хотя бы пес, который тоже вправе просить хлеба.】

[ms. 11] Если я захочу, мир¹⁶⁴¹ может принадлежать мне, как сокровище скупому. Но это <будет> такое сокровище, которое нельзя увеличить¹⁶⁴².

Останавливаясь, мы делаемся верными весами.

Мы желаем этого как ради себя самих, так и для мира. Пользоваться миром, будучи при этом справедливыми¹⁶⁴³.

Отказаться от энергии, которую сообщают толчки. Наоборот: следует тратить энергию на сопротивление им. Итак, нужна энергия, приходящая из другого источника.

(N. В. Кант приводит к благодати.)

↓¹⁶⁴⁴ Сокровище. Скупого толкают к непрестанному увеличению груды золота перенесенные им лишения, являющиеся ему в этом золоте. (Риё¹⁶⁴⁵: «расширяться»). Если он всё это потеряет, каково будет его состояние? Без направления, без ориентации. Внезапно высвобожденная в нем энергия заставит его бить себя в грудь, рвать на голове волосы. Карфагеняне: их город, ради спасения которого, они пошли на такие жертвы... А теперь лишь опустошение и подавленность.

[Τὰ μέλη ὑμῶν ὅπλα δικαιοσύνης¹⁶⁴⁶.]

Или, лучше так: ориентация есть, но нет объекта. Загадка именно в этой перемене.

Объекты, конечно, не дают энергию. Они сосредоточивают <на себе> то, что присутствует в нас всегда (даже в моменты опустошения) от неориентированной, рассеянной жизненной энергии.

Скупой; это безумие: ἔρως. Но мы можем быть спасены только через ἔρως¹⁶⁴⁷.

Даже сладострастник¹⁶⁴⁸ подчиняет все вещи определенному порядку, но такому, в центре которого поставлено его тело.

Большое количество сосредоточенной энергии, которая вдруг сразу оказывается высвобождена. — Сильнейшее нарушение равновесия.

Или когда объект приложения энергии становится объектом, вызывающим отвращение. Арджуна¹⁶⁴⁹. (Как приходит внезапное изнеможение? Энергия обращается против собственного тела, более глубоко-внутренним образом, нежели когда человек колотит себя в грудь.)

[ms. 12] Отречение предполагает, что мы проходим через тяготы, эквивалентные тем, которые причинила бы в реальности потеря всех любимых существ и всех благ, включая способности и приобретения в порядке ума и характера, <включая> мнения и убеждения относительно того, что добро и твердо, и т. д. — И все это следует не отбросить самому, но потерять — как Иов. Но энергия, отрезанная таким образом от своего объекта, не должна быть растрачена в колебаниях, не должна деградировать. Таким образом, томление должно быть еще больше, чем в реальном несчастье; его нельзя будет раздробить по протяженности времени или устремить в русло надежды (Овидий¹⁶⁵⁰).

Уже хотя бы просто знать, но знать всей душой, что те, кого мы любим, смертны...¹⁶⁵¹

[*Dasein*¹⁶⁵² — одна из истин «экзистенциализма», но в нем они смешаны с искушением.]

Дойти до источника желаний. Киркегор пытался, но безуспешно. Дойти до источника желаний, чтобы оторвать энергию от ее объекта. Вот каким образом желания истинны¹⁶⁵³ — в качестве энергии. Неистинен — объект. Но невыразимый разрыв в душе <ведет> к отделению желания от его объекта. Этот разрыв — условие истины.

Хотя бы просто прождать впустую...

Мы собрали в пружину энергию, и вот, в один миг, — она разжата и колеблется.

Когда то, чего мы ожидали, наконец, наступает, подчас мы бываем наполнены. Как будто мы получили извне ту энергию, которую сосредоточили во время ожидания.

Анализ ожидания.

[*lǎn dè ǒ oúk èk lístewōs, ámartía èstív*¹⁶⁵⁴.]

[ms. 13] [[В оригинале на греческом:] «Ибо по внутреннему человеку нахожу удовольствие в законе Божиим; но в членах моих вижу иной закон, противоборствующий закону ума моего и делающий меня пленником закона греховного, находящегося в членах моих»¹⁶⁵⁵.]

[Апостол Павел. Грех *посредством* закона¹⁶⁵⁶. Каков смысл <этого>?]

Несчастье. Человека охватывают холод и пустота, пока воображение не придет в новое равновесие, в меньшем объеме, и душа сможет увлечь себя новыми и жалкими удовольствиями. «Чашка чаю». Чем больше овладевают душой холод и пустота, тем с большей жадностью она ищет другого равновесия, — любой ценой.

[Этот холод, эта пустота не завладевают душой, если в ней присутствует надежда, которую хорошо поддерживает и подпитывает воображение. Марий.]

Следовало бы называть две разновидности воображения двумя разными именами. Одна, что составляет реальную модификацию души (сокровище скупого, улыбка Людовика XIV). И другая, что является полностью абстрактной (воображать собственную смерть, будучи в полном здравии и безопасности). Воображать опасность, в которую веришь, и опасность, в которую не веришь, — весьма различные операции.

Воображая отмищение как реальную возможность, человек не чувствует ледяного прикосновения несчастья.

...διὰ πίστεως, [...] οὐ διὰ εἶδους¹⁶⁵⁷.

...ἁμαρτίαν ἐποίησεν, ἵνα ἡμεῖς γενώμεθα δικαιοσύνη...¹⁶⁵⁸

В это самое время, с каждой истекающей секундой, людей против их воли ведут к тому, что они не в силах вынести, и, однако, принуждены выносить...

Приам. «Я ли — тот, кто целует эту руку...?»¹⁶⁵⁹ *Познать то, что невозможно представить.* Скупой не может вообразить исчезновение своего сокровища, ибо это сокровище вписано в саму его плоть понесенными ради него лишениями. В тот момент, когда он еще в плоти, сокровища у него перед глазами уже нет. И он ищет его в своей плоти.

[ms. 14. Черновые наброски стихотворения «Море», которое мы приводим здесь в его окончательной версии (Р, р. 31–32).]

Море, послушное в своих удилах, море, покорное в молчании,
Море раскинувшееся разливающееся в скованных волнах

навсегда,

Масса, открытая небу, зеркало послушания;
Чтобы ткать в нем еженощные новые ткани,
Звездам далеким власть без труда дана.

Как только утро приходит наполнить пространство,
Море принимает и отдает дар ясности.

Легкий блеск лежит на поверхности.
Оно вытягивается, ожидая без вожденья,
Под светом, что растет, блистает и блекнет.

Отражения вечера дадут засиять внезапно
Крылу, замершему между небом и водой.
Мерцающие, неотрывные от глади, потоки,
Где каждая капля поднимается и опускается в свой черед,
Остаются внизу, согласно с высшим законом.

Весы прозрачной воды, с их тайными плечами,
Взвешивают сами себя, и пену, и железо,
Справедливые, без поверки, к каждой скитальческой лодке.
На корабле голубая нить намечает связь
Без единой ошибки в своей видимой линии.

Море обширное, будь благоприятно несчастным людям,
стесненным на твоих берегах, затерянным в твоей пустыне.
Кому суждено утонуть, — говори им прежде, чем они погибнут.
Войди нам в самую душу, сестра наша море,
Благоволи омыть ее твоими водами справедливости.

Во власти воли находятся лишь некоторые мускульные движения, связанные с идеей перемещения ближайших ко мне предметов. <Например,> моя воля — положить руку плашмя на стол. Если бы внутренняя чистота, или вдохновение, или истина в мысли по необходимости зависели от движений такого рода, они могли бы быть предметом воли. Но поскольку это совсем не так, мы можем только молить о них. Молить о них — значит, верить, что у нас есть Отец на небесах. Или перестать их желать? Но что может быть хуже? Имеет смысл только внутренняя мольба, ибо она обходится без напряжения мускулов, которые в данном случае не помогут. Что может быть глупее, чем напрягать мускулы и сжимать челюсти, когда речь идет о добродетели, или о поэзии, или о разрешении проблемы? Нужно совсем другое — внимание.

Гордость — вот род как раз такого напряжения <мускулов>. В гордых отсутствует благодать (в двух смыслах этого слова¹⁶⁶⁰). Это последствие заблуждения.

Внимание, на самом высоком уровне, есть то же, что и молитва. Оно предполагает веру и любовь.

С этим связана некая иная свобода, нежели свобода выбора, которая находится на уровне воли. А именно благодать.

Обратить особое внимание на то, что здесь мы уже не делаем выбора. В этот момент мы уже знаем свою *дхарму*.

[ms. 15] Бр<еаль>¹⁶⁶¹. Я не могла не представлять его живым, не думать о его доме как о месте, где для меня остаются возможны эти милые беседы... в то время как сознание его смерти производило страшное опустошение. Металлический холод. Какое значение имело, что у меня осталось еще много людей, которых я люблю? Та любовь, которую я имела к нему, вместе с жившими во мне надеждами на духовный обмен, который был возможен только с ним, — осталась без своего предмета. Теперь я уже не представляю его как живого, и смерть его уже не является для меня невыносимой. Мне тепло от воспоминаний о нем. Но есть и другие, которых я тогда не знала, и чья смерть действовала на меня так же.

Д<етёф> не умер; но смерть дружбы, что связывала меня с ним, сопровождалась столь же сильной болью. А теперь от нее осталась только тень¹⁶⁶².

С Р. — меньше, потому что он уехал¹⁶⁶³.

Но я не могу вообразить себе подобную трансформацию относительно ***, ***, ***, которые, однако, совсем еще недавно не существовали в моем сознании.

Как родители не могут представить себе, что всего лишь три года назад у них не было ребенка, так мы не можем вообразить, что когда-то не знали тех, кого любим.

Мне кажется, я плохо люблю; в ином случае я воспринимала бы вещи иначе. Моя любовь не была бы привязана к нескольким душам, но была бы открыта всему, что достойно быть любимым.

«Будьте совершенны, как Отец ваш небесный». Любите так, как солнце светит. Надо повернуть свою любовь к себе, чтобы распространить ее на всё. Один только Бог любит всё, а Он любит только себя.

Любить в Боге гораздо труднее, чем думают.

Мы жертвуем всем, если случается такая необходимость, ради того, чье отсутствие мы не в силах вообразить. Эгоист жертвует всем, не ради себя, а ради жизненного комфорта; это не одно и то же. Вложить всё, что имеешь, в приобретение квартиры, или в существование нации — велика ли разница? (Второе имеет престиж силы, потому что здесь речь идет о войне.)

[ms. 16] Индуистские представления, кажется, отнимают стимул у милосердия, как бы говоря: в случае, если я не сделаю такому-то такое-то добро, то, значит, или он его не заслуживает, или получит его от других. (При этом также и вера в Провидение.) Вместо того чтобы сказать: если я этого не сделаю, то и никто на свете...

Возможность. Понятие, не имеющее ни малейшего смысла, поскольку оно переносит на время измерения, свойственные пространству. Однако обойтись без этого понятия мы не можем. Оно — причина всех ложных умозаключений относительно свободы. Оно передает разницу между будущим и прошлым.

Мы вынуждены постоянно использовать в принятии наших внутренних решений понятие бессмысленное и противоречивое.

Самый высокий стимул: если я этого не сделаю, этого не будет. <В случае с> произведением искусства это очевидно. Такое произведение, которого не сделаю я, никогда не сделает никто другой. Но я не делаю выбора между многими произведениями искусства. Так же с любым великим делом. Если такой-то не напишет таких-то стихов, я их никогда не прочту. Так же и с добрым делом.

«Я» всего лишь промежуточное звено, но при этом — необходимое.

А если я уклоняюсь? Тогда я, под действием силы тяжести, становлюсь частью материи этого мира¹⁶⁶⁴.

Существование принадлежит времени, а ценность — вечности. Как не быть тут разрыву?

Возможность содержит в себе это противоречие.

Без возможности — нет ни необходимости, ни свободы.

Нам не дано разрешить эти противоречия.

[ms. 17] Сила тяжести. Казнь распятия состояла в действии силы тяжести. — Прометей. Атлант¹⁶⁶⁵.

Думать, что мы — орудие Бога. Но следует думать, что мы должны удостоиться быть ими. Иначе, если мы ими являемся всегда и в любом случае, усилие не нужно, а коль скоро оно не нужно, оно и не делается.

Различия в ценности. То, что нам дано. Они предполагают абсолют. Но абсолют их уничтожает.

Бог есть творец всего; но Бог — творец только блага, и мы не можем выбраться из этого <противоречия>.

Мы прочитываем возможность того, что, по самой его природе, мы никогда не могли бы констатировать.

Апостол Павел.

Апостол Павел о Ное: τῆς κατὰ πίστιν δικαιοσύνης...¹⁶⁶⁶

Справедливость не бывает без веры, а вера есть убежденность в вещах невидимых, πραγμάτων ἑλεγχος οὐ βλεπομένων¹⁶⁶⁷.
Второе прочтение.

Авраам — Πίστει καλούμενος [...] ὑπήκουσεν ἐξελθεῖν [...] καὶ ἐξῆλθε μὴ ἐπιστάμενος ποῦ ἔρχεται¹⁶⁶⁸.

Благоразумный разбойник¹⁶⁶⁹. —

Нечто совсем другое, нежели вера, сегодня проповедуемая в Церкви, которая видима.

Сарра — πίστει [...] δύναμιν [...] ἔλαβεν¹⁶⁷⁰. Верой она получила способность к деторождению.

...πατρίδα ἐπιζητοῦσι¹⁶⁷¹.

Но:

πίστει τὰ τεῖχη Ἱερὶχὼ ἔλεσαν [...] πίστει Ραὰβ ἡ πόρνη...¹⁶⁷²

ὅς ἀντὶ τῆς προκειμένης αὐτῷ χαρᾶς ὑπέμεινε σταυρόν, αἰσχύνης...¹⁶⁷³

...καρπὸν εἰρηνικὸν [...] δικαιοσύνης¹⁶⁷⁴.

...νεκροὺς τοῖς παρπτώμασι¹⁶⁷⁵. <Вас, ставших> трупами, через ваши падения.

Κατὰ τὸν αἰῶνα τοῦ κόσμου τούτου (сообразно длительности мира сего¹⁶⁷⁶), κατὰ τὸν ἄρχοντα τῆς ἐξουσίας τοῦ ἀέρος (князя власти над воздухом¹⁶⁷⁷), τοῦ πνεύματος τοῦ νῦν ἐνεργοῦντος ἐν τοῖς υἱοῖς τῆς ἀπειθείας¹⁶⁷⁸.

[ms. 18] Ἐν οἷς καὶ ἡμεῖς πάντες ἀνεστράφημέν ποτε ἐν ταῖς ἐπιθυμίαις τῆς σαρκὸς ἡμῶν, ποιοῦντες τὰ θελήματα τῆς σαρκὸς καὶ τῶν διανοιῶν¹⁶⁷⁹. — Воля плоти и помышлений.

Τῇ γὰρ χάριτί ἐστε σεσωσμένοι διὰ τῆς πίστεως· καὶ τοῦτο οὐκ ἐξ ὑμῶν, Θεοῦ τὸ δῶρον, οὐκ ἐξ ἔργων, ἵνα μή τις καυχῆσται¹⁶⁸⁰. (Дела не спасают именно по причине гордости.)

Αὐτοῦ [...] ἐσμεν ποίημα...¹⁶⁸¹ Мы — Его поэма.

[В оригинале на греческом:] «Крепко утвердиться Духом Его во внутреннем человеке, верою вселиться Христу в сердца ваши, чтобы вы, укорененные и утвержденные в любви, могли постигнуть со всеми святыми, что широта и долгота, и глубина

и высота, и уразуметь превосходящую разумение любовь Христову, дабы вам исполниться всею полнотою Божиею»¹⁶⁸². Укорененные и основанные в милосердии¹⁶⁸³, чтобы постичь, какова его широта, долгота, высота и глубина, и познать милосердие Христа, превосходящее всякое познание, чтобы наполниться вам до всеобъемлющей полноты Бога.

Милосердие и три измерения пространства.

Познать то, что выше познания, милосердие Христа.

Τῷ... δυναμένῳ... ποιῆσαι ὑπερεκπερισσοῦ ὧν αἰτούμεθα ἡ
νοοῦμεν...¹⁶⁸⁴

Πνεῦμα¹⁶⁸⁵ — энергия у стоиков и у христиан.

Он сошел в самые нижние <места> Земли¹⁶⁸⁶.

Облечься в нового человека. Изменение в плоти, ибо прежде
«в членах моих был иной закон»¹⁶⁸⁷.

[ms. 19] Говорить истину, *потому что* мы — члены друг друга¹⁶⁸⁸.

ὀργίζεσθε, καὶ μὴ ἁμαρτάνετε¹⁶⁸⁹.

<Позволительно> приходить в состояние гнева, но не грешить, и чтобы гнев не продолжался далее, чем до вечера.

Не наносить оскорбления Святому Духу¹⁶⁹⁰.

Τὰ δὲ πάντα ἐλεγχόμενα ὑπὸ τοῦ φωτὸς φανεροῦται,
Все избличенные дела [греха] станут явными при свете.
πάν γὰρ τὸ φαγερούμενον φῶς ἐστί.¹⁶⁹¹
Ибо всё, ставшее явным, есть свет.

[Психоанализ, эрзац йоги в практике XX века.]

...Не опьяняйтесь вином, *но* наполняйтесь Духом Святым¹⁶⁹².

ὃς ἐν μορφῇ Θεοῦ ὑπάρχων (имея в качестве своей субстанции божественное естество) οὐχ ἄρπαγμόν ἡγήσατο τὸ εἶναι ἴσα Θεῷ, ἀλλ' ἐαυτὸν ἐκένωσε μορφὴν δούλου λαβὼν (Он *опустошил* себя, приняв естество¹⁶⁹³ раба), ἐν ὁμοιώματι ἀνθρώπων γενόμενος, καὶ σχήματι εὗρεθεὶς ὡς ἄνθρωπος ἐταπείνωσεν ἐαυτὸν γενόμενος ὑπήκοος μέχρι θανάτου, θανάτου δὲ σταυροῦ (Он принизил себя, сделавшись послушным даже до смерти, и смерти посредством креста). Διὸ καὶ ὁ Θεὸς αὐτὸν ὑπερύψωσεν. Вот почему Бог возвысил Его — πᾶν γόνυ κάμψη ἐπουρανίων καὶ ἐπιγείων καὶ καταχθονίων¹⁶⁹⁴. — Ад?

ὁ Θεὸς... ἐστὶν ὁ ἐνεργῶν ἐν ὑμῖν καὶ τὸ θέλειν καὶ τὸ ἐνεργεῖν¹⁶⁹⁵.

Бог производит в вас волю и действие. Бог осуществляет в вас желание и исполнение.

Христос опустошил себя от своей божественной природы и принял природу раба. Он принизил себя вплоть до креста — вплоть до разлучения с Богом («Отче мой...»¹⁶⁹⁶). Как следует нам подражать Ему?

[ms. 20] Μὴ... ἐμὴν δικαιοσύνην τὴν ἐκ νόμου, ἀλλὰ τὴν διὰ πίστεως Χριστοῦ¹⁶⁹⁷.

Закон плох, поскольку он имеет в виду повиновение, использующее волю. Это действия, но не состояние.

Διώκω δὲ εἰ καὶ καταλάβω, ἐφ' ᾧ καὶ κατελήφθην ὑπὸ τοῦ Χριστοῦ Ἰησοῦ¹⁶⁹⁸.

Гонюсь, авось ухвачу, после того, как и сам я был схвачен Иисусом Христом.

ὧν ὁ θεὸς ἡ κοιλία¹⁶⁹⁹ (но не они сами).

Он преобразит тело нашего смирения в подобие тела своей славы¹⁷⁰⁰.

...τοῦ υἱοῦ τῆς ἀγάπης αὐτοῦ, ἐν ᾧ ἔχομεν τὴν ἀπολύτρωσιν, τὴν ἄφεσιν τῶν ἁμαρτιῶν ὅς ἐστιν εἰκὼν τοῦ Θεοῦ τοῦ ἀοράτου, πρωτότοκος πάσης κτίσεως — Образ Бога невидимого, старший всякого творения. — ὅτι ἐν αὐτῷ ἐκτίσθη τὰ πάντα¹⁷⁰¹.

Τὰ πάντα δι' αὐτοῦ καὶ εἰς αὐτὸν ἔκτισται¹⁷⁰².

Все сотворено Его посредством и для Него.

...ἐστι πρὸ πάντων, καὶ τὰ πάντα ἐν αὐτῷ συνέστηκε¹⁷⁰³.

Он прежде всех вещей, и всё собрано¹⁷⁰⁴ в Нем.

...πρωτότοκος ἐκ τῶν νεκρῶν¹⁷⁰⁵ — первенец из мертвецов.

...ἀποκαταλλάξαι τὰ πάντα [...], εἰρηνοποιήσας διὰ τοῦ αἵματος τοῦ σταυροῦ αὐτοῦ, δι' αὐτοῦ εἴτε τὰ ἐπὶ τῆς γῆς εἴτε τὰ ἐν τοῖς οὐρανοῖς¹⁷⁰⁶.

Примиришь все вещи — установить мир на земле и на небе — конец ада?

? { ...ἀπὸ τῆς ἐλπίδος τοῦ εὐαγγελίου οὗ ἠκούσατε, τοῦ κηρυχθέντος ἐν πάσῃ τῇ κτίσει τῇ ὑπὸ τὸν οὐρανόν¹⁷⁰⁷.

...надежда благой вести, которую вы слышали, которая проповедана во всем, что сотворено под небом — (или всему сотворенному).

[ms. 21] Χριστὸς ἐστὶ Θεὸς ἐν τῇ ἑαυτοῦ σχέσει μετὰ τὸν κόσμον, т. е. с существованием. Дух ἐστὶ Θεὸς ἐν τῇ ἑαυτοῦ σχέσει μετὰ τὸν κόσμον.

ἐν αὐτῷ (т. е. Χριστῷ)¹⁷⁰⁸ κατοικεῖ πᾶν τὸ πλήρωμα τῆς θεότητος σωματικῶς¹⁷⁰⁹.

? | Не лгите, *поскольку* (μὴ ψεύδεσθε εἰς ἀλλήλους, ἀπεκδυσάμενοι¹⁷¹⁰) вы совлекли с себя ветхого человека. — Но тогда какая необходимость в употреблении императива?¹⁷¹¹

...ἐνδυσάμενοι τὸν νέον τὸν ἀνακαινούμενον εἰς ἐπίγνωσιν κατ' εἰκόνα τοῦ κτίσαντος αὐτόν...¹⁷¹²

И одели на себя нового человека, который обновляется ради познания, по образу (т. е. в соответствии образу. — П. Е.) своего Создателя.

? Ἐνδύσασθε οὖν [...] σπλάγχνα οἰκτιρμοῦ¹⁷¹³.

*Bowels of mercy*¹⁷¹⁴ —

Ложные знамения и знаки власти введут в заблуждение тех, которые не приняли любви к истине.

? | πέμπει αὐτοῖς ὁ Θεὸς ἐνέργειαν πλάνης εἰς τὸ πιστεῦσαι αὐτοὺς τῷ ψεύδει, 12 ἵνα κριθῶσι πάντες οἱ μὴ πιστεύσαντες τῇ ἀληθείᾳ, ἀλλ' εὐδοκήσαντες ἐν τῇ ἀδικίᾳ¹⁷¹⁵.

Те, кто находили удовольствие в несправедливости, уверуют в ложь. Бог пошлет им действие заблуждения.

Бог обманывает тех, которые любят несправедливость.

Апостол Лука. —

Σοὶ δώσω τὴν ἐξουσίαν ταύτην ἅπασαν καὶ τὴν δόξαν αὐτῶν, ὅτι ἐμοὶ παραδέδοται, καὶ ᾧ ἐὰν θέλω δίδωμι αὐτήν¹⁷¹⁶.

Эта власть дана мне, и я ее даю, кому хочу.

[ms. 22] Страдание как наказание; это не более чем образ. Страдание — иное. Карма, первородный грех, наказание Прометея, жертвоприношение¹⁷¹⁷ Христа — все это образы.

Ничто не заставляет нас принять <идею о том>, что страдание есть зло.

Но страдание, причиняемое человеку человеком, возможно, и в самом деле является злом, причем для обеих сторон. Почему?

Зевс и Прометей. Зевс принимает на себя причинение зла. Так же, в каком-то смысле, и между Отцом и Сыном. Почему?¹⁷¹⁸

Подражайте Отцу вашему, который посылает дождь добрым и злым. Да, но и засуху тоже. Следует ли подражать Ему и в этом?

(Но мы только в этом и подражаем, и слишком, всякими способами, все, кроме разве что святых.)

Теряя какую-то вещь, мы страдаем в течение какого-то ограниченного времени. Мы проходим через конечное время и конечное количество страдания (хотя в сам момент страдания оно нам кажется бесконечным). Количество неустранимое¹⁷¹⁹: никакие доводы рассудка, никакое усилие воли его не уменьшают. После чего <наша> привязанность <к этой вещи> обрывается.

Чтобы отрешиться (от привязанности к вещам. — П. Е.), не следует ли перенести это количество неустранимой боли, равное, для каждой вещи, той боли, которую мы претерпели бы, потеряв ее?

Таким образом, ради тотального отрешения душа должна перенести эквивалент того, что претерпел Иов, или Христос на кресте (настоящем, с гвоздями отнюдь не символическими).

<Для этого> недостаточно несчастья, нужно несчастье без утешения.

Οὐαὶ αὐτοῖς, ὅτι τὴν παράκλησιν ἔχουσιν¹⁷²⁰.

Утешения не нужно. Любого утешения, которое можно себе представить¹⁷²¹. (Тогда снизойдет утешение неизреченное.)

Оставлять долги. Принимать прошлое, не прося за [ms. 23] прошлое компенсации в будущем. Это <означает> также принятие смерти. Остановить время в настоящем мгновении.

Отвлеченный ум воспринимает только причинность настоящего. (Непрерывность.) Она — одна-единственная в том, что касается материи. В душе всё совсем иначе. Вот и в этом отношении душа должна сделаться подобной материи.

Шива, его третий глаз¹⁷²².

Этот разрыв между прошлым и будущим влечет за собой искупление ошибок.

Ошибки делают его трудным, но и наказания тоже.

Мнения о возможностях — «в том случае, если», «во всяком случае» и т. д. — соответствуют только способам внутреннего напряжения.

Количества неустранимые. — Как работа в простых механизмах. *Инварианты.*

Если бы мы так же страдали от сознания того, что наши друзья смертны, как когда они умирают...

[Прочтение.]

Невозможность экономии. — Например: машина в вечном движении. Это происходит и в нравственном порядке.

Какова природа того феномена, что полученное письмо (от кого-то, кого мы любим) придает для любого дела энергию, которой у нас не было еще за час до того, как мы его получили? [Дидро¹⁷²³.] Как получить эту энергию без письма? — Энергия была связана с ожиданием¹⁷²⁴.

Мистическое вино. «Даже вид печатей на кувшине опьяняет»¹⁷²⁵ (суфийский поэт).

Следует в самом деле выковать в себе иные связи. И, однако, самому собой это сделать не под силу. Дрессировки тут недостаточно. (Может быть, ошибка Декарта¹⁷²⁶.)

[ms. 24] Рец:

«Каждый, кто служит несчастному в беде, полагает, что оказывает ему честь. Выдерживают испытание лишь немногие, ибо такое убеждение или, лучше сказать, предубеждение проникает в душу тех, кем оно завладело, столь неприметно, что сами они его не чувствуют, а ведь оно сродни неблагодарности. Я часто размышлял над обоими этими пороками и пришел к выводу, что они сходны между собой тем, что люди, которым они присущи, большей частью даже не подозревают о своей слабости. Те, кто подвержены второму из этих пороков, не замечают его, ибо по малодушию, его породившему, спешат уверить себя, будто они вовсе не так уж обязаны своим благодетелям»¹⁷²⁷.

Изъян в прочтении.

Какое средство против этого?

Какова истинная величина благодеяния? — Та, которую мы придаем ему в момент, когда в нем нуждаемся.

«Досада <людей. — П. Е.> на чужую злую судьбу, к которой они причастны, почти всегда изливается на другой предмет»¹⁷²⁸.

«Все, что представляется дерзким, не будучи им на самом деле, почти всегда оказывается мудрым»¹⁷²⁹.

«Все, что делается по необходимости, никогда не бывает опрометчиво»¹⁷³⁰.

«Людам гораздо легче мысленно раскаяться в ошибке, которая имела печальные последствия, нежели на деле осознать, что они всё еще находятся под влиянием того побуждения, которое привело их к этой ошибке»¹⁷³¹.

Не раскаиваться в ошибке, но уничтожить в себе то, что привело к ней. Как?

[ms. 25] То, как решаем мы проблемы, которые поставлены не нами, — имеет определяющее значение в нашей жизненной судьбе. Надо поставить их все. Для этого — опустошить себя.

«Он опустошил себя от своей божественности»¹⁷³². Опустошить себя от мира. Облечься в природу раба. Умалить себя до точки, которую мы занимаем в пространстве и во времени. До ничто.

Оставлять долги, значит, остановиться в настоящем; снискать чувство вечности. Тогда в самом деле грехи будут отпущены.

Обнажиться от воображаемого царствования миром, низведя себя до точки, которую мы занимаем в пространстве и во времени. Абсолютное одиночество. И тогда будешь обладать истиной мироздания¹⁷³³.

[ms. 26–27. Наброски стихотворения «Море» (полный текст см. К6, ms. 14, с. 92–93).]

[ms. 28] Если бы были только Бог и материя?..

Бог распят оттого, что конечные существа, подчиненные необходимости, пространству и времени, мыслят.

Знать, что, как существо мыслящее и конечное, я есмь Бог распятый.

(Как в случае головной боли), я могу пятнать всю вселенную моим убожеством, сама его не ощущая, а могу собрать его в себе.

Уподобляться Богу — но Богу распятому.

Богу могущественному настолько, насколько Он связывает себя необходимостью.

Наука и мудрость. — Даосы. — Дао действует без усилий¹⁷³⁴. Напротив, ньютонова <теория> гравитации содержит <понятие> силы: образ гораздо более низкий.

Рец. Когда мы пускаемся в хлопоты, <исходя из> предполагаемой <опасности> некоего зла, а она оказывается ложной, то к радости примешивается сожаление о потраченных зря усилиях, — и мы не хотим сразу поверить в то, что она была ложной¹⁷³⁵.

(Пустота¹⁷³⁶.)

Нужда в оплате <труда>; на чем она основывается? Всякое усилие создает нужду. Страдание тоже — как то, что подразумевает усилие¹⁷³⁷.

Перенести свою усталость на предмет, чтобы ее не чувствовать.

Обожание народом великих¹⁷³⁸: тот же принцип.

Нужно, чтобы усилие было ориентированным.

Мы впечатлеваем направленное движение в самих себе.

Вот почему смерть для природы насильственна¹⁷³⁹.

Стоять на ногах и абсолютно неподвижно в течение часа по приказу — пытка, по той же причине.

Повиновение, усилие не направленное.

Ньютоновское притяжение дважды плохо — в том, что в необходимость она вводит направленность, и в том, что в божественное действие вводит усилие.

[ms. 29] Физическая боль лишает нас ориентации во времени¹⁷⁴⁰.

**А БОЛЬ — НЕОБХОДИМА ДЛЯ ПЕРЕХОДА ОТ ВРЕМЕНИ
К ВЕЧНОСТИ.**

А || Механика рождается тогда, когда мы опознаем произведение массы на высоту как неустранимый инвариант. Так же с химией, и т. д.

Нет ли неустранимого инварианта в модификациях души — который, будучи опознан, послужил бы критерием для устранения иллюзий, препятствующих духовному продвижению?

Например, боль, соответствующая разрыву какой-то одной из связей, привязывающих душу к этому миру, возможно, неустранима — так, что пока мы ее (боль. — П. Е.) не исчерпали, эта связь продолжает существовать, скрыто или замаскировано.

История Иова, страдание Христа — не это ли показывают?

Λ ||¹⁷⁴¹ Также и неустранимые длительности. В момент, когда долг приказывает действовать так, как если бы мы были отпущены от такого-то предмета, мы не сможем <действовать>, если в самом деле от него не отрешимся. Нельзя перерезать эту связь сразу, как только долг этого потребует; на то, чтобы перерезать связь, нужно время. Мы ее, по правде говоря, и не перерезаем, мы перегрызаем ее понемногу. Только когда она уже почти перетерта, мы можем последовать за долгом, ценой определенного насилия над собой. Иначе мы пытаемся, пытаемся вырваться, но только раним себя, и только больше затягиваем веревку, опутывающую наши члены¹⁷⁴².

Этим перегрызанием привязи можно заниматься только тогда, когда мы не вырываемся.

[На полях:] Закон и благодать.

Человек привязан множеством веревок. Перед ним — желанные ему предметы, но он может приблизиться к ним только на то расстояние, что позволяют веревки.

Боль от того, что он тщетно пытается сорваться с привязи, производит то, что эти желанные предметы могут стать ему ненавистными.

Не пытаться разорвать веревки (те из них, которые целы). Перетирать.

Каждый грех дает познать, какие из этих веревок целы.

[Дописано на полях:] Ни одно из движений, которые привязанный на веревке человек может производить в пространстве, ни к чему его не приведет. Надо перегрызть веревку зубами.

Справедливые весы — распятое тело: тело, низведенное до своей точки во времени и пространстве.

Власть судить обретается через послушание.

«Суд Мой справедлив; ибо Я творю не свою волю, но волю пославшего Меня»¹⁷⁴⁴.

По чему я узнаю Его волю — в моей?

Видение необходимости.

Писать, как <пишет> переводчик, и действовать так же.

Поскольку Арджуна <все-таки> решился на войну, <значит, и прежде> его отвращала от этого <решения> только чувственная жалость. Не воевать — было недостойным¹⁷⁴⁵.

Мы всегда вычитываем в мире действие, которое надо исполнить (неподвижность — частный случай). Дело в том, как достичь правильного прочтения.

Св. Хуан де ла Крус: Добродетели, приобретенные во время сухости, укореняются в душе¹⁷⁴⁶. — Там, где есть одна добродетель, присутствуют все добродетели; а где одна отсутствует, там ни одной и нет¹⁷⁴⁷. Душа в состоянии духовного брака думает о Боге всегда, даже когда сама этого не сознает¹⁷⁴⁸. — *Возрастание по экспоненте в дарованиях*¹⁷⁴⁹.

Есть период, когда душа уже отрешена от мира, но еще не имеет власти соединиться с Богом; пустота, ужасное томление. (Темная ночь.)

Душа, любящая Бога в одиночестве, так же и Им любима в одиночестве, то есть, без посредников¹⁷⁵⁰.

[В оригинале этот и два следующих абзаца на испанском:]
«Как только душа очистит свои силы и освободит их от всех низших вещей и от привязанности к вещам высшим, оставив

их одинокими и опустошенными от всего, Бог немедленно наполняет их невидимым и божественным»¹⁷⁵¹.

«Страдание является средством для того, чтобы взойти глубже в заросли восхитительной мудрости Бога. Ибо чем чище страдание, тем более глубоко и чисто познание, а следовательно, более глубоко и возвышенно наслаждение, проистекающее из глубин познания. Не довольствуясь малыми страданиями, душа говорит: „Войдем глубже в зарослей тень“, — вплоть до тесноты самой смерти, чтобы увидеть Бога»¹⁷⁵².

[ms. 31] «Душа, которая поистине желает божественной мудрости, сначала желает страдания, чтобы войти в заросли Креста»¹⁷⁵³.

Не любить одного больше, чем другого, ибо любви более достоин тот, которого больше любит Бог, а мы не знаем кого <из двух> Бог любит больше.

Страдание и наслаждение как источники знания. Змей предлагал познание Адаму и Еве. Сирены предлагали познание Одиссею. Эти истории показывают, что душа теряет себя, ища познания в удовольствии. Почему? — Возможно, удовольствие — невинно, при условии, что мы не ищем в нем познания. Зато позволено искать познания в страдании.

Аллегория привязанного человека; нужно добавить, что он привязан не к столбу, а к вещам, движущимся туда и сюда; так что его постоянно куда-то тащат, в зависимости от степени его сопротивления.

Он не в силах остановиться, ему это удастся разве что на мгновение, ценой большого усилия. Он остановится только тогда, когда обрежет все путы без исключения.

Всякая боль, которая не помогает отрешиться, боль потерянная. Это можно сказать о всякой боли, которую мы не прини-

маем <с согласием>. Потерянная боль — нет ничего ужаснее; холодная пустыня, съежившаяся душа. Овидий. Рабы Плавта¹⁷⁵⁴.

Если нас рассмотреть в один определенный момент времени — в настоящий момент, отрезанный и от прошлого, и от будущего — мы <окажемся> невинны. В этот момент мы можем быть только тем, что мы есть; любое изменение подразумевает длительность. То, чтобы в этот момент мы были таковы, <заложено> в самом устройстве мира.

Итак, отделить момент — предполагает прощение. Но это отделение есть отрешение.

Все проблемы сводятся ко *времени*.

[ms. 32] «Наслаждайся отрешением»¹⁷⁵⁵. Для <отношения к> имуществу критерием отрешения является чистая радость.

«Будете как боги»¹⁷⁵⁶. Грех есть желание быть как боги иным образом, нежели через участие в божественности Бога. Мы рождаемся с этим грехом. Это люциферов грех.

Желание быть божественными *в качестве* творений.

Необходимость в посреднике, чтобы поклонение Богу было подражанием, и чтобы это подражание было чисто.

Он опустошил себя от своей божественности. Мы же должны опустошить себя от ложной божественности, с которой родились.

Воспрепятствовать им (Адаму и Еве. — П. Е.) вкушать плод с древа жизни. Помешать нам быть ложными богами. Смерть дает нам знать, что мы не боги. Поэтому-то она так болезненна для нас, так что еще никто из нас не принял ее в себя полностью¹⁷⁵⁷. (И даже Христос...¹⁷⁵⁸)

Убивать есть зло (и зло опьяняющее), так как мы чувствуем себя свободными от той смерти, которую мы причиняем.

Ахилл — наоборот¹⁷⁵⁹. Но и для него убивать было злом, ибо было самоубийством¹⁷⁶⁰. Убивать, чтобы отомстить за собственную смертность, распространить свое зло вокруг себя. Сравнить: мое побуждение во время головных болей — ударить кого-нибудь по голове.

(«Первые движения» — мы не познаем их, если не окажем им послушания, если будем переносить как вещи внешние.)¹⁷⁶¹

Грех убийства бывает в двух формах.

[ms. 33] Институт рабства скрывает от людей (как хозяев, так и рабов) ту истину, что человек вообще, как таковой, является рабом.

Лучшие <среди человеческих> установлений — те, что меньше лгут.

Деньги — обман; знак слишком общий¹⁷⁶².

Необходимость в душевной сфере. Те, кто ее ищут, обычно материалисты, атеисты (в настоящем смысле слова¹⁷⁶³); всё это полностью ошибочно. Что такое необходимость без работы?¹⁷⁶⁴ Следует рассматривать необходимость как то, что навязывает условия.

Кто понизит себя, будет возвышен. Стало быть, надо понизить себя до земли. Но что значит — понизить? Монах, который спит на голых досках, себя не понизил¹⁷⁶⁵. Всё может быть предметом соревнования. Сойти до уровня, <до которого тебя могла бы низвести> сила, не будучи к этому принуждаемым¹⁷⁶⁶. Тем самым засвидетельствовать себе, что знаешь, что мог бы быть к этому принужден. Преодолеть пропасть, что отделяет <тебя> от стоящих на низшей ступени.

Согласиться стать анонимом, стать человеческой материей. [Евхаристия.] — Отказаться от престижа, от почтения. Этим ты засвидетельствуешь истину, что мы — человеческая материя, что у нас нет прав. Обнажиться от украшений, переносить наготу¹⁷⁶⁷. Но как это совместимо с социальной жизнью и <с ее> этикетками?

Каждый раз речь идет об отношениях со временем. Освободиться от иллюзии обладания временем. Воплотиться.

Человеку надо сделать усилие, чтобы воплотиться, ибо он развоплощен воображением. Что происходит в нас от Сатаны, это <все относится к> воображению¹⁷⁶⁸.

(Лучше принимать унижения, чем их искать. Если мы их ищем сами, перенося их, следует забыть, что мы их искали. В ином случае лучше было бы не искать¹⁷⁶⁹.)

[ms. 34] Понизить себя — сверхъестественно; моральная сила тяжести противоположна этому. Если не <искать при этом> компенсации.

Чтобы изменить нечто из вещей морального порядка (прекратить некое зло), в себе или в обществе, требуется действие, соответствующее тому результату, которого мы хотим достигнуть. Без этого зло останется под другим аспектом, но эквивалентно¹⁷⁷⁰. Как определяется это соответствие? Рычаг — в душе — это или внимание, или молитва. А в обществе?

Каково отношение между сверхъестественным и обществом?

Возможно, допустимо сказать, что в обществе рычагом является религия (не имеет значения, насколько добрая¹⁷⁷¹ религия). Но в каком смысле?

Рычагом для общества является прекрасное, обычаи и т. п. А следовательно, религия.

Нужно, чтобы сила, приложенная ради такого-то результата, имела родственную природу с этим результатом¹⁷⁷². Формы энергии. Энтропия. Изучить плотную.

Исследовать, как прорастает семя? Каковы энергетические процессы?

Любить отрешенно. Принимая мысль, что те, кого мы любим, те, о которых мы думаем с любовью, — смертны, и кто-то

из них, может быть, умер в тот самый миг, когда мы думаем о нем. Это боль. Не искать утоления этой боли; просто ее терпеть. Эту мысль выдержишь тем лучше, чем больше любишь. Думая о человеке, если он не рядом с тобой, каждый раз думать, что он, быть может, мертв.

«Наслаждайся отрешением»¹⁷⁷³.

[ms. 35] И более обобщенно: думая о вещи, которую не имеешь в этот момент перед глазами, всегда думать, что она, может быть, уничтожена.

Не для того, чтобы эта мысль растворяла чувство реальности, но чтобы делала его более интенсивным.

Каждый раз, произнося: «γενήθῃ τὸ θέλημά σου»¹⁷⁷⁴, представлять себе все несчастья в их совокупности¹⁷⁷⁵.

Λ [Христос не взволновался ни когда его известили о болезни Лазаря, ни когда узнал о его смерти. Но когда Он увидел в слезах Марию и тех, что шли вместе с нею, ἐνεβριμήσατο τῷ πνεύματι καὶ ἐτάραξεν ἑαυτὸν [...] ἐδάκρυσεν ὁ Ἰησοῦς [...] Ἰησοῦς οὖν, πάλιν ἐμβριώμενος ἐν ἑαυτῷ, ἔρχεται εἰς τὸ μνημεῖον¹⁷⁷⁶.

Прочтение. Неустраняемая часть чувствительности.]

[«Она возлюбила много»¹⁷⁷⁷ — это не *причина*, по которой Он простил ей много, но *знак* <того, что она прощена>. «Вот почему, говорю тебе, отпущены многочисленные ее грехи» (в перфекте): потому что она возлюбила много». (Неверная передача смысла в Вульгате¹⁷⁷⁸.) Именно по тому <факту>, что она возлюбила много, я могу утверждать, что ее многочисленные грехи отпущены. Когда грехи изглаживаются, их место занимает любовь. «Ἦ πίστις σου σέσωκέν σε»¹⁷⁷⁹. Оба раза¹⁷⁸⁰ вера; оба раза в одном и том же смысле. Распознать не проявленную истину. Грехи изглаживает вера, а следствием этого является любовь. — А кто порядочен *естественным образом*, тот оставляет меньше места для благодати¹⁷⁸¹.]

Думая о том, кого мы любим, как о возможно-умершем, мы обращаем к нему любовь, которая несет в себе воспоминание об умершем, но не об энергии. Мы избегаем воображаемых бесед¹⁷⁸².

«На пустынном Востоке»¹⁷⁸³. Надо быть в пустыне. Ибо тот, кого следует любить, отсутствует¹⁷⁸⁴.

? { Πίστις¹⁷⁸⁵. Различение божественного в нас самих (божественные вдохновения) и вокруг нас. Для такого различения нужно чистое сердце. И, с самого начала, избегать всего внешне проявленного (св. Хуан де ла Крус¹⁷⁸⁶). К тому же, πίστις есть сила¹⁷⁸⁷, есть власть (переставлять горы¹⁷⁸⁸). Пребывание в неуклонном внимании?¹⁷⁸⁹

[ms. 36]¹⁷⁹⁰ Те, кого мы любим и которые любят нас, различают в нас определенные ценности — для каждого свои — которым они придают, тем самым, что они их в нас различают, объективное существование. Посредством их мы являемся чем-то. Вот что мы теряем, теряя кого-то из них. Ценности, которые они различают в нас, теряют существование вместе с ними.

Но не надо быть чем-то, надо быть ничем.

«*Nihil sum*»¹⁷⁹¹.

Меняя социальное положение, мы, таким образом, реально меняем наше бытие.

[Конец ms. 36 — ms. 37. Перечеркнутые наброски стихотворения «Звезды».]

[ms. 38] Те, кого мы любим и которые любят нас, придают объективное существование определенным ценностям в нас — тем, что они их в нас различают. Каждый из наших друзей находит что-то свое они их различают. Каждому из наших друзей дорого в нас что-то свое, особенное. Мы — словно композиция из этих ценностей. Когда наш друг умирает, от нас будто что-то отрезают. И меняя среду (социальные условия), мы поистине меняем свое бытие.

Посредством их мы являемся чем-то. Но не надо быть ничем.

Одни и те же слова (например, мужчина говорит женщине: я вас люблю) могут быть вульгарны, а могут быть необыкновенно прекрасны, в зависимости от того, как их произносят. А это, в свою очередь, зависит от глубины той части нашего существа, из которой они исходят, без чего одного желания было бы мало. И неким чудесным аккордом они затрагивают ту же часть у слушающего. Таким образом, слушающий, если он обладает способностью различения — и только при этом условии — может различить, что именно означают эти слова. Таково же отношение между искусством <художника> и вкусом <зрителя>. И между двумя формами веры: той верой, которой действует <проповедник>, и той верой, которой <ему> верят. Вторая из них аналогична вкусу. (По крайней мере, была таковой...)

Быть пробным камнем. «Была бы у меня душа из золота...»¹⁷⁹²

Прочитывать Бога во всем видимом, без исключения, но согласно верной оценке проявления, свойственного для каждой видимости. Знать, каким именно образом каждая из этих видимостей не есть Бог.

Вера, дар прочтения.

Дар прочтения — сверхъестественен, без этого дара не бывает справедливости.

Понимание высшей реальности, заключенной в том отсутствии объекта, которое и является объектом нашей любви¹⁷⁹³, и прочитывание этой реальности как во всей совокупности объектов, так и в каждом из них по отдельности. Условие послушания, заключающего в себе справедливость.

Вера имеет отношение к прочтению, а милосердная любовь — к силе тяжести¹⁷⁹⁴.

[ms. 39] Мы не можем воспретить себе любить. Но можем выбирать, что́ любить.

Следует любить то, что безусловно достойно любви, — но не то, что достойно в одном отношении, а в другом недостойно. (Платон¹⁷⁹⁵.)

Ничто из существующего не является безусловно достойным любви¹⁷⁹⁶.

Значит, нужно любить то, что не существует.

Но этот не существующий объект любви нельзя считать лишенным реальности, вымыслом. Ибо наши вымыслы не могут быть более достойны любви, чем мы сами, которые не вымышлены.

Вера. Верить, что ничто из того, что мы можем постичь, не есть Бог. Негативная вера. Но также верить, что это, которое мы не можем постичь, более реально, чем то, что для нас постижимо. Что наша способность к постижению является не критерием реальности, но, напротив, тем, что нас вводит в заблуждение¹⁷⁹⁷. Верить, наконец, что непостижимое является, тем не менее, скрытым.

Благодать есть тайна столь же великая, как Воплощение. Вечность, сходящая, чтобы вместиться во время. Воплощение — максимум такого вмещения. Соотношения между человеком и Богом, между временем и вечностью, между относительным и абсолютным — никоим образом не доступны пониманию; в этой области все столь же не подвластно пониманию, как Евхаристия.

Отречение <от собственной самости, от незаконных претензий на «божественность»¹⁷⁹⁸> есть подчинение времени.

Через боль время и пространство входят в тело. Все, что предлагал Сатана, <искушая Христа,> было воображаемым. Богатство, могущество — воображаемы. Воображаемые доспехи <души>. Нагота — есть истина о том, как душа связана с телом. Смертная душа подчинена необходимости. Считать

смертную часть души освобожденной от необходимости — ошибка.

[ms. 40] Воплощение. Нисходящее движение как условие движения восходящего. Аналогия с термодинамикой.

Воплощение. Бог слаб, потому что Он беспристрастен. Действие не-действующее. Посылать лучи солнца и дождь на добрых и злых. Это безразличие Отца и слабость Христа соответствуют друг другу. Отсутствие Бога. Царствие небесное подобно горькому семени...¹⁷⁹⁹ Бог ничего не изменяет. Христа убили в ярости на то, что Он был всего лишь Богом.

Также и в душе — нисходящее движение как предварительное условие движения восходящего. Понизьте себя — и будете вознесены. Обнажиться от этого уподобления Богу, которое мысленно делает нас царями и хозяевами мира, обнажиться от воображения. Стать как Ликаон, когда Ахилл обнажил свой меч¹⁸⁰⁰.

Христос и искушение царствами мира. Выбор Христа противоположен выбору Адама.

Это отречение — источник энергии; другого быть не может. Отрезать от себя то, к чему привязана наша энергия¹⁸⁰¹. Сделать выбор между Богом и маммоной.

Понизить себя означает возвысить себя относительно <направления> моральной силы тяжести. Моральная сила тяжести заставляет нас падать вверх¹⁸⁰².

Любить беспристрастие Бога (золотые весы¹⁸⁰³) — отказаться от заигрывания с судьбой, ограничиться тем, чем мы являемся в пространстве и во времени. Ограничив себя таким образом, мы обречем Атман.

Воображение дано нам для того, чтобы его понижать¹⁸⁰⁴.

Воображение — добавочная энергия. По мере того, как его прилагают к некоторой части мира, оно обманывает (дает не-

верные прочтения). Следует отсечь его от любого предмета, чтобы им овладело бесконечное. Отсечь его от любого предмета, значит, низвести его до точки пространства и времени, которую мы занимаем. Этому помогают чистая боль и чистая радость.

[? Бог не воплощенный — не есть истинный Бог; Он был воплощен и принесен в жертву от начала; «Агнец, закланный от начала»¹⁸⁰⁵.]

Эта добавочная энергия, с одной стороны, вводит в заблуждение, с другой — снижается¹⁸⁰⁶.

[ms. 41. Черновики стихотворения «Звезды».]
(...)

Радость есть полнота чувства реальности.

Но страдать, сохраняя чувство реальности, лучше. Страдать, не впадая в состояние кошмара. Чтобы боль была, в некотором смысле, чисто внешней. Чтобы она была только в чувственной сфере; внешней, как находящаяся за пределами тех частей души, которые не относятся к чувственной сфере; внутренней, как находящаяся вне <остального> мироздания. (Я весьма далека от этого.) Боль — время и пространство, вонзающиеся в наши чувства.

Есть три вида боли. Боль бесполезная (изводящая)¹⁸⁰⁷. Боль, которой искупается <зло>¹⁸⁰⁸. Боль, искупительная <за других>¹⁸⁰⁹ (эта является привилегией невинных). Опыт показывает, что Бог причиняет все три. (Зачем?) Человеку позволено причинять только вторую. (Почему?¹⁸¹⁰)

[ms. 42] В некотором смысле Бог есть целый мир и гораздо больше («это все во Мне, но Я не в этом всем»¹⁸¹¹). В другом смысле, Он всего лишь часть мира, часть прекрасная и добрая («Я есмь свет в огне»¹⁸¹², законное желание в человеке...¹⁸¹³).

Цена невинной боли. «Мальчик, белый как снег и румяный как кровь»¹⁸¹⁴. — Ипполит¹⁸¹⁵. — Прометей.

Попытаться проанализировать роль боли (именно боли физической) в *механизме* благодати.

Сильные увлечения (например, любовь), концентрации энергии. Единственная связь; если ее обрезать...

*Привязанность, заключающая в себе невозможность, есть μεταξύ*¹⁸¹⁶.

Человеческая немощь по отношению к Богу. Но <размышление об этом> не в качестве компенсации или утешения. Как корреляция.

Λ Источник нравственной энергии человека лежит вне его, как и источники энергии физической (питание, дыхание, и т. д.). — Обычно он их находит, и поэтому имеет иллюзию, — как и относительно физической энергии, — что его существование носит в самом себе принцип сохранения <энергии>. Только <ее> лишение дает ему почувствовать в ней нужду. И в случае лишения он не может не хвататься за ВСЕ ЧТО УГОДНО, лишь бы оно было съедобно.

Единственное, что могло бы тут помочь, это что-то вроде выработки хлорофилла, позволяющей питаться от света.

Не осуждать. Все провинности равны. Есть только одна вина: не иметь способности питаться светом. Ибо, когда у нас нет такой способности, возможны любые проступки, и нет уверенности, что избежишь хотя бы одного из них.

«Моя пища есть творить волю Пославшего Меня»¹⁸¹⁷.

Нет другого блага, подобного этой способности.

[ms. 43] В состоянии несчастья жизненный инстинкт, уцелевший от разорванных привязанностей, слепо цепляется ко всему, что может служить поддержкой, как вьющиеся растения

цепляются усиками. Благодарность (разве что иногда в какой-то низкой форме), справедливость в таком состоянии немислимы. Рабство. У человека уже не осталось того добавочного количества энергии, которая могла бы поддержать свободу воли, посредством чего он создает дистанцию. В этом аспекте несчастье есть ужас, как постоянная жизнь голышом, как жизнь обрубка без рук и ног, как жизнь среди кишачиных насекомых. Жизнь без формы. В этом случае единственной привязанностью остается мысль, что надо выжить. С момента, когда все привязанности заменяет единственное желание выжить, начинается крайнее несчастье. Привязанность здесь выступает в обнаженном виде. Без иного объекта, кроме себя самой. Ад.

Пережив это — и прожив в этом определенное количество времени — чем может стать человек, если ему вернуть некое благополучие? Как исцелиться от этого прошлого?

Именно по действию этого механизма «ничто не кажется несчастным более сладким, чем жизнь, даже когда их жизнь ничем не привлекательнее смерти»¹⁸¹⁸.

В этой ситуации приятие смерти — вот всецелое отрешение.

Тот, кто вполне принимает смерть, никогда не дойдет до такой степени несчастья, что бы с ним ни произошло. Но многие формы приятия смерти не содержат в себе ее полного приятия.

Присутствие Бога в чувственной сфере — это тоже привязанность, и поэтому должно пройти через: «Боже мой, для чего Ты Меня оставил?». Несчастье отнимает у чувств, вместе с другими объектами привязанности, также и Бога. У чувственной сферы остается только жизнь. В это время принять в себя смерть есть полнота принятия смерти, есть полнота отрешения.

Πάτερ ἡμῶν ὁ ἐν τοῖς οὐρανοῖς, τοῦτο δὸς ἐμοί¹⁸¹⁹.

Положение безразличия есть положение того, кто вне точки зрения.

Несчастье, принуждая переносить привязанность на предметы ничтожные, обнажает ничтожный характер привязанности <вообще>. Тем самым необходимость отрешения делается еще яснее. Но оставаясь привязанными, мы снижаем себя.

[ms. 44] Прометей, бог, распятый за то, что он слишком любил людей. Ипполит, наказанный за то, что он был слишком чист и слишком любил богов. Здесь сближение божественного и человеческого, которое навлекает на себя кару.

Ипполит. Тема человека, который не есть то, чем кажется <другому>, которому клятвой не позволено открыть о себе правду. Частая тема в фольклоре.

— Если Бог, с определенной стороны, есть что-то, что объемлет все мироздание и даже больше, а с другой стороны, проявляет себя как часть мироздания («Я есмь свет в огне»¹⁸²⁰, и т. д.), — тогда и любовь <должна быть> двоякой. Любить, с одной стороны, все без исключения. С другой стороны, — только благо. Тайна.

Есть случаи, когда нечто необходимо только потому, что оно возможно. Так, например, мы едим, когда голодны. Можно отложить еду ради аскетизма, покаяния, и т. д. Но, за исключением особого случая, когда кто хочет заморить себя голодом, любой другой человек, если он голоден, и есть в наличии пища, рано или поздно начнет есть, будь он преступник или святой, слабоумный или мудрец. То же самое, когда мы видим раненого человека, умирающего от жажды, и воду совсем рядом. Само факт, что подать ему пить очень легко, делает это необходимостью. И это не откажется сделать никто — ни бандит, ни святой.

По аналогии, <надо> различать случаи, когда — даже если это не выглядит ясным на первый взгляд — *возможность содержит в себе необходимость. Действовать именно в этих случаях, но не в других.*

Ипполит. Бог видит, как страдает и гибнет человек, слишком верно ему служивший, — и не может его спасти.

Человек стоит выше богов посредством страдания — мысль греков. (В некотором смысле, недалеко от этого и идея «ревности Бога».)

[ms. 45] Причинность в чисто духовной сфере; только она одна восходит непосредственно к Богу. Притом что существует нечто вроде механизма духовности; но, может быть, только относительно условий, которые диктует связь человеческого ума с телом. [Нет, вероятно, не только...]

Если вдохновение благодати для человеческого существа внешне, то, поскольку оно приходит не от других людей, не из воздуха, не от солнца, и т. д., оно приходит от Бога.

Διγόνοιο Βάκχου (Ип<полит>, 560) ¹⁸²¹

Таков смысл выражение «царствие Божие». (Откуда происходит оно.)

Это единственная область, где Бог является непосредственной причиной.

Но по причине связи человеческого ума с телом благодать необходимо имеет физические проявления.

<Еврипид,> «Гекуба»,
ст. 345. πέφευγας τὸν ἐμὸν Ἰκέσιον Δία¹⁸²².

[348. κακὴ φανοῦμαι καὶ φιλόψυχος γυνή¹⁸²³.

356. ἴση θεοῖσι πλὴν τὸ κατθανεῖν μόνον:
νῦν δ' εἰμὶ δούλη...¹⁸²⁴

362. προσθεῖς δ' ἀνάγκην σιτοποιὸν ἐν δόμοις,
σαίρειν τε δῶμα κερκίσιν τ' ἐφεστάναι
λυπρὰν ἄγουσαν ἡμέραν μ' ἀναγκάσει:
λέχη δὲ τὰμὰ δοῦλος ὦνητός ποθεν
χρανεῖ, τυράννων πρόσθεν ἡξιωμένα¹⁸²⁵.

375. "Οστις γὰρ οὐκ εἴωθε γεύεσθαι κακῶν,
φέρει μέν, ἀλγεῖ δ' αὐχέν' ἐντιθείς ζυγῷ¹⁸²⁶."]

Троя — первородный грех греков.

Фольклор. Человек, которого все считают рабом, а на самом деле он — принц. Это человек...¹⁸²⁷ Некое пожелание (пить, омыться) предаёт его во власть его раба, которому он передал волшебный предмет. Первородный грех. Но здесь речь идет о необходимости, а не о наказании.

Возможна здесь контаминация двух тем? (Одна из которых — воплощение?)

[ms. 46] О<тец> Пуже. «Науки о религиях пока еще нет»¹⁸²⁸.
Определенно.

↓¹⁸²⁹ Это наука о сверхъестественном в его многообразных проявлениях через всё многообразие человеческих обществ.

(Ведь допускают, что сверхъестественное, конечно, существовало и до Христа. Но почему не у всех народов? Что означало бы: во всех религиях, не говоря о мусульманской, которая содержит большие заимствования из христианства¹⁸³⁰.)

Неверующие и христиане в равной степени не способны это понять.

Дети «белые как снег и румяные как кровь» у братьев Гримм, желанные плоды их матерей, всегда впоследствии попадают под власть мачехи.

(Правило Аристотеля относительно страданий невинного — абсолютно неверно¹⁸³¹.)

*Изучение фольклора: взяться за него совершенно по-новому*¹⁸³².

Снабдить¹⁸³³ себя фольклором, полностью.

Можно изучать сверхъестественное или как таковое, или как феномен. Второе изучение — необходимо, хотя бы чтобы

<этот феномен> выделить. (Например, социальное чувство у Дюркгейма, если оно не есть чувство религиозное, на самом деле оказывается всего лишь эрзацем¹⁸³⁴.) Чтобы изучать его как таковое, надо быть, для начала, в состоянии его различать. Значит, нужна вера, в подлинном смысле слова.

[На полях против следующего абзаца:] ПОСТУЛАТ.

В области понимания сверхъестественное есть то, что темно и <одновременно> является источником света. Поскольку в порядке ценности большее не может исходить из меньшего (*постулат, который надо проверить*), этот мрак светлее того, что для нашего понимания есть светлое. Мы непрерывно идем от меньшего к большему количеству света; когда мы падаем, проходя сквозь темноту, что-то нас вытаскивает. Свет нисходящий.

Во-первых, спросить себя: является ли необходимым понятие сверхъестественного? Затем: где и в каких случаях необходимо прибегать к нему?

Если оно необходимо, то для того, чтобы мыслить условия человеческого существования вообще (а не просто — сначала историю еврейского народа, а потом — историю Европы).

Слово¹⁸³⁵ есть свет, сопутствующий всякому человеку¹⁸³⁶.

[ms. 47] Λόγος. Отношение¹⁸³⁷. Λόγος и ἀγάπη¹⁸³⁸.

(?) Восстановить духовную свободу. Церковь ошиблась, отделив свободу от духовности: Возрождение, в своей тяге к свободе, отбросило духовность. Да, оно пропитано Грецией, но за вычетом греческой духовности.

Принцы, о которых думают, что они рабы. Разделение между «быть» и «казаться». Их положение дано им извне. Тема оклеветанной невинности, которая связана невозможностью защищаться. «Лебеди»¹⁸³⁹.

Необходимая связь сверхъестественного со страданием. Человек из плоти — как может он не страдать, соединяясь с божественной природой? А Бог страдает в нем оттого, что становится конечным. Страдание, предполагаемое самим актом творения. Страдание без утешения, ибо утешения создаются воображением, от которого следует опустошить себя, чтобы предоставить место Богу. Воображение — ложное божество. (Древо жизни в Книге Бытия?..)

Определенные действия (например, убийство, кроме, может быть, исключительных случаев), в сущности, воображаемы, хотя их совершают на деле. Вот они-то и запрещены.

Когда дают место в уме Богу, плоть оставляют во власти необходимости.

Послушание, высшая добродетель сотворенных существ.

? Бог — есть, а не кажется. Дьявол — кажется, и не есть. «Этo я раздаю все эти царства»¹⁸⁴⁰.

Страдание определяется усилиями, совершаемыми в пустоту. Когда у тебя болит голова, ты постоянно напрягаешь силы, чтобы избавиться от этой боли, но безо всякой пользы. Принятие страдания, таким образом, есть принятие пустоты.

Отказываться от плодов — означает иметь жизнь, целиком состоящую из усилий в пустоту.

[ms. 48] Прилагать к сверхъестественному (как в душе, так и в истории) понятие *условий существования*. Условия существования христианской религии в таком-то году; эта проблема встает одинаковым образом для верующих и неверующих. Все проблемы, которые встают перед неверующими, должны ставить перед собой и христиане — и вторые даже больше, чем первые.

Все рассуждения об этих предметах наполнены софизмами. Нельзя доказывать Провидение (как это делают верующие), выстраивая последствия относительно причины и в то же время говоря, что некоторые явления происходят без причины¹⁸⁴¹.

Познавать логику <явлений>.

Сотворение <мира> как произведение той видимости, которую мы должны удалить¹⁸⁴² (или это грех? но делимы ли они?). Видимости, которая есть иная вещь, нежели Бог.

Отношение как μεταξύ. Сын есть λόγος¹⁸⁴³, но не νοῦς¹⁸⁴⁴, ибо Он посредник¹⁸⁴⁵.

Недостаток веры в тоталитарной ортодоксии Церкви. Любой, кто просит у Бога хлеба, не получит камней¹⁸⁴⁶. Для того, кто желает истины, даже если ему померещится что-то ошибочное, оно станет для него этапом в познании истины; продолжая свой путь, он разглядит ее как ошибку. Кто не желает истины, тот обманывает себя; но он обманывает себя и тогда, когда читает «Credo»¹⁸⁴⁷. Осуждение ошибочных мнений было добрым делом; но не «anathema sit»¹⁸⁴⁸. Как знать, не является ли эта ошибка необходимостью — для такого ума — в качестве этапа? Достаточно было бы сказать: «любой, кто говорит, что... еще не достиг <истины>»¹⁸⁴⁹. Оградить «малых сих» <от соблазна>? А разве нельзя было это делать посредством молитвы <за них>?

Если я вопрошаю об истине, всякая мысль, которая предстает передо мной как истинная, приходит от Бога, даже если она ошибочна, и я не имею права ее [ms. 49] отвергать, повинуюсь некоему авторитету — даже свободно избранному.

Всякая религия есть единая истинная; то есть, в тот момент, когда я ее мыслю, мне следует рассматривать ее с таким вниманием, как если бы не существовало ни одной другой; так же, как каждый пейзаж, каждая картина, каждое стихотворение и т. д. — единственное прекрасное. «Синтез» религий предполагает сниженное качество внимания¹⁸⁵⁰.

Сверхъестественное в действиях. Действие <бывает> сверхъестественным не само собой, но как последствие — и выражение — сверхъестественного состояния <души>.

Римская империя подорвала¹⁸⁵¹ религии по всей οἰκουμένη (кроме еврейской), к моменту явления христианства. Только одни евреи сопротивлялись религии Государства. Но они были разбиты в 70 году. Христианство явилось наследником всех этих религий. Оно и не укоренилось нигде, кроме римского мира (и даже не во всем римском мире, по причине экспансии мусульманства). [И однако, Россия, Армения, Эфиопия¹⁸⁵².]

Сотворенное существо не является ничем, но считает себя всем. Оно должно не считать себя ничем, чтобы стать всем. Равновесие между «казаться» и «быть»; когда одно поднимается, другое опускается. Не казаться ничем, подражание Богу, действие не-действующее; <все это —> следствие любви.

Человеку дана воображаемая божественность, чтобы он мог обнажиться от нее, как Христос — от своей божественности реальной.

Доказательства Воплощения. История их не дает, ибо ни одно другое объяснение истории не было бы столь шокирующим для разума. Единственное: внутренняя достоверность (*internal evidence*) текста, который перед нашими глазами. Именно на ней основывается историческая ценность <евангельского> свидетельства, но не наоборот.

Существует некая «бого-бежная» (названная по примеру «центробежной». — П. Е.) сила; иначе все было бы Богом.

[ms. 50] «Илиада»; «немошь человека без Бога»¹⁸⁵³. Страдания тщетные, ибо это не страдания невинных. Может быть, кроме Патрокла? Но на это мало что указывает.

Крик страдания. Зачем? Он отдается эхом по всей «Илиаде». «Испанское свидетельство». И Христос.

Объяснить страдание — значит, его облегчить; стало быть, не нужно искать объяснения.

Отсюда — великое достоинство¹⁸⁵⁴ страдания невинных.

Оно похоже на допущение зла в творении Богом, который невинен.

Всякий, кто берется за меч, от меча погибнет¹⁸⁵⁵. А всякий, кто не возьмет меча (или опустит его), погибнет на кресте.

↓¹⁸⁵⁶ Быть невинным — это выдерживать вес целого мироздания. Это — бросить <себя на чашу как> противовес.

Страдание существа, которое не безвинно, — <целительное> наказание, при условии, что это существо чувствует и воспринимает его таковым. А если нет, оно будет страданием адским. Страдание существа чистого — искупительно¹⁸⁵⁷.

Ипполит¹⁸⁵⁸. Страдание — превосходство человека над Богом. Богу подобало стать человеком, чтобы это превосходство не было возмутительным.

Опустошая себя¹⁸⁵⁹, мы открываем себя давлению всей окружающей нас Вселенной.

К троице индусской религии (творец, разрушитель, хранитель) близка троица метафизическая (Бог проявленный, Бог непроявленный, Единство обоих) Слово соответствует Богу проявленному? «Никто не видел Отца»¹⁸⁶⁰, «Видящий Меня, видит Отца»¹⁸⁶¹.

[ms. 51] Бог и сверхъестественное в мироздании сокрыты и безвидны¹⁸⁶². Хорошо, чтобы и в душе они были сокрыты и неименуемы. Иначе мы рискуем под этим именем принять воображаемое. (Те, которые накормили, одели и т. д. Христа, не знали, что это был Христос¹⁸⁶³.) Смысл античных мистерий. Христианство (католики и протестанты в равной степени) слишком много говорят о том, что свято.

Каждое действие рассматривать под аспектом не только цели, но и импульса. Не: с какой целью? Но: из чего это исходит?

Бог мог творить только сокрывшись. Иначе ничего бы не было, кроме Него.

Различение между душами и Богом в раю — непостижимо (разве что если уподобить рай индуистскому «миру праведников», что в некоторых отношениях было бы ошибочно).

Значит, святость должна быть скрыта, даже от сознания, в какой-то мере. (Только в некоторой мере, ибо Христос... Но в конце...¹⁸⁶⁴) И должна быть такой (сокрытой. — П. Е.) среди мира.

Кажимость¹⁸⁶⁵ приклеивается к бытию, и только боль может оторвать их друг от друга.

Противоположны друг другу не радость и скорбь, но виды того и другого. Есть адские радость и скорбь; есть радость и скорбь целительные; есть радость и скорбь небесные.

Любой, кто имеет бытие, не может иметь кажимость, а сила находится на уровне кажимости¹⁸⁶⁶. Кажимость сковывает¹⁸⁶⁷ бытие.

Бег времени насильственно отрывает кажимость от бытия и бытие от кажимости. Разбитый горшок Миларепы¹⁸⁶⁸. Время являет, что оно не [ms. 52] вечность.

Вторая трагедия, о пытке невинного?¹⁸⁶⁹ На каком примере? Трагедия неподвижности. Боль одновременно является целиком внешней и целиком соприсущей невинности. Первое по причине второго.

Наказание. Это зло, которое я, каков я есть такого-то числа, причиняю себе, такому, каков я есть такого-то последующего числа. Например, у меня есть хлеб на понедельник, вторник и среду. Если я съем его весь в понедельник, то заставляю себя

голодать во вторник и в среду. Но если во вторник во мне еще действует то, что побудило меня причинить себе это зло в понедельник, значит, это я делаю зло себе же, тому, каков я в тот самый момент. Я могу делать его в неведении. Если корень моего проступка удален из моего ума (μετανοεῖν¹⁸⁷⁰ — «переменить ум»), тогда то зло, которое я терплю во вторник, — внешнее; это страдание безвинное. Когда я терплю зло, которое причинил себе, не зная того, это страдание адское. Когда же я узнаю, что причинил его сам, страдание становится искупительным <по отношению к этому злу>. «Переменив ум», я делаю его безвинным¹⁸⁷¹.

Виновный часто терпит зло, которое причиняется ему другими, а не им-самим-прошлым. Но источник этого зла, если не идентичен, то аналогичен источнику того зла, которое в нем. Признавая эту идентичность или аналогию, мы признаем злом то зло, которое в нас, в тех частях нашего естества, которые иначе не смогли бы сделать такого признания.

Мысль о человеческом убожестве, под его двойным аспектом греха и страдания, и есть это признание.

В состоянии крайнего несчастья жалость к себе не проявляется. Ниже определенной глубины несчастья эта жалость сменяется отвращением как к себе, так и к другим. Вот почему [ms. 53] Наполеон говорил, что о настоящих несчастьях не рассказывают; и древние, что «великие несчастья немые»¹⁸⁷². Эпический или трагический поэт не должен это игнорировать.

Отречение нельзя разделить. Тот, кто действительно и без компенсации отрекается от одной-единственной вещи, отказывается от всего, и в самом деле теряет все. Взамен он получит только одно — царство небесное. А чтобы сохранить, надо неслабно стеречь. (Даже и при этом теряют, но случайно.)

Справедливость Бога, возможно, строга (но скрыта) в области духовной¹⁸⁷³. Здесь добро всегда бывает с точностью вознаграждено, зло — с такой же точностью наказано. (*Карма?*)

Если мы просим хлеба, то не получим камней. Декартовский критерий ясного и отчетливого мышления — один из аспектов этого¹⁸⁷⁴.

Порядок (доклад Берже)¹⁸⁷⁵. Понятие, <имеющее> множество уровней. Совокупность условий существования некой вещи представляет собой порядок по отношению к этой вещи. Например, отлаженность часового механизма — <по отношению к> показаниям времени. Почва, бактерии, вода и проч. — к растению.

Поэтому доказывать бытие Бога посредством порядка мира более чем странно. Порядок как условие существования чего? Человека? Это означало бы поставить человека на один уровень с Богом, если не выше. Если цель творения — мы, то это цель довольно жалкая. Условие существования Бога? Более чем абсурд. Само понятие порядка мира более чем странно. Однако: космос¹⁸⁷⁶.

Существуют виды порядка, которые не являются условиями существования, или, во всяком случае, то, условиями чего они являются, слито с ними. Например, внутренний порядок души и добродетель. Порядок эстетический и прекрасное.

[ms. 54] Один отдельно взятый порядок есть подражание чему-то такому, что не является порядком. Музыка. Порядок звуков, подражающих молчанию.

Критерий неопределенного повторения. (Мы всегда беремся исправлять то, что действительно требует исправления; другое дело, что можно исправить неумело и при этом ухудшить. Если мы исправляем, значит, тут где-то есть несовершенство. Без этого не возникло бы желания исправлять.)

Для абстрактного мышления полнота бытия тождественна с ничто; но не тогда, когда мы уклоняемся от ничто и когда направляемся к бытию. Есть ничто, которого избегают, и есть ничто, к которому идут.

«Без имени, без формы»¹⁸⁷⁷.

Эстетический порядок превосходит воображение и понимание¹⁸⁷⁸. Третье измерение порядка¹⁸⁷⁹.

Порядок и *Слово*. Μεταξύ и посредник. (Слово является посредником не только в своем воплощении, но и в качестве Слова.) Λόγος. Порядок.

Созерцание человеческого убожества¹⁸⁸⁰ есть единственный источник¹⁸⁸¹ сверхъестественного счастья.

Прекрасное. Нельзя сказать, что это порядок, «отражающий перспективу». *Отрыв* от точки зрения.

Божественный план, божественный замысел — что это все-таки может значить? План подчиняет такую-то вещь как средство такой-то другой вещи как цели, такие-то вещи как части — такой-то другой вещи как целому. А для Бога все вещи равны.

Прекрасное тоже есть план без субординации. Микрокосм.

«Будьте совершенны, как совершен ваш Отец небесный» (по поводу дождя и солнца, предоставляемых всем без различия)¹⁸⁸².

[ms. 55] Зло и беспорядок и Троица. Для Отца нет ни зла, ни беспорядка (ибо все <включено> в κόσμος). Они могут быть только для Сына. Именно поэтому Он имеет власть суда. В κόσμος'е зло может быть только на уровне микрокосма. Сын — это Бог *в том качестве, в котором* мы должны Ему подражать. Поэтому Он есть и Мудрость, и Λόγος, относящиеся к порядку трансцендентного мира, находящегося выше нас, но доступного нашему восприятию.

Если же имеется еще кто-то другой мыслящий, для него будет тот же Бог, но некое другое Слово¹⁸⁸³.

Внести совершенство в микрокосм.

Но как и в каком смысле?

Откровение и разум, вера и разум; здесь и там разум — единственное орудие. Но есть вещи, которые разум постигает только при свете благодати. (Не возвращать зрение слепым, но...¹⁸⁸⁴)

Как познать волю Бога? Если водворим внутри у себя безмолвие, если заставим умолкнуть все желания, все мнения и с любовью, всей нашей душой, без слов, подумаем: «*γενήθτω τὸ θέλημα σου*»¹⁸⁸⁵, — тогда то, что мы затем почувствуем без какой-либо неопределенности, мы должны сделать (даже если в некоторых отношениях это будет ошибкой), — это и будет воля Бога. Ибо, если мы просим хлеба, Он не подаст нам камней.

Критерий. — Действие (или не-действие; некое поведение), в пользу которого <1> разум находит много отчетливых и непротиворечивых доводов, но относительно которого мы чувствуем, что <2> оно превосходит все доступные представлению доводы. Два сходящихся воедино критерия¹⁸⁸⁶.

Μεταξύ. Всякое представление, которое влечет нас к не-представимому. Μεταξύ необходимо для того, чтобы помешать нам ухватиться за ничто, вместо полного бытия.

[ms. 56] Миларепа. — Его опыт, когда он ел. Сама святость как феномен. И затем разбитый горшок. Он всё потерял, от всего отказался, но еще не прочувствовал всем своим существом, что горшка он тоже мог лишиться, <как и всего другого>¹⁸⁸⁷. Уровни веры. Самое обычное верование, охватывая *всю душу*, становится как откровение.

Третье измерение...

Рычаг. Отрыв бытия от кажимости — Λόγος — Познание 2-го рода? <Или> уже 3-го? — Отрыв воли от желания, или желания от перспективы. — Третье измерение.

Грех и добродетель суть не поступки, но состояния. Поступки — всего лишь автоматическое следствие состояния. Но мы не можем представить их (грех и добродетель. — П. Е.) иначе как в виде поступков. Отсюда — символ греха, *предшествующего всякому действию*. Мы родимся в состоянии греха. Было ли время, когда человек не находился в этом состоянии? Но он не имел тогда познания.

Кровь на снегу¹⁸⁸⁸. Невинность и зло. <Надо,> чтобы само зло¹⁸⁸⁹ очистилось. Оно не может быть чистым иначе, как в форме страдания, и страдания безвинного. Невинный, страдая, распространяет на зло свет спасения. Он становится видимым образом невинного Бога. Поэтому Бог, любящий человека, и человек, любящий Бога, неизбежно страдают.

— Счастливая невинность. Виолетта¹⁸⁹⁰. Тоже что-то бесконечно драгоценное. Но это счастье непрочное, хрупкое, счастье <во власти> случая. Как яблоневый цвет. Счастье не связано с невинностью.

[ms. 57] Женщина, которая хочет ребенка, белого, как снег, и красного, как кровь, получает его, но умирает, и ребенок остается мачехе.

«Не судите». Сам Христос не судит¹⁸⁹¹. Он <сам> — суд. Страдающая невинность как мера.

Суд — перспектива¹⁸⁹². В этом смысле любой суд судит того, кто его производит. Не судить. Это не безразличие, не уклонение, но трансцендентный суд, подражание суду божественному: он сам невозможен для нас, однако нам заповедано: «будьте совершенны, как совершен Отец ваш небесный».

Сближение между Богом и человеком запрещено самой природой творения, этой пропастью между бытием и кажимостью. — Упанишады: «боги этого не хотят»¹⁸⁹³. Это означает отторгнуться от тварности, а от нее отторгаются в страдании.

Когда ум подчиняется перспективе, чувство реальности теряется. Рабство: перспектива хозяина. Перспектива другого. <Подчинив себя перспективе, ум оказывается> ниже перспективы. Беспорядок ниже порядка. Но именно на этом основании рабство и оказывается образом отношения человека к Богу.

Не говорить о Боге (в том числе и во внутренней речи); не произносить этого слова, *кроме случаев, когда не можешь иначе*. («Можешь» здесь, конечно, имеет особенный смысл.)

Связь древа Рая с познанием, а древа Креста — с божественной Премудростью. Какое таинство заключает в себе эта симметрия? (И откуда происходит выражение «древо креста»?¹⁸⁹⁴)

[ms. 58] Человеческая немощь заключает в себе (по отношению к нам) тайну божественной Премудрости; но не удовольствие. Любой поиск удовольствия есть поиск искусственного рая, состояния более интенсивного (представление о более интенсивном как о более высоком), упоения, увеличения. Но этот поиск не приносит нам ничего, кроме опытного подтверждения его тщетности. Только видение поставленных нам пределов и нашей немощи переносит нас на более высокий уровень. (*Раджас — Самтва*¹⁸⁹⁵.)

«Кто понизит себя, будет вознесен». Адам и Ева пожелали себя возвысить.

Фреска Мазаччо¹⁸⁹⁶.

Преслушание состояло в том, чтобы без Бога стать *sicut dei*¹⁸⁹⁷.

[Человек согрешил, стремясь стать Богом (на уровне воображения), и Бог исправил эту ошибку, став человеком. В силу чего человек может поистине стать *sicut deus*. Так что змей сказал правду.]

Восходящее движение бесполезно (и хуже чем бесполезно), если происходит не от движения нисходящего.

«*Eritis sicut dei, scientes bonum et malum*»¹⁸⁹⁸: через искупление это стало правдой.

(Почему не допустить мысль о том, что Бог хотел ошибки Адама?)

Как будто бы движение людей к воображаемой божественности дало некое побуждение Богу с лихвой исполнить это желание путем наказания и искупления. Он прогнал их из рая, чтобы они поняли, что они не *sicut deus*. (Вот зачем нам приходится страдать; иначе мы это слишком легко забудем.)

Наша мысль, творя нас владыками вселенной, делает нас *sicut dei* в каждое мгновение, в которое нас не грызет необходимость.

Еве и Адаму вздумалось искать божественности в жизненной энергии. Дерево, плод. Но божественность приготовлена для нас на мертвом, ровно обструганном с четырех сторон дереве, где висит мертвец. Тайну нашего родства с Богом следует искать в нашей смертности.

[ms. 59] Единственное, что в нас не убого, это познание нашего убожества.

Грех есть всего лишь непонимание человеческой немощи. Немощи бессознательной, и именно поэтому заключающей в себе вину¹⁸⁹⁹. История Христа есть опытное свидетельство того, что человеческая немощь неустраима, что в человеке абсолютно безгрешном человеческая немощь столь же велика, как и в грешнике. Она просто высвечена¹⁹⁰⁰. Но эта немощь неотделима от состояния греха¹⁹⁰¹; история Христа связана с историей Адама.

Так же, как в некотором смысле Бог бесконечно больше всего мироздания, а в некотором — проявляет себя как лишь

часть мироздания, как благо, — так же в одном смысле человеческая немощь по определению связана с состоянием греха, а в другом — независима от греха. Таким образом, верно будет сказать, что Воплощение и Страдание суть и не суть последствия преслушания Адама¹⁹⁰².

Немощь человека состоит в том, что он не Бог. Он об этом забывает непрестанно.

Прометей. Бог дал человеку огонь — огонь, искусства, письменность, и т. д., все материальные условия, отделяющие человека от животных — и осужден за это страдать, ибо, проникнув в человеческую душу, он здесь переносит в страдании человеческую немощь.

Мы можем знать о Боге только одно: что Он есть то, чем не являемся мы. Единственный образ этого — наша немощь. Чем больше мы вглядываемся в нее, тем больше это видим.

«Тот, кому много оставляется, много любит»¹⁹⁰³: грех (в момент раскаяния) — как бы эквивалент страданию. <Так называемый> честный человек в своем благополучии¹⁹⁰⁴ не способен иметь в себе места для божественной любви (если только не имеет сверхъестественного видения того, сколь непрочны [ms. 60] его честность и благополучие). Он принимает за существенные свойства своей натуры то, что дано ему обстоятельствами. Он смешивает «я» и характер.

Физические страдания (и лишения) для мужественных людей часто становятся пробой на стойкость и силу духа. Но это и есть самая большая польза от них. Пусть они не будут тем же самым для меня. Пусть они станут ощутимым свидетельством человеческой немощи. Я буду переносить их целиком пассивно. Что бы со мной ни произошло, — неужели какое-то несчастье окажется для меня слишком тяжелым, коль скоро укусы несчастья и униженности, на которые оно обрекает, делают возможным познание человеческой немощи — познание, которое открывает двери всякой премудрости?¹⁹⁰⁵

Но удовольствие, благополучие, преуспевание, радость, — если мы умеем распознавать в них исходящее извне (от случая, от обстоятельств), — тоже свидетельствуют о человеческой немощи. Извлекать и из них эту пользу. Миларепа и пицца¹⁹⁰⁶. (Даже благодать, в качестве чувственно воспринимаемого феномена.)

Быть ничем, чтобы быть на своем истинном месте во всем.

Грех и познание немощи. Зная всей душой, что мы смертны, и всей душой это принимая, мы не станем убивать (разве что — представим, что это возможно — когда к этому принуждает справедливость).

<Связь между> грехом и привлекательностью силы. Так как душа еще не вся целиком научилась познавать и принимать человеческую немошь, [ms. 61] мы думаем, что между людьми есть различие, и потому несправедливы: и в том, что различаем между собственной пользой и пользой другого, и в том, что отличаем некоторых людей среди прочих.

Это оттого, что мы не знаем, что человеческая немошь есть постоянная и неустраняемая количественная величина, и ее в каждом человеке столько, сколько может вместиться; ее количество исходит только от Бога, так что <в этом отношении> между людьми существует тождество¹⁹⁰⁷.

Ошибка как побудительный мотив. Ошибка как источник энергии. Мне кажется, что я вижу друга. Бегу к нему. Подбежав поближе, обнаруживаю, что тот, к кому я бежала, — другой, незнакомый мне человек. Цветовое пятно, образованное этой внешностью, этой одеждой, которое минуту назад было для меня источником двигательной энергии, исчезло. Энергия высвобождается.

Дурные поступки суть те, источником энергии для которых является ошибка.

Все отдельные мотивы суть ошибки. Единственно благая энергия не проистекает ни от какого мотива. Послушание Богу,

то есть, поскольку мы не в силах ни постичь, ни вообразить, ни представить себе Бога, — <послушание> ничему. Это одновременно и невозможно, и необходимо — иначе говоря, сверхъестественно.

Любовь к Богу бывает чиста, когда радость и страдание в *равной степени* побуждают нас к благодарности.

Крепкое рукопожатие друга, встреченного после долгой разлуки. Я даже не замечаю, что чувствую от этого пожатия — удовольствие [ms. 62] или боль; как слепой чувствует предметы непосредственно концом своей трости, я напрямую чувствую присутствие друга. То же самое: обстоятельства жизни — какими бы они ни были — и Бог.

Из этого следует, что в скорби никогда не нужно искать утешения. Ибо счастье лежит вне области скорби и утешения. Оно воспринимается иным чувством, как восприятие предметов посредством конца трости или другого орудия — иное, нежели осязание в собственном смысле слова. Это иное чувство образуется перемещением внимания, через обучение, в котором участвуют как вся, целиком, душа, так и тело.

Потому-то и сказано в Евангелии: «Говорю вам, что они получили¹⁹⁰⁸ свою плату». Не нужно компенсации. Чувственная пустота¹⁹⁰⁹ — вот что способно перенести меня за пределы чувств.

Религия, <понимаемая> как источник утешения, есть препятствие на пути к истинной вере, и в этом смысле, атеизм — очищение. Я неизбежно являюсь атеистом той частью своей души, которая не приготовлена¹⁹¹⁰ для Бога. Из людей, у которых сверхъестественная часть души не пробуждена, правдивы атеисты, а верующие неправдивы¹⁹¹¹.

Таинства католической веры — и таинства других религиозных или метафизических традиций — устроены не так, чтобы в них верили всеми частями души. Присутствие Христа в го-

стии¹⁹¹² не является фактом в том же [ms. 63] роде, как является фактом присутствие моего друга Павла в теле Павла. Иначе это присутствие (Христа в гостии. — *П. Е.*) не было бы сверхъестественным. (При этом, и одно, и другое — непостижимы, но не одинаковым образом.) Таким образом, Евхаристия не должна быть предметом веры для той части меня, которая воспринимает факты. Именно здесь — частичная правда протестантизма (или, относительно Воплощения — деизма). Но это присутствие Христа в гостии не является и символом, ибо символ есть сочетание абстракции и образа; это нечто доступное¹⁹¹³ для человеческого понимания; это не сверхъестественное. И здесь правы уже не протестанты, а католики. Только той части моей души, которая способна к сверхъестественному, подобает быть причастной¹⁹¹⁴ этим таинствам. Но эта причастность — в большей степени любовь¹⁹¹⁵, чем вера. Итак, как различить любовь¹⁹¹⁶ от веры?

Позиция разумного восприятия¹⁹¹⁷ — та часть нас, которая утверждает и отрицает, которая выражает мнения — есть всего лишь подчинение. Всё, что я воспринимаю как истинное, менее истинно, чем те вещи, истинность которых я не могу постигнуть, но которые я люблю. Поэтому св. Хуан де ла Крус и назвал веру ночью. У тех, кто получили христианское воспитание, к таинствам <бывают> привязаны низшие части души, не имеющие на это никакого права¹⁹¹⁸. Поэтому они и нуждаются в очищении, этапы которого описаны у св. Хуан де ла Крус. Атеизм, недоверие¹⁹¹⁹ <к религиозным истинам> представляют собой эквивалент этому очищению¹⁹²⁰.

[ms. 64] Не принимать эти таинства как истины, ибо это невозможно, но признавать, что этим таинствам, которые мы любим, подчинено все, что мы принимаем как истины¹⁹²¹. Разум может распознать эту подчиненность из того, что любовь¹⁹²² к этим таинствам — есть тот источник, мыслей, которые он способен воспринять как истины. Вот каково отношение между верой и любовью¹⁹²³.

В сфере отношений между человеком и сверхъестественным следует стремиться к большей точности, чем в математике. Это должно быть точнее точной науки. Это должно быть одним из применений науки.

Таинства веры не надо ни утверждать, ни отрицать, но полагать их выше <всего>, что мы утверждаем или отрицаем.

РАЗ УЖ МЫ ЖИВЕМ ФАКТИЧЕСКИ ВО ВРЕМЕНА НЕВЕ-
РИЯ, ЗАЧЕМ НАМ ПРЕНЕБРЕГАТЬ ОЧИСТИТЕЛЬНЫМ ПРИ-
МЕНЕНИЕМ НЕВЕРИЯ? Я ЗНАЮ <ПОЛЬЗУ> ЭТОГО ПРИМЕ-
НЕНИЯ ПО ОПЫТУ.

Необходимость вступает в контакт с разумом посредством познания 2-го рода, а с чувственной сферой — посредством несчастья. Очищение возможно, только если мы признаем, что в обеих этих формах имеем дело с одной и той же необходимостью.

Несчастье оподляет человека, если уничтожает в нем познание 2-го рода. Сохранить его в несчастье — нет ничего труднее. (Нужно для этого перейти к познанию 3-го рода?)¹⁹²⁴

[ms. 65] Воля Бога. Она составляется на многих уровнях. Множественность различных и совпадающих мотивов вводит волю в соприкосновение с тем, что выше частных мотивов.

Μεταξύ.

Речь о том, чтобы, поднявшись выше перспектив путем соединения перспектив, поместить себя в *третье измерение*¹⁹²⁵.

Широта и глубина любви Христовой¹⁹²⁶.

| Не делать ни одного шага, *даже в сторону блага*, дальше того, к чему Бог понуждает тебя непреодолимо: и так в деле, в слове и в мысли. Но быть готовым к тому, чтобы по Его понуждению куда угодно, до предела, если он есть. (Крест...) Быть

максимально готовым — значит, молиться о том, чтобы Он сам тебя двигал вперед, но при этом не зная, куда.

Смирение; считать себя ниже других. Считать так внутри себя — не имеет смысла. Это операция аналогична той, посредством которой Декарт отрицает, чтобы приучить себя к сомнению. Надо считать себя ниже других, чтобы приучиться смотреть на себя как на равного им, не выделяя себя предпочтением. Раз уж мы не можем не вообразать иерархию, человеческую лестницу (а совершенство состоит в том, чтобы ее не вообразать), надо поставить себя на самой последней ступени, чтобы в собственной оценке не стать выше кого-либо из людей. В силу того, что мы будем удерживать себя на последней ступени, лестница исчезнет.

|| Контакт с творениями нам дан в ощущении присутствия; контакт с Богом — в ощущении отсутствия. Сравнительно с этим отсутствием, присутствие становится большим отсутствием, чем само отсутствие.

[ms. 66] Исследовать с возможно близкого расстояния понятие *возможности*, так как оно — узловое во многих тайнах, окружающих условия человеческого существования.

То, что не есть истина, может быть ниже или выше истины. Выше — когда это источник истин.

Вера — опыт того, как разум озаряется любовью. Истина как свет блага; благо выше сущностей. Орган в нас, которым мы видим истину, — разум; орган в нас, посредством которого мы видим Бога, — любовь. «Очами для души, которыми она видит и наблюдает вещи, служат самые доказательства»¹⁹²⁷. Это для истин. Но оком души для созерцания божественного служит любовь¹⁹²⁸.

Разуму остается только признать свойственными ему средствами, то есть констатацией и доказательством, превосходство любви. Разум может подчиняться только точным и ясным об-

разом зная, зачем <он это делает>. Иначе подчинение ошибочно, и то, чему он покоряется, независимо от этикетки на нем, есть нечто отличающееся от сверхъестественной любви. (Например, влиянию общества.)

«Когда двое или трое собраны во имя Мое»¹⁹²⁹. Не один. Но и не сотня. Двое или трое.

[ms. 67] Почему (если оставить в стороне исповедь и беседу с наставником) среди духовных упражнений никогда не допускаются беседы вдвоем или втроем? Не пересуды, но беседы, которые велись бы с максимальной концентрацией внимания? Это, возможно, стоило бы (во всяком случае, для тех, которые имеют одинаковые призвания) <не меньше>, чем чтение брe-виария¹⁹³⁰.

Прекрасное. Психологически определить его невозможно, так как полнота эстетического созерцания исключает интроспекцию. Таким образом, нельзя определить эстетический порядок как условие существования вещей, удовлетворяющих эстетическое чувство. Это порядок, который не включает в себя условия существования. (...Но как условие созерцания.)

Доказательство существования Бога на основании порядка мироустройства, как его обычно излагают, никуда не годится. Но можно сказать: тот факт, что человек может так же прийти в состояние эстетического созерцания перед зрелищем природы, как и перед греческой скульптурой, есть свидетельство о Боге.

У произведения искусства есть автор, но при этом, когда оно совершенно, в нем есть что-то существенно-безымянное. Оно подражает безымянности искусства Бога. Так красота мира свидетельствует о Боге одновременно и личном, и безличном — и ни таком, ни другом.

Автор и порядок. Также и необходимость (отношения математические и механические) есть порядок, не имеющий автора¹⁹³¹.

[ms. 68] Математика как $\mu\epsilon\tau\alpha\chi\acute{\upsilon}$ по отношению к безличному аспекту Бога.

Если «я» как личность исчезает¹⁹³² по мере подражания Богу, как хватит его на то, чтобы воспринять личного Бога? Представление о личном Боге препятствует такому подражанию.

Вера. Разуму надлежит различать, что́ может быть объектом для сверхъестественной любви. Ибо это его долг — совершенным образом различать и все, что находится на уровне интеллигибельной истины, и все, находящееся ниже. Все, что не относится ни к тому, ни к другому, есть предмет сверхъестественной любви. Различение, производимое интеллектом, существенно важно, чтобы отделить сверхъестественную любовь от привязанности. Ведь можно быть <просто> привязанным к чему-то, что называют Богом.

Любовь ($\alpha\gamma\acute{\alpha}\lambda\eta$ ¹⁹³³) есть одно из расположений сверхъестественной части души. Вера — такое расположение всех частей души — и тела — чтобы каждая из них имела по отношению к предмету любви то поведение, которое более всего соответствует ее природе. Справедливость по Платону¹⁹³⁴. (Также и Писание всегда сближает веру и справедливость.)

Надежда есть вера, ориентированная во времени в сторону будущего. Это сверхъестественный эквивалент решимости стояния в добродетели.

[ms. 69] То, что внизу, уподобляется тому, что вверху. Тем самым рабство есть образ послушания Богу, унижение — образ смирения, и т. д.

Ввиду этого следует искать то, что ниже всего — в качестве образа.

Пусть то, что в нас низко, пойдет вниз, чтобы то, что высоко, могло подняться ввысь, — ибо мы перевернуты. Мы рождаемся такими. Восстановить <истинный> порядок <вещей> — значит, победить творение в нас¹⁹³⁵.

Порядок и беспорядок. Всякий порядок подразумевает соотносимый с ним беспорядок, в том смысле, что порядок, по своей сути, — частичен; и, таким образом, доказательство существования Бога посредством порядка мироустройства (в обычной форме) есть не в меньшей степени свидетельство против существования Бога. Но с прекрасным дело обстоит иначе: прекрасное есть порядок совершенный. Также и целиком послушная душа есть порядок совершенный.

Мир прекрасен лишь для того, кто имеет в себе *amor fati*¹⁹³⁶, и, следовательно, *amor fati* для того, кто его имеет, есть экспериментальное свидетельство реальности Бога.

Порядок подразумевает некую личность в качестве автора, некую особенную цель, план, составленный в видах этой цели, материалы, которые, являясь вместе и средствами <к ее достижению>, и препятствиями¹⁹³⁷, вовлечены во множество отношений, помимо их отношения к этому порядку. Например, часы.

Все это стирается в одной прекрасной вещи, хоть она и создана человеческими руками. Все это не имеет в мире никакого дополнительного смысла.

Вера есть поведение всех частей души, иных, нежели сверхъестественная любовь, по отношению к тому, что они не в состоянии постичь, и именно как к непостигнутому. Если же они [ms. 70] постигают что-то, значит, это не вера, а нечто другое, и предмет не соответствует надписи на нем. Темная ночь.

Говоря, что католическая вера истинна, а другие ложны, наносят оскорбление не только другим религиозным традициям, но и самой католической вере, помещая ее на один уровень с вещами, которые можно утверждать или отрицать.

Интеллекту необходима полная свобода, включая свободу отрицать Бога. Следовательно, религия имеет отношение к любви, а не к утверждениям и отрицаниям. Ибо ничто доброе не может повредить интеллекту. Но сверхъестественная любовь, хотя она и не служит для утверждения, представляет собою бо-

лее полное постижение реальности, нежели даваемое интеллектом, и это познание о существляется в душе, где живет сверхъестественная любовь, посредством того же интеллекта. Ибо, если ее (сверхъестественной любви. — П. Е.) там нет, интеллект не сможет ничего сказать о ней.

Посредством интеллекта мы знаем, что то, чего интеллект не постигает, более реально, чем то, что он постигает.

Опыт трансцендентного; это кажется противоречием, но однако трансцендентное может быть опознано только через контакт, так как наши способности не могут его подделать.

[ms. 71] Дионис. Βρόμιον παῖδα θεὸν θεοῦ¹⁹³⁸. Пенфей говорит <о Дионисе>, что это ни человек, ни бог, и его наказывают за это¹⁹³⁹. Διόνυσον οὐκ ἔφασκον ἐκφῦναι Διός¹⁹⁴⁰. К тому же он был рожден не так, как рождаются младенцы у женщин. — ἵν' εἶην ἐμφανῆς δαίμων βροτοῖς¹⁹⁴¹. Αὐτῷ θεὸς γεγώς ἐνδείξομαι¹⁹⁴². (...)

ὦ μάκαρ, ὅστις εὐδαίμων

τελετὰς θεῶν εἰδώς

βιοτὰν ἀγιστεύει καὶ

θιασεύεται ψυχὰν.

ἐν ὄρεσσι βακχεύων

ὁσίοις καθαρμοῖσιν,

τά τε ματρὸς μεγάλας ὄρ-

για Κυβέλας θεμιτεύων,

ἀνὰ θύρσον τε τινάσσω,

κισσῷ τε στεφανωθείς

Διόνυσον θεραπεύει¹⁹⁴³. (...)

[Ο θίασος, религиозных братствах,
ср. у Геродота, IV, 79.]

Геродот, II, 144. "Οσιρις δὲ ἐστὶ Διόνυσος κατὰ Ἑλλάδα γλῶσσαν¹⁹⁴³.

Дионис — бог, желающий, чтобы его чтили радостью:

ἐπιλελήσμεθ' ἡδέως γέροντες ὄντες¹⁹⁴⁵.

ἐξ ἀπάντων βούλεται τιμὰς ἔχειν.

Два старца пляшут в честь Диониса. Отбросить боязнь людского мнения¹⁹⁴⁶.

Тиресий:

οὐκ ἂν δυναίμην μέγεθος ἐξειπεῖν ὅσος καθ' Ἑλλάδ' ἔσται. δύο γάρ, ὧ νεανία, τὰ πρῶτ' ἐν ἀνθρώποισι: Δημήτηρ θεάγῃ δ' ἔστί, ὄνομα δ' ὁπότερον βούλῃ κάλει¹⁹⁴⁷:

Гесиод, «Теогония», ст. 240–<242>.

Καδμείῃ δ' ἄρα οἱ Σεμέλῃ τέκε φαίδιμον υἱὸν
μιχθεῖσ' ἐν φιλότῃ, Διώνυσον πολυγηθέα,
ἀθάνατον θνητῇ: νῦν δ' ἀμφοτέροι θεοὶ εἰσιν¹⁹⁴⁸.

[ms. 72] Дионис — Посредник:

οὗτος θεοῖσι σπένδεται θεὸς γεγώς,
ὥστε διὰ τοῦτον τάγαθ' ἀνθρώπους ἔχειν.

<Перевод Симоны:>

Он же, будучи богом, делается возлиянием
остальным богам,
так что при его посредничестве люди получают благое¹⁹⁴⁹.

ὅταν γὰρ ὁ θεὸς ἐς τὸ σῶμ' ἔλθῃ πολὺς,
λέγειν τὸ μέλλον τοὺς μεμνηνότες ποιεῖ.

<Перевод Симоны:>

Когда бог входит в тело большим количеством (?)
он делает так, что <люди> входят в исступление
и предрекают будущее¹⁹⁵⁰.

ἴσαν δ' ἔς τε τὸν ὄλβιον
τόν τε χείρονα δῶκ' ἔχειν
οἴνου τέρψιν ἄλυπον¹⁹⁵¹:

γνώσεται δὲ τὸν Διὸς
Διόνυσον, ὃς πέφυκεν ἐν τέλει θεός,
δεινότατος, ἀνθρώποισι δ' ἡπιώτατος¹⁹⁵².

Воплощение. Мысль, что Бог занимается миром, людьми, временем — абсурдна не меньше, чем само Воплощение. Однако мы не можем заставить себя думать, что это не так.

Никакая из этих абсурдных мыслей не более абсурдна, чем те, мыслить которые мы вынуждены во всяком случае.

Отождествление совершенного человека с Богом можно рассматривать с точки зрения схождения или с точки зрения восхождения. Но важно именно схождение¹⁹⁵³.

Созерцание абсурдностей поднимает нас вверх, если мы рассматриваем их именно *как абсурдные* (тогда их не надо защищать).

[ms. 73] Греческие боги, капризные, ни добрые ни злые, добрые и злые попеременно, но скорее злые, чем добрые, хуже и могущественней людей. Но <людям> без них не обойтись.

Во всякой ошибке есть своя польза. Гораздо больше в наших интересах определить ее, чем изречь: «*Anathema sit*»¹⁹⁵⁴.

Каково различие между Воплощением <Бога> и сотворением одной <человеческой> души? Представляется возможным помыслить об этом различии только то, что оно состоит в грехе, или, по меньшей мере, в возможности греха (возможность — весьма загадочное понятие).

Мелхиседек и от Иоанна (8:56¹⁹⁵⁵); ссылка на другое откровение, <бывшее> на заре исторических времен? — 2000. (Или продолжение некоего откровения еще более раннего? Но во всяком случае, за 2000 лет до н. э. существовало откровение высшее, нежели то, что имел Израиль¹⁹⁵⁶.)

Историческое, социологическое и т. д. изучение такой-то религии: исследование *условий существования* — то, что затем позволит к перейти к проблеме качества¹⁹⁵⁷ откровения.

Οὐδὲ γὰρ ὁ πατὴρ κρίνει οὐδένα, ἀλλὰ τὴν κρίσιν πᾶσαν δέδωκε τῷ υἱῷ¹⁹⁵⁸.

...ἐξουσίαν ἔδωκεν αὐτῷ καὶ κρίσιν ποιεῖν, ὅτι υἱὸς ἀνθρώπου ἐστίν¹⁹⁵⁹.

Лука: Σοὶ δώσω τὴν ἐξουσίαν ταύτην ἅπασαν καὶ τὴν δόξαν αὐτῶν, ὅτι ἐμοὶ παραδέδοται, καὶ ᾧ ἐὰν θέλω δίδωμι αὐτήν¹⁹⁶⁰.

[ms. 74] Многие проблемы упростились бы, во всяком случае, в том, что касается данных <для их решения>, если выдвигнуть принцип: Бог не спутывает порядок. Он действует сверхъестественно в области сверхъестественного и естественно (то есть, в некотором смысле, никак) в области природы. Творение и есть это соблюдение порядка. Бог не разрушает собственного творения, это свойственно творению — разрушать самому себя.

Истории о чудесах все спутывают. Один подход — отрицать их полностью: это почти невозможно. Другой — помещать их среди явлений природы. Наука этого до сих пор не делала, потому что там, где господствует научная концепция мира, в чудеса не верят, так что и нет повода их изучать. С отношением науки к чудесам происходит то же, что с отношением Церкви к астрономии или к библейской критике. Оттого, что чудеса социально принадлежат к среде, чуждой науке, наука усвоила враждебное к ним отношение, повторяя таким образом ошибку Церкви.

Чудо — естественный феномен, который происходит только для человека, находящегося в таком, таком и таком состоянии. Состояния, подходящие для таких феноменов, это: святость, истерия, укрощение себя аскезой, может быть, и другие.

[ms. 75] Театр (или эпопея). Третье измерение в порядке человеческой участи. — «Эдип-царь», «Вакханки», Жаффье...¹⁹⁶¹
Искусство и третье измерение. А музыка?

Возвышение и понижение. Женщина, разглядывая себя в зеркало и прихорашиваясь, не испытывает стыда за то, что сводит себя, бесконечное существо, способное созерцать всё, к этому маленькому пространству ($\mu\kappa\rho\delta\varsigma\ \acute{o}\upsilon\kappa\omicron\varsigma$ ¹⁹⁶²). Таким же образом, каждый раз, когда мы возносим свое «я» (социальное, психологическое, и т. п.) так высоко, насколько способны, мы безмерно унижаем себя¹⁹⁶³, сводя себя до одного лишь этого¹⁹⁶⁴. Когда же наше «я» понижено (или хотя бы если энергия не направлена на то, чтобы желанием повышать «я» в себе), тогда мы знаем о себе, что мы — не есть это¹⁹⁶⁵.

Блистательно-красивая женщина, разглядывая себя в зеркало, вполне может думать, что вся она — этот <красивый облик>. Некрасивая женщина, когда видит себя в зеркало, знает, что она — не это.

Фольклор; принц, ставший рабом своего раба¹⁹⁶⁶.

Целительному действию несчастья препятствуют лишь прошлое и будущее, предоставляя безграничный простор для воображаемых возвышений. Поэтому отречение от прошлого и от будущего — это самое первое из отречений¹⁹⁶⁷.

Время есть образ вечности, но оно также и эрзац вечности.

Среди последствий несчастья есть такое: человек на самом деле наинает считает себя за ничто. Скорбь отчаянная. Это может стать адом или воротами рая. Я — ничто. Это невозможно. Именно в этом смысле, крайнее страдание — это *невозможное*¹⁹⁶⁸. Оно [ms. 76] принуждает душу к логически противоречивым мыслям.

Совершенно прекрасная вещь, в тот момент, когда мы фиксируем на ней внимание, есть единственная красота. Две греческих статуи: та, на которую мы <в настоящий момент> смотрим, она и прекрасна, а другая — нет¹⁹⁷⁰. Так же <обстоит> и с католической верой, и платоновской или индуистской мыслью, и т. д. Та из них, на которую смотришь, прекрасна, остальные — нет. Таким образом, провозглашающие такую-то веру единственной истинной и прекрасной, хоть и неправы, но в некотором смысле правее правых, потому что обращены к своей вере всей душой.

Различение *областей*¹⁹⁷¹. Важнейшая мысль у Платона. "Οτι περ πρὸς γένεσιν οὐσία, τοῦτο πρὸς πίστιν ἀλήθεια¹⁹⁷².

Демииург рассматривает вечное. Δῆλον ὡς πρὸς τὸ αἰδιον ἔβλεπεν¹⁹⁷³. Бог Отец не имеет отношения ко времени. Отношение ко времени имеет Слово, хоть Оно и вечно. Мировая Душа. Таким образом, «никто не приходит к Отцу иначе как через Меня»¹⁹⁷⁴.

Образец — и Святой Дух?¹⁹⁷⁵

Когда мы слушаем Баха или григорианское пение, все способности¹⁹⁷⁶ души умолкают и устремляются на то чтобы воспринять эту совершенную красоту, каждая свойственным ей образом. Среди прочих и интеллект; он не находит здесь ничего для утверждения или отрицания, но он питается этим.

Не должна ли быть вера приверженностью именно такого рода?

Таинства веры унижают, делая их предметом утверждения или отрицания, тогда как им подобает быть предметами созерцания.

[ms. 77] Добродетель смирения в интеллектуальной области состоит не в чем ином, как во внимании.

«Тот, кто не уверует в Меня...»¹⁹⁷⁷ и другие вещи в том же роде в Евангелии можно интерпретировать двояко. Во-первых, применительно к Слову. К Отцу не приходят, кроме как через Слово; этот свет рождается вместе со всяким человеком¹⁹⁷⁸, и это истинно всегда, в отношении всех людей, без единого исключения. (Но это не требует, чтобы Слову, или, может быть, даже Отцу, давали имя. Это отношение¹⁹⁷⁹ по-разному выражается на разных языках, и без языка тоже.) Во-вторых, применительно к человеку, который был ὁ Χριστός¹⁹⁸⁰. Кто, встречая Его во плоти, на земле, и слыша, кто, читая Его слова в тексте Евангелия, не подумал: «это — от Бога», тот — кем бы он ни был — не умеет различать святое. Но здесь речь идет только о различении божественного вдохновения, а не об особенной природе этого вдохновения. Что же до личностной связи между Словом и человеком, ничто не указывает, что спасется лишь тот, кто претендует на обладание такой связью. Это было бы абсурдом.

«Есть у Меня и другие овцы... и однажды все будут в одной овчарне»¹⁹⁸¹. Но и еще прежде того, как они войдут в эту овчарню, они уже — Его овцы. И эта единая овчарня будет, может быть, уже в обновленном мире.

«Тимей». Αὐτὸ γὰρ ἐαυτῷ τροφὴν τὴν ἐαυτοῦ φθίσιν παρέχον¹⁹⁸². Мир¹⁹⁸³ сам доставляет себе пищу, и это <питание> есть его собственное разрушение. Причащение¹⁹⁸⁴.

Слово — беспримесно¹⁹⁸⁵ мощно — и беспримесно страдательно. Сотворившее всё от начала — и Агнец, закланный от начала¹⁹⁸⁶.

↑ Человек: смещение власти и страдательности. Будучи творением, существованием частичным¹⁹⁸⁷, он может обрести чистоту лишь в чистой страдательности.

«Тимей», 34а. Ἀλλανὲς ἐαυτῶν¹⁹⁸⁸. ПРЯМОЛИНЕЙНЫЕ ДВИЖЕНИЯ КАК ПРИНЦИП ЗАБЛУЖДЕНИЯ. ТЕМА ДЛЯ БОЛЬШОГО РАЗМЫШЛЕНИЯ.

[ms. 78] Ὡς δὲ κινηθὲν αὐτὸ καὶ ζῶν ἐνόησεν τῶν αἰδίων θεῶν γεγονὸς ἄγαλμα ὁ γεννήσας πατήρ, ἡγάσθη¹⁹⁸⁹.

Посредник необходим, так как между Богом и временем никакое <непосредственное> отношение не является возможным.

Существо, рассеченное вдоль времени¹⁹⁹⁰. Бог на кресте.

Прекрасное есть подражание небесной гармонии, то есть, соединение¹⁹⁹¹ Тожественного и Иного, где Тожественное господствует, а Иное обуздано принуждением¹⁹⁹². Связь с «Федром»¹⁹⁹³; итак, прекрасное есть чувственно воспринимаемый образ блага.

Порядок мира как условие существования *творения мыслящего*.

Звезды в «Тимее». ...τὴν (κίνησιν) μὲν ἐν ταῦτῳ κατὰ ταῦτά, περὶ τῶν αὐτῶν ἀεὶ τὰ αὐτὰ ἑαυτῷ διανοουμένῳ¹⁹⁹⁴.

Звезды, образец для созерцания.

Разрушение. Бог, сотворив мир, неизменно желает, чтобы он пребывал¹⁹⁹⁵; следовательно, разрушать — дурно, если только мы не делаем это ради перехода сотворенного в несотворенное. *Разрушение есть дурная имитация (эрзац) этого действия*. Таким образом, человек, убивая, уподобляет себя Богу, но дурным подобием.

«Тимей». Бог не может сам по себе сотворить смертных¹⁹⁹⁶ (только бессмертную часть их души). <Эта> часть: θεῖον λεγόμενον ἡγεμονοῦν τε ἐν αὐτοῖς τῶν ἀεὶ δίκη καὶ ὑμῖν ἐθέλοντων ἔλθεσθαι¹⁹⁹⁷. — ὑμῖν — это неподвижные звезды¹⁹⁹⁸.

Чтобы быть совершенным, мир должен содержать в себе и части несовершенные, которые Бог не может сотворить напрямую. Почему?

[ms. 79] Ὅπότε δὲ σώμασιν ἐμφυτευθεῖεν ἐξ ἀνάγκης, καὶ τὸ μὲν προσίοι, τὸ δ' ἀπίοι τοῦ σώματος αὐτῶν...¹⁹⁹⁹

|| Секрет нашей немощи в том, что что-то входит в нас, а что-то выходит из нас. Питание. Привязанность.

Мы — часть, которой приходится подражать всему.

Тайна блага в поступках. Единственный критерий оценки поступка есть то последствие, которое оно несет для души; но мы никоим образом не можем судить о нем посредством интроспекции. Или, иначе (но это восходит к тому же, принимая во внимание строгую точность воздаяния в духовной сфере): единственным критерием ценности поступка есть тот источник в душе, который предоставляет мотивы для этого поступка; но и об этом никак нельзя судить посредством интроспекции²⁰⁰⁰.

Отрешение, не-различение (в высоком смысле слова). Говорят: «если у меня не будет стимулов, как я буду действовать? Ради чего я буду действовать?» Но в этом и состоит чудо сверхъестественного. Ты даешь умолкнуть в себе всем мотивам, всем стимулам — и тем не менее ты действуешь, движимый иным источником энергии, нежели мотивы и стимулы. Но в этом действии, причиной которого не является ни один мотив, ни один стимул, сходится множество мотивов и стимулов.

«Тимей». Отношение между *числом* и *кругом*²⁰⁰¹.

Понятие *трансцендентной ценности* — прояснить. Привязано к <понятию> пустоты.

Заставить замолчать в себе мотивы и стимулы, и действовать: это чудо, аналогичное чуду Воплощения²⁰⁰².

Вместилище, по Платону, — вне форм²⁰⁰³; образ трансцендентного.

[ms. 80] Идея *вместилища*. — Гῆ — Великая мать. — Это протяженность.

Метафоры невесты и жениха в мистике²⁰⁰⁴.

Сохранять в себе *только* то, что страдательно.

Наука, искусство и религия сводятся вместе через понятие *порядка мира*, которое мы совсем утратили²⁰⁰⁵.

Платон. Ум господствует над необходимостью путем убеждения²⁰⁰⁶. Образ внутреннего порядка? Действие не-действующее над самим собой. Не-насилие по отношению к себе.

Прекрасное есть образ этого убеждения.

Органом ума не может быть какая-то из числа блуждающих причин²⁰⁰⁷. Убеждение осуществляется по отношению ко всякой необходимости.

[Таким же образом, посланцем Бога не будет заурядный человек. — Мессия у евреев...]

Насилия над собой принадлежат к состояниям низшим, нежели совершенство; их следовало бы рассматривать как исполнение неизбежной обязанности, к которому принуждают внешние обстоятельства и несовершенства. Необходимость <для нас> таких самопринуждений есть мера <нашего> несовершенства.

| Следует применять их без цели. Выполняемые в соответствующем духе, без привязанности, они конечны и <в свое время> прекращаются. В ином случае, их приходится каждый раз начинать заново.

Делая над собой насилие, следует применять его скорее как то, что переносят, чем как то, что делают. Как и при случаях физического страдания или испуга, испытывая его, мы пробуем на вкус и измеряем нашу немощь. Оно не является плодом воли, оно навязывается нам нашим несовершенством или диктуется обстоятельствами, в которых просматривается обязанность.

Апостол Павел... Закон и грех²⁰⁰⁸.

[ms. 81] Вдохновение, благодать, истина и т. п., рассматриваемые как то, что нам не принадлежит²⁰⁰⁹. Апостол Павел: Слово не было привязано к своей божественности²⁰¹⁰.

Все люди готовы умереть за то, что они любят. Они не различают ни уровня этой любимой вещи, ни концентрации или рассеянности своей любви. Никто не любит сам себя²⁰¹¹.

Никто не способен умереть за то, что он не любит. (Но бывают переносы²⁰¹².)

Факт. Никакое точное определение факта, опирающееся на анализ, не выражается так, чтобы его можно было распространить на такие вещи, как Воплощение или Евхаристия. Факт принадлежит к области времени. Кант²⁰¹³.

Но область реальности бесконечно шире области факта.

Воплощение. Не быть привязанным к сверхъестественному.

Слово полностью обнажилось от своей божественности. «Зачем Ты Меня оставил?»²⁰¹⁴

Суд. Точный, но скрытый механизм управляет духовными вещами. Известный только самому Слову. ...ἀπὸ τῆς ὀρυγῆς τοῦ ἀρνίου²⁰¹⁵.

{ Порядок бесконечных (*прочитай Кантора*)²⁰¹⁶.

{ Моя немощь бесконечна по отношению к моей воле, но конечна по отношению к благодати. Таким образом, она может быть исчерпана, и святость — возможна. Благодать — бесконечно большая <величина> второго порядка.

Моя немощь относительно благодати конечна, но не бесконечно мала. Она может быть исчерпана; но мне нужно, чтобы она была исчерпана. Неустранимое количество. Есть эквиваленты, но никакая экономия работы невозможна. Если хоть сколько-нибудь этого остается в человеке, он далек от состояния совершенства.

[ms. 82] Иметь много грехов — обстоятельство даже благоприятное, если только мы умеем рассматривать естественную добродетель как форму немощи, эквивалентную греху.

Прочтение. Как в куске хлеба мы прочитываем то, что можно съесть, и делаем это, подобным образом в таком-то стечении обстоятельств мы прочитываем обязанность <поступить так-то>, и делаем это. Делаем настолько проворнее, чем яснее прочли эту обязанность. Прочитываем ее тем яснее, чем лучше понимаем этот язык.

В таком-то месте находятся одни указатели в виде изображений, а другие в виде надписей. Тот, кто не умеет читать, следует указателям в виде изображений. Кто умеет читать, повируется надписям и уже не смотрит на изображения.

Так и с желанием и обязанностью.

Прочтение *само по себе* предполагает перенос энергии (условный рефлекс).

Тот, кого желание подталкивает к дурному поступку, а он сопротивляется, тот имеет ощущение, что его нечто подталкивает к дурному поступку, и <при этом> не сознает <в себе> энергию, соединенную с чувством долга. Если же он решится на этот дурной поступок, тогда почувствует сопротивление, которое ему придется преодолеть.

Вот почему на пути, направленном ко злу, добро кажется искушением. Фауст у Марло. Жиль²⁰¹⁷.

Если мы пассивно уступаем дурному желанию, это <происходит> или после борьбы, или после того, как энергия, соединенная с чувством долга, исчерпана.

[ms. 83] Добродетель, вступающая таким образом в прямое противоборство со злом в душе, не есть подлинная.

Как научиться прочитывать свои обязанности? Так же, как учимся читать: прежде всего прилагая внимание, но еще и с по-

мощью упражнений, в которых участвует тело. Каждый раз, выполняя некоторую обязанность, мы продвигаемся в этом искусстве, при условии, что ее исполнению сопутствует и подлинное внимание. Внимание в обучении <должно быть> направлено на то, чего мы пока не знаем.

Греческий софизм, согласно которому обучение невозможно²⁰¹⁸, будучи противоречив, являет образ отношения того, что представимо, к трансцендентному.

Желание: первое измерение. Обязанность: второе. Третье...

Обязанность, μέταξύ? Как буквы, как музыкальные интервалы... Отношение. Λόγος.

Душевный разлад, конфликты, прочтения обязанностей, противоречащие друг другу и несовместимые в одном и том же комплексе обстоятельств. <Доходит до> того, что на уровне таких конфликтов делают выбор почти случайно. Но этот конфликт, если рассмотреть его со вниманием, не в перспективе его решения, но сам по себе, выводит душу из области обязанностей.

В каком случае борьба с искушением истощает энергию, соединенную с добром, и в каком случае она поднимает эту энергию по лестнице качеств энергии?

Это, вероятно, зависит от соотношения доль воли и внимания <в каждом из случаев>.

[ms. 84] Религиозно сумел противостоять Риму только Израиль, так как его Бог, пусть нематериальный, был земным²⁰¹⁹ владыкой на уровне императора; и именно благодаря этому (переворачивание²⁰²⁰) смогло появиться христианство. Только в этом смысле и можно говорить об избранности. Религия Израйля была не настолько возвышенной, чтобы быть хрупкой; своей прочностью она смогла защитить первые ростки того, что было более возвышенно.

(В порядке условий существования, добро производит зло, и зло — добро; но вследствие определенных механизмов.)

Единственным предметом воспитания должно быть внимание. И обучения тоже²⁰²¹.

Поиск добра низводит добро до уровня представимых вещей. Поэтому действовать нужно <не в целях поиска добра, а> ради избежания или уничтожения зла. Зло — представимо.

Если «я» испытывает удовлетворенность после некоторого поступка (или создания произведения искусства), это деградация²⁰²² более высокой энергии²⁰²³. Вот почему правая рука не должна знать, <что делает левая>²⁰²⁴.

Когда идет борьба между волей, соединенной с обязанностью, и дурным пожеланием, энергия, устремленная на добро, истощается. Укус пожелания следует воспринимать пассивно, как страдание, — то страдание, в котором мы ощущаем нашу немоту, — и сохранять внимание обращенным к добру. И тогда происходит подъем по шкале качеств энергии, переход от второго к третьему роду познания²⁰²⁵.

[ms. 85] Это применимо даже при искушении вялостью в работе, хотя, казалось бы, уступить ей будет пассивностью, а сопротивляться ей — активностью. Усталость есть такое же страдание, как зубная боль. Когда мы устанем во время работы, следует пассивно терпеть страдание, со вниманием, обращенным на дело, которое надо сделать.

Боль — не зло. Немоуь сотворенного существа — не зло. <Ибо само> творение — не зло.

Похищать у желаний их энергию, возвышая их направленность во времени.

| ? Трансцендентное «я»²⁰²⁶ не обладает энергией, но способно повышать качество²⁰²⁷ энергии посредством внимания.

Встреча Израиля и Рима, двух сил, каждая из которых была жестокой по-своему, произвела христианство, то есть новую форму мистики, уничтоженной Римом (бывшей в упадке уже перед рим<ским завоеванием>?).

Человеческая немощь была бы невыносима, если бы не была разлита по времени <человеческой жизни>.

Не давать ей разливаться, именно *чтобы* она стала невыносимой.

Самое худшее из бедствий, когда оно так разольется, становится выносимым.

Илиада. «И когда они так насытились плачем...»²⁰²⁸

Не следует плакать, так как не надо, чтобы нас утешали.

[ms. 86] ...ὁ φαῦλα πράσων μισεῖ τὸ φῶς [...] ὁ δὲ ποιῶν τὴν ἀλήθειαν ἔρχεται πρὸς τὸ φῶς...²⁰²⁹

Тот, кто делает дела ничтожные, ненавидит свет [...] тот, кто творит истину, приходит к свету...

(Однако, Мария Магдалина...)

...οὐδεὶς ἀναβέβηκεν εἰς τὸν οὐρανὸν εἰ μὴ ὁ ἐκ τοῦ οὐρανοῦ καταβάς...²⁰³⁰

Закон рычага в духовных делах.

Средства воспринять невоспринимаемое: аналогия с посохом слепого.

(Любить Христа в Евхаристии, значит, встретить Его в ней. Трость слепого.

Аналогия, обращенная к тому, что недоступно для восприятия. Евдокс. Кантор. Использование математики.

Посохом слепого можно дотронуться до Бога. Обряды и службы? Священные песнопения? Таинства Церкви²⁰³¹?

В феномене посоха слепого аналогия тоже принимает участие, но здесь происходит и *соприкосновение*.

Ситуация квази-ада на земле: крайнее лишение корней в несчастье. Человеческая несправедливость производит обычно не мучеников, но как бы осужденных в аду²⁰³². Существа, вверженные в этот квази-ад — как тот человек, обобранный донага и израненный грабителями²⁰³³. Они обнажаются от одежды характера.

[ms. 87] Даже самое тяжелое страдание, которое еще оставляет человеку корни, — бесконечно далеко от квази-ада.

Когда, пытаясь чем-то послужить людям, вот так лишенным корней, мы получаем зло, неблагодарность, предательство, мы тем самым претерпеваем ничтожно малую часть их несчастья. Мы должны поставить себя так, будто наш долг, в ограниченной мере, раскрыть себя самих перед несчастьем. Когда же это произойдет, перенесем это так, как переносят несчастье, не связывая с определенными личностями, ибо они здесь не причем. В этом квазиадском несчастье — как и в совершенстве — есть нечто безличное.

Надо пройти сквозь ад, чтобы постигнуть, что такое искупительное²⁰³⁴ страдание. Но как пройти?

Тоῦτο δὸς ἐμοί...²⁰³⁵

Таинства Церкви как *ордали*²⁰³⁶. — Только одно указывается — κέκριται²⁰³⁷... (Случай с сотником хорошо показывает, что таинствам придается преувеличенное значение²⁰³⁸.) Таинства — духовные весы. Достоинно принимаемые, <они становятся> моментами вечности, в которые мы переходим с одного уровня на другой. — Крещение Христа отметило <Его> переход от жизни частной к жизни публичной.

‘Ο ἀλιότησας κατακρίθῃσεται²⁰³⁹: это факт, а не наказание.

Таинства имеют отношение к природе времени. Вечность входит во время посредством моментов. Мы можем описать момент только через материальные обстоятельства. Когда эти обстоятельства возводят к единству вечности и времени, к Воплощению, что может быть более священно? (Но разве не

к этому возводят почти все традиции?..) На этом моменте нас взвешивают как на весах. Если мы оказываемся достаточно легки, нас переводят в вечность, по [ms. 88] крайней мере, некоторой частью нашей души. — <Таинства суть> трость слепого, которой касаются вечности.

Аналогия с искусством, но гораздо более мощная. Искусство, материалом для которого является сама жизнь.

...ἀπαρνῆσαίθω ἑαυτὸν²⁰⁴⁰ — самому *отрицать* себя²⁰⁴¹.

Эстетический строй и условия существования. Это имеет отношение к возможностям человеческого восприятия?

Зло и невиновность Бога. Следует поместить Бога на бесконечном расстоянии²⁰⁴², чтобы постичь Его невиновность во зле; и обратно, <существование> зла указывает на то, что Бога следует поместить на бесконечном расстоянии.

Βαστάζει²⁰⁴³ — надо брать, поднимать на плечи, испытывать на вес²⁰⁴⁴ свой крест, чувствовать и познавать его тяжесть (т. е. человеческую немощь).

Евреям (2:15).

...ὅσοι φόβῳ θανάτου [...] ἔνοχοι ἦσαν δουλείας²⁰⁴⁵.

Страх смерти — основа рабства.

Провидение; лучшее его определение — в «Тимее»: благая причина, которая убеждает причину необходимую²⁰⁴⁶. Композиция двух планов. Но в некотором смысле необходимость ограничивает благо. А в другом смысле — нет, ибо благо и состоит в том, чтобы была необходимость.

Логика по отношению к трансцендентным вещам; когда могут быть истинны две взаимно противоречивые вещи? Относительно трансцендентного можно дать только отрицательный ответ, единственным верным способом утверждения здесь будет отрицание. Утверждение отрицает ошибку; но противоположное ему утверждение может быть чем-то совершенно иным, чем

эта ошибка. Две противоположных ошибки могут быть ошибками одновременно. Так, Бог не является ни личным, как мы, — ни безличным, [ms. 89] как вещь. Мы любим Его (что не бывает вполне верно по отношению к вещам), но не как друга, и т. д.

Ошибки, которые следует отрицать, *фактически* представляют собой деградации. Эта логика неотделима от опыта.

Зло. Манихейство. Только Бог сотворил всё; или: демон сотворил тела?.. Бог — причина всего; Бог является причиной только блага. Значит, есть причина зла, и т. д. — Неправда, что всё благо. Неправда, что это всё²⁰⁴⁷ — несовершенно. (Достигнуть конкретного видения одновременно того и другого — не легкое дело.)

Стоит изучать утверждения, противоположные на одном и том же уровне (Бог личен и безличен), и те, что относятся к разным уровням (реальность и не-реальность Бога²⁰⁴⁸).

Искусство — инструмент в исследовании Атмана.

...ἐν τοῖς οὐρανοῖς²⁰⁴⁹ — с одной стороны, вечность, но также и течение времени.

Эстетический порядок относится к способностям человеческого восприятия (то, что легко уловить чувствами в один момент), с одной стороны, а с другой — к трансцендентному.

Дополнительная энергия, когда вся она целиком обращена ввысь, служит как рычаг, чтобы направить туда же и жизненную энергию (т. е. энергию вегетативной жизни).

Те, кто с детства не имеют дополнительной энергии... (рабство).

Те, кто лишились ее по причине несчастья, и у которых в момент, когда они ее теряли, она не была обращена ввысь ни полностью, ни хотя бы большей частью...

Несчастье как *ордалия*.

(Крест как весы.)²⁰⁵⁰

[ms. 90] В лишении дополнительной энергии есть некая невинность. Невинность несчастья. Искупительное²⁰⁵¹ страдание.

Привязанность и направленность вегетативной энергии к высоте есть сама по себе искупительное²⁰⁵² страдание. Искупать творение, совлекая его с себя²⁰⁵³.

Когда вегетативную энергию отрывают от ее функции и обращают ввысь, <образовавшаяся> пустота восполняется τὸν ἄρτον ἐπιούσιον²⁰⁵⁴??²⁰⁵⁵

Опыт показывает, что дополнительная энергия, при достаточной концентрации, увлекает за собой энергию вегетативную: игроки, скопидомы, влюбленные, развратники, коллекционеры... <Тяга к> овладению²⁰⁵⁶ первенствует над необходимостью как у индивида, так и в обществе. Дополнительная энергия соответствует вооруженной силе²⁰⁵⁷ («Бог воинств»²⁰⁵⁸ — не в этом ли смысле?)

Но вооруженная сила души может быть направлена ввысь, а вооруженная сила общества — не может. Общество («мир»²⁰⁵⁹) есть зеркало греха.

Материя и общество как зеркала.

Однако не подобает любить Бога так, как игрок любит свою игру.

[ms. 91] Картины человеческой немощи («Илиада», Иов, бегство Гильгамеша²⁰⁶⁰ — и ср. док<лад> Пра²⁰⁶¹) — прекрасны. Эта немощь не разрушает красоту мира. Но от чего эти картины прекрасны, притом что немощь сама по себе — на квази-адском уровне — столь отвратительна?²⁰⁶² Не потому ли, что на этих картинах являет себя сила тяжести?²⁰⁶³

Научиться любить Бога через немощь другого еще гораздо труднее, чем любить Его через свое собственное страдание. Когда мы любим Его через наше страдание, это страдание здесь преобразуется, становясь, в зависимости от степени нашей чистоты, искупительным или по отношению к нам самим, или по

отношению к другим²⁰⁶⁴. Но любовь не может преобразовать немощ других²⁰⁶⁵ (кроме случаев, когда они находятся в орбите нашего влияния). Какой святой преобразует убожество рабов, умерших на крестах в Риме и его провинциях за несколько столетий?

Что касается нашего собственного страдания, в нем есть некий неустранимый момент, когда оно еще не преобразовано, когда оно квази-инфернально, и при этом надо его любить. Это точка мучительного душевного разрыва²⁰⁶⁶. Такой же разрыв подобало бы испытывать и каждый раз, когда дело касается другого.

(Правда, ближний есть тот, кто встретился нам на дороге — раздетый и израненный, а не тот, с кем мы не встретились²⁰⁶⁷. И все-таки...)

Автору «Илиады» удалось любить Бога через немощ других.

Если мы мыслим о Боге с достаточным вниманием и любовью, награда за это выразится в том, что нас принудят исполнять Его волю. И обратно: воля Бога есть то, чего мы не можем не делать, помыв о Нем с достаточным вниманием и любовью.

Стоики: благо — это то, что делает мудрый²⁰⁶⁸.

[ms. 92] Свобода и грех. Обладание сокровищем предполагает возможность его утратить; тем не менее, потерять жемчужину не то же, что иметь жемчужину. Грех есть растрата свободы.

Строгая необходимость, исключаящая все произвольное, все случайное, регулирует материальные феномены. Но в духовных вещах, если угодно, еще меньше произвольного и случайного, хотя они свободны.

Идея католиков (ср. святая Екатерина Сиенская), что Бог (или Христос) не может сделать вещь, которой сам хочет, если

Его не молить об этом с достаточной интенсивностью (мифический образ)²⁰⁶⁹.

Две «темных ночи» св. Хуана де ла Крус. Одна соответствует страданию, искупительному по отношению к самой душе, а другая — страданию, искупительному по отношению к другим²⁰⁷⁰.

Переход до предела. Мы познаем предел посредством операции, аналогичной математической. Затем, некоторые проходят через него в реальности.

Новый метод математического созерцания?

Прометей у Эсхила (числа, буквы и т. д.)²⁰⁷¹ и в «Филебе»²⁰⁷².
Аналогия со Словом.

Кровь, преображаемая в вино; животная и вегетативная энергия, преображаемая через смерть в энергию духовную.

Несчастье (как искупительное, так и квази-адское) вернее изображает нашу немощь, чем преступление, так как преступление заключает в себе потенцию²⁰⁷³ и выбор. Если бы Адам и Ева не были изгнаны (ср. Мазаччо²⁰⁷⁴), они бы уверовали в то, что они боги. Несчастье возбраняет нам вкушать от древа жизни, что сделало бы нас ложными богами.

[ms. 93] Святая Екатерина Сиенская.

«— Ты — та, кто не-есть, Я есмь Тот, кто есмь²⁰⁷⁵.

— Из этого познания [...] струится смирение.

— Ты свет, но не смотришь на мою тьму, Ты — жизнь, но Ты не отринул меня, которая есмь смерть [...]

— Дерево любви может прижиться только на земле смирения.

— Что следует уделить земле, то есть чувственной части? То, чего она заслуживает; о чего заслуживает та, которая убивает? Умереть [...] Смерть не видит, не слышит, не чувствует.

— Кинжал, оружие ненависти [...]

— Если мы отложим меч [...].

— Возьмите этот меч, и пусть руки вашей свободной воли не выпустят его до самой смерти [...].

— Через понуждение мы и приобретаем истинную и крепкую добродетель.

Кто не бежит, остается пленником».

«Теэтет». Φυγή²⁰⁷⁶. Нет ничего более жестокого, чем страх, даже самый пустой. Бежать от пребывания в этом мире, как французы бежали в июне 1940 года²⁰⁷⁷. Это совсем другое дело, чем восхождение — (то, что было бы образом «естественной» добродетели).

Святая Екатерина.

«Человек должен разделить себя на две части, то есть на чувственную часть и разум. Этот разум должен извлечь из ножен обоюдоострый меч: одно лезвие — ненависть к пороку, а другое — любовь к добродетели. Вооруженный этим мечом, он оставит от чувственности одно только милосердие».

«Весьма часто я видела тех, которые казались обнаженными, а я нашла их одетыми»²⁰⁷⁸.

«Горгий» и *нагота*²⁰⁷⁹.

<Святая Екатерина.>

Относительно искушений —

«поступать по примеру весьма целомудренной женщины, которая ничего не отвечает на слова соблазнителя, делая вид, что она его не слышит».

«Раскаяние всего лишь обрезает [порок]; но так (возненавидев себя), ты вырвешь корень»²⁰⁸⁰.

«Божественная любовь [...] как ростовщик [...] которому приносит прибыль сокововище времени».

«О, любезное послушание, ты оживляешь и даешь ходить умершим».

«Сердцевина гордости — нетерпение [...]».

«Терпение — ясный знак Моего присутствия в душе».

«Ночь познания себя самих»²⁰⁸¹.

[ms. 94] Действие не-действующее. [Кроме сферы естественных обязанностей,] никогда не делать ни одного шага дальше того, к чему тебя непреодолимо толкают (обстоятельства? — П. Е.), ибо даже добро не остается добром, если делается не по послушанию.

Это не препятствует воле свободно действовать в своей области, — области ограниченных действий, распоряжаясь внешним образом материальными средствами в видах конкретных целей.

«Бхагавад-Гита». Распоряжение конечными средствами ради цели бесконечной и трансцендентной; как это возможно?

Единственным примером цели, трансцендентной по отношению к средствам, служит вымышленное добро. (...)

Действие без мотива ради бесконечной цели.

Подражание Сотворению <мира>.

Дать необходимости действовать во мне. (Отречение от собственной воли.)

Всё — благо для того, кто знает, что всё — благо. (Но при этом: «Зачем Ты Меня оставил?..»)

Крест. Только крайнее несчастье производит в полноте искупительное страдание. Этому подобает быть, чтобы творение могло рас-сотворить себя. Но надо подвергнуться этому против воли; надо умолить, чтобы не мы сами заслужили этому подвергнуться; нужна смерть, а не самоубийство. И, поскольку мы имеем заповедь любить ближнего как самого себя — то есть, [ms. 95] того, которого встречаем на нашем пути, — надо стараться, чтобы его это не коснулось. Но, как сами мы соглаша-

емся с несчастьем, когда оно происходит, так <соглашаемся и с несчастьем> ближнего, если *абсолютно* невозможно этому воспрепятствовать, — но с той же неустранимой горечью. Эта горечь не мешает любить Бога, так как она не мешает чувствовать красоту; <более того,> она является условием для того, чтобы ее чувствовать. «Илиада» прекрасна именно от <ощущения> горечи. Нет ни одного поистине великого произведения, где бы подспудно не присутствовала эта горечь.

Любить Бога сквозь разрушение Трои и Карфагена, и без утешения. Любовь — не утешение; она — свет.

Истинные земные блага суть *μεταξύ*. Мы можем чтить блага других (например, иностранные города), только если рассматриваем те, которыми обладаем сами, как *μεταξύ*. Это предполагает, что мы находимся на пути в конечную точку, куда можно через них пройти²⁰⁸².

Мысль сделать зло другому ужасает нас только тогда, когда мы находимся в точке (или рядом с этой точкой, или на пути к ней...), где другой уже не может сделать зло нам. (Итак, мы любим другого, в пределе, как себя-саших-в-прошлом.)

[ms. 96] Сообразоваться с волей Бога — что это значит?

Три области —

1) То, что никоим образом не зависит от тебя (а именно, когда все уже сделано). Любить всё это безусловно, в совокупности и в деталях. Чувствовать в этом (прочитывать в этом) присутствие того, что ты любишь.

Любовь становится трансцендентной, когда мы прочитываем любимый предмет сквозь вещи ужасные²⁰⁸³ (ужасные для всей души).

[Бог никогда не бывает объектом, и именно в этом смысле Он любит прежде, чем быть любимым²⁰⁸⁴. Мы не можем любить Его совершенным образом, разве что когда Он Сам любит Себя через нас.]

2) То, что относится к области воли, то есть, вещи, которые мы в состоянии представить умом и воображением, которыми

мы можем распоряжаться извне, соединяя вместе отдельные средства для достижения частных целей. Здесь следует, неуклонно и незамедлительно выполнять то, что нам явно предстает как наш долг; или, если мы не усматриваем явного долга, или руководствоваться правилами на наше усмотрение, но постоянными и выбираемыми так, чтобы не оскорблять совесть.

Это для того, чтобы не держаться за *собственную* волю. К тому же мы выбираем правила объективные, правила, имеющие *ограничительную силу*, раз уж речь идет об ограниченной области.

— Или следовать склонности, но при условии, что это будет лишь в ограниченной степени²⁰⁸⁵.

3) Все, что не относится к области воли, но в то же время не абсолютно не зависит от нас.

Когда мы размышляем о Боге со вниманием и любовью, Он вознаграждает нас тем, что правит нашей душой с принуждением²⁰⁸⁶, точно пропорциональным этому вниманию и этой любви. (Здесь действует как бы духовный эквивалент [ms. 97] автоматизма.) В состоянии совершенства это принуждение тотально. Ниже — частично.

Следует выполнять только то, к чему нас неотвратимо толкает это принуждение. Остальное — область зла, и всё что ни делается, в этой области может делаться не иначе как дурно. Следовательно, надо предоставить себя течению событий (используя ограничительные правила: придерживаться одной избранной линии поведения, сообразовываться с общественными приличиями, и т. д.), когда представляется необходимость выбора, воздерживаясь от всякого действия вплоть до того, как увеличение внимания и любви приведут к увеличению принуждения²⁰⁸⁷.

Святая Екатерина Сиенская. Блага этого мира — как цветы, которые радуют своим запахом и красотой, покуда их не сорвешь. Ср. «Наслаждайся отрешением»²⁰⁸⁸.

Это о том, чье условие существования составляет эстетический порядок, созерцание²⁰⁸⁹. Эстетическим критерием является созерцание, а не удовольствие. — Условия созерцания?

Эти условия находятся в природе и в некоторых произведениях человеческих рук.

(Некоторые вещи доставляют эстетическое удовольствие — второго порядка — не будучи объектами созерцания.)

Надо силою любви заслужить того, чтобы быть принуждаемым. Ср. поэтическое вдохновение.

[ms. 98] ? Тот способ прочтения, который мы прилагаем к мелодии как целому (не к нотам), когда ее слушаем, следует посредством любви прилагать ко всему в мире, большому и малому, на всех уровнях, ибо каждая часть этого есть некое *всё*, совершенно прекрасное.

Математическое воображение трансцендентно. Оно исходит из аналогий, абсолютно не могущих быть представленными, лишь следствия из которых можно констатировать.

ЭТО ПОТОМУ, ЧТО В МАТЕМАТИКЕ В ВЫСШЕЙ И УНИКАЛЬНОЙ СТЕПЕНИ БЫВАЕТ ЯСНО, КОГДА ЗАГАДКА ПОПАДАЕТСЯ В СЕТЬ.

То, что доступно подлинному гению, не будучи доступно большинству людей, это — просто, в чистом виде, трансцендентное; и оно же есть цель для святого²⁰⁹⁰.

Отчего кажется, что для встречи с трансцендентным гению мораль гораздо меньше необходима, чем святому?

Иов. Каким образом это изображение беспримесного вопля человеческой немощи до такой степени прекрасно? То, чего никогда, никогда не дает реальность. А здесь²⁰⁹¹ реальность чистая, голая.

«Σῶμα σῆμα»²⁰⁹² — вот что нам предстает здесь²⁰⁹³. Душа, насильственно полностью покоренная этой необходимости, и то, насколько *невозможна* такая покорность.

[ms. 99] ЗЛО, ТРЕТЬЕ ИЗМЕРЕНИЕ БОЖЕСТВЕННОГО. Одиночество человека. Отдаленность Бога. Трансценденция.

Совершенно чистое созерцание человеческой немощи отрывает нас от неба.

Крест.

[«Премудрость» — нечестивый живет во времени. (Так он преходит²⁰⁹⁴.)]

Зло есть одно из условий рас-сотворения.

Каждый из народов древности был прямо-таки одержим тем или иным аспектом божественного. Израиль: Бог един. Индия: уподобление²⁰⁹⁵ души Богу, в состоянии совершенства, посредством мистического единения. Китай: пассивность, отсутствие Бога, действие не-действующее. Египет: спасение и вечная жизнь через уподобление Богу страдающему, умирающему и воскресающему. Греция: трансцендентность, расстояние между человеком и божественным и сверхъестественным, человеческая немошь, поиск мостов. — [А Месопотамия?]

<Дописано между строк:> Миссия Израиля была продолжена мусульманами. Индия и Китай остались. Христианство восприняло наследство, прежде всего, от Египта, но также и от Греции.

Если бы не зло, мы никогда не могли бы отречься от этого мира.

Иов, из глубины темной ночи, которую он переплыл без утешения, явно видит красоту мира. Следует пройти через тотальную немошь. Сатана — Богу: «Но будет ли он любить тебя

даром?»²⁰⁹⁶ Речь идет об уровнях любви. Находится ли эта любовь на уровне овец, пшеничных полей, кучи ребятишек? Или на большей глубине, дальше в третьем измерении, позади? Как бы ни была далека эта любовь, есть момент разрыва, где она изнемогает; это момент, который преобразует, который отрывает от конечного, <унося> к бесконечному, который делает любовь души к Богу *трансцендентным в душе. Это смерть души*. Горе тому, для которого смерть тела предшествует смерти души. *Разрушительный бег времени — вот то, что убивает душу*. Но эта смерть — ордалия. Душа, которая не полна любви, умирает злой смертью. Рабы. Зачем [ms. 100] нужно, чтобы такая смерть выпадала безразлично? Но ведь это и вправду нужно. Нужно, чтобы все выпадало безразлично.

Если я буду думать, что Бог посылает мне боль актом своей воли и ради моего блага, я буду думать о себе, что я нечто, оставив без внимания главную пользу от боли: понять, что я ничто. Следовательно, мне не нужно думать ничего подобного. Но надо любить Бога сквозь боль (чувствуя Его присутствие и Его реальность органом сверхъестественной любви — единственным органом, который к этому способен), как мы чувствуем плотность бумаги через карандаш.

Таким же образом и взгляд на немощь <других> людей учит меня, что они суть ничто и, так как я отождествляю себя с ними, что и я — ничто. Ничто не только как определенное человеческое существо, но и просто как человеческое существо. Как сотворенное существо.

Я должна любить быть ничем. Как было бы ужасно, будь я чем-то. Любить мое небытие, любить быть небытием²⁰⁹⁷. Любить вместе с частью души, расположенной по другую сторону занавеса, ибо та часть души, что доступна сознанию, не может любить небытие, она его ужасается. Если она думает, что его любит, она любит другую вещь, нежели небытие.

<Даже> самое крайнее несчастье, постигающее человеческие существа, не творит немощь; оно только ее раскрывает.

Мы обязаны облегчать несчастье, когда это в наших силах, только по вот этой причине. Мы обязаны избегать впадения в него, обязаны выходить из него, когда это в наших силах, потому что оно должно приходить извне, быть претерпеваемым²⁰⁹⁸. И мы обязаны любить, как самих себя — и тем же образом, как самих себя — человеческое существо, которому случай дает нам возможность оказать помощь.

[ms. 101] Рассматривать себя (в качестве частного проявления феномена) просто и исключительно как маленькую часть мироздания.

Область воли. Следует вести себя так (в случаях, где склонность не является законным или достаточным руководителем), чтобы подавлять ее (замещая волю — правилами).

«Ты стал весами...»²⁰⁹⁹ Крест как ордалия.

«Безумие любви»²¹⁰⁰. Сотворение <мира> — безумие еще куда большее, чем Воплощение.

Самоубийство, осуждаемое как эрзац рас-сотворения.

То, каким образом повеления Бога выражены в священных текстах, дано <нам> только как объект для нашего внимания. Но поистине они становятся повелениями не раньше того момента, когда в нашем сердце им отвечает эхо, т. е. некий импульс.

Вошь и волос (из даосского трактата)²¹⁰¹.

Внимание: не-действующее действие божественной части души над остальной <частью>. (...)

Крест как ордалия.

Несчастье — ордалия в полном смысле слова²¹⁰²; а ордалии <прошлого> были образом этой <истины>.

Христос, исцеляющий больных, воскрешающий мертвых — бедная, человеческая, почти низкая часть <Его> миссии. Сверхъестественная часть — Его кровавый пот²¹⁰³, неисполненное желание найти утешение у своих друзей, мольба о пощаде²¹⁰⁴, чувство оставленности Богом.

[ms. 102] Θεέ μου Θεέ μου, ἰνατί με ἐγκατέλιπες²¹⁰⁵.

Вот истинное доказательство того, что христианство есть нечто божественное.

Поступки послушания. Есть область в душе, для которой делать поистине добрые дела заключает в себе насилие, и есть другая, для которой добрые дела являются отказом от <божественного> толчка²¹⁰⁶. Эти части — как сито²¹⁰⁷.

[К этой метафоре сита — ср. сито в «Тимее»²¹⁰⁸.]

Бог есть объект всякой хвалы. *И, тем самым*: ценность²¹⁰⁹.

«Притчи». Премудрость: «Я люблю любящих меня»²¹¹⁰.

Формула Анаксимандра²¹¹¹. Зло, <которое> в материи; и в то же время благо, в качестве вещи, которой подражают. Зло имитирует добро по действию необходимости, которая определяет все его (зла. — *П. Е.*) свойства.

«Я» ноуменальное и «я», свойственное феноменам, <и> единение между обоими²¹¹².

Троица — божественный эквивалент этого²¹¹³?

Есть два способа повиновения Богу — как <повинуется> вещество и как <повинуется> ум²¹¹⁴. Делать зло — это повиноваться Богу, как веществу²¹¹⁵. В нас не может быть ничего, что не повиновалось бы Богу. Следовательно, если мы повинuemся Ему как веществу, ум отсутствует: Бог в нас мертв.

[ms. 103] | Я есмь ничто. Это — ад, для тех, «я» значит «быть» («я», спроецированное на конечные вещи).

||+ ПОНЯТИЕ ОТНОШЕНИЯ ЦЕЛОГО И ЧАСТЕЙ В ОТНОШЕНИЯХ ПРОЯВЛЕННОГО И БОЖЕСТВЕННОГО — ИСТОЧНИК МНОГИХ ОШИБОК. ТЩАТЕЛЬНО РАССМОТРЕТЬ.

Псалом 39. «Отврати от меня взгляд, чтобы я мог передохнуть»²¹¹⁶. То же — Иов.

Мы желаем, чтобы хоть мгновение вес мироздания не давил нам на поясницу.

Троица — отношение Бога к Самому Себе. — Вещи не имеют отношения ни к чему. Человек имеет отношение к другой вещи. Отношение к Самому Себе имеет только Бог. Нарцисс страстно желает того, что возможно только Богу. Один Бог знает и любит Себя. Это отношение есть сама Его сущность. Это отношение есть полнота бытия.

Отдельные Лица: Он имеет к самому себе отношение, аналогичное отношению человека к человеку. Но насколько это отношение является абстракцией относительно²¹¹⁷ его членов, настолько же оно имеет реальность (или больше?).

Человек, который любит и видит Бога — это Бог, который любит и видит себя через него; и вот в этом смысле в этом человеке живет Святой Дух.

Образец в «Тимее» соответствует Святому Духу²¹¹⁸.

Отец — творит. Слово — воплощается (уже в сложении миропорядка, до Воплощения в собственном смысле). Дух не имеет отношения с миром. Но он есть «я» в совершенном человеке. Он есть рас-сотворенное «я».

[ms. 104] «Тимей». Образец есть Благо. Со всей очевидностью. Прекрасное — копия блага.

В «Тимее» речь идет о Боге через Его отношение к миру. Но ничто не противоречит тому, чтобы триада Отец — Мировая

Душа — Образец соответствовала чему-то вне отношения к миру, в сущностном бытии Бога; это могли приберечь для эзотерического преподавания. Диалектика позволяет дойти до Бога²¹¹⁹; свидетельствует ли это о том, что в Боге есть отношение? Ср. «Парменид»²¹²⁰.

Идея чуда препятствует концепции не-действующего действия.

Νόησις νοήσεως νόησις²¹²¹.

Смысл Троицы в том, что Бог есть *мышление*. Всякое мышление имеет субъект и объект. Отец мыслит свое слово.

Это мышление есть любовь.

Это слово есть порядок²¹²² —

Этот порядок есть образ этого мышления, этой любви.

«Теэтет» — φυγή — обращение²¹²³.

Бог единый, в чистом виде единый, есть *вещь*. Ветхий Завет²¹²⁴. — Коран. — Бог единый и три есть *мышление*.

Единство, которое не является коррелятивом к множеству.

[ms. 105] (...) Труд: движение нисходящее. Человеку приходится сделать себя вещью, чтобы вещь стала человеческой энергией. (Таким же образом, Бог делается человеком, чтобы человек стал Богом...²¹²⁵)

Растение? (Если зерно не умрет...²¹²⁶)

Зрелище слепой необходимости прекрасно, так как оно дает почувствовать НЕ-ПРЕДСТАВИМОЕ согласие²¹²⁷ с благом.

+ { Долг (2-й пункт моего письма к о. П<еррену>²¹²⁸) нужен для того, чтобы ограничить область вдохновения так, чтобы оно не смешивалось с капризом. КАК УСТАНОВЛЕННАЯ ФОРМА В ПОЭЗИИ²¹²⁹.

(Может быть, поэтому художники, обладая эквивалентом, имеют меньше необходимости в морали, чем святые?)

Евангелие. — По отношению к Богу любовь не отличается от *послушания*.

Если постоянно сосредоточивать внимание на аналогии между долгом и установленной формой в поэзии, невозможно, чтобы она не проникла и в сердце.

[ms. 106] Устранять «я».

Сообразовывать свою душу с ходом времени. Впустить в душу кругообращения звезд.

Упущения в том, что относится к долгу, суть *знаки* несовершенства.

Стараться исправлять ошибки вниманием, но не волей.

Два противоречивых представления о Боге:

Он ведаёт всё, ибо Он — истина.

Он в неведении ни о чем, ибо Он вне времени.

Вода у даосов²¹³⁰.

Также:

Он делает все, что есть.

Он не делает ничего.

В качестве причины Он в равной степени присутствует, с равной плотностью (все наполнено бытия²¹³¹) здесь и там, во всех частях мироздания и во всех совокупностях частей, на всех уровнях.

В качестве образца Он присутствует в душах, восходящих к совершенству или уже достигших его.

Говорить, что Бог делает все, чтобы... — абсурдно. Если Бог может нуждаться в чем-то отдельном, Он может выполнить это непосредственно²¹³².

Понятие УСЛОВИЯ СУЩЕСТВОВАНИЯ для нас является единственной связью между БЛАГОМ и НЕОБХОДИМОСТЬЮ.

[ms. 107] Красота есть гармония случайного и благого²¹³³.

Реальное (для человека) есть то, что может быть одновременно и чувствуемо, и мыслимо.

Радость есть чувство реальности.

Чем больше ощутима противоположность²¹³⁴ между случайностью и благом, тем глубже красота и радость.

Печаль есть ослабление чувства реальности. Это дурное рас-сотворение, на уровне воображения.

Ввергать людей в печаль — преступно²¹³⁵.

Печальны были Адам и Ева, изгнанные из земного рая.

И даже Христос: «Печальна моя душа до смерти»²¹³⁶.

Если бы человек не был подвержен возможности зла со стороны природы и, особенно, со стороны людей, человеческая часть²¹³⁷ души не была бы подчинена необходимости. Человек, не укорененный в Боге посредством сверхъестественной любви, целиком отпущен на волю случая. При этом всякий человек, сколь бы низко он ни был рожден²¹³⁸, на протяжении своей жизни имеет возможность укорениться в Боге. Если он этим не воспользуется, а потом окажется ввержен в несчастье до такой степени, что утратит эту возможность, это будет именно тем феноменом, в силу которого люди умирают преждевременно.

[ms. 108] Богу желанно все, что происходит, *в равной степени*, не одни вещи — как средства, а другие — как цели. Таким же образом, Ему *в равной степени* желанны и совокупности, и ча-

сти, каждая доля, каждый отрезок того, что может быть совершаемо в длящейся реальности²¹³⁹.

Человеческий ум способен представить это разве что в таких терминах: Богу желанна необходимость.

Воля Бога не может быть для нас объектом гипотезы. Чтобы ее познавать, нам остается всего лишь констатировать происходящее: то, что происходит, и есть Его воля.

Слово²¹⁴⁰ есть молчание Бога²¹⁴¹.

Не следует говорить, что Богу желанно страдание святого в видах его восхождения к совершенству; но: Ему желанно его страдание, и Ему желанно его восхождение, и Ему желанна связь между ними — и еще бесконечное число других связей.

Я должна любить свое страдание не потому что оно мне полезно, но потому что оно есть.

Необходимость — завеса Бога.

Прочтения на разных уровнях: прочитывать необходимость за ощущением, прочитывать порядок <мира> за необходимостью, прочитывать Бога — за порядком <мира>.

Надо любить все факты, не ради их последствий, но потому что в каждом факте Бог — здесь. Но это тавтология. Любить все факты значит просто прочитывать в них Бога.

[ms. 109] Следует любить врагов, потому что они существуют. Нужно (если есть возможность и при этом не обнаруживается какой-то серьезной отрицательной стороны) делать им добро *для того, чтобы их любить*.

Не предписания даны, чтобы их исполняли, но исполнение предписано для понимания предписаний. Это как гаммы. Ты не

можешь насладиться исполнением клавира Баха, если не проходил гаммы. Но мы играем гаммы не ради гамм. Ср. Упанишады, Лао-цзы.

Идея Провидения уменьшает чистоту любви к Богу.

Существует только одно доказательство благодати Бога: то, что мы Его любим. Любовь, которую мы к нему имеем, есть единственное благодеяние, достойное нашей благодарности, и таким образом, эта любовь заключает в себе обоснование своей законности. Когда у нее нет никакого другого побудительного мотива, кроме нее самой, она неистребима; ибо даже в момент крика: «Зачем Ты меня оставил?» любовь не уничтожается, но приобретает форму отсутствия <Любимого>, вместо формы контакта <с Ним>. И при этом становится максимально чиста.

«Будьте совершенны, как Отец ваш небесный». Это значит любить все вещи равно, так как Отец одним и тем же образом является творцом их всех.

Но другим образом Он является творцом порядка мира.

Логос, молчание Бога, в сотворенном <являет себя> словом²¹⁴².

Сущность же Бога не есть ни субъект, ни объект, но мысль (νόησις предикативное²¹⁴³).

Макрокосм и микрокосм. Как Христос, согласно св. Фоме, предоставил каждой части своего естества действовать в полноте ее функции²¹⁴⁴, — например, чувственной сфере перенести всю полноту страдания на кресте — так же Бог поступает и в мире. Материя здесь имеет всю подобающую ей слепоту; злые здесь творят [ms. 110] всё подобающее им зло, добрые здесь творят всё подобающее им добро. Есть абсолютная строгость в порядках причинности, даже там, где добро смешано со злом (или где добро и зло являются условиями одно другого).

Зло в мироздании есть аналог страдания, но не греха. Грех имеет отношение к индивиду.

Добрые и злые равным образом суть части порядка мира. Но лишь совершенные являются вдобавок и его образом.

Весы и сито.

Люди, у которых разум значительно преобладает над чувствительностью, суть ниже человека совершенного. Таким же образом, бог, который вмещивался бы в мир провиденциально, был бы чем-то ниже Бога.

Тот, кто любит, безразличен к своим немощам, к своим страданиям, к своему недостоинству, если он знает, что тот, кого он любит, счастлив.

Какая мне разница, что во мне нет радости, когда в Боге — совершенная радость? То же самое относительно доброты, ума и всего остального.

Фольклор. Великаны, у которых нельзя отнять жизнь, потому что она вне их. А можно ли положить ее там, где она будет в абсолютной безопасности?

Распятие есть завершение, исполнение человеческого предназначения. Как может существо, чьей сущностью является любовь к Богу, находясь в пространстве и времени, иметь [ms. 111] другое призвание, кроме креста? Нам не постичь, каким был Адам прежде греха; для нас постижимо лишь каузальное, но не временное, предшествование между его сотворением, грехом и наказанием. Все целиком человечество, имея свободную волю, находится во грехе вневременно. Оно создано со свободной волей и призванием от нее отказаться. Но это призвание может быть выполнено только со временем и с усилием.

(Даже Христос...²¹⁴⁵)

Грех Адама и время. Синяя Борода и т. д.²¹⁴⁶ «Не делай того-то». «Не открывай вон ту дверь». Через какое-то время мы слушаемся, если только не сумели сразу и навсегда прогнать

всякую мысль об этом²¹⁴⁷. (Это последнее соображение находится в противоречии с первым, но в данном случае это не создает никакого затруднения.)

Способность раз и навсегда прогнать некую мысль — дверь в вечность. Бесконечное в один момент.

Заповедь Бога была ордалией, которая должна была явить, что Адам имеет свободную волю. Он был в состоянии греха оттого, что имел свободную волю. Очевидно, не было периода времени, когда он был в состоянии невинности.

Бог сотворил человека в состоянии немощи. Создать его в состоянии святости было бы равноценно тому, чтобы не создавать его вообще. Вот почему «*genitum, non factum*»²¹⁴⁸.

Сотворение есть движение нисходящее, и в этом смысле труд есть подражание Словению (как и Воплощению, и Евхаристии).

Дерево, на котором висел запретный плод, было весами, как и крест. (ОТКУДА ИСХОДИТ УПОДОБЛЕНИЕ КРЕСТА ДЕРЕВУ?)

Почему деревья? *In ligno*²¹⁴⁹.

[ms. 112] Апостол Павел. Закон как причина греха. Закон как ордалия.

Дерево и сила тяжести. Дерево и энтропия. Жизнь плотская и жизнь духовная. Адам устремился к плотской жизни немедленно.

Табу как ордалии.

Ева сочла, что дерево хорошо на вид²¹⁵⁰, привлекательно для глаз и ценно²¹⁵¹ для разума²¹⁵².

(Интуиция по Бергсону²¹⁵³. Желание Блейка²¹⁵⁴. И т. д.)

Дерево, дающее пищу, убивает, дерево казни спасает.

Спасение осуществляется движением не восходящим, но нисходящим.

Замедление благоприятно лишь для дел, относящихся к вдохновению. Те же, что относятся к естественным обязанностям, к области воли, замедления не терпят.

Правильное²¹⁵⁵ использование *времени*. Нет ничего более важного.

Нагота Адама. Наг обнажением без чистоты — тем обнажением, которое хочет скорее прикрыться.

[ms. 113] Жизнь есть эрзац спасения.

<Живое> дерево и бревно. Нисходящее движение жизни в направлении <бездушной> материи.

Три формы послушания. Излагая это, я лгала, потому что я этого не соблюдаю. Ποιοῦντες τὴν ἀλήθειαν²¹⁵⁶.

Раскаяние есть насилие, которое душа делает над собой, чтобы вывести свои изъязы на свет²¹⁵⁷.

Бог одел человека. Человек должен снова обнажить себя²¹⁵⁸.

Нам не дано иметь другой опыт добра, кроме как делая добро²¹⁵⁹.

Нам не дано иметь другого опыта зла, кроме как запрещая себе его делать, или, если мы его сделали, раскаиваясь в нем.

Исполнять зло, возможность которого мы носим в себе, — значит, лишать себя его познания.

Когда его творят, его не познают, ибо зло бежит от света.

Существует некий инстинкт сохранения, который заставляет нас оставаться такими, каковы мы есть, который отказывается от движения вперед. Он велит нам бежать от света, потому что свет меняет. Он не препятствует угрызениям совести, потому что в них нет света. Напротив. Угрызения совести — это желание укрыться.

В «Федре» в момент мук совести: «Где спрятаться?..»²¹⁶⁰
Момент раскаяния: «...всю его чистоту»²¹⁶¹.

[ms. 114] <Гомер, Илиада; в оригинале греч.>

Боги такую уж долю назначили смертным несчастным, —
В горестях жизнь проводить. Лишь сами они беспечальны.
Глиняных два кувшина есть в Зевсовом доме великом,
Полны даров, — счастливых один, а другой — несчастливых.
Смертный, кому их, смешавши, дает молневержец Кронион,
В жизни своей переменен то горе находит, то радость.
Тот же, кому только беды он даст, — поношения терпит,
Бешеный голод его по земле божественной гонит,
Всюду он бродит, не чтимый никем, ни людьми, ни богами²¹⁶².

Уничтожение города, народа, цивилизации: что больше, чем это, способно дать человеку ложную божественность? Уже убийство человека, подобного себе, возносит воображение над смертью. Но — убить социальное, то социальное, которое выше нас, которого мы никогда не в силах понять, которое заталкивает нас в *почти* самое низшее наше <состояние>, которое имитирует религиозное вплоть до того, что смешивается с ним, если смотреть, не обладая сверхъестественным различием²¹⁶³.

Раскаяться, как греки, после этого деяния, — чувство сверхъестественное; они были достойны чуда их цивилизации²¹⁶⁴.

Воля к могуществу²¹⁶⁵. Раджас. Это искушение Адама — и Христа²¹⁶⁶.

<i>Спасенная Венеция</i>	Действие I. Рено заключает: «Что ж, посмотрим...» Действие II. <i>Показать, что отступление Жаффье <от заговора> — сверхъестественно.</i>
------------------------------	---

[ms. 115] По мере того, сколь ясно я представляю себе какой-то из своих недостатков, я должна использовать свою волю, чтобы его исправить, хотя ее применение зачастую не приносит плода. Но просить о его сверхъестественном исцелении неуместно. Ибо истинное зло — не этот недостаток, но корень этого недостатка, и вот его-то можно познать только сверхъестественным образом. Если, по силе благодати, это происходит, тогда в едином действии мы познаём это зло, просим исцеления и получаем его. Всякий же раз, когда это не происходит, мы не знаем, уместна ли была наша просьба, и таким образом нам приходится просить вслепую.

Это наше счастье, что скрытая нечистота, живущая в нас, частично выливается в недостатках, которые мы можем себе представить.

Любовь к тому, кто счастлив, означает желать разделить страдание любимого в несчастье.

Любовь к тому, кто несчастлив, означает быть наполненным простым сознанием того, что твой любимый в радости, если ты и не участвуешь в этой радости, и даже не стремишься участвовать в ней.

Если мы обращаем свой ум к добру, мало-помалу вся наша душа непременно будет увлечена им, даже против воли²¹⁶⁷.

<i>Спасенная Венеция</i>	Р<ено>: «Пусть они отныне не считают нас сделанными из того же человеческого материала, что и они. Ибо это так и есть. Наше деяние ставит нас выше человечества. Ибо государство намного выше человека; кто же, в таком случае, тот человек, который уничтожит целое государство?»
------------------------------	--

Так было нужно — чтобы человек мог быть ложным богом для человека.

[ms. 116] Мы можем достичь созерцания каждой вещи с любовью не посредством понятия пользы, но *посредством понятия необходимости, которое исключает все легко доступное представлению.*

Теории о гении, который всегда пробивает себе дорогу, о прогрессе и т. д. появляются оттого, что нестерпимо представить себе самое драгоценное в мире оставленным на волю случая. И именно поскольку это нестерпимо, это и должно быть предметом созерцания.

Все сотворенное — точно так же.

Единственное благо не подвластное случаю — то, которое находится вне этого мира.

Находить свою особенную духовность в каждой из форм человеческой деятельности. Все формы труда, наука, искусство... (война?).

Критерий: те из них, что не восприимчивы для духовности, не должны существовать.

Принять время, сойти во время. Есть ли что столь же болезненное для мысли? Но это нужно.

Мечтательность предлагает <нам> эрзац вечности.

Различные средства, которыми душа ищет укрыться, стыдясь своей наготы. Мечтательность. Способы удовлетворения плоти (даже элементарные и законные), и т. д. — (Повседневные занятия, ремесло...)

[ms. 117] Пусть время войдет в мою душу как крест, как гвозди.

Смерть дорогих людей есть очищение, если мы не верим в их бессмертие.

[Добро, которое я могу делать и не делаю, — это добро, которое хочет сделать Бог, но не может по моей вине²¹⁶⁸, ибо Он хочет сделать его не иначе, как через меня.]

Видеть свою немощь не как что-то индивидуальное и, следовательно, не сущностное²¹⁶⁹, но как немощь сотворенного естества в себе.

Не дело человека — идти к Богу, но дело Бога — идти к человеку. Человек должен только смотреть и ждать. —

Все, что реально, подвластно необходимости. Необходимость, <приводящая в движение> духовный механизм — вот что позволяет отличить подлинную святость от воображаемой.

Бог посылает несчастья безразлично злым и добрым, так же, как и дождь и солнечный свет. (Он не сделал крест привилегией для одного лишь Христа.) Он входит в соприкосновение с человеческим индивидом как таковым только чисто духовной благодатью, которая отвечает на обращенный к Нему взгляд, — то есть, ровно по мере того, как индивид перестает быть индивидом. Никакое событие не бывает <знаком> особого благоволения Бога — только благодать.

Видения святых и т. п. Вызванные жаром веры, они, однако, связаны с человеческой слабостью. Жизнь святого — вот чудо; она была бы еще чудесней, если б была тем, чем была — без [ms. 118] видений и голосов²¹⁷⁰. Но человеческая слабость, в том числе и у святых, никогда — или почти никогда — на это не бывает способна. Христос — напротив... Он не имел ни видений, ни голосов — ни на Елеонской горе²¹⁷¹, ни на кресте.

Смотреть на свою собственную немощь как на нечто безличное; отделять «я» от греха — это вырывать его корни, лишать его жизненной пищи. Поэтому излишняя щепетильность, угрызения, слишком придирчивое испытание собственной совести — все это дурно. Единственная немощь, присущая мне, — в том, что я ничто. Быть ничем. Но чувство греха не то же, что чувство быть ничем. Это чувство бытия, но негативного. Чувство быть ничем дает несчастье, но лишь тогда, когда не ощущается как искупление или как испытание.

Преобразовать мысленно грех в несчастье. Не ища для себя извинений. Это несчастье особого рода. Когда он совершен (греховный поступок. — П. Е.), он уже не зависит от меня, и однако с ним я чувствую себя в состоянии деградации.

(Дети, наказываемые за провинности родителей — символы того, что происходит в жизни. Парадокс первородного греха обнаруживается в жизни повсюду.)

Я должна увидеть это состояние, раскрыть его необходимость, и принять его.

Загадка времени.

В некотором смысле несчастные — праведны. Ибо люди, на которых обрушиваются несчастья, или бывают укоренены в сверхъестественной любви, или [ms. 119] нет. В первом случае, эти люди не оподляются. Во втором, они и сами способны в определенных случаях причинить подобное несчастье другим. Несчастье овладевает всей душой только как у тех, кто всей душой находятся на уровне зла, так и у тех, кто находятся на уровне добра как простой противоположности злу.

Отделяя «я» от греха, я ослабляю грех и упраздняю «я».

Духовное и земное благо, которое оказывает Бог всецелому человечеству на протяжении такого-то данного периода, математически пропорционально сотрудничеству людей с Богом на протяжении этого периода. И ни на атом не может выйти за пределы этой пропорции²¹⁷².

Кол<етта>²¹⁷³. Любовь нуждается в реальности. Любить сквозь телесную видимость воображаемый образ — что может быть мучительнее в день, когда ты это обнаружишь? Это страшнее смерти, ибо даже смерть не разрушает факта, что любимый у тебя *был*.

Так наказывается преступление того, кто питает любовь воображением.

Стремиться к тому, чтобы любить, не воображая. Любить нагую видимость²¹⁷⁴, без интерпретаций. Тогда то, что ты любишь — это на самом деле Бог.

Чудесное присутствует в любых увлечениях. Игрок способен не есть и не спать почти как святой, <имеет> предчувствия, и т. д.

Весьма опасно любить Бога так, как игрок любит игру. Конечно, и тут бывают прекрасные и великие <примеры>, но от совершенства это далеко.

Плоть несет в себе опасность постольку, поскольку отказывается любить Бога, а также нескромно вмешивается в нашу любовь к Нему. [ms. 120] Может быть, чтобы воспрепятствовать этому, уместно давать ей ограниченные удовольствия?

Лучше ей было бы переносить лишения и скорби, принимаемые извне, под действием несчастья²¹⁷⁵.

Бог облек нас личностью — *тем, что́ мы есть* — чтобы мы сняли с себя это.

Прокаженный. Ἐὰν θέλῃς, δύνασθαί με καθαρίσαι²¹⁷⁶. Проказа — это «я». Всё, что я есмь, — проказа. «Я» как таковое есть проказа.

Разрушение Трои. Облетающие лепестки цветущей вишни. Знать, что самое драгоценное не укоренено в существовании. Это прекрасно²¹⁷⁷. Почему? <Потому что> это выталкивает душу из времени.

«Все, что ты желаешь, из того, что живо, или того, что умерло...»²¹⁷⁸

Сравнение между Троей и Иерусалимом. Иерусалим думал о себе, что укоренен во времени.

Любить человеческую немощь. Быть счастливыми оттого, что мы никто.

Любовь — примета человеческой немощи. Бог любит только Себя. А мы можем любить только кого-то другого²¹⁷⁹.

Нам не надо себя смирять. Смирение — в нас. Только смиряемся мы перед ложными богами.

Пистель смиряется²¹⁸⁰ перед своей гениальностью, кокетка перед своей красотой, женщина, стоящая в очереди за продуктами, перед единственным яйцом.

[ms. 121] В интеллектуальной области смирением является не что иное как внимание. Вообще же, смирение есть любовь, которая не возвращается на себя.

Не придавать ценности ничему в себе, кроме того, что трансцендентно, — т. е. скрытому от меня во мне самой, <тому,> что не есть я и абсолютно ничто другое.

Смирение составляет разницу между подлинно великим искусством и всяким остальным искусством.

<i>Спасенная Венеция</i>	Действие II. — Виолетта должна появиться в момент наивысшей экзальтации Жаффье. Она уходит, Пьер длинно отвечает молчаливо слушающему Жаффье. Жаффье, прощаясь с Пьером, говорит, как бы делая над собой усилие: ты прав, что если в тот момент перед нами окажется хоть мужчина, хоть женщина... Примешать из Ветхого Завета к словам Пьера ²¹⁸¹ .
--------------------------	---

Искушение благом. Уклониться от блага можно, только отвращая от него свое внимание. Если мы удержим на нем внимание в достаточной мере и в течение достаточного времени, нам уже от него не защититься; мы взяты в плен.

Зло, напротив, пленяет нас в тот момент, когда мы не направляем на него внимание.

Арджуна: вот *так* от зла к добру не перейти²¹⁸².

Ключ к <распознаванию> духовности в различных сферах земной деятельности — смирение.

[ms. 122] Унижения отвращают от смирения тех, у кого нет хотя бы начатков сверхъестественной любви.

Дурная униженность приводит к мысли, будто я — ничто в качестве «я», в качестве такой-то отдельной человеческой особи.

Смирение же есть познание, что я — ничто в качестве человеческого существа, вообще в качестве сотворенного существа.

Большое значение здесь имеет способность понимания²¹⁸³. Уметь постигать вселенское.

Создание, обладающее рассудительностью²¹⁸⁴, есть создание, которое содержит в себе зародыш, сам принцип, призвание рас-сотворения.

Саттва — вот эта тенденция к рас-сотворению.

Сотворение и рас-сотворение — как центробежная и центростремительная силы.

[Если бы мое спасение находилось на этом столе, в виде некоего предмета, и мне стоило бы только протянуть руку, чтобы его взять, я не стала бы этого делать, не получив приказа²¹⁸⁵.]

Как вообще прекрасное есть образ блага, так чистота есть образ смирения.

[ms. 123] Смирение — единственная добродетель, целиком сверхъестественная, то есть нет ни одной естественной добродетели, которая соответствовала бы ей, подражая ей.

Индия. Прочтения, накладывающиеся одно на другое. Следует любить безличного Бога сквозь Бога личного (за которым открывается еще Бог и личный, и безличный, а за Ним Бог, который *ни личен, ни безличен*), избегая отношения к Нему как к вещи, что бывает подчас у Спинозы.

Симметрия твердых тел и четвертое измерение. Таким же образом представление о противоречащих <друг другу> истинах поднимает душу к тому, что неподвластно представлению.

Математика есть способность строго рассуждать о том, что неподвластно представлению.

Но *знаки* (злоупотребление знаками) разрушают это чудо и препятствуют его мистическому использованию.

Ипполит у Еврипида. Есть что-то чудесное в том, что Афродита никоим образом не имела власти сделать его влюбленным. Она лишь смогла через Федру вызвать его смерть.

Как Бог бессилен творить благо между людьми без содействия людей, так же демон не может <без их содействия> творить зло.

[ms. 124] Индуистская формула: «Люди без мудрости суть животные богов. Как человек не хочет потерять хотя бы одну голову скота, так боги не хотят, чтобы человек был мудрым»²¹⁸⁶. Отзвук той же концепции слышен и в сказании о первородном грехе, как оно дошло в книге Бытия, и в сказании о Вавилонской башне. Также и в Греции — в истории Прометея, в истории Ипполита. Было бы очень просто вообразить себе такую интерпретацию распятия Христа (хотя, насколько я знаю, такой интерпретации не существует). Учение о «зависти бесовской» духовному продвижению святых связано с тем же самым.

Каков смысл этой концепции?

Рас-сотворение идет против природы.

(Но в сказании об Адаме речь идет о ложном рас-сотворении. Или же тут смешались две различные традиции? *Можно ли сказать, что сверхъестественное призвание человека есть причина его немощи? В некотором смысле это не является неправдой.*)

Богу угодно не такое-то событие как средство в видах такого-то другого как цели, а оба в одной и той же степени. Так же и нам. Нам подобает быть совершенными как совершен Отец наш небесный. Наш ум вынужден располагать средства относительно целей; но любовь должна соединяться с первыми и вторыми одинаково. Любить подметать так же, как любишь подметенную комнату. (Что [ms. 125] не обязательно означает находить в этом удовольствие.)

Отказ от плода.

[Из-за усталости — чувство *непреодолимости* времени. Какая милость — испытывать его часто.]

Любовь, не выстраивающая перспективы.

Познание человеческой немощи затруднено для богатого, для могущественного, так как он почти непреодолимо принуждается верить, будто представляет из себя что-то. Оно затруднено для бедняка, ибо он почти непреодолимо принуждается верить, что богатый, могущественный представляет из себя что-то.

Экклезиаст. Необходимый момент любви; сохранять всё²¹⁸⁷. Иов. «Бог смеется над мучением невинных»²¹⁸⁸. Знать это — и любить это; и не искать объяснений.

Так и человек должен переносить вид страданий невинного там, куда не может достгнуть его помощь. («Я пришел только к потерянными овцам Израиля»²¹⁸⁹.) [Но переносить ее как муку²¹⁹⁰.]

Напротив, в орбите своего действия он — человек, а не Бог²¹⁹¹. (Это на уровне сверхъестественной любви и молитвы он должен быть безразличен как Бог²¹⁹².) (...)

[ms. 126] Для сотворенного существа иметь любовь к Богу есть такое чудо, такая милость²¹⁹³, что она может служить доказательством (и единственным доказательством) бытия Бога. Чем глубже судьба погружает меня в немощь, тем чудо чудесней, тем доказательство убедительнее.

Поэтому ничто не сравнится с горечью безутешного несчастья²¹⁹⁴.

Утешения — физические феномены совершенно особого рода, но не из числа сверхъестественных.

Собаки Павлова и мученики²¹⁹⁵.

Проводить тщательное разделение между необычными явлениями (на уровне чудес) и сверхъестественным.

Бог желает спасения душ. Богу подобает повиноваться. Есть два способа связывать обе эти достоверности. Повиноваться Богу, потому что Он хочет нашего спасения. — Или же направлять усилия на спасение только из послушания. Второе более чисто.

Идея откровения, из которого проистекает и мораль (а не вселенная); насколько эта идея глупа на том уровне, на каком она обычно высказывается (ср. «Евтифрон»²¹⁹⁶), настолько она верна и прекрасна на уровне более глубоком.

Трансцендентный характер истинной морали. Сверхъестественный характер всякой чистой добродетели.

[ms. 127] Польза от искушений. Она зависит от отношения души со временем. Рассматривать возможное злое дело (возможное в полном смысле слова²¹⁹⁷) в течение долгого времени, не совершая его, производит что-то вроде пресуществления. Если мы сопротивляемся с конечным количеством энергии, эта

энергия за определенное время бывает исчерпана, и, исчерпав ее, мы уступаем. Если же остаемся неподвижны и сохраняем внимание, исчерпывается искушение; [и мы собираем его энергию в восстановленном качестве?]

Если мы таким же образом — неподвижно и внимательно — рассматриваем возможное доброе дело, так же происходит пресуществление энергии, благодаря которому исполняется это доброе дело.

Пресуществление энергии состоит в том, что для зла наступает момент, когда мы не можем его выполнить, а для добра — когда мы не можем его не выполнить. Отсюда также <можно вывести> критерий <различения> добра и зла.

Если мы три часа смотрим на картину гениального художника, за эти три часа меняется природа нашего созерцания.

«Количество переходит в качество». Это прекрасно подходит к длительности. Посредством благодати совершается то, что время выводит за пределы времени.

Я встречаю очень дорогого мне друга, который долго отсутствовал. Он подходит и пожимает мне руку. И, если он сжимает ее слишком сильно, и я чувствую боль, эта боль для меня — счастье. Не то, что бы я думала, что он сжимает ее так сильно для моего удовольствия. И не то, [ms. 128] что эта сила для меня — знак его любви; это может быть только оттого, что у него сильные руки, или оттого, что рана делает мою ладонь более чувствительной. Просто это прикосновение есть знак того, что любимое существо рядом. Таким образом, хоть контакт и имеет форму боли, но как знак присутствия дорогого человека он — счастье. Если это прикосновение так же приятно и ему, оно становится счастьем с избытком. (По правде сказать, я мало придаю внимания болезненности или приятности этого ощущения как такового.)

Вот так же, несчастье или благоденствие — и Бог²¹⁹⁸.

Мы должны любить Бога не потому, что Он нас любит. Потому что Бог нас любит, мы должны любить себя. Как нам любить самих себя без этого мотива? [Любовь к себе невозможна для человека иначе, как таким окольным путем.]

«Он первым возлюбил нас»²¹⁹⁹. Это верно только в одном смысле. Ибо как только сверхъестественная любовь дает нам верить в Него, она является и условием — не следствием — нашей веры в Его любовь. По этой благодати нам позволено любить Его даром.

Желать спасения — дурно, и не потому что эгоистично (не во власти человека быть эгоистом), но потому что это значит ориентировать себя на простую возможность, частную и вторичную, вместо полноты бытия, вместо блага, которое абсолютно.

[ms. 129] Если бы мы могли верить в Бога, не любя Его, мы не могли бы Его любить.

Ср. у Ланьо²²⁰⁰ (и у Канта, в неуклюжем объяснении).

Человеку хотелось бы быть эгоистом, но ему это не удастся. Это самая поразительная черта его немощи — и источник его величия. Человек всегда жертвует своим интересом ради *порядка*. Но дело в том, что вне сверхъестественного просвещения центром этого порядка выступает или он сам, или отдельное существо (которое может быть и абстракцией), в которое он себя переносит. (Наполеон для солдат Империи, Наука, Партия, и т. д.). Перспективный порядок.

Всегда кончается тем, что находят, где великан запрятал свою жизнь.

(Написать работу по фольклору.)

Есть глубокая правда в католической исповеди. Это не решение, сопровождаемое внутренним напряжением, не расход

энергии, разрушающей грех, — но раскаяние, то есть свет внимания, и это с повторением, в течение длительного времени. Каждый момент света устраняет грех понемногу, пока он, наконец, не истощится весь — при условии, что мы не рвемся в него добровольно.

Условия существования.

Мироздание оказывается устроенным так, чтобы творение могло чисто любить Бога.

Иначе говоря, творение содержит в себе условие для рассотворения.

[ms. 130] Превосходство «Ипполита» над остальными трагедиями Еврипида настолько бросается в глаза, что несомненно использование эзотерического источника.

{ Эсхил: «Агамемнон» — «Прометей».
Софокл: «Антигона» — «Электра» — «Филоклет».
Еврипид: «Ипполит» — «Вакханки» —

Бог любит только Себя. «Он любит нас»: это означает только, что Он желает, с нашим соучастием, любить Себя через нас.

Бог сотворил нас свободными и разумными, чтобы мы отреклись от нашей воли и от нашего разума. Отречься от них, это, во-первых, означает, на уровне представления, использовать их подобающим образом²²⁰¹ (в согласии с верными правилами) и во всей полноте. Во-вторых, познать, что реальность того, что доступно представлению, нереальна по сравнению с реальностью непредставимого.

? | Почему совпадение необходимости и существования (того, что определяет реальность на нашем уровне) есть радость?

Деградация католической мысли. *Причина* воплощения Слова была не в том, что надо было послужить людям, приняв на себя их плоть. («Когда, Господи, был Ты голоден, а мы Тебя накормили?..»²²⁰²) (Было бы вернее, но еще не вполне верно, сказать, что Оно воплотилось именно для того, чтобы научить нас служить людям в их плоти.)

ὅπως ἡ σου ἡ ἐλεημοσύνη ἐν τῷ κρυπτῷ, καὶ ὁ πατήρ σου ὁ βλέπων ἐν τῷ κρυπτῷ ἀποδώσει σοι²²⁰³.

...τῷ πατρί σου τῷ ἐν τῷ κρυπτῷ...²²⁰⁴

Простое сознание исполненного добра есть естественная награда, которая соответственно, математически, уменьшает награду сверхъестественную.

[ms. 131] ...οὐαὶ ὑμῖν τοῖς πλουσίοις, ὅτι ἀλέχετε τὴν παράκλησιν ὑμῶν²²⁰⁵.

Если принять πλουσίοι в широком смысле, как πτωχοί²²⁰⁶, можно перевести:

Горе получающим свое утешение (ибо им невозможно будет получить утешение сверхъестественное).

В них нет места для Параклита²²⁰⁷.

Он не сказал: любите Бога, и <любите> ближнего ради Бога. Но: ближнего *как* самого себя, и <что> обе заповеди суть одно.

Стало быть: всякий, кто подлинно любит Бога, даже если он думает, что забыл обо всем сотворенном, любит людей, сам не зная об этом²²⁰⁸.

Всякий, кто любит ближнего как себя самого, даже если он отрицает существование Бога, — любит Бога.

Мы любим не сами себя. Все дело в перспективе. Надо отбросить перспективу.

Преобразовать чувственное восприятие светом всеобщности. Прекрасное этого достигает. Так же и сострадание без предпочтений.

(Прекрасное <преобразует> удовольствие (в какой-то мере), сострадание — боль.)

Иметь душу, уязвимую ранами всякой плоти, без исключения, так же, как и ранами собственного тела, ни больше ни меньше. Каждой смертью — как собственной смертью.

Это значит преобразовать всякую боль, всякое несчастье, которым мы подвергаемся (— и те, что у нас впереди — и те, которые причиняем мы сами) в чувство человеческой немощи.

По силе удивительного таинства это чувство родственно чувству прекрасного и содержит в себе *amor fati*.

Воспринимая несчастье такого-то индивида (меня или другого) [ms. 132] как человеческую немощь, а не как несчастье именно этого индивида, мы прочитываем плененность духа в плоти, образа Божьего в плоти, и *в этот момент* весь человек становится подобен Христу.

(Делая добро людям «*ради* Господа», мы опрокидываем порядок.)

Это тождество обеих заповедей — загадка. Ибо, осознавая безмерное количество ужасающих страданий, причиняемых людям, столь часто вовсе не заслуженных, впору подумать, что любовь к ближнему должна была бы вести к бунту против Бога.

(Но сам факт того, что сверхъестественное чувство любви к ближнему — возможно, на опыте доказывает реальность благодати Бога.)

Сверхъестественное сострадание есть горечь безутешная — и, однако, скрывающая собой ту *пустоту*, откуда нисходит благодать.

Пусть эта горечь будет *неустранимой*, как неустранима горечь страдания нашей собственной плоти. Иов.

Это тождество двух заповедей, будучи непостижимой тайной, представляется, однако, фактом опыта. Фактом, который и в самом деле можно назвать *провиденциальным*²²⁰⁹.

(Это ясно показывает, что у евреев не было сверхъестественной любви к Богу²²¹⁰.)

Созерцание человеческой немощи, отрывая от земли, поднимает к Богу; но она доступна созерцанию только в другом, которого любишь как сам себя. Ее невозможно созерцать ни в себе самом-по-себе, ни в другом самом-по-себе.

«Илиада» — Лоуренс²²¹¹.

[ms. 133] Длительность. Когда от боли и изнурения в душе рождается чувство, что это никогда не кончится²²¹², тогда мы, созерцая эту бесконечность с согласием и любовью, прорываемся в вечность. Крест.

Любить ближнего как самого себя подразумевает, что мы прочитываем во всяком человеческом существе одно и то же сочетание природы и сверхприродного призвания: дух в бутылке²²¹³, связанную мысль. Это прочтение, направленное вопреки силе тяжести, сверхъестественно.

Любить ближнего как самого себя есть не что иное, как видеть человеческую немощь и в себе, и в другом.

Ближний — для нас то зеркало, где мы находим познание себя самих, если любим его, как самих себя.

Познание себя есть любовь к Богу.

Почему?

Молчание Бога обязывает нас ко внутреннему молчанию.

На какой бы духовной высоте мы ни находились, когда в силу необходимости мы терпим холод и голод, нам всегда жаль себя. Сострадание к другим, терпящим голод и холод, предполагает умение представить, вообразить себя в любых социальных и материальных обстоятельствах и, следовательно, обнажить себя от обстоятельств, в которых мы находимся. Это нагота, — во всяком случае, частичная.

[Как следствие, это (*почему как следствие?*) — способность представить и вообразить совершенного человека, Бога вочеловечившегося, [ms. 134] ввергнутым в любую степень несчастья.]

«Все, что вы сделали...»²²¹⁴ — подразумевает, что в совершенном и чистом сострадании таится неявная вера в воплощение. Почему?

Пройти до самого предела. «Чтобы вы были во мне едино <таким же образом>, как и Я един с Отцом Моим²²¹⁵».

Нагота духа²²¹⁶ не только есть условие любви к Богу; она есть ее достаточное условие, она есть <сама> любовь к Богу. Пустота.

? || «Никто не приходит к Отцу, как только через Меня»²²¹⁷. Каков смысл этих слов? Без сомнения, их не надо принимать в том же смысле, как те, кто считает принадлежность к Церкви условием спасения. Значит, он какой-то другой. Какой же?

Что такое *посредство*?²²¹⁸

«Всё, что вы сделали...» — Чистое сострадание как *μεταξύ*²²¹⁹.

Священный характер умоляющих о защите²²²⁰. Уважение к несчастью. (И в то же время: «...не чтимый никем, ни людьми, ни богами»²²²¹.)

Красота. Плод, на который смотрят, не протягивая руку.

Так же и несчастье — то, на что <надо> смотреть, не пытаясь отодвинуть от себя.

Накормить голодных — одна из форм созерцания²²²². Каким образом?

Никто не приходит к Богу Творцу и Вседержителю, не пройдя через Бога, ОБНАЖЕННОГО ОТ СВОЕГО БОЖЕСТВА. Если же идут к Богу напрямую, приходят к Иегове (или Аллаху, как Он описан в Коране).

[ms. 135] Мы должны *обнажить Бога от Его божества*, чтобы любить Его.

Он обнажает Себя от Своей божества, <сначала> став человеком, а потом становясь мертвым телом и веществом (хлебом и вином).

Нам следует любить Бога сквозь наши собственные радости, сквозь наше собственное горе, сквозь наши собственные (былые) грехи. Следует любить Его сквозь радости, несчастья и грехи других людей — и не <ища другого> утешения.

Любить Бога сквозь такую-то вещь есть иметь чистую любовь к этой вещи; оба этих чувства тождественны.

Любить Бога сквозь грехи означает раскаяние.

ЛЮБИТЬ БОГА СКВОЗЬ НЕСЧАСТЬЕ ДРУГОГО ЕСТЬ СОСТРАДАНИЕ К БЛИЖНЕМУ.

Как это получается? Загадка.

Восставать против Бога из-за людского несчастья, на манер Виньи²²²³ или Ивана Карамазова²²²⁴ — это представлять себе Бога как одного из <земных> владык²²²⁵.

Чилийская сказка о женщине, которая страстно любила своего мужа, а он после смерти стал приходить к ней как вампир, чтобы сосать из нее кровь. Она отрезает ему голову без колебания.

Это означает, что любовь ограничена; ее интересом является добавочная энергия. Она (любовь. — П. Е.) иссякает вместе с жизнью (вместе с жизненной энергией). Любовь сверхъестественная переходит этот рубеж.²²²⁶

Вот почему «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за тех, кого он любит»²²²⁷.

Чтобы понять смысл этих слов, нам требуется сверхъестественное различение. Ибо те солдаты, что умирали [ms. 136] за Наполеона, были весьма далеки от «самой большой любви». Также бывает (во многих случаях) и с любовниками. И со скупцами, и т. п.

Итак, добавочная энергия ввергает тело в смерть²²²⁸. Энергия вегетативная не имеет заинтересованности. Когда же она

заинтересована, проявляется (вне помощи сверхъестественной благодати) самый безоглядный эгоизм. Это единственный случай, когда человек бывает эгоистом²²²⁹.

Воображение не в силах представить это состояние, так как воображение составляется добавочной энергией. И лишь с большим трудом распознает эту истину.

Искать другие примеры.

(Может быть, страх — это моментальное исчезновение добавочной энергии? Апостол Петр²²³⁰. — Приговоренный к смерти²²³¹.)

Мучеников несчастье не доводило до состояния, когда у них оставалась бы одна лишь вегетативная энергия. А Христа — довело, но не угасило в Нем свет благодати.

Христос как идея (εἶδος)²²³² человека.

Отдельный человек, идентичный идее человека (неподвластно уму²²³³).

[В Церкви как в социальном организме тайны²²³⁴ неизбежно вырождаются в верования. Если же кто привержен им только как тайнам, возможно ли для него честно войти в этот социальный организм?]

[ms. 137] Представлять себе Бога всемогущим — это представлять самого себя в состоянии ложной божественности.

Человек не может быть одно-единое с Богом, кроме как объединяя себя с Богом, ОБНАЖЕННЫМ ОТ СВОЕЙ БОЖЕСТВЕННОСТИ (ОПУСТОШЕННЫМ ОТ СВОЕЙ БОЖЕСТВЕННОСТИ).

«Я есмь Путь»²²³⁵.

Дао²²³⁶, действие не-действующее, — эквивалентная форма.

Выцеживать вегетативную энергию вплоть до <обретения> света. Только Крест и достигает этого.

Тоῦτο δὸς ἑμοῖ²²³⁷.

Люби твоего ближнего как себя самого. Это значит, забирая у себя вегетативную энергию, полагать ее под светом всеобщности²²³⁸. («Все творения», это еще лучше²²³⁹.) Крест.

[Не стремиться к страданию в целях духовного продвижения, но стремиться к духовному продвижению, чтобы достигнуть чистоты страдания.]

Любить Бога немощным.

Принимать страдание другого, но — *как страдание*, что означает, прежде всего, <самому> нести это страдание.

Способность к чистому состраданию строго пропорциональна принятию собственного страдания. Посредством какого механизма?

Чтобы определить этот механизм, требуется понятие вселенской чувственности (не без связи с <понятием> чистой чувственности, которым пользуется Кант, <говоря> о пространстве и времени²²⁴⁰), которое имеет отношение также к прекрасному.

[ms. 138] Состраданию препятствует отказ представить для себя самого возможность страдания. Отказ признать себя самого в немощи другого, которая безобразна. (Недостаток смирения; без смирения сострадание никогда не будет чистым.) Нас смиряет созерцание собственной немощи в страданиях другого. Добровольно поместить собственное «я» в это убогое тело, что перед нашими глазами (то, что происходит с несчастным принцем в трагедии). [Из фольклора: принцесса, которую сделали служанкой; это единственное средство убедить в том, что служанка — человеческое существо.] Движение, аналогичное воплощению; обнажиться от ложной божественности. Это сверхъестественно, поскольку *сойти* — сверхъестественно: моральная сила тяжести противоборствует против этого. (Рабы у Плавта, которые вызывают только смех. Шарло²²⁴¹.) Концепция необхо-

димости, единственная, дающая силы страдать, принимая страдание, — только она одна дает и способность мысленно переносить собственное «я» в несчастного.

Опустошить себя от своей ложной божественности, безусловно покориться человеческой немощи. Покорность, приятие и неустрашимая горечь.

Сострадание подразумевает приятие, так как мы добровольно сводим свое собственное существо в несчастного. Движение сострадания противонаправлено движению бунта.

[Со-страдание. Бог оказал сострадание нашей немощи, хотя принимает, чтобы она существовала.]

Приятие горечи. Отсюда проистекает прекрасное. «Илиада». Но все-таки почему?

Потому что только так мы вытаскиваем вегетативную жизнь под свет созерцания.

[ms. 139] *Карма* у индусов; существующее благо математически равно благу желаемому, существующее зло — злу желаемому. Это верно только в отношении всей совокупности человечества. ↓²²⁴² А для каждого индивида это верно в области чисто духовной (и только с того момента, как он *вошел* в эту область).

Не существует потерянного блага. Так же как и потерянного зла.

(Кроме разве что зла, идущего от материи: молнии, и т. п.)

Допущенное индивидом зло в духовном смысле сгущает вокруг него тьму. (Ибо каждое усилие, сделанное в соответствии с некой склонностью, усиливает эту склонность.) (Но так обстоит только с усилием; поступки, естественно проистекающие из той темноты, где пребывает человек, лишь оставляют его в той же темноте²²⁴³.) Относительно мира, каждое нарушение равновесия, которое он производит, открывает его (не осуждает, но открывает) для нарушения равновесия в обратном на-

правлении. А по действию тьмы, помрачившей его, он теряет способность выдержать это нарушение. Так он становится еще более уязвим: и практически, и в духовном смысле. Каждый убивающий рискует быть убитым, и умереть в своем зле. (Умереть, возможно, внешне храбро, но дурно.)

Но столь же верно и обратное. (Кто-нибудь когда говорил об этом?) Духовно сгущает тьму и перенесенное зло, создавая расположенность к ответному нарушению равновесия (возмездия).

Но в то же время имеет место и расположенность продолжать <начатое движение> (инерция); тем самым, кто делает зло, готов сделать его еще; тот, кто его претерпел, готов претерпеть его еще (предавая себя некоему дурному смирению²²⁴⁴).

Только тот, кто стоит в сверхъестественном, избегает и той, и другой скверны; но только лишь одной частью своего существа. И тем с большим ужасом чувствует, как скверна касается другой его части. Арджуна²²⁴⁵. Христос.

Если бы и сам Кришна <при этом> был взволнован так же, как и Христос в Евангелии, разве не было бы это еще прекраснее?

[ms. 140] Человек поднимается над социальным, только входя в трансцендентное, в сверхъестественное, в подлинно духовное. До этого фактически во всем, что бы мы ни делали, социальное является трансцендентным по отношению к человеку.

Выходит, единственная защита человека <от диктата социального> — в том, чтобы находящиеся на пути святости получили признанную социальную функцию²²⁴⁶.

Но сколь это опасно!

(Платон, «Государство».)

Две области в человеке. Первая, находящаяся в компетенции воли (например: «перевести то-то на греческий») и другая, что вне ее компетенции²²⁴⁷ (написать прекрасные стихи) (хотя воля

некоторым образом здесь тоже участвует — принятием телесных положений, благоприятствующих вниманию).

А социальное — в чем оно? Не является ли оно третьей областью — особым видом трансцендентного, трансцендентным гибридным, эрзацем трансцендентного?

«Князь мира сего»²²⁴⁸.

Если воля соответствует очевидным и ясно осознаваемым обязанностям; если молитва соответствует сверхъестественному, — что, в таком случае, соответствует социальному?

По Лао-цзы, ничто (т. е. ничто, вне сферы очевидных обязанностей).

Это трудно.

Если ничто не пропадает, ни доброе, ни злое, может ли быть социальный механизм безразличным?

Поскольку нельзя внести сюда малого или большого изменения посредством воли, нужно только *нести сюда свет внимания*.

Подлинный прогресс будет точно пропорционален всему количеству [ms. 141] истинного внимания, которое будет обращено сюда всем множеством заинтересованных индивидов (сегодня, это все <население> планеты Земля²²⁴⁹).

Отклоняя от этого мысль, совершают тяжкую ошибку. Не менее тяжкая ошибка ставить свою мысль в зависимость от этого.

(Общественные задачи, роль великих водителей масс — феномены внеприродные; но божественны они или во власти демонов? Видано ли было когда первое??? Моисей? Мухаммед? (Какое дикое смешение...)

Общественное влияние на широком уровне, конечно, не та вещь, которую человек мог бы добыть себе усилием воли. Даже Наполеон — с ним это было. Ришелье?

Но это не относится и к области вдохновения.

Бунт, это — отвести глаза. Иван Карамазов. Принятие есть не что иное, как некая степень качество внимания. Страдая плотью, мы не можем оторваться мыслью от того, что мы страдаем, и, мечтая об этом <освобождении>, рвемся, как на цепи. Иов: «Боже, хоть на мгновение оставь меня!»²²⁵⁰ Тот, кто принимает собственное страдание, освещает его светом внимания. Что касается страдания других, мы делаем выбор. Друзья Иова сделали свой выбор: дав волю компенсирующему воображению, они выдумали его «тайные грехи». Вот один способ отвести глаза. Иван Карамазов тоже отводит глаза: рассеянная жизнь. (Если бы, в заключение, он сказал: «Я не принимаю — и там, где это будет в моих силах, не прольется больше ни одной слезы», — тогда, в форме протеста, он сокровенно имел бы любовь к Богу. — Но посредством какого механизма?)

Внимательное созерцание немощи, без компенсации или утешения, приводит нас к сверхъестественному, и тогда мы уже не можем не любить его Источник. Единственная связь Бога с миром состоит в возможности того, чтобы сверхъестественное существовало в мире — в человеческой душе²²⁵¹.

[ms. 142] Итак, посредством мысли перенося в другого свое существо, мы переносим в него, в возможной для нас степени, и сверхъестественное.

Это не должно ослаблять в нас желания помочь ему в его плоти, по причине той неустрашимой горечи страдания, против которой сверхъестественное бессильно²²⁵².

(Понятно, что осветить страдание светом внимания, знать, что мы можем в нем помочь, и не помочь, — значит, его причинить. Почему именно мы не должны его причинять?²²⁵³)

(«Я был голоден, и вы накормили Меня...», и при этом: «Моя пища есть творить волю Пославшего Меня». Если мы поистине встретим Христа голодным, почему именно мы должны Его накормить?»)²²⁵⁴

Принимать горькое; не следует, чтобы принятие уменьшало эту горечь, а иначе само принятие пропорционально потеряет в своей силе и чистоте. Ибо объект принятия есть именно то, что горько, в качестве горького, а не что-то иное. (Св. Фома о страданиях Христа.) — Говорить, как Иван Карамазов: «Ничто не искупит единственной слезинки единственного ребенка», но при этом принимать все слезы, и бесчисленные ужасы, которые несут куда больше, чем просто слезы. Принимать вещи не постольку, поскольку они предполагают компенсацию, но сами по себе. Принимать их существование, просто поскольку они существуют.

Принимать такое-то событие не потому, что такова воля Бога. Обратный путь более чист. (Может быть...) Принимать такое-то событие, поскольку оно совершилось, и приятие любить Бога сквозь это событие.

Принимать, что это есть, потому что оно есть — что это означает? Не значит ли это просто признавать, что оно есть?

[ms. 143] Радость увеличивает чувство реальности, скорбь его уменьшает. Речь лишь о том, чтобы признавать равную полноту реальности в скорбях и в радостях. Чувственность говорит: «Это невозможно». Надо ответить: Это есть. Она скажет: «Почему так?» Надо ответить: Потому что это есть. Если оно есть, значит, оно имеет причину.

(Ср. «Испанское свидетельство».)²²⁵⁵

Когда мы любим Бога сквозь зло как таковое, это значит, мы любим, в самом деле, именно Бога, <а не что-то другое>.

??? НЕ БЫВАЕТ ЧУВСТВА РЕАЛЬНОСТИ БЕЗ ЛЮБВИ, И ЭТА СВЯЗЬ ЛЕЖИТ В КОРНЕ ПРЕКРАСНОГО. НО ПОЧЕМУ ТАК?

Есть чувство горечи, неотделимое от прекрасного во всех его формах.

Дела милосердия — накормить, одеть, и т. д. — ценны не сами по себе, но как знаки. У человека существует естественная склонность — слабая, но она есть, — смягчать боль; и она проявляется, когда отпадает то, что ей препятствует. Так вот, правильное внимание, направленное на немощь другого, устраняет эти препятствия. (Обычно невнимание и является той причиной, в силу которой эта склонность остается бездейственной.)

(«Будьте совершенны, как совершен Отец ваш небесный», то есть, быть равным ко всем. Включая себя самого. Но мы же едим, когда голодны. Даже тибетские отшельники каждый день съедают по несколько ячменных зерен.)

Среди человеческих существ мы полностью признаем существование только за теми, кого любим.

Все, что есть в этом мире, имеет значение только как *ордалия* или как *знак*. Всё есть весы.

[ms. 144] Надо не усиливать <в себе> склонность к помощи другим, — независимо от того, сильна она в нас или слаба, ибо она естественна и, значит, ни добра, ни зла, — но надо устранять <в себе> то, что мешает ей действовать.

Итак, помощь <другим> не есть действие; она — уступка склонности, пассивность.

В состоянии высшего безразличия — зачем действовать? Да, собственно говоря, мы и не действуем. Но, поскольку человек по природе не является существом неподвижным, <его> недействие состоит в движениях, так же как и в неподвижности.

«Гита».

Не искать в действии блага. В этом — учение «Гиты». Но...

Ты веришь, что ты не будешь драться, но мотивы, влекущие тебя на бой, сейчас более сильны. Мы можем подняться, только выбрав определенное поведение.

Тамас и раджас. Свет внимания некоторые склонности устраняет, а некоторые другие вырывает из-под власти инерции. (Может быть, здесь происходит компенсация, перенос энергии?) <В любом случае,> остается система склонностей, которой человек только поддается.

Человек только и делает, что отдает себя склонностям (среди которых и отчетливое представление о долге), но внимание их изменяет.

У Арджуны не было времени для выполнения этой операции.

[ms. 145] «Ты — та, которой нет»²²⁵⁶. Не будучи, я могу, под властью обстоятельств, стать ЧЕМ УГОДНО²²⁵⁷.

Платоновская мысль.

Представить то, что нестерпимо. Фреска в Азола²²⁵⁸. Вывести ужас из тьмы под свет внимания. Это дело рас-сотворения.

Нет ничего более прекрасного, в самом точном смысле слова²²⁵⁹.

Чистота есть способность видеть скверну.

Совершенная чистота может рассматривать и чистое, и нечистое; а нечистота не может ни того, ни другого: первое ее пугает, а второе ее затягивает. (Ей необходимо их смешение.)

Принц из народной сказки, связанный клятвой... Сам Бог. Бог более сокрыт в творении, нежели в воплощении.

Снять с Него покров, значит Его рас-сотворить.

Он как будто связан клятвой. Ему всё по силам, но всё идет так, будто Он вовсе бессилен.

Никакое благо не бывает потеряно. Но в каком смысле? Действием какого механизма?

«Когда вы собраны *вдвоем или втроем* во имя Мое...»²²⁶⁰; это для устранения социального. — Два или три: <это также и> сократическая традиция²²⁶¹.

То благо, что находится выше корреляции добро-зло, не теряется никогда. Оно также устанавливает границу. (Плохо выражено.)

Приложение к духовной сфере принципа: «Ничто не теряется, ничто не создается»²²⁶².

Искупительное страдание. Благо чисто духовное.

Не является ли чистая радость одним из условий искупительного страдания?

[ms. 146] Говорить, что этот мир ничего не стоит, что эта жизнь ничего не значит, приводя в доказательство <существование> зла, абсурдно. Ибо если это ничего не стоит, то чего же тогда лишает зло?

Значит, страдание в несчастьи и сострадание другому будут тем более чисты, чем больше нам ведома полнота радости. Чего лишается в страдании тот, кто живет без радости?

А если мы знаем полноту радости, страдание есть еще и соответствие радости, как голод — питанию. (...)

Со всей очевидностью Кришна упрекает Арджуну за желание сделать эрзац рас-сотворения.

(Но говоря вообще, надо признать, что именно убийство заключает в себе эту вину.)

Трансцендентная радость; сквозь чувственную сферу мы не властны (может быть) дотянуться до нее иначе, чем путем крайнего и чистого страдания.

Знать всей душой, что я ничто. Радость не быть ничем.

Следует получить откровение реальности в радости, чтобы найти реальность в страдании. Иначе жизнь — всего лишь сновидение, более или менее дурное.

Надо достигнуть того, чтобы обрести еще большую реальность в страдании, которое есть ничто и пустота.

Таким же образом, надо сильно любить жизнь, чтобы еще больше полюбить смерть.

[ms. 147] Если мы обретаем полноту радости в мысли, что Бог есть, надо найти такую же полноту в познании того, что нас самих нет, ибо это одна и та же мысль. И это познание не доходит до чувственности иначе как через страдание и смерть.

Те, кто бунтуют против несчастья, хотели бы быть чем-то.

Но не надо и быть причиной несчастья, ибо это было бы равным образом быть чем-то.

Радость направлена на некий объект. Меня радуют солнце, или луна над морем. или красивый город, или вызывающий восхищение человек; в полноте радости нет «я».

В противоположность этому, <в страдании> — страдает «я».

Радость есть сознание того, что́, как бытие, не является «я». Страдание есть познание себя самого в качестве ничто. Два соотносительных аспекта одного и того же. Но во втором происходит разрыв. Я скорее могу забыть себя, чем думать о себе как о ничто. Но чем больше я принуждаю себя к этой мысли, тем больше становлюсь способна к чистой радости.

Когда я страдаю, я не могу ни забыть, что я есмь, ни не знать, что я ничто.

Что неустранимо в страдании, это — «я».

Силой страдания мы используем «я», и мы отменяем²²⁶³ его, когда страдание доходит до смерти.

Мы также используем «я» через радость, сопровождаемую интенсивным вниманием.

[ms. 148] Чистое сострадание обязательно сделает более, а не менее, способным к чистой радости.

Как?

С тех пор как человек однажды понимает, что он есть ничто, цель всех усилий — стать ничем²²⁶⁴. Именно ради этого мы принимаем страдание, *ради этого действуем*²²⁶⁵, ради этого молимся.

Боже мой, дай мне стать ничем.

По мере того как я становлюсь ничем, Бог любит Себя сквозь меня.

Бог есть всё, но не в качестве личности. В качестве личности Он есть ничто. Ὁμοίωσις θεῷ²²⁶⁶. (Личному и вне-личному.)
(Евангелие: совершенство Бога и невмешательство²²⁶⁷.)

Множества и части в том, что относится к Богу...

Только *Необходимость* (условие существования) дает средство уму на этот счет.

Необходимость заключает в себе и причинность, и финальность.

Любовь и справедливость (Θ)²²⁶⁸. Оказать справедливость существу, иному, чем ты сам, — это поставить себя на его место. Ибо мы принимаем свое существование только в качестве личности, но не как вещи. Внутреннее рассечение; обнажение. Осмыслять себя самого как себя самого *и* другого²²⁶⁹.

Вера в то, что другие человеческие личности существуют как таковые²²⁷⁰, есть *любовь*.

[ms. 149] Когда любовная страсть доходит до *вегетативной энергии*, тут и бывает то, что с Б<орисом>²²⁷¹, Федрой, Арнольфом²²⁷² и т. д. («...И я чувствую здесь, внутри, то, что меня разорвет...»²²⁷³)

Ипполит в самом деле более необходим для жизни Федры, в самом буквальном смысле, нежели пища.

Чтобы любовь к Богу прошла настолько же вниз (<как> сверхъестественный хлеб), надо, чтобы природа претерпела крайнее насилие. Иов. Распятие.

Любовь Федры и Арнольфа нечиста. <Можно ли найти пример> любви, которая сходит так же низко, и которая чиста...²²⁷⁴

Внизу может быть лишь отрицательное, лишь пустота, тоска и смерть. Носить свою смерть в себе. Носить свой крест.

Сотворение <мира>; человеческий ум не может представить движение вниз без чего-то похожего на необходимость.

В отношениях с Б<орисом> я дотронулась до такого мертвенного холода *вегетативной энергии*, какого очень редко касаешься.

(Не его ли я коснулась в себе самой в худший период головных болей?)

Сцена разграбления Магдебурга²²⁷⁵. — Гасдрубал²²⁷⁶. — Мир перестает существовать.

Если мы не научились становиться ничем, тогда нам грозит опасность, что настанет момент, когда все вещи, кроме нас, перестанут существовать.

Становиться ничем вплоть до вегетативного уровня; вот тогда-то Бог и станет хлебом.

Τὸν ἄρτον ἡμῶν τὸν ἐπιούσιον δὸς ἡμῖν σήμερον²²⁷⁷.

[ms. 150. Пустая страница.]

[ms. 151. В начале страницы — один из вариантов стихотворения «Звезды»; см. с. 81.]

[ms. 152] <Франциск Ассизский. Песнь брата Солнца²²⁷⁸; в оригинале староитал.>

Всевышний, всемогущий, благой Господи,
Твои суть хвала и слава, честь и благословение.
Тебе единому, Всевышний, они подобают,
и ни единый человек недостойн наречь Тебя.

Славься, Господь мой, от²²⁷⁹ всех Твоих творений:
прежде всех, <от> господина брата Солнца,
который <являет> день, и им Ты освещаешь нас,
и он прекрасен и лучист в своем великом сиянии:
Твое, Всевышний, он носит знаменование²²⁸⁰.

Славься, Господь мой, от²²⁸¹ сестры Луны и Звезд;
Ты соделал их в небе яркими, драгоценными и прекрасными.

Славься, Господь мой, от брата Ветра,
от воздуха, и облака, от вёдра, и от всякой погоды,
которыми Ты поддерживаешь свои создания.

Славься, Господь мой, от сестры Воды,
что весьма полезна, и смиренна, и драгоценна,
и целомудренна.

Славься, Господь мой, ради брата Огня,
которым Ты просвещаешь ночь,
и который прекрасен, и весел, и могуч, и силен.

Славься, Господь мой, от сестры нашей и матери Земли,
что носит нас на себе и кормит,
и производит различные плоды, и пестрые цветы, и траву.

Славься, Господь мой, от тех, которые прощают
ради любви к Тебе,
и подкрепляют больного и страждущего.
Блаженны те, что поддерживают мир,
ибо Тобою, Всевышний, будут увенчаны.

Славься, Господь мой, от сестры нашей Смерти телесной,
которой никто из живущих избежать не может.
Горе тем, кто умирают в грехах смертных.
Блаженны те, кого Ты найдешь в Твоих святейших
повелениях,
ибо смерть вторая не причинит им зла.

Славьте и благословите Господа моего, и благодарите,
и с великим смирением Ему служите. (...)

[На оборотной стороне нижней обложки:]

<Джордж Герберт.> Горькая сладость²²⁸²

Ah, my deare angrie Lord,
Since Thou dost love, yet strike;
Cast down, yet help afford;
Sure I will do the like.

I will complain, yet praise;
I will bewail, approve:
And all my sowre-sweet days
I will lament, and love.

[Ты благ и Ты жесток,
Господь: казнишь, любя²²⁸³;
Ты в том не одинок —
Похож я на Тебя.

Бунтую, лью елей,
И славлю, и скорблю,
И горечь сладких дней
Клянусь я и люблю.]

Тетрадь VII (К7)

Марсель,

конец января — около 20 февраля 1942

[На обложке: символические выписки из Упанишад, БхГ, «Дао-дэ-цзин», церковных песнопений и др.]

[ms. 1–3. Пустые страницы.]

[ms. 4] Принимать несчастье другого, перенося его как страдание.

Принимать есть не что иное, как признавать, что нечто существует.

Страдать есть не что иное, как мыслить несчастье.

Мыслить, что несчастье существует, есть принятие и страдание.

Реальность в некотором смысле нуждается в нашем приобщении²²⁸⁴ <к ней>.

Через это мы бываем творцами мира.

Иван Карамазов: бегство в ирреальное. Но это не поступок любви. Плачущий ребенок не того желает, чтобы мы думали, что он не существует, чтобы мы забыли о его существовании.

Накормить голодного; дело кормления есть всего лишь знак, что мы признаем, что <голодный> существует.

Сделать вселенским это неустранимое «я» — неустранимую основу моего страдания.

Невозможно познать благое, минуя прекрасное. Когда мы велим замолчать всем мотивам и стимулам, энергия останется, держась на Боге. И она действует, поскольку она есть действие. Она действует в своих пределах, поскольку это энергия физическая (можно также сказать, что и психологическая). Только прекрасное позволяет нам составить представление об этой тайне.

[ms. 5] «Полевые лилии...»²²⁸⁵ — Применительно к мирским людям, речь идет об отказе от плодов действия.

«Тимей». Прямолинейное движение как принцип заблуждения²²⁸⁶: *направление*.

‘Ο ἀριθμὸς μεταξύ²²⁸⁷. Как же не мыслить ο λόγος’е как о посреднике?

«Если он желает мира отцов, то по одной его воле...»²²⁸⁸

Отцовство как возможное отношение есть реальность. Сирота может найти для себя отраду в мысли, что у других есть отцы.

Возможность желаемого (оно возможно как представимое) есть реальность.

Все, чего я желаю, — и что, следовательно, рассматриваю как благо — существует, существовало или когда-нибудь будет существовать. Ибо я не могу его полностью придумать. Как же не быть удовлетворенным?

Действия внушенные. Мы переводим круговое движение в движение по прямой.

Прекрасное. Бег Ладумега²²⁸⁹.

Никчемные люди. Наверняка был момент в их жизни, может еще года в четыре, когда они отвергли истину.

Ошибка Арджуны состоит в том, что он хотел духовно выситься в области внешнего проявления. Таким путем можно лишь понизиться и сгустить зло как внутри себя, так и вовне. Это дело сражения соответствовало его уровню, раз уж он на него решился. <Отказавшись от боя,> он сделал бы не лучше, но только хуже.

[ms. 6] Все, что он мог, было — пребывая в созерцании во время своего действия²²⁹⁰ и сомневаясь в нем²²⁹¹, оставаясь вне его²²⁹², стремясь к неявленному лучшему, приготовить себя к тому, чтобы позже стать способным сделать лучше.

Вот что означала его *дхарма*.

Действие — указательная стрелка весов. Для равновесия не двигают стрелку, а перекладывают гири.

Точно так же и с мнениями²²⁹³.

Отсюда, «какое смущение? какая печаль?»²²⁹⁴

Если бы в мире не было несчастья, мы могли бы уверить себя, что обитаем в раю. Жутко представить такое.

Надо стараться избегать несчастья, но только для того, чтобы несчастье, когда мы с ним встретимся, было для нас совершенно чистым и беспримесно горьким.

Надо стараться избегать несчастья других, но только для того, чтобы несчастье других было для нас чистым и горьким несчастьем.

Познать, что другие люди с тем же правом, что и мы, могут говорить «я», до конца познать это — дело сверхъестественное. Может быть, настолько же, как верить в евхаристию? И, как в евхаристии, орган этого познания — сверхъестественная любовь.

[Рационализм. Если это значит думать, что разум — единственное орудие, то это правильно; если же это значит думать, что этого орудия достаточно, то это чушь.]

*Yo el rey*²²⁹⁵.

Мы вынуждены это признавать только по отношению к тем, чьи приказы мы выполняем. (Цари в трагедии.) Но не [ms. 7] абсолютно. Или тогда мы отрекаемся от собственного права говорить «я».

То же и в плотской любви.

«Любите врагов ваших»²²⁹⁶. Знайте, что они суть «я».

Ставя себя на место того, кто голоден, мы естественным образом склоняемся, по автоматическому и слепому действию чувственности, к желанию, чтобы он поел. И нет никакого смысла (во всяком случае, если отсутствуют какие-то особые доводы, продиктованные обстоятельствами) препятствовать этой склонности.

Но сам поступок — накормить — есть не что иное, как знак этой склонности, которая, в свою очередь, тоже всего лишь знак того, что мы признали существование голодного в качестве «я». Этот поступок важен только в качестве знака.

Но он имеет и всю ценность знака, ибо признание «я» за голодным будет фиктивным, воображаемым, если оно не будет сопровождаться почти непреодолимой склонностью его накормить.

(И даже, как действие произнесения слов молитвы может привести к молитве, так действие кормления может привести к этому признанию, если оно выполняется с этим намерением.)

Действие кормления связано с этим признанием так, как ритм стихотворения с поэтическим созерцанием.

Можно было бы составить каталог знаков и связей такого рода.

Признательность есть, в первую очередь, дело того, кто помогает, если его помощь чистосердечна. Для того, кому помогают, она является долгом только в ответном порядке²²⁹⁷.

Тот, кому оказали помощь, обязан строго равноценным тому, что получил, то есть, признанием, что другой вправе говорить «я»²²⁹⁸.

Каждое чистое благодеяние (чистое с обеих сторон²²⁹⁹) устанавливает отношение совершенного равенства между обоими людьми, которые в нем участвуют.

[ms. 8] Чистое благодеяние разрушает преграду силы²³⁰⁰ и, следовательно, оно сверхъестественно.

Благодеяние может быть чистым только с обеих сторон.

Чувство обязанности <у получившего помощь> существует лишь там, где с обеих сторон нет чистоты.

Социальная проблема. Ограничить до минимума часть сверхъестественного необходимого, чтобы в социальной жизни можно было дышать. Все, что стремится к ее увеличению, дурно. (Это — искушать Бога.) Также поставить проблему «справедливости» и «милосердия»²³⁰¹ (в вульгарном смысле обеих этих слов).

Также и в личной жизни следует последовательно ограничивать часть Бога строгим минимумом, — интенсивно желая, чтобы этот строгий минимум стал *всем*, абсолютно *всем*²³⁰².

Но для второго пункта не существует социальной аналогии.

Вегетативное и социальное — две области, куда благо не входит²³⁰³.

Христос искупил вегетативное, но не социальное. Он не молился об этом мире²³⁰⁴.

Социальное — это, неизбежно, удел князя мира сего. По отношению к социальному наш единственный долг — попытаться ограничить зло.

Ришелье. «Благо государства существует только в этом мире...»²³⁰⁵.

(Общество, претендующее на божественный статус, как Церковь, тем эрзацем блага, который оно содержит <внутри>, возможно, еще опаснее, чем зло, которое грязнит его <снаружи>.)

Вегетативное и социальное — оба не психологичны.

[ms. 9] Ярлык божественности на социальном: опьяняющая смесь, позволяющая творить все что угодно. Переряженный дьявол.

И, однако, город... (Венеция...).

Но это не социальное; это человеческая среда, которую мы сознаем не больше, чем воздух, которым дышим. Контакт с природой, с прошлым, с преданием; одно из $\mu\epsilon\tau\alpha\chi\acute{\upsilon}$ ²³⁰⁶.

«Спасенная Венеция». Испания и заговор — суть *социальное* для заговорщиков. А Венеция — город²³⁰⁷.

Город: это не вызывает представления о социальном²³⁰⁸.

СОЗЕРЦАТЬ НЕСЧАСТЬЕ ДРУГОГО, НЕ ОТВОДЯ ВЗГЛЯДА; НЕ ТОЛЬКО ВЗГЛЯДА ГЛАЗ; НО, НЕ УВОДИТЬ ВЗГЛЯД ВНИМАНИЯ В ПОРЫВ БУНТА ИЛИ САДИЗМА, ИЛИ <В ПОИСК> КАКОГО-ЛИБО ВНУТРЕННЕГО УТЕШЕНИЯ. ЭТО ПРЕКРАСНО. ИБО ЭТО ЗНАЧИТ СОЗЕРЦАТЬ НЕСОЗЕРЦАЕМОЕ. ЭТО ТОЧНО ТАК ЖЕ, КАК СОЗЕРЦАТЬ ЖЕЛАННУЮ ВЕЩЬ, НЕ ПРИБЛИЖАЯСЬ К НЕЙ. ЭТО — ОСТАНОВИТЬСЯ.

ТОЛЬКО ОТКАЗ²³⁰⁹ ПОЗВОЛЯЕТ ОТРЕШИТЬСЯ (ВЕРЕВКИ, КОТОРЫМИ МЫ ПРИВЯЗАНЫ, НАДО ОБРЕЗАТЬ) И ТАКИМ ОБРАЗОМ ПОЛУЧИТЬ ДОСТУП К ПРЕКРАСНОМУ. ИОВ И ВЕЛИКОЛЕПИЕ МИРА²³¹⁰.

НЕ ПРИНИМАТЬ КАКОГО-ЛИБО ИЗ СОБЫТИЙ В ЭТОМ МИРЕ <РАВНОСИЛЬНО> ЖЕЛАНИЮ, ЧТОБЫ МИР НЕ СУЩЕСТВОВАЛ. ПРЕДСТАВИТЬ СЕБЕ, ЧТО ЭТО В МОЕЙ ВЛАСТИ; ЕСЛИ Я ЭТОГО ПОЖЕЛАЮ, ТО ПОЛУЧУ. И ТОГДА СТАНУ ПОИСТИНЕ НАРЫВОМ НА ТЕЛЕ МИРА²³¹¹.

(Пожелания в фольклоре. Опасно в пожеланиях то, что они исполняются²³¹².)

Желать, чтобы этого мира не было, значит, желать, чтобы я, таков как я есмь, был всем.

Если я желаю, чтобы мир был, — тот мир, в котором я всего лишь атом, — то я со-творец.

Субъективизм в Упанишадах есть не что иное, как приготовление к этому акту со-творчества²³¹³.

[ms. 10] Геометрия у греков — тоже <способ> участия в творении.

Может быть, единственный среди древних народов, абсолютно лишенный мистики, — Рим. Каким загадочным образом <так могло получиться>? Искусственный город, основанный беглецами, как и Израиль.

Необходимость — постигаемый умом образ без-различия, беспристрастности Бога.

Таким образом, наиболее распространенное понятие о чуде имеет в себе род нечестия²³¹⁴. (Факт, который не имел бы вторичной причины, но *только* первичную.)

Древо мира, вечная смоковница, корни которой следует обрубить мечом отрешения («Гита»)²³¹⁵.

Это вегетативная энергия.

Крест деревянный, но он сделан из срубленного дерева.

Адам вкусил от плода дерева. («Две птицы... Одна клюет плод...»²³¹⁶)

Надо срубить дерево, и наше собственное умерщвленное²³¹⁷ тело да будет плодом.

Оторвать вегетативную энергию.

Вера, справедливость; смысл верного внутреннего расположения и смысл прочтения. Верность прочтения зависит от внутреннего расположения, и другого критерия нет.

[ms. 11] Поступки производятся нами, когда мы находимся в таком-то и таком-то состоянии, когда, исполняя их, мы даже не имеем специального намерения.

Так пишутся стихи; так человек кормит голодного.

(Александр и шлем, наполненный водой²³¹⁸.)

Так и мир творится Богом.

«Будьте же совершенны, как совершен Отец ваш небесный».

Надо отсечь свои корни, срубить дерево, сделать из него крест и носить его постоянно.

Лишить себя корней социально и вегетативно.

Сделаться изгнанником²³¹⁹ всякой земной родины.

Причинить все это другому, извне, есть эрзац рас-сотворения. Это значит — творить ирреальное.

Но, лишая корней самих себя, мы стремимся к большей реальности²³²⁰.

Не нужно быть «я», но еще менее нужно быть «мы».

Город дает человеку чувство, что он у себя. Взять это чувство, что ты у себя, с собой в изгнание.

Город — μεταξύ для отрешения <себя> от корней.

Если через несчастье мы потеряем свою укорененность, еще даже не успевши начать ее преобразование (или если мы ее никогда не имели), на что у нас тогда останется надежда?

Воплощение не приближает Бога к нам. Оно увеличивает расстояние. Оно поставило Крест между Ним и нами. Пройти Крест труднее, чем расстояние от неба до земли. Он и есть это расстояние.

Бог сделал явным, что Крест стоит между Ним и нами.

[ms. 12] Мы не можем полностью освободиться от силы тяжести²³²¹ иначе, как через Крест.

Апостол Павел: Христос достиг — или: исполнил — или: сделал совершенным (τελειώται)²³²² — именно Ему подобало это²³²³.

Святые, которые одобряли Крестовые походы, инквизицию или завоевание Америки. Я полагаю, что они ошибались. Я не могу отклонять свет моей совести. Если, будучи настолько ниже их, и вижу это яснее их, это значит, что они были ослеплены чем-то очень мощным. Это что-то есть Церковь как социальное явление, как удел Князя мира сего. Если это причинило им такой вред, то какой вред оно может принести мне?²³²⁴

Спасенная Венеция	Жаффье, монолог. «Как же я попал в это?» В 1-м действии — идея Империи.
----------------------	---

Социальное без корней, социальное без города: Римская империя.

Римлянин всегда мыслил «мы».

Еврей тоже.

Жаффье. Это сверхъестественно — остановить время.

Именно здесь во время вступает вечность.

[ms. 13] |²³²⁵ Верить в реальность внешнего мира и любить его — одно и то же.

В конечном счете, орган, которым веруют, есть сверхъестественная любовь, даже по отношению к вещам здешнего мира.

Как только Жаффье обнаруживает, что Венеция *существует...*

Верить, что такая-то вещь существует, и разрушать ее — для этого нужно поистине тираническое принуждение долга.

(Хотя бы некой дьявольской веры — если она возможна.)

(В некотором смысле, думаю, что да. У тех, кто осквернен до такой степени, что уже не в состоянии выносить свет, каждое прикосновение благодати, вероятно, трансформируется в дьявольскую благодать.)

Святые (почти святые) более открыты перед дьяволом, чем другие, ибо реальное познание своей немоги, которое они имеют, делает для них свет *почти* нестерпимым.

*Майя*²³²⁶, иллюзия. Она тоже реальна (на свой лад), так что нужно немало труда, чтобы из нее выйти. Но ее реальность именно в том, что она — иллюзия.

[ms. 14] У тайны сотворения <мира> есть внутри нас свой аналог — тайна прохождения благодати через поступки. Почему Бог нас сотворил? Но и: почему мы кормим голодного? (Когда мы это делаем...)

В «Гите» выбран как раз шокирующий²³²⁷ пример долга милосердия.

Сообразование с общественным мнением²³²⁸. То же — Рама, отсылающий свою жену²³²⁹.

(Заметим, что Рама *страдает*.)

Рама, убивающий шудру²³³⁰.

Упанишады: *брахман* есть пространство²³³¹. Апостол Павел: «Чтобы вы, укорененные и утвержденные в любви, могли постигнуть со всеми святыми, что <есть> широта и долготы, и глубина и высота...»²³³²

Быть укорененным в отсутствии места.

Крайнее затруднение, которое я часто ощущаю при малейшем поступке, <на самом деле,> является для меня милостью. Ибо так самыми обычными поступками, не привлекая к себе внимания, я могу подрубить корни дерева. Как бы человек ни был равнодушен к <чужому> мнению, необыкновенные поступки, если уж он на них решился, содержат в себе внешний стимул, от чего их избавиться невозможно. В обыденных поступках такой стимул [ms. 15] полностью отсутствует. Встретить необыкновенное затруднение, когда делаешь обыденное дело, — милость, за которую надо благодарить. И не надо желать, чтобы это затруднение исчезло. Надо пламенно желать, надо молить, чтобы получить благодать правильно им пользоваться.

И вообще, желать не того, чтобы исчезла хоть одна из твоих немощей, но желать благодати, которая бы ее преобразила.

По ту сторону *гун*.

Не испытывать отвращения к *тамасу* в себе.

Разговор с В<ерой> Д<омаль>. — Сигарета. Не забывать этот случай, не сам по себе, но как символ. Это было неполным перечнем. Объяснение поведения, которое кажется необъяснимым. Не рассматривать все вместе; откладывать что-то отдельно; или не думать о таком-то деле и о другом таком-то деле одновременно. Мальро. Это можно исправить, но только если часто размышлять об этой тенденции, время от времени удивляясь самому факту²³³³.

Рассматривать каждый грех, который я допускаю (тем более, те, которые я уже допустила), как Божью милость. Милость, что присущее мне несовершенство, таящееся в глубине меня, становится хотя бы отчасти открыто моим глазам — в такой-то день и час, при таких-то обстоятельствах. Я хочу, молю, чтобы мое несовершенство открывалось моим глазам во всей полноте, целиком, насколько это посильно взгляду человеческой мысли. Не для того, чтобы оно было исправлено, но чтобы я, даже когда [ms. 16] мало надежды на исправление, пребывала в истине.

Надо решить геометрическую или арифметическую задачу; достаточно на нее смотреть. Надо перевести латинский, греческий, или санскритский текст; достаточно на него смотреть²³³⁴. Подобно этому, преобразится и немощь, если при помощи благодати смотреть на нее со вниманием, которому будет сопутствовать сверхъестественная любовь. Нужно только время... Те, «чей грех истощился» («Гита»)²³³⁵.

(Приложение этой аналогии к педагогике?²³³⁶)

Ручной труд. Почему до сих пор не явилось ни одного мистика из рабочих или из крестьян, который написал бы о пользе отвращения от труда?

От этого отвращения, которое мы испытываем так часто, которое угрожает любому нашему делу, душа бежит, в силу вегетативной реакции (по инстинкту самосохранения) пытаюсь спрятаться. Признаться в нем себе — опасность смертельная. Это источник самообмана, свойственного простонародной среде (впрочем, этот самообман свойственен любой среде).

Признаться себе в этом и уступить — значит, пасть. Признаться в этом и не уступить — значит, подняться.

Это отвращение есть груз времени. Крест.

Отвращение, во всех формах, есть одна из наиболее ценных немощей, данных человеку в качестве лестницы для восхождения. (Я обладаю очень большой долей этой милости.)

[ms. 17]

<i>Спасенная Венеция</i>		Отвращение к монотонному существованию как подспудный стимул. Затронуть <тему> скуки.
--------------------------	--	---

Отвращение, темная ночь.

Обратить всякое отвращение в отвращение к себе. (Как у меня к моим стихам.)

Отвращение и предпочтение как третье измерение. Безразличие — сзади.

Пространство, символ безразличия, справедливости. Здесь все существует в одной и той же степени.

Признавать, что все существующее, в целом²³³⁷ и в каждой детали, существует в одной и той же степени.

Единства²³³⁸ и части. Бог не выстраивает части ради целого. Он не имеет в этом нужды. Когда он желает целого, Он полагает целое. Но, полагая целое, Он по необходимости полагает и части. Но Он хочет также и частей, каждой части самой в себе, в такой же степени, как и целого. Чудо многоплановой композиции. Тайна бездонная. В подражании этому и заключается искусство.

Замысел Провидения, план Провидения. Всякий план, всякий замысел, различаемый в событиях, конечно, — план Провидения, один из бесконечного множества планов Провидения (или, лучше, бесконечного множества в бесконечной степени?). Бог хочет каждого атома, каждого события и всех бесчисленных комбинаций между ними, и всех перспектив, которые они открывают, без малейшего исключения.

[ms. 18] Можно принять только одну из этих трех позиций: или остаться без Бога;

или остаться без всякой деятельности (арабская тенденция);

или вести всякую деятельность, без исключения, выстраивая мост к Богу (те виды деятельности, с которыми это невозможно, исключаются как незаконные, хотя бы даже они были жизненно необходимы).

Поскольку Европа в средние века не сумела по-настоящему принять третий вариант, — что требовало приготовления, изучения, разработки, — не сумев сделать это и в период Возрождения (когда она больше всего пыталась), она выбрала первый.

Греция попробовала себя в третьем варианте, кроме физического труда; и ее оставили ее ремесленники и мастера.

В век Возрождения было движение в верном направлении, но двойная потеря. Во-первых, потеря жаждавших духовной свободы, которые оставили Церковь и через это, почти сразу, и духовность. Во-вторых, потеря Церкви, которая так и не открылась жажде духовной свободы.

Две вещи, связанных необходимостью. Пример. Весы пусты. Маленькая монетка падает на одну из чашек. Она опускается.

Бог хочет одну из этих вещей саму в себе. Он хочет и другую саму в себе. Он хочет единства, образованного обеими. Он хочет, чтобы связь между этими вещами носила характер необходимости. Каждая из этих вещей по отдельности, все это вместе, — здесь нет ни в чем ни совпадения, ни случайности.

[ms. 19] «Бог этого хочет» идентично тому, что «это есть». Этой идентичности соответствует в нас идентичность между сверхъестественной любовью и верой. Сверхъестественная любовь, которая есть послушание, соответствует в нас тому, чем в Боге является <Его> воля.

Мы должны быть безразличны²³³⁹ к добру и ко злу; но, когда мы безразличны, т. е. направляем свет внимания в равной мере на то и на другое, благо овладевает нашим вниманием автоматически. Вот величайшая милость. Но это <так же> и определение, и критерий добра.

Божественное вдохновение действует неизбежно, неотвратно, если мы не отклоняем него наше внимание, если мы не отказываемся от <него сами>. Не надо делать выбор в его пользу, достаточно не отказываться признать, что оно есть.

Послушание — единственный путь, которым переходят из времени в вечность.

Как каждая минута внимания, даже несовершенного, направленного к высоте, дает нам немного подняться, — так и каждый поступок, выполненный с тем же вниманием. Никакое благо никогда не бывает потеряно. Мы падаем с высоты только тогда, когда думаем о себе, что поднялись больше, чем поднялись в реальности. Каждый необходимый поступок, которому природа полагает препятствие, исполненный с верно направленным вниманием, приобретает некоторую пользу от этого препятствия. Достаточное число таких поступков ослабляет это препятствие, и оно исчезает. Если, еще не исполнив этого числа, мы подумаем, что, раз уж мы совершили поступок, значит, препятствия больше нет, — мы тут же, к нашему огромному изумлению, упадем. Тогда мы можем подумать, [ms. 20] что и вовсе не продвигаемся вперед; и этого, по действию малодушия, связанного с недостатком надежды, хватит, чтобы принудить нас к сдаче. Чтобы сохранять мужество, достаточно знать, что препятствие конечно и может быть разрушено настойчиво-

стью²³⁴⁰. Те же, кто этого не сознают, обрекают себя на пытку Данаид.

Надежда есть познание того, что зло, которое мы несем в себе, не бесконечно, и что даже на самую малость, даже на мгновение направив душу в сторону блага, мы на малую толику разрушаем зло; <это сознание того,> что в духовной области всякое благо неизбежно производит благо.

Это познание носит опытный характер, и потому надежда относится к добродетелям сверхъестественным. Она — неустрашимость в духовных вещах.

[Названия четырех добродетелей, которые выделяли греки²³⁴¹, означают или добродетели естественные, — они остаются в том же качестве и в христианской традиции, — или добродетели сверхъестественные. И тогда мудрость приблизительно соответствует любви, справедливость — вере, мужество — надежде. Для умеренности не находится аналога (или — послушание? Но оно намного больше. Хотя, в конце концов, σωφροσύνη...) ²³⁴²]

Сравнение у св. Хуана де ла Крус с деревом, огнем и постепенным нагреванием — ключ к духовным вещам²³⁴³.

Кришна предлагает на выбор или свою личность, или свое оружие. Это ордалия. Выбор безошибочно указывает на законную сторону и сторону мятежную.

[ms. 21] Бог дает себя людям или как Сильный, или как Совершенный, на их выбор. [Оружие Кришны не есть ли Князь мира сего?]

[Заставлять себя каждый день записывать — вот в этой самой тетради — то, что я должна была сделать и не сделала.

«Горы и камни, падите на нас и скройте нас от гнева Агнца!» ²³⁴⁴

Сейчас я достойна этого гнева.] (...)

Не забывать, что, по св. Хуану де ла Крус, вдохновения, которые отвращают от обязанностей простых и низких, приходят с недоброй стороны.

Обязанность дается нам, чтобы убить «я». А у меня ржавеет такой ценный инструмент.

Надо выполнять обязанность именно в предписанный момент, чтобы верить в реальность внешнего мира.

Надо верить в реальность времени. Иначе мы грезим.

Вот уже достаточно лет, как я обнаружила в себе этот изъян, и поняла его тяжесть, и то, что я ничего не сделала для борьбы с ним. Что может меня извинить?

Разве он не вырос во мне с десятилетнего возраста? Но как бы он ни был велик, он конечен. Этого достаточно. Если он до того велик, что я не буду в состоянии справиться с ним в течение всей моей жизни и, следовательно, не достигну состояния совершенства, это — если предположить, что это так — надо принять как и все, что есть, — с согласием и любовью. Хватит того, что я знаю, что это есть, что это дурно, что это конечно. Но действительно знать каждую из этих трех вещей и все их три вместе — означает, что процесс избавления начат и непрерывно продолжается. Если этот процесс не начался, это значит, что я в действительности не сознаю того, что пишу.

Я тот сын, что говорит: «да, Господи», и не идет в виноградник²³⁴⁵. Тогда уж лучше сказать «нет», будет меньше лжи.

Необходимая энергия во мне есть, ведь она мне нужна, чтобы жить.

ἐὰν θέλῃς, δύνασαί με καθαρίσαι²³⁴⁶.

ἐὰν θέλῃς, δύνασαί με καθαρίσαι.

ἐὰν θέλῃς, δύνασαί με καθαρίσαι.

ἐὰν θέλῃς, δύνασαί με καθαρίσαι.

ἐὰν θέλῃς, δύνασαί με καθαρίσαι.

Надо принимать всё, без единого исключения, в себе и вне себя, во всем мироздании, с одинаковой степенью любви; но <принимать> зло как зло, а добро как добро. Две перпендикулярных плоскости. Пространство. Долгота и широта, высота и глубина, и познание той любви, что превосходит всякое познание²³⁴⁷.

[ms. 23] Правильное выражение мысли каждый раз производит изменение в душе; мы или подкрепляем мысль, или оставляем ее позади. Правильное выражение — это ордалия для мысли. Поэтому точное выражение мыслей в момент, когда они созреют — включая ошибочные — всегда хорошо (а прежде этого момента — всегда плохо).

Две ордалии для мыслей — выражение и сомнение, т. е. полное молчание всей души в течение короткого промежутка времени. Вторая — намного выше первой.

Я так остро чувствую зависимость большого от малого (например, какая-нибудь оплошность при перевозке может испортить совершенно гениальную картину) — и, однако, пренебрегаю тем малым, от чего может зависеть большое. Преступление с моей стороны. Нет, я чувствую эту зависимость далеко не так остро, как нужно.

Делать необходимые дела, концентрируя внимание не на удовлетворении от того, что их сделала, но на стыде, что затаила с ними, или, — если по какому-то исключительному счастью, успела вовремя, — что могла затаить; это предстоит мне, при всех надеждах на лучшее, еще надолго.

[ms. 24]

τῆς ὀρυῆς τοῦ ἀρνίου²³⁴⁸. Никогда не забывать.

«Гита», VII, 28.

«Для смертных, которые пришли к концу зла, чьи поступки добродетельны»²³⁴⁹. [Те, чья вина пришла к своему пределу, эти удостоенные...]

Порядок есть посредство между множественностью [условий] и единственностью вещи²³⁵⁰.

Какова эта вещь в порядке мира?

Какова эта вещь в эстетическом порядке?

Пустота.

В области чистой духовности добро непременно производит добро, зло производит зло. Напротив, в естественной области, включая психологическую, добро и зло беспрерывно производят друг друга²³⁵¹. Итак, мы можем обезопасить себя, только однажды войдя в область духовного — в ту область, где мы ничего не можем добыть для себя сами, но ожидаем только получить извне, свыше.

О фарисеях: «Истинно говорю вам, они уже получают свою мзду». И наоборот, Христос мог бы сказать о мытарях и блудниках: «Истинно говорю вам, они уже получают свое наказание», т. е. общественное осуждение. По мере того, как они его получают, Отец небесный их не накажет. Тогда как [ms. 25] грехи, за которыми не последовало общественное осуждение, получают полную меру наказания от Отца, «который втайне». Таким образом, общественное осуждение — в некотором роде, милость. Но она обращается в дополнительное зло для тех, кто под давлением этого осуждения составляет из себя маргинальную социальную среду, внутри которой получают свободную возможность <грешить>. Среда преступников, среда гомосексуалистов. Почему так?

В социальном падении, как и в физической боли, есть нечто *неустранимое*. Рассмотреть, что́.

Завод.

А рабы у Плавта?

Рассмотреть с усиленным вниманием.

При молитве не следует иметь целью что-то отдельное — во всяком случае, если мы не получили на это сверхъестественного вдохновения. Ибо Бог есть бытие всеобъемлющее. Конечно, Он нисходит и в отдельное. Он сошел, Он сходит в акте творения (заметим, что продолжающееся творение, по Декарту²³⁵², — это в точности то же, что «проявление» у индуистов²³⁵³); так же <Он сходит в> Воплощении, в Евхаристии, во вдохновении. Всё это нисходящее движение. Связь между всеобщим и отдельным есть движение вниз, никогда — вверх; это движение не наше, но Бога. Мы можем осуществить эту связь только настолько, насколько нам это предписывает Бог. Наша роль — быть обращенными к всеобщему.

[ms. 26] Может быть, здесь разрешается затруднение Берже²³⁵⁴ относительно невозможности связать относительное с абсолютным. Это невозможно посредством восходящего движения, зато возможно посредством нисходящего.

Исследование шкалы ценностей. Это исследование предполагает ценность. (Впрочем, любое исследование. Следовательно, в начале шкалы, сверху, следует поставить ценность — в качестве себя самой, в себе, αὐτό.)

Всегда соотносываться с законом нисходящего движения.

Участие, по Платону, есть движение нисходящее²³⁵⁵.

То же и в «Государстве»: свет, к которому достаточно возвести глаза²³⁵⁶.

Благодать — закон нисходящего движения.

Восходящее — естественно, нисходящее — сверхъестественно.

«Гита». Те, кто достигли конца зла, свободны от заблуждения противоположностей²³⁵⁷. Буквально верно. И даже еще не достигнув предела, а когда духовным зрением видят, что этот конец существует.

[ms. 27] Связь между идеей самопожертвования и идеей воплощения. «Гита», VIII, начало.

Тоῦτο δὲς ἐμοί²³⁵⁸: видеть красоту вещей в полноте их чистоты.

Прекрасное. О материи, что посредством наших чувств делает для нас ощутимым духовное совершенство.

О материи, что понуждает проявиться трансцендентную часть души.

Имеет контакт с прекрасным и имеет контакт с Богом одна и та же способность души — сверхъестественная любовь.

Сверхъестественная любовь в нас — это орган, которым мы любим прекрасное, и чувство реальности мироздания идентично в нас с чувством прекрасного. Полнота существования и прекрасное смешаны между собой²³⁵⁹.

Наша плоть (когда через грех она выходит за пределы своего законного места) говорит «я», а дьявол говорит «мы», или даже говорит «я» с ореолом «мы».

«Зачем ты называешь меня благим? Один Бог благ»²³⁶⁰. Ἀγαθὸν αὐτὸ²³⁶¹. Платоновское.

Естественное — это просто то, что практически доступно нашему пониманию. Но во всех областях человеческой жизни присутствует одна и та же глубина таинственного, кажущегося лишенным смысла, непостижимого, — как, например, евхаристия, — того, что в равной степени недостижимо для реального контакта иначе, как посредством способности к сверхъестественной любви.

[ms. 28] В прекрасном — например, в море, в небе — имеется <нечто> от *неустранимого*. Как и в физической боли. То же самое не устранимое. Непроницаемое для ума.

Существование иной вещи, чем я.
Родство между прекрасным и болью.

Разум нельзя заставить верить в существование чего бы то ни было. (Субъективизм, абсолютный идеализм, солипсизм, скептицизм. Заметь, что Упанишады, даосы и Платон используют этот философский взгляд как средство очищения²³⁶².) Поэтому единственный орган для контакта с существованием есть приятие, любовь. Поэтому красота и реальность идентичны. Поэтому чистая радость идентична чувству реальности.

Все, воспринимаемое естественными способностями, гипотетично. Устанавливает²³⁶³ — лишь сверхъестественная любовь. Таким образом мы становимся со-творцами.

Мы участвуем в сотворении мира, когда рас-сотворяем себя.

[ms. 29] Все трудности (непреодолимые), касающиеся истории первородного греха, происходят из того, что мы представляем эту историю так, будто она разворачивалась во времени. Тогда как она выражает лишь отношения причинности, или, скорее, то, что в области сверхъестественного соответствует, по аналогии, отношениям причинности.

Бог создал человека способным стать подобным Ему, — но в состоянии греха, с которым (грехом. — П. Е.) человек согласился.

<Чувство> вины выражает этот характер внутреннего согласия с грехом. Грех внутри не является внешним по отношению к человеку; он исходит от человека, но человек и сотворен таким.

Человек сотворен таким, и, однако, Бог не повинен. Представить Его невиновность именно таким образом не труднее, чем для тех, кто мыслит историю <грехопадения> разворачивающейся во времени, представить невиновность Бога в самый момент преслушания Адама. Ибо все, что происходит, есть воля Бога — в каждый момент в такой же мере, как и в момент творения, — если это выражение имеет смысл.

Смысл сказок об исполнении желаний (где в самом конце, после исполнения трех желаний, все оказывается так же, как было сначала): всем человеческим существам дано в этом мире все, чего они желают.

В некотором смысле это абсолютно верно. В некотором смысле абсолютно ложно. (Мы не могли бы делать зло другим.)

Согласно какой комбинации следует мыслить одно и противоположное вместе?

[ms. 30] Композиция «Отче наш».

Обращение. Переход в сверхъестественное (οὐρανοῖς)²³⁶⁴.

Вечное. Троица. Слово (ὄνομα²³⁶⁵), Дух (βασιλεία²³⁶⁶), Отец (θέλημα²³⁶⁷).

Время. Настоящее (σήμερον²³⁶⁸), прошлое (ὀφειλήματα ἡμῶν, ὀφείλεταις ἡμῶν²³⁶⁹), будущее (εἰς πειρασμόν²³⁷⁰).

Здесь содержится все.

В некотором смысле, Дух, Шива, преобразователь, рас-сотворитель, соответствует будущему. Слово, Вишну, посредник, способный воплощаться, красота, бессмертие — настоящему. Отец, суверенное могущество — прошедшему.

Постигая отношение неопределенного времени к Отцу, волю которого составляют все события, которые происходят, каковы бы они ни были, мы мыслим всю совокупность времени под аспектом прошедшего.

Постигая отношение неопределенного времени к Слову, устроителю, распространяющему на все вещи свет красоты и бессмертия, мы мыслим всю совокупность времени под аспектом настоящего.

Постигая отношение неопределенного времени к Духу, который отсекает корни, протянувшиеся во времени, который нисходит в души, чтобы спасти их, пересадив, укоренив их в вечности, возвести их в полноту совершенства, мы мыслим всю совокупность времени, просвещенного надеждой, под аспектом

будущего. Ἐλθέτω ἡ βασιλεία — да придет это²³⁷¹ царство — это в будущем.

[ms. 31] (Веру, любовь, надежду можно расставить в этом порядке.)

Для прошлого — отрешение от прошлого — оставление всех долгов.

Для будущего — ожидание, смешанное с боязнью²³⁷² и доверием.

Для настоящего — желание сильное, как голод. Нужда настоятельная, требующая неотложного удовлетворения.

Πάτερ ἐν οὐρανοῖς²³⁷³. То, чего мы не в состоянии достигнуть, трансцендентное, есть наше отечество.

Ἀγιασθήτω²³⁷⁴ — посвящать, по примеру того, как посвящается Божеству некое место.

Да будет Тебе посвящен <весь> порядок мира.

Три аспекта вечности, рассматриваемые сквозь время.

Творение. Все, что уже совершено актом воли Бога.

Рас-сотворение. Предел²³⁷⁵ времени.

Бессмертие (*amṛtam*) в полноте настоящего.

Совесть отсутствует в вегетативной жизни и насилуется социальным. Добавочная энергия (большой частью [?]) привязана к социальному. Ее следует от него отвязать. Это самое трудное отрешение.

С ЭТОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ, РАЗМЫШЛЕНИЕ О МЕХАНИЗМЕ СОЦИАЛЬНОГО ИМЕЕТ ПЕРВОСТЕПЕННУЮ ВАЖНОСТЬ В КАЧЕСТВЕ ОЧИЩЕНИЯ.

(И, стало быть, не напрасно я столько лет провела вблизи от политики.)

(Может ли быть, что всякая привязанность — социальная?)

Созерцание социального — путь столь же благой, как удаление от мира.

[ms. 32] Зло и добро, *которые в нас*, конечны.

Направленность души на зло или на добро имеет свойство <развиваться> по экспоненте.

Здесь — основание для безопасности.

Итак, бороться со злом, которое во мне, нужно не с помощью добра, которое во мне же, но с помощью правильной ориентации внимания.

Сверхъестественная любовь и молитва суть не что иное, как высшая форма внимания.

Аналогия между мистикой и психопатологией. Надо понять эту аналогию.

Есть некий правильный способ ясного понимания психопатологии как науки, которое, без сомнения, еще не достигнуто.

(Воспринимать ее исключительно как изучение воображения?)

Есть люди, которым <представляется> благодетельным все, что приближает к ним Бога. Для меня благодетельно все, что Его отдаляет.

Между мной и Им — вся толща мироздания, и Креста впридачу.

[ms. 33] Человеческая жизнь *невозможна*. Но только несчастье дает это ощутить.

Когда мы понимаем, что такое несчастье, мы любим его, но понимаем, что Богу свойственно причинять его, пользуясь своими собственными орудиями. Это материя — вода при наводнении, огонь при пожаре, и люди, чья душа не открыта перед светом, социальный зверь²³⁷⁶.

Перед нами не стоит выбор: причинять или не причинять несчастья. — (А не помочь несчастному, зная, что мы в силах ему помочь, — все равно что причинить несчастье.) Когда нам

известно, что это несчастье, лучше умереть, чем его причинить. (Но это еще далеко не мой случай.)

Но как бывают обстоятельства, когда надо умереть, хотя душа и восстает против этого, как было и со Христом, — так бывают обстоятельства, когда надо причинить несчастье.

Это те, что связаны с социальным зверем силой неукоснительной обязанности. Рама и шудра²³⁷⁷.

Каковы они?

Эта проблема безразличия²³⁷⁸ — ложная проблема. Бессмыслица. Поведение мудреца, сидящего в размышлении, или святого, преклонившего колени в молитве, не одинаково с поведением заурядного человека, сидит ли он, или стоит на коленях. Иначе мудрец и святой ведут себя и в отношениях с людьми и обществом, впрочем, не имея нужды в том, чтобы делать выбор²³⁷⁹.

[ms. 34] Использование (в качестве метода или иначе) различных форм безумия²³⁸⁰ в умственной аскезе и мистике соответствует очистительному использованию скептицизма (абсолютного идеализма, солипсизма) в философском плане.

Речь идет о том, чтобы отсечь корни прочтений²³⁸¹, изменить их, чтобы придти к не-прочтению.

Распознавать, подвергать испытанию, экспериментально исследовать роль, власть и долю воображения в восприятии.

Это то же самое (но на гораздо более совершенном уровне), что и размышления об иллюзиях чувств, рекомендуемые Шартье и Ланьо²³⁸².

Это *реализация*, которая соответствует сомнению.

Это соответствует также очищению в живописи импрессионистов.

Посредством безумия — постичь разум.

Состояния высокие отличаются от состояний низких тем, что в высоких состояниях сосуществуют, один над другим, разные планы.

Современная Европа ищет в психиатрии то, что традиционная мудрость ищет в исследовании патологических феноменов, порождаемых изнутри.

[ms. 35] Секта Дзен.

«Вот туча пыли вздымается от океана и рев волн слышен от земли»²³⁸³.

(Ср. Пруст об импрессионистической живописи²³⁸⁴.)

Знамя колышется на ветру. Что движется: ветер или знамя?²³⁸⁵ (<Ответ:> ум.)

Философия восприятия, практическая и экспериментальная, основанная на этой мудрости. Платон, «Теэтет».

«Софист». Мы разбиваем на куски наш материальный мир²³⁸⁶.

Эксперименты над чувством реальности.

Зажженная лампа, поставленная на голове ради испытания. — Неподвижность свидетельствует о совершенной сосредоточенности²³⁸⁷.

Миска, до краев наполненная водой, которую переносят с одного места на другое или перед, или после упражнения концентрации²³⁸⁸.

Тибетская практика: многолетней медитацией достичь видения божества в телесном виде, которое покажется более реальным, чем весь остальной реальный мир. А потом понять, что

это явление есть не более чем фантасмагория — а, следовательно, и мироздание тоже.

(Но это, без сомнения, только один из этапов?²³⁸⁹)

Упражнение в умственном отрешении. Мы не привязаны к тому, чего не существует.

Именно привязанность производит в нас ложную реальность (эрзац реальности) внешнего мира.

[ms. 36] Следует упразднить в себе эрзац-реальность, чтобы достичь реальности подлинной.

Крайнее несчастье, возможно, производит это лучше, чем все практики (Иов. — Крест).

Когда католики говорят, что такое-то церковное таинство производит такое-то сверхъестественное действие, потому что Бог так захотел, это верно, но точно в той же мере, ни больше ни меньше, как сказать, что брошенный в воздух камень падает, потому что Бог захотел этого. Воля Бога не есть причина никакого события. Она — само бытие всего, что есть. А причинность — это отношение между одним феноменом и другим.

[Философское очищение католической религии еще ни разу не производилось. Чтобы его произвести, надо быть внутри <ее> и снаружи.]

Вода крещения, хлеб гостии суть вещи сверхъестественные, так как несут сверхъестественное в себе. Но посредством какого механизма? Ибо имеется некий механизм <этого>.

Комната Жан-Жака в Шарметт²³⁹⁰. Тюрьмы. Монастырь доминиканцев. Внешний вид, взгляд человека. Произведения искусства.

Тибетцы: вера в то, что люди дарят или похищают энергию (в последнем случае — делают это с целью увеличить продолжительность своей жизни или физическую силу).

[ms. 37] «Если есть почитание, то и зуб собаки будет источать свет»²³⁹¹.

Прекращение умственной активности связывается с невидимостью. (Достичь состояния, когда ты не вызываешь никакого чувства у одушевленных существ, к которым приближаешься.)

«Ученик должен понимать, что божества и демоны существуют реально для тех, кто в них верит, и могут делать добро или зло тем, кто им поклоняется или кто их страшится»²³⁹².

Протагор²³⁹³.

Практики, имеющие целью *впустить скептицизм в тело*.

В качестве принципа (можно было бы сказать: в порядке гипотезы), не принимать ничего, что противоречило бы научной концепции мира. Не потому, что она имела бы очень великую цену. Но она совершенно правомочна для своей области, то есть для природных феноменов; иначе говоря, для всего, без малейшего исключения, что происходит в порядке естественного становления²³⁹⁴. Если же она в чем-то правомочна, а в чем-то нет, значит, она неправомочна вся целиком; и в таком случае, ее существование было бы еще менее объяснимо, чем <исцеления в> Лурде²³⁹⁵, с точки зрения рядового врача.

Медики говорят, что явления, происходящие в Лурде, совершаются по действию самовнушения; католики — что они совершаются по действию веры. В чем разница? Только в оценке состояния самой души. Но концепция психо-биологического механизма <в обоих случаях> одна и та же.

Я не знаю, воскресил ли Христос Лазаря. Но если Он поистине это сделал, то 1) это действие совершено Им в качестве человека, значит, так же, как и все действия, совершаемые людьми в этом мире. 2) Это действие совершено в соответствии с

механизмом, полностью доступным пониманию того, кто сумел бы разобрать его на шестеренки²³⁹⁶.

[ms. 38–39. Пространные выписки из книги Александры Давид-Неэль «Мистики и маги Тибета».]

[ms. 39] (...) «Гита». Неправота Арджуны в том, что он стремился к добру в действии²³⁹⁷.

Вся толща вторичных причин между Богом и этим миром.

Где основания искать для движения *большей* причины, чем для покоя? Или для движения ускоренного — *большей*, чем для единообразного?

Покой: равновесие, следовательно, симметрия.

Движение: не-равновесие, а-симметрия.

Абсурдность принципа инерции.

Покой материи, понимаемый как частный случай движения, как два движения, отменяющих друг друга. Материя вся подвижна. Покой, как и пустота, духовен.

[ms. 40] Миларепа и пища. Разложив до максимума реальность мироздания, он нашел в нем неустранимую точку, где сам мыслящий ум снижается до одной из кажимостей.

↓²³⁹⁸ Эта точка — пища. Пища неустранима.

Не разрушать то, что мы неспособны восстановить, или чему не способны создать эквивалент²³⁹⁹.

Пост включает в себе опытное познание неустранимого характера пищи и, следовательно, реальности чувственного мира.

Первое искушение Христа²⁴⁰⁰.

Не угрызаться совестью по причине дурных поступков, не испытывать удовольствия от добрых. Прекрасно подавлять физическую боль концентрацией мысли, но еще прекраснее, подобно Христу, удерживать вне страдания сверхъестественную часть души, предоставляя страдать чувствам. Таким же образом, есть только одна точка в душе, которая должна смотреть с безразличием на добрые и злые поступки.

История о Будде и о йоге, который ходил по водам²⁴⁰¹.

(История Речунгпы²⁴⁰² [рана...])

[Вместе с выдохом отвергнуть гордость, ненависть, зависть, лень, глупость.

Вместе со вдохом привлечь благословение святых, ум Будды, пять мудростей²⁴⁰³.]

Тибетцы: стать деревом и т. д.²⁴⁰⁴ — Еще одна форма добровольного безумия (ср. одну из новелл Сервантеса²⁴⁰⁵).

[ms. 41] Сказка о трех ночах. Девушка ищет своего любимого, с которым связана взаимными обещаниями, принца, и наконец, находит его в его дворце, готовящимся к свадьбе. Во время ее путешествия одна старуха дает ей три орешка. Девушка приходит во дворец под видом служанки, разбивает один орешек и находит здесь роскошное платье, которое предлагает будущей супруге взамен за право провести одну ночь в комнате принца. Та соглашается, но тайно дает выпить принцу снотворного, и он спит в то время, как та, что на деле помолвлена с ним, безуспешно поет ему песню, напоминающую о прошлом. На второй день она находит во втором орешке еще более прекрасное платье. Вторая ночь проходит так же, как и первая. В третью ночь принц просыпается перед самым рассветом, слышит пение, узнает свою любимую, а ту прогоняет²⁴⁰⁶.

Красота, соблазняя плоть, получает позволение проникнуть до <глубины> души.

*Quaerens me sedisti lassus*²⁴⁰⁷.

Это Бог изнуряет Себя, ища нас.

Благодать.

Бог проходит сквозь толщу мира, чтобы дойти до нас.

Узнав свою возлюбленную, принц уже не колеблется.

Принцесса, поклявшаяся не открывать себя. Творение. Бог, как бы связавший Себя клятвой не открывать Себя.

Предметы как преобразователи энергии. Когда мы отдаем им свою энергию, они возвращают ее в повышенном или пониженном качестве²⁴⁰⁸. Отсюда практики медитации (ср. Тибет, переменные движения²⁴⁰⁹) и сила церковных священнодействий.

Берже²⁴¹⁰: сравнение с человеком, получившим в наследство миллиард. <В этом состоянии> возможны три степени. 1) Мы не знаем, что нам причитается миллиард. 2) Мы знаем, но, несмотря на это, голодаем, не имея денег <на руках>. 3) Мы имеем миллиард.

[ms. 42] Немыслимо, чтобы физический факт как таковой был сверхъестественен. Сверхъестественное на самом деле может быть только физическим, а доводы признавать его в качестве сверхъестественного — чисто и исключительно метафизического порядка. Или, лучше сказать: то, что по сути является физическим (видения, голоса и т. д.), не может быть еще и сверхъестественным. А непосредственно выше — трансцендентный уровень.

Миларепа поднялся выше гун этим опытом относительно пищи²⁴¹¹. Тогда он полностью отрешился от «я», разорвав последние узы.

Безумие как *μεταξύ*. Платон недвусмысленно говорит об этом в «Федре»²⁴¹². На Востоке в этих целях практиковали добровольный уход в безумие. Но те, кому суждено достичь <духовного преуспевания>, отдают во власть безумию лишь часть их души²⁴¹³.

Безумие или чистый разум (математика). Два μέταξú.

Реальность мира для нас создается нашей привязанностью. Это реальность «я», которую мы переносим в предметы. Это ни в коей мере не есть *внешняя реальность*, воспринимаемая лишь тотальным отрешением. Если остается хотя бы одна нить, значит, привязанность существует.

Иов.

Родство между болью и красотой: поэтическое настроение у меня после наивысшей точки головных болей.

[ms. 43] Не судить. По подобию Отца небесного, который не судит; через Него существа судят себя сами. Позволим всем существам приближаться к нам, и пусть они сами себя судят. Быть весами.

Тогда мы не будем судимы, став образом истинного Судьи, который не судит.

Аналогия между тибетскими практиками и драмой Кальдерона «La Vida es sueño»²⁴¹⁴.

Искусство — тоже одно из очищений, основанное на переносах воображения. Греческое искусство.

Прекрасное: реальность без привязанности.

Разрушить прошлое (как сделали мы в Полинезии²⁴¹⁵): есть ли преступление тяжелее?

Нагие и мертвые (Платон)²⁴¹⁶. Это имеет смысл, только если мы знаем, какое участие принимает тело в наших мыслях; иначе говоря, при экспериментальном изучении воображения.

«Парменид». Единое не существует в качестве единого²⁴¹⁷.

Бог, в чистом виде единый, это Бог под аспектом не-бытия, пустоты. Бог в качестве бытия есть три (и любые другие числа,

поистине; зачем ограничиваться тремя? Впрочем, для этого есть основания).

Пещера. "Ὅτε μένειν²⁴¹⁸ неподвижными. Пассивность. Активность как условие познания (ср. у Мен де Бирана²⁴¹⁹). Движение тела необходимо для восприятия. Относительно вещей умопостигаемых мы — как полностью парализованный относительно вещей чувственных. Мы не в состоянии [ms. 44] прочитывать. *Надо прочитывать, чтобы достичь не-чтения.*

Платон и мистерии. Пещера; «Государство», книга VII, сравнение с «трясиной»²⁴²⁰. — «Федр», миф о душе: постоянно используется слово «посвященный». — Филеб: «Некий Прометей». — Колесница в «Федре»²⁴²¹, ср. Упанишады²⁴²², итак, это традиция. «Федр», припоминание²⁴²³, ср. орфическую надпись²⁴²⁴. Голова, поднявшаяся за пределы неба: ἀτελεῖς θεός²⁴²⁵, не посвященный в созерцание. Этот миф напоминает инициатическое испытание²⁴²⁶.

Пещера. Не хватает третьего измерения²⁴²⁷. Апостол Павел²⁴²⁸.

Тибетские упражнения с воображением играют ту же роль, что миф о Пещере.

Тибетцы: даже суеверия <используются> как μεταξύ²⁴²⁹. (...)

Плотская красота создана привлекающей желания, <но> так, чтобы мы ее не касались. Переквалификация энергии.

Ипполит²⁴³⁰ и Прометей. Что-то связывает дружбу человека и Бога с предельным, со смертным страданием.

«Тимей». Город, обустроенный в состоянии бодрствования²⁴³¹. Мир теперь уже не подземная темница. Он — прекрасен²⁴³².

[ms. 45] «Федр». Возлюбленный, становящийся крылатым от восхищения, который любящий питает к его красоте (поток красоты бежит в очи любящему, но некая часть выплескивается и на возлюбленного, воспламеняя ту часть души, откуда вырастают крылья)²⁴³³.

Энергия, раз присутствует жар?
Духовный хлорофилл?

Красота как источник духовной энергии? Или преобразующее, улучшающее ее устройство? Скорее второе.

Так и для души — дана только плоскость, а третье измерение предстоит выстроить. (...)

Различие между теми, кто остаются в Пещере, закрывают глаза и представляют себе путешествие, — и теми, кто путешествуют. В области духовного тоже существует реальное и воображаемое, и здесь тоже разницу между ними составляет *необходимость*²⁴³⁴. Не просто — страдание. Есть ведь и страдания воображаемые. И усилия тоже. Что же до внутреннего ощущения, то нет ничего более обманчивого.

Миларепа. <Он познал, что> духовное продвижение — тоже иллюзия. И немедленно его получил. (Иллюзия в смысле феномена.)

Аналогия между духовным продвижением и трудом. (Но ее надо правильно понимать, ибо она очень скользкая. Она заключается только в существовании причинной связи, но не в структуре этой причинной связи²⁴³⁵.)

[ms. 46] ВООБРАЖАЕМОЕ В ДУХОВНОМ ПРОДВИЖЕНИИ УНИЧТОЖАЕТСЯ СМИРЕНИЕМ. Нет ничего неуместного в том, чтобы считать себя гораздо менее продвинувшимися вперед, чем это есть на самом деле: свет не уменьшит от этого своего действия, ибо его источник заключается не во мнении. Хуже

считать себя более продвинувшимся, ибо в таком случае действует мнение.

Свет со временем производит привычку к свету, которая позволяет принимать его больше, и т. д. Возрастание даров благодати по экспоненте.

(Мой образ силы тяжести — в мифе из «Федра»²⁴³⁶.)

[Трансцендентный выбор жизни — и представление о Провидении у Θ²⁴³⁷.]

Книга Бытия. — Библия говорит, что родились Каин и Авель, и затем: «Спустя несколько времени они приносили жертвы...». Само собой разумеется, что должно было пройти какое-то время. Но это специально подчеркнуто, — не для того ли, чтобы показать, что происходившее в земном раю протекало вне времени? (И как могло бы не быть человеческой немощи, если было время?²⁴³⁸)

«Федр». — Боги, пересекающие небо, чтобы увидеть другую сторону²⁴³⁹. Аналогия с образом, который присутствует в мифах всех стран — включая племена, которые называют примитивными — мировое яйцо. Яйцо пасхальное. Яйцо подразумевает, что будет и птенец. Пробить клювом видимое небо. «Стучите, и вам отворят»²⁴⁴⁰.

[ms. 47] Вопросик, над которым стоит подумать:

Как возможно отличить воображаемое от реального в духовной сфере?

Лучше выбрать реальный ад, чем воображаемый рай.

Покуда нам необходимо принуждать себя, мы еще находимся в «темной ночи чувств»²⁴⁴¹, в пещере.

«Кто хочет спасти свою душу, потеряет ее»²⁴⁴². Воображаемое спасение.

(Красота в «Федре»; в мифе о Пещере речи об этом не идет.)

«Тимей»: «От природы у людей имеется два желания: одно посредством тела — желание пищи, и второе посредством божественного <начала> в нас — желание разума».

Διττῶν ἐπιθυμιῶν οὐσῶν φύσει κατ' ἀνθρώπους, διὰ σῶμα μὲν τροφῆς, διὰ δὲ τὸ θεϊότατον τῶν ἐν ἡμῖν φρονήσεως²⁴⁴³.

трофῇ²⁴⁴⁴ — жизненная энергия.

«Тимей». Демиург и Мировая Душа. Прекрасное связано с духовным совершенством двояким способом. Видя статую совершенной красоты, мы думаем о гении скульптора. Видя совершенно-прекрасного человека, мы думаем о совершенстве его души. Красота мира имеет с Богом двойную связь, и нам следует любить Бога через мироздание двумя любовями сразу.

Будучи влюблены в Бога, мы по необходимости мыслим Его в ряду других вещей — как Душу Мира; ибо любовь всегда связана с телом, а единственное тело Бога, доступное нашим чувствам, есть мироздание как таковое.

Итак, любое событие, каково бы оно ни было, есть как бы прикосновение Бога. Любой факт, всё происходящее, каким бы оно ни было с нашей частной точки зрения — благоприятным, горестным или безразличным — есть ласка Бога.

[ms. 48] Евхаристия. Освящение гостии не то производит, чтобы в ней пребывал Бог; ибо Он пребывает целиком и полностью в каждой частичке вещества, в полную меру способности вещества воспринять Его. Но, даже зная это абстрактно, мы не сознаем этого всей душой, так как не можем соприкасаться с Богом через каждую частичку вещества. По благодати, которая соединена с освящением, для души, способной воспринять эту благодать в данный момент времени, освящение делает кусочек вещества прозрачным, так что мы обретаем в нем контакт с Богом. Это подобно тому, как мы обретаем действительный контакт с человеком, касаясь его одежды.

Но, как польза от человеческой любви заключается в понимании того, что всякий человек достоин быть любим так же, как такой-то из наших друзей, — так польза евхаристии состоит в понимании, что каждая частичка вещества есть евхаристия.

Поскольку присутствие Бога в творении вообще — вещь слишком абстрактная, следовало бы мыслить присутствие Бога как отдельного предмета в каждой плоскости творения. (Человек, <неодушевленная> материя.)

(А почему не растения и животные? Что мешает допустить присутствие Бога в тотемах?)

«Федр»: природное свойство крыла — возносить ввысь то, что имеет вес²⁴⁴⁵.

Быть привлеченным с неба на землю не силой тяжести, но любовью — крыльями второй степени.

Еще одно новое измерение.

Долгота, широта, высота и глубина.

Познание любви Христовой, превосходящей всякое познание²⁴⁴⁶.

[ms. 49] Настоящая любовь к ближнему будет подобна этой любви — любви нисходящей. Сколько таких, которые на нее способны?..

«Идентификация» (в том смысле, в каком выражается мадам де Зальцман²⁴⁴⁷) через любовь.

Крылья и непослушный конь²⁴⁴⁸. Духовное состояние — математическая равнодействующая комбинации этих сил.

(В самом деле, математика может быть предметом мистического созерцания...)

Связь между математикой и *реальностью*.

Страдание и зло. Страдание является злом для тех, кто думает, что страдание — зло. [Касательно этого Протагор прав²⁴⁴⁹;

как это определить?】 Если я не думаю, что такая-то вещь не является злом для меня, она им <для меня> и не является²⁴⁵⁰. Таким образом, я могу принимать страдание для самого себя, но, испытывая жалость по отношению к другим, пытаться облегчить им страдание, если мне не препятствует в этом какая-либо из строгих обязанностей²⁴⁵¹.

Когда мы видим несчастье, мы должны понимать, что со стороны Бога существует божественный эквивалент строгой обязанности не вмешиваться²⁴⁵².

В некотором смысле, голодный, просящий милостыню, — намного важнее, чем если бы Христос голодал, — Христос как человек.

НО — ЕСЛИ ВОЗМОЖНО ПРЕДСТАВИТЬ БОЖЕСТВЕННЫЙ ЭКВИВАЛЕНТ ЖЕЛАНИЯ²⁴⁵³ — ВОПЛОТИВШЕЕСЯ СЛОВО ГОЛОДАЕТ РАДИ ТОГО, ЧТОБЫ ЭТОГО НИЩЕГО НАКОРМИЛИ.

Совлечь с себя ложную божественность есть всего лишь первый образ. Следует совлечь с себя божественность истинную, после того как приобретешь ее в той мере как это дано человеческому естеству, по уподоблению <Богу>.

Таким образом, мы вновь обретаем способность страдать и ту человеческую немощь, от которой освободили себя.

Понимаемое в этом смысле, возвращение в Пещеру идет дальше²⁴⁵⁴, чем св. Хуан де ла Крус.

[ms. 50] Грех против Духа состоит в том, что человек знает нечто как доброе, и ненавидит его именно как доброе. Мы ощущаем эквивалент этого в виде сопротивления каждый раз, когда мы направляем себя на доброе. Ибо всякий контакт с добром производит познание расстояния, по причине зла в нас самих и начального мучительного усилия усвоения²⁴⁵⁵. Мы боимся его, так как оно болезненно. Этот страх, возможно, и свидетельствует о реальности контакта. Грех, о котором мы говорим, может произойти, только если недостаток надежды делает познание расстояния нестерпимым и обращает боль в ненависть. Надеж-

да здесь целительна. Но еще более целительно быть безразличным к себе, и радоваться тому, что добро — это добро, каким бы далеким <от нашего уровня> оно ни было: радоваться, даже допуская, что нам суждено быть удаленными от него бесконечно.

Послушание есть послушание тому, что считается установленным порядком²⁴⁵⁶. Предположим, человек видит явление некоего святого, который повелевает ему совершить такой-то поступок. Если человек послушается святого, удостоверившись, согласно своей вере, что его повеление исходит от Бога, и не привязываясь ни к этому верованию, ни к своему поступку, а желая еще большей ясности, но, с другой стороны, оставаясь твердым в исполнении приказа, каковы бы ни были внешние обстоятельства, пока не получит более ясного представления, — это для него добро, и гораздо лучше, чем не послушаться.

Вот в этом и заключена неправота Арджуны. Вступить в битву отвечало тому ясному представлению, которую он имел в себе, отправляясь на эту битву со всей решительностью. Он должен был держаться принятого решения, пока не получит большей ясности. Иначе он не мог [ms. 51] подняться выше, но только упасть вниз. Но то, как вошла в него через зрение эта жалость, и его оставили силы, — <истинный> свет так не приходит²⁴⁵⁷.

Как говорит Кришна, человек ни в одном случае не может оставаться абсолютно неподвижным²⁴⁵⁸. Движение неотменно соединено с человеческой жизнью. Но движения святого не таковы, как движения уличного воришки, когда тот и другой идут по улице.

Так же точно и ощущение, что вот это дело надо сделать, — неотменно соединено с человеческой жизнью. То, что производит перемены — это и есть дело, относительно которого мы чувствуем, что его надо сделать.

Бывает чувство обязанности, соединенное с тем, что мы назовем состоянием безразличия²⁴⁵⁹. Оно отличается от ощущения обязанности, связанного с более низкими состояниями.

МАТЕМАТИЧЕСКИЙ РЯД (ВОЗВРАТНОСТЬ ПО АНАЛОГИИ) С ПЕРЕХОДОМ (ИЛИ НЕТ) К ПРЕДЕЛУ, И ДУХОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ.

ИЗУЧИТЬ КАНТОРА.

«Федр». Колесничий должен делать только две вещи: натягивать удила непослушному коню, чтобы выработать в нем условный рефлекс к повиновению, и хранить в себе почитание <своего возлюбленного>²⁴⁶⁰.

Ученых собак дрессируют кусочками сахара и хлыстиком. Надо и ту собаку, что внутри нас, дрессировать так же. Ни боль, ни удовольствие при этом не являются целью. Цель — выучка. (Сахар — сладостные чувств<енные образы>, благоприятствующие медитации, по св. Хуану де ла Крус²⁴⁶¹.)

Частично это зависит от темперамента собаки. Одни собаки лучше выучиваются сахаром, а другие — хлыстом.

Не надо дрессировать собаку *слишком*. «Тимей»²⁴⁶². Св. Фома о Христе²⁴⁶³.

[ms. 52] Евхаристия не является просто символом в том смысле, что освящение производит реальное преобразование — но только в душе, способной его испытать.

Сущность: то, что является объектом не для чувства (акциденции),

не для осмысления²⁴⁶⁴
(субстанция),
но для любви.

Символ не производит трансформации, он не переводит через границу, через ворота. Символ <остается> в душе, но требуется что-то извне души, чтобы его *вытянуть*.

Семь ворот Иштар²⁴⁶⁵.

Душа, вытягивающая голову за пределы неба, вкушает бытие (*amṛtam*²⁴⁶⁶).

Та <душа>, что остается внутри, вкушает мнения²⁴⁶⁷.

Дело в различии между РЕАЛЬНЫМ и ВООБРАЖАЕМЫМ в духовной сфере. В этом и ни в чем другом.

Нет ничего проще, чем впасть в воображаемую любовь к Богу. Истинная любовь не предохраняет против любви воображаемой, если она не занимает душу во всей ее полноте, ибо воображаемая любовь может соединяться с любовью истинной. Воображаемая любовь занимает место, которое не пусто, куда истинная любовь <из-за этого> не может войти.

Оставить Богу в себе необходимый минимум, то, что абсолютно нельзя ему не уделить — и стремиться к тому, чтобы однажды, и как можно [ms. 53] скорее, этот необходимый минимум стал всем.

Воображаемая любовь к творениям. К<олетта>²⁴⁶⁸. Когда я люблю — что именно я люблю? Любовь, которая умерла. Что это было такое? За все предметы нашей «привязанности» мы держимся точно на веревке, и эта веревка всегда может оборваться. На такой же веревке мы держимся и за воображаемого Бога, любовь к которому также является привязанностью. Но к <истинному> Богу мы не привязаны, и поэтому здесь нет веревки, которая могла бы оборваться.

Он входит в нас. Только Он и может в нас войти. Премудрость: «Моя совершенная чистота дает Мне проникать повсюду»²⁴⁶⁹. Все остальные вещи остаются вовне, и, познавая их, или обладая ими, мы чувствуем лишь, как веревки натягиваются с разной силой и в разных направлениях, когда перемещаются вещи или мы сами.

Есть воображаемое, которое приходит в душу извне в полном достоинстве реальности. Прочтение. Луна, уходящая за горизонт, луна, идущая по небу. И есть воображаемое, которое производится нами изнутри, с усилием²⁴⁷⁰. Если это делается с достаточной интенсивностью, то происходит переключение, трансформация воображаемого второго рода в воображаемое первого рода. Тибетские практики основаны как раз на этом.

Не так ли бывает и в духовном продвижении? То, что я зову реальной любовью к Богу, не есть ли воображаемое второго рода, *определенными усилиями трансформированное в воображаемое первого рода*? Мысль ужасающая. Следует задержаться на ней, следует возвращаться к ней заново, [ms. 54] созерцать ее, любить ее во всем ее ужасе.

Восприятие как иллюзия включает в себя воображение первого рода.

Восприятие: <состоит> из воображения первого рода, а также из необходимости.

Необходимость по своей сути чужда воображаемому.

Так же обстоит дело и в духовной сфере. Здесь обнаруживаются аналоги грез, иллюзии и восприятия, причем восприятие состоит в понимании необходимого.

Есть ощущение реальности, которое, собственно говоря, есть окраска воображаемого.

А есть другое, весьма отличное от него: реально реальное²⁴⁷¹.

Проанализировать в восприятии.

Этого критерия достаточно, чтобы приложить понятие ценности к психологической жизни человека — как к любой ее части, так и в целом.

(То, о чем не подумал Шартье.)

[ms. 55] «Федр». θεσμός τ' Ἀδραστείας²⁴⁷².

Немесида, которая ведаёт законом, дхармой, компенсацией нарушений равновесия.

ὑπερῖδοῦσα²⁴⁷³, трансцендентное, сверхъестественное зрение.

[Касты в «Федре»²⁴⁷⁴:

1) философ, поклонник прекрасного, мусического и относящегося к любви — μουσικῷ τινος καὶ ἐρωτικῷ: влюбленный друг Муз;

2) царь, воин, должностное лицо;

3) человек, занимающийся политикой, или экономикой, или тем, что связано с получением прибыли (πολιτικῷ ἢ τινος οἰκονομικῷ ἢ χρηματιστικῷ) — или иначе: политикой, организацией или экономикой);

4) φιλόλογος (?) труженик²⁴⁷⁵, тот кто занимается гимнастикой или медициной;

5) прорицатели или люди, причастные к таинствам (μαντικὸν βίον ἢ τινὰ τελεστικὸν ἔχουσιν);

6) поэт или представитель какого-либо другого подражательного искусства;

7) ремесленник или земледелец;

8) софист или народный оратор;

9) тиран²⁴⁷⁶. — (Тот, кто проживет справедливо в своем состоянии, удостоится лучшего; кто проживет несправедливо — худшего.) — Полностью учение о дхарме. 1, 2, 3 и 7 — четыре касты.]

Это перечисление, в таком порядке, похоже на мистификацию²⁴⁷⁷.

Никак не представлены рабы.

«Умер великий Пан»²⁴⁷⁸. Не Христос умертвил великого Пана. Но, поскольку Пан умер, надо было, чтобы ему взамен родился Христос. Жизнь и смерть богов, ср. у Гераклита²⁴⁷⁹? (Нет, тот текст имеет другой смысл.)

Существование полно противоположностей; без зла не существовало бы добро²⁴⁸⁰.

Бог, в качестве Того, кто существует, есть мир феноменов. Как Тот, кто отличен от мира, Бог отличен и от существования.

[ms. 56] Гераклит, фр. 7. «Если бы все существа обратились в дым, ноздри стали бы над ними судьями»²⁴⁸¹. Каждая способность — судья в своей области.

«Марксистское» истолкование Гераклита глупо²⁴⁸², но верно, что если учитывать тиранию социального Зверя над душой, среди всего, что является предметом рассмотрения, социальный опыт имеет первостепенную важность.

Марксизм, в ту меру, насколько он верен, весь целиком уместится на странице Платона о Большом Звере²⁴⁸³; на ней же поместится и его опровержение.

Гераклит, фр. 2. Не обладать своим разумом как собственной вещью — *ἰδίαν*²⁴⁸⁴.

Жертва во очищение убийства. — Ср. тибетскую историю о перевоплотившемся убийце, и первые заповеди, данные Марпой Миларепе. — И, конечно, жертвоприношение мессы? Среди прочих ее значений... Фрагмент 5-й у Гераклита после этого <звучит> по-вольтерьянски...²⁴⁸⁵

Гераклит: Ποταμοῖσι τοῖσιν αὐτοῖσιν ἐμβαίνουσιν ἔτερα καὶ ἔτερα ὕδατα ἐλπίρει²⁴⁸⁶. — Поток сознания. Καὶ ψυχαὶ δὲ ἀπὸ τῶν ὑγρῶν ἀναθυμῶνται. Души испаряются из жидкостей²⁴⁸⁷. Прекрасное выражение постоянной мысли Мен де Бирана [«я изменяюсь»²⁴⁸⁸]. Но здесь нет «я».

[ms. 57] Время — ребенок, играющий в нарды²⁴⁸⁹. Мы — шашки в руках ребенка.

Делать из всего посредство на пути к Богу (из каждого предмета, из того, чем мы занимаемся, что с нами происходит, что мы видим, и т. д.). Это не означает прибавлять Бога к каждой вещи (тогда это будет воображаемый Бог). Каждую вещь надо обработать, сделав ее прозрачной для света.

Знать азбуку еще не значит уметь читать. Выучив буквы алфавита, можно прожить всю жизнь, не умея прочесть ни единого слова, напечатанного этими буквами.

«Бессмертные — смертны, смертные — бессмертны; смертью друг друга они живут, жизнью друг друга они умирают»²⁴⁹⁰.

Жить смертью некоего существа — значит, его съесть. Обратное означает быть съеденным.

Человек съедает Бога и сам съедается Богом²⁴⁹¹ — в двух смыслах: один губит, другой спасает. Причастие.

Противоречие — заслон от пантеизма.

«Времена, которые приносят всё»²⁴⁹². Время, безразличное к тому, что оно несет — как и пространство — тема любого искусства.

ПРОТИВОРЕЧИЯ, НА КОТОРЫЕ НАТАЛКИВАЕТСЯ УМ, ОДНИ ТОЛЬКО И ЯВЛЯЮТСЯ РЕАЛЬНОСТЯМИ, ЭТО КРИТЕРИЙ РЕАЛЬНОГО. В ВООБРАЖАЕМОМ ПРОТИВОРЕЧИЙ НЕТ. ПРОТИВОРЕЧИЕ ЕСТЬ ПРОЯВЛЕНИЕ²⁴⁹³ НЕОБХОДИМОСТИ²⁴⁹⁴.

Применимо во всех сферах.

[ms. 58. Фрагмент «Гимна Зевсу» Клеанфа в двух черновых вариантах перевода²⁴⁹⁵. Приводим первый из них.]

Тебе весь мир, обращающийся вокруг земли,
Послушный, идет, куда ты ведешь его, охотно тебе подчиняясь.
Такова сила Служителя, что ты держишь в непобедимых руках, —
Двуострая Молния, вещество огня, о Вечноживущий;
Лишь только ударит она, всё в природе трепещет.
Ею ты верно направляешь всемирный Логос, который во всем
Обращается, соединяясь с великими и малыми светами, —
Он, который по достоинству есть верховный царь надо всем...²⁴⁹⁶

Двуострый критский топор, символ молнии и Зевса. Секира²⁴⁹⁷ и меч²⁴⁹⁸ в Евангелии.

Шива.

Молния — символ Святого Духа²⁴⁹⁹.

Эти строки заключают в себе Троицу²⁵⁰⁰.

[ms. 59] Прометей похитил молнию, чтобы дать огонь людям.

Ипполит. Афродита, не сумев соблазнить Ипполита, соблазняет Федру, чтобы довести ее до погубления пасынка.

Так и дьявол, который ничего не смог сделать с Иисусом, вошел в Иуду, чтобы толкнуть его на предательство.

«Орудие обоюдоострое».²⁵⁰¹ «Я пришел принести не мир, но меч».

«Огненная вещь». Лук 12, 40: «Я пришел ввергнуть огонь на землю, и чего Мне [еще] хотеть, если [пожар] уже возгорелся?»²⁵⁰²

Огонь, метафора для выражения любви. Удар молнии²⁵⁰³.

«Тот, кто не рожден от воды и дыхания»²⁵⁰⁴.

Вода есть смерть, разжижение, растворение «я», материя в своей полностью пассивной форме; это уничтожение, *vināśam* «Иша-упанишады».

Пнеўма — дыхание жизни, иной жизни, дыхание жизни бессмертной, это *amṛtam*.

«Через уничтожение преодолев смерть, он через становление (рождение) вкушает бессмертие»²⁵⁰⁵.

Гераклит, фр. 36. «Смерть для душ состоит в том, чтобы стать водой».

«В непроглядный мрак входят те, кто имеют не-рождение своим мнением и, возможно, в еще бóльшую тьму те, которых удовлетворило рождение»²⁵⁰⁶.

«Рождение и уничтожение — те, кто познают это как оба сразу, через уничтожение преодолев смерть, они через рождение вкушают бессмертие»²⁵⁰⁷.

[ms. 60] От Луки (12:49):

Πῦρ ἤλθον βαλεῖν ἐπὶ τὴν γῆν, καὶ τί θέλω εἰ ἤδη ἀνήφθη; βάπτισμα δὲ ἔχω βαπτισθῆναι, καὶ πῶς συνέχομαι ἕως οὗ τελεσθῆ²⁵⁰⁸
[и] как Мне удержать Себя от того, чтобы это было выполнено?

Если думать, что Бог творил ради того, чтобы быть любимым; и что Он не может сотворить нечто иное, что было бы Богом; и что Он не может быть любим чем-то, что не является Богом, — в таком случае мы наталкиваемся на противоречие. Противоречие содержит в себе необходимость²⁵⁰⁹. С другой стороны, всякое противоречие разрешается через становление. Бог творит конечное существо, которое говорит «я», которое не может любить Бога. По действию благодати мало-помалу «я» исчезает, и Бог любит Себя через творение, которое становится пустым, становится ничем. Когда оно исчезает... Он продолжает творить другие подобные существа и помогает им рас-сотворять себя.

Время возникает в становлении, связанном с этим противоречием.

Необходимость, которая содержится в этом противоречии, это вся необходимость в предельно сконцентрированной форме.

Великая загадка в том, что люди умирают тогда, когда <еще> не вошли в вечность. Но дело в том, что смерть принадлежит слепой необходимости.

[ms. 61] Бог сотворил всю гамму, всю лестницу бесконечно-разнообразных существ. И нижним пределом этой лестницы в категории разумных существ является *самое немоющее*²⁵¹⁰ *из тех, что способны любить*. Любовь самого немоющего есть любовь самая драгоценная; когда она, обретя прозрачность, станет посредством, через которое Бог любит Сам Себя, творение будет завершено²⁵¹¹.

(Насколько же я должна быть благодарна судьбе, что она поставила меня внизу, рядом с самыми убогими.)

Бог не только любит Себя через сотворенные существа, — что является лишь продолжением любви, которую Он имеет к Себе непосредственно²⁵¹², — но через сотворенные существа Он любит и творение. Поэтому Он нуждается в них. Любить творение иначе Он не может.

Он может любить видимый мир и мыслящие существа, в их естественной части, не иначе как через посредство сотворенного существа, достигшего состояния совершенства.

Воплощение²⁵¹³.

Платон: припоминание²⁵¹⁴; см. также у Валери сравнение воспоминания и вдохновения²⁵¹⁵. Направленность души на что-то, чего мы не знаем, но знаем, что оно реально. Так, например, мне пришла мысль, показавшаяся мне важной. Мне нечем ее записать. Я обещаю себе ее запомнить. Через два часа мне приходит на ум, что я должен вспомнить мысль. Но я уже не помню, ни какова эта мысль, ни вообще о чем идет речь. Я направляю внимание на эту вещь, о которой знаю, что она есть, но о которой вовсе не знаю <в этот момент>, что она собой представляет. Это внимание в пустоту может продлиться некоторое время. Затем (в лучшем случае) все восстанавливается в моем сознании. Я вновь знаю, без малейшей неопределенности, что это такое. Пустая реальность стала реальностью определенной; притом что реальны и первая, и вторая.

Так и вдохновение. Например, <в> поэзии.

[ms. 62] Прошлое. Реальность, не поддающаяся проверке²⁵¹⁶.
Какая тайна!

Метод для понимания образов, символов и т. д. Не стараться их интерпретировать, но рассматривать их до тех пор, пока заструится свет. Поэтому надо опасаться того, чтобы без законных оснований приуменьшать их реальность, — как если бы кто сказал, что в «Гите» речь идет не о настоящей битве. Лучше, на свой риск, принять слишком буквально, чем недооценить. Для начала их надо принимать целиком буквально и именно в таком качестве рассматривать в течение достаточно долгого времени. Затем принять их менее буквально образом и рассматривать соответственно, и так дальше по степеням. А <в конце> вернуться к совершенно буквальному способу <прочтения>. И пить свет, — каким бы он ни был, — который проливается во всех этих созерцаниях. (Источник, бьющий из скалы²⁵¹⁷.)

Это метод и для интерпретации фольклора.

И в целом: метод упражнения понимания, состоящий в том, чтобы рассматривать.

Смогла ли бы я когда-нибудь применить его в математике?
[Познание третьего рода²⁵¹⁸.]

Применение этого способа, чтобы отличить реальное от иллюзорного. В чувственном восприятии, если мы не уверены в том, что видим, мы перемещаемся, чтобы видеть лучше (например, поворачиваем голову), и реальное предстает нашим глазам. Во внутренней жизни место пространства занимает время. Со временем мы изменяемся, и если при этом изменении мы не отводим взгляда от такой-то вещи, в конце концов иллюзия рассеивается, и показывается реальность. Условие в том, чтобы наше внимание было <сосредоточено в> созерцании, но не в привязанности.

[ms. 63] Привязанность — мастер иллюзий, и любой, кто хочет реального, должен быть отрешенным.

Прошлое: реальность, принадлежащая к этому миру, и однако, абсолютно нам недоступная, к которой мы не можем подойти ни на шаг, на которую мы можем только направить <свой взгляд>, чтобы некое ее излучение²⁵¹⁹ дошло до нас. Тем самым, <прошлое> по преимуществу есть образ реальности вечной, сверхъестественной.

(Пруст.) Не потому ли в воспоминании как таковом есть радость и красота?

Прошлое и понятие возможности. «Если..., в таком случае...» Еще исследовать это.

Радость и Бог. Поистине, в Боге есть совершенная и бесконечная радость. Но принадлежность <к Церкви> не может ничего прибавить, а непринадлежность <к ней> не может ничего отнять от реальности этой совершенной и бесконечной радости. Поэтому, какое имеет значение, принадлежу я к ней или нет? Никакого.

Таинства²⁵²⁰ (и <другие> вещи этого порядка) — как свидетельства памяти — предметы, которые заключают в себе воспоминания о любимых умерших. Письмо умершего любимого человека, кольцо, книга, любой предмет, принадлежавший ему — подлинно представляют собой соприкосновения с ним, встречи реальные, ни с чем несравнимые, незаменимые. Все влюбленные и настоящие друзья находят радость в обмене такими памятными вещами. Тем же образом, возможно, не бывает настоящей религии без таинств или чего-то аналогичного. Здесь все дело в *прочтении*.

Соответственно, как сегодня в евхаристии, так для тех греков, которые любили Бога, Бог поистине жил в храмовых статуях.

[ms. 64] Платон рассматривает прекрасное как здешнее воспоминание <об истинной красоте>²⁵²¹.

[Красота и таинства...²⁵²²]

Прекрасное есть плотская привлекательность, которая держит нас на расстоянии и подразумевает отказ. Включая отказ более интимного свойства — отказ воображения. Мы рады были бы съесть все предметы нашего вожделения²⁵²³. Прекрасное есть то, что мы вождееем без желания это съесть. Мы желаем, чтобы оно — было.

Не в нашей власти восхищаться человеком, в котором мы не находим чувственно воспринимаемой красоты какого-либо рода.

Красота слов в выражении мысли.

Красота ритуалов. Месса. Месса не может трогать ума, ибо ум не постигает того, чему она посвящена. Она совершенно прекрасна, прекрасна чувственно воспринимаемой красотой, ибо ритуалы и знаки суть чувственные вещи. Она прекрасна так, как прекрасны произведения искусства²⁵²⁴.

Троица. Если мыслить Бога только как Одного, это значило бы, что мы мыслим Его или в качестве существа, или в качестве действия, обращенного вовне. Мысля Его как действие, не обращенное вовне, мы в состоянии представить, что Он — Два, и в то же время, через соединение, — Одно: то есть, Три. Сказать, что Он есть Три и Одно, значит сказать, что Он есть Два и Одно от единства соединения²⁵²⁵, и к тому же Он есть Одно некоего более глубокого Единства²⁵²⁶.

[ms. 65] Это соединение есть личность, то есть, оно отлично от того, что соединяет субъект и объект, что доступно нашему познанию как связь абстрактная. Здесь же — субъект является субъектом, а объект²⁵²⁷ тоже является субъектом, и связь <между ними> — тоже субъектом. Бог как субъект говорит: «Я», — Бог как объект говорит: «Я», — и Бог как познание или любовь говорит: «Я». В любом качестве, в котором мы Его рассматриваем, Он каждый раз говорит: «Я». Сын есть само это слово, т. е. «Я».

Видение имеет меньше реальности, нежели видящий субъект или видимый объект. В Боге почти наоборот²⁵²⁸.

Ум никогда не сможет проникнуть в эту тайну, но он может (только это он и может) следить за сообразностью в словах того, кто эту тайну исследует. Для этого функции ему следует быть более острым, более проницательным, более точным, более строгим, чем для чего угодно другого.

«...от воды и от дыхания»²⁵²⁹. Душа должна не только стать веществом, то есть инертной, но и веществом, не имеющим никакой собственной формы, абсолютно податливым, текучим. [Гегель о привычке как о текучести тела²⁵³⁰. Души тоже, когда дело касается ее...] Это смерть «я». Душа должна стать чем-то, что абсолютно не может говорить «я». И тогда приходит это дыхание. Продолжение показывает, что главная мысль именно здесь: Дыхание дышит, где хочет, и никто не знает, куда оно идет, или откуда приходит²⁵³¹. Следовательно, речь идет не о таинстве <крещения>²⁵³².

Субъект, объект и желание, соединяющее их. Желание есть энергия. Это ψυχή. И πνεῦμα — тоже энергия. Энергия более высокого уровня. Стоики²⁵³³. Поэтому πνεῦμα — огонь.

[ms. 66] Память, по св. Хуану де ла Крус²⁵³⁴. Не есть ли это <то же самое, что память> по Платону?

Мы не обладаем ничем в мире, — ибо случай может лишить нас всего, — кроме власти говорить «я». И это мы должны отдать Богу, т. е. разрушить²⁵³⁵. Нам не позволено абсолютно ни одно свободное действие, кроме разрушения «я».

Λόγος есть божественный порядок и, по действию аналогического переноса на нижний мир, есть всякий род связи²⁵³⁶. Пνεῦμα — духовная энергия, энергия сверхъестественная — и, по действию аналогического переноса на нижний мир, вся-

кий род энергии. Стоическая концепция мира основывалась на энергии.

Ζεὺς, λόγος и πνεῦμα — три божества стоиков²⁵³⁷.

Разрушение «я». Мы не обладаем ничем в этом мире, кроме власти говорить «я», так как всё что угодно другое, даже наш характер, наш ум, наши любви и наши ненависти, — может быть отнято у нас судьбой, но не власть говорить «я». Кроме случая крайнего несчастья. Нет ничего страшнее крайнего несчастья, разрушающего «я» извне, потому что после этого человек уже неспособен сам разрушать свое «я». (Единственное зло еще больше этого — грех против Духа.) Что происходит с теми, чье «я» разрушено несчастьем извне? Мы можем представить это разве что как уничтожение в концепции материалистической или атеистической²⁵³⁸.

То, что они потеряли «я», не значит, что у них не осталось эгоизма. Отнюдь. Конечно, иногда бывает, что [ms. 67] потеря «я» производит в человеке собачью преданность. Но в иных случаях он, напротив, доходит до эгоизма голого, вегетативного. До эгоизма без «я».

Стоит только начать процесс разрушения «я», и становится возможным сделать так, чтобы любое несчастье не причиняло зла. Ибо «я» не может быть разрушено внешним давлением, не вызвав страшного бунта. Если мы отказываемся от этого бунта посредством любви к Богу, разрушение «я» производится не извне, но изнутри.

(«Приношение»... Мы не можем принести <Богу> ничего другого, кроме «я»; «приношение» — ярлык, наклеенный на выкуп вместо «я».)

Скорбь крайнего несчастья есть внешнее разрушение «я». Арнольф. Федра. Ликаон. И можно понять человека бросающегося на колени в униженной мольбе, когда насильственная смерть, которая вот-вот его постигнет, грозит извне убить его «я» еще прежде, чем оборвет саму его жизнь.

Тем, чье «я» мертво, нельзя сделать ничего, абсолютно ничего. Но мы никогда не знаем — кроме, может быть, случаев поистине сверхъестественного дара различения — совершенно ли умерло «я» в таком-то человеке, или только кажется бездыханным. Если оно еще не совершенно умерло, любовь может его пробудить будто булавочным уколом — но только любовь целиком чистая, без малейшего следа снисходительности. Ибо мельчайший оттенок презрения свергает в смерть.

Когда «я» ранено извне, сначала в душе поднимается мятеж — самый яростный, самый отчаянный, подобный рвущемуся [ms. 68] зверю. Но когда «я» уже наполовину мертво, он начинает постепенно затухать. Если в это время его пробуждает прикосновение любви, возникает ужасная боль, производящая гнев и порой почти ненависть — даже самую настоящую ненависть — к тому, кто вызвал эту боль. Отсюда в падших существах эти реакции мести благотворителям, которые внешне кажутся необъяснимыми.

Случается также, что любовь благотворителя нечиста. Тогда «я», пробужденное любовью, тут же получает новую рану презрения, отчего в нем рождается горчайшая, но законная ненависть.

Получая враждебную реакцию со стороны того, кому помогаем, мы никогда не знаем, имеем ли мы дело с первым или вторым случаем, и, следовательно, заслуженно это отношение, или нет²⁵³⁹. Лучше думать, что заслуженно. Поставив себя ниже своего действительного положения, мы ничем не рискуем, — ибо тогда разница между представлением и фактом есть реальность, — при том, что поставить себя выше, чем мы стоим в действительности, смертельно опасно — ибо тогда разница между представлением и фактом есть субстанция воображаемая.

Смирение очищает нас, уничтожая в нас призрачное добро.

Напротив, в ком «я» полностью умерщвлено, того нисколько не тревожит любовь, которую ему оказывают. Он позволяет себе вести себя подобно собакам и кошкам, когда они получают [ms. 69] пищу, тепло и ласки, и так же, как они, ищет получать их сколь возможно больше. В зависимости от случая, он или привязывается, как собака, или, как кот, изображает некое безразличие. И без малейшего зазрения совести выпивает всю энергию того, кто о нем печется.

К сожалению, опасностью для всякой благотворительной работы является то, что среди ее клиентов большинство или без стеснения ищет своей выгоды, или представляет собой таких, в ком «я» убито.

Дети больше заслуживают интереса²⁵⁴⁰, чем взрослые, именно по причине того, что, кроме случаев совершенно исключительного несчастья, их «я» — даже находясь в оцепенении, даже притворяясь мертвым — никогда не бывает до конца убито. Их предохраняет сама их способность, с их детской ловкостью, притворяться мертвыми.

«Я» умерщвляется тем быстрее, чем слабее характер терпевающего несчастье. Скажем точнее: предельный уровень несчастья, когда оно становится разрушителем «я», бывает различен, смотря по человеку. В зависимости от характера, этот предел в несчастьи расположен дальше или ближе; и если он расположен дальше, о человеке говорят, что у него «сильный характер». Но предел, где бы он ни был, существует для каждого человека, и если ему случится дойти до той степени несчастья, где расположен его предел, для его «я» начнется процесс разрушения. Не достигая этой точки, страдание производит изменения в душе, но не трогает «я». Достигнув ее, страдание становится максимальным, ибо страдание в этой точке уже не отличается от того, что следует после нее.

<Нравственное> состояние <человека>, более или менее удаленного от этого предела, есть, вероятно, природный факт, как, например, способность к [ms. 70] математике. И кто, вовсе

не имея никакой веры, кичится, что «сохранил высокий моральный дух» в трудных обстоятельствах, тот основателен не более, чем подросток, гордящийся успехами в математике. Тот же, кто верит в Бога или в сверхъестественное, впадает в еще более тяжкую и гибельную опасность иллюзии, приписывая благодати то, что является по сути механическим действием природы.

Относительно того, что природа производит во мне механически, дурно полагать, будто автором этого являюсь *я сам*. Но полагать, что это производит Святой Дух, — еще хуже. Еще дальше от истины.

(N. В. Бог как создатель мира есть Отец; Бог как источник сверхъестественных вдохновений есть Святой Дух; Бог как объект любви есть Сын. Такова тройная связь между Богом и нами, мыслящими существами.)

Нет большей опасности, чем приписывать благодати действие природы. Учет этой опасности может предоставить критерий для выбора поведения.

(Так, например: если факт пребывания вне Церкви, на ее пороге, дает мне чувство превосходства над теми, кто внутри, это дурно — и тогда я, может быть, должна войти. Но для меня он связан с чувством того, что я ниже, которое в этом случае имеет только преимущества.)

[ms. 71] Когда процесс разрушения «я» производится в том, кто уже начал любить, но еще далек от совершенства, он соучаствует в этом процессе, но лишь *со-*участвует; он не делает всего; некая часть разрушения производится извне. И таким образом он теряет часть энергии, которая понадобилась бы для преобразования в энергию сверхъестественную, и никогда уже больше не получит ее обратно.

(Тому запасу сверхъестественной энергии, которым он обладает, ничто не мешает увеличиваться с течением времени; но ритм становится медленнее — как если сравнить ряды 2^n и 40^n .)

Лоуренс²⁵⁴¹.

Τοῦτο μοι συνέβην. Ἀλλὰ χάριν ἔχω²⁵⁴².

Это горе²⁵⁴³ неустранимое, без компенсации. Не следует искать для горя компенсации в виде внешнего блага, связанного или не связанного с этим горем некой необходимостью, в качестве противовеса... Ибо так мы лишим себя самой главной пользы от горя, состоящей в том, чтобы через горе как таковое любить Бога.

Любить Бога через зло как таковое. Любить Бога через зло, которое мы ненавидим, именно ненавидя это зло. Любить Бога как автора зла, которое мы ненавидим в эту минуту.

Зло для любви есть то же, что таинство для ума. Как таинство принуждает добродетель веры быть сверхъестественной, то же самое делает зло для добродетели любви.

[ms. 72] И пытаться найти компенсации, оправдания злу так же вредно для любви, как пытаться изложить содержание таинств на уровне, доступном для человеческого ума.

Легко помыслить трех богов (поскольку в человеческой душе есть некая склонность к некоему²⁵⁴⁴ политеизму). Легко мыслить единого Бога. Мыслить то и другое сразу, одновременно — невозможно. Но можно мыслить то и другое попеременно с быстротой, достаточной, чтобы создать для себя иллюзию одновременности. Так же и с Христом-Богом и Христом-человеком. Пользы от таинства, таким образом, никакой.

Это как снять высоту звезды над горизонтом в двух разных точках земного шара, забыв при этом об одновременных триангуляционных замерах. Так не удастся определить расстояние до звезды.

Как рассматривают звезду с двух направлений, соединенных в треугольнике, так мы рассматриваем Бога с помощью двух

истин, мыслимых одновременно. (Здесь всегда действует перенос²⁵⁴⁵. Две истины, мыслимые одновременно, через связь переноса позволяют, как будто с помощью двух палок, захватить предмет, до которого мы не можем дотянуться руками.)

[ms. 73] Но в случае таинства невозможность помыслить вместе, посредством переноса, обе идеи, так как они противоречивы, перемещает наблюдаемый объект, то есть Бога, за пределы самой бесконечности²⁵⁴⁶.

Математика предоставляет эквивалент, образ этого, т. е. понятие ВООБРАЖАЕМОГО.

Филолай: Гармония есть единое восприятие²⁵⁴⁷ различающихся <между собой> вещей²⁵⁴⁸.

Если единое восприятие невозможно, и однако на него направлена вся полнота внимания, гармония трансцентентна.

(На другом уровне — надо, однако, его определить — что-то такое содержится и в гармонии в собственном смысле слова, в красоте. Нельзя в полноте воспринять вместе ограниченное и неограниченное.

Там, где меньшие различия облегчают одновременность восприятия, существует не гармония, но сходство, прилаженность²⁵⁴⁹ или что-то еще на том же уровне.)

Зло, воспринятое как таковое, в полноте своей горечи, играет ту же роль²⁵⁵⁰ для любви. Одна из польз от любви к ближнему, — быть может, главная польза — быть может, ее польза по преимуществу — это сделать <ощутимой> горечь²⁵⁵¹ безмерного зла, ибо мы представляем себе не только свою собственную личность, но всё человечество — отданным во власть злу.

[ms. 74] Зло есть расстояние между творением и Богом. Уничтожить зло — то есть, рас-сотворить. Но Бог может сделать это только с нашим содействием.

Разрушение есть крайняя противоположность рас-сотворения²⁵⁵². Стараться постичь это с полной ясностью.

«Боль, я никогда не признаю тебя злом, как бы ты мне ни досаждала»²⁵⁵³. Прекрасно сказано. Но вот как еще лучше: Боль, ты зло, но имеешь своим творцом Того, кто сам только добро и творец только добра.

Такое же противоречие, как: Бог — Один и Три, Христос — Бог и человек, гостия — материя и плоть Христова.

Само собой выходит, что если ослабляется один из членов противоречия, настолько же ослабляется и само противоречие, а следовательно, и польза от противоречия.

Искупительная²⁵⁵⁴ боль. Когда человек находится в состоянии совершенства, когда с помощью благодати он полностью разрушил в себе «я», тогда — если он впадает в несчастье до такой степени, которая по природе соответствовала бы для него (в случае, если «я» в нем остается нетронутым) разрушению «я» извне, — вот полнота Креста. Несчастье более не может разрушить в нем «я», ибо оно полностью исчезло, [ms. 75] оставив место Богу. Но несчастье производит действие, эквивалентное — на уровне совершенства — внешнему разрушению «я». Оно производит отсутствие Бога. «Боже Мой, зачем Ты Меня оставил?»

Если душа, впавшая в это несчастье, частично упразднила в себе «я», чтобы оставить место Богу, но не вполне, — тогда несчастье производит двойное действие. Производит внешнее разрушение «я» и отсутствие Бога. Боль искупающую <собственное несовершенство> и боль искупительную²⁵⁵⁵. Но только в состоянии совершенства возможна, если можно так выразиться, полнота отсутствия Бога.

Чисто внешнее разрушение «я» — боль почти адская. Внешнее разрушение, с которым душа сочетается любовью, есть боль

искупающая²⁵⁵⁶. Исполнение отсутствия Бога — боль искупительная.

Благодать часто отражается на природе — а именно, отдаляет границу разрушительного несчастья. Святые, мученики. Как всё, происходящее в природе, это не есть ни добро, ни зло, ни добро и зло вместе. А по большому счету, в этом больше отрицательных сторон, ибо уменьшаются возможности искупительной боли. Вообще возможно даже, что отражения благодати на природе нежелательны вовсе, — во всяком случае, в низшей части природы, т. е. в чувственности. (???)²⁵⁵⁷

Что же именно это отсутствие Бога производит, посредством несчастья, в совершенной душе? Какова соединенная с этим цена, которую называют ценой искупления²⁵⁵⁸?

[ms. 76] Это чистота зла, совершенство зла, полнота зла, бездна зла. Ад — ложная пропасть (ср. Θ²⁵⁵⁹). Ад — поверхностен.

Ад — это дурной выбор. Разрушение «я» извне — почти ад; но если прежде разрушения этому «я» случалось, бунтуя, хоть на один миг возненавидеть добро, если случалось, так сказать, совершить по отношению к добру чистый акт ненависти, тогда это настоящий ад. (Даже после разрушения «я»?) Это может произойти и помимо несчастья, в случае, если душа, однажды осознав, сколь большие она допустила проступки, и как безмерно далека от добра, возненавидит добро по причине этой удаленности. Разница между первым и вторым случаем та, что в аду есть иллюзия. Если почти-адское разрушение «я» производит ничто, то ад есть ничто, притворяющееся и дающее иллюзию бытия. Впрочем, это выражение невразумительно, потому что неточно.

Искупительная боль — это то, посредством чего зло реально имеет полноту бытия, настолько, насколько для зла возможно ее получить.

Через искупительную боль Бог присутствует <даже> в крайнем зле. Ибо отсутствие Бога есть способ божественного присутствия, которое соответствует злу, — отсутствие, прочувствованное всей глубиной души²⁵⁶⁰. (Тот, кто не имеет Бога в себе, не способен глубоко прочувствовать Его отсутствие.)

[ms. 77] Сравнение. — (Но только ли сравнение?) — Как Бог, силою освящения в евхаристии, присутствует в чувственном восприятии кусочка хлеба, так Он присутствует и в крайнем зле — через искупительную боль, через крест²⁵⁶¹.

И это присутствие посильно Богу не иначе как при содействии человека. От человека зависит, что Бог пересекает творение из конца в конец, вплоть до крайней точки, то есть до предела зла.

Присутствие Бога надо понимать в двух смыслах. Ибо поскольку Он — Создатель, Он присутствует повсюду, в любой вещи, которая существует, с того момента, как она существует. Присутствие, ради которого Бог нуждается в содействии своего создания, это присутствие Бога не поскольку Он — Создатель, но поскольку Он — Дух²⁵⁶². Первое присутствие — присутствие творения. Второе присутствие — присутствие рас-сотворения.

Отношение Лиц Троицы с человеком. Бог, в качестве единственного <истинного> Я, не проникает в человека. И обнять Его руками, в качестве предмета любви, человеку не дано. Но при исчезновении <нашего человеческого> «я» любовь между Богом и Богом проходит через душу человека как свет через стекло. Так присутствует в душе Святой Дух²⁵⁶³.

Еще лучше сравнить Бога, как предмет любви, со светом, а человеческую душу — с глазом, органом зрения. Она является органом «я». Но когда «я» стерто, орган не теряет свою способность: органом зрения [ms. 78] Бога становится душа. Его дух²⁵⁶⁴ становится этим зрением.

Ценность таинств есть вещь, познаваемая опытом и состоящая только в том, что они способны без числа порождать ис-

тины, постижимые²⁵⁶⁵ для каждого, кто созерцает их с благоговейным вниманием. Поэтому совершенно справедливо сказать, что оценить католическую религию можно только изнутри. Но это столь же справедливо и для всякой иной религии, коль скоро она содержит таинства²⁵⁶⁶. Как узнать, плодоносны эти таинства постижимыми²⁵⁶⁷ истинами, или бесплодны, если мы никогда не прилагали к ним благоговейного внимания?

Строить предположения об их бесплодии можно, лишь констатируя (или думая, будто констатируем) великую бедность на истины в тех странах, чья традиция основана на этих таинствах. Но, напротив, это с очевидностью невозможно утверждать относительно стран, богатство цивилизации которых общеизвестно. (Хотя, вероятно, невозможно и относительно многих народов, которые у европейцев, с их предвзятостью, слывут дикими; ибо наши предубеждения могут помешать нам воспринимать их постижимые истины.)

Следовательно, говорить, что это богатство цивилизации не имеет ценности по сравнению со сверхъестественным, — абсурдно, так как по определению там, куда мы не направляем взгляд веры, нельзя уловить сверхъестественное, но разве что отблески сверхъестественного в природе.

[ms. 79] Предположим, я нахожусь в комнате, через окно которой вижу солнце, и из этой комнаты открыта дверь в другую комнату, где окно расположено параллельно моему, и где находится другой человек. Через дверной проем я вижу падающий на стену прямоугольник света. Можно было бы сказать: «Бедняга! Я вижу свет солнца, а он видит только это слабое отражение света на стене». Точно так смотрят католики на другие религии.

Искупительная боль, при содействии творений разносящая присутствие Бога до крайних пределов мира. Можно было бы <на это возразить> с учетом «уместности»²⁵⁶⁸ (в том смысле, в котором употребляет это слово св. Фома²⁵⁶⁹) для воплощения, говоря, что «не подобает» Богу зависеть от своего творения.

Он сделался творением, чтобы это дело было исполнено единожды, наверняка и в совершенстве²⁵⁷⁰. Крест есть самая сущность воплощения.

Платон: разрыв между бытием и становлением, истиной и мнением; речь идет не о чем ином, как о различии между реальным и воображаемым в духовной жизни, — иначе говоря, между сверхъестественным и его суррогатом. Эрзац; это идея копии при дурном использовании этой копии.

[ms. 80]²⁵⁷¹ Другие цивилизации. <Христиане> выставляют проявления порочности в других религиях как свидетельства несовершенства этих религий. При этом в Европе за последние двадцать веков можно легко найти ничуть не меньшие проявления порочности. Уничтожение Америки бойней, Африки — работорговлей, резня на юге Франции и многое другое — это изрядно перевешивает гомосексуализм греков или оргиастические обряды в Греции и Индии. Кровавые оргии не лучше оргий разврата. При этом говорят, что в Европе пороки присутствуют вопреки совершенству христианства, а в других цивилизациях — по причине несовершенства их религий.

Яркий образчик механизма ошибки, достойный долгого рассмотрения. Откладывать в сторону. Оценивая Грецию или Индию, устанавливают соотношения зла к добру. Оценивая христианство, зло откладывают в сторону.

Так и в моем разговоре с Верой Д<омаль> насчет табака — я откладывала в сторону, даже не понимая того, обстоятельства текущего времени, и само то место, где происходил разговор.

Бессознательно откладывать в сторону — именно здесь и скрыта опасность. Или, что еще хуже, мы откладываем в сторону актом воли, и при этом украдкой от себя самих. Как следствие, мы уже не знаем того, что отложили в сторону. Мы не хотим этого знать и, не желая знать, доходим до того, что и не

можем этого знать. Этот феномен противоположен феномену вдохновения как награды за максимальное внимание. Он [ms. 81] весьма уместен в случае, когда мы смотрели явлениям в лицо в течение достаточного времени и, именно рассматривая их, с полной ясностью почувствовали, что нужно отложить их в сторону²⁵⁷².

Во всех остальных случаях это отвратительно.

Например, рассуждения М<альро> о Г<ермании> и Р<оссии>. В первом случае он связывает сущность системы с видимым злом, а во втором — отделяет одно от другого.

Справедливость состоит в том, чтобы во всех аналогичных случаях устанавливать между гомотетическими членами тождественные отношения. Подобие треугольников.

«Геометрия, о Калликл, имеет великую власть как между богами, так и между людьми»²⁵⁷³.

Каким образом можно узнать, что два случая не аналогичны? Это просто. Обнаружив сходство в каком-либо отношении, каким бы поверхностным, частным и малозначущим это сходство ни было, постараемся установить аналогию. Если получится, будем ее рассматривать в течение долгого времени. Если все это время она продолжает проявляться, значит, она существует.

Если же не получится, или если она не выдерживает долгого рассмотрения, надо ясно определить факторы отсутствия аналогии, т. е. элементы, с нею не совместимые. Но эти элементы должны быть из числа фактов, или отношений, четко вписанных в факты и способных выдержать длительное рассмотрение, — но не произвольные прибавки, порожденные [ms. 82] воображением. Ибо понятно, что, прибавляя к любому из сравниваемых объектов созданные в нашем воображении и перенесенные характеристики, можно разрушить любую аналогию.

Великолепный пример отложения в сторону — еврейская практика относительно молока и мяса и другие подобные, описанные Фрэзером. Убийство животных-благодетелей, дающих молоко, осознается как преступление. Но преступление заключено в связи между умерщвлением и благодеянием. Если разделить две вещи — преступления не будет. Эту связь можно считать не существующей, если ни в коем случае не допускать мясо до соседства с молоком. Если преступления, таким образом, не будет, не будет и наказания, которое выражается в потере молока²⁵⁷⁴.

Дети постоянно делают похожие вещи. Да и все люди.

Как они²⁵⁷⁵ думают, что греха не будет, если молоко и мясо не окажутся рядом у них в желудке, мы все верим, что преступления не случится, если две вещи, связь между которыми составляет преступление, не сблизятся, не соприкоснутся в нашей мысли.

Таким образом способность откладывать в сторону делает возможными любые преступления. Повсюду за пределами сферы, где воспитание [ms. 83], где многолетняя дрессировка установили крепкие, с трудом расторгжимые связи, эта способность открывает путь для абсолютной вседозволенности. Благодаря ей люди ведут себя столь непоследовательно.

Все религии, куда вмешивается социальное, коллективные чувства, войны, проявления национальной и классовой ненависти, партийные и церковные патриотизмы, и т. д. Всё, покрытое престижем социальной силы, ставится отдельно и как бы вычитается из нормальных связей.

Тем же ключом мы пользуемся, когда уступаем притягательной силе удовольствия.

К нему же прибегаю и я, когда откладываю со дня на день исполнение какой-то обязанности. Я это чувствую вполне отчетливо. Я отделяю обязанность от течения времени. Это одна из причин, делающих течение времени столь болезненным для меня.

Нет ничего желаннее, как выбросить этот ключ. Бросить на дно колодца, откуда уже не достать. Только нельзя просить <ни> силы на то, чтобы его выбросить, <ни> чтобы нас заставили это сделать. Это область оставлена за сотворенным существом, и Бог самым актом творения запретил Себе вступать в нее. Просить у Бога помощи в этой области было бы грехом искушения Его.

[N. В. Три вещи, которые не надо делать. Просить у Бога естественного хлеба²⁵⁷⁶. Ибо дать нам его, или не дать — зависит от слепой необходимости. Просить Его о вмешательстве в области, оставленной на волю сотворенных существ. И желать социального престижа, который принадлежит дьяволу.]

[ms. 84] Отбросить ключ, отбросить перстень Гигеса²⁵⁷⁷ — это усилие, которое должна сделать воля; это слепой и болезненный путь из Пещеры на волю.

Пока перстень у нас на руке — мы в Пещере, и воображать, будто мы снаружи — жалкая и опасная иллюзия.

Это <и> мой случай.

Мои проступки, к сожалению, способны повредить другим, но для меня самой они очень полезны как явное и бесспорное доказательство того, что я — в Пещере.

Перстень Гигеса, превращение в невидимку, это и есть откладывать в сторону. Откладывать в разные стороны мое «я» и преступление, которое я совершаю. Не устанавливать связи между ними. Я — есмь, а преступление делается <как бы само>²⁵⁷⁸.

Откладывать в разные стороны полезно, но несколько по-другому. <Думать> не так: «Я есмь, — и пишутся прекрасные стихи, и делаются дела милосердия, и т. п.», а наоборот: «Меня нет, — а эти дела делаются».

Что до преступления, оно делается, это правда; и насколько я принуждаю себя поставить свое «я» в связь с преступлением, я разрушаю «я» в себе, я понижаю часть «я» до уровня материи. Вот когда раскаяние становится источником оправдания²⁵⁷⁹.

[ms. 85] Гигес. Я стал царем, а другой царь убит. Между этими двумя событиями никакой связи. Вот <каково действие> перстня.

Владелец завода: я предаюсь таким-то и таким-то дорогостоящим развлечениям, а мои рабочие прозябают в нищете. Можно совершенно искренне жалеть своих рабочих, при этом не устанавливая никакой связи <между первым и вторым>.

Ибо никакая связь не устанавливается, если мышление ее не производит. Два и два будут оставаться парами вплоть до бесконечности, пока мышление их не сложит, чтобы получилось четыре.

Мы не можем терпеть людей, которые стараются убедить нас в таких связях, которые мы сами не хотим устанавливать.

Устанавливать в аналогичных вещах тождественные связи между гомотетическими элементами, — даже когда одни из этих вещей касаются меня лично, или даже являются для меня объектами привязанности, а другие — нет. В этом и заключается справедливость.

Так понимаемая, эта добродетель находится в точке касания естественного со сверхъестественным. Она относится к области воли и ясного понимания²⁵⁸⁰, то есть, к области Пещеры (ибо наша ясность есть темнота); но мы не сможем ее сохранить, если она не перейдет в свет.

Естественные добродетели, если мы говорим о добродетелях в подлинном смысле, т. е. исключая социальные имитации добродетелей, могут присутствовать в качестве постоянного поведения только у того, кто имеет в себе сверхъестественную благодать. Их длительность имеет сверхъестественный характер.

[ms. 86] «Тот, кому мало отпускается, мало любит»²⁵⁸¹. Это сказано о том, в ком большое место занимает социальная добродетель. Благодать находит в нем мало свободного места. Послушание Большому зверю, имеющее сходство²⁵⁸² с добром, — вот что такое социальная добродетель.

Ἡ δικαιοσύνη ἀριθμὸς ἰσάκεις ἴσος.

Справедливость есть число равным образом равное²⁵⁸³.

Это означает следующее: установить идентичные отношения между гомотетическими элементами в аналогичных вещах.

$$a/b = a'/b'$$

$$a/b \times a'/b' = \text{квадрат.}$$

Или еще: $ab' = a'b$, как выражение пропорции.

Во всяком случае речь должна идти об этом.

Такова геометрия, имеющая великую власть между богами и людьми.

Ожидание близкого конца мира сформировало всё поведение первоначальной Церкви. Они считали, как это было естественно, распятие самой крайней точкой²⁵⁸⁴ рас-сотворения, и поверили, что, следовательно, Воплощение принципиально одно²⁵⁸⁵. Они поверили, что должны возвещать факт, предвестие которого видели своими глазами²⁵⁸⁶ (или слышали от тех, кто видели), а именно, факт близкой кончины [ms. 87] мира. Они чувствовали на себе долг спешить с распространением этой вести. Не поверивший ей, как они считали, пренебрегал достижением совершенства, ибо не имел необходимого стимула, и, следовательно, был погибшим. Требовалось привязать людей к их вере, чтобы поставить их перед лицом этого устрашающего факта кончины мира. (К которой иные уже были подготовлены; см. Четвертую эклогу²⁵⁸⁷.) [Это чем-то похоже на сегодняшних коммунистов, с их верой в неотвратимость мировой революции. Тот, кто в нее не верит и уже сейчас не подчиняется ей мысленно, кто не делает ее предметом своих устремлений, тот <по их вере> будет осужден, то есть, уничтожен революци-

ей, когда она произойдет.] Эта вера в близкий конец света производила в них то «забвение огромного расстояния, отделяющего благое от необходимого»²⁵⁸⁸.

(К тому же, будучи евреями, они имели в крови слепую ненависть к тому, что считали идолопоклонством.)

И сегодня, когда мы вынуждены отделять идею Крестной смерти от идеи Конца мира как ее непосредственного последствия, Церковь в основном сохраняет свое первоначальное поведение — в точности как первые автомобили сохраняли форму экипажей. Только у Церкви это длится гораздо дольше.

Вера в непосредственную близость конца мира навязала²⁵⁸⁹ христианство Великому зверю.

(Когда она прекратилась?²⁵⁹⁰)

«...каково расстояние между природой необходимого и <природой> благого».

При этом нельзя быть приверженцем того, [ms. 88] чего не существует. К примеру, нельзя быть сторонником восстановления династии Каролингов на французском троне. Или приверженцем религии катаров. Или принадлежать к ордену тамплиеров.

Мысль, что нечто, не существуя вообще, может быть добрым, невозможна и неприемлема. Это подчинение Великому зверю.

Июль <19>40²⁵⁹¹.

Те, кто сегодня верят, что одна из противоборствующих сил стоит на стороне добра, верят, что она одержит победу.

Видеть, что добро, которое мы любим как таковое, ближайшим ходом событий обречено на поражение, — боль невыносимая.

«Гений всегда пробьет себе дорогу». Покорение Великому зверю²⁵⁹².

Сила духа коммунистов проистекает из того, что они устремлены не только к тому, что они считают благом, но к тому, что, как они верят, совершится неотвратно и в ближайшее время. Так они могут, не будучи святыми — им очень далеко до этого — переносить такие опасности и страдания, какие, если бы речь шла о чистой справедливости, вынес бы только святой.

В некоторых отношениях умственный настрой коммунистов имеет много аналогичного с умственным настроением первых христиан.

Эта эсхатологическая пропаганда прекрасно объясняет преследования первого периода.

[ms. 89] Мысль о благе предполагает направленность на будущее. Эти умонастроения, эти верования придают будущему плотность прошлого, настоящего, совершившегося действия.

Удивительное распространение христианства объясняется, с одной стороны, динамизмом, присущим эсхатологической вере, когда она достаточно крепка и когда ей благоприятствуют, как в данном случае, и внешние обстоятельства.

С другой стороны, — тем фактом, что христианство, при всей несомненной оригинальности, не было вещью совершенно новой, но, напротив, законным наследником всего блага, разрушенного Римской империей, которого люди по-прежнему жаждали.

Эта всеобщая жажда была удовлетворена откровением, обращенным ко всем народам, — как в отдельном человеке жажда блага утоляется, наконец, вдохновением <свыше>. Эта отсутствие, эта пустыня, конечно, не осуществили, но вызвали, привлекли, сделали возможным то нисходящее движение, которое произошло в Иудее в царствование Тиберия²⁵⁹³.

Если бы в наши дни силам тьмы удалось телесно уничтожить христианство, можно с большой долей вероятности представить, что через несколько поколений произойдет новое откровение. (Всего через несколько веков.)

Требуется ли откровение воплощения? Откровение Израиля и откровение ислама этого не предполагают. Но Осирис, Дионис, Кришна, Мелхиседек... (А внутри самого ислама разве не существует происходящих из Персии тайных верований?) Это зависит, может быть от уровня откровения?

[ms. 90] К большому сожалению, сейчас нет варваров, чтобы влить в новую веру новую кровь.

С нынешним человечеством происходит как с человеком, в котором несчастье извне частично убило «я». Текущие события уничтожают во всем человечестве ту часть энергии, которая могла бы быть преобразована в энергию духовную, и эта потеря невозполнима. Текущие события суть несчастье, и оно неустраимо. Подобаает созерцать всю горечь этого несчастья, не ища утешения, и любить Бога как творца всего, что есть, и в том числе этого несчастья, и как творца одного лишь блага.

В отношении добра и зла, может быть, и уместно упрекать манихеев за то, что они ослабили непроницаемость тайны тем, как они ее излагали. Но католики, за исключением тех, кто достиг духовных вершин, своим понятием о Провидении и, особенно, своим представлением о «добром Боге»²⁵⁹⁴ ослабили ее намного больше.

(Единственное грубое заблуждение манихеев — вера в то, что Христос не имел тела из плоти; но была ли она у них общей для всех?)

[ms. 91] Жажда блага никогда не бывает бесполезной, не только когда мы говорим об отдельном человеке, но и обо всей совокупности <людей>²⁵⁹⁵. Благо, которое совершается для человечества за такой-то период (это слово — «период» — труд-

но определить), математически равно сумме всех жажд блага во всех людях, живших в течение этого периода.

Таково простое убеждение, которое надо держать в голове, но нисколько к нему не привязываться. Это было бы опасно. Меньше вреда было бы отказаться от него. Отрешиться от духовного блага.

«Он не смотрел на равенство с Богом как на добычу»²⁵⁹⁶.

(Сотворение, воплощение, вдохновение — для трех Лиц Троицы составляют одно и то же действие, аналогичное тому, чем для человека является отрешение²⁵⁹⁷. — Но такие взгляды весьма рискованны.)

Заметь, что ἡ οἰκουμένη²⁵⁹⁸ во времена Христа означала Римскую империю²⁵⁹⁹. И что все страны, ставшие христианскими — Америку оставляем в стороне, как случай колонизации в античном смысле²⁶⁰⁰; то же и Австралия, и т. д. — суть части или прежней Римской империи, или империи Византийской и германской Священной Римской империи, которые были ее преемницами. Кроме единичных исключений, как Эфиопия. Случай России...²⁶⁰¹ Армении? (Она тоже одно время была подвластна Риму.)

Народы, среди которых Рим не смог внедриться — нумидийцы, арабы, Сирия²⁶⁰², Персия — исповедуют мусульманство.

Правда, Германия, скандинавские страны... Но Священная Римская империя тоже происходит от прежней Римской империи²⁶⁰³.

[ms. 92] В Новом Завете сказано: τῇ κτίσει²⁶⁰⁴. Но это, быть может, результат неверного понимания. Могло быть, что Христос сказал только: ἡ οἰκουμένη. И это ошибочное понимание, несомненно, имело в основе эсхатологическое верование. Конец мира, как факт, который должен был произойти одновременно для всего творения, следовало возвестить всему творению, чтобы оно приготовилось к нему²⁶⁰⁵. (Апостол Павел, говоря о новой вести, проповеданной всему творению, без сомнения, ду-

мает не о всемирном откровении вечных истин; несомненно, он хочет сказать, что эта самая новая весть обращена ко всему творению, и надеется, что она распространится с чудесной быстротой.) Нельзя было с одним и тем же отношением думать, что откровение говорит о факте близком и имеющем всеобщее значение, или об истинах трансцендентных и вечных, которые могут по-разному преломляться в сознании разных народов. Мессианский настрой евреев содействовал этой иллюзии.

Церковь упустила из рассмотрения слова: «Я послан только к потерянным овцам Израилевым»²⁶⁰⁶. Ей нужно было произвести перенос, заменив Израиль на ἡ οἰκουμένη, в смысле, принятом в то время²⁶⁰⁷.

Во всяком случае, на это, кажется, указывают факты.

Действия, чья неудача для нас невыносима. В случае неудачи мы повторяем их снова и снова, пока не положим этому конец [ms. 93] ценой страшной боли²⁶⁰⁸ (<примеры:> мольбы Овидия; я и Б<орис>). Это те действия, в которых мы расходуем, ради достижения результата, большее количество энергии, чем то, каким можем естественным образом располагать.

То есть, в погоне за результатом мы отрываем от себя вегетативную энергию, и тем самым, посредством вегетативной энергии, сами цепляем себя на крючок этого результата.

В таком случае результатом будет: или возрастание по экспоненте расхода энергии и такая вегетативная привязанность, которая по экспоненте же будет превращаться в рабство; или, если усилие воли или обстоятельства отсекут эту привязанность, — частичная смерть «я» (не лучшего рода²⁶⁰⁹). (В худшем случае — полная смерть «я»). Или явления зеркального поворота, озлобления, ненависти, мести, отвращения (последнее — в случае, если искомый результат достигнут).

Итак, нужно с большой осторожностью следить за тем, чтобы никогда не отнимать у себя вегетативную энергию ради какого угодно результата — будь то служба Богу, спасение души, спасение собственной страны, и любое другое дело на свете.

Еще с большей очевидностью это касается собственной выгоды.

Идет ли речь о малых или больших затратах энергии, ее следует брать из запаса энергии добавочной и незанятой, и уделять вещам, относительно которых ум может составить вполне определенное представление, а воля — сделать определенный выбор. В этом необходимое условие блага, и часто это бывает очень трудно. Но [ms. 94] производится благо не этим.

То, чем производится благо, есть внимание, направляемое с любовью ко благу непредставимому, приблизиться к которому не в наших силах, внимание, сопровождаемое поступками, где выбор делается только путем устранения <негодных вариантов>, таким же образом, как поэтическому вдохновению сопутствуют рифмованные слова. Есть отдача энергии, и следовательно — усилие, но усилие, которое мы сами не производим, а оно само производится в нас — как роды. Такие усилия, приводят они к успеху или нет, всегда и целиком полезны. Когда такая отдача энергии, идущая всегда вглубь, начинает забирать вегетативную энергию, человек проходит через ворота и вступает на путь совершенства, которое делает его способным к искупительной боли.

Как — для поддержания вегетативной энергии — узнавать, что мы не зашли слишком далеко, что мы не отрываем от себя вегетативную энергию? Это просто. Следует обращать внимание только на уместность²⁶¹⁰ или необходимость поступка (необходимость или в узком смысле, или в смысле обязанности), а не на результат²⁶¹¹. Мы сочли такой-то результат желательным, без этого выбор был бы невозможен. Но, сделав этот выбор один раз, следует сосредоточиться не на образе того события, которое мы считаем желательным, но на мотивах, определивших наш выбор, которые <в свою очередь> [ms. 95] образованы отношениями. Мысль об отношениях, являющаяся познанием второго рода²⁶¹², и которую разрушает изнурение, не оказывает воздействия на вегетативную энергию²⁶¹³. Итак, в зависимости

от случая, мы или употребляем энергию, находящуюся в нашем распоряжении²⁶¹⁴, и не заходим дальше этого, или — если к осознанному выбору прибавляется вдохновение (предположим, мы способны на вдохновение), тогда мы присоединяем к наличной энергии то, чем обладаем²⁶¹⁵ — если мы вообще этим обладаем — духовную энергию, перенесенную сверхъестественным образом.

И как узнать, что мы еще не исчерпали до конца наличную энергию, что мы допускаем грех лености? Надо полагать, что это случай, когда, рассматривая то, чего мы не сделали, мы испытываем угрызения совести. Трудно найти другой критерий.

И вообще: если несделанное оставляет у нас неприятное чувство, вызывает соблазн внутреннего обмана, искушает воспользоваться ключом послабления, перстнем Гигеса.

Дела, реально выполненные, но воображаемые по своей сути. Каким образом они определяются? (А такие же поступки других по отношению к нам?)

Послабление²⁶¹⁶. Какую степень послабления можно себе позволить? Ту, при которой внимание не отвращается — во всяком случае, внутренне — от сверхмысленного блага. Совместимую с тем, что св. Хуан де ла Крус называет внутренней непрерывной молитвой²⁶¹⁷ (которую мы, однако, никогда не осознаем).

[ms. 96] Сходство между верхом и низом в обратном порядке, равноценность уровня между противоположностями. Рассматривать еще.

[На полях против следующего абзаца:] «*Cahiers du Sud*».

Статья «Нравственность и литература»²⁶¹⁸. Недостающее звено: то, что наша реальная жизнь на три четверти состоит из воображения и выдумки. Контакты с добром и злом редки²⁶¹⁹.

| Посредство по Платону. С одной стороны, отношение, число, пропорция, мера, подобие, геометрия, гармония, порядок, смешение предела и беспредельного. В «Филебе» все это связывается с Прометеем — богом, распятым за то, что он похитил у Зевса и даровал людям духовный огонь²⁶²⁰.

С другой стороны, неистовство, исступление, оргия²⁶²¹ (слово многозначительное), восторг, инициация, эпоптия²⁶²². Все это связано с Дионисом, который есть тот же Бог, что и Осирис; а Осирис есть бог, который пострадал на земле, умер, воскрес и стал верховным судьей над умершими, которому становится тождественной, по уподоблению, душа каждого избранного.

Вырождение слова «оргия» — очень поучительно.

<Миф о> Пещере; двойная боль: боль от того, что приходится двигать давно затекшие члены, и от ослепительного света в глазах²⁶²³. «Федр»: укрощение непослушного коня и зуд в крыльях²⁶²⁴. Одно соответствует другому. Порядок, обратный лишь по видимости. Скованность членов — нерадение, инерция, *тамас*. Конь — вождение, *раджас*.

Дурной конь. Он тоже нужен, ибо это он влечет душу к прекрасному. Красота уловила его в свою западню. Три ночи из народной сказки...²⁶²⁵

[ms. 97] Дурной конь несется к прекрасному (какого бы рода ни было это прекрасное), чтобы насытить свою похоть. Его следует смирять болью; после этого он будет бояться прекрасного, вместо того, чтобы его вождеть²⁶²⁶. Его энергия, что влекла его к прекрасному, в условиях дрессировки встречает сопротивление, но в этот момент крылатый принцип уже начинает возрастать и даже зуд в крыльях влечет к прекрасному.

Сопротивление, которое нужно преодолеть, чтобы достичь прекрасного, может быть, и является критерием подлинности.

[На полях против следующего абзаца:] «Спасенная Венеция».

||†²⁶²⁷ Несчастье как разрушитель «я». — Оно разрушает реальность, похищает реальность у мира. Погружает в кошмар. Но соответствующее действие²⁶²⁸ тоже превращает реальность в грезу.

Существует ли закон подобия между обоими исходами²⁶²⁹ злодеяния: а именно, что тому, кто его творит, и тому, кто его претерпевает, оно приносит аналогичное зло?

И такой же закон относительно доброго дела?

Кажется, что действие — как язык. Как и произведения искусства, и т. п.

Действием мы нечто сообщаем.

Отразить это в «Спасенной Венеции».

Вообразим, что по рассказам тех, кто выбрались из Пещеры, а потом вернулись туда, обитатели Пещеры сочинили повести, волшебные сказки о внешнем мире, — может быть, очень похожие на реальность, — а одна из тамошних игр состояла в том, чтобы закрыть глаза и сказать: «Я вижу солнце!» — и доходило даже до коллективных галлюцинаций... В конце концов, эта игра побудит некоторых выйти из Пещеры. Но многих других она удержит там. И представим, что играющие в эту игру, жалея других, говорят: «Идите к нам, мы покажем вам солнце!» И говорят это даже тем, кто на самом деле выходили и видели солнце, но рассказывают о нем иными словами, чем принято в их игре!..

[ms. 98] Некоторые действия дают сознание того, что другие существуют. — А есть действия, которые подавляют это сознание. — Не только жестокость. — Также и дела постыдные²⁶³⁰.

Огонь у Гераклита, поскольку «на него обмениваются все вещества»²⁶³¹, есть энергия.

В Боге это энергия Бога.

Огонь существует в мире; но молния есть энергия трансцендентная²⁶³².

Говорить, что Бог мыслит Сам Себя²⁶³³, значит, говорить:

1) что Он есть не что иное как мысль;

2) что Он не мыслит никакую иную вещь, кроме Себя.

Все утверждения относительно Бога имеют своим истинным смыслом отрицания.

Три Лица. — Бог есть субъект настолько, что Он является субъектом даже в качестве объекта, и в качестве связи между субъектом и объектом. (Истинное откровение Моисею — это момент, когда Бог говорит ему: «Ты скажешь, что пришел от Бога, Который называет Себя: Я есмь»²⁶³⁴.) Это мы разделяем «я» и «меня», но Божье «Меня» — это тоже «Я». Во всех возможных отношениях, Он постоянно есть Тот, кто говорит: «Я».

История Лопе де Вега («Лучший алькальд — король»), эпизод с «Yo»²⁶³⁵. Перенесенная в миф, она становится ясной. Государь, который объявляет о себе, передавая через слугу: «Ты скажешь, что тот, который находится здесь, это — я». — И местный сеньор, ложно присвоивший себе верховную власть, который отвечает, что только он в этой стране имеет право называть себя «я». — Потом, поняв, что это король, он падет на колени; но за свои преступления будет казнен смертью.

[ms. 99] «Я был голоден, и вы накормили Меня»²⁶³⁶. — Когда же это было, Господи? Они не знали Его. Его нельзя знать.

Мысль Бога не должна вставать между нами и творениями. Она не должна делать контакт менее прямым. Напротив, через нее контакт должен быть еще более прямым.

Истинная цель не в том, чтобы видеть Бога во всех вещах, но чтобы Бог сквозь нас видел все вещи, которые мы видим. Бог должен находиться со стороны субъекта, но не со стороны объекта во всех интервалах времени, когда, оставляя созерцание света, мы подражаем нисходящему движению Бога, чтобы обратиться к миру.

Следует помогать ближнему не ради Христа, но через Христа. Чтобы наше «я» исчезало, и не мы, а Христос посредством

наших души и тела, помогал ближнему. Быть рабом, которого его хозяин посылает отнести такое-то вспоможение такому-то несчастному. Вспоможение исходит от хозяина, но предназначено для несчастного.

И вообще, «ради Бога», «для Бога» — выражение неудачное. Не надо ставить Бога в дательном падеже.

При молитве и созерцании вся душа должна умолкнуть и вынести пустоту, чтобы деятельной оставалась только сверхъестественная часть души, деятельной в пустоту, подвешенной в высшей точке всей энергии, имеющейся в душе.

Во все прочее время — нужно, чтобы Бог одновременно присутствовал и отсутствовал в естественных частях души, обращенных вовне, так же, как Он присутствует и отсутствует в творении.

Разница уровня: они одинаковы в мироздании и в душе, в макрокосме и в микрокосме.

[ms. 100] Когда хозяин посылает раба отнести вспоможение несчастному, не скажешь, что эта помощь адресована хозяину. Она предназначена несчастному, она исходит от хозяина. Что же касается раба, то он не причем.

Христос пострадал не ради своего Отца. Он пострадал ради людей по воле Отца.

Нельзя сказать, что раб, который по приказу отнес милостыню, сделал это для своего хозяина. Он ничего не сделал. Даже если он шел к этому несчастному босиком по дороге, утыканной гвоздями. Да, он страдал. Но он ничего не сделал. Потому что он раб.

«Мы — непотребные рабы»²⁶³⁷; это и значит: мы ничего не сделали.

Чтобы быть только рабом, должно помогать ближнему только тогда, когда нас принуждает к этому ясное видение необхо-

димости, то есть, безоговорочно-строгого долга, или когда к этому неотвратимо направляет трансцендентное влечение²⁶³⁸. Бывает также, что в душе возникает естественное желание помочь; тогда следует пристально рассмотреть, не предвидится ли из этого какое-то большое отрицательное последствие, и если нет, уступить желанию. Кроме этих трех случаев, делать ничего не надо.

Если — [этого надо опасаться, прежде всего, в первом случае, или, может быть, в нем одном, если речь идет только о малодушии] если раб не бежит исполнить приказанное по первому слову хозяина, хоть бы даже по [ms. 101] гвоздям, его следует приучать к этому хлыстом и кусочками сахара, но больше — хлыстом.

Приказы хозяина даются или как правила, установленные раз и навсегда, или живым голосом. Это соответствует двум первым из перечисленных случаев²⁶³⁹.

Раб не обязан натаскивать себя сам: его натаскивают хозяева. Здесь есть трудность, которую надо тщательно изучить, — источник новых познаний по этой части. Надо просто, чтобы раб дал себя натаскивать.

Когда я допускаю явный проступок, он происходит от некоего конечного количества соответствующего зла, которое живет во мне и неминуемо выходит наружу, покуда не будет изжито. Итак, я должна бы радоваться этому проступку. Но на самом деле, радоваться можно, только если это зло, выйдя из меня, не вернется обратно. А это производится раскаянием. Раскаиваться и означает мыслить об этом, мыслить всей душой²⁶⁴⁰.

РАДОСТЬ (ЧИСТАЯ РАДОСТЬ ВСЕГДА БЫВАЕТ РАДОСТЬЮ О ПРЕКРАСНОМ) ЕСТЬ ЧУВСТВО РЕАЛЬНОСТИ. ПРЕКРАСНОЕ — ЗРИМОЕ ПРИСУТСТВИЕ РЕАЛЬНОСТИ.

ИМЕННО ОБ ЭТОМ, И НИ О ЧЕМ ДРУГОМ, ГОВОРIT ПЛАТОН: τὸ ὄν²⁶⁴¹.

ОБ ЭТОМ САМОМ Я ДУМАЛА В ДВАДЦАТЬ ЛЕТ, КОГДА ПИСАЛА «МОЛНИЮ», НО Я НЕ ЗНАЛА, ЧТО ПЛАТОН <имел в виду> ЭТО²⁶⁴².

РЕАЛЬНОЕ ПРИСУТСТВИЕ.

|| Не идти к ближнему ради Бога, но пусть Бог посылает нас в сторону ближнего как лучник посылает стрелу в мишень. Быть орудием контакта между ближним и Богом, как ручка между мной и бумагой.

[ms. 102] Бог присутствует в мироздании тремя способами, соответствующими трем Лицам <Троицы>. Присутствие через сотворение. Присутствие для человека в качестве объекта: порядок мира, Душа мира, воплощение. Присутствие в душе: вдохновение. Присутствие через сотворение имеет плотность, равную со всеми феноменами и всеми возможными отношениями между феноменами. Присутствие через вдохновение — только в молчаливой²⁶⁴³ части души. Я не могу представить места для присутствия намерения²⁶⁴⁴ в отдельных вещах.

Присутствие через вдохновение влияет на все части <человеческого> существа, душу и тело, сообразно с природой и по законам, свойственным каждому из них; но, влияя, не нисходит <в них, как в части>.

Чудеса, стигматы и т. п. Бог вступает в контакт со сверхъестественной частью души. По опыту известно, что этот контакт сопровождается психологическими феноменами. И по опыту известно, что эти психологические феномены сопровождаются феноменами в сфере нервной деятельности. А производят ли иногда эти нервные феномены, посредством их собственного механизма, феномены физиологические? Или мы предпочтем думать, что Бог нуждается в ином, отдельном, деянии, чтобы воздействовать на тело одновременно с воздействием на душу, но независимо от последнего? Не абсурдно ли это?

Чудесная видимость этих фактов побуждает кого-то верить. Конечно, это происходит по воле Бога. Можно говорить это с

уверенностью, и не потому, что это благо (что очень сомнительно), но просто потому, что это есть. Но [ms. 103] этот эффект убеждения производится чудесной видимостью, и нисколько не нуждается в том, чтобы чудо было реальным.

Бог вверил все феномены без исключения механизму этого мира.

А вдохновение, как феномен? Вот где большая загадка.

ПРЕКРАСНОЕ — МАТЕРИАЛЬНОЕ ПРИСУТСТВИЕ РЕАЛЬНОГО. ТРАНСЦЕНДЕНТНОЙ РЕАЛЬНОСТИ. ИБО НАМ ДАНА ТОЛЬКО НАРУЖНОСТЬ. Τὸ ὄν.

(Куб, в некотором смысле трансцендентный²⁶⁴⁵. И существуют кубы кубов.)

Справедливое отношение к Богу в созерцании — любовь, в действии — рабское служение. Не смешивать. Действовать, как подобает рабу, при этом созерцая с любовью, но не действовать ради того, что мы любим.

Все, что делаю я, — плохо, всё без исключения, включая доброе, потому что «я» — это плохо.

Чем больше исчезаю я, тем больше присутствует в этом мире Бог.

PI²⁶⁴⁶ | Этот вывод из геометрии, который Платон не раскрывает в «Государстве»²⁶⁴⁷, фраза из «Филеба» (πάντα καλά...) ²⁶⁴⁸ указывает, что это то же, о чем говорит и «Пир»: созерцание красоты²⁶⁴⁹ математики. Это ἀνυπόθετος²⁶⁵⁰. Это, пользуясь словарем Генона, реализация²⁶⁵¹, соответствующая математической теории. Мистика математики. Так сходятся два пути, путь Прометея и путь Диониса²⁶⁵².

[ms. 104] Критерий реального. Это <присутствие> необходимости повсюду, в каждом порядке реальности. Есть много

дорог, чтобы добраться до Парижа. Но между ними всеми есть нечто общее. Например, все они должны или долго идти на восток, или пересечь Луару. Если я думаю, что сяду на корабль, поплыву на юг, и судно причалит в Париже, это может сбыться разве что в мечтах. Перемещение из одного места в другое включает в себе определенные необходимости в порядке прохождения этапов пути.

(Необходимость иная, нежели необходимость математическая, но сходная.)

Описания маршрутов, карты — это еще и средство различения.

Таковы и описания мистических опытов, если мы способны извлечь из них эту пользу.

(Например, образ Пещеры указывает, что начинать приходится всегда через боль, смятение, нащупывая дорогу вслепую и без успеха, в усилиях подчас безнадежных²⁶⁵³. Если человек с того момента, когда он повернул свою мысль в сторону блага, получал одни утешения, это уверенно свидетельствует, что его направленность ко благу почти целиком состоит из грёз. Полно примеров.)

Путей отсюда до Парижа — бесконечное множество, и такое бесконечное, которое имеет силу континуума; и при этом сумма этих путей есть вещь ограниченная. (Гораздо больше путей, которые не ведут в Париж.)

То есть, это множество определено ограниченным условием.

[ms. 105] (...) КОНСТАТАЦИЯ в математике. Ἀνυπόθετος. *Априорные факты. В чем заключается предпочтительная ценность априорных фактов?*

Кубы. Кубы кубов, и т. д. Кубы в n -ной степени.

Аналогичное использование математического понятия бесконечного²⁶⁵⁴.

Постичь — взять сущее щипцами²⁶⁵⁵ отношения.

Кубы, кубы кубов и т. д. Все более и более реально, вплоть до Бога. Только из этого опыта можно констатировать, что Он реальнее всего, иначе это остается пустым словом.

[ms. 106] | Противоположности и противоречия. Что дает соотношение противоположностей для рассмотрения природного бытия, то же дают противоречия, мыслимые вместе (мыслимые поистине вместе), для созерцания Бога.

Диалектика — это кубы кубов кубов... и т. д. вплоть до Бога.

Закон фетишизма: если порезать палец, течет кровь; если нарушить закон, следует кара. Необходимость вместо наказания, подражание естественным законам. Идея, вновь обретенная Руссо²⁶⁵⁶.

Верование в то, что не надо носить раненого или больного, так как демоны болезней любят уход, и что, если раненый, когда его несут, умирает, значит, он еще раньше продал себя злой силе и, стало быть, его смерть — благо.

Попытка заполнить расстояние между необходимым и благом.

РІ | Расстояние между необходимым и благом. Предмет для бесконечного созерцания. Великое открытие Греции. Поистине, это ведь падение Трои научило их этому?

Любая попытка оправдать зло чем-то иным, кроме: «Это есть», — грешит против истины.

| Сокрытое более реально, чем явное — и так по всей лестнице от наименее до наиболее сокрытого.

[ms. 107²⁶⁵⁷] «Это непроявленное, но через него проявляется то, что есть»²⁶⁵⁸. Можно сказать это о кубе, в его восприятии, и так ближе и ближе, до самого Бога.

Это не по мне — любить Бога. Пусть Бог любит Себя через меня.

Каждое мыслящее сотворенное существо, достигшее совершенного послушания, представляет особенный, единственный, неподражаемый, незаменимый способ присутствия, познания²⁶⁵⁹ и действия Бога в этом мире.

Понимать эту ценность послушания и не измениться вследствие этого — разрушить нечто бесконечно-дорогое.

Для меня непостижимо, чтобы Бог меня мог любить, когда я столь явственно чувствую, что даже у людей единственным чувством ко мне может быть презрение. Но мне нетрудно представить, что Он любит эту перспективу творения, которую можно иметь только с той точки, где я нахожусь. Но я стою²⁶⁶⁰ в качестве экрана. Я должна отойти в сторону, чтобы Он мог видеть это творение.

Те, чей внутренний взгляд не направлен на источник благодати, так, чтобы они могли воспринимать свет, могут, тем не менее, реально соприкоснуться с Богом, если некая чудесная встреча сделает их объектом действия со стороны сотворенного существа, которое в своем совершенном послушании станет простым²⁶⁶¹ средством этого контакта.

Я должна отойти, чтобы Бог мог соприкоснуться с существами, которые случай поставил у меня на пути, и которые Он любит. Мое [ms. 108] присутствие бестактно, как если бы я оказалась между двумя влюбленными или двумя друзьями.

Что толку, что во мне есть энергия, таланты и т. д.? Но их, во всяком случае, мне этого хватит, чтобы исчезнуть.

Перестать существовать силой любви.

Привилегированная роль интеллекта в подлинной любви исходит из того, что по своей природе интеллект такая вещь, которая как бы сглаживается собственной работой. Я могу сделать усилие навстречу истинам, но когда они здесь — они существуют, а я уже не при чем.

Поэтому путь к Богу через «куб в кубе» — путь совершенный.

Чтобы достичь совершенного послушания, надо употреблять волю, надо делать усилие вплоть до того, что мы исчерпаем в себе самих конечное количество несовершенства того рода, который соответствует усилию и воле. Усилие воли должно действовать на это конечное количество несовершенства так, как точильный круг действует на кусок металла. После этого не остается ни усилия, ни воли. Всё, что, когда мы находимся на уровне воли, предстает нам как сопротивление, которое надо преодолеть, как инерция, усталость, — всё это, когда мы переступаем определенный порог, становится страданием, которое мы претерпеваем пассивно; и движения становятся действиями не в большей мере, чем неподвижность. Вот здесь и начинается настоящее послушание.

[ms. 109] Представление о долге полезно тем, что упражняет волю в этом труде на износ. Кто пришел к концу зла, <для того> уже не существует долга²⁶⁶².

Это не препятствует ему сообразовывать поведение с долгом. Ибо, с одной стороны, ничто в нем не противится исполнению долга, а нечто влечет к этому неудержимо, а именно, мысль о тех, что стоят на более низкой ступени и нуждаются в примере. Может быть, влияют и другие факторы, но этот — во всяком случае.

ПУТЬ ОТ КУБА К КУБУ. НАМЕТИТЬ ЕГО.

Ничто не стоит ближе к настоящему смирению, чем интеллект.

Невозможно хвастаться, гордиться своим интеллектом в то время, когда он по-настоящему делает свое дело. И в тот момент, когда он делает свое дело, ты к нему не привязан. Ибо знаешь, что, даже если в следующий момент ты сделаешься идиотом и останешься им до конца жизни, истина будет существовать.

Привязанность есть не что иное, как недостаток чувства реальности. Мы привязаны к обладанию вещью, думая, что если перестанем ею обладать, она прекратит существовать. Вот, женщина, проходя мимо очереди за продуктами, встала в нее, так как если бы она прошла мимо, рыба, которую распределяли, ей не досталась бы. Она подумала, что пища, которую не ест она и ее домашние, не существует. Многие люди не чувствуют всей своей душой, что есть хоть какая-то разница между уничтожением города и их безвозвратным далеким изгнанием из этого города.

[ms. 110] | Реальное для человеческой мысли есть то же, что и благое. Вот в чем тайный смысл предположения: Бог существует.

PI | У Платона переводить τὸ ὄν как «реальное».

Реальное есть Слово.

Единое есть = Отец, Сын, Дух. («Парменид» Платона²⁶⁶³.)

(В «Пармениде» переход от трех ко множеству²⁶⁶⁴ соответствует творению?)

PI |²⁶⁶⁵ ТОЖДЕСТВЕННОСТЬ РЕАЛЬНОГО И БЛАГА. НЕОБХОДИМОСТЬ КАК КРИТЕРИЙ РЕАЛЬНОГО. РАССТОЯНИЕ МЕЖДУ НЕОБХОДИМЫМ И БЛАГОМ. РАСПУТАТЬ ЭТО. ЭТО ИМЕЕТ САМУЮ ПЕРВОСТЕПЕННУЮ ВАЖНОСТЬ. ЗДЕСЬ КОРЕНЬ ВЕЛИКОЙ ТАЙНЫ.

Как только мы понимаем, что нечто — реально, мы больше не можем быть к нему привязаны.

Те, кто стремятся к своему спасению, не верят по-настоящему в реальность радости в Боге.

«Отрешением наслаждайся»²⁶⁶⁶. Нет ничего более истинного в буквальном смысле.

Чистая радость и чистое²⁶⁶⁷ страдание равно сопровождают ся непреодолимым чувством: этому невозможно длиться. Оно вот-вот исчезнет. Но само чувство в обоих случаях весьма различно.

[ms. 111] Уязвимость дорогих нам вещей — прекрасна, ибо уязвимость есть признак существования.

И когда небесная душа, связанная со смертным телом, страдает от лишения физического тепла или материальной пищи, — это прекрасно, и то утешение, которое она получает от физического тепла или материальной пищи, тоже прекрасно; ибо утешение есть еще более неопровержимый признак уязвимости, чем само страдание. Это испытал Миларепа. Итак, встретив голодного Христа, мы могли бы Его накормить с благоговением²⁶⁶⁸.

Благодеяние позволительно²⁶⁶⁹, и именно потому, что составляет унижение еще большее, чем причинение боли, потому, что составляет еще более интимный и несомненный опыт зависимости. А благодарность предписана — по той же причине, ибо именно в ней польза от факта полученного благодеяния. Но здесь должна быть зависимость относительно жребия²⁶⁷⁰, а не от определенного человеческого существа, как такового. Вот поэтому <заповедь> обязывает благодетеля совершенно отсутствовать в благодеянии. А признательность ни в малейшей степени не должна привязывать <получившего благодеяние к благодетелю>, иначе это будет благодарностью на собачий манер.

Благодеяние не уничтожает прежнего несчастья в качестве того, что прошло. Оно прибавляет к особому опыту зависимости, даваемому несчастьем, еще и другой опыт, свершившийся факт — новый и особый опыт зависимости, способный продвинуть нас в самопознании, если мы, получив благодеяние, сумеем извлечь из него <духовную> пользу.

Таким образом, склонность к помощи <ближнему> не противоположна тому, что мы принимаем возможность несчастья в качестве условия человеческого существования. Благодеяние составляет часть этого несчастья; и, как несчастье, оно ценно тем, что устанавливает контакт.

[ms. 112–119. Обширные выписки из книг Премудрости Соломоновой и Экклезиаста.]

[ms. 120. «Гимн к Земле» из «Ахтарваведы».]²⁶⁷¹

(...)

Комментарии к пифагорейским текстам

Статья «Комментарии к пифагорейским текстам»²⁶⁷² написана в местах и обстоятельствах, не весьма благоприятных для научного и литературного труда. Это был лагерь для перемещенных лиц Аин-Себа на окраине Касабланки (Марокко), где Симоне и ее родителям в конце мая 1942 года пришлось провести семнадцать дней, ожидая парохода в Соединенные Штаты. Беженцы ютились в тесных бараках, из мебели были одни койки и топчаны, и тех не хватало. На весь лагерь было лишь несколько табуреток, одну из которых заняла Симона, писавшая с утра до ночи. С собой у нее почти не было ни книг, ни тетрадей с многочисленными выписками из греческих философов: всё это осталось во Франции. Все или почти все цитаты в тексте делались по памяти, о библиографических ссылках, естественно, речи не шло.

Симона комментирует пифагорейские изречения, дошедшие до нас лишь во фрагментах и цитатах, не как историк философии, а как продолжательница и наследница древней традиции. По мысли Симоны, убежденной в изначальном и непрерывном воплощении Божьего Логоса в человечестве, всё подлинное и глубокое в философии, религии, науке и искусстве составляет общий поток Откровения, в который однажды, в критический момент истории²⁶⁷³, новой мощной струей вливается голос Христа; и как в реке смешиваются воды ее притоков, так учение Христа, если подойти к нему с правильным методом, — считает она, — окажется тождественно тому, что Откровение говорило чело-

вечеству изначально. Она целиком доверяет евангельской вести о Христе — Сыне Божьем, воплощенном Боге; и тем более вдохновляют ее параллели с мыслью пифагорейцев, Гераклита, Платона, стоиков, которые она усматривает в Евангелиях. Крепко держась за эти сближения как за свидетельства одной истинной мудрости, она пытается наметить некие универсальные принципы целостно-религиозного восприятия жизни. Ее христианство (которое иногда абсолютно ошибочно, с точностью до наоборот, сближают с гностицизмом) стремится совместить мистику с интеллектуальной строгостью, поэзию с математикой, любование красотой с упорством физического труда, полноту жизненной радости со столь же полным и безусловным приятием Креста. Во всем этом происходит некое бракосочетание человека с реальностью, которое становится его усвоением и уподоблением Богу — Богу единому в Троице, Богу личному и безличному, Богу воплотившемуся и распятому, Богу, воспеваемому в полный голос, и скрытому в тайне молчания.

Зрительное восприятие данного текста (как и вообще статей Симоны), к сожалению, затруднено тем, что она не делит его на главы, а ключевые мысли выделяет лишь настойчивым повторением. Изложение напоминает стенограмму урока, который рассчитан не на конспектирование, а на усвоение по памяти: так мог бы говорить с учениками учитель времен Лао-цзы и Сократа.

Надо подчеркнуть, что учение Симоны не только не имеет претензий на элитарность, но прямо противоположно ей: она хочет, чтобы рабочий у станка, крестьянин на пашне или домохозяйка на кухне, словом, решительно любой человек мог открыть в себе богослова, философа, подвижника и поэта, заимствуя мудрость, вдохновение, мужество из повседневного бытового опыта. Местами сквозь вдохновенный, но неотделанный, написанный в спешке текст бывает нелегко продрапать к этому ядру, но внимательный читатель сможет обнаружить его, удивляясь красоте, бесстрашию и благородству замысла.

Древние историки философии донесли до нас некоторые из пифагорейских формул, ясны и удивительные, как вот эта, которая, может быть, говорит и о телесной смерти, но несомненно — о беспристрастности: «Пусть тот, кто покидает страну, не возвращается»²⁶⁷⁴. Сравним у Луки: «Всякий, возлагающий руку на плуг и смотрящий вспять, не придет в царствие Божие»²⁶⁷⁵. И еще: «Входя в святилище, благоговеть, соблюдать молчание, не занимая себя ничем преходящим». «Тот, кто следует за божеством, прежде всего прочего, должен удерживать язык» (ср. в Послании апостола Иакова²⁶⁷⁶); «не рассматривай себя в зеркало, когда рядом горит светильник», что означает, возможно: не думай о себе, когда мыслишь о Боге²⁶⁷⁷; «не оскудевай верой по отношению ко всем чудесным вещам, касающихся богов и божественных учений»; «не терзай себе сердце»; «самое праведное дело есть жертвоприношение, самое премудрое есть число»²⁶⁷⁸. А этот афоризм звучит странно: «не раздробляй хлеб, ибо это будет не пользу тебе на суде в ином мире»²⁶⁷⁹.

Некоторые пифагорейские формулы кажутся весьма темными, как вот эта, которую Аристотель цитирует, оспаривая, с оттенком пренебрежения: «Справедливость есть число, помноженное само на себя»²⁶⁸⁰. Или другая, которую приводит Диоген Лаэртский: «дружба есть равенство, производимое гармонией»²⁶⁸¹.

Как обе эти формулы, так и множество других, приведенных выше, содержат в качестве ключевых понятия о среднем пропорциональном и о посредстве в богословском смысле, причем первое является образом второго.

Известно, что для пифагорейцев единица символизировала Бога. Множество свидетельств, среди которых слова Аристотеля, подтверждают то же самое и относительно Платона. Также и Гераклит — вопреки распространенному мнению, близкий в ряде отношений к пифагорейцам — говорил: «Единица, это единственное премудрое, хочет и не хочет называться Зевсом»²⁶⁸².

Пифагорейцы считали, что каждая из сотворенных вещей имеет своим символом число. Для данного случая неважно, как

они представляли это число и связь между числом и вещью. Некоторые из чисел связаны с единицей особым образом. Это числа, представляющие собой вторую степень, иначе говоря, квадрат. Посредством между ними и единицей является равенство соотношений. $1/3 = 3/9$.

Когда Сын Божий присутствует в разумном создании так, как присутствует Отец в Сыне, это разумное создание обладает совершенной справедливостью. Платон говорит в «Теэтете», что справедливость есть уподобление Богу²⁶⁸³. Подобие в геометрическом смысле означает пропорцию. Весьма загадочная формула пифагорейцев²⁶⁸⁴ и формула Платона, которая кажется ясной, имеют один и тот же смысл. Всякий праведник по отношению к Сыну Божьему становится тем же, чем Сын по отношению к своему Отцу.

Несомненно, эта идентичность соотношений в буквальном смысле невозможна. Однако совершенство, предлагаемое человеку, должно быть чем-то подобным, ибо и во многих формулах апостола Иоанна отношение учеников к Христу и отношение Сына к Отцу подчас выражается одними и теми же словами. Близость с математической формулой пропорции здесь очевидна.

То место в «Тимее», где говорится о пропорции, можно было бы интерпретировать как относящееся только к математике, если бы ряд ясных признаков не говорил об обратном. Во-первых, в самом тексте. «Самая лучшая связь есть та, которая наилучшим образом соединяет себя со связуемыми предметами»²⁶⁸⁵. Это условие может быть подлинно реализовано только тогда, когда и первый связуемый предмет, и сама связь — суть одно, то есть Бог. Эта интерпретация, впрочем, не является необходимой. Но Платон использует то же самое слово — «связь» — и в «Пире», чтобы дать определение посреднической функции Эрота между Божеством и человеком²⁶⁸⁶. К тому же Прокл говорит совершенно ясно: «Платон многие удивительные учения о богах излагает посредством математических форм»²⁶⁸⁷.

Еще яснее следующая фраза Филолая: «Ты можешь наблюдать мощь и природу числа не только в делах религиозных и

божественных, но также во всех делах и рассуждениях, во всех приемах различных искусств и в музыке»²⁶⁸⁸.

(Дела религиозные и божественные, если обратиться к «Пиру», суть то, что касается Бога как такового и как Посредника.)

Здесь все прозрачно, — как если бы Филолай сказал: «Неверно полагать, что математика применяется только для богословских размышлений. Она применяется, сверх того, в силу чудесного совпадения, и в делах человеческих — в музыке, в ремеслах».

Если слова из «Тимея» о пропорции, кроме видимого смысла, имеет также смысл богословский, он не может быть иным, нежели смысл столь схожих с ними слов Христа, переданных апостолом Иоанном²⁶⁸⁹.

Близость того и другого очевидна. Как Христа узнают в «Муже скорбей» у Исаии и во всех мессианских пророчествах Израиля, не менее ясно Его можно узнать и в этом среднем пропорциональном, о котором греки столь интенсивно размышляли на протяжении веков.

Итак, рассматривая целые числа, можно выделить два вида: с одной стороны, те, которые связывает с единицей некое среднее пропорциональное — 4, 9, 16 — и с другой стороны — все остальные. Если первые, по словам пифагорейцев, являются символами совершенной справедливости, мы сами, живущие во грехе, подобны остальным.

А что, если греки изобрели геометрию потому, что были вынуждены упорно искать посредства для этих несчастных чисел? Такое происхождение геометрии хорошо соответствовало бы приведенным выше словам Филолая, а также словам из «Послезакония» — труда, который, как мы чувствуем, весь пронизан устным учением Платона²⁶⁹⁰:

«То, что носит смешное название геометрии — поиск подобия²⁶⁹¹ в числах, не имеющих естественного сходства между собой, которое становится видимым в плоских фигурах — чудо, происходящее от Бога, а не от людей, как ясно каждому, кто способен мыслить»²⁶⁹².

Эти строки определяют геометрию как науку о том, что сегодня называется вещественным числом, примерами чего является квадратный корень из двух или из любого другого неквадратного числа. То есть, они определяют геометрию именно как науку об иррациональных квадратных корнях.

Понятие о подобии треугольников, приписываемое Фалесу, связано с пропорцией, но не с посредством. Оно включает пропорцию четырех членов: $a/b = c/d$.

За отсутствием документальных свидетельств мы не можем ни принять, ни отвергнуть возможность того, что Фалес, изучая эту пропорцию, имел намерение облегчить изучение посредства²⁶⁹³, т. е. пропорции с тремя членами: $a/b = b/c$.

При этом ясно, что если мы обладаем только знанием об условиях подобия треугольников, перед нами встает задача: найти среднее пропорциональное между двумя отрезками. Строго согласованные усилия мысли могут привести нас к тому, что задача будет переформулирована следующим образом: построить прямоугольный треугольник с данной гипотенузой и основной высоты.

Вписать прямоугольный треугольник в окружность, чтобы решить эту задачу — та самая теорема, ради которой, как говорят, Пифагор принес жертвы богам²⁶⁹⁴.

Была ли геометрия в своих первоначальных основаниях поиском посредства, или не была — в любом случае она подарила эту замечательную функцию посредства цифрам, которые от природы его не имели. Это чудо в течение долгого времени было, как передают, одной из главных тайн пифагорейства. Или, точнее, тайной была несоизмеримость членов такой пропорции. Ошибочно считается, что они хранили это чудо в тайне, поскольку оно опровергало их систему; но такая низость была бы недостойна их.

Слова ἀριθμός и λόγος были для них синонимами. Соотношения несоизмеримые они называли λόγοι ἄλογοι. Чтобы связать с единицей числа, не являющиеся квадратными, требуется посредство внешнее, не принадлежащее к области чисел, которое может выполнить эту функцию лишь ценой противоречия.

Это посредство между единицей и числом по внешности кажется чем-то низшим числа, чем-то неопределенным. Λόγος ἄλογος — разве не скандал, не бессмыслица, не нечто противоестественное?

Греки испытывали еще большее восхищение, как указывает «Послезаконие», от того, что находили в чувственно воспринимаемой природе это посредство как некую отметину, печать высшей правды. Например, в музыке. Гамма не содержит в себе среднее геометрическое как нота, но она расположена симметрично вокруг него; существует даже среднее геометрическое между нотой и ее октавой и между квартой и квинтой. Это видно из последовательности цифр 6, 8, 9, 12, так как $\sqrt{6 \times 12} = \sqrt{8 \times 9}$. Кварта и квинта сами суть два вида средних величин между нотами и октавой (так как $8 - 6/6 = 12 - 8/12$, и $12 - 9 = 9 - 6$).

Таков, согласно «Послезаконию», принцип музыкальной гармонии²⁶⁹⁵. В «Пире» говорится, что гармония есть идентичность отношений, ὁμολογία, термин, который в наиболее строгом смысле должен означать пропорцию²⁶⁹⁶.

Вся греческая наука, во всех своих отраслях, есть не что иное, как поиск пропорций то для трех, то для четырех членов. Так, например, греки открыли понятие функции, которое есть всего лишь понятие о двух множествах, изменяющихся пропорционально, и при этом непрерывно связанных фиксированным соотношением. Первым и самым ярким применением этого понятия в изучении природы явилась теория плавающих тел, сформулированная Архимедом — теория чисто геометрическая.

То, что мы, в нашей концепции мира, называем «законом», есть не что иное, как приложение к природе понятия функции.

Душой нашей науки является доказательство²⁶⁹⁷. Экспериментальный метод отличается от самого грубого эмпиризма разве что ролью, которую в нем играет дедукция. Из дошедших до нас документальных свидетельств создается впечатление, что греки, применяя открытую ими геометрию в исследованиях природы, первыми вывели доказательство за пределы области целых чисел. Удивительна, невыразимо упоительна мысль

о том, что именно любовь к Христу, жажда познать Его так развили у греков метод доказательства. Если бы соотношения линий и поверхностей изучались ими только в видах технического применения, не было бы необходимости в особой точности; они могли бы быть приблизительными²⁶⁹⁸.

Греки считали столь необходимой точность по отношению к божественным истинам, что даже в простом изображении этих истин было принято стремиться к максимальной определенности. Возможно, с самых давних веков люди считали, что целые числа могут служить образами божественных истин, по причине их совершенной точности и определенности и, в то же время, загадочности их соотношений. Но очевидность связей между целыми числами близка и сфере чувств.

Исследуя нечисловые пропорции, столь же точные, как те, чьими членами являются целые числа, греки обнаружили очевидность более высокого уровня. Тем самым они обрели для божественных истин еще более подходящий образ.

То, что привязанность греков к геометрии имела религиозную природу, видно не только из текстов, которые об этом свидетельствуют, но также из загадочного факта, что вплоть до Диофанта²⁶⁹⁹, ученого времени упадка, у них не было алгебры. Вавилоняне уже около 2000 года до начала христианской эры имели алгебру и уравнения с числовыми коэффициентами не только второй, но и третьей и четвертой степени. Можно не сомневаться, что до греков дошли сведения об этой алгебре. Но они не захотели ее усвоить. Их алгебраические познания, будучи весьма развитыми, полностью содержались в их геометрии.

С другой стороны, для них были значимы не результаты, не количество открытых теорем и их важность, но только строгость доказательств. Тех, кому не свойственно было такое состояние ума, презирали. Понятие вещественного числа, представленное посредством между любым числом и единицей, было темой доказательств не менее строгих и наглядных, чем доказательства арифметические, и в то же время неподвластных воображению. Это понятие побуждает разум осмыслить со всей четкостью

соотношения, которые он неспособен себе вообразить. Прекрасное введение в таинства веры!

Таким образом, можно представить эту иерархию определенности <знания>: от неопределенных и легко воспринимаемых мыслей, относящихся к чувственному миру, до мыслей полностью определенных, хоть и совершенно неуловимых, относящихся к Богу²⁷⁰⁰.

Математика двояким образом посредствует между теми и другими. Она находится как на промежуточном уровне определенности, так и на промежуточном уровне непостижимости. Она охватывает как бы в сокращенной форме <сферу> необходимости, управляющей чувственно воспринимаемыми вещами и образами истин божественных²⁷⁰¹. Наконец, она имеет понятие посредства самым своим центром.

Нетрудно понять, что греки, открыв эту поэзию, были по истине упоены ею; они вправе были видеть в ней настоящее откровение.

Сегодня мы уже не в состоянии осознать это в полной мере, ибо утратили представление о том, что абсолютная определенность²⁷⁰² подобает только истинам божественным. Мы ищем определенности в вещах материальных. В том, что касается Бога, нам достаточно веры. Да, конечно, простая вера может с успехом приобрести силу убежденности²⁷⁰³, будучи раскалена добела огнем коллективных чувств; но при этом она остается утвержденной лишь на общем веровании. Ее сила обманчива.

Наше разумение до того огрубело, что мы уже не в силах постичь, как можно иметь подлинную, строгую определенность знания в том, что касается тайн непостижимых. В подготовке к этому использование математики могло бы оказать бесценную помощь. В этом отношении она незаменима.

Строжайшая взыскательность, свойственная греческим геометрам, исчезла вместе с ними, и только в последние пятьдесят лет математики начинают к ней возвращаться. Она еще и сегодня остается для них всего лишь идеалом, подобным тому, какого в искусстве ищут поэты-парнасцы²⁷⁰⁴. Но это одна из тех тонких жил, по которым истинное христианство может заново просо-

читься в современный мир. Строгая взыскательность не есть что-то материальное. Когда эта взыскательность абсолютна, она — в математике — слишком очевидным образом непропорциональна своему объекту, т. е. количественным соотношениям, и своему положению — как нечто, не требующее доказательств, что возводит все теоремы к нескольким произвольно выбранным аксиомам. В математике эта взыскательность сама себя разрушает. Здесь, вероятно, мы когда-нибудь увидим ее действующей среди пустоты. В тот день она подойдет к своему краю: нужда в определенности встретится со своей истинной целью²⁷⁰⁵.

Божественное милосердие не дает математике потонуть в простой технике. Ибо там, где математика культивируется лишь на уровне техники, ей не удастся соответствовать даже этому уровню: пример такого опыта показывает Россия²⁷⁰⁶. Для чистой науки техническое, прикладное использование есть то, что получают только в придачу к главной цели, и никогда не получают, если ищут этого непосредственно. Благодаря этому провиденциальному устройению, в недрах нашей цивилизации, столь низкомерно материалистичной, сохранилось ядро теоретической науки, строгой и чистой. Это крепкое ядро есть одновременно и отверстие, через которое могут проникать дуновение и свет от Бога. Другим таким отверстием является поиск красоты в искусстве. Третье — несчастье. Входить подобает, продираясь по этим тесным расщелинам, но отнюдь не по просторным и ровным местам.

Формула: «дружба есть равенство, создаваемое гармонией» полна чудесных значений — относительно Бога, относительно единения Бога с человеком, относительно людей, если учитывать пифагорейский смысл слова «гармония». Гармония есть пропорция. Она есть также единство противоположностей.

Чтобы приложить эту формулу к Богу, ее надо сопоставить с определением гармонии, которое на первый взгляд может показаться очень странным: «<Гармония есть> общее мышление отдельных мыслящих»²⁷⁰⁷.

Относительно отдельных мыслящих, которые мыслят вместе, заметим, что единственное содружество в мире, в наиболее

строгом смысле соответствующее этому определению, есть Троица.

Формула <высшего Ума по> Аристотелю: «<Его> мысль есть мысль о мысли»²⁷⁰⁸ не включает в себе Троицу, ибо сущительное «мысль» может рассматриваться как в активной роли, так равно и в пассивной²⁷⁰⁹. Формула же Филолая ее содержит, потому что слово стоит в активной позиции. Посредством этой формулы мы подходим к лучшему способу сделать внятным для разумения догмат о Троице.

Если мыслят о Боге только как о единице, Его мыслят или как вещь, и тогда Он не есть действие, или как субъект, и тогда, чтобы быть действием, он нуждается в объекте, так что творение становится необходимостью, но не любовью. В этом случае Бог не будет исключительно Любовью и Благом.

Мы, люди, будучи субъектами только в постоянном контакте с объектом, можем представить Бога совершенным, разве что наделяя его одновременно свойствами субъекта и объекта.

Но Бог по своей сущности есть субъект, мыслящий, но не мыслимый. Его имя — «Я есмь»²⁷¹⁰. Это Его имя в качестве субъекта, это также Его имя в качестве объекта, и это же Его имя в качестве контакта между субъектом и объектом.

Человеческое мышление подразумевает три члена: субъект, который мыслит и который есть личность, мыслимый объект, и само мышление, которое есть контакт между обоими²⁷¹¹. Формула «мысль есть мысль о мысли» указывает на все три члена, при условии, что слово «мысль» каждый раз применяется в разном смысле.

Чтобы мы представили Бога как мыслящую мысль, а не как вещь, нам следует представить эти три члена в божественной мысли; но божественное достоинство требует, чтобы каждый из трех был Личностью, но Бог при этом оставался един. Божественное достоинство возбраняет когда-либо употреблять слово «мысль» в пассивном значении, если говорится о Боге; слово «мыслить», если субъект — Бог, может быть понимаемо только как активность. То, что мыслит Бог, есть еще и существо,

которое мыслит. О нем и говорится, что это — Сын, или Образ, или Премудрость Бога.

Таково совершенное мышление, насколько мы, люди, можем постичь его непостижимый характер. Любое другое представление о нем, которое мы могли бы составить, будет проще для воображения, но бесконечно далеко от совершенства. Поэтому разум может принять учение о Троице всецело и без малейшей неопределенности, даже не будучи в силах это учение вместить.

Если интерпретировать определение дружбы как «равенства, создаваемого гармонией» с помощью определения гармонии как «общей мысли отдельных мыслящих», то дружбой в высшей степени²⁷¹² будет сама Троица. Равенство есть равенство между одним и многими, между одним и двумя; противоположные компоненты, из которых гармония создает единство, суть единство и множественность, являющиеся первой парой противоположностей. Вот почему Филолай говорит с одной стороны о Едином, как о первом начале, а с другой стороны о Единстве, как о первом составном. Это Единство он называет Гестией, срединным очагом, срединным огнем²⁷¹³; а огонь всегда соответствует Святому Духу. К тому же, формула: «Дружба есть равенство, созданное гармонией» содержит те самые два отношения, которые отмечает в Троице св. Августин: равенство и соединение²⁷¹⁴. Итак, Троица есть высшая гармония и высшая дружба.

Гармония есть единство противоположностей. Первая пара противоположностей есть один и два, единство и множественность, и она представляет собой²⁷¹⁵ Троицу. (Также и Платон в «Тимее», без сомнения, имея мысль о Троице как о первой гармонии, поименовал члены первой пары противоположностей «Тожественное» и «Иное»²⁷¹⁶.) Вторая пара противоположностей — оппозиция между Творцом и творением. На пифагорейском языке эта оппозиция выражается как корреляция между тем, что плагает предел, и тем, что есть беспредельное, т. е. тем, что получает свою предельность извне. Принципом всякой предельности является Бог. Творение происходит из материи,

упорядоченной Богом, и это организующее действие Бога состоит в том, чтобы назначать пределы. Впрочем, ту же самую концепцию находим мы и в книге Бытия²⁷¹⁷. Эти пределы выражаются в количестве, или в чем-то аналогичном количеству. Таким образом, в наиболее широком смысле слова можно сказать, что предел есть число. Отсюда — формула Платона: «Число есть посредство между единицей и беспредельным»²⁷¹⁸. Верховная единица есть Бог, Он же и полагает пределы.

В «Филебе» Платон называет первые пары противоположностей согласно их порядку и отмечает разделяющую их иерархию: «Реальность, называемая вечной, происходит от одного и многого, имея укорененными в себе предел и беспредельность»²⁷¹⁹. Предел и беспредельность это творение, корень которого есть Бог. Одно и многое — Троица, первое начало. Число является в Троице вторым членом оппозиции, а если отождествить ее с пределом, оно же является в принципе творения в качестве первого члена. Это что-то очень похожее на среднее пропорциональное. Не забудем, что в греческом языке ἀριθμός и λόγος суть термины в точности синонимичные. Концепция, излагаемая Платоном в начале «Филеба», концепция чудесно глубокая и плодоносная, говорит, что всякое учение и всякое ремесло, например, обучение языку, грамоте, музыке и т. д., должно воспроизводить на своем уровне порядок этой первоначальной иерархии, то есть единство, число в широком смысле и бесконечность. Таким образом понимание²⁷²⁰ становится образом веры.

Поскольку в Боге как в творце заключена вторая пара противоположностей²⁷²¹, в Нем присутствуют также гармония и дружба, которая определяется не только учением о Троице. Надлежит, чтобы в Боге было также единство между творческим и организующим принципом предельности и неподвижной материей, которая представляет собой неопределенное. Для этого следует, чтобы не только принцип предельности, но также и неподвижная материя, и соединение между обоими были божественными Личностями. Ибо в Боге не может быть отношения, члены которого, равно как и связь, их соединяющая, не были

бы Личностями. Но инертная материя не мыслит; она не может быть личностью.

Неразрешимые трудности разрешаются при переходе к пределу. Между личностью и неподвижной материей есть один промежуток; этот промежуток — человек в момент агонии, если обстоятельства, предшествующие агонии, были столь жестокими, что довели его до состояния вещи. Это агонизирующий раб, кусок жалкой плоти, пригвожденный ко кресту.

Если этот раб — Бог, если Он — второе Лицо Троицы, соединенное с Первым божественной связью, которая есть третье Лицо, мы имеем здесь совершенство гармонии — такой, как понимали ее пифагорейцы, гармонии, где между противоположностями существует максимальное расстояние и максимальное единство. «Общая мысль отдельных мыслящих». Не бывает мысли более единой, чем мысль единого Бога. Мыслящие существа не бывают более разделенными, чем Отец и Сын в миг, когда Сын испускает свой вечный зов: «Боже Мой, зачем Ты Меня оставил?»²⁷²² Этот момент — непостижимое совершенство любви. Любви, превосходящей всякое разумение²⁷²³.

Онтологическое доказательство, доказательство совершенством, которое, однако, не является доказательством для понимания как такового, но только для понимания, одушевленного любовью, — это доказательство являет нам не просто реальность Бога, но также и догматы о Троице, Воплощении и Страдании. Что, конечно, не означает, чтобы эти догматы можно было обрести одним человеческим разумом, без откровения; но, однажды явленные, они встают перед интеллектом — если только он просвещен любовью — с такой определенностью, что оно не может их не принять, хоть они и выходят за его границы, и его возможностей недостаточно, чтобы их подтвердить или опровергнуть. Бог совершенен именно как Троица, и та любовь, которую образует Троица, обретает свое совершенство только на Кресте.

Бог пожелал дать своему Сыну многих братьев²⁷²⁴. Пифагорейское определение дружбы замечательно подходит к нашей дружбе с Богом, так же, как и к дружбе между людьми.

«Дружба есть равенство, создаваемое гармонией». Если рассматривать гармонию в смысле среднего геометрического, если мы постигаем, что единственное посредство между Богом и человеком есть Существо, Которое вместе и Бог и человек, эта пифагорейская формула ведет нас прямым путем к чудесным формулам Евангелия от Иоанна. Через уподобление Христу, который есть не кто иной, как Единый-с-Отцом, человеческое существо, лежащее на самом дне убожества, достигает некого равенства с Богом — равенства, которое есть любовь. Святой Хуан де ла Крус, говорящий о духовном браке с убедительностью опыта, не раз повторяет, что в высшем единении Бог желает через любовь установить между человеческой душой и самим собой некое равенство²⁷²⁵. И св. Августин говорит: «Бог сделался человеком, чтобы человек сделался богом»²⁷²⁶. Гармония есть принцип этого рода равенства — гармония, то есть связь между противоположностями, среднее пропорциональное, Христос. Непосредственно между Богом и человеком существует только что-то аналогичное связи равенства между двумя отношениями.

Когда Платон говорит в «Горгии» о равенстве геометрическом, это выражение, без сомнения, в точности эквивалентно выражению гармонического равенства, которое использует Пифагор²⁷²⁷. Оба термина несомненно имеют в виду технические выражения, смысл которых строго определен, то есть, равенство между двумя отношениями, имеющими общий член, вроде: $a/b = b/c$. Ибо в таких терминах как, например, «среднее геометрическое», «геометрическая прогрессия» и т. п. прилагательное «геометрическое» указывает на пропорцию. В вышеприведенных словах апостола Иоанна этот аспект алгебраической формулы выражается столь ясно, столь настойчиво, что это, очевидно, сделано преднамеренно, и перед нами аллюзия. Платон, конечно, мог с полным правом сказать, что «геометрическое равенство имеет великую власть и над богами, и над людьми»²⁷²⁸. По подобию определения дружбы, вот другое определение из того же пассажа: «Дружба соединяет небо и землю, богов и людей». Начертав над входом своей школы: «Никто да не входит

сюда, если он не геометр»²⁷²⁹, Платон, несомненно, утверждал в форме загадки и даже, можно сказать, каламбура, истину, выраженную Христом в словах: «Никто не придет к Отцу кроме как через Меня»²⁷³⁰. Еще одна формула Платона: «Бог всегда является геометром»²⁷³¹ имеет, без сомнения, двойной смысл и относится одновременно к порядку мира и к посреднической функции Его Слова. Итак, возникновение геометрии в Греции есть самое блестящее из пророчеств, предвозвестивших пришествие Христа.

Из сказанного понятно, как вследствие неверности <своему пророческому призванию> наука частично стала фактором зла²⁷³², подобно тому, как говорится об Иуде, что в него вошел сатана, когда он принял хлеб из руки Христа. <Так называемые> безразличные вещи <не> остаются всегда безразличны²⁷³³; это вещи божественные, которые через отвержение любви становятся дьявольскими орудиями²⁷³⁴. Создается впечатление, что с эпохи Ренессанса во влиянии науки на духовную жизнь есть что-то дьявольское. Тщетным было бы надеяться это исправить, удерживая науку в области чистой природы. Те, кто думают, что она полностью принадлежит этой области, ошибаются. Наука принадлежит области природы только своими результатами и своим практическим применением, но не своим вдохновением; ибо в науке, как и в искусстве, всё поистине новое есть дело гения, а подлинный гений — сверхъестественен, в отличие от простого таланта. Наука не принадлежит к области природы и по своему воздействию на душу, ибо она или утверждает душу в вере, или отвращает от нее, но не может быть безразличной. Если она вновь станет верна и тому, из чего произошла, и своему предназначению, строгость доказательства так послужат на пользу математике, как музыкальная техника — григорианским мелодиям. Музыкальная техника в григорианском пении достигает более высокого уровня, чем даже у Баха и Моцарта; григорианское пение есть одновременно и чистая техника, и чистая любовь — впрочем, как и всякое великое искусство. То же самое должно произойти и в науке, которая, равно с искусством, есть не что иное как некий отблеск красоты мира. Так и

было в Греции. Строгость доказательств служит материалом для геометрического искусства, подобно тому, как камень служит материалом для скульптуры.

Пифагорейское определение дружбы, если приложить его к Богу и человеку, являет посредство как то, что по сути есть любовь, и любовь как то, что по сути является посредником²⁷³⁵. Об этом же говорит и Платон в «Пире»²⁷³⁶.

То же самое определение применимо и к дружбе между людьми, хотя и с бóльшим трудом, так как Филолай говорит: «Вещи одного и того же рода, того же корня и того же уровня не имеют нужды в гармонии»²⁷³⁷. Важно, что пифагорейцы избрали определение дружбы, которое именно к человеческим отношениям приложимо лишь в последнюю очередь. Дружба есть, прежде всего, дружба в Боге между божественными Лицами. Как следствие, она есть дружба между Богом и человеком. И только в последнюю очередь она есть дружба между человеком и человеком. Однако, такая иерархия не мешала человеческой дружбе у пифагорейцев достигать совершенства, ибо именно в их среде мы находим самую прославленную пару друзей — Дамона и Финтия²⁷³⁸. Без сомнения, именно под влиянием пифагорейской традиции Аристотель включил дружбу в число добродетелей. Если Ямвлих не преувеличивает, пифагорейцы признавали и применяли между собой в удивительной мере заповедь, подобную той, что оставил своим ученикам Христос: «Любите друг друга»²⁷³⁹.

Пифагорейское определение дружбы применимо к людям потому, что, хотя они и действительно одного рода, одного корня и одного положения, они не таковы в своих мыслях. В представлении каждого человека он есть «я», а остальные суть «другие». «Я», то есть центр мира; это центральное положение в пространстве выстраивается перспективой. «Другие», то есть частицы мироздания, более или менее принимаемые в расчет, в зависимости от того, как они расположены относительно «я» — ближе или дальше; по большей части, они не значат для «я» практически ничего. Однако, можно добиться того, что человек перенесет центральное положение вовне себя, на дру-

гое человеческое существо, знакомое ему лично или незнакомое, в котором он полагает «сокровище свое и сердце свое»²⁷⁴⁰. Сам же он тогда становится простой частицей мироздания — то имеющей какое-то значение, то бесконечно малой. Это может произойти как под воздействием величайшего страха, так и от определенного рода любви. В обоих случаях, когда для человека центр вселенной переносится в другого человека, это перенесение есть результат соотношения механических сил, сурово подчиняющего первого второму. Оно происходит, если соотношение сил таково, что любая мысль первого о своей участи, надежда это, или страх, в обязательном порядке проходит через второго. Есть существенное тождество в жестоком и механическом характере подчинения при отношениях, казалось бы, совершенно различных — привязывающих раба к господину, неимущего к благодетелю, седого служаку к Наполеону, любовников и любовниц определенного типа, а также отца, мать, сестру, друга, и так далее — к объекту их любви и преданности. Отношения подобного рода могут связывать два человеческих существа в течение <долгого или>²⁷⁴¹ короткого промежутка времени, месяца, дня, нескольких минут.

Не говоря о тех случаях, когда одно человеческое существо грубо подчиняет себе другое, отнимая у него на какое-то время силу думать от первого лица, каждый из нас распоряжается другим так, будто распоряжается вещью — или фактически, если имеет на это власть, или мысленно. Есть, впрочем, одно исключение. Это когда два человека встречаются в таких обстоятельствах, когда ни один из них не подчинен другому никаким насильственным принуждением, но каждый в равной степени имеет нужду в согласии с другим. Стало быть, каждый, не переставая думать о себе в первом лице, реально понимает, что другой так же думает о себе в первом лице. Справедливость осуществляется, таким образом, как феномен естественный. Усилия законодателя должны быть направлены на то, чтобы сделать такие случаи сколь возможно более частыми. Но справедливость, осуществляемая таким образом, не составляет собою гармонии, и в ней нет дружбы.

Формула, вложенная Фукидидом в уста неких афинян, ярко характеризует «естественные» отношения между людьми: «По устройству человеческого ума, справедливость достигается соблюдением необходимого для одной и другой стороны; но когда один силен, а другой слаб, первый достигает всего, что ему возможно, а второй это принимает»²⁷⁴². И прибавляет: «Относительно богов мы верим, а относительно людей определенно знаем, что, по необходимости самой природы, каждый властвует там, где имеет на это силу».

Помимо случаев, когда существует для обеих сторон равная необходимость, справедливость есть сверхъестественная дружба, происходящая из гармонии. Гармония есть единство противоположностей; а противоположности — вот это существо, полагающее себя центром мира, и другое, которое <для первого> есть лишь малая частичка мира. Единство здесь может быть достигнуто только тогда, когда мысль выполнит относительно всего, что она обнимает, операцию, аналогичную той, которая позволяет воспринимать пространство, делая поправку на иллюзию перспективы²⁷⁴³. Для этого нужно признать, что мир не имеет точки, которая была бы его «центром», что центр мира — вне его, что здесь, на земле, ничто не имеет права говорить «я». Ради славы Бога, силой нашей любви к Нему и к истине, мы должны отказаться от этой иллюзорной власти, которая дает нам говорить от первого лица. Она для того нам и дана, эта власть, чтобы силою любви мы отказались от нее. Только Бог вправе говорить «Я есмь»; «Я есмь» есть Его собственное имя, и больше ничье. Но этот отказ не заключается в том, чтобы перенести сознание себя как центра мира — на Бога, как иные переносят его на другого человека. Это было бы похоже на то, как у Расина Энона любит Федру, как его же Пилад любит Ореста²⁷⁴⁴. Многие так и любят Бога. Но даже если они умрут мучениками за Его имя, это не будет истинной любовью к Нему. Божие, истинное, «Я есмь» бесконечно далеко от иллюзорного человеческого «я есмь». Бог не является личностью в том смысле, в каком человек представляет Его личностью. В этом и заключен смысл глубокого индусского изречения, что Бога

следует постигать одновременно и как личного, и как безличного.

И только подлинное отречение от власти мыслить в первом лице — это отношение, отнюдь не являясь простым переносом, позволяет человеку постичь, что другие люди подобны ему. Это отречение и есть любовь к Богу, независимо от того, совершается оно с именем Бога в мысли, или же нет. Вот почему обе главных заповеди²⁷⁴⁵ составляют одну. Да, любовь к Богу по праву поставлена на первом месте. Однако на деле, поскольку у человека каждая конкретная мысль имеет реальный объект в здешнем мире, это отречение по необходимости проявляется, когда мысль направлена или на предметы, или на людей. В первом случае, любовь к Богу предстает как приятие красоты мира, как стоическое *amor fati*, как приятие того, что праведным и неправедным одинаково ниспосылается свет и дождь — то, в чем здесь, на земле, проявляется совершенство нашего небесного Отца²⁷⁴⁶. Во втором случае, любовь к Богу предстает как любовь к ближнему — прежде всего, к слабому и несчастному ближнему, к такому, какого мы — по законам природы — даже не заметили бы, проходя мимо. С другой стороны, как истинное сострадание есть дело сверхъестественное, так же сверхъестественна и истинная благодарность.

Отказ от власти мыслить в первом лице — равнозначен оставлению всего, что имеешь, ради того чтобы следовать за Христом²⁷⁴⁷. Говоря: «всё, что имеешь», мы имеем в виду всё целиком мироздание, которое мы рассматриваем из самих себя, будто из центра. Люди любят богатство, власть и социальный престиж только потому, что это усиливает в них способность думать в первом лице. Принять бедность в буквальном смысле слова, как сделал святой Франциск, — значит, согласиться быть ничем в той видимости, где ты предстаешь самому себе и другим как ничто в реальности. «Если хочешь стать невидимкой — нет для этого средства лучше, чем стать бедняком», — поется в испанской народной песне²⁷⁴⁸. Такое приятие есть высший уровень любви к истине.

В формуле: «Дружба есть равенство, создаваемое гармонией», когда она прилагается к людям, гармония означает единство

противоположностей. Эти противоположности — «я» и «другие», противоположности столь далеко разведенные, что свое единство могут найти только в Боге. Дружба между людьми и справедливость суть одно и то же, кроме случаев, когда справедливость заставляет признать себя извне, силою обстоятельств. И Платон в «Пире» указывает на это совершенное тождество между совершенной справедливостью и любовью. Евангелие, когда речь идет о человеческих взаимоотношениях, использует слова «справедливость» и «любовь» как равнозначные; словом «справедливость» часто обозначается милосердие к бедным²⁷⁴⁹. Те, кого Христос благодарит за то, что они дали Ему есть, когда Он был голоден, названы «справедливыми». Совершенные друзья — это два человека, которые, часто общаясь в течение немалой части их жизни, всегда в совершенной мере справедливы по отношению друг друга. Дело справедливости есть молния дружбы, которую высекает меж двух людей мимолетный случай. Но справедливость односторонняя — будто калека.

В каждом из трех родов отношений, обозначаемых словом «дружба», посредником является Бог. Он посредник между Собой и Собой. Он посредник между Собой и человеком. Он посредник между человеком и другим человеком. Бог есть в сущности посредство. Бог — единственный принцип гармонии. Потому и подобает пение славе Его²⁷⁵⁰.

Словами: «Если двое или трое собраны во имя Мое, там Я есмь посреди них» Христос обещал своим друзьям, кроме всего остального, и бесценное благо человеческой дружбы. Но и во всех точках пространства и времени, где обретаются истинные друзья (а это дело чрезвычайно редкое) Христос — посреди них, как бы ни звучало имя Бога, Которого они призывают. Всякая истинная дружба совершается через Христа.

Однако есть один род отречения от личности, и один род дружбы, в котором Христа никогда не было, где Он никогда не присутствует, даже если Его призывают по имени и с большим чувством. Это — когда люди отрекаются от местоимения первого лица в единственном числе, чтобы заменить его на первое

лицо во множественном. Тогда членами отношения становится уже не «я» и даже не «я и другие», но безличные фрагменты однородной массы «мы»; вот эти-то члены в самом деле суть «одного рода, одного корня, одного уровня»; и, стало быть, согласно постулату Филолая, не могут быть связаны гармонией. Они связаны самих собой, без посредства. Между ними нет дистанции, между ними нет никакого пустого места, куда возможно было бы проникнуть Богу. Нет ничего более противоположного дружбе, чем солидарность: говорим ли мы о солидарности, исходящей из побуждений товарищества, из личной симпатии, из принадлежности к одной социальной среде, к одному политическому течению, к одной нации, к одному вероисповеданию. Мысли, которые или откровенно и напрямую, или косвенно содержат в себе первое лицо множественного числа, еще дальше от справедливости, чем те, что содержат первое лицо единственного; ибо первое лицо множественного числа не может быть приемлемо в трехчленном соотношении, где средним членом является Бог. Поэтому Платон — весьма вероятно, под влиянием пифагорейства — называет всякую форму коллективности «зверем». Эта самая опасная из ловушек, расставленных по земле для любви. Бесчисленное множество христиан пало в нее на протяжении веков и падает в наши дни.

Сверхъестественная справедливость, сверхъестественная дружба или любовь заключаются во всех тех отношениях между людьми, где без равенства сил или взаимной необходимости ищут взаимного согласия. <Такое> желание взаимного согласия есть милосердие²⁷⁵¹. Оно подражает тому неизреченному милосердию, которое побудило Бога предоставить нам свободу выбора.

Кроме Троицества и Воплощения Бога, кроме Его милосердия к человеку и милосердия между людьми, есть еще пятая форма гармонии: та, что касается вещей. Она объемлет также человека, в той мере, в какой и человек является вещью: то есть, с телом и душой, не затрагивая только его способность на свободное согласие. Итак, она охватывает и то, что каждый из нас называет «я». Поскольку в этой форме гармонии ни с той, ни с дру-

гой стороны не участвуют личности, она не заключает в себе дружбы. Вот пара составляющих ее противоположностей: принцип, полагающий предел, и то, что обретает свой предел извне. Иначе говоря, это Бог и неподвижная материя как таковая²⁷⁵². Посредством между ними является предел, сеть ограничений, содержащих все вещи в едином порядке, о которой Лао-цзы сказал: «Сеть неба редка, но никто не может проникнуть сквозь нее»²⁷⁵³.

Смысл этой пары противоположностей ни в коей мере не очевиден; на первый взгляд он кажется весьма темным. Также он очень глубок. Он содержит все великие конструкции, созданные в течение веков под именем теорий познания.

Филолай говорит, что тело вещам дает число, добавляя, что число делает вещи познаваемыми в соответствии с принципом гномона. Гномон (следует понимать слово в его первоначальном значении) — это вертикальный стержень солнечных часов. Стержень остается на месте, в то время как его тень идет по кругу, изменяя длину. Изменчивость тени предопределена фиксированным положением стержня при круговом движении солнца. Здесь мы имеем отношение, которое математика сегодня обозначает терминами инварианта и группы преобразований²⁷⁵⁴. Это одно из фундаментальных понятий человеческого разума.

Удивительно читать, что число дает тело вещам. Скорее можно было бы ожидать, что оно дает ему форму. Однако формула Филолая буквально верна. Всякий пристальный и строгий анализ человеческого восприятия, а также иллюзии, бреда, сна, состояний более или менее близких к галлюцинации, показывает, что здоровое восприятие реального мира отличается от ошибочных и искаженных лишь тем, что заключает в себе контакт с необходимостью. (Мэн де Биран, Ланьо и Ален рассуждают об этом наиболее здраво.) Необходимость всегда предстает нам как совокупность законов изменения, определенных постоянными и неизменяемыми отношениями. Реальность для человеческого ума есть не что иное, как соприкосновение с необходимостью. Здесь есть противоречие, ибо необходимость не осязается, но мыслится. Таким образом, чувство реальности заключает в себе гармонию и таинство. Мы убеждаемся в реаль-

ности предмета, обходя вокруг него — действие, последовательно производящее для нас разнообразные видимости облика этого предмета, обусловленные неизменностью одной-единственной формы, отличной от всех видимостей, внешней, трансцендентной по отношению к ним. Посредством такого действия мы познаем, что предмет реален, что он не призрак, что у него есть тело. Итак, количественные соотношения, играющие роль гномона, составляют тело предмета. Ланьо, не зная формулы Филолая, проделал такой анализ с помощью ящика кубической формы. Ни одна из его видимостей не имеет кубической формы, но для того, кто ходит вокруг ящика и рассматривает его, кубическая форма есть то, что обуславливает изменение формы видимости. Эта обусловленность так полно составляет — для нашего восприятия — само тело предмета, что мы, разглядывая ящик, верим, что перед нами куб, хотя формы куба при этом не видим. Куб имеет такое же отношение к видимостям, производимым перспективой, как относится стержень солнечных часов к своей тени. Пример с кубом, может быть, даже ярче. То и другое соотношение могут, по аналогии, дать ключ к любому человеческому познанию. Об этом можно размышлять бесконечно.

Итак, реальность мироздания для нас есть необходимость, устроенная по подобию гномона, стоящего на некотором основании. Ибо необходимость как таковая, по своей сути, условна. Без основы она всего лишь абстракция. С основой же она является самой реальностью всего сотворенного. Но мы не можем иметь никакого понятия об этой основе. Она — то, что греки именовали словом, означающим одновременно и «беспредельное» и «неопределенное»: ἄπειρον. Платон называет ее: «вместилище», «матка», «носящее отпечаток», «сущность, которая есть мать всех вещей, и при этом остается всегда девственной». Лучший ее образ — вода, ибо она не имеет ни формы, ни цвета, хотя ее можно видеть и осязать. В связи с этим нельзя не отметить, как похожи друг на друга слова: «материя», «мать», «море» и «Мария». Указанный характер воды имеет еще большее значение для ее символического использования в таинстве крещения, чем способность омыwać.

Для нас материя есть попросту то, что подчинено необходимости. Мы не знаем другого. Необходимость составляется для нас количественными законами изменения в видимостях. Там, где нет количества в собственном смысле, есть нечто аналогичное. Количественный закон изменения есть функция. Функция, которую древние греки называли также ἀριθμός или λόγος, еще и устанавливает предел. Самый ясный образ функции дает нам продолжительная серия треугольников с равными углами. Это — пропорция. Геометрический пример, делающий наглядным понятие функции.

Необходимость бывает человеку врагом всякий раз, когда он думает от первого лица. Надо признать, он имеет с ней те же три рода связей, которые имеет с людьми. В мечтаниях, а также когда он обладает социальным могуществом, необходимость может казаться ему служанкой. Зато в случаях помех, лишений, наказаний, страданий, а более всего в состоянии несчастья она является ему в облике абсолютной и неумолимой госпожи. В методически осуществляемом действии, как в точке равновесия, необходимость, по своему условному характеру, представляет для человека одновременно и препятствия, и средства, в связи с частными целями, которые он преследует; здесь мы имеем нечто вроде равенства между волей человека и всемирной необходимостью. Эта точка равновесия в отношениях человека с миром есть то же, что естественная справедливость в отношениях между людьми; следует стараться, чтобы в организации труда и производства, во всякой человеческой деятельности ее достигали сколь возможно чаще. Ибо, в сущности, цель законов заключается в том, чтобы в жизни общества по возможности чаще возникали естественные образы сверхъестественных добродетелей. Это активное равновесие между человеком и всеобщей необходимостью, соединенное с равновесием сил и потребностей между людьми, составило бы — если что-то подобное вообще возможно — естественное счастье. Стремление к естественному счастью — благо, здраво и драгоценно; так же, как благо для здоровья ребенка, что его привлекает к пище ее вкус, хотя благотворность пищи определяется не вкусом, а химическим составом. Опыт и жела-

ние сверхъестественных радостей не разрушают в душе стремления к естественному счастью, но придают ему полноту значимости. Естественное счастье становится поистине ценным, когда к нему, через чувство прекрасного, прибавляется совершенно чистая радость. Напротив, преступление и несчастье, каждое из них по-своему, но с равной силой воздействия, навсегда разрушают стремление к естественному счастью.

Равновесие между человеческой волей и необходимостью при методическом действии — не более чем образ; выдавать его за реальность было бы ложью. Именно то, что человек принимает за конечное звено, есть всего лишь одно средних. Например, усталость развеивает иллюзию. При сильной усталости человек теряет прилежание к своему делу и даже собственную волю; он воспринимает себя как вещь, которую толкает кто-то другой: ибо вещь может двигаться лишь под влиянием внешней силы. На самом же деле человеческая воля, хотя определенное чувство выбора в ней неустранимо, не только в момент изнурения, но и всегда является феноменом, подчиненным необходимости. Это следует из того, что человеческая воля предполагает пределы. Неподвластно необходимости только бесконечное.

В нашем мире необходимость обнаруживает себя как нечто составляющее, с одной стороны, препятствие для нашей воли, а с другой, условие ее исполнения; вследствие чего наш опыт никогда не бывает вполне свободен от иллюзий, неразрывно связанных с осуществлением воли. Чтобы помыслить необходимость в чистом виде, следует отделить ее от материи, являющейся ее основой, и познавать ее как ткань переплетенных между собой условий. Эта чистая и условная необходимость есть то самое, что является предметом математики — и еще некоторых операций мысли, аналогичных математике, теоретических, чистых, строгих, как она, которым, однако, не дают названия, поскольку не различают их. Вопреки расхожему современному предрассудку, математика, прежде всего, есть наука о природе; а лучше сказать, она есть наука о природе более любой другой науки. Любая другая <естественная> наука есть лишь частное приложение математики.

В необходимости, мыслимой как необходимость условная, человек не присутствует ни в малой степени, он никак с ней не соприкасается, кроме самой операции, посредством которой он ее мыслит. Способность, производящая эту операцию, сама по себе, конечно, не подлежит необходимости, не подлежит пределу и числу. Чисто условная последовательность необходимости есть последовательность самого представления. Рассматриваемая таким образом, необходимость уже не предстает ни врагом, ни господином для человека. Впрочем, она остается внешней силой, с которой ему приходится считаться. Познание чувственно воспринимаемых феноменов есть лишь узнавание в них чего-то аналогичного этой чисто условной необходимости. Это относится одинаково как к феноменам психологическим, так и социальным. Мы постигаем их постольку, поскольку распознаем в них конкретно и точно, везде, где нам под силу, присутствие той необходимости, что аналогична необходимости математической. Именно поэтому пифагорейцы говорили, что единственное в мире, что мы знаем, это число. Они называли математическую необходимость «счислением» или «расчетом» (λόγος или λογισμός).

Математическая необходимость есть средство между всей естественной составной частью человека, то есть материей телесной и психической, и бесконечно малой его частью, которая не принадлежит земному миру. В этом мире человек является рабом безмерно превосходящих его сил природы, хоть и пытается — часто впустую — воображать себя ее царем. Сила, правящая миром, подчиняя себе каждого из людей так, как хозяин уверенным ударом хлыста заставляет повиноваться раба, — эта сила есть то самое, что человеческий ум знает под именем необходимости. Но отношение необходимости к мышлению уже не есть отношение господина к рабу. Так же не может оно быть ни отношением обратным, ни подобным отношениям двух свободных людей. Это отношение предмета, который рассматривают, к смотрящему на него взгляду. Человек способен смотреть на самую жестокую силу подобно тому, как смотрят на стол, если признает ее необходимостью. Эта способность принад-

лежит не здешнему, но другому миру. Она — точка пересечения двух миров. Способность, не принадлежащая этому миру, есть способность согласия. Человек свободен или согласиться, или не согласиться с необходимостью. Эта свобода действительна в нем только тогда, когда он познаёт силу как необходимость, то есть когда он ее созерцает. Он не свободен согласиться с силой как таковой. Раб, видящий, как над ним заносится бич, ни соглашается, ни отказывается от согласия: он просто дрожит от страха. Однако под именем необходимости человек соглашается и с жестокой силой, — если он с ней соглашается, — и с бичом. Никакая причина, никакой мотив не может быть достаточным для такого согласия. Это согласие — безумие: безумие, свойственное человеку, подобно как Творение, Воплощение и Страдание вместе составляют безумие, свойственное Богу. Оба эти безумия отвечают друг другу. Не удивительно, что наш мир есть, по преимуществу, место несчастья; без этого вечно нависающего над ним несчастья человек не нашел бы, каким безумием со своей стороны ответить на безумие Бога, заключающееся в акте творения. Ибо, творя, Бог отрекается от власти быть Всем, Бог оставляет часть бытия тому, что есть иное, нежели Он. Творение есть отречение по любви. Подлинный же ответ на этот преизбыток Божьей любви состоит не в том, чтобы добровольно подвергнуть себя страданию; ибо страдание, причиняемое себе самому, каким бы интенсивным, долгим и жестоким оно ни было, не разрушительно. Не во власти сотворенного существа — разрушить свое «я». Истинный ответ состоит только в согласии на возможность быть разрушенным, то есть, в согласии на возможность быть подвергнутым несчастью, независимо от того, произойдет несчастье или нет. Сам же себя несчастью никто никогда не подвергает, ни по любви, ни по извращению. Самое большее можно, под тем или иным вдохновением, рассеянно и как бы бессознательно сделать два или три шага, которые приведут тебя на скользкую точку, где ты станешь жертвой силы тяжести, откуда упадешь на камни и сломишь шею. Согласие перед необходимостью есть чистая любовь и даже, в некотором роде, избыток любви. Эта любовь не имеет своим пред-

метом ни саму необходимость, ни наш видимый мир, ткань которого соткана ею. Человек не может любить материю как таковую. Человек любит предмет, мысленно полагая в нем часть прошедшей жизни²⁷⁵⁵, либо то, чего желает в будущем²⁷⁵⁶, или еще потому, что предмет имеет отношение к какому-то другому человеческому существу. Любят предмет как залог памяти о любимом человеке, любят предмет искусства как работу гения. Все мироздание есть для нас залог памяти, — но памяти какого любимого существа? Мироздание есть предмет искусства; но кто его автор? На эти вопросы нет такого ответа, который лежал бы у нас перед глазами. Но когда в нас живет любовь, порождающая согласие с необходимостью, мы опытно познаём, что ответ есть. Ибо не ради любви к другим людям соглашаемся мы с необходимостью. Любовь к другим людям в определенном смысле препятствует этому согласию, ибо необходимость подчас сокрушает дорогих нам людей так же, как и нас. Нет, мы можем согласиться с ней ради кого-то другого, кто не принадлежит к людям и, однако, есть личность. Ибо только личность может быть предметом любви. Как бы человек ни относился к религии, будь он даже атеистом, — где присутствует в полноте подлинное и безусловное согласие с необходимостью, там живет полнота любви к Богу. Там — и нигде больше. Через это согласие человек становится причастником Креста Христова.

Называя это человеческое и божественное Существо, возлюбившее превыше всего, Логосом, апостол Иоанн, Его возлюбленный ученик, заключает в одном слове, среди множества других ценнейших мыслей, всё стоическое учение об *amor fati*. Это слово «Логос», заимствованное у греческих стоиков, воспринявших его, в свою очередь, у Гераклита, имеет много значений, но главное из них²⁷⁵⁷ — количественный закон изменения, которым выражается необходимость. Впрочем, понятия *fatum* и *λόγος* близки даже семантически²⁷⁵⁸. *Fatum* есть необходимость, необходимость есть *λόγος*, а *λόγος* есть имя возлюбленного Друга наших душ. Любовь, какую имел апостол Иоанн к тому, кто был его другом и его Господом, на чью грудь он склонялся на Тайной вечере, — ту же любовь нам подобает иметь к

математической связи причин и следствий, которая подчас давит нас в бесформенную кашу. Поистине это не выглядит безумием.

Одно из самых глубоких и таинственных речений Христа обнажает это безумие. Горше всего люди упрекают необходимость в ее абсолютном безразличии к моральным ценностям. Праведники и беззаконники равно получают солнечное тепло и влагу дождя; праведники и беззаконники одинаково страдают от солнечного удара и гибнут в наводнениях. И на это-то безразличие Христос призывает нас смотреть как на истинное проявление совершенства нашего небесного Отца и подражать ему. Подражать этому безразличию — значит всего лишь соглашаться с ним, значит принять существование всего, что существует, включая зло, кроме только той доли зла, воспрепятствовать которому находится в нашей власти и обязанности. Этим простым изречением Христос усвоил себе²⁷⁵⁹ всю стоическую мысль, а заодно и мысль Гераклита и Платона²⁷⁶⁰.

Нам нечем было бы доказать, что возможна столь безумная вещь как согласие с необходимостью: мы лишь констатируем это. Ибо на самом деле существуют души, согласные с нею.

Необходимость в точном смысле служит посредником между нашим естеством и нашей же бесконечно малой способностью свободного согласия, ибо наше естество необходимости подчинено, а наше согласие ее принимает. Мысля этот мир, мы мыслим и необходимость как посредника между материей и Богом. Как мы соглашаемся с необходимостью, так прежде нас, первым, в своем вечном действии, с нею соглашается Бог. Но что в самих себе мы именуем «согласием», аналог тому в Боге мы именуем «волей». Бог приводит в существование необходимость, охватывающую пространство и время, тем, что мыслит ее. Мысль Бога есть Бог, и в этом смысле Сын есть образ Отца; мысль Бога есть также порядок мира, и в этом смысле Его Слово есть устроитель мира. В Боге порядок мира становится устроителем мира, ибо в Боге всё — субъект, всё — личность.

Подобно как Христос, с одной стороны, посредствует между Богом и человеком, а с другой стороны посредствует между человеком и его ближним, так математическая необходимость,

с одной стороны, посредствует между Богом и вещами, с другой — между каждой вещью и каждой другой вещью. Она создает порядок, в силу которого каждая вещь, находясь на своем месте, позволяет существовать и всем другим вещам. Поддержание в границах устанавливает для материальных вещей эквивалент того, что есть, а для человеческого ума — согласие с существованием другого: то, что называется милосердием к ближнему. Для человека к тому же, в той мере, в какой он есть часть природы, поддержание в границах является справедливостью. Порядок есть равновесие и неподвижность. Мир, будучи подвластен времени, находится в непрестанном становлении. Движущая его энергия — принцип нарушения равновесия. Но притом, что становление создается нарушениями равновесия, в реальности царит равновесие, поскольку нарушения равновесия компенсируют друг друга. Становление есть равновесие, преломленное во времени. Именно оно выражается замечательной, неизмеримо глубокой формулой Анаксимандра: «Рождение вещей начинается с неопределенности²⁷⁶¹, и возвращением к ней же, в силу необходимости, заканчивается их разрушение; ибо они подлежат каре и искуплению друг от друга за их несправедливость, согласно порядку времени»²⁷⁶². Рассматриваемое само в себе, любое изменение и, следовательно, каждый феномен, как бы мал он ни был, содержит в себе принцип разрушения всеобщего порядка. Напротив, каждый феномен, рассматриваемый в связи со всеми феноменами, находящимися в протяженности пространства и времени (в той связи, что полагает феномену предел, вводя его в соразмерные и взаимные отношения с нарушением равновесия), содержит в себе всю полноту мирового порядка.

Признавая необходимость посредством между материей и Богом, мы понимаем, что соотношение воли Бога с необходимостью и соотношение ее с материей — различны. Человеческое воображение изобразило это различие, с неизбежными упущениями, в мифе о первобытном хаосе, в котором Бог установил порядок. Этот миф ошибочно усваивают античной мудрости; <его следы> находят и в библейской книге Бытия. Другой спо-

соб показать эту разницу заключается, в частности, в соотнесении второго Лица Троицы (как в концепции Демиурга-устроителя, так и в концепции Мировой Души) с необходимостью. Мировая Душа есть не что иное как порядок мира, понимаемый как личность. Орфический стих выражает это различие в словах: «Зевс создал вселенную, а Дионис завершил». Дионис — Слово. Хотя материя существует лишь по причине того, что Бог пожелал этого, необходимость — как посредница — ближе связана с волей Бога. Необходимость есть повиновение материи Богу. Так пара противоположностей, которые необходимость образует в материи и в свободе, в нас обретает свое гармоническое единство в послушании: ибо истинная свобода человека есть не что иное, как желать послушания Богу. Любая другая свобода ложна.

При таком понимании вещей, понятие о чуде перестает быть тем, что можно было бы принять или отвергнуть, но, строго говоря, теряет всякое значение. Или, точнее, оно означает видимость, на определенном уровне оказывающую определенное влияние на души, — влияние, смешанное из добра и зла.

Пока мы мыслим от первого лица, мы смотрим на необходимость как бы снизу и изнутри: она заключает нас отовсюду, окружает со всех сторон, как простор земной поверхности и небосвод. Согласившись с необходимостью, отказавшись думать от первого лица, мы начинаем видеть ее извне, под собой, ибо теперь мы перешли на сторону Бога. Лицо, с которым необходимость смотрела на нас раньше, и которое она еще и сейчас являет почти всему нашему естеству, всей природной части нас самих, — это лицо суровой госпожи. Но то лицо, которым после указанной перемены она обращается к той части нашей мысли, что перешла на сторону Бога, есть чистое послушание. Из рабов мы становимся сынами дома²⁷⁶³, и отныне любим послушную кропотливость этой рабыни, которую раньше принимали за госпожу.

Но без личного опыта не представить, как возможна такая перемена ракурса. В тот момент, когда мы решаемся согласиться с необходимостью, мы еще не можем предвидеть плодов этого согласия, ибо в самом начале оно кажется нам чистым абсур-

дом. И оно в полном смысле сверхъестественно. Оно есть дело чистой благодати. Бог сам производит его в нас — без нас, если мы только предоставим ему это. Когда мы это осознаем, дело уже сделано, и мы чувствуем себя воинами, хоть и не записывались в войско: мы больше не можем отвернуться от Бога, кроме как совершив предательство.

Как горизонтальная плоскость представляет собой единство верхней и нижней стороны, так и необходимость для материи есть пересечение: в ней сходятся вместе послушание Богу и суровая сила, покоряющая всё сотворенное. На этом уровне пересечения необходимость частью являет, с одной стороны, принуждение, с другой — мудрость, справедливость, красоту, веру. Сторону принуждения мы видим хорошо. Мы видим, например, в ней что-то крепкое, металлическое, непроницаемое, не поддающееся разуму в связи между различными свойствами треугольника и круга.

Но как порядок мира в Боге становится божественной Личностью, которая может быть названа Словом-устроителем²⁷⁶⁴ или Мировой Душой — таким же образом в нас, <Его> меньших братьях²⁷⁶⁵, необходимость становится соотношением, то есть <продуктом> мысли ее действию. «Очами для души, — говорит Спиноза, — служат сами доказательства»²⁷⁶⁶. Не в нашей власти изменить сумму квадратов катетов в прямоугольном треугольнике, но суммы не будет, если наш разум не выведет ее, излагая доказательство теоремы²⁷⁶⁷. Даже в области целых чисел единица и единица могут стоять рядом хоть целую вечность; они не станут двумя, пока ум не проделает операцию сложения. Только ум в состоянии внимания способен устанавливать связи; как только внимание рассеивается, связи распадаются. Несомненно, в нашем сознании живут очень многие связи, привязанные к памяти, к чувствительности, к привычке, к верованиям, но они не заключают в себе необходимости. Связи, существующие в силу необходимости, притом что они составляют реальность мира, сами получают реальность только в качестве объекта внимания интеллекта в его действии. Эта корреляция между необходимостью и свободным актом внимания есть нечто удиви-

тельное. И чем больше требуемое усилие внимания, тем это нагляднее: гораздо нагляднее в фундаментальных истинах, связанным с иррациональными величинами (как например корень из двух), чем в тех, что связаны с целыми числами. Чтобы понять первые из этих истин с той же строгостью, как вторые, чтобы понять их как строго необходимые, требуется гораздо большее усилие внимания. И тем они ценнее.

Добродетель интеллектуального внимания делает эти истины образом Божественной Премудрости. Бог творит в акте мышления. Мы же, прилагая интеллектуальное внимание, хоть, конечно, не творим ничего, но все-таки в своей сфере, в некотором смысле, вызываем к жизни что-то из реальности.

Интеллектуальное внимание находится на пересечении естественной и сверхъестественной частей души. Имея дело с условной необходимостью, оно вызывает к жизни разве что полуреальность. Мы придаем вещам и живым существам вокруг нас, в той мере, в какой она есть в нас, — полноту реальности, когда с интеллектуальным вниманием соединяем внимание высшего порядка, то есть приятие, согласие, любовь. Но уже то, что отношение, образующее ткань необходимости, зависит от акта, производимого нашим вниманием, делает необходимость — нашей, сродной нам вещью, которую мы можем любить. И каждый страдающий человек, если он не совсем малодушен, получает некоторое утешение, если ему ясно видна необходимая связь причин и следствий, заставляющая его страдать.

Необходимость участвует также и в <осуществлении> справедливости. Впрочем, в некотором смысле она противоположна справедливости. Нам не под силу это понять, пока мы не осознаем, какое различие существует, говоря словами Платона, «между природой необходимости и природой блага»²⁷⁶⁸. Справедливость представляется человеку, в первую очередь, как выбор: выбор добра и отвержение блага. Необходимость — отсутствие выбора, безразличное состояние. Но она есть и принцип сосуществования людей. В сущности, высшей справедливостью с нашей стороны является принятие факта, что все фактически существующие люди и вещи существуют наравне с нами. Нам дозво-

лено иметь врагов²⁷⁶⁹, но не дозволено желать, чтобы они не существовали. Если мы в самом деле не имеем в себе такого желания, то не сделаем ничего, что могло бы положить конец их существованию (за исключением случаев строгой обязанности²⁷⁷⁰), мы не причиним им никакого зла. Вот всё, что нам предписано; при этом понятно, что не сделать по отношению к человеку то добро, которое нас побуждают сделать обстоятельства, которое мы вправе и в состоянии сделать, — значит, сделать ему зло. Если мы принимаем существование, наравне с нами, людей и вещей, то не станем искать господства или богатства — ибо господство и богатство для того и употребляются, чтобы сделать вид, будто в мире лишь мы одни, чтобы уменьшить в мире часть всего, что не есть «наше». Все преступления, все тяжкие грехи суть частные формы одного: отказа человеку или вещи в существовании наравне с нами; достаточно пристальный анализ может выявить это в каждом из таких случаев.

Прямоугольному треугольнику невозможно выйти за пределы круга, диаметр которого равен гипотенузе этого треугольника. Есть аналогия между верностью треугольника этому правилу и, например, верностью человека, который отказывается приобрести власть или деньги ценой обмана. Треугольник в этом случае можно рассматривать как совершенный образец для человека. Подобное можно сказать о том, как математическая необходимость проявляет себя в материи: например, о верности плавающих тел правилу: выступать из воды в строгом соответствии с тем, насколько ее плотность превосходит их плотность, не больше и не меньше. Гераклит сказал: «Солнце не перейдет своих пределов; иначе Эриннии, служительницы справедливости, сразу настигли бы его»²⁷⁷¹. Вещи являют неподкупную верность своему месту в порядке мира, такую, пример которой человек может показать, лишь достигнув совершенства, лишь став вровень своему призванию. Созерцание верности вещей, или в самом видимом мире, или в отношениях математических или аналогичных им, есть верное средство к достижению этого соответствия. Первый урок такого созерцания — не предпочитая и не отвергая, согласиться в равной сте-

пени с существованием всего, что существует. Это всеобъемлющее согласие²⁷⁷² тождественно беспристрастию, и даже самое небольшое, даже самое законное предпочтение чего-либо, по видимому, ему препятствует. Поэтому и не надо забывать, что свет солнца проливается на всех. Он является образом творческой воли Бога, которая поддерживает в равной мере всё существующее. К этой творческой воле и должно быть обращено наше согласие.

Красота мира — вот то, что позволяет нам, созерцая необходимость, любить ее. Без красоты это было бы невозможно. Ибо, хотя согласие, о котором мы говорим, есть функция сверхъестественной части души, оно не может осуществиться без определенного помощи естественной ее части, да и без помощи тела. Полнота этого совместного действия есть полнота радости; глубокое несчастье, напротив, делает такое содействие невозможным — во всяком случае, на какое-то время. Но даже люди, что имеют ни с чем не сравнимую привилегию — стать участниками креста Христова — не смогли бы ее достичь, если бы их путь не прошел через радость. Христос познал совершенство человеческой радости, прежде чем погрузиться до самого дна в человеческое горе. А чистая радость есть не что иное, как чувство красоты.

Красота — загадка. Это самая загадочная вещь на земле. Но она есть факт. Все, вплоть до самых грубых или порочных людей, признают ее власть; но при этом весьма немногие в ней разбираются и способны ею пользоваться. Ее вмешивают в самый низменный разврат. Вообще, словами, обозначающими красоту, все называют то, чему они — верно или по ошибке — придают ценность, какова бы ни была природа этой ценности. Как если бы единственной ценностью для них была красота.

Но, собственно говоря, на земле есть только одна красота — красота мира. Все остальные красóты лишь ее отражают — одни верно и чисто, другие ложно, а иные даже с дьявольской извращенностью.

В самом деле, мир — прекрасен. Когда мы остаемся одни среди природы и внимание наше не рассеяно, что-то побужда-

ет нас любить все, что нас окружает, все сотворенное из этой тяжелой, инертной, безгласной и глухой материи. И красота именно тогда живее захватывает нас, когда наиболее ярче всего показывает силу необходимости: например, в горных складках, в гребнях морских волн, в течении звезд. Необходимость сияет своей красотой и в чистой математике.

Без сомнения, именно красота дает нам почувствовать, что необходимость, одной из сторон которой является жестокое принуждение, другой своей стороной есть послушание Богу. Милосердие Провидения сделало эту истину доступной восприятию как плотской части души, так, в каком-то смысле, и самого нашего тела.

Венцом этого удивительного сочетания является символическое присутствие божественных истин в тех связях, которыми необходимость скрепляет порядок мира. Вот подлинное чудо! В нем мы узнаем будто потаенную подпись художника. Смотреть на математику как на чисто рациональные и абстрактные умозрения — двойная ошибка. Да, она такова, но она является и наукой о природе, наукой совершенно конкретной, а при этом еще и мистикой. Все три элемента в ней неразделимы.

Рассматривая свойство, которое располагает по окружности вершины прямоугольных треугольников, имеющих одну и ту же длину гипотенузы, если мы представляем одновременно точку, описывающую окружность, и проекцию этой точки на диаметре, созерцание может идти очень далеко вниз и вверх. Связь между движениями двух точек, одно из которых — круговое, а другое — переменное, создает возможность любых трансформаций кругового движения в переменное и обратно, на которых основана вся наша техника. Так устроен даже станок, на котором точильщик точит ножи.

С другой стороны, если рассматривать не точку, а весь круг, вращающийся вокруг центра, круговое движение предстает нам совершенным образ вечного действия, в чем заключается жизнь Троицы. Это движение составляет операцию без всякого изменения, замкнутую в себе. В переменном движении точки, ходящей туда и сюда по диаметру в пределах окружности, ви-

дится образ земного становления, состоящего из всевозможных нарушений и восстановлений равновесия, изменчивый эквивалент равновесия — как неподвижного, так и активного. Это становление есть земная проекция жизни божественной. Как окружность заключает движущуюся точку внутри диаметра, так Бог полагает пределы всем земным становлениям. По выражению Библии, Он обуздывает волны морские²⁷⁷³. Отрезок прямой, соединяющий точку на окружности с ее проекцией на диаметре для фигуры составляет посредство между окружностью и диаметром; в то же время, с количественной точки зрения он, как среднее пропорциональное, есть посредство между двумя частями диаметра по обе стороны от точки. Это — образ Слова. Вообще, круг необходим для вычисления любого среднего пропорционального между количествами, чье отношение не является рациональным числом, возведенным в квадрат; среднее всегда выводится перпендикуляром, соединяющим точку на окружности с диаметром. Продолжив перпендикуляр в другом направлении, мы получим крест, вписанный в окружность. В оппозиции между четными и нечетными пифагорейцы видели образ оппозиции между естественным и сверхъестественным, по причине родства нечетных с единицей²⁷⁷⁴. Тот же символизм присутствует и в работе точильщика или портного, вращающего с помощью педали маховик швейной машины.

Это всего лишь один маленький пример. В целом, вся математика в наиболее широком смысле слова, если мы соберем под этим названием все теоретические, точные и чистые исследования отношений необходимости, одновременно представляет собой единственное познание материального мира, в котором мы живем, и яркий отблеск истин божественных. Никакое чудо, никакое пророчество не сравнимы с чудом этого согласия.

Для понимания масштабов этого чуда надо учитывать:

— что само восприятие чувственно постижимых вещей даже у наименее развитых из людей неявно включает множество математических отношений, которые это восприятие обуславливают;

— что даже самая примитивная техника всегда в какой-то степени требует использования прикладной математики, хотя бы косвенного;

— что только методическое обращение²⁷⁷⁵ с математическими отношениями в ходе ручного или машинного труда может дать человеку моменты, когда он ощущает свое равновесие с силами природы как естественное счастье;

— что только использование математических отношений дает реально понять, что мир составлен инертной материей, а не несметным числом капризных божеств.

Вот та математика, которая, прежде всего остального, есть некая мистическая поэма, сочиненная самим Богом. Даже возникает соблазн усомниться, что столь великая вещь имеет столь недолгую историю, и предположить, что греки не изобрели геометрию, но лишь частью раскрыли, а частью вернули из забвения ее тайны.

Эти размышления приводят нас к крайне простому видению реальности. «Бог сотворил» означает не: «произвел нечто вне себя», но: отступил, позволяя некой части сущего быть чем-то иным, отличным от Него. На это самоотречение Бога сотворенный мир отвечает своим самоотречением — послушанием. Все мироздание есть не что иное как плотная масса послушания. Эта плотная масса покрыта как бы светящимися точками. Каждая из точек — сверхъестественная часть души разумного создания, которое любит Бога и согласно Ему повиноваться. Те же из разумных созданий, что не любят Бога, суть лишь фрагменты плотной и темной массы. Они тоже целиком послушны; но послушны на манер камня, который падает, повинувшись силе тяжести. Также и души их — лишь материя, психическая материя, подчиненная механизму столь же неумолимому, как сила тяжести. Сами их верования, их свободный произвол, иллюзии, производимые их гордостью, их амбиции, их бунт — всё это феномены, столь же определенные, как рефракция света. Рассматриваемые таким образом, как инертная материя, даже худшие из преступников составляют часть порядка мира и, следовательно, часть красоты мира. Всё повинувшись Богу, следовательно, всё совер-

шенно прекрасно. Сознать это, не на словах, а на деле, — значит, быть совершенным, как совершен Отец небесный²⁷⁷⁶.

Эта вселенская любовь проявляется только в созерцательной способности души. Тот, кто истинно любит Бога, предоставляет каждой части своей души выполнять свойственную именно ей функцию. Ниже уровня сверхъестественного созерцания, на уровне обязанности, находится часть души, в которой противостояние добра злу надлежит соблюдать изо всех сил. Еще ниже находится животная часть души, которую следует методично дрессировать, умело сочетая удары хлыста и кусочки сахара.

Даже у тех, кто любит Бога, даже у совершенных, естественная часть души всегда полностью подчинена механической необходимости. Но присутствие сверхъестественной любви в душе, прибавляя новый фактор к действию этого механизма, преобразует его.

Мы похожи на потерпевших кораблекрушение, что ухватились за доски и, поневоле совершенно пассивные, оставлены на волю волн. Каждому из нас Бог с неба бросает веревку. Кто поймал веревку и не упускает ее, вопреки боли и страху, того, как и прочих, по-прежнему бьют и подбрасывают волны; но, соединяясь с натяжением веревки, эти удары теперь производят на пловца уже совершенно другое механическое действие.

Сверхъестественное не вторгается в область природы; однако природа изменяется от присутствия сверхъестественного. И добродетель, являющаяся общей чертой всех, кто любит Бога, и самые дивные чудеса, сотворенные лишь некоторыми из святых, одинаково объясняются этим влиянием, столь же загадочным, как красота, и в том же роде. И то, и другое представляют собой отблеск сверхъестественного в природе.

Представляя мироздание в виде огромной массы слепого повиновения, усеянной светящимися точками согласия, мы представляем нашу собственную сущность как небольшую массу слепого повиновения с мельчайшей точкой согласия в самом ее центре. Это согласие — сверхъестественная любовь, Дух Божий, живущий в нас. Слепое повиновение есть инерция материи, которую наглядно дает представить нашему воображению сти-

хия, одновременно упорная и текучая — вода. В момент, когда мы соглашаемся на повиновение, мы рождаемся от воды и Духа²⁷⁷⁷. С этого момента мы — существо, составленное только из Духа и воды.

Согласие на повиновение составляет посредство между слепым повиновением и Богом. Совершенное согласие — то, которое исполнил Христос. Наше согласие может быть лишь отражением согласия Христова. Христос — с одной стороны, посредник между Богом и нами, а с другой — посредник между Богом и мирозданием. И мы, в той мере, в которой нам дано подражать Христу, имеем эту удивительную привилегию — быть, в какой-то мере, посредниками между Богом и Его собственным творением.

Но Христос сам — Посредство, сам — Гармония. Филолай говорит: «Вещи разного рода, разного корня и разного порядка необходимо должны быть замкнуты вместе ключом гармонии, способной содержать их вместе во вселенском порядке»²⁷⁷⁸. Христос и есть тот ключ, который замыкает вместе Творца и творение. Поскольку познание — отражение сущего, Христос тем самым есть ключ познания. «Горе вам, законоучители, — говорил Он, — вы похитили ключ познания»²⁷⁷⁹. Этим ключом был Он сам — кого более ранние века любили прежде Его прихода, кого отвергали и стремились убить фарисеи.

Скорбь, по словам Платона, есть распадение гармонии, разделение противоположностей; радость — их воссоединение²⁷⁸⁰. Распятие Христа почти раскрыло замкнутые двери²⁷⁸¹, почти разделив, с одной стороны, Отца и Сына, с другой — Создателя и создание. Двери приотворились. Воскресение их замкнуло вновь. Те, кто удостоен великой чести всем своим существом причаститься Кресту Христову, проходят в двери, приближаясь к самым сокровенным тайнам Бога.

Но и вообще всякий род скорби и, прежде всего, всякий вид несчастья, переносимый как подобает²⁷⁸², проводит человека по ту сторону дверей, показывает ему гармонию в ее истинном лице, разрывая одну из завес, что отделяют нас от красоты мира и красоты Бога. Именно это открывается в конце книги Иова.

Иов, на краю своего горя, которое он, вопреки внешнему впечатлению, выдержал совершенно достойно, озаряется откровением о красоте мира.

Впрочем, радость и скорбь в некотором смысле эквивалентны друг другу. Ибо и радость — откровение красоты. Тому, кто неотрывно устремляет глаза на Ключ, всё помогает идти вперед. Надо только не сводить с него взгляд.

В человеческой жизни имеются три тайны, к большему или меньшему познанию которых причастны все люди, даже самые рядовые. Одна из них — красота. Другая — действие чистой мысли, прилагаемое к созерцанию теоретической необходимости в познании мира, и воплощение чисто теоретических концептов в технике и труде. И еще одна — искры справедливости, сочувствия, благодарности, вспыхивающие по временам среди суровости и металлического холода человеческих отношений. Вот три сверхъестественных тайны, постоянно присутствующих в природе всех людей. Три входа, подводящих к той главной двери, которая есть Христос. И поскольку они существуют, живущий в мире человек не может вести жизнь «мирскую» или «естественную», оставаясь при этом невинным. В жизни возможны только вера, явная или неявная, — или предательство.

Нам надо научиться видеть по эту сторону небес, во всем мироздании, только одно — божественное посредство. Бог есть посредство, и всякое посредство есть Бог. Бог — посредство между Богом и Богом, между Богом и человеком, между человеком и человеком, между Богом и вещами, между вещами и вещами, и между каждой душой — и ею же самой. Ни от чего, ни к чему невозможно перейти, минуя Бога. Бог — единственный маршрут. Он сам — путь. Путь — Дао — таково было Его имя в древнем Китае.

Постичь это божественное посредство человек не может, он может его только любить. Но наше мышление прекрасно постигает его сниженный образ — отношение. Человеческий ум только и думает, что об отношениях. Более-менее глубокий анализ восприятия даже материальных предметов приводит к

выводу, что мы называем предметами сгустки отношений, которые устанавливаются в нашей мысли взаимодействием чувств — зрения, слуха, осязания и проч. То же самое можно сказать о любви или гневе, об идеях, обо всей психологической составляющей человеческого познания.

Внутри и вовне нас всё сплошь заполнено отношениями. В той полутьме, в которую мы погружены, всё для нас есть отношение, тогда как при свете реальности всё, по сути, есть божественное посредство. Отношение — это божественное посредство, такое, как мы смутно видим его в нашей темноте.

Это тождество, которое выразил апостол Иоанн, называя Христа именем Логоса, то есть *отношения*, имели в виду и пифагорейцы, говоря: «Всё есть число»²⁷⁸³.

Научившись этому, мы научимся и жить в божественном посредстве — не как рыба в море, но как капля воды в море. И внутри нас, и вне нас, и в этом мире, и в царствии Божием — повсюду существует только оно. Посредство есть то же, что и Любовь. Высшее посредство есть посредство Духа Святого, соединяющее Бога Отца с равным Ему Сыном, обнаженным от своего божества и прибитым на кресте в некоторой точке пространства и времени. Бесконечное расстояние между ними объемлет всю полноту пространства и времени. Часть пространства, ограниченная для нас кругом горизонта, промежуток времени между нашим рождением и смертью, тающий секунда за секундой, вся ткань нашей жизни — есть лишь фрагмент безмерного расстояния, целиком пронизанного божественной любовью. Самое существо и жизнь каждого из нас составляют маленький отрезок линии, концами которой являются две Личности единого Бога, и по этой линии непрерывно движется третья — Любовь, которая есть тот же Бог. Мы — всего лишь прямая, по которой она проходит, и ни при каких условиях не бываем чем-то другим. И когда мы сами это поймем, когда мы с этим на деле согласимся, тогда ничто относящееся к нашему существу, ни даже то в нас, что нам самим кажется нами, не будет для нас более свойственно, дорого, близко, чем этот непрекращающийся путь Божьей Любви.

NB. Может удивить, что на этих страницах Воплощение описывается не как движение, направленное к людям, но, наоборот, как то, к чему должно двигаться само человечество²⁷⁸⁴. Между этими взаимообратными движениями нет никакого противоречия. О первом движении больше говорят по той очевидной причине, что люди гораздо больше интересуются собой, чем Богом. Но на второе ясно и определенно указывают слова апостола Павла: «Бог пожелал дать своему Сыну многих братьев»²⁷⁸⁵. Такая перспектива, возможно, еще вернее, ибо в отношении с человеком Бог всегда — первый. Она может увеличить понимание тайн человеческой жизни, позволив по-новому взглянуть на наш удел и, особенно, на связь между страданием и грехом. То, что производит несчастье с душами невинных, можно верно понять только помня, что мы сотворены как братья Христа распятого. Абсолютное, охватывающее весь мир, господство необходимости — механической, математической, совершенно глухой и слепой — можно помыслить только сознавая, что все в мире, в полноте пространства и времени, сотворено по подобию Креста Христова. Вот каков был, вероятно, глубинный смысл ответа, который дал Христос ученикам, когда они спросили Его о причинах несчастья слепого от рождения²⁷⁸⁶.

²⁷⁸⁷Первое последствие несчастья — то, что оно заставляет душу кричать: «зачем?», как кричал сам Христос, и непрестанно повторять этот крик, пока остаются силы. Когда мы находим утешительный ответ, во-первых, мы воссоздаем себя; затем, само то, что мы нашли силы его сформулировать, показывает, что страдание, как бы оно ни было тяжело, не достигло еще специфического уровня несчастья, подобно тому как вода не закипает при 99°. Если бы слово «зачем?» выражало поиск причин, ответ явился бы без труда. Но оно выражает поиск цели. Наш мир лишен целесообразности. Душа, раздираемая несчастьем, непрестанно кричит, вопрошая об этой цели, но упирается в пустоту. Если она не отказывается любить, для нее наступает день, когда она услышит — не ответ на вопрос, который она выкрикивает, ибо его нет, — но молчание... как что-то безмерно

более полное значения, чем любой ответ, как само слово Божие. И тогда она знает, что отсутствие Бога здесь и есть Его, Бога, сущего на небесах, присутствие здесь *втайне*²⁷⁸⁸. Но чтобы слышать божественное молчание, надо быть принужденным тщетно искать цели на земле. И только две вещи имеют власть к этому принудить: или несчастье, или чистая радость, даруемая чувством красоты. Красота имеет эту власть, ибо, не содержа никакой частной конечной цели, она дает властное чувство присутствия этой цели. <Для этого> есть только два пути — несчастье и сильнейшая чистая радость; но несчастье — путь самого Христа.

Крик Христа и молчание Отца создают стройность высшей гармонии. Любая музыка может быть лишь подражанием тому, что бесконечно отдаленно напоминают самые звучные наши гармонии, одновременно раздирающие слух и сладостные. Всецелое мироздание, включая такие мелкие его крупницы, как наши жизни, есть звучание этой высшей гармонии.

Существует опасность уклона в пантеизм в любом сравнение такого рода: кажется, что оно растворяет перед Богом всю реальность мира. Но анализ восприятия кубического ящика в этом смысле дает замечательную аналогию, приготовленную для нас Богом. Нет ни одной точки, при взгляде с которой ящик имел бы форму куба. Мы каждый раз видим лишь ту или иную из его граней, углы, которые кажутся непрямыми, стороны, которые выглядят неравными. В этом предмете никто и никогда не увидит куба. Прикасаясь к нему, никто и никогда не ощутит его кубом, по аналогичным причинам. Обходя ящик по кругу, мы можем увидеть бессчетное разнообразие видимых форм. Кубом ни одна из них не будет. Кубическая форма отлична от всех этих видимостей, она вне их области, она трансцендентна по отношению к ним. И в то же время именно она составляет единство их всех. И именно она содержит истину о них²⁷⁸⁹.

Всё это мы так хорошо знаем, мы так в этом убеждены, что с помощью некоторого переноса чувства реальности, каждый раз, видя этот кубический ящик, верим, что непосредственно

и реально видим куб. И это выражение еще слабо. Мы определенно убеждены, что наша мысль находится в контакте с материей в форме куба.

Бог, дав нам в распоряжение телесные чувства, явил совершенный образ той любви, какую мы должны иметь по отношению к Нему. В самой нашей чувственной сфере Он заключил некое откровение.

Как, рассматривая ящик с любой точки, мы уже не видим тупых и острых углов, неравных линий, но именно куб, так, пертерпевая любые превратности этой жизни, находясь в любом душевном состоянии, мы поневоле вынуждены их обнаруживать, но при этом надлежит видеть сквозь них незыблемый, неизменный порядок мира. И этот порядок — не математическая форма; он — Личность; и эта Личность есть Бог.

В младенчестве ребенок приучается пользоваться зрением, осязанием, вкусом, учится чувственному восприятию окружающих его вещей. Подрастая, он овладевает механизмами переноса, аналогичными тем, что связаны с чтением, с новыми формами познания. Этому сопутствуют первые навыки обращения с орудиями и инструментами. Вот и любовь к Богу точно так же предполагает обучение. Ребенок в начале обучения узнает, что каждая буква соответствует какому-то звуку. Позже при взгляде на исписанный лист звучание слова посредством глаз будет входить непосредственно в его мысль. Так же и мы — сперва абстрактно, потому что знаем, что это нужно — начинаем любить Бога во всякой вещи. Только позже, через все происшествия, малые и великие, сплетающие ткань каждого дня, возлюбленное присутствие Бога начинает ежесекундно проникать в самый центр нашей души. Переход к этому состоянию аналогичен тому, как ребенок учится читать, как ученик мастера учится ремеслу; а более всего аналогичен тому, как младенец учится восприятию материальных вещей.

Чтобы облегчить такое обучение, маленьким детям дают предметы регулярной формы, простые в обращении и легко узнаваемые, например, шары и кубики. Так и Бог, помогая обучению людей, дает людям в их социальной жизни — религиозные

практики, обряды и священнодействия, а в их контакте с природой — красоту.

Итак, любая человеческая жизнь, даже самая обычная, самая естественная, если ее проанализировать, соткана, как ткань, из непроницаемых для ума тайн. Эти тайны служат образами тайн сверхъестественных, и это сходство — единственное, что можно о них сказать.

Как человеческая мысль, так и мироздание — суть книги, открытые для тех, чье внимание, просвещенное любовью, и чья вера сумеют их прочесть. Их чтение составляет опыт, и даже единственный определенный опыт. Ни одному человеку, который прочтет на греческом «Илиаду», не придет в голову вопрос: не вводил ли его в заблуждение учитель, когда впервые показывал ему на уроке греческие буквы.

Спасенная Венеция²⁷⁹⁰

Трагедия в трех действиях 1940–1943

Работу над трагедией «Спасенная Венеция» Симона начала в последних числах мая 1940 года. Третью неделю шло немецкое наступление; все дни были заполнены новостями с фронта, обгонявшими одна другую. 26 мая был отбит первый штурм Амьена. (Амьен — один из городов, за который французы дрались по-настоящему: за десять дней на подступах к городу остались около двухсот разбитых немецких танков.) Но в тот же день после четырехдневных ожесточенных боев и ураганных бомбардировок пал Кале. 28 мая, потеряв последние рубежи обороны вдоль рек Лис и Шельда, капитулировала бельгийская армия. 29-го четыре сотни немецких самолетов бомбили Дюнкерк, из которого северная часть французской армии, отрезанная от остальной территории страны, эвакуировалась в Англию. От Дюнкерка немецкие войска устремились на юг, к Сомме. Дороги Нормандии и Иль-де-Франс были запружены: по ним хаотически, под жестокими обстрелами с воздуха, двигались огромные массы людей, автомобилей, лошадей, домашнего скота.

В составе одной из пехотных частей, под бомбами спасавшихся через Ла-Мани, находился и Андре Вейль. Судьба самого дорогого для Симоны человека больше месяца была неизвестна: о том, что брат жив и находится в безопасности, она узнала только в середине июля со слов его друга, математика Анри Картана, случайно встреченного ею в Виши. Все это время шло для Симоны мучительно, как, вероятно, ни один из прежних периодов ее жизни: находясь в своей стране, после сдачи Парижа она

испытала чувство потери родины. В стесненных условиях временных пристанищ, терпя незатихающую физическую боль (здоровье ее в дороге резко ухудшилось, вдобавок к тяжелым годовым болям открылась старая рана на ноге), Симона дала выход своим мыслям, скорбям, болям в новой, впервые выбранной ею форме.

Судя по Тетрадам, Симона бралась за работу над пьесой несколько раз — особенно плотно летом и осенью 1940-го, в январе и апреле 1942 года, затем осенью того же года в Нью-Йорке. Из написанных ею трех вариантов текста ни один не является завершенным. При этом, по недописанным частям оставлены подробные указания, как будто Симона надеялась, что после нее кто-то возьмется завершить ее работу. Так и произошло: впервые «Спасенная Венеция» была поставлена в 1965 году на сцене Университетского театра Марселя; вскоре Би-би-си записала по ней радиоспектакль. Уже в наши дни пьеса ставится итальянскими труппами; в частности, в 2009-м (в год столетия автора) она была впервые представлена на месте ее действия — в Венеции.

Сюжет трагедии не является оригинальным вымыслом или находкой Симоны. Как нередко бывает в драматургии, она заимствовала общие очертания барочной пьесы англичанина Томаса Отуэя «*Venice Preserv'd*» (1682, переработка Г. фон Гофманшталя, 1905), в свою очередь, написанной по мотивам исторического романа аббата Сезара де Сен-Реаля «Заговор испанцев против Венецианской республики» (1674). Симона сохранила даже имена главных действующих лиц Отуэя, наполнив эти роли совершенно новым содержанием²⁷⁹¹.

«Тетради», куда Симона часто вписывает те или иные идеи по поводу пьесы, а частично и ее черновики, дают нам понять, что она придавала своему замыслу большую важность. Материалы по «Спасенной Венеции» отмечаются специальной рубрикой, чего Симона почти никогда не делает относительно статей. Это совпадает с мнением Жана Тортеля: «...Думаю, что она желала бы в первую очередь быть поэтом. Даже думаю, что она пожертвовала бы всеми своими трудами ради нескольких на-

писанных ею стихотворений»²⁷⁹². Вспомним, что античная традиция не отделяла драматургию от поэзии. Несомненно, для Симоны опыт написания трагедии относился к поэтической самореализации. Ни воссоздание события, ни обстановка времени и места, ни само действие не привлекают ее внимания так, как монологи главных персонажей. В них высказываются многие мысли, в той или иной связи изложенные в «Тетрадах». Это и побуждает нас публиковать перевод «Спасенной Венеции» следом за текстами «Тетрадей».

Вероятно, в большей степени, чем творение художественное, «Спасенную Венецию» можно рассматривать как памятник мысли. Для Симоны, впрочем, философия от искусства неотделима. И, в силу той же цельности ее сознания, надо говорить еще и о другой, религиозной стороне трагедии. Симона была убеждена в глубоко-религиозном смысле и назначении самого этого жанра; ее совершенно не удовлетворяла концепция Аристотеля, считавшего назначением главным трагедии моралистическую назидательность²⁷⁹³. Трагический герой несет на себе, говоря языком Симоны, всю тяжесть мироздания. На нем отпечатывается, подобно перстню на воске, действие господствующей в мире необходимости, которая своими безразлично-жестокими ударами кует внешнюю форму судьбы героя. При этом в самой глубине его души хранится и живет росток божественной правды, который не сокрушают никакие удары. Но ведь именно это и есть образ присутствия Бога в мире, воплощения Его в человеке. Трагический герой, по Симоне, есть икона Воплощения Бога. Прометей Эсхила и Ипполит Софокла для нее — прообразы Христа. Черты, уподобляющие героя Христу, намечены и в ряде эпизодов, связанных с Жаффье. Жаффье проходит через свое «искушение дьяволом» в лице Рено (не случайно эта сцена происходит на колокольне собора св. Марка, подобно тому как дьявол искушал Иисуса на кровле Иерусалимского храма), через свое «поругание» в толпе горожан, через сцену «молчания». В своих записях Симона сама признает, что в лице Жаффье ищет идеала, по сути, религиозного, когда характеризует его, или ситуации связанные с ним, в таких выражениях:

«Возобновить, впервые после Греции, традицию трагедии, герой которой совершенен»²⁷⁹⁴.

«Дать почувствовать, что отступление Жаффье — сверхъестественно. (...) Сверхъестественно — остановить время. Именно здесь в стихию времени вступает вечность»²⁷⁹⁵.

«Милосердие — собственно божественный атрибут. Нет милосердия человеческого. Милосердие предполагает бесконечное расстояние. (...) Жаффье»²⁷⁹⁶.

«В конечном счете, орган, которым верят, есть сверхъестественная любовь, даже по отношению к земным вещам. Как только Жаффье обнаруживает, что Венеция существует...»²⁷⁹⁷

При этом в человеческих глазах Жаффье достоин крайнего презрения: из смелого воина, командира, всеобщего любимца он в течение трех дней превращается в двойного предателя, человека, отринутого, кажется, всем миром, без единой сочувствующей души. Еще сильнее впечатляет то, что именно такого героя Симона выбирает в то время, когда в странах, одна за другой увлекаемых смерчем войны, для каждого сознательного человека вставал вопрос: «С кем ты?». Речь шла о том, чтобы примкнуть к одной или другой из огромных противоборствующих сил, разделивших надвое мир. На уровне действий, поступков, Симона и сама стремилась к тому, чтобы примкнуть к антигитлеровским силам, мечтая перебраться в Англию и оттуда принять участие в работе по освобождению своей страны. И то, что попытка кончилась бедственно, то, что Симона, в конце концов, резко и бесповоротно разошлась со «Сражающейся Францией» де Голля, то, что этот разрыв стал и концом ее физического существования, — всё это предугадано в образе Жаффье. В противоборстве между Испанской империей, с ее жестокой силой и претензией на мировое господство, и Венецией, с ее собственными масштабными амбициями, Жаффье делает свой выбор. Он выбирает не ту или другую силу, но вещь абсолютно бессильную, к которой нельзя примкнуть, от которой нельзя искать поддержки. Выбирает красоту — как лик Бога. Выбирает город — не как социально-политическую общность, а как

образ красоты мироздания и укорененности человека в нем. Именно через город, единство природной среды, труда и культуры, проходят корни, связывающие человека с мирозданием, питающие его душу и тело. Ради этого всеединства, отображенного в городе, точнее, ради внутреннего, невыговариваемого его переживания, ради жалости к хрупкому человеческому чувству дома, Жаффье, бездомный бродяга, солдат удачи, жертвует товарищами, лучшим другом и собственной честью. Ради этого он отдает в конце и собственную жизнь, так как любовь к высшему, трансцендентному, образом чего является город, не позволяет Жаффье самому «укорениться» в городе, ценой жизни товарищей приняв в Венеции важный пост, который ему готовы предложить.

Не будет натяжкой сказать, что в лице Жаффье Симона изобразила отчасти саму себя. В те дни, когда огромная масса народа Франции, не говоря уже о политической элите и ведущих фигурах экономики, смирилась с оккупацией, вассальной зависимостью и была готова идти за новыми господами, куда они поведут, она всей душой искала возможности встать за честь и свободу страны. Но поступаться в этой борьбе совестью, входя в союзы с силами столь же несправедливыми, жестокими, столь же враждебными красоте и бытийным корням человека, в ее глазах было губительно для дела освобождения. Такой силой — мы это знаем определенно — был для нее сталинизм. Бороться против одной силы, лишаящей свободы, достоинства и корней другие народы, приближая торжество тех же тенденций под другими флагами и масками — именно к этому склоняла логика политических альянсов и компромиссов. Философия Симоны, ее идеалы не позволили ей пойти этим путем.

Числить Симону активной и однозначной — пусть и бесполезно-романтической — сторонницей Сопротивления, считать ее разрыв с де Голлем и его организацией лишь причудой оторванной от практики интеллектуалки или вывертом истерички — недопустимо-простое решение. В мировой схватке сотен миллионов она — за всех и ни за кого. За чистую любовь и против всевозможных ее подмен. Антигона. Та трагическая

героиня, которой суждено пасть мертвой в конце трагедии, кому бы ни досталась победа в схватке. Доживи Симона до 1945 года, кто знает, не обрила бы она себе волосы, как насильно обривали головы женщинам, сожительствовавшим с немцами, и, как многие, не погибла бы под каблуками уличной толпы или от камня, пущенного кем-нибудь в патриотическом раже.

Образ Жаффье дает ключ к пониманию ее позиции, ее поведения лучше, чем почти все остальное, что ей написано.

«Спасенная Венеция» является сгустком философии «Тетрадей» и в этом смысле.

Спасенная Венеция

Трагедия в трех действиях

«Спасенная Венеция». Пояснительная заметка²⁷⁹⁸. — Маркиз де Бедмар, посол Испании в Венеции, в 1618 году составил план заговора с целью покорения Венеции власти испанской короны, которая в то время господствовала почти над всей Италией. По причине своего дипломатического статуса желая остаться в тени, он доверяет осуществление плана Рено, пожилому французскому дворянину, и Пьеру, провансальскому пирату, капитану корабля, опытному моряку. Рено поручена подготовка, Пьеру — военная часть операции. Им удастся привлечь на свою сторону значительную часть наемных войск венецианского гарнизона и многих офицеров, в большинстве иностранцев. Планируется внезапно, под покровом глубокой ночи, одновременно захватить наиболее важные объекты города, устраивая при этом многочисленные пожары в жилых кварталах и уничтожая всех, кто решится на сопротивление. Для выступления выбрана ночь накануне праздника Пятидесятницы. Жаффье, один из главарей заговорщиков, движимый состраданием к городу, срывает заговор, сообщив о нем Совету Десяти. Историки, особенно испанские, отрицали реальность этого заговора, используя, впрочем, весьма шаткие аргументы. Во всяком случае, является неоспоримым фактом, что Совет Десяти подверг казни несколько сотен человек, и что Бедмару пришлось покинуть Венецию.

Сюжет: заговор испанцев против Венеции в 1618 г., описанный аббатом де Сен-Реалем²⁷⁹⁹.

Действующие лица:

Жаффье, провансалец, капитан корабля.

Пьер, то же.

Рено, французский дворянин.

Три офицера.

Три наемника (неопределенного происхождения).

Куртизанка, гречанка в венецианском подданстве.

Секретарь Совета Десяти.

Виолетта, его дочь.

Бассио, его доверенный помощник.

Один из его слуг.

Ремесленник и подмастерье, жители Венеции.

Место действия:

Венеция. Действие I — по пути от куртизанки (близ площади Сан Марко²⁸⁰⁰). Действие II — площадь Сан Марко (на Кампаниле?²⁸⁰¹). Действие III — площадь Сан Марко, или, скорее, Пьяццетта²⁸⁰².

Время:

Действие I — раннее утро (задолго до рассвета), канун праздника Пятидесятницы (праздника обручения Венеции с Адриатикой)²⁸⁰³. Действие II — тот же день. Действие III — день праздника; начинается глубокой ночью, кончается на рассвете. (Всё вместе — немногим больше суток.)

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

I

Первая часть: до речи Рено. (NB. Предполагается, что все персонажи присутствуют на сцене в течение всего действия, но меняют местоположение.)

Д в а о ф и ц е р а

Пойдем же, посмотрим, как через пару часов и взойдет последнее утро над этой величавой Венецией. Завтрашняя заря взойдет уже над одним из рядовых владений испанского короля. И ведь сделать это большое дело выпало не кому-то, а нам. Нам, горстке бродяг, и т. д.

Воспоминания о перенесенных бедствиях, о собственных горячих поступках, которые некогда заставили большую часть участников заговора покинуть дом и искать удачи на чужбине — усилить дальше.

Речи о заговоре, о перспективах славы и удачи, о маркизе Бедмаре (испанском посланнике в Венеции), о Рено, Пьере, Жаффье. Похвальные отзывы о каждом из них (беглый портрет), но прежде всего, о Жаффье. Его приятно иметь вожаком. Вот прирожденный командир: гордый, решительный, при этом справедливый, он бывает даже нежен, когда это уместно²⁸⁰⁴. Он прямо-таки создан для великих дел. Да, это ему больше идет, чем Пьеру... Но все же ему повезло с Пьером, они такие друзья! Хотя такой же чудесной мужской дружбой связаны все заговорщики; это ватага отличных, отборных ребят. Полная уверенность в том, что никто не выдаст тайну. Разговоры о разном, проекты на будущее.

II

Офицер, Пьер, затем Жаффье, Рено, другие офицеры

Офицер заранее поздравляет Пьера с его грядущим величием. В следующую ночь он встанет во главе захвата Венеции и всех зависимых от нее территорий во имя короля Испании. Об этом уже можно говорить как о совершившемся факте: успех обеспечен. «Какая слава, какое могущество! Но все это достанется вам по праву». Он просит Пьера быть благосклонным к нему, когда тот достигнет могущества. Пьер обещает его не забыть; да, он тоже считает себя счастливым. Но из даров фортуны он обладает таким, рядом с которым все другие в его глазах ничего не стоят: у него есть верный друг. Разговор об этом друге, об этой дружбе, о дружбе вообще.

Пьер

Жаффье куда более меня достоин столь высокой удачи. Но он об этом не думает; он радуется, что она досталась мне. А я, со своей стороны, был бы счастлив уступить ее ему. Разве может что-то разделить друзей, которых даже честолюбие не способно поссорить!

Офицер

Но говорят, даже самую лучшую дружбу может разбить женщина.

Пьер

Это не про нас с ним. Для меня, к примеру, любая хорошенькая бабенка стоит не больше, чем любая другая; их везде хватает. Кроме удовольствия, мне от них ничего не надо. Я ни минуты не раздумывая пожертвую ради друга какой угодно любовницей. А Жаффье человек такой: когда он любит женщину, то так ее уважает, что даже если она полюбит другого, он будет уважать ее выбор. Думаю, если он полюбит женщину, о которой будет знать, что я к ней привязан, то он не признается в этой любви даже сам себе. (Усилить.) Правда, мы часто гово-

рили между собой, что ни разу не испытали любви, которая была бы хоть в чем-то подобна нашей дружбе. Из близких людей у него только я; так же и он у меня. Вы просто не можете представить себе, что такое наша дружба. Нашей дружбы ничто не может поколебать. Любой из наших мне как брат, и для Жаффье тоже; но мы с ним друг для друга — больше, чем братья. Моя нынешняя удача ничем меня не обрадует, если я не смогу разделить свою радость с ним.

О ф и ц е р

Послушаем, сейчас будет говорить Рено.

Р е н о

Длинная, пылкая речь, излагающая все стороны заговора и восхваляющая его цель. В речи возникают и вновь постоянно появляются в качестве подспудной темы намеки на прежние факты из биографий заговорщиков. Почти все они — авантюристы, которых погнали на поиски удачи бедствия и перенесенные насилия.

Вы — творцы истории. Вы разрушите эту тиранию, ненавидимую собственными гражданами, которая своими интригами противостоит единству Европы. Благодаря вам Европа окончательно сплотится под короной Габсбургов. И корабли соединенной Европы, бороздя моря, покорят, цивилизуют, обратят в христианство весь земной шар, — что Испания уже совершила для Америки. И все это сбудется благодаря вам.

(Между прочим:)

Если мощь Габсбургов не принудит Европу к миру, ей грозят годы и десятилетия опустошений. Австрийский дом стоит на пороге мирового господства; если он его упустит, повсюду запылают долгие, кровавые и разрушительные войны.

Турецкая угроза. Необходимость единства всего христианского мира и т. д. Показать, что Испанию вынуждает к этому замечательному предприятию внешняя необходимость. Эта тема необходимости, принуждающей добиваться индивидуального или национального преобладания возникает повсюду

в первом действии, а затем и во втором — в сцене беседы Рено и Жаффье.

Итак, хоть выполнение нашего проекта по необходимости должно наводить ужас...

Описание захвата города в шести-семи строках — или больше?

...пусть это вас не остановит. Это будет кратковременное зло во имя продолжительного блага.

Приводит примеры из Ветхого Завета.

Ваша слава, и т. д.

Их доля как авантюристов не оставляет другого выхода их амбициям, кроме подобных дел.

На протяжении всей этой первой части — веселье, тщеславие, опьянение действием и силой без малейшей тени беспокойства. Раджас²⁸⁰⁵.

III

Рено, Пьер

Вторая часть: после речи Рено.

Пьер выражает признательность Рено за его речь. Он замечает, что Рено озабочен, и спрашивает, в чем дело. Ведь все идет как надо. Рено, сначала затрудняясь с ответом, затем объясняет, что, обращаясь к заговорщикам, он видел, как лицо Жаффье побледнело и исказилось. Рено не на шутку обеспокоен таким проявлением слабости. Он боится провала, боится за всех и ради предосторожности предлагает умертвить Жаффье. Сильнейшее возмущение и протесты Пьера; он ручается за Жаффье. Ему известны его мужество, верность, преданность друзьям. Жаффье присоединился к заговору ради дружбы с Пьером (вспоминает, как). Он вступил в их круг и принес клятву по одной лишь дружбе, даже не зная, о чем идет речь, потому что находился тогда далеко от Венеции. Пьер сам призвал его сюда, желая, чтобы он участвовал (?)²⁸⁰⁶. А теперь Пьер должен предать их дружбу? Чего еще ради? Жаффье испугается? Он нико-

гда не был трусом — он, мужественный, решительный, отважный в помощи тем, кто ему дорог... Рено не уступает. У него есть опыт, он хорошо знает этот тип людей, которые охотно ввязываются в большие предприятия, но проявляют малодушие, когда дело доходит до их исполнения. Лицо Жаффье переменилось именно в момент, когда Рено говорил об исполнении. По прежним геройским поступкам Жаффье еще нельзя быть уверенным в его мужестве и на этот раз. Заговор требует мужества особого рода, требует того, на что может не хватить духа у человека, способного выстоять во многих других рискованных предприятиях. В подобных случаях выход один — устранить малодушного. Конечно, жаль; Жаффье дорог и ему; но такова необходимость. Что значит жизнь одного человека, когда под угрозу ставится дело, способное изменить мир? Пьер пытается доказать, что Жаффье нельзя убивать в том числе и в видах успеха заговора. Его так любят, уважают, им так восхищаются, что его исчезновение не может не взволновать всех. Даст или не даст Рено заговорщикам убедительное объяснение этого факта, ропот будет велик. Пьер вызывает одного из офицеров.

IV

Рено, Пьер, Офицер

Пьер (Офицеру)

Мы тут вместе с Рено обсуждаем, кто лучше других сгодился бы мне на замену, если со мной вдруг что-то случится.

Офицер

Жаффье, конечно; все вам ответят то же самое.

Пьер

А что вы сами думаете о Жаффье? Я-то настолько с ним близок, что мне иногда бывает любопытно: а каким он кажется тем, кто его знает меньше?

Офицер в нескольких словах дает Жаффье превосходную характеристику. Прирожденный вождь, которому повинешься с охотой. Достоинство, справедливость. Пьер отпускает его и вызывает другого.

V

Рено, Пьер, другой офицер

На той же сцене, чуть поодаль. Похвалы Жаффье уже с другой стороны (товарищ Жаффье по совместному побегу из мавританского плена? Описывает его непреклонную твердость перед ударами судьбы, его выдержку, которую, впрочем, иногда бывает под силу поколебать его же состраданию (?)).

VI

Рено, Пьер

Пьер

Видите? Вы не сделаете так, чтобы он исчез, и это не вызвало угрожающего волнения среди наших.

Рено

Я все это вполне учитываю, но полагаю, что с его стороны нам грозит такая тяжкая опасность, что, увы, единственным решением мне кажется его смерть.

Пьер

Послушайте... И вы говорите это мне — мне, который ради Жаффье откажется от трона германского императора, если его предложат за такую цену? Мне, который ради его благополучия пожертвует земным шаром, со всеми, кто на нем живет? Вам кажется, его жизнь представляет для вас опасность? А что, если я стану вашим смертельным врагом и пойду на всё ради вашей гибели? Это вам не кажется опасным?

Р е н о

Успокойтесь; я ничего не сделаю без вашего согласия. Я считывал, что пускаясь в столь великое предприятие, которое изменит лицо мира и на столетия определит его будущее, вы будете готовы принести в жертву нашему успеху любые привязанности. Ведь мы с вами сами требовали такой же решимости от каждого из наших товарищей.

П ь е р

Да. Любые привязанности, кроме одной, кроме моей дружбы. Всё что угодно, только не трогайте моего друга.

Р е н о

Хорошо. Я уступлю, и желаю вам не ошибиться в вашем доверии. Но прислушайтесь ко мне, я чувствую, что ваш друг нас предаст. Допустил слабость однажды, допустит и еще. Как бы вам не пожалеть, что не послушали голос разума. Быть хорошим заговорщиком, значит, не иметь привязанности ни к чему.

П ь е р

Я его знаю. Вот увидите, он будет нашей лучшей опорой.

Р е н о

Дай Бог вам оказаться правым; только я опасюсь, что будет ровно наоборот. Ладно, как бы ни было, нужно немного поспать.

VII

*(Последняя, очень короткая, сцена,
где один из офицеров говорит:)*

О ф и ц е р

Светает. На заре следующего дня город падет к нашим ногам; мы будем его господами.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

I

Пьер, Рено

Пьер получает от Совета Десяти приказ немедленно сняться с якоря. Он не усматривает в этом дурного знака; с другой стороны, невыполнение приказа не может не возбудить подозрений. Но у него есть хорошая мысль: в эту ночь его заменит Жаффье — он возглавит заговорщиков в момент захвата города, а потом примет командование над городом и над его владениями. Таким образом, если даже допустить его минутную слабость — во что Пьер не верит — эти ответственность и власть вернут ему в полноте его мужество. Пьер счастлив, что его другу выпадет та удача, которой он достоин. Пьер уже получил санкцию на эту замену со стороны маркиза де Бедмара, при условии согласия Рено. Рено не возражает, но он изумлен.

Р е н о

Что до меня, я не уступил бы никому награду, обещанную за участие в деле. Ведь вы знаете, мне предстоит получить высокий пост при мадридском дворе.

Он полагает, что все без исключения разумные существа стремятся использовать всю власть, которая находится в распоряжении любого из них. Это кажется ему таким же законом для человечества, как сила тяжести — законом для материи. Добровольно уступить власть — в его глазах, противостоит.

Пьер

Потому что вы не знаете, что такое дружба. Вы были бы правы, говоря о ком угодно, кроме Жаффье. Но Жаффье — это больше я, чем я сам. Именно так. Не могли бы вы удалиться на некоторое время? Я хочу узнать, как он примет эту новость.

II

Пьер, Жаффье

Пьер почти сухо объявляет Жаффье о замене. Тот одновременно выражает сожаление и признательность.

Ж а ф ф ь е

Из всех на это дело годен только ты. А я к этому не стремлюсь. Заменю тебя только на одну ночь, а потом...

П ь е р

Нет, нет, так будет в самом деле лучше. Эта удача куда более по праву твоя, чем моя. Эта роль тебе гораздо более к лицу. Наконец ты будешь обладать городом, который любишь. Именно потому, что ты его любишь, ты станешь его повелителем!

Ж а ф ф ь е

Да, вся эта красота окажется в моих руках. Кто бы мог подумать...

При напоминании об этом пусть будет затронута (предпочтительно, устами Жаффье) тема времени (середина дня), солнечного течения и света.

Темы дружбы и счастья, крещендо; на высшей точке появляется Виолетта.

III

Пьер, Жаффье, Виолетта

Наступающий праздник переполняет Виолетту чистой радостью.

В и о л е т т а

О, как я хочу, чтобы скорее наступило завтра! Вы никогда не видели праздника в Венеции? Это несравнимо ни с чем на

свете, вот увидите! Как буду рада показать вам мой город во всем его блеске! Какая будет чудесная музыка!..

(Монтеверди²⁸⁰⁷) и т. д. Ей жаль, что Пьеру не придется быть, но хотя бы Жаффье придет, неправда ли? Они оба отвечают уклончиво, Жаффье говорит совсем мало.

IV

Пьер, Жаффье

Ж а ф ф ь е

Мне показалось, тебе нравится эта девушка. Какие ты мне дашь распоряжения несчет нее на следующую ночь? Ведь я должен позаботиться о ее безопасности?

П ь е р

Нет-нет, что ты! Ты пропадешь, если будешь заниматься такими вещами в эту ночь. У тебя будет слишком много важного, чего нельзя упустить из виду. Вот если не упustiшь, то обрадуешь меня больше всего. После победы я ею с удовольствием попользуюсь, конечно, если останется цела. А нет — так есть много других. С завтрашнего дня у нас будет только и заботы, что выбирать себе знатных девушек: особенно тебе, бравому красавцу: все будет в твоей власти. Довольно об этом. Итак, ты полностью в курсе всех мер, которые надо принять сегодня вечером?

(Некоторые технические детали подготовки.)

Ж а ф ф ь е

Да.

П ь е р

И — прости меня за этот вопрос, я знаю твой ответ, но обязан спросить — ты *готов* принять командование над столь славным делом, ведь правда? С приближением часа действия, ты не ощущаешь никакого опасения, никакого беспокойства?

Ж а ф ф ь е

Никакого опасения, нисколько; чего опасаться, когда дело так тщательно подготовлено? Я рад стать во главе столь великого дела, во главе отряда таких отважных и крепко спаянных людей, какого, может быть, не видели века. Никакого беспокойства; разве что, как правду сказал Рено, мне трудно думать без жалости о разграблении города.

П ь е р

Ах, вот почему ты побледнел тогда! Но ничего. Многие великие на миг давали волю жалости, а некоторые даже проливали слезы после того, как совершали свои великие подвиги. Но их решимости это не могло поколебать. И римляне плакали над Карфагеном, однако ж его разрушили.

(Ссылка на Кортеса?)

Зло, которое мы сделаем, есть необходимость; впрочем, оно будет коротким и его будет немного. Жалость никого никогда не останавливала. Это лишь поверхностное волнение чувств; то, что подчас бывает слабой стороной у самых благородных натур; но она не проходит глубоко в душу. Кто говорит, что его «остановила жалость», прикрывает этим разве что трусость. Но ведь ты, друг, — ты никогда не был трусом; и как радостно думать о славе, которой мы себя покроем. Как я хочу, чтобы завтра настало скорее! Как прекрасно знать, что завтра ты, наконец, займешь место, которого достоин, в самом центре великих событий — и все глаза будут смотреть на тебя.

Пьер говорит об их высоком предназначении, об их отчаянном прошлом.

Ж а ф ф ь е

Ну, как я могу в эту ночь не превзойти самого себя, чтобы быть достойным такого друга, как ты! Во мне всё нацелено на исполнение нашего плана.

Пьер

Смотри, друг, какой блеск будет наградой за лишь одну ночь усилий! Каков плод — стоит лишь руку протянуть! Протяни же ее. Посмотри на этот город у твоих ног²⁸⁰⁸ — вот образ того, что будет завтра!

(Может, еще вот это:)

Возлюбленный друг, ты к блеску победы готов,
Этот город — тебе, в эту ночь ты обнимешь его,
Укротив его тело смертельным объятьем.
Ты им будешь владеть. Как прекрасно зваться владыкой!
Ты для этого и рожден — покорять, повелевать!
Завтра, друг, сладко будет увидеться завтра, когда
Ты расскажешь о нашем триумфе, со мной обходя
Эти дивные площади, улицы, зданья, каналы!
Наши, друг, для тебя и меня. О, скорее настало бы завтра!

Переменить порядок. Пусть Виолетта придет в конце диалога Пьера и Жаффье, на высшей точке экзальтации Жаффье, сразу после его слов. После ее ухода останется лишь малая часть диалога, которая касается ее. Жаффье не скажет почти ничего, разве что в конце: Ты прав; чть такое мужчина или женщина по сравнению со столь великим делом!

Пьер

С тобой Рено. Следуй во всем его советам. Это чудесно про-
ницательный ум, это неисчерпаемая кладовая высокой полити-
ческой мудрости.

Дает краткую характеристику Рено. (N. В. Спит ли Жаффье между I и II актом? Между II и III актом он не спит.)

V

Пьер, Жаффье, Рено

Пьер (к Рено)

Мне пора отбыть; но я еще более спокоен за успех нашего предприятия, чем если бы остался. Поверьте, я знаю своего друга: ни один из нас не годится лучше, чем он, для столь великого дела. Он намного превосходит нас, и он это докажет. Как хорошо, что он сможет меня заменить! В ином случае я отплыл бы в большой тревоге. Я за всю жизнь никогда не ведал страха, хотя перенес много опасностей; но признаюсь, есть кое-что, от чего и я дрожу: эти изощренные пытки, что в обычае здесь, в Венецианской республике. Любой знает, что их никакому герою не вынести. Если бы я рисковал живым попасть в руки Совета Десяти, да, я бы в самом деле боялся. Но коль в эту ночь во главе предприятия будет стоять мой друг, никакая опасность не грозит. У нас все предусмотрено: теперь дело за его решительностью, храбростью и умом. В успехе нет сомнения. Наставляйте его, Рено, как наставляли меня. (К Жаффье) До скорой встречи, друг; мы разлучаемся лишь на сутки. Завтра в этот час снова будем вместе — как победители, овеянные славой.

VI

Жаффье, Рено

Рено преподает Жаффье курс политической науки, готовя его к его новой роли. Он обращается к нему в тоне большого уважения. Дополнительные технические детали. Жаффье спрашивает у Рено, какие меры он посоветует принять, чтобы ограничить разрушения во время грабежей.

Рено

Прежде всего, не заботьтесь об этом.

Ж а ф ф ь е

Но разве не мой долг передать город королю в возможно лучшем состоянии?

Р е н о

Ваше чувство долга делает вам честь, но вы погубите всё, если в настоящее время будете об этом думать. У вас будет для этого время после нашей победы — даже не завтра, а скорее послезавтра.

Изложение. (Его порядок еще не определен окончательно.)

Смотрите на этот город, вместе с населением, как на игрушку, которую можно бросить так или сяк, а можно и разбить. Уж вам-то следует знать, что на мысли у наемников и даже у офицеров только это. Мы, ясное дело, выше этого, мы делаем историю. И все же, скажу за себя, когда такие как мы... *(снова воспоминания о перенесенных бедах, раздумья о доле авантюриста, изгнанника)* ...в этом есть какая-то изысканная приятность: смотреть сегодня на этих самодовольных венецианцев, которые еще верят, что существуют. Каждый из них пока еще верит, что у него есть семья, дом, богатства, книги, редкие картины. Они принимают самих себя всерьез. А уже сейчас, уже с этого момента они не существуют, они всего лишь тени. Честное слово, об этом приятно думать; впрочем, для нас с вами это побочное удовольствие. А для солдат оно — единственное. Что для них, для большинства из них — история? То, что произойдет этой ночью, не принесет перемены в их судьбе, не принесет им славы; они останутся, как были, солдатами. Дайте им город как игрушку на одну ночь; ну, еще на следующий день. Прежде всего, если у вас есть личные друзья в городе, вы, как вождь, не вздумайте оказывать никому из них покровительство. Иначе офицеры захотят делать то же самое. В ситуации, как наша, забота о ком-либо губительна. Это расхолодит людей. Дайте им полную свободу убивать всё, что им противится, и даже всё, что им просто захочется убить. Только такая свобода придаст акции ошеломительность, необходимую для нашей победы.

Но ведь и для самих венецианцев к лучшему, что нам приходится поступать именно так. Эти люди с завтрашнего дня увидят себя подданными короля Испании. Надо сломить их дух одним ударом, раз и навсегда, для их же пользы, чтобы затем приучать к повиновению, уже не проливая крови. Иным способом вы этого не достигнете. Потому что, как мне уже приходилось говорить участникам нашего дела, почти все здесь ненавидят Испанию и страстно преданы своему отечеству и свободе — как благородные, так и простолюдины. И если вы не сломите их дух раз и навсегда, они рано или поздно восстанут, и подавление мятежа потребует большего кровопролития и принесет больше вреда вашей репутации, чем все ужасы разграбления. Жестокости этой ночи не запятнают вас, ибо кому же неизвестно, каким бывает солдатский разгул в захваченном городе. Вы остановите этот разгул, когда он зайдет слишком далеко. И поскольку именно вы после террора восстановите порядок и безопасность, местные жители будут повиноваться вам слепо. Они покорятся вам против воли; но настоящий вождь всегда любит, чтобы ему покорялись. И почти сразу они вас и полюбят, ибо только от вас будет зависеть все плохое или хорошее для них; ведь любят того, от кого зависят поностью. Надо, чтобы эта ночь их изменила. Сегодня вы видите их гордыми, свободными, благополучными. А завтра — пусть никто из них не осмелится поднять глаза перед последним из ваших солдат. И потом вам будет легко управлять ими в полном спокойствии, со славой, если только с самого начала вы позаботитесь о том, чтобы унижить благородных, отчего народ придет в смятение, а при этом оказать милость кое-кому из среднего сословия, поставив на такие места, куда благородные их не допускали; конечно, эти места потеряют какую-либо связь с реальной властью. А благородных надо лишить всякого веса; пусть те, которые прежде гордо смотрели на чужеземцев, теперь не будут в состоянии сделать что-либо — торговать, жениться, переселиться — иначе, как долго-долго промаявшись в приходе у испанцев, ожидая разрешения.

За эту ночь и завтрашний день жители города должны почувствовать, что они не более чем игрушки, почувствовать себя

пропащими. Пусть внезапно, раз и навсегда почва уйдет у них из-под ног, чтобы они больше не могли обрести равновесие, кроме как повинаясь вам. И тогда, как бы сурово вы ими не правили, они — даже у кого ваши солдаты убьют отца или сына, обесчестят дочь или сестру, — даже те из них будут смотреть на вас как на бога. Они будут цепляться за вас, как ребенок за юбку матери. Но для этого нужно, чтобы в эту ночь всё было поправлено, чтобы всё, что они считали вечным и священным, чтобы их тела и тела тех, кто им дорог — чтобы всё это у них на глазах стало игрушкой для больших детей — ваших солдат. Пусть с завтрашнего дня они перестанут понимать, где находятся, пусть не узнают ничего вокруг, не узнают самих себя. Вот для чего, кроме тех, кто будет убит при сопротивлении, хорошо бы немного убить и еще; чтобы побольше было таких, кто бессильно терпел, когда у них на глазах убивали или бесчестили их милых. Вот тогда все пойдет как надо.

Ж а ф ф ь е

Когда я смотрю на этот город, в такой красоте, могуществе и покое, и думаю, что этой ночью мы, кучка неизвестных людей, станем его хозяевами, мне кажется, я вижу сон.

Р е н о

Так и есть, мы видим сон. Люди действия, люди больших начинаний — всегда сновидцы; они предпочитают реальности грёзу. Но силой оружия они заставляют и других видеть свои сны. Победитель смотрит свой сон; побежденный смотрит чужой сон. Все граждане Венеции, которые переживут эту ночь и завтрашний день, до самой смерти останутся не сознающими, живут они на самом деле или видят сон. Но их город, их свобода, их могущество с завтрашнего дня покажутся им еще менее реальными, чем сон. Оружие даст сну власть над реальностью. Такое оцепенение и делает людей подвластными. С завтрашнего дня они должны будут верить, что они являются вассалами Испании испокон веку, что никогда не имели свободы. Небо, солнце, море, каменные памятники потеряют для них свою ре-

альность. Их дети будут рождаться не имеющими корней. Но чтобы лишить их чувства реальности, нужен сокрушительный удар. Как это прекрасно, что наше предприятие совершится в ночь накануне их праздника, чтобы утренняя заря взошла уже не над праздником, а над разгромом. Отменная дрессировка. Завтра они встанут не чтобы праздновать, а совсем для других вещей.

И т. д. Тема ирреальности. Карфаген, Персеполь²⁸⁰⁹.

Также лучше, если, после того как разгул войска будет прекращен, порядок и безопасность восстановлены, вы станете управлять сурово. Надо разом переменить всю их жизнь, жизнь каждого дня. Чтобы они ни дня не чувствовали себя дома, но будто у чужих, на милости чужих; только так они смогут покоряться без пролития крови. А иначе как они смирятся с тем, что за одну ночь потеряли всё? Неплохо, если будет разрушено достаточное число церквей с их фресками; на их месте построят церкви в испанском вкусе. Постоянно смотря на то, что им ненавистно, даже когда они обращаются к Богу, они сами признают, что рождены для повиновения. Следует совершенно запретить их песни, их зрелища, их празднества. Их художники и музыканты будут отосланы к мадридскому двору; там их оценят²⁸¹⁰. Пусть жители города на своей земле чувствуют себя чужаками. Лишать завоеванные народы корней всегда было и будет политикой завоевателей. Город следует умертвить до такой степени, чтобы граждане думали, что любое их восстание, даже удачное, не в силах его воскресить; останется одно — покоряться. Тогда ваши желания, ваши фантазии, ваши грезы — ваши, их господина! — неизбежно станут для них единственной реальностью. Вы будете одним из тех людей, грезами которых принуждены жить народы. Когда вам придет на ум, чтобы кто-то из этих людей умер, он умрет. День изо дня любая вещь будет напоминать каждому из подвластных вам людей — да, так надо! — что он жив лишь постольку, поскольку вы предпочитаете оставить его в живых. Так вся их жизнь выстроится в со-

ответствии с вашей мыслью. Их жизнь и их смерть станут лишь вашим сном. Есть ли жребий более славный? Вот каков сладостный плод победы! Вы должны чувствовать себя счастливым!

Жаффье прерывает это изложение своими репликами и вопросами. В начале — тоном уважения, пыла и искреннего восхищения; мало-помалу печальнее, суше и холоднее. Наконец, сухим и надменным тоном благодарит Рено, хвалит его мудрость, говорит о себе, что готов следовать его столь предусмотрительным советам; но теперь он должен закончить приготовления.

Двусмысленные слова в конце речи Жаффье:

Ж а ф ф ь е

Я полностью убежден истиной ваших слов и буду вести себя соответственно.

Жаффье кажется (и на самом деле) полностью убежден правильностью рассуждений Рено, которые он усвоил с первого раза. Удаляется.

VII

Рено (один)

Р е н о

Пьер прав. Этот Жаффье годится на большие дела.

Хвалит также его способности и ум, которые отчасти проявились в репликах.

Меня только удивляет, что его не радует ожидающая его огромная удача. Но он и в самом деле не способен на страх. Я не разобрался в нем, я допустил ошибку. Однако, не знаю почему, мне все-таки беспокойно.

VIII

Рено, Офицеры

Офицеры сообщают Рено о трудностях с наемниками, которые уже не могут сдерживать дерзость в обращении с жителями города. Есть риск возбудить подозрения. Затем — бессвязные речи о заговоре. Ребяческая веселость, упоение игрой.

Первый офицер

Но это ведь самый жаркий момент! Как, бывало, мальчишкой...

(Вспоминает что-нибудь из Плутарха? (Ср. Рец²⁸¹¹.) Воспоминания о былых забавах во время разграбления городов.)

Второй офицер

Этим городским, что слишком много о себе понимают, вид обнаженной шпаги мигом дает понять, чье такое солдат. Тут они становятся почтительны, заискивают, ластятся, как дети. Видал я, как один такой хватался за ботфорты солдата, а тот его знай отпихивает...

Рено почти не принимает участия в этом разговоре.

IX

Рено, Офицеры (без слов), наемники

Рено (выговаривает наемникам)

Сегодня — никаких дерзостей! Вы же все погубите! Вы соображаете, что нас ждет, если прежде начала действий мы будем раскрыты? Завтра — все, что захотите. Завтра, на весь день — город в вашей воле. Будете заходить в дома горожан и знати и делать там все, что вам будет угодно.

А может, и это:

Р е н о

Смотрите, у ваших ног многошумный город —
Весь для вас, творите с ним всё, что вам по нраву.
Убивайте кого захотите, нечаянно, словно играя,
А всякий, кто выживет, вам будет обязан, что видит солнце.
Завтра и впредь — любой будет пятиться с вашей дороги.
Всяк перед вами опустит глаза — самый гордый,
самый надменный,
И ни один не дерзнет противиться вашей воле.
На сегодня — притаитесь.

*Наемники дают обещание на короткое время успокоиться.
Рено уходит.*

Х

Офицеры, Куртизанка, Наемники (без слов)

Куртизанка спрашивает у Офицеров, как обстоят дела. Она нетерпелива и взволнована.

П е р в ы й о ф и ц е р

Ты так ненавидишь Венецию?

Она рассказывает свою историю. Венецианский губернатор греческого острова, где она родилась и выросла (в самой благородной из местных семей), соблазнил ее после клятвенного обещания жениться. Ее отец пытался принудить его сдержать свое обещание, но тот подстроил его убийство. Ища справедливости, она отправилась в Венецию, но вместо того, чтобы защитить, ее разорили издержками. Оставшись в Венеции одна и без средств, она поневоле стала продавать себя. На этот город у нее столько обиды, сколько может иметь женщина с развитым чувством, ввергнутая в такое унижение.

Второй офицер

Думаешь, мы верим твоим рассказам? Да каждая венецианская потаскуха расскажет то же самое, или почти то же. Кому ты врешь, нам? Ха-ха!..

Куртизанка

Ах, это я вру?..

Разозленная, делает вид, что хочет уйти.

Первый офицер

Пойдем, не злись. В эту ночь сделаем тебя королевой Венеции. Все, что ни пожелаешь, будет исполнено. Чего б ты хотела?

Куртизанка

(говорит с лютой ненавистью о богатых семействах)

Все эти здешние люди, что меня обижали, я помню их имена. Я хочу, пусть их жен и дочерей отдадут солдатам. И жен и дочерей всех, кто сидит в правительстве этой республики. О, как же это будет сладостно — смотреть на тех, что останутся в живых, как они задыхаются от позора. И я смеюсь над ними, а они боятся проронить хоть слово в ответ!

Офицеры уходят с куртизанкой, весело болтая.

XI

Наемники

Завистливо глядя вслед ушедшим с куртизанкой офицерам, утешают себя ожиданием ночи. Мечты о сладости грабежа. Воспоминания. Похвалы Рено.

Первый наемник

Ну, он хотя бы нас понимает; он знает, что немного удовольствия нам просто положено. За труд, за все опасности...

Плавню перейти к следующему:

Ведь когда нам придется уйти со службы от ран или от старости, что нам останется? Только бродить, не имея угла, с протянутой рукой. С каким высокомерием эти буржуа дают нам — а то и не дают — свои жалкие подачки! Но иногда ведь стоит и поменяться местами, не так ли?

Томясь, ждут наступления ночи. Впереди блестящее дело без особого риска. Хорошо убивать людей внезапно, теплыми от сна.

Второй наемник

Надеюсь, никого из нас не убьют. Сейчас глядишь на них, таких надутых, и даже не верится: ведь ночью, когда мы их захватим врасплох, они будут как овцы. Как овцы, они дадут себя перерезать, не защищаясь.

Видят, как появляется Виолетта со своим отцом. Хотят удалиться, не желая встречи, но прежде обмениваются грубыми шутками относительно Виолетты.

Первый наемник

Вот этого — пусть мне лично дадут его убить; и на дочку чур я первый.

Второй наемник

Ишь чего захотел. Эта достанется командирам.

Первый наемник

Нет, для них хватит благородных девиц. А эта не из больших благородий, эта сойдет для нас. Я на нее первый. А ежели кто из офицеров ее возьмет, тогда, на крайний случай, буду второй. А потом уж вы с ней, как вам угодно; можете убить, коли охота.

ХII

Виолетта, Секретарь Десяти (*ее отец*)

Беседуют о завтрашнем дне. Виолетта говорит, что сегодня чувствует себя счастливой, не зная почему, даже почти слишком счастливой. Но завтра, конечно, она будет еще счастливей, завтра праздник. Весь мир смотрит на нее с улыбкой, ничто ее не томит, ничто не тревожит. Год назад она была еще ребенком и еще не умела радоваться так глубоко, как будет рада завтра утром. Она не знает, что за перемена в ней произошла, что ей предстоит, но небо, море, свет, прогулки в гондоле, люди, всё, что она видит, всё, что она делает, затопляет ее волнами счастья.

Виолетта

Завтра — ах, что это будет за день! Как славно будет проснуться на рассвете и сказать себе: настало се-го-дня!

Секретарь

Да что это с тобой, дочка? Не влюбилась ли ты в кого?

Виолетта

Нет, ни в кого; но я не знаю, что со мной; мне кажется, я люблю. А еще мне кажется, что я люблю весь мир. Как добры и красивы люди, папа!

Секретарь

Я уж думал, не влюбилась ли ты в Пьера или в Жаффье. Видел, как ты покраснела, когда смотрела на них. И мне показалось, что оба к тебе равнодушны, особенно Жаффье. Конечно, они иностранцы, и по своему состоянию далеко не подходят к нашей семье, но мне оба этих парня так по душе, что если бы тебе понравился один или другой, я бы не возражал.

Виолетта

Папа, я всегда думала, что не смогу полюбить чужестранца. Как поймет меня тот, кому не знакома радость быть частью та-

кого города? Да, оба эти провансальца отважны и рыцарственны. А Жаффье — особенно красив и благороден, и есть в нем что-то, за что его все любят. Но посмотри, папа, как хороша сегодня, в этих лучах, Венеция! Ах, насколько же блистательнее она будет завтра.

В этой сцене секретарь говорит в прозе, а Виолетта — стихами, белыми или рифмованными, смотря по тому, обращается она к отцу или сама к себе.

Секретарь

Однако сейчас идем домой.

Виолетта

Папа, ты никогда не дашь мне и часа, чтобы порадоваться нашему счастью. Опять неотложные дела?

Секретарь

Дочка, если бы не было нас, нескольких человек, которые день и ночь пекутся о безопасности государства, твоя прекрасная Венеция запросто могла бы достаться огню и мечу, или, во всяком случае, в добычу испанцам.

Виолетта

Ой, папа, как ты можешь вообще говорить такие вещи? Об этом нельзя даже думать!

В этот момент появляется Жаффье с Офицерами. Они слышат последние реплики Секретаря и Виолетты.

XIII

Секретарь Десяти, Виолетта, Жаффье, Офицеры (без слов)

Виолетта (к Жаффье)

Скажите, ведь в самом деле, об этом невозможно даже подумать — чтобы наш город могли разрушить или поработить?

Как бы мы тогда смогли жить? Мы просто не смогли бы жить, мы оказались бы в пустыне. (Ср. слова Рено из явления VI).

Но этому никогда не бывать. Никогда. Бог не попустит, чтобы такой прекрасный город разорили. Да и кому придет в голову причинить ему зло? У самого лютого ненавистника не хватит сердца это сделать. Что получит завоеватель, задушив свободу Венеции? Еще немного новых подданных в придачу? Да кто же решится ради такой мелочи разрушить что-то столь прекрасное, неповторимое! Сделать зло Венеции? Да ее красота хранит ее лучше всякого войска, надежнее всех забот государственных мужей. Разве я не права, мессер Жаффье?

Эта речь прерывается репликами Жаффье. Он соглашается с Виолеттой тоном, в котором смешаны легкая шутливость и волнение. Постепенно, от реплике к реплике (в чередовании двустий?), его тон изменяется из шутливого в одушевленный любовью к Венеции. И во всем, что он говорит, пусть слышится будто отзвук боли. Вот одна из кульминационных точек.

Ж а ф ф ь е

Создать такую красоту, как Венеция, человек не в силах. Только Бог. Самое большее, что может сделать человек, тем самым более всего приближаясь к Богу, это — раз он сам не может творить таких чудес, пусть хранит чудеса, которые существуют.

Говорит, что он, хоть и чужеземец, с радостью отдал бы свою жизнь, чтобы сохранить этот город от любой беды. Виолетта с восхищением слушает его слова. Она очень сожалеет, что Жаффье не венецианец.

С е к р е т а р ь (Виолетте)

Дочь моя, которая думает, что города защищаются их красотой! К счастью, у нас есть посерьезнее основания, чтобы быть спокойными; благодаря нашим заботам и милости нашей фортуны, в настоящий момент городу ничто не угрожает. Но ты, дитя, кажется, не знаешь, что еще ни разу ни один город не пощадила жалость его врага. Скажи-ка, а тебе самой, когда ты

играла, разве не случилось сорвать цветок, разбить куклу, оторвать крылышки бабочке?

В и о л е т т а

Ой, нет, никогда, никогда!

Затем Виолетта обращается к отцу:

По крайней мере, завтра ты должен найти для меня время. Завтра вечером мы проведем несколько часов в гондоле под звездами, правда, папа? Вечером, после целого дня празднества. Не сегодня, потому что я хочу хорошо-хорошо выспаться, и завтра проснуться на рассвете для целого дня радости. Если бы вы только знали, мессер Жаффье, какой счастливый день будет у вас завтра!

Виолетта описывает разные церемонии и обычаи праздника. Может быть, именно здесь она упомянет о Монтеверди.

Жаффье отвечает ей в тон, говоря, что она увидит, что будет делать завтра.

Но даже когда вы увидите праздник, вы все-таки не сможете понять, что оно значит для мужчины или женщины, рожденных в Венеции. Ни одному чужестранцу этого не понять.

С е к р е т а р ь

Видите, здесь так думают даже дети. Что неудивительно в городе, чьи слава и свобода насчитывают более шести веков. Но не только для детей завтрашний день так прекрасен. Для отцов тоже. Вот и для меня это будет прекрасный день. Завтра вы можете меня попросить о какой-то услуге, и я ее вам окажу.

Уходит вместе с Виолеттой.

XIV

Жаффье, Офицеры

Офицеры, поздравляя Жаффье с его новой и большой удачей, просят его о благосклонности и покровительстве после победы.

(Может быть, просьбы о неких особенных милостях.) С похвалой отзываются о том, как прекрасно он вел себя в разговоре с Секретарем и Виолеттой; можно было бы поклясться, что он говорил чистосердечно.

О ф и ц е р

Я еле удержался от смеха, когда Секретарь обещал вам чем-то удружить по случаю праздника. Завтра и после, даже если он чудом останется жив, это ему придется умолять о защите лютого из нас, а вас первого, который будете, после короля Испании, нашим и его господином.

Жаффье не отвечает. Офицеры продолжают свои разговоры. Переговариваются о Виолетте.

Т р е т и й о ф и ц е р

Один мой солдат всем говорит, что занял на нее очередь первым.

В т о р о й о ф и ц е р

А где субординация? Всегда впереди офицер.

П е р в ы й о ф и ц е р

Надо проследить, чтобы солдаты ее вообще не коснулись. Иначе они ее и кончат. А так можно будет поиграть с ней подольше.

В т о р о й о ф и ц е р

Да о чем вы? Или в Венеции мало хорошеньких? Красивых, знатных... Всех не кончат, всегда еще останется.

Жаффье, резко вступая в разговор, отдает несколько технических указаний по захвату города. Офицеры отвечают с полным уважением.

Ж а ф ф ь е (к Второму офицеру)

Мессер, я знаю, что вы входи в дома к некоторым из здешних семей и водите с ними дружбу. Если желаете обеспечить их безопасность, я готов вам это предоставить.

В т о р о й о ф и ц е р

О, нет. Верно, я имел связи с некоторыми семьями, которые были ко мне добры, пока я был здесь. Я им не раз говорил: «в случае опасности мой клинок к вашим услугам», и так я и думал. В обычное время я отдал бы за них жизнь без колебания. Но теперь всё в сторону. Настает решающий момент, все эти люди для меня как муравьи. Это тени. Они думают, что существуют, но ошибаются. Для чего мне отвлекаться на тех или других, когда всеми моими мыслями я устремлен к славе, которую предстоит завоевать?

Ж а ф ф ь е

Именно такого ответа я и ждал. Спросил, только чтобы удостовериться.

В т о р о й о ф и ц е р

Обычное дело; я думаю, что мне и в голову не придет вспомнить о ком-то из них. У меня уже было так, когда я брал один городок, где у меня были друзья. Я просто забыл о них. Они увидели меня, бросились ко мне, хватались за мою одежду, а я их оттолкнул, не узнав.

Жаффье в этой сцене говорит очень коротко (однотипными репликами?)

XV
Жаффье (*один*)

Ж а ф ф ь е

Скоро станут моими этот город, и люди, и море.
Город беспечен, того и не зная, что он у меня на ладони;
Но лишь немного, и горькую правду поймет,
Ибо вот, жестокий тот час настает,
Когда сожмется рука, начиная давить.
И никто, и ничто не в силах его защитить.
Хрупкий, он безоружным простерт у моих ног.
И кто бы мог остановить нас?
Вот солнце медленно опускается к горизонту;
Когда погаснут огни над морем и над каналами,
Город начнет исчезать.
И солнце уж не явит его новому дню,
Но обнажит безжалостно в час рассвета
Труп города, где прошло железо.
Всё то, что умертвило железо, уж не увидит солнца.
Лишь несколько часов, и город будет мертв.
Лишь камни, пустыня, где недвижные тела повсюду.
А те, кто останутся живы, все тоже будут как трупы,
Потрясенные, онемелые, умеющие лишь повиноваться.
Увидев бесчестья и убийства тех, кто был ему дорог,
Каждый поспешит покориться тому, кого ненавидит.
Их взгляды пустые тщетно будет искать
Их дворцов, их домов и церквей.
Их песни отныне умолкнут.
У них не останется голоса даже себя оплакать.
Это море для них онемееет.
День за днем, всю свою жизнь
Они ничего не услышат, кроме приказов.
Через меня в эту ночь ужас, бесчестье и смерть
Сойдут на них, и меня, меня они будут иметь господином.
Завтра все здесь наперегонки будет мне повиноваться.
Город в этот вечер еще счастлив в своем блеске;

Последний вечер он остается невредимым и гордым,
Последнее солнце его покрывает лучами;
Но если б могло, оно бы застыло над ними, жалея.
Увы, ни солнце их не жалеет, ни я.
Но могу ли я быть бесчувственным, как солнце,
Видя, сколь прекрасному городу суждена гибель?

Возвращается Рено, чтобы сообщить о небольшой непредвиденной трудности в замысле операции. Хвалит Жаффье за хладнокровие и говорит о доверии, которое питают к нему все. Он доволен, что именно Жаффье оказался у руководства, так как он более кого-либо другого способен на чрезвычайные дела.

В первых стихах он задает Жаффье вопрос, но тот не отвечает. Не решаясь торопить его с ответом, Рено продолжает речь в течение довольно долгого времени. Жаффье не произносит ни слова. Наконец, Рено возмущается:

Р е н о

Ну, что это такое? Вы смотрите на меня, но, похоже, не слушаете. Вас что-то не устраивает? Вас что-то беспокоит?

Ж а ф ф ь е

Нет, напротив. Я четко вижу, что должен делать; я уверен в успехе и готов на все. Знаю, что мои товарищи и, прежде всего, мой друг вручили мне с полным доверием свои жизни. Они не ошиблись: ни смерть, ни пытка не могут обессилить меня, если мне поручены жизни таких доблестных людей. Я исполню всё, на что решился, с такой же твердостью, с которой отведу от них любые опасности. Мою решимость ничто не поколеблет. Мессер, идите... Пойду и я. День на исходе. Поспешим наилучшим образом использовать то время, что у нас осталось.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

I

Секретарь Десяти, Бассио (его ближайший помощник)

Секретарь рассказывает о произошедшем накануне вечером. К нему пришел Жаффье, говоря, что намерен открыть Десяти нечто важное, касающееся безопасности государства. Но он сделает это лишь в случае, если Десять дадут ему гарантию относительно жизни пяти человек, которых он выберет.

(Надо ли сообщать публике уже в первых словах сцены, что город спасен?)

Без такого обещания ни угроза смерти, ни пытки не вырвут у него ни слова. Секретарь, видя, что на самом деле ни угрозы, ни самые изощренные пытки не поколеблют человека, одушевленного такой решимостью, сообщил Десяти, и они, при всей несклонности давать гарантии подобного рода, разрешили ему ответить Жаффье положительно. Он привел к ним Жаффье; на них он произвел такое же впечатление, что и на него. Когда они поклялись ему в том, о чем он просил, он тут же выложил им все детали заговора, который предстояло осуществить этой ночью, чтобы, захватив город врасплох, передать его под испанское господство. Чуть позже все детали в точности подтвердились; если бы не донос, предприятие удалось бы несомненно; Секретаря еще до сих пор колотит дрожь. Спрошенный о том, что заставило его открыться, Жаффье сказал, что жалость к городу, и что в награду он не хочет ничего, кроме исполнения данной ему клятвы. Пять человек, чьи жизни он просит сохранить, это руководители и ключевые фигуры заговора. Десять распорядились немедленно схватить всех заговорщиков. После совещания они сочли, что интересы государства не позволяют соблюсти клятву, данную Жаффье. Большинство участников (почти все — наемники) уже мертвы; главарь, среди которых пять, на которых указал Жаффье, скованы и сейчас будут препровождены в тюрьму, где их сразу подвергнут пыт-

кам, а затем умертвят. Виолетта ни о чем не знает, она спит, и когда проснется, к счастью, все уже будет кончено. Зная, что дочь, как только проснется, сразу поспешит к морю, чтобы приветствовать наставший день, он надеется, что она ничего не заметит. Он беспокоится о том, чтобы дочь ни о чем не узнала хотя бы до конца дня, потому что иначе праздник, которого она с такой радостью ожидала, будет для нее омрачен, и радоваться она уже не сможет.

...Секретарь озабочен тем, как поступить с Жаффье. Десять уполномочили его, в случае, если Жаффье смирится с нарушением данной ему клятвы, предложить ему важный пост на службе Венецианской республики. Но на это Секретарь не рассчитывает, зная благородный и порывистый характер Жаффье. В случае отказа Жаффье, Секретарю следует его разоружить и удалить с территории республики, дав ему золота и запретив возвращаться под страхом смерти. Секретарь надеется скрыть от Жаффье факт казни его друзей. И, хотя он относится к Жаффье с восхищением, любовью, сочувствием и признательностью, в крайнем случае, он готов принять к нему самые суровые меры. И это в его же интересах: ибо когда Жаффье узнает, что слово, данное ему, не сдержали, его рыцарская натура может толкнуть его на поступки, которые просто вынудят его убить. Ради благодарности и дружбы Секретарь хочет избежать этого. Единственным выходом ему кажется сломить мужество Жаффье силой жестокости.

(Он повторяет почти слово в слово речи Рено о том, как следует обходиться с венецианцами, из действия II, сцена VI.)

Отвечая на какой-то вопрос Бассио, Секретарь говорит:

Секретарь

Сначала он взорвется от ярости; и пусть твои люди хорошенько следят за ним и разоружат его, покуда он не выхватил шпагу. Когда он увидит, что гневом ничего не добиться, его боль изойдет по частям. Погорюет и замолчит, потом начнет меня упрашивать. На это истратит последние душевные силы и впадет в долгое оупение. Вот в этом состоянии его легче всего и

выдворить из Венеции. Имея представление о его большом мужестве, решительном характере и гордости, я не очень всего этого боюсь, потому что даже сильный, решительный и гордый человек покорится, если ясно дать ему понять, что делать нечего.

Бассио, часто прерывающий речь своего господина вопросами и репликами, не разделяет его отношения к Жаффье. В его глазах заговорщики — мерзкие преступники, бандиты, а Жаффье в тысячу раз мерзейший, ибо он предал своих сообщников, своих друзей. Заметив Жаффье, Секретарь и Бассио удаляются.

II

Жаффье (один)

Краткий монолог белым 14-сложным стихом. Жаффье не спал. Он доверяет обещанию Десяти, но какое-то предчувствие заставляет его бродить близ государственной тюрьмы. Что скажет Пьер обо всем, что он сделал? Жаффье похитил у него и у остальных славу и удачу... Внезапно он замечает людей, которых ведут в оковах. Он прячется, но так, что может их видеть и слышать.

III

Пьер, Рено, три Офицера (все в оковах),
стража (без слов), Жаффье (притаившись и без слов)

Сцена белым 14-сложным стихом. Стражи остановили заговорщиков перед тюрьмой. Скованные, они ожидают пытки и смерти.

Первый офицер (взрыв малодушия)

Меня должны помиловать, ведь я невиновен, это не я, меня вовлекли...

Третий офицер — ярость против Жаффье (после того, как он слышал слова Рено).

Второй офицер — хладнокровие настоящего игрока, который видит, что проиграл.

Рено — потеряв свой государственный ум, он будто остался нагим. Ужасная горечь не от грозящей смерти, а от того, что потеряна надежда достичь могущества, высокого положения и славы. Он сбрасывает покров со своих амбиций: успех предприятия должен был принести ему высокое назначение при испанском дворе, и он надеялся своим проворством мало-помалу стать доверенной особой у короля и, от его имени, сделаться однажды господином над всеми землями, подвластными испанской короне. Горько завидует Бедмару, который хотя и потерпел неудачу, но будет жить и позднее сможет добиться успеха. Бедмар продолжает видеть тот сон, который носил в себе Рено. Придет время, и Бедмар сможет навязать его людям и вещам. А Рено потерпел сокрушительное поражение. Проклятый Жаффье, это всё он. Рено клянет себя за то, что не убил Жаффье, как намеревался. Клянет Пьера, который помешал ему это сделать.

Пьер по-прежнему уверен в Жаффье. Он уверен в одном из двух: Жаффье или уже убит, или, подобно им, скован и где-то поблизости ожидает смерти.

Пьер

...потому что, будь он жив и на свободе, он был бы рядом с нами, он бился бы за нас хоть в одиночку, хоть совсем без надежды!

(Подкрепить какими-то аргументами.) *Зовет Жаффье.*

А если сгинуть нам суждено, пусть хотя бы вместе!

(Усилить.)

Ты поверил мне, ты пошел за мной; я привел тебя к пораженью, к смерти.

(К этим пыткам?)

Сцена из двух частей. В первой, более продолжительной (она начинается с нескольких фраз, которыми заговорщики подба-

дринают друг друга, сказанных твердым тоном), скованные заговорщики еще сознают реальность происходящего, присутствие друг друга, разговаривают между собой. Эта часть завершается моментом, когда Рено и Жаффье проклинают и осуждают себя, каждый по поводу Жаффье; здесь очень короткий переход, где сначала Рено обращается к Пьеру, затем Пьер к Рено, затем Первый офицер к обоим (в таком порядке); они весело напоминают друг другу, как рабы у Плавта, о предстоящих муках.

Вторая часть оканчивается неожиданным приходом Секретаря Десяти, после чего заговорщики уходят один за другим в полном молчании; когда все они выйдут, появляется Жаффье.

Вторая часть сцены, возможно, будет такая:

Р е н о

Да кто они, кто они такие, что украли мой жребий,
Часть могущества и славы, на которую я имею право?
Я, чей ум, поднимаясь, подобно орлу,
И озирая толпы созданных для служенья,
Постигал средства властвовать народами вдаль и вширь;
Я, кто мыслил стать любимцем короля Испании
И от его лица — владыкой крещеного мира,
Покорить Восток, повелевать всей землею.
Мне умереть? Вот здесь? Да я еще и не жил,
Я еще вовсе не жил, потому что не правил.
Нет, невозможно; надо пожить, а уж потом умирать!
Здесь, в темнице, меня умертвят до рассвета;
И я не смогу, уже никогда не смогу царить!

П е р в ы й о ф и ц е р

Я столько сказал против них, что, верю, меня пощадят.
Они все умрут, но меня — о, прошу, пусть меня простят.

В т о р о й о ф и ц е р

Давно бы прикончили! Что за растяпы!

Сколько еще здесь торчать?

Эй, поскорее, я смерти устал ожидать!

Р е н о

Я бы сумел управлять государством, великим, как мир.
Я для этого был рожден; этого жаждала вся моя душа,
Я ни одного дня не обладал тем, что было моею судьбой.
Из того, о чем я мечтал, ничто не сбылось;
Закончен мой сон, ибо сейчас придут меня убивать.
Я носил в моем сердце, внутри, тайну всемирной империи,
Но теперь во мне осталось только небытие, меня совсем нет.
Здесь, в темнице, еще до рассвета, в одно мгновенье
Две руки палача станут моей вселенной.
Зачем это, зачем? Я больше не в силах! Я, как во льдах,
застываю.
Все, к чему я стремился, навсегда, навсегда исчезает.

П ь е р

Будь он со мной, мне достало бы сил все перенести.
Я не могу вынести, что не вижу моего друга.
Мои очи, лишившись его, не знают, куда себя деть.
Боже, если бы здесь хоть на миг раздался его голос!
Если б тронуть его за руку, если б взгляд его увидел меня!
Как оставить мне жизнь, так его не увидев?
Тщетно я желаю этого, его нет нигде; все пусто.
И вот, нежданная смерть идет отнять мою голодную душу.
Нет, не могу я идти на смерть вдали от него,
Одиноким в руках палача, одиноким в смертных томленьях.

Р е н о

Мне надо было хоть один день обладать...

Входит Секретарь Десяти в сопровождении Бассио и множества вооруженных слуг.

С е к р е т а р ь

Солдаты, введите преступников в тюрьму.

Заговорщиков уводят. Появляется Жаффье.

IV

Жаффье, Секретарь Десяти, Бассио, вооруженные слуги

Ж а ф ф ь е

Мессер, объясните мне, что за зрелище я только что видел.
Я уверен, что Десять не могут нарушить клятву.

С е к р е т а р ь

Мессер, на совещании этой ночью их милости постановили предать смерти всех преступников. Никто не может порицать членов Совета за нарушение клятвы. В Венеции и за рубежом всем известна их безупречная точность в выполнении обещаний. К исключительной мере их вынудили соображения безопасности государства. Упустить малейшую предосторожность было бы неблагодарным перед лицом Провидения, которому было угодно спасти город, хотя бы и посредством одного из тех, кто составил заговор на его гибель — посредством вас, мессер. Ради спокойствия Венеции преступники не могут быть оставлены в живых. Что же касается вас, мессер, то благоволение их милостей дарует вам жизнь. Сами Десять поручили мне вознаградить вас золотом за оказанную услугу. Но вы обязаны покинуть территорию Венеции и никогда не возвращаться сюда под страхом смерти. Вот все, что я имею вам сказать, и не прибавлю больше ничего.

Ж а ф ф ь е

Так вот для чего я спас этих несчастных...

Вчера они были в гибели: им предстояли смерть и рабство,
Мне — слава и удача; мы были уверены в успехе.

Я отказался от всего, из милости, ради их избавленья.

И вы говорите — я все еще не могу поверить —

Вы осмеливаетесь мне говорить, что они убьют

моих товарищей?

Мой друг умрет, единственный друг мой, все, что я люблю?

Убийца, лжец, трус! И вы мне глядите в лицо,

Мне, вашему благодетелю, чья жалость вас спасла!

О, вы меня обманули! Как они подло меня обманули!
Но это еще не конец. Я их накажу, этих неблагодарных,
И вас — первого. Берегитесь. Я вам выпущу кровь.
О, как будет хлестать их кровь, хлестать ручьем,
от моего меча.

Секретарь

Бассио, разоружи его.

Жаффе

Вы меня разоружили! Что, думаете, вы уже свалили меня?
Подлец, вы надеетесь, что заставите меня умолять?
Нет, не удастся. Лучше пытка и смерть
Для друзей, для меня, для всего, что мне дорого в мире.
Да, лучше тысяча смертей, чем унизиться перед вами.
Берегитесь! Он близок, час вашего воздаянья!
Город, что я ненавижу, что весь развращен, подл и жесток,
Однажды я приду его разрушить, вместе с его гордыней.
Мои глаза будут следить, как дом за домом пожирает огонь.
И одни из вас увидят поверженным в грязь все,
что им дорого,
И низко склонятся перед волею победителя,
Другие умрут под мечем, с богохульствами на устах.
Несчастные! Все это могло вас постигнуть в минувшую ночь,
И сейчас, днем, я мог наслаждаться любой из этих картин.
В каком помраченье ума я избавил этих убийц?
Но ничего, немного терпенья. Я очень скоро вернусь
С другими, или сам, через несколько дней, или даже сегодня.
И правое небо накажет презирающих клятвы.
А если и небо не сделает ничего, я, я сумею их покарать.
Единственной целью моей отныне будет гибель Венеции.
А вы... (*К Секретарю*) над вами я буду смеяться,
пока вы еще будете живы,
А все, что вы любите, будет гибнуть у вас на глазах.
Вы исторгнете душу последним, смерть проклиная и жизнь.
Презренно умрете, я же буду утешен.

Секретарь

Бассио, пусть твои люди станут вокруг плотным кольцом с обнаженным оружием, чтобы он не ушел никакою ценой. Я подожду, пока он все-таки утихнет; думаю, этого недолго ждать. Затем надо поспешить казнить преступников.

Жаффье

О мой друг! Где мой друг?
Он уже изнемог в мученьях?
Согнулся перед ужасом смерти?
Его заставили кричать под пыткой?
Все мои товарищи брошены в каземат,
Отданы палачам, беспомощны.
Я не могу, не могу больше выносить это.
Друг мой, этого я не хотел.
Друг, прости, ты погибаешь,
Это я тебя убиваю, а сам жив.
Это его кости трещат на дыбе,
Это его колени дрожат перед смертью.
А я, погубивший его, ничего не могу.
Один, без оружия, без поддержки.

Секретарь

Видишь, Бассио? Теперь он уже не опасен.

Жаффье

Друг мой, сейчас — что ты терпишь?
Ты зовешь меня за собой в смертный путь.
Может, в эту самую минуту враги,
Проворные, искусные в пытках,
Обступили тебя, глазами впивая каждую слабость.
Им сладко смотреть на твою бледность,
Слушать, как ты все кричишь о пощаде?
Ты чувствуешь, как подбирается горькая смерть,
А я не иду к тебе на выручку.
Не проклинай же меня в твоей беде:

Я хочу, я хотел бы тебя спасти.
Я отдал им мою власть, мою силу.
Они разоружили меня. Я ничего не могу.

Секретарь

Бассио, жди здесь, пока появится сигнал, что все осужденные мертвы. После этого ты проводишь его до границы под охраной. Ты отвечаешь за него. Не забывай, что Десять приказали оставить его в живых. И чтоб до самой границы он не мог ускользнуть из твоих рук, не позволяй ему ни с кем разговаривать. Ты отдашь ему золото, которое Десять поручили ему дать. Когда он покинет пределы Венеции, сразу же возвращайся.

Жаффе

Позвольте мне вам сказать, прежде чем все будет кончено.
Если в скорби я произнес оскорбительные слова,
Простите, я беру их назад. Выслушайте, о чем я прошу.
Я хочу, чтобы меня еще раз провели к Десяти.
Не отказывайте, удостойте выслушать мои доводы.
Вы знаете, что вчера, если б я вас не пощадил,
Мы легко исполнили бы наш замысел,
И тогда я имел бы над вами абсолютную власть.
Эту власть, что была у меня в руках, милосердие
заставило меня отбросить.

Я вложил ее в ваши руки, и не получил взамен ничего,
Увы, кроме пустого слова. Итак, вы должны меня выслушать,
Потому что мое единственное прибежище сейчас —
ваше слово,

Позвольте мне это вам хотя бы напомнить.
Вы знаете, как дороги мне мои товарищи.
Мой друг — больше всех. Но моя честь — еще дороже.
Я люблю моего друга, как вы любите вашу дочь.
Он для меня то же, что для вас — ваш город.
Я ничего не обещал Венеции, но я ее спас,
Отказавшись ради милосердия от такого могущества

и славы.

Разве не подобало вам воздать мне милость за милость?
Сохранить то, что я люблю, раз вы мне обещали это?
Вы ничего не потеряете, тогда как я потерял много.
Если вы оставите жизнь моим товарищам,
Вы ничего не отнимете
От вашего города, от вашего могущества.
Эти несчастные пленники не могут быть вам опасны.
Они дадут клятву никогда не вредить Венеции.
Они сдержат слово. Они вечно останутся вам послушны.
Неужели вы не избавите меня? Ибо, если вы их убьете,
У меня будут причины искать отмщения.
Но я-то ведь останусь жив, потому что я вас спас.
Вы допустили ошибку. Вчера, придя к вам,
Я не потребовал клятвы оставить живым меня,
Только моих друзей. И, коль вы считаете нужным
Покарать злоумышление против вашего любимого города,
О, убейте тогда меня, меня одного; их — оставьте
живыми!

Это я был вожаком, подобает меня умертвить.
Скажите им, увы, что я всех их предал,
Что вы убиваете предателя, и что ваше милосердие
их оставляет в живых.

И признательность их сделает верными.
Подумайте, такой крепкий отряд отважных,
мужественных людей

Редко увидишь; их стоит сберечь.
Так оставьте их, убейте меня, исполните клятву,
Честь свою сберегите. Если вы убьете моих друзей,
Целый свет чрез меня узнает, не забывайте,
Как Венеция чтит святость своих обещаний.
Вы только выиграете, нисколько не повторяя,
коль их сохраните живыми.

Десять это сообразят. Ведите меня к ним немедленно.
После того, что я для вас сделал, вы не можете мне отказать.

Секретарь

Ты хорошо понял мой приказ, Бассио? Потом отчитаешься в том, как его выполнил.

Жаффье

Не отвечаете? Даже не хотите ответить?
Но вы не можете относиться ко мне с таким презрением!
Ответьте же мне, ответьте! Каждый миг — это пытка,
Каждый миг, что страдает мой друг.
Посмотрите в глаза мне! Вы обязаны мне ответить.
Мне надо увидеть Десять. Вы меня отведете к ним?

Секретарь

Я сказал все, что имел сказать. Мне нечего прибавить.

Жаффье

Сжальтесь! Вот он — я, здесь, на земле, у ваших колен,
Тот, кто ваш жребий вчера держал в руке,
Я, кто вас спас. Вчера... Вчера вы меня слушали.
А теперь моему голосу не позволено выходить из уст?
Увы, меня больше нет; как всё сразу оглохло!
Если бы мне было нужно, весь город сейчас
Удерживал бы вздох, чтобы расслышать мое
малейшее слово,
И вы, вы имели б меня господином. О, кто меня удержал?
У меня бы в ногах валялся этот народ без веры, без чувства,
И кто просили бы жизни, я бы их всех отправлял на смерть.
Несчастный! Что я сказал? Не думайте больше об этом,
я вас заклинаю.

Я безумен. Беда истощила мой разум.
Простите; ибо это из-за вас я упал так низко.
Вы, которым я вверил, как на хранение, всю мою честь,
Вы меня сделали убийцей моих друзей,
Предателем. Но всё ж у меня была некогда честь,
И знаю, что не всегда был я так жалок.
Вы, только вы можете вернуть мою честь, вы, кого я умоляю,

Вы, к которым надежда моя восходит, как к Богу,
Вы, который, я уверен, повелите отпустить моего друга.
Видите, мой благодетель, я целиком в ваших руках,
Ваш раб навсегда. Чья душа, покуда я жив, принадлежат вам.
Вы отворачиваетесь? Итак, вы решаетесь мне отказать?
Но я право имею на вас; помните, что у меня ваше слово.
Я ваш спаситель. Нет, нет, простите, я вас раздражаю.
Я молчал бы об этом, не вспоминая о праве.
При мне только слезы; единственное право несчастных.
Не уходите! Мне вам еще что-то осталось сказать.
Увы, увы, что сказать? Где найти мне еще слова?
Мне остались только слова, коль я отдал вам

всю мою власть.

Я безоружен. Мне осталось лишь неумолчно молить.
Нет! Но есть ведь слова, что способны и вас склонить.
Но лишь замолчу, моя гибель будет решенной.
Нет больше сил. Будьте милосердны к боли моей.

Секретарь

Бассио, я ухожу. Охраняй этого человека, пока всех злодеев
умертвят, и потом выпроводишь этого человека из Венеции,
дав ему золото, которое их милости сообразовали ему дать.

Жаффе

Как, вы уходите? Нет, нет, вы не смее так уйти.
Я еще не сказал всего, что хотел сказать.
Я смогу вас убедить, коль вы задержитесь на мгновение.
Я это точно знаю. Вы уходите!.. А, если вы остались
неколебимы,
Если надо, чтобы друзья мои были преданы смерти
в этих застенках,
Пусть погибнут они, хотя бы не зная о моем предательстве!
Молчите хотя бы о бесчестии, до которого вы меня довели!
Я впустую кричу. Он ушел, не взглянув на меня.
Вы решаетесь преграждать мне дорогу, слуги?
Пустите меня еще нечто сказать вашему господину.

Вы меня оставили без оружия, я ничего не могу,
только молить.

Будьте добры, пустите. Уважьте мою мольбу.

Но и слуги не хотят смотреть на меня.

Нет оружия со мной, только голые руки.

В моих силах только молить. Допустите,

Небо, солнце, сияющее над городом,

Море, каналы, мраморы над водой.

Я взываю к вам, но не к людям,

Ибо люди не слышат.

Я, тот, кто знал вашу красоту,

Я, несчастный, погиб.

Я погибаю за вас, будьте прокляты,

Сгиньте и вы в свой черед!

Когда-то меня слушали; когда говорил, отвечали,

Мои слова доносили мои желания до людей.

И я был одним из людей. Теперь — точно зверь.

В крайней нужде мой голос не может сделать меня

понятным.

Моя душа может лишь в пустоту изливаться в мольбах.

Скорбь моя онемела, мой крик²⁸¹² изнемогает впустую.

На безучастных лицах вокруг меня ни одна жилка

не дрогнет.

Я слышу свои слова лишь как шум, что приносит мне боль,

Ибо мне не отвечают. Что за судьба обрушилась на меня?

Что, мне уйти и всю мою жизнь скитаться в пустыне?

Это сон или явь? Я только сейчас перестал быть человеком?

Или, возможно, был всегда тем, что я сейчас.

С л у г а

Через сколько времени нас сменят?

Б а с с и о

Тут не будет смены. Сейчас их казнят, и мы сразу выставим
этого из Венеции.

Ж а ф ф ь е

Есть ли человек столь низкий, чтобы без трепета
Я мог поднять глаза на высоту его колен?
Я — я, предатель? И все же мне хочется жить.
Я должен скорее найти тех, кто единственным словом
Могут дать иль не дать мне то, что мне нужно,
Отныне повсюду боясь, чтоб не узнали о моем преступленье.
Сколь бы ни быстро я шел, слухи несутся быстрее.
И на земле, так далеко, куда ни пошло бы мое желание,
Нет взгляда, пред которым я бы не содрогался.
Где жить мне, чтобы не видеть лица человека?
Жить, чтобы больше не видеть солнца?
Я сойду с ума, если придется вынести столько взглядов.
Смилуйтесь, оставьте меня все, я не хочу сойти с ума!

С л у г а

Зачем его не убили с остальными? Нечего его караулить.

Б а с с и о

Его не убили, потому что это он донес на остальных.

Ж а ф ф ь е

Я ли это — вот так, как я есть?
Я, покрытый когда-то честью,
Окруженный вниманием и почтеньем?
Это я — любимый моим другом?
Я грезил. Все это было во сне.
Я всегда был так подл, как сегодня.

С л у г а

Он такой же злодей, как они все, да еще и предатель. Не понимаю, как его могли оставить в живых.

Б а с с и о

Их милости слишком строго блюдут свое слово. Я бы с удовольствием его прикончил.

Ж а ф ф ь е

Скоро смерть придет положить предел моему убожеству.
Смерть! Нет, не надо мне смерти. Господи,

я не хочу умирать.

Умирает мой друг; а я — если бы жить мне вечно,

Чтобы, по смерти, не показаться ему на глаза.

Солнце меня пугает; но смерть, что разрывает тени,

Страшит еще больше: она оставляет душу нагой.

Боже, душа моя нуждается в плоти, чтобы скрыть свой позор!

Тело, что ест и спит, без будущего и без прошлого.

Я буду трястись от ужаса, проходя через вечность,

Слишком слаб для смерти. Но как мне остаться живым?

Те, что погубили меня, пусть они позаботятся обо мне.

Моя беда — их дело; теперь я нуждаюсь в них.

Помилуйте, скажите хотя бы, когда вернется ваш господин.

Б а с с и о

Вы его больше не увидите. Вы изгнаны с территории Венеции с запретом когда-либо возвращаться под страхом смерти. Сейчас, как только ваши сообщники будут казнены, мы доставим вас к границе. До этого момента вам не положено видаться ни с кем.

Ж а ф ф ь е

Но мне нужно его увидеть. Я хочу поговорить с вашим господином. Пойдите спросите, чтобы он разрешил мне пройти к нему.

Б а с с и о

Никуда мы не пойдем. Он вам откажет. Ему нечего больше вам сказать. Вы изгнаны. Вам недостаточно?

Ж а ф ф ь е

Мне суждено уйти оставленным всеми,

Обезумевшим от позора и скорби.

Мои друзья умирают, преданные мною.

Те, кого я спас из милосердия,
Отдав мне деньги, изгоняют меня.
Свет мне приносит страданье.
Я устал опускать глаза.
Умереть? Мне не хватит на это духа.
Я не хочу стать безумен.

С л у г а

Из-за него мы не увидим праздника. Мне охота удавить его,
как вонючую тварь.

Б а с с и о

И мне. Но не забывай, что Десять даровали ему жизнь.

Ж а ф ф ь е

Ухожу без друзей, изгнанником, лишенным чести;
Я стал больше не нужен, когда у меня всё отняли.
Куда мне идти? Кто захочет принять предателя,
Если те, кого спасло мое предательство, изгоняют меня?
Этого не может быть. Я хочу говорить с вашим господином.
Те, что отняли мою честь, они-то ведь знают, кто я.
Только от них могу получить я прибежище от позора.
Или проведите, или пустите меня к вашему господину.
А, вы не хотите идти за ним, не имея ко мне сострадания?
И я больше не смогу видеть его лицо,
слышать его голос? Но у меня нет никого на свете,
кроме него, сейчас, когда убивают моих друзей!
Я слишком истерзан, слишком истерзан болью.
Увы, мой друг, тебя пытаются,
А я — мне остается только впустую
Молить слуг твоих палачей.
Друг, мой друг, ты кричишь;
Я слышу твои крики, ведь я же не глух!
Боже, но я не могу умереть, ни жить.
Всё преступление мое в одном — в моей жалости...

Входят многочисленные ремесленники и подмастерья, которые собираются вокруг Бассио и Жаффье.

Р е м е с л е н н и к

Что это, Бассио? Что вы здесь делаете с этими вооруженными людьми?

Б а с с и о

А вы еще не знаете? Тут много чего случилось, пока вы спали. Но, на ваше счастье, их милости не спят. В эту ночь Венеция едва не погибла. Испания подстроила заговор и подкупила войско. Вчера Провидение побудило одного из этих ничтожеств отдать себя в руки Десяти, и через это все открылось. Теперь с негодьями разбираются там, в тюрьме. Их всех казнят, конечно.

Р е м е с л е н н и к

Благословенно небо, сохранившее нашу Венецию! Нашему брату простолюдину она дорога не меньше, чем благородным. А этот, который стоит, устался в землю, кто еще такой?

Б а с с и о

А это он самый и есть — который донес на остальных. Мы его стережем, пока тех казнят, а потом выпихнем его с территории Венеции. Хорошо вам, вы сейчас пойдете на праздник. А вот нам из-за него ничего не придется увидеть.

П о д м а с т е р ь е

А его что — не убьют? Оставят одного из этих собак живым?

Б а с с и о

Их милости даруют ему жизнь, потому что он выдал сообщников.

П о д м а с т е р ь е

Значит, он предал два раза! Дайте-ка я подойду к нему. Мне любопытно глянуть сблизу, как устроен предатель.

Подними голову, пес! Я хочу видеть глазенки труса.
А ну, гляди на меня. Глядите — глазенки у него сухие.
Его друзья тут рядом орут в руках у палачей.
Даже здесь слышать. С ними скоро покончат.
В этой тюрьме разговоров не затягивают,
Тут каждый быстренько выдаст любые секреты.
А это ничтожество — еще презреннее остальных.
Глядите на него. И что, мы оставим его живым?
На него тошно смотреть, я б удавил его с радостью.

Б а с с и о

Не тронь его. (Ты, предатель, стань за мной!) Он под моей охраной.

П о д м а с т е р ь е

Нет, ну-ка, не прячьте его. Я хочу его разглядеть получше.
Разойдитесь малость, дайте посмотреть, прошу вас.
Как может жить на свете такая дрянная тварь?
Чего он молчит? Охота послушать его голос.
Дайте, я ему врежу, — пусть подаст голосок.
Глядите, дрожит, глядите: вот опускает голову.
Предатель всегда трус. Можно мне ударить его?
Неужели вам самим не хочется? Его сообщники умирают,
А он, кто их предал, будет стоять себе здесь и не мучиться?
Эй, предатель, предатель, слышишь? Глядите,
от этого слова его колотит дрожь.
Ты знаешь, как мерзок, который продаст друзей?
Мне гнусно, что нашу Венецию спас предатель.
Говорите, Десять сохранили ему жизнь?
Но если я убью его без приказа, они будут только рады.
Потому что его жизнь может быть опасна для города.
Дайте убью его: ведь я никому не клялся.
Я ни свою честь не замараю, ни честь Десяти.
И мы послужим интересам нашего города.
Ну, как мы еще терпим, видя этого труса живым?
Ну, давайте. Что скажете? Дайте, убью его?

Б а с с и о

Будь моя воля, я бы тебе разрешил. Я думаю так же, как и ты. Мне он мерзок, он достоин тысячи смертей, и я тоже боюсь, как бы он не причинил еще вреда Венеции. Предатель всегда неблагодарен. Он не будет признателен Венеции за то, что она сохранила ему жизнь. Зато он способен на любые преступления и подлости. А потом, если бы его убили, я пошел бы на праздник со всеми. Как скверно, что приходится тратить день праздника на возню с этой сволочью. Но что я сделаю? Я не могу позволить убить его на территории Венеции. Мой господин поручил мне проводить его живым до границы; я это выполню. Надеюсь, долго он все равно не проживет.

П о д м а с т е р ь е

Вне сомнения, долго не проживет. Скажите, кому он
не мерзок?

Даже преступники погнушаются принять его к себе.

Земле будет страшно долго его носить.

Однако, товарищи дорогие, Небо, храня нашу республику,
Воочию заботится о посрамлении ее врагов.

Какое веселье сегодня для нас, для всего народа Венеции!

Эта Владычица морей, где даже последний бедняк
чувствует себя королем,

Видя наш город в день его светлейшего торжества

Чудом избавленным от опасности, что ему грозила!

Б а с с и о

А, вот и сигнал, что все заговорщики преданы смерти.

Р е м е с л е н н и к

Ну и хорошо. Больше не сделают зла Венеции. Забудем про них. Будем думать только о нашем счастье и о празднике.

П о д м а с т е р ь е

Все твои дружки мертвы; все дружки, которых ты продал.

Все мертвы. Слышишь меня? Молчит. Но он понял.

Думаю, сейчас заговорит. Слушайте все: говорит предатель!

Ж а ф ф ь е

Все кончено. Теперь я хочу уснуть.

Б а с с и о

Теперь? Теперь ты уберешься отсюда и очень быстро. А ну, шевелись. Пошли.

Ж а ф ф ь е

Куда идти? Мне некуда идти.

Б а с с и о

Куда угодно, лишь бы вон из Венеции и поскорее. Пойдем со мной, да бери это золото, что тебе их милости жалуют. Плату за твое предательство. Пошли. Держи золото.

Ж а ф ф ь е

Благодарю. Мне бы укрыться, поспать и поесть.

П о д м а с т е р ь е

Нет, час от часу не легче! Стало быть, за двойное

предательство

Он уходит груженный золотом, богатый и довольный,

по горло в злодействах!

Не удерживайте меня! Он — не лучше Иуды,

Дайте плюнуть в него! Трус, тебе не уйти далеко.

Предатель, предатель, это золото — кровь твоих друзей!

Однако глядите: боится! Всем телом трясется от страха.

Дайте мне проводить его до границы,

А там я его убью, вне Венеции, по собственной воле.

Вы не согласны? Он слишком грешен, чтоб жить.

Р е м е с л е н н и к

Помолчи-ка. Слушайте все: что за шум на соседних улицах? Слышите?

Б а с с и о

Идите кто-нибудь, взгляните, что там.
Один из слуг уходит.

Р е м е с л е н н и к

Как будто бьются. Слышно, кричат. Не все, значит, кончилось, что-то еще продолжается. Город еще в опасности?

Б а с с и о

Небо рассеивает его врагов.

П о д м а с т е р ь е

Мы его защитим, если что.

Р е м е с л е н н и к

Но пусть тогда Небо сделает, чтобы нам не сражаться за него вместо праздника!

Б а с с и о

Надо пойти узнать, что там.

П о д м а с т е р ь е

Вон, идет довольный.

Входит Слуга.

Б а с с и о

Ну, что там? Говори быстро.

С л у г а

Так, ерунда. Горстка бандитов ускользнула от мудрых мер, принятых в эту ночь их милостями. Они окружены и еще пытаются защищаться. Половину уже перебили, скоро покончат с остальными. Здесь в достатке войск, верных правительству, они легко крошат их на кусочки. Скоро не останется ни одного. Бой идет здесь, неподалеку, на улице.

Б а с с и о

Хвала Небу! Я боялся худшего.

Р е м е с л е н н и к

Несмотря ни на что, у нас будет нынче хороший денек.

Б а с с и о

Кто бы поверил, что у нас будет хороший денек, когда среди нас орудуют такие враги. Но вот, одних уже прикончили в тюрьме, других добивают. Надеюсь, это послужит уроком каждому, кто хотел напасть на Венецию. Теперь, думаю, долго не рискнут.

П о д м а с т е р ь е

Такая смерть слишком хороша для этого отребья. Им не подобает смерть в бою. Им всем надо было бы подохнуть в руках палача.

Б а с с и о

Какая разница, как они подохнут, лишь бы наша Венеция была очищена от этого сброда. Они не смогут больше сделать ей зла. Пусть так будет со всеми нашими врагами.

Р е м е с л е н н и к

Вы посматривайте-ка за предателем, а то мы уже забыли про него. Что с ним? Он бросил золото. Вон как осмелел: поднял голову и смотрит вокруг.

С л у г а

Кажется, он собрался идти к месту боя. Схватить его?

Б а с с и о

Ни в коем случае! Пусть идет. Только идите за ним. Если он захочет примкнуть к тем бандитам, будет убит, как и они. Мы избавимся от него, а Венеция не нарушит данного слова. Лучшего исхода и желать не надо. Пусть только идет!

Р е м е с л е н н и к

Стал на месте. Глядите, улыбается. Может, с ума сошел?

Б а с с и о

Случай слишком хорош, чтобы его упустить. Если он не пойдет, мы подтолкнем. Надо, чтобы он пошел и его убили.

Р е м е с л е н н и к

Кажется, все-таки идет.

Б а с с и о

Ох, как же мне невтерпез, чтобы он пошел и все быстрее кончилось! Я слышу голос дочки моего господина. Не сюда ли она идет? Она ничего не знает. Надо сделать так, чтобы она ничего не поняла. Эти опасности, вся эта кровь омрачат для нее праздник. Вы, трое — идите следом за предателем. Подтолкните, если будет слишком раздумывать, чтобы поскорее прикончить его с остальными. Эй, а вы там, уберите пока ваши шпаги и не толпитесь, и ни слова обо всех этих делах.

Р е м е с л е н н и к

Опять встал.

С л у г а

Ну, что будем делать?

Б а с с и о

Погодим чуть-чуть. Посмотрим, что будет.

Ж а ф ф ь е

Сейчас примет меня смерть. Теперь бесчестье

совсем исчезло.

Как прекрасен город для моих угасающих глаз!

Без возврата мне суждено покинуть селенья живых.

Там, куда я иду, не сияют рассветы, не встают города.

Б а с с и о

Дочка господина подходит. Быстрее, идем, поторопим его к смерти.

(Выходят.)

В и о л е т т а

День, восходящий в такой красоте, улыбка,
Озарившая мой город, с его тысячей каналов!
До чего же людям, причастным твоему покою,
Сладостно видеть свет!

Сон еще никогда не наполнял меня так,
как в минувшую ночь, когда сердце мое пило его.
Но вот он пришел, день, сладостный моим глазам
Больше, чем этот сон.

Вот призыв столь долгожданного дня
Касается города, вырастающего из камня и воды.
Трепет в воздухе, пока безгласном,
Распространился всюду.

Вот твое блаженство, приди и смотри, мой город,
Невеста морей, видишь — вдалеке, видишь — вблизи
Столько волн, полных счастливым рокотом,
Благословляет твое пробужденье.

По морю постепенно разливается блеск.
Праздник скоро исполнит наши желанья.
Море притихшее ждет. Как дивны над его гладью
Утренние лучи!

Занавес

Примечания

- ¹³⁷⁸ Записи по обеим этим темам, сделанные в Тетрадах VIII–XII, остались за рамками настоящего издания.
- ¹³⁷⁹ Этот массивный пятитомник Симона приобрела во время второго путешествия в Италию (май–июнь 1938) во Флоренции.
- ¹³⁸⁰ Клод Шевалле (1909–1984) — французский математик, товарищ А. Вейля по группе Бурбаки. Автор работ по теории чисел, а также философских сочинений об основах математики. Комментаторы ЕС предполагают, что Симона имеет в виду, вероятно, просто какие-то высказывания Шевалле о природе открытия в математике, т. к. никакой цельной теории на этот счет он не изложил. В 30-е гг. Симона не раз принимала участие во встречах и беседах группы Бурбаки вместе со своим братом.
- ¹³⁸¹ См. подробно в статье «Комментарии к пифагорейским текстам».
- ¹³⁸² Жан де Лабрюйер (1645–1696) — французский писатель-моралист, придворный. Автор книги «Характеры, или Нравы нынешнего века» (1687). Член Французской Академии (1693).
- ¹³⁸³ Означает: Thibon père, т. е. ссылку на слова отца Г. Тибона, рассказы которого Симона слушала в Сен-Марсель-д'Ардеш.
- ¹³⁸⁴ Жан Лерон Д'Аламбер (1717–1783) — французский философ, математик и механик. Член Французской Академии, Парижской, Петербургской и др. академий наук. Наиболее известные труды — «Трактат о динамике» (1743), «Рассуждение об общей причине ветров» (1774). В 1750-е гг. принимал участие в работе над «Энциклопедией» Д. Дидро. Идея Д'Аламбера о времени как четвертом измерении была близка Симоне.
- ¹³⁸⁵ «Les Paradis artificiels», название сборника Ш. Бодлера, изданного в 1860 г. и включающего три эссе о наркотиках, в их связи с твор-

ческим сознанием — «Вино и гашиш» (1851), «Поэма о гашише» (1858) и «Опиоман» (1860).

¹³⁸⁶ БАУ, IV, 3, 11 (пер. А. Сыркина). В переводе Симоны — «золотое существо, Пуруша...», «единственная птица».

¹³⁸⁷ Из наблюдений за о. Жакменом? См. K5, ms. 32, с. 15.

¹³⁸⁸ Т. е. их ожидания не оправдываются.

¹³⁸⁹ По контексту (см. ниже) кажется, что речь идет и окружающей извне обстановке, и о внешнем, чисто физическом, напряжении сил, в отличие от дополнительного душевно-телесного напряжения, порождаемого ситуацией «пустоты». Внутренние сверхусилия человека как реакция на чувство «пустоты», не соответствующие чисто внешнему аспекту ситуации, и оттого затаенные, не высказываемые, приводят нередко к тяжелым заболеваниям и преждевременной смерти.

¹³⁹⁰ Эту, в реальности огромную, разницу создают унижение, безнадежность (если у заключенного мало или нет надежды выйти живым на свободу), незащитность перед произволом и насилием, сознание того, что жизненные силы и время расходуются впустую, без смысла и плода. По воспоминаниям узников Гулага 1930–1950-х гг., зачастую это еще в большей мере, чем недоедание и завышенные нормы труда, делало заключенного «доходягой» и быстро сводило в могилу.

¹³⁹¹ См. предисловие к Тетради IV. Наличие в Тетради V многих довольно подробных записей, относящихся к пребыванию Симоны в Сен-Жюльен-де-Пейрола, объясняется тем, что она переписывала сюда задним числом заметки, сделанные там.

¹³⁹² Обязательные поставки государству определенных продуктов питания были введены по условиям перемирия 1940 г. для выплаты контрибуции Германии.

¹³⁹³ Софокл. Электра, ст. 1126–1130, 1136–1145, 1149–1151, 1165–1170. В рукописи текст дан в собственном переводе Симоны. Мы приводим их по переводу С. Шервинского, который в данном месте ближе других к ее версии.

¹³⁹⁴ Promesses temporelles.

¹³⁹⁵ «Противоположное добру» (*грез.*). Ср.: Платон, Теэтет, 176а: «Сократ. Но зло неистребимо, Феодор, ибо непременно всегда должно быть что-то противоположное добру. Среди богов зло не укоренилось, а смертную природу и этот мир посещает оно по необходимости» (пер. А. Самсонова). Здесь видится полемика с обще-

принятой позицией христианства, согласно которой зло не является самостоятельной сущностью, но представляет собой лишь уклонение воли от добра.

¹³⁹⁶ БАУ, V, 1, 1 (пер. А. Сыркина).

¹³⁹⁷ «Поистине, Ты Бог сокровенный» (Ис 45:15, по Вульгате).

¹³⁹⁸ Рим 1:19–20, в свободной передаче смысла.

¹³⁹⁹ В силу способности и склонности воображения ее заполнять?

¹⁴⁰⁰ «Даже грехи» (*лат.*). См. примеч. 253.

¹⁴⁰¹ Ср. об этом в «Укоренении»: «Концепция личного вмешательства Бога в мироздание для отладки неких средств, в некоторых особенных целях (...) допускает, будто мировой порядок, предоставленный самому себе, без особенного вмешательства Бога в таком-то месте, в такой-то момент, с такой-то целью, может иметь последствия, не сообразные воле Бога. Допускают, что Богу нужны особые вмешательства. Но допускают и то, будто эти вмешательства, предназначенные подправить действие причинности, сами подчиняются причинности. Бог нарушает мировой порядок, чтобы в нем возникло не то, что Он хочет произвести, но возникли причины, которые приведут к тому же, что Он хочет произвести, только в виде результата. (...) Как пример можно привести хитроумную идею, изложенную в одном нью-йоркском католическом журнале к очередному юбилею открытия Америки. Говорилось, что Бог послал Христофора Колумба в Америку затем, чтобы спустя несколько веков нашлась страна, способная победить Гитлера. (...) Цветными расами Бог явно пренебрегает; истребление народов Америки в XVI веке показалось Ему пустяками ради спасения европейцев в XX веке; принести им спасение менее кровавыми средствами Он тоже не мог. Но приходит на мысль: чем отправлять Колумба в Америку за четыре с лишним века, проще было бы послать кого-нибудь убить Гитлера году примерно в 1923-м» (Q, p. 1203–1205; пер. мой. — П. Е.).

¹⁴⁰² Вероятно, погода того дня была обычной и ожидаемой для этого периода осени. Симона выписывает слова Аньес Риё, сестры хозяина, с явным одобрением, как простой пример понимания одного и того же явления на разных уровнях одновременно.

¹⁴⁰³ Деньги, рассматриваемые как символическая, воображаемая ценность.

¹⁴⁰⁴ *Reiner* — трудиться, мучиться (*фр.*). Здесь игра созвучий: *reine* — мука, боль, труд и *rain* — хлеб. *Pain surnaturel* — так переводит

Симона евангельское выражение ἄρτος ἐπιούσιος, «хлеб насущный».

¹⁴⁰⁵ «Отцу твоему, который втайне» (*грез.*; Мф 6:18).

¹⁴⁰⁶ «Отец твой, видящий втайне» (там же). Ср.: «А ты, когда постишься, помажь голову твою и умой лицо твое, чтобы явиться постящимся не пред людьми, но пред Отцом твоим, Который втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно» (Мф 6:17–18). Переводчик Синодального издания полагает, что во втором случае ἐν τῷ κρυφαίῳ означает «то, что втайне», «то, что скрыто», хотя для такого прочтения уместен был бы артикль. Симона, похоже, читает иначе: «Отец твой, видящий тайным образом», т. е. не очевидно для людей и иначе, чем они.

¹⁴⁰⁷ Веры Домаль.

¹⁴⁰⁸ Данте, Ад, XXXII, 124 — XXXIII, 90. Свергнутый правитель Пизы граф Уголино рассказывает Данте об ужасных обстоятельствах своей голодной смерти, вместе с мальчиками-сыновьями, в темнице. Он уверяет, что сами мальчики умоляли его убить их, чтобы они не мучились, и съесть их тела. Уголино говорит, что не послушал их, но когда они умерли, все-таки их съел. Симона называет «софизмом Уголино» способ самооправдания, когда одно и то же дело человек запрещает себе сделать на таких-то основаниях, но разрешает на других.

¹⁴⁰⁹ De l'être.

¹⁴¹⁰ В русскоязычных сетевых источниках это высказывание Симоны распространилось (став почти модным) в некорректной передаче: «Из двух людей, которые не убеждались лично в существовании Бога, ближе к Нему тот, кто Его отрицает».

¹⁴¹¹ Кант, Критика чистого разума, книга II, гл. 3, разд. 4. Невозможность онтологического доказательства бытия Бога. Ср.: «Положение «Бог есть всемогущее <существо>» содержит в себе два понятия, имеющие свои объекты: Бог и всемогущество; словечко *есть* не составляет здесь дополнительного предиката, а есть лишь то, что предикат полагает *по отношению* к субъекту. Если я беру субъект (Бог) вместе со всеми его предикатами (к числу которых принадлежит и всемогущество) и говорю: «Бог есть» или «*есть Бог*», то я не прибавляю никакого нового предиката к понятию Бога, а только полагаю субъект сам по себе вместе со всеми его предикатами, и притом как *предмет* в отношении к моему *понятию*. Оба они должны иметь совершенно одинаковое содержание, и потому к

понятию, выражающему только возможность, ничего не может быть прибавлено, потому что я мыслю его предмет просто как данный (посредством выражения «*он есть*»). Таким образом, в действительном содержится не больше, чем в только возможном. Сто действительных талеров не содержат в себе ни на йоту больше, чем сто возможных талеров. В самом деле, так как возможные талеры означают понятие, а действительные талеры — предмет и его полагание само по себе, то в случае если бы предмет содержал в себе больше чем понятие, мое понятие не выражало бы всего предмета и, следовательно, не было бы адекватным ему. Но мое имущество больше при наличии ста действительных талеров, чем при одном лишь понятии их (т. е. возможности их)» (пер. Н. Лосского).

¹⁴¹² Пьеса Жана Ануя (1910–1987), написанная в 1934 г., психологически близкая к женским историям Достоевского и «Даме с камелиями» А. Дюма-сына. Шла в январе 1938 г. в парижском театре «Матюрень». Пишет Симона Петреман: «На „Дикарке“ она была вместе с матерью. Пьеса потрясла Симону; выйдя из театра, она захлебывалась рыданиями» (SP, p. 455).

¹⁴¹³ Это размышление понятнее в связи с сюжетом «Дикарки».

¹⁴¹⁴ Т. е. «Тибон». Ср.: «В этом мире — если не говорить о святых — существует только один вид боли совершенно невинной, совершенно чистой — это боль физическая. Что остается в нас от душевных болей, если вычесть оскорбленную гордость, зависть и бред?» (Thibon G. *Pensées* // Fontaine, Alger, 3e année, t. III, № 16, décembre 1941, p. 103). Симона могла ознакомиться с этими мыслями в рукописи или в личной беседе.

¹⁴¹⁵ Симона писала об этом еще в 1938 г., в связи с испанскими впечатлениями: «И вот эти несчастные — и прекрасные — арагонские крестьяне, которые даже в унижениях сохраняли в себе столько достоинства, — они и для ополченцев были всего лишь объектом насмешек» (письмо к Ж. Бернаносу, 1938; Ф, с. 357). См. также «Испанский дневник» (т. 1 наст. изд.).

¹⁴¹⁶ S'avilissent.

¹⁴¹⁷ Ср. K4, ms. 126 (т. 1, с. 401), K5, ms. 48 (с. 28).

¹⁴¹⁸ Многозначное слово: опора, поддержка, подставка, держатель и мн. др.

¹⁴¹⁹ Элла Майяр (1903–1997) — швейцарская путешественница и писательница, в юности известная спортсменка, участница Олимпийских игр 1924 г. Дружба с деятелями швейцарской компартии по-

зволила ей в 1932 г. совершить семимесячное путешествие по советской Средней Азии, описанное ею в книге «От Голубых гор до Красных песков» (1934). Книга стала одним из нелицеприятных свидетельств о положении в СССР; впрочем, на французскую «передовую общественность» середины 1930-х гг., увлеченную социализмом, эти свидетельства не производили никакого впечатления вплоть до «Большого террора» 1937 г. (а многих не отрезвил и он). Упоминаемый эпизод — суд в Самарканде над четырьмя десятками узбекских декхан, обвиненных в «басмачестве» (фактически речь шла о попытке уклониться от коллективизации). Девятнадцать из них были приговорены к смертной казни и расстреляны сразу после заседания.

¹⁴²⁰ Хотя среди трагедий Софокла тоже числится «Федра» (от нее уцелели только небольшие фрагменты), здесь имеется в виду, конечно, трагедия Ж. Расина.

¹⁴²¹ В письме к сыну от 19 сентября 1820 г. Ампер сообщал о своем открытии электрического тока в простых словах, вовсе чуждых гордости и самодовольства: «Наконец, вчера получил у Дюлона большой столб... Опыты, проведенные мною (после этого), прошли с полным успехом, а сегодня в 4 часа я их повторил на заседании академии. Не было сделано никаких возражений: вот новая теория магнита, сводящая все явления к явлениям гальванизма. Это совершенно не похоже на то, что я представлял себе до сих пор...». Всего лишь четыре года спустя, всемирно признанный, удостоенный наград, Ампер говорил о своей жизни так, будто в ней не было ничего не только выдающегося, но и просто отрадного: «Я никогда не был таким несчастливym, как теперь, так удрученным невзгодами и настолько перегруженным и удрученным работой. У меня нет ни в чем утешения, и, глядя без удовольствия на мой сад, где я проложил новые тропинки, я не представляю себе, что будет со мной!» (Цит. по: Карцев В. Приключения великих уравнений. М., 1986).

¹⁴²² *Récompense* — имеет и значение «награда», но мы предпочитаем переводить: «компенсация», так как рассуждение ведется в физических терминах.

¹⁴²³ «Так надо было» (*бретон.*). Нам не удалось точно выяснить обстоятельства этого происшествия. Более раннее упоминание о нем находим в записях Симоны, относящихся к 1932 г.: «Так надо было... История о мальчишке-юнге из Конкарно, не выпускавшем руль в

течение *сорока восьми* часов» (ЕС, t. I, p. 378; пер. мой. — П. Е.). Конкарно — рыбацкий городок на побережье Бретани.

¹⁴²⁴ Ср. Мф 4:5–7: «Потом берет Его диавол в святой город и поставляет Его на крыле храма, и говорит Ему: если Ты Сын Божий, бросься вниз, ибо написано: Ангелам Своим заповедает о Тебе, и на руках понесут Тебя, да не преткнешься о камень ногою Твоею. Иисус сказал ему: написано также: не искушай Господа Бога твоего».

¹⁴²⁵ Бельгийские беженцы, которые вместе с Симоной работали на уборке винограда в Сен-Жюльен-де-Пейрола.

¹⁴²⁶ Илиада, XVII, 233 и слл. Гомер описывает, как жестоко изнуренные битвой за мертвое тело Патрокла, потеряв множество бойцов с обеих сторон, ни греки, ни троянцы не желали уступить и были готовы продолжать битву хоть до последнего человека.

¹⁴²⁷ Расин, Береника, действие IV, явление 5, ст. 113 (пер. Н. Рыковой).

¹⁴²⁸ Сколько-нибудь подробных сведений о знакомстве Симоны с рабочими из числа русских беженцев не имеется. Это странно, ибо события в России ее горячо волновали, а личное знакомство могло предоставить уникальную информацию, какую грех было упустить. Контакт Симоны с «белыми русскими» могла помешать их неприязнь к левым интеллигентам и, в особенности, к евреям. Имеются свидетельства современников о том, что в разгар парижских стачек середины 1930-х гг. русские рабочие сохраняли полное повиновение заводской администрации (напр.: Краснов П. Ложь. Р., 1938). Покорность «бездушного вещества», отмеченная Симоной за этой группой, может объясняться не только общей подавленностью людей, переживших огромное несчастье, но и всей исторической выучкой пресловутого «долготерпенья», обычным для русского сознания неверием, что в несправедливом устройстве жизни можно что-либо изменить.

¹⁴²⁹ Примеры того, как несчастные каждый день сочиняют себе «короткое будущее», Симона могла получить как из «Испанского свидетельства» Кёстлера, так и из воспоминаний Казановы о венецианской тюрьме, ссылку на которые мы увидим чуть ниже. «Так я и жил, — пишет Казанова, — всякий день надеясь, что меня отпустят домой; всякий раз ложился спать почти уверенный, что завтра за мною придут и скажут, что я свободен; но надежды мои не сбывались, и тогда я рассуждал, что мне, должно быть, положен

срок, и приходил к выводу, что отпустят меня не позднее 1-го октября, когда взойдут на царство новые инквизиторы».

¹⁴³⁰ Это относится, конечно, к словам о «заполнении мысли» в начале предыдущего абзаца.

¹⁴³¹ Одним из основных источников Симоны по этой теме была книга соратника Э. Кортеса — Бернара Диаса дель Кастильо (1495–1584) «Правдивая история завоевания Новой Испании» (закончена в 1575, первое издание 1632). Ее автор хвалит «замиранных» индейцев Мексики, неоднократно приводя примеры бесконечной услужливости и преданности завоевателям. Например, возвращение Кортеса в Мехико в 1526 г. описывается в таких красках: «Радость охватила Мехико и всю страну. Отовсюду индейцы, не говоря уже об испанцах, присылали подарки и подношения; дорога в Мехико лихорадочно исправлялась, и на всех остановках воздвигнуты были павильоны. Большие толпы целыми днями ждали приезда, а затем примыкали к Кортесу, так что к Мехико подошло целое войско. Особенно усердствовала Тлашкала, и самые знатные люди то пели, то плясали пред Малинче. Танцами же встретили его и касики Тескоко (...) Касики нарядились в роскошные военные уборы времен Куаутемока. Озеро покрыто было лодками, и отовсюду неслись крики и приветствия. На всех улицах громадного города весь день шла праздничная сутолока и веселая неразбериха, а вечером была иллюминация окон и балконов. Воистину, его приветствовали точно властелина, и еще много дней со всех сторон стекались посольства с подарками из отдаленнейших провинций» (пер. Д. Егорова и А. Захарьяна). Однако, несколько ниже Диас проговаривается, что по причине злодейств колониальной администрации «провинция Пануко совершенно обезлюдела».

¹⁴³² Симона, скрывавшая степень своих физических страданий даже от близких, оставила почти единственное их развернутое описание в письме к поэту Жоэ Буске от 12 мая 1942 г. Получивший ранение в позвоночник на Первой мировой войне и с тех пор прикованный к постели, для облегчения приступов боли Буске нередко прибегал к опиуму. Опыт длительного страдания сближал обоих, и Симона, видевшая Буске лишь однажды, решилась на откровенность: «Вы говорите, что за свои нравственные качества я расплачиваюсь недоверием к себе. Но объяснение моего отношения к самой себе — а это вовсе не недоверие, но смесь презрения, ненависти и отвращения — находится ниже, на уровне биологических механизмов.

Это физическая боль. Вот уже двенадцать лет меня наводняет боль, которая находится в центре нервной системы, в той точке, где соединяются душа и тело, боль, которая не покидает и во сне и не прекращается ни на секунду. В течение десяти лет она была столь сильна и сопровождалась таким чувством изнурения, что чаще всего мои попытки внимания и интеллектуальной работы были почти столь же безнадежны, как попытки осужденного на смерть, чей приговор завтра должны привести в исполнение. А еще чаще, когда они казались совершенно бесплодными, не приносящими даже мгновенного результата. Меня поддерживала вера, зародившаяся в возрасте четырнадцати лет, что никогда ни одно истинное усилие внимания не бывает потеряно, даже если оно никогда, ни прямо, ни опосредованно, не приведет к явному результату. И все же настал такой момент, когда я считала, что из-за изнурения и нарастания боли мне угрожает одно из тех жутких состояний полной утраты душевных способностей, — и тогда целые недели напролет я с тоской спрашивала себя: может быть, умереть — и есть для меня сейчас первейшее, высочайшее повеление, как бы ни ужасало меня то, что жизнь моя должна закончиться кошмаром. Как я уже Вам рассказывала, только решимость на предполагаемую смерть, которая придет в свой срок, вернула мне равновесие» (цит. по: ТБ, с. 145).

¹⁴³³ Джакомо Джироламо Казанова (1725–1798) — знаменитый венецианский авантюрист, описывает это заключение в своей «Истории моей жизни». (т. III, гл. 13). «От одиночества в Свинцовой тюрьме впадают в отчаяние; но знают это только те, кто его испытал. Если узник причастен изящной словесности, дайте ему письменный прибор и бумаги: горе его станет на девять десятых меньше».

¹⁴³⁴ Ср. в Ветхом Завете: «Ибо стрелы Твои вонзились в меня, и рука Твоя отяготела на мне» (Пс 37/38:3); «Отяготела на мне ярость Твоя» (Пс 87/88:8).

¹⁴³⁵ Саттва (на санскрите — «чистота», «чистый»; буквально «существование, реальность») — гуна сущности, благости, одна из трех гун (качеств) природы в философии индуизма, в частности в философии санкхьи. Среди трех гун (саттва, раджас и тамас) считается самым чистым и возвышенным качеством материальной природы.

¹⁴³⁶ Антонен Номпар де Комон, герцог де Лозен (1633–1723) — придворный, фаворит Людовика XIV. Заключение подвергался дважды; здесь, вероятно, имеется в виду первый случай (1665 г.), когда

Лозен был брошен в Бастилию за интриги ради достижения одного из высоких постов в армии.

¹⁴³⁷ Ср. Мф 4:5–7: «Потом берет Его диавол в святой город и поставляет Его на крыле храма, и говорит Ему: если Ты Сын Божий, бросься вниз, ибо написано: Ангелам Своим заповедает о Тебе, и на руках понесут Тебя, да не преткнешься о камень ногою Твоею. Иисус сказал ему: написано также: не искушай Господа Бога твоего».

¹⁴³⁸ Мф 4:2–4: «И, постившись сорок дней и сорок ночей, напоследок взалкал. И приступил к Нему искушитель и сказал: если Ты Сын Божий, скажи, чтобы камни сии сделались хлебами. Он же сказал ему в ответ: написано: не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих».

¹⁴³⁹ Теория пропорций Евдокса (Евклид, Начала, кн. V) обобщает понятие отношения на случай несоизмеримых величин, например, стороны и диагонали квадрата; для этого необходимо выполнение условия, которое сейчас обыкновенно называют «аксиомой Архимеда»: чтобы меньшая из величин могла заведомо превзойти большую, будучи повторенной достаточное число раз.

¹⁴⁴⁰ Рыбак, хозяин судна, из селения Ревиль (в Нижней Нормандии), где Симона провела два месяца в 1931 г. после окончания университета. Симона, вместе с матерью, снимала комнату у семьи Лекарпантье; она очень подружилась с главой семейства, и по ее просьбе он даже брал ее с собой в море на рыбную ловлю.

¹⁴⁴¹ Симона считала принципиально важным в изучении математики использовать не алгебраические формулы, а демонстрацию примеров и аналогий, особенно геометрических.

¹⁴⁴² Диоген Лаэртский, Фалес, 27: «Иероним Родосский (...) говорит, что он измерил высоту пирамид по их тени, дождавшись часа, когда наша тень одной длины с нами».

¹⁴⁴³ Dans le mond.

¹⁴⁴⁴ Это упоминание носит не справочный характер. Симона связывает интерес Анаксимандра к математической функции (в данном случае при исчислении длины тени) с его философскими взглядами, которые ее живо интересовали. См. ниже.

¹⁴⁴⁵ Se compensent indéfiniment. В данном месте это слово передает греческое ἄλειρον. Подробнее об этом см. «Комментарии к пифагорейским текстам» (с. 331).

¹⁴⁴⁶ См. K5, ms. 57, с. 34.

¹⁴⁴⁷ Juste.

- ¹⁴⁴⁸ Кант, Критика чистого разума, гл. I: «Мы будем называть априорными знания, безусловно независимые от всякого опыта, а не независимые от того или иного опыта. Им противоположны эмпирические знания, или знания, возможные только *a posteriori*, т. е. посредством опыта. В свою очередь из априорных знаний чистыми называются те знания, к которым совершенно не примешивается ничто эмпирическое».
- ¹⁴⁴⁹ Цитата из Фукидида; см. примеч. 2742.
- ¹⁴⁵⁰ См. о том же K5, ms. 47–48 (с. 26–28). Симона еще вернется к этому примеру, используя похожие энергичные выражения: путник каждый раз «набрасывается» на глыбу. Возможно, она вспоминает сценку, виденную на горной дороге, где часты каменные осыпи.
- ¹⁴⁵¹ Следуют выписки из «Трудов и дней» на греческом, без перевода.
- ¹⁴⁵² Гесиод, Труды и дни, ст. 42 (здесь и далее пер. В. Вересаева).
- ¹⁴⁵³ Там же, ст. 368–369.
- ¹⁴⁵⁴ Там же, ст. 383–387.
- ¹⁴⁵⁵ Там же, ст. 417–419, 422.
- ¹⁴⁵⁶ Там же, ст. 465.
- ¹⁴⁵⁷ Там же, ст. 564–570.
- ¹⁴⁵⁸ Ср. там же, ст. 588–596 (у Вересаева, вместо овечьего, мясо козлят).
- ¹⁴⁵⁹ Там же, ст. 597–598; 607–611. Перс — брат Гесиода, которому посвящена поэма.
- ¹⁴⁶⁰ Там же, ст. 612–613. Затем виноград давят и разливают сок в соуды.
- ¹⁴⁶¹ Там же, ст. 614–617.
- ¹⁴⁶² *Intermédiaires*.
- ¹⁴⁶³ *Vertus*.
- ¹⁴⁶⁴ *Sont naturelles*. Т. е., пользуясь терминами Симоны, существуют в зоне «силы тяжести» и не могут подняться до области благодати.
- ¹⁴⁶⁵ Тепловой и механической.
- ¹⁴⁶⁶ «Дети иногда делают рожи перед зеркалом, чтобы напугать себя. Эти узники делали в точности противоположное. Они были скупы на чувства, обходясь друг с другом без сентиментальности, а то и без жалости. Но они кормили друг друга надеждами, так как смерть без надежды, смерть за проигранное дело казалась им невыносимой. Сегодня пал Толедо, завтра — Бургос и Севилья... Они лгали сами себе, чтобы умереть, как младенцы кричат сами себе, чтобы уснуть» (Koestler A. *Spanish Testament*: In 2 vol. L., 1937, v. 2, p. 371; пер. мой. — П. Е.).

¹⁴⁶⁷ Перл Бак (1892–1973) — американская писательница, проведшая немалую часть жизни в Китае, дочь миссионера. Активистка движения за международное усыновление. Лауреат Нобелевской премии по литературе 1938 г., присужденной «за многогранное, поистине эпическое описание жизни китайских крестьян и за биографические шедевры», за произведения, которые «прокладывают путь к человеческому взаимопониманию вопреки любым расовым барьерам».

¹⁴⁶⁸ В дошедших до нас изложениях учения Эпикура этих слов нет; очевидно, перед нами собственная интерпретация Симоной этого учения, к которому она вообще относилась весьма внимательно: так, эпикуреец Т. Лукреций Кар является самым почитаемым ею из философов, писавших на латыни. Тем не менее, понять мысль Симоны здесь нелегко. Как читаем мы в письме Эпикура к Менекею, где в общих чертах излагается Эпикурова этика, величайшим из благ для человека, корнем всех добродетелей, он полагал разумение (φρόνησις), которое ведет человека по пути самодовления (αὐτάρκεια) к конечной цели — наслаждению (ἡδονή), которое есть «и начало, и конец блаженной жизни» (Диоген Лаэртский, О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов, X, 128–133). Для того, чтобы соотнести любое из этих понятий с Симониной пустотой, нам понадобилось бы большое отдельное исследование. Возможно также, что имеется в виду Эпикурово учение о богах, чья благость связана с недеянием и беспристрастием. В этом «уподобление Богу» оказывается тесно связано с «действием не-действующим» — тем идеалом, который привлекает Симону в «Бхагавад-Гите» и даосизме.

¹⁴⁶⁹ Мф 23:12: «Ὅστις δὲ ὑψώσει ἑαυτὸν ταπεινωθήσεται, καὶ ὅστις ταπεινώσει ἑαυτὸν ὑψωθήσεται»; Лк 14:11: «Ὅτι πᾶς ὁ ὑψῶν ἑαυτὸν ταπεινωθήσεται καὶ ὁ ταπεινῶν ἑαυτὸν ὑψωθήσεται» (то же — Лк 18:14). В Синодальном переводе: «Ибо, кто возвышает себя, тот унижен будет, а кто унижает себя, тот возвысится».

¹⁴⁷⁰ Travail, труд, работа (φρ.).

¹⁴⁷¹ Pédagogie, педагогика (φρ.).

¹⁴⁷² Эта фраза, казалось бы, не связанная с предшествующей, на самом деле является частью общего размышления. Призывая отказаться от взгляда на труд как на страдание, Симона обращает внимание на то, что поскольку, согласно Аристотелю (выбранному официальным католицизмом в качестве философского эталона), страда-

ние есть зло, то, следовательно, и труд предстает как некое зло. Этот вывод, несомненно, еще более усиливается словами т. н. «проклятия Адаму» в книге Бытия: «Проклята земля за тебя; со скорбию будешь питаться от нее во все дни жизни твоей. (...) В поте лица твоего будешь есть хлеб» (Быт 3:17, 19). Таким образом, по мысли Симоны, этическая традиция Католической церкви бессильна раскрыть в труде источник духовного совершенствования.

Вот место из «Никомаховой этики» Аристотеля, которому Симона в данном случае возражает: «Все, однако, согласны, что страдание — зло и что его избегают; оно является злом либо в безотносительном смысле, либо как препятствие для чего-то. То, что противоположно вещам, которых избегают и которые являются злом именно в тех отношениях, из-за которых этих вещей избегают и из-за которых эти вещи — зло, является благом. Следовательно, удовольствие с необходимостью есть некое благо» (Никомахова этика, кн. VII, 1153b; пер. Н. Брагинской).

¹⁴⁷³ «Ле-цзы», гл. 5; ср. примеч. 744.

¹⁴⁷⁴ В отличие от материальных факторов.

¹⁴⁷⁵ Хотя в рукописи не имеется какой-либо поясняющей отсылки, комментатор издания ЕС видит здесь аллюзию на один из любимых Симоной фрагментов БАУ, I, 4, 7: «<Все> это было тогда неразлично. Он <Брахман> стал различим по имени и образу (nom et forme, во французском переводе). И <говорят>: «Таково его имя, таков образ». Ведь поныне <все> различимо по имени и образу. И <говорят>: «Таково его имя, таков образ». Он <Атман> проник сюда до кончиков ногтей, как нож в ножны, как огонь в пристанище огня. Его не видят, ибо он неполон. Дышащий, он зовется дыханием, говорящий — речью, видящий — глазом, слышащий — ухом, понимающий — разумом. Это лишь имена его дел. Кто почитает лишь то или иное из них, не обладает знанием, ибо в том или ином он неполон» (пер. А. Сыркина).

¹⁴⁷⁶ Это не риторический вопрос удивления. Симона возражает дорогой для нее самой теории тренировки внимания, изложенной в «Ле-цзы» на примере обучения лучника. Симона пытается понять психофизический «механизм», посредством которого мадемуазель Риё, не обладая столь углубленным и тренированным вниманием, приобрела способности, которые кажутся Симоне далеко не рядовыми и в то же время явно не врожденными, а приобретенными в трудовом навыке. Впрочем, многие из горожан, проживших до-

статочное время в деревне, имели случай наблюдать подобные способности у старых крестьянок.

¹⁴⁷⁷ Стрелка проведена к началу фразы: «Человеку *естественным образом...*»

¹⁴⁷⁸ Симона приводит это изречение неоднократно, с небольшими вариациями, что позволяет видеть здесь не буквальную цитату, а пересказ. Возможно, это резюме басни Лафонтена «Смерть и Несчастный», которая, в свою очередь, опирается на нравоучение Сенеки из «Нравственных писем к Луцилию» (письмо CI; Лафонтен прямо ссылается на Сенеку в послесловии к басне). См. также K6, ms. 43 (с. 120).

¹⁴⁷⁹ См. K5, ms. 57 (с. 34).

¹⁴⁸⁰ Гийом де Тард (1885–1989) — в 1930-е гг. администратор железной дороги Париж–Орлеан; известен также как социолог и политический мыслитель. В предвоенные годы, как и Симона, печатался в журнале «Nouveaux cahiers» О. Детёфа.

¹⁴⁸¹ Loi de l'énergie, закон энергии (*фр.*).

¹⁴⁸² Деметрий Полиоркет (т. е. «Осаждающий города»; 336–283 до н. э.) — сын Антигона Одноглазого, одного из полководцев и наследников империи Александра Македонского. С молодых лет прославился как неутомимый воитель; завоевал власть в Македонии, где правил в 294–288 до н. э., но впоследствии был разбит, изгнан из Македонии и пленен. «Вначале Деметрий переносил свою участь спокойно, приучался не замечать тягот неволи, много двигался — охотился (...), бегал, гулял, но постепенно занятия эти ему опротивели, он обленился, и большую часть времени стал проводить за вином и игрою в кости, то ли ускользая от дум, осаждавших его, когда он бывал трезв, и стараясь замутить хмелем сознание, то ли признав, что это и есть та самая жизнь, которой он издавна жаждал и домогался (...) На третьем году своего заключения Деметрий от праздности, обжорства и пьянства заболел и скончался в возрасте пятидесяти четырех лет» (Плутарх, Деметрий, 52; пер. С. Маркиша).

¹⁴⁸³ «Первое, что произнес Вильгельм по прибытии в замок Амеронген (временную резиденцию, предоставленную ему голландским правительством как эмигранту. — П. Е.), было: „Ну, что Вы насчет всего этого скажете? Принесите-ка мне чашку настоящего горячего английского чаю!“ — после чего зябко потер руки. Его провели наверх и показали спальню (и постель), в которой некогда, в 1672 г., переночевал Людовик XIV, а теперь должен был ночевать он. Ве-

роятно, это польстило его императорскому достоинству. Он извинился перед дочерью Бентинка (владельца замка. — П. Е.) Элизабет: „Почтенная графиня, простите, что я Вас побеспокоил; но это не моя вина“. Во время ужина, устроенного Бентинком, Вильгельм говорил о своей невинности: „Господь Бог свидетель, моя совесть чиста, я никогда не хотел этой войны“» (Макдоно Дж. Последний кайзер. М., 2004; пер. А. Филитова).

¹⁴⁸⁴ К Богу, в котором они и надеются обрести единство.

¹⁴⁸⁵ Втайне, сокровенно.

¹⁴⁸⁶ Марсель Пруст, В поисках утраченного времени, ч. 1. Комбре: «Я хорошо знал, что Легранден говорит неправду, утверждая, будто он не любит ничего, кроме церквей, сияния луны и молодости; он очень любил людей, живущих в замках, и, находясь в их обществе, так боялся чем-нибудь им не понравиться, что не решался показать им, что в числе его друзей есть буржуа, сыновья нотариусов или биржевых маклеров (...) И если я спрашивал его: „Вы знакомы с Германтами?“ — Легранден-собеседник отвечал: „Нет, я никогда не стремился к знакомству с ними“. К несчастью, его ответ звучал неубедительно, ибо другой Легранден, которого он тщательно прятал в глубине себя, которого он не показывал, потому что тот Легранден знал о нашем Леграндене, о его снобизме, вещи, способные навсегда погубить его репутацию, — другой Легранден уже ответил взглядом раненой серны, деланной улыбкой, чрезмерной серьезностью тона своего ответа, тысячею стрел, которыми наш Легранден в одно мгновение был исколот и обессилен, как святой Себастьян снобизма: „О, как больно делаете вы мне, нет, я не знаком с Германтами; не бередите раны всей моей жизни!“» (пер. Е. Баевской).

¹⁴⁸⁷ «Сущий на небесах... втайне...» (*грег.*).

¹⁴⁸⁸ Мф 3:6.

¹⁴⁸⁹ Чжуан-цзы, глава «Великий учитель». См. K5, ms. 107 (с. 65).

¹⁴⁹⁰ Гай Марий (157 до н. э. — 86 до н. э.) — римский полководец и политический деятель поздней Республики, реформатор римского войска. Семикратный консул. В ходе Первой гражданской войны, в 88 г. до н. э. был разбит Суллой, нашел убежище в Африке. Через год собрал войско, в союзе с Цинной осадил и взял Рим, после чего устроил пятидневную резню сторонников Суллы. Насладиться завоеванной властью Марию не дала скоропостижная смерть в январе 86 г. до н. э.

¹⁴⁹¹ Книга мемуаров Лоуренса об арабском восстании — «Семь столпов Премудрости» — носит загадочное посвящение «С. А.», с последующими стихами: «Я полюбил тебя, и взял в мои руки эти людские потоки, и волю мою начертал по звездному небу, чтоб заслужить для тебя Свободу — достойный седмистолпный дом — чтоб очи твои сияли, когда мы придем...» и т. д. Считают, что адресатом посвящения является Селим Ахмед, по прозвищу Дахум, юноша, с которым Лоуренс познакомился в 1911 г. во время археологических работ в Месопотамии. Вопрос о том, было ли ясно выраженное в стихах любовное чувство чисто платоническим, или переходило во что-то большее, поныне остается предметом споров и домыслов.

¹⁴⁹² En fait disparaître.

¹⁴⁹³ После окончания Первой мировой войны Лоуренс принял участие в Версальской мирной конференции, где испытал глубокое разочарование. Державы Антанты, извлекая все выгоды из его деятельности в Аравии и Сирии в 1915–1918 гг., уничтожили его мечту о восстановлении арабской государственности в Сирии и Палестине. Освобожденная при его активном участии Сирия была отдана под протекторат Франции; при этом из страны был изгнан король Фейсал — его боевой товарищ. Впрочем, Симона намекает и на другой факт, по-видимому, имевший для Лоуренса судьбоносное значение. Тогда же, в 1919 г., умер от тифа его возлюбленный Селим Ахмед. Полковник Лоуренс, отказавшись от звания рыцаря-командора Британской империи, в 1922 г. под вымышленным именем вступил рядовым солдатом в британские ВВС.

¹⁴⁹⁴ Беспольный (*грег.*). Ср.: Софокл, Электра, ст. 1144: «О мой призор давнишний, бесполезный!» (Электра вспоминает, как в детстве нянчила своего младшего брата Ореста, которого считает погибшим. Пер. Ф. Зелинского.)

¹⁴⁹⁵ Мф 6:12: «И прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим».

¹⁴⁹⁶ Ср. Лк 16:1–9.

¹⁴⁹⁷ Басня Эзопа «Скупой», известная также в переработке Лафонтена («L'Avare qui a perdu son trésor».) Скупой, зарыв в землю золотой слиток (сундук с деньгами, по Лафонтену), часто ходит проверять, цело ли сокровище. Наконец один из его работников, подсмотрев за ним, узнает место и похищает золото. Сосед скупца, видя его горе, говорит ему: «Не горюй, а лучше возьми камень, закопай его на том же месте и думай, что это золотой слиток. Ты ведь не со-

бирался пользоваться им, а лежать в земле камень может не хуже золота».

¹⁴⁹⁸ Angoisse.

¹⁴⁹⁹ См. K4, ms. 9 (т. 1, с. 314).

¹⁵⁰⁰ La misère essentielle.

¹⁵⁰¹ Négatives. То есть, определяемые через отрицание или отсутствие чего-то: свобода — как отсутствие факторов угнетения, принуждения и проч., безопасность — как отсутствие угроз жизни и здоровью, здоровье — как отсутствие недугов.

¹⁵⁰² Positives.

¹⁵⁰³ Морис Сэв (1501–ок. 1560) — французский поэт, платонический мистик. Речь идет о его фразе «Souffrir non souffrir» (Страдая, не страдать) из вступления к эзотерической поэме «Делия» (1544).

¹⁵⁰⁴ Фраза оставлена незаконченной.

¹⁵⁰⁵ Ин. 6:51. Симона выписывает (и переводит) эту фразу в том виде, как она стоит в большинстве древних рукописей. В русском переводе она выглядит несколько иначе, согласно варианту евангельского текста, называемому «византийским койне» и распространенному ныне в православных церквях греческой традиции: «Хлеб же, который Я дам, есть плоть Моя, которую Я отдам за жизнь мира».

¹⁵⁰⁶ Симона соотносит Христа с Мировой Душой из платоновского «Тимея».

¹⁵⁰⁷ Ин 12:24: «Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, пав в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода».

¹⁵⁰⁸ Вертикальная черта на полях, начинаясь от этой фразы, идет до абзаца о смирении.

¹⁵⁰⁹ Être délivré de soi-même. Т. е. я оставил надежды на собственные силы и полностью положился на милость того, кого умоляю (о помощи, пощаде и т. п.).

¹⁵¹⁰ Аллюзия на Мф 6:25–31: «В четвертую же стражу ночи пошел к ним Иисус, идя по морю. И ученики, увидев Его идущего по морю, встревожились и говорили: это призрак; и от страха вскричали. Но Иисус тотчас заговорил с ними и сказал: ободритесь; это Я, не бойтесь. Петр сказал Ему в ответ: Господи! если это Ты, повели мне придти к Тебе по воде. Он же сказал: иди. И, выйдя из лодки, Петр пошел по воде, чтобы подойти к Иисусу, но, видя сильный ветер, испугался и, начав утонать, закричал: Господи! спаси меня.

Иисус тотчас простер руку, поддержал его и говорит ему: маловерный! зачем ты усомнился?»

¹⁵¹¹ «Я — ничто». Эту фразу Софокл вкладывает в уста двум своим персонажам — Филоклету («Филоклет», ст. 1030, 1217) и Электре («Электра», ст. 697).

¹⁵¹² Одиссея, IX, 356. На вопрос циклопа: «Каково твое имя?» — Одиссей отвечает: «Никто».

¹⁵¹³ Вероятно, это напоминание относится к работе Симоны над драмой «Спасенная Венеция».

¹⁵¹⁴ Имеется в виду практика средневековых монархов Европы, династическим или военным путем становившихся сюзеренами одновременно в нескольких государствах.

¹⁵¹⁵ Персонаж комедии Мольера «Мизантроп», расчетливая обольстительница.

¹⁵¹⁶ См. примеч. 1436.

¹⁵¹⁷ Ср. Быт 2:25; 3:7–10. Одежды как следствие и признак грехопадения.

¹⁵¹⁸ Более подробно эту мысль Симона развивает в статье 1942 г. «Размышления по поводу квантовой теории».

¹⁵¹⁹ Ин 12:27–28: «Душа Моя теперь возмутилась; и что Мне сказать? Отче! избавь Меня от часа сего! Но на сей час Я и пришел. Отче! прославь имя Твое».

¹⁵²⁰ В оригинале, по старому французскому обыкновению обращаться к Богу на «вы», повсюду в этом абзаце употреблена форма множественного числа: «Оставьте».

¹⁵²¹ Вспомним, что в прошлом, вызывая на дуэль обидчика, обиженный мотивировал это желанием «получить удовлетворение». Симона сравнивает удовлетворение от обладания с удовлетворением от мести.

¹⁵²² Ср. Мф 7:2.

¹⁵²³ Gratuite.

¹⁵²⁴ Illégitime здесь означает «незаконный» не в смысле: нарушающий законы, устои и обычаи такого-то общества. Судя по контексту, речь идет об удовлетворении желаний *за счет* ближних, путем отъятия их жизненных ресурсов. С этим, конечно, борются и законы, и обычаи, но не так последовательно и куда более узко, чем имеет в виду Симона.

¹⁵²⁵ Подробнее см. примеч. 2742.

¹⁵²⁶ Avec dégradation.

- ¹⁵²⁷ В «Электре» Софокла героиня сначала получает ложное известие о смерти горячо любимого брата, а потом внезапно встречает его живым.
- ¹⁵²⁸ Софокл, Антигона, ст. 151–152, буквальный перевод: «Ибо и в каменном гробе плачешь: „ой-ой“». Электра вспоминает безутешность царицы Ниобы, в один день лишившейся всех своих многочисленных детей. По преданию, Ниоба обратилась в каменную скалу, но и в этом состоянии вечно проливает слезы. Характерно, — и весьма важно в связи с религиозными воззрениями Симоны, — что Электра, обращаясь к Ниобе, говорит: «Чту и тебя как бога» (ст. 150).
- ¹⁵²⁹ Пример прочтения, т. е. постижения реального, истинного смысла явления. После глубокого кризиса бессилия, неспособности, безнадёжности, этот смысл приходит сам, неожиданно и властно. «Ярким светом ты предо мной стоишь, / Мне ль молчанья мглой омрачить его? / Уж надежда мне больше не светила!» (ст. 1260–1262; пер. Ф. Зелинского).
- ¹⁵³⁰ От этого места по полю проведена стрелка к началу абзаца: «НЕ ОСОЗНАВАТЬ...»
- ¹⁵³¹ По убеждению Симоны, человеческое творчество, даже в самых высоких образцах, — лишь «сохранение» реальности (см. ниже).
- ¹⁵³² *Fait perdre*. Возможен также перевод: «губит».
- ¹⁵³³ Ср. K4, ms. 93 (с. 374), ms. 107 (с. 386), ms. 115 (с. 394). Если же накапливать энергию в Боге как в существующем, как в источнике бытия и силы, незаметно происходит подмена, смешение представления о Боге с представлением о социальной силе. Ср. историю Моисея: откровением Бога как Сущего (в видении Неопалимой Купины на Синае) обосновываются истребительные истребительные войны в Ханаане.
- ¹⁵³⁴ *L'universel*.
- ¹⁵³⁵ Желание превзойти, иметь больше (*grég.*).
- ¹⁵³⁶ *L'action non agissant*.
- ¹⁵³⁷ *Action non agissant*.
- ¹⁵³⁸ *Le Grande Maître, d'après le chinois par P. Leyris // La Nouvelle Revue Française, XXIX, juillet–décembre 1941, p. 404–408.*
- ¹⁵³⁹ Из трактата «Чжуан-цзы», гл. «Великий учитель», по пер. В. Маявина. Во французском переводе П. Лейриса, который использует Симона, вместо «Поднебесной» — «*l'univers*», вселенная, мироздание. Имеются и другие отличия, не влияющие на общий смысл.

- ¹⁵⁴⁰ Там же. Воспроизводим текст так, как он дан у Симоны, по переводу П. Лейриса. У В. Малявина иначе (приводим с контекстом): «То, что настоящие люди любили, было едино. И то, что они не любили, тоже было едино. В едином они были едины, но и в не-едином они тоже были едины. В едином они были послушниками Неба. В не-едином они были послушниками человека. Тот, в ком ни небесное, ни человеческое не ущемляют друг друга, достоин зваться настоящим человеком».
- ¹⁵⁴¹ Там же, по переводу В. Малявина, в данном случае идентичному с версией Лейриса.
- ¹⁵⁴² *Continu et discontinu*. Эрвин Шрёдингер (1887–1961) — австрийский физик-теоретик, один из создателей квантовой механики. Лауреат Нобелевской премии по физике (1933).
- ¹⁵⁴³ Комментаторы ЕС гипотетически, не находя конкретного печатного источника, приписывают эту фразу Алену, который участвовал в Первой мировой войне в качестве рядового артиллериста. (Звание солдата 2-го класса соответствует нашему рядовому.) Возможно, Симона приводит эти слова по памяти прежних бесед с Аленом.
- ¹⁵⁴⁴ *Ordre*. Тема порядка, выражаемого ритуалом, и повиновения, обсуждается и в главе «Великий учитель» трактата «Чжуан-цзы» (цитированного Симоной чуть выше), что могло послужить дополнительным стимулом для данных размышлений.
- ¹⁵⁴⁵ *Parvenir*.
- ¹⁵⁴⁶ Выражение заимствовано Симоной из ЧУ (VIII, 1, 6): «Как в этом мире исчерпываются преимущества, приобретенные деяниями, так исчерпываются в ином мире преимущества, заслуженные добрыми деяниями. Вот почему те, кто переходят отсюда, не познав Атмана и посредством его желаний, которые суть реальность, не могут во всех мирах делать то, что хотят» (пер. мой. с фр. перевода Эмиля Сенарта (изд. 1930), с которым могла сверяться Симона; перевод А. Сыркина имеет здесь смысловые отличия. — П. Е.).
- ¹⁵⁴⁷ *Monter*.
- ¹⁵⁴⁸ Ср. Быт 21:19: «И Бог открыл глаза ее, и она увидела колодезь с водою, и пошла, наполнила мех водою, и напоила отрока».
- ¹⁵⁴⁹ *Mendier*.
- ¹⁵⁵⁰ Из манихейского гимна, см. K2, ms. 128 (т. 1, с. 228).
- ¹⁵⁵¹ Комментаторы ОС уверенно считают это место опиской и предлагают читать: «Колеблющийся мир, в котором мы находимся,

есть образ мира недвижимого, где все на своем месте». В таком случае, это может быть аллюзией к платоновскому «мифу о Пещере» (см. примеч. 151). Сидящие в пещере видят при свете факелов лишь отражающиеся на стене колеблющиеся тени.

¹⁵⁵² Ср. Платон, Алкивиад I, 112–113 (пер. С. Шейнман-Топштейн).

¹⁵⁵³ Ср. там же, 113d–115.

¹⁵⁵⁴ Там же, 114e (слова Сократа).

¹⁵⁵⁵ Там же, 115d (слова Сократа).

¹⁵⁵⁶ Tient à la force. «Миф о Пещере» см. в примеч. 151.

¹⁵⁵⁷ Avantageux.

¹⁵⁵⁸ Платон, Алкивиад I, 122a (слова Сократа).

¹⁵⁵⁹ Платон, Гиппий меньший, 376b (пер. С. Шейнман-Топштейн). Сократ делает такой вывод из рассуждения, умышленно построенного им в софистической манере, для посрамления Гиппия.

¹⁵⁶⁰ Платон, Критон, 49b–d.

¹⁵⁶¹ Там же, 52c–d.

¹⁵⁶² Там же, 54d.

¹⁵⁶³ Там же, 49a.

¹⁵⁶⁴ Платон, Апология Сократа, 30c–d (пер. М. Соловьева).

¹⁵⁶⁵ Там же, 31a (с фр. перевода Симоны Вейль).

¹⁵⁶⁶ Там же, 31c (здесь и дальше пер. М. Соловьева).

¹⁵⁶⁷ Там же, 31d.

¹⁵⁶⁸ Вариант перевода в этом месте: «если вам угодно, чтобы он сохранил себе жизнь хоть на какое-то время».

¹⁵⁶⁹ Платон, Апология Сократа, 31e–32a.

¹⁵⁷⁰ Там же, 41c–d.

¹⁵⁷¹ Там же, 29a.

¹⁵⁷² Ср. там же, 17b–c: «Клянусь Зевсом, афиняне, вы не услышите речи разнаряженной, украшенной, как у этих людей, изысканными выражениями, а услышите речь простую, составленную из первых попавшихся слов. Ибо верю, что то, что я буду говорить, — правда, и пусть никто из вас не ждет ничего другого; да и неприлично было бы мне в моем возрасте выступать перед вами, о мужи, наподобие юноши с придуманною речью».

¹⁵⁷³ Евангелисты не вполне единогласно говорят о поведении Христа на суде. Матфей и Марк подчеркивают его молчание, практически отказ что-то говорить за себя: «Тогда говорит Ему Пилат: не слышишь, сколько свидетельствуют против Тебя? И Он не отвечал ему ни на одно слово, так что правитель весьма удивился» (Мф 27:13–14,

ср. Мк 15:2). Отвечает Иисус (хотя эти слова переданы в краткой форме) только у Иоанна (Ин 18:33–37); но и здесь не ведет никакой защиты, хотя из текста следует, что Пилат искал возможности Его отпустить и, следовательно, позволил бы Ему сказать как можно больше в свое оправдание. Сократ же, хоть и не готовит речь заранее, и ведет защиту не в юридической плоскости, но использует все возможности показать свою моральную правоту.

¹⁵⁷⁴ Ср. Ин 12:24: «Если пшеничное зерно, пав в землю не умрет, то останется одно, а если умрет, то принесет много плода».

¹⁵⁷⁵ Три абзаца, выделенные курсивом, в рукописи перечеркнуты карандашом крест-накрест.

¹⁵⁷⁶ Фукидид. История Пелопоннесской войны, V, 89. См. подробнее в примеч. 2744. Симона передает эту часто используемую ею фразу с небольшими вариациями.

¹⁵⁷⁷ Надо учитывать, что французское *croire*, как и итальянское *credere*, кроме значения «верить», имеют также значение: «думать», «считать», «полагать», — то есть, могут относиться и к вещам вполне очевидным. В русском же языке оно практически не применяется по отношению к очевидностям. Фраза «Я верю, что держу эту ручку» возможна у нас разве что в качестве парадокса.

¹⁵⁷⁸ *Condition humaine*.

¹⁵⁷⁹ См. примеч. 253.

¹⁵⁸⁰ Ср. Лк 5:37: «Сказываю вам, что так на небесах более радости будет об одном грешнике кающемся, нежели о девяноста девяти праведниках, не имеющих нужды в покаянии». Ставшая за многие века привычной манера восприятия новозаветных речений Христа без труда отождествляет этого «кающегося грешника» с прихожанином, идущим на исповедь отчитаться в привычных грехах. И даже, что гораздо опаснее, с человеком, который, обратившись от «грехов молодости» в «благочестие», становится чопорным ханжой или злобным фанатиком. Нитрийские монахи, отрясшие с ног прах лежащего во зле мира, чтобы потом «ради славы имени Господня» забить насмерть Ипатию, — были они, или не были теми кающимися грешниками, о которых радуются небеса? В обыденной практике, вероятно, всех христианских конфессий «покаяние» означает «сокрушенное и смиренное» признание лишь в грехах наиболее грубых и поверхностных. Но Симона говорит не об этом. То изменение сознания, которое она имеет в виду, та дисциплина сознания, к которой она стремится, встречается исключительно редко.

- ¹⁵⁸¹ Лк 18:9–14.
- ¹⁵⁸² Когезия (от *лат.* *cohaesus* — связанный, сцепленный), сцепление молекул (ионов) физического тела под действием сил притяжения.
- ¹⁵⁸³ Т. е. отдав себя во власть законов необходимости.
- ¹⁵⁸⁴ Афоризм, приписываемый Пифагору. Ср. Аристотель, *Метафизика*, I, 3, 986a; XIII, 8, 1083b.
- ¹⁵⁸⁵ Moderne.
- ¹⁵⁸⁶ Conscience. Другое значение: совесть.
- ¹⁵⁸⁷ Du moins fixe.
- ¹⁵⁸⁸ Séparé.
- ¹⁵⁸⁹ Вероятно, Симона хочет сказать, что Христос не мог грешить, т. к. Его существование не было обособлено от существования Отца. Мысль вполне соответствует каноническому богословию Западной и Восточной Церкви.
- ¹⁵⁹⁰ Renoncement. Ср. развитие этой мысли в статье «Формы неявной любви к Богу» (апрель 1942): «Бог позволил существовать вещам иным, чем Он сам, которые имеют значение бесконечно меньшее, чем Он. Через творческий акт Он отрицает самого Себя, как и Христос заповедует нам отрицать себя самих. Бог отвергается Себя в нашу пользу, чтобы дать нам возможность отвергнуться от самих себя ради Него. Этот наш ответ, это эхо (от которого мы, однако, имеем свободу отказаться), есть единственное возможное оправдание безумия любви в акте творения. Религии, которые познали это самоотречение, это добровольное отдаление, это добровольное самоустранение Бога, Его видимое отсутствие и тайное присутствие в этом мире, — эти религии принадлежат единой истинной религии, они являются переводом на разные языки единого великого Откровения» (Ф, с. 195–196).
- ¹⁵⁹¹ Будучи един в трех лицах. Симона строго держится идеи единосущия Троицы.
- ¹⁵⁹² См. примеч. 999.
- ¹⁵⁹³ Претензия на то, чтобы быть всем.
- ¹⁵⁹⁴ Т. е. правильное выполнение любого математического действия — безлично, оно не зависит от «я» производящего вычисления. «Я» в математике может проявиться только в ошибке и никак иначе.
- ¹⁵⁹⁵ Стрелка проведена к абзацу со слов: «Аналогия между...».
- ¹⁵⁹⁶ Весь текст, начиная со слов: «Зато другие...» и до «не-деяние» продолжает и развивает мысль, начатую на ms. 118 фразой со слов:

«Три рода познания...». В трех абзацах названы три способа поведения, основанные на этих разных способах познания: 1) на воображении, мечте; 2) на трезвом анализе ситуации с максимальным учетом всех задействованных сил и соотношений и 3) на созерцании, когда истина сама посещает созерцающего. Важно напомнить, что «не-деяние» означает не пассивность, не уклонение от действий, но действие беспристрастное, совершающееся как бы само собой, в силу чистого послушания, без заботы о плодах. Ср.: «Человек, отвергающий действия, / никогда не придет к недеянию: / ведь сама по себе отрешенность / к совершенству его не приводит. (...) Кто недействие видит в действии, / кто в недействии действие видит / — среди людей тот поистине мудрый, / предписанья исполнивший йогин» (БхГ, III, 4; IV, 18; пер. В. Семенцова).

¹⁵⁹⁷ Так издатели ЕСС раскрывают стоящую в рукописи аббревиатуру «В». Речь идет о бельгийских беженцах, которые, укрываясь от войны на не оккупированном юге Франции, работали на уборке винограда в Сен-Жюльен-де-Пейрола. Симона не воспроизводит саму историю (связанную, конечно, с военными событиями) из опасения того, что тетрадь может попасть в чужие руки.

¹⁵⁹⁸ «Кольцо и книга» (*англ.*) — роман в стихах английского поэта Роберта Браунинга (1812–1889). История молодой римлянки Помпилии, убитой жестоким и порочным мужем, рассказывается в папском суде: сначала устами трех горожан, знающих дело лишь по слухам, затем в речах молодого священника, тщетно пытавшегося спасти Помпилию, самого убийцы, адвоката и прокурора.

¹⁵⁹⁹ *Les passions*. Судя по контексту и по тому, что перед словом «страсти» поставлен определенный артикль, имеются в виду страсти Христовы.

¹⁶⁰⁰ Здесь, возможно, впервые Симона ставит под сомнение свое, прежде отрицательное, отношение к Жанне д'Арк, которое у нее сложилось с юности как реакция на использование ее образа (а после ее канонизации Ватиканом в 1924 г. и культа) в пропаганде воинственного национализма и монархизма. Националистическая тенденция была еще более усилена идеологами петеновского режима. Особенный упор теперь делался, в частности, на том, что за осуждением и казнью Жанны стояли англичане, которым вишистская пропаганда отводила роль «извечных врагов» Франции.

¹⁶⁰¹ Ин 18:37–38: «Пилат сказал Ему: итак Ты Царь? Иисус отвечал: ты говоришь, что Я Царь. Я на то родился и на то пришел в мир, что-

бы свидетельствовать о истине; всякий, кто от истины, слушает гласа Моего. Пилат сказал Ему: что есть истина? И, сказав это, опять вышел к Иудеям и сказал им: я никакой вины не нахожу в Нем».

¹⁶⁰² Ср. К5, ms. 54 (с. 32), а также примеч. 1925.

¹⁶⁰³ Французская пословица.

¹⁶⁰⁴ Судя по контексту, имеется в виду типичная ситуация человеческого конфликта (внутрисемейного, бытового, политического и т. д.): реакция одной стороны на то, что другая не идет на все требуемые от нее уступки. Обвиняющий, ставя высоко собственный интерес, не придает вовсе никакой цены ни требованиям, ни доводам, ни самому человеческому достоинству противоположной стороны.

¹⁶⁰⁵ Ср. Мф 26:74–75: «Тогда он начал клясться и божиться, что не знает Сего Человека. И вдруг запел петух. И вспомнил Петр слово, сказанное ему Иисусом: прежде нежели пропоет петух, трижды отречешься от Меня. И выйдя вон, плакал горько».

¹⁶⁰⁶ Мф 7:1–2: «Не судите, да не судимы будете, ибо каким судом судите, таким будете судимы; и какою мерою мерите, такою и вам будут мерить». Собственно, эти слова говорят о Божьей, то есть справедливой мере. О том же заботится и Симона, поэтому противоречия Евангелию в ее решении нет.

¹⁶⁰⁷ Ср. Платон, Государство, VII, 518с: «Просвещенность — это совсем не то, что утверждают о ней некоторые лица, заявляющие, будто в душе у человека нет знания и они его туда вкладывают, вроде того как вложили бы в слепые глаза зрение. (...) Наше рассуждение показывает, что у каждого в душе есть такая способность; есть у души и орудие, помогающее каждому обучиться. Но как глазу невозможно повернуться от мрака к свету иначе чем вместе со всем телом, так же нужно отвратиться всей душой от всего становящегося: тогда способность человека к познанию сможет выдержать созерцание бытия и того, что в нем всего ярче, а это, как мы утверждаем, и есть благо» (пер. А. Егунова).

¹⁶⁰⁸ Геродот, V, 56. Слова, сказанные афинскому тирану Гиппарху в видении, предвозвестившем ему скорую смерть.

¹⁶⁰⁹ Мк 1:40–42.

¹⁶¹⁰ Стихотворение Симоны Вейль, сохраненное в ее тетрадах и письмах в нескольких версиях, с отличиями лишь в двух последних строках. В К6 записан промежуточный вариант. Публикуем здесь последний

из известных вариантов, заимствуя его текст из предсмертной «лондонской» Тетради XVIII (СЕС, t. VI, vol. 4, p. 396; Р, р. 34).

¹⁶¹¹ Ин 16:21: «Женщина, когда рождает, терпит скорбь, потому что пришел час ее; но когда родит младенца, уже не помнит скорби от радости, потому что родился человек в мир».

¹⁶¹² Надежда на «славу у потомков», на «благодарность потомства» выражается во многих приказах и воззваниях Наполеона к его войскам. Но здесь, судя по контексту, речь идет о грезах Наполеона во время его заточения на острове Св. Елены. Книга «Максимы и мысли узника Св. Елены», надиктованная бывшим императором в беседах с графом Э. де Лас-Казом, показывает, насколько он был озабочен своей репутацией у будущих поколений. Едва ли не лучшим памятником себе он с уверенностью называл принятый им «Гражданский кодекс».

¹⁶¹³ См. K5, ms. 90 (с. 48) и примеч. 1483.

¹⁶¹⁴ Эпизоды из первой поездки Симоны в Италию (март–май 1937). В «Ла Скала» она слушала «Аиду» Верди и «Эликсир любви» Доницетти.

¹⁶¹⁵ Термин немецкой философской традиции, имеющий разные смысловые оттенки у разных авторов (Кант, Шеллинг, Гегель), но особенно обсуждаемый в контексте учения и трудов М. Хайдеггера «Бытие и время», «Основные проблемы феноменологии» и др. Dasein является предметом неутихающих споров среди комментаторов и переводчиков. Приведем высказывание одного из современных французских переводчиков Хайдеггера, Д. Жанико: «Без сомнения, уж лучше оставить этот термин без перевода, чем прибегать к бессмысленным его передачам вроде „человеческая реальность“ (réalité humaine) или „бытие-вот“ (être-là). Но такое решение дает лишь ложное ощущение безопасности. Систематический отказ от перевода Dasein превращает это последнее в нечто невыразимое, которое повторяется, тем не менее, на протяжении многих страниц. Хайдеггер хотел уберечь это обычное немецкое слово (...) вовсе не от возможности его хоть как-то понять. Оставаясь непереуловленным, Dasein превращается по временам в некий странный „объект“, к которому невозможно прикоснуться, — непостижимый, далекий, почти астральный. Мы забываем, что Dasein относится к человеку в реальности его существования, что это — заботящееся о себе бытие, „какое мы всегда сами суть и какое мы именуем человеком“» (пер. А. Чернякова). Приведем также заме-

чание В. В. Бибихина, в связи с полемикой Г. Марселя с Хайдеггером (статья Марселя «К трагической мудрости и за ее пределы», 1968): «Марсель придерживается специфической трактовки хайдеггеровского Dasein, человеческого бытия, приравнивая его к индивидуальному существованию, целиком замкнутому на своих личных заботах. Вместе с тем Dasein у Хайдеггера — не человеческий субъект, а существо человека, то, в чем человек осуществляется, а к способам осуществления человека у Хайдеггера относятся и самоотверженность». У нас нет сведений о степени знакомства Симоны с подлинными текстами Хайдеггера. Ее многолетняя подруга С. Петреман не припоминает, чтобы Симона в 1930-е гг. при ней его обсуждала (SP, р. 304). Судя по некоторым контекстуальным моментам, главным источником сведений о немецком экзистенциализме для нее явилась статья Бенджамена Фондана «На путях Достоевского: Мартин Хайдеггер» (Cahiers du Sud, 1932, июнь).

¹⁶¹⁶ Первый и последний (*грег.*). Ср. Откр 1:17–18: «Не бойся; Я есмь Первый и Последний, и живой; и был мертв, и се, жив во веки веков, аминь; и имею ключи ада и смерти».

¹⁶¹⁷ Мк 4:11–12: «<Иисус> сказал им: вам дано знать тайны Царствия Божия, а тем внешним все бывает в притчах; так что они своими глазами смотрят, и не видят; своими ушами слышат, и не понимают, да не обратятся, и прощены будут им грехи».

¹⁶¹⁸ Откр 6:8. В оригинале все выписки сделаны на греческом, без перевода.

¹⁶¹⁹ Откр 6:12–14.

¹⁶²⁰ Откр 6:16–17.

¹⁶²¹ Откр 7:17.

¹⁶²² Откр 7:14.

¹⁶²³ Откр 8:1.

¹⁶²⁴ Откр 12:11.

¹⁶²⁵ Откр 14:4.

¹⁶²⁶ Откр 19:7.

¹⁶²⁷ Откр 20:11.

¹⁶²⁸ ТБ, с. 26.

¹⁶²⁹ Sa personne. Это слово написано после зачеркнутого «puissance» (могущество, власть).

¹⁶³⁰ Passion. По контексту мы полагаем, что речь идет именно о страдании Христа.

¹⁶³¹ Как, творя мир, Бог признает реальность за предметами и существами безмерно низшими, чем Он сам, и тем самым, по мысли Симоны, «ограничивает свое всемогущество» и допускает возможность уклонения тварей к худшему, т. е. возможность греха, — так, терпя страдания от людских рук, Бог (в лице своего Сына) признает реальность человека как *иного*.

¹⁶³² Познай себя (*грег.*) — надпись на храме Аполлона в Дельфах. Приписывается в разных античных источниках или дельфийской жрице Фемоне, или кому-то из т. н. «Семи мудрецов» (Фалесу, Хилону, Бианту).

¹⁶³³ Эсхил, Хэзофоры, ст. 923. С этими словами Орест убивает свою мать Клитемнестру, мстя ей за прелюбодеяние и убийство отца. Согласно преданию, отраженному в трагедиях Эсхила, Софокла и Еврипида, Орест был наказан за свой поступок: общий голос сограждан приговорил его к изгнанию, Эриннии — богини отмщенья — наслали на него безумие. Он скитался по Элладе, не находя себе покоя, пока не был оправдан в афинском ареопаге при участии богов (Аполлона и Афины). Симона ставит вопрос о виновности/невиновности Ореста в новом аспекте. Стоит отметить, что она подходит к нему иначе, чем, например, народное мнение, высказанное голосом отца Клитемнестры, Тиндара (Эврипид, «Орест»). Тиндар, далекий от желания защищать Клитемнестру, упрекает Ореста именно за то, что он не стал *судить* мать: по мнению аргосцев, он должен был изгнать ее с любым позором, но только не обгагрять рук в ее крови. По Симоне же выходит, что вопрос лишь в том, выполнял ли Орест некий высший закон. И если — да, и если к исполнению высшего закона Орест не прилагал личной мести, личной страсти, ненависти, то он оправдан даже и в этом страшном случае.

Здесь Симона перекликается со Львом Карсавиным: «Видишь ты злоумышление или насилие, останавливай его словом увещания (не словом осуждения), увещевай брата и себя самого, и несовершенно, а вернее — вернув его Всеединству. Голос Божий может сказать тебе: — Омочи по локоть руки твои в крови братьев твоих, разрушай и убивай, ибо такова воля Моя, все возвращающая ко Мне! — Есть правое убийство и есть святая война. (...) В праведном убийстве и в святой войне не должно быть ничего твоего, но все Божье. Ты должен ждать веления Божьего, и Бог не оставит тебя волением Своим. Ты должен убивать любя и любить убивая. И тогда постигнешь ты, как любит тебя дающий тебе убить его

(ибо, если не даст он себя убить, ты его и не убьешь) и как велика жертва любви его» («Saligia», 1919). Очевидно, что рассуждения обоих — и Карсавина 1919 г., и Симоны 1941-го — тесно привязаны к текущим событиям и отражают поиск личной позиции в них.

¹⁶³⁴ Tout en frappant.

¹⁶³⁵ «Физиологию» этой поддержки мы находим в монологе Барона из пушкинского «Скупого рыцаря». Перебирая хранимые без применения монеты, разглядывая и ощупывая их, Барон постепенно приходит в экстаз, когда воображение действует уже само по себе: «Как некий демон / Отселе править миром я могу; / Лишь захочу — воздвигнутся чертоги; / В великолепные мои сады / Сбегутся нимфы резвою толпою; / И музы дань свою мне принесут, / И вольный гений мне поработится, / И добродетель и бессонный труд / Смирненно будут ждать моей награды (...) Я выше всех желаний; я спокоен; / Я знаю мощь мою: с меня довольно / Сего сознанья...»

¹⁶³⁶ В басне Эзопа горюющему о пропаже сокровища скупцу в шутку советуют положить на то же место, где оно было зарыто, любой камень и мечтать, что это золото.

¹⁶³⁷ Серен Кьеркегор, Или — или (глава «Непосредственные ступени Эроса»). Симона возвращается к той же мысли в январе-феврале 1942, уже без ссылки на Кьеркегора: «Человеческая жизнь — невозможна. Но только несчастье дает это почувствовать» (K7, ms. 33, с. 242).

¹⁶³⁸ Ср. K4, ms. 60 (т. 1, с. 350). На первый взгляд, вставка разрывает мысль. Но она включена в контекст рассуждения; а как, об этом представляем подумать внимательному читателю.

¹⁶³⁹ Утешая себя числом неофитов, священник дает доступ к своей душе «заполняющему воображению» (см. выше). Число окрещенных им взрослых, вполне рядовое для современной России, для Франции 1940-х гг. достаточно высоко. Отец *** (почти нет сомнения, что речь идет о Ж.-М. Перрене) налегает на этот факт в разговоре с Симоной, потому что речь идет об обращении выходцев из семей неверующих интеллектуалов и евреев. В обстановке антисемитской пропаганды и правовой дискриминации евреев рост доли вторых был явлением вполне понятным.

¹⁶⁴⁰ Мф 15:22–28: «И вот, женщина Хананеянка, выйдя из тех мест, кричала Ему: помилуй меня, Господи, сын Давидов, дочь моя жестоко беснуется. Но Он не отвечал ей ни слова. И ученики Его, приступив, просили Его:пусти ее, потому что кричит за нами.

Он же сказал в ответ: Я послан только к погибшим овцам дома Израилева. А она, подойдя, кланялась Ему и говорила: Господи! помоги мне. Он же сказал в ответ: нехорошо взять хлеб у детей и бросить псам. Она сказала: так, Господи! но и псы едят крохи, которые падают со стола господ их. Тогда Иисус сказал ей в ответ: о, женщина! велика вера твоя; да будет тебе по желанию твоему. И исцелилась дочь ее в тот час».

¹⁶⁴¹ Le mond. В этом месте «мир» означает не «мирские блага», а мироздание во всем его ненарушимом устройстве и красоте, любовь к которым Симона считала одной из предваряющих, косвенных форм любви к Богу. Речь идет об очищении, о верной направленности этой любви.

¹⁶⁴² Скупой, конечно, может — и даже, скорее всего, будет — пополнять свой зарытый клад. (Пушкинский Барон именно в этом и находил главное наслаждение.) Но если мы будем любить мироздание таким образом, как скупец любит свое сокровище, — т. е. не расширяя его пределы за земное, видимое, вещное, замыкая любовь к нему в узком круге чувственных или душевных радостей, не расходуя его во имя того, что выше его, — мы не получим от любви к мирозданию сверхъестественных, божественных, нетленных плодов.

¹⁶⁴³ Словам «верный» и «справедливый» в оригинале соответствует одно слово «juste».

¹⁶⁴⁴ Стрелка проведена к абзацу, начинающемуся со слов: «Или, лучше...»

¹⁶⁴⁵ См. K4, ms. 125 (т. 1, с. 400).

¹⁶⁴⁶ «Члены ваши орудиями праведности». Ср. Рим 6:13: «И не предавайте членов ваших греху в орудия неправды, но представьте себя Богу, как оживших из мертвых, и члены ваши Богу в орудия праведности». Напомним, «праведность» и «справедливость» как в греческом, так и во французском языке обозначаются одним словом. Цитата приведена по созвучию с мотивами платоновского «Федра» (250a–256e), где телесная красота и телесное влечение рассматриваются как орудия совершенствования любящих, которое, в свою очередь, ведет их к спасению (ср. ниже переход к теме Эроса).

¹⁶⁴⁷ Вдохновенное безумие охваченного Эросом, рассматриваемое как богоуподобление и путь к спасению души (в платоновском смысле), — тема «Федра» (244a и далее).

¹⁶⁴⁸ Voluptueux.

- ¹⁶⁴⁹ БхГ, II, 28–46. Арджуна, перед лицом неминуемого кровопролития и необходимости убивать враждующих против него родственников, чувствует отвращение к власти и самой жизни и падает на сиденье колесницы в бессилии и опустошенности.
- ¹⁶⁵⁰ Т. е. подобно Овидию, в жалобах и мольбах его «Скорбных элегий».
- ¹⁶⁵¹ Здесь слышится возражение знаменитому афоризму Г. Марселя: «Любить — значит сказать другому: ты не умрешь, ты не можешь умереть!» (из пьесы «Смерть назавтра»; ср. К4, ms. 87, т. 1, с. 369). В русской интеллектуальной среде этот афоризм подхвачен в проповедях и статьях митр. Антония (Блюма).
- ¹⁶⁵² См. примеч. 1615.
- ¹⁶⁵³ Отсылка к ЧУ, VIII, 3, 1–2: «Эти истинные желания покрыты обманчивым, <хотя и> истинные — они имеют обманчивый покров. (...) Подобно тому как люди, не знающие <истинного> местонахождения, снова и снова проходят над спрятанным <в земле> золотым сокровищем, не находя его, так же и все эти творения день за днем идут в мир Брахмана, не находя <его>, ибо им препятствует обманчивое».
- ¹⁶⁵⁴ Рим 14:23: «Все, что не от веры, есть грех».
- ¹⁶⁵⁵ Рим 7:22–23.
- ¹⁶⁵⁶ Ср. Рим 7:7–11: «Но я не иначе узнал грех, как посредством закона. Ибо я не понимал бы и пожелания, если бы закон не говорил: не пожелай. Но грех, взяв повод от заповеди, произвел во мне всякое пожелание: ибо без закона грех мертв. Я жил некогда без закона; но когда пришла заповедь, то грех ожил, а я умер; и таким образом заповедь, *данная* для жизни, послужила мне к смерти, потому что грех, взяв повод от заповеди, обольстил меня и умертвил ею».
- ¹⁶⁵⁷ 2 Кор 5:7: «Верую... а не видением» (*грег.*).
- ¹⁶⁵⁸ 2 Кор 5:21, буквально: «Сделал Его грехом, чтобы мы стали праведностью». Синодальный перевод: «Ибо не знавшего греха (т. е. Сына. — П. Е.) Он (Отец. — П. Е.) сделал для нас *жертвою* за грех, чтобы мы в Нем сделались праведными пред Богом».
- ¹⁶⁵⁹ Ср. Илиада, XXIV, 505–506: «Делаю то я, на что ни один не решился бы смертный: / Руки убийцы моих сыновей я к губам прижимаю!» Самому Приаму, когда он целует руки Ахиллу, умоляя отдать тело убитого Гектора, кажется невероятным собственное поведение. Хотя ситуация, столь достоверно изображенная Гомером, во время войн не является редкостью.

- ¹⁶⁶⁰ Grâce. Фраза содержит отсылку к Посланию Иакова: «Бог гордым противится, а смиренным дает благодать» (Иак 4:6). Из других значений, которые имеет во французском языке слово «grâce», нам кажется здесь наиболее уместным «грация», «изящество». Напомним, что изящество греческих статуй Симона находит в уравниловке частей тела в ансамбле целого, в соблюдении пропорции между частным объектом и всеобщностью мироздания. Гордость — выпячивание, выделение чего-то в себе, нарушающее и внутреннюю уравниловку, и пропорцию с мирозданием.
- ¹⁶⁶¹ Огюст Бреаль (1869–1941) — художник, журналист, историк искусства. Сын лингвиста-востоковеда Мориса Бреаля. По первому образованию индолог. Учился живописи у Гюстава Моро; многократный участник парижских Салонов. Автор обстоятельных книг о жизни и творчестве Рембрандта (1907) и Веласкеса (1919). В начале 1940 г. Симона получила от Бреаля (он жил в Марселе) письмо по поводу одной ее политической статьи в «Nouveaux cahiers»: «Мадам, не имея поблизости, у кого спросить, обращаюсь к вам с просьбой просветить меня: *кто вы?*» Симона постеснялась ответить, но осенью, оказавшись в Марселе, сама нашла Бреаля по обратному адресу письма. Он и его жена приняли ее очень тепло; завязалось дружеское общение, прерванное вскоре неожиданной смертью Бреаля (SP, p. 533).
- ¹⁶⁶² О. Детёф вошел в правительство Виши, заняв пост главы комитета по организации промышленности и электрификации. Но не обязательно «смерть дружбы», о которой говорит Симона, была связана именно с этим. Ей вообще было свойственно разделять отношение к человеку и к его политической позиции, при условии его искренности. Детёф старался делать свое дело в любой политической ситуации; впрочем, принципы корпоративизма, вводившиеся а вишистской Франции по образцу Италии и Германии, могли привлекать его симпатию.
- ¹⁶⁶³ Вероятно, имеется в виду Рихард Р. (в SP фамилия по какой-то причине не раскрыта), австрийский адвокат, покинувший родину после аншлюса, а летом 1940 г. интернированный вишистскими властями в лагере Верне (деп. Аръеж). Симона узнала о нем от старого друга, русского анархиста Николая Лазаревича, заключенного в том же лагере. После освобождения Рихарда Р. Симона встретила с ним в Марселе, где он безуспешно добивался в американском консульстве визы на въезд в Соединенные Штаты. Си-

мона сама несколько раз ходила по его делу в консульство, ведя продолжительные изматывающие дискуссии с чиновниками, которые окончились успешно: Р. удалось выехать, и в марте 1941 г. он прислал ей письмо из Нью-Йорка (SP, p. 543–545).

¹⁶⁶⁴ Ср. подобное рассуждение о значении выбора в трактате «Любовь к Богу и несчастье» (1942): «Везде, где отсутствует действие сверхъестественного света, все подчиняется механическим законам, столь же слепым и столь же точным, как законы падения тел. (...) Те, кого мы называем злодеями, — это лишь куски черепицы, которые ветер срывает с крыши, и они падают куда попало. Их единственная вина заключается в том первоначальном выборе, сделав который, они обратились в черепицу» (Ф, с. 288).

¹⁶⁶⁵ Прометей, прикованный к скале, и Атлант, титан, которого Зевс осудил держать на плечах небесный свод, — примеры наказаний, всё действие которых состоит в эффекте силы тяжести, что сближает их с распятием Христа и, по мнению Симоны, имеет символический смысл.

¹⁶⁶⁶ Евр 11:7: «Праведности по вере» (СП). Контекст: «Верую Ной, получив откровение о том, что еще не было видимо, благоговея приготовил ковчег для спасения дома своего; ею (...) <он> сделался наследником праведности по вере». Напомним, что, в отличие от русского языка, где «праведность» и «справедливость» — понятия далеко не совпадающие, в языках романских они означаются одним словом. Симона, вслед за Платоном уподобляющая справедливость геометрической пропорциональности, усиленно настаивает на том, что справедливость есть мера и любви, и самоотвержению. В ее интерпретации фраза Павла будет звучать: «справедливость по вере». Как Ной, вняв Божьему откровению, послушался его и спас от потопа людей и роды животных, так и другой человек, послушный избранию свыше на дела, казалось бы, превосходящие его силы, по *вере* получит и дар истинной *справедливости*.

¹⁶⁶⁷ Евр 11:1 (СП): «Уверенность в невидимом».

¹⁶⁶⁸ Евр 11:8: «Верую, призванный... повиновался и ушел... и пошел, не зная, куда идет».

¹⁶⁶⁹ Распятый разбойник, уверовавший в распятого рядом с ним Христа, как в Сына Божия («Помяни меня, Господи, когда придешь в царствие Твое!» — Лк 23:43) для Симоны — образец веры в собственном смысле, веры, лишенной всяких внешних подпор.

- ¹⁶⁷⁰ Евр 11:11: «Верой... получила силу».
- ¹⁶⁷¹ Евр 11:14: «Ищут отечества».
- ¹⁶⁷² Евр 11:30–31: «Верую стены Иерихона пали... верую Раав-блудница...». Для Симоны взятие Иерихона и ее жителей, совершенное благодаря предательству Раав, — жестокое преступление. В его оценке она не уступает авторитету апостола.
- ¹⁶⁷³ Евр 12:2: «Который, вместо предлежавшей Ему радости, претерпел крест, пренебрегши посрамление...».
- ¹⁶⁷⁴ Евр 12:11: «Мирный плод... праведности...». При анализе цитируемого у Симоны библейского материала приходится напоминать, что как греческое слово δικαιοσύνη, так и французское justice имеют первым значением «справедливость». То же означает и используемое в церковно-славянском переводе «правда». Существующее в современном русском языке и систематически используемое в СП Библии понятие «праведность» несколько размыто и, сверх того, безнадежно разводит сферы «мирскую» и «духовную». Так, можно сказать «справедливый директор», «справедливый командир»; можно сказать «праведный игумен». Но сказав «праведный командир», мы только озадачим собеседника. Современная русская речь имплицитно содержит мысль, что высокая «праведность» в сфере мирской если не невозможна, то как бы... неуместна. Ни еврейскому, ни греческому, ни латыни, ни современным романским языкам такое пессимистическое разделение не свойственно.
- ¹⁶⁷⁵ Еф 2:1 (СП): «Мертвых по преступлениям». «И вас, мертвых по преступлениям и грехам вашим, в которых вы некогда жили... Бог... оживотворил со Христом». Перевод Симоны имеет свой резон: παράπτωση, по первому значению — «падение». Он усиливает акцент на интересующей ее теме «силы тяжести».
- ¹⁶⁷⁶ Слово αἰών (век, вечность) Симона считает и в этом контексте относящимся к продолжительности времени. Синодальный перевод понимает его в данном месте иначе (см. ниже).
- ¹⁶⁷⁷ Кажется, Симона хочет найти в иносказательном именовании дьявола у Павла конкретно-физический смысл: «власть над воздухом» — власть над областью действия силы тяжести.
- ¹⁶⁷⁸ Еф 2:2 (СП): «По обычаю мира сего, по воле князя, господствующего в воздухе, духа, действующего ныне в сынах противления». «Воля» — добавлено переводчиком для связи слов.
- ¹⁶⁷⁹ Еф 2:3 (СП): «Между которыми и мы все жили некогда по нашим плотским похотям, исполняя желания плоти и помыслов».

- ¹⁶⁸⁰ Еф 2:8–9: «Ибо благодатью вы спасены через веру, и сие не от вас, Божий дар: не от дел, чтобы никто не хвалился».
- ¹⁶⁸¹ Еф 2:10 (СП): «Мы — Его творение». Симона, конечно, знает, что ποιῆμα означает «создание, творение», и к стихотворному тексту прилагается лишь метафорически.
- ¹⁶⁸² Еф 3:16–19 (СП).
- ¹⁶⁸³ Charité — традиционный (через латинское caritas в Вульгате) французский перевод греческого ἀγάπη, милосердная любовь.
- ¹⁶⁸⁴ Еф 3:20 (СП): «Тому, Кто... может сделать несравненно больше всего, чего мы просим, или о чем помышляем».
- ¹⁶⁸⁵ Дух (*zpeз.*).
- ¹⁶⁸⁶ Еф 4:9. Вероятно, Симона делает эту выписку в связи со своей метафорой «духовного рычага»: ниже опустить одно плечо, чтобы выше поднялось другое.
- ¹⁶⁸⁷ Рим 7:23.
- ¹⁶⁸⁸ Еф 4:25.
- ¹⁶⁸⁹ Еф 4:26.
- ¹⁶⁹⁰ Еф 4:30.
- ¹⁶⁹¹ Еф 5:13: Все же обнаруживаемое делается явным от света, ибо все, делающееся явным, свет есть.
- ¹⁶⁹² Еф 5:18.
- ¹⁶⁹³ Симона предлагает понимать морфῆ как essence (естество).
- ¹⁶⁹⁴ Флп 2:6–10 (СП): «Он, будучи образом Божиим, не почитал хищением быть равным Богу; но уничижил Себя Самого, приняв образ раба, сделавшись подобным человекам и по виду став как человек; смирил Себя, быв послушным даже до смерти, и смерти крестной. Посему и Бог превознес Его... дабы пред именем Иисуса преклонилось всякое колено небесных, земных и преисподних...».
- ¹⁶⁹⁵ Флп 2:13: «Бог производит в вас и хотение и действие по *Своему* благоволению».
- ¹⁶⁹⁶ Мф 26: 42: «Отче Мой! если не может чаша сия миновать Меня, чтобы Мне не пить ее, да будет воля Твоя»; 27:45: «Около девятого часа возопил Иисус громким голосом: Или, Или! лама савахфани? то есть: Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?»
- ¹⁶⁹⁷ Еф 3:9 (СП): «Не со своею праведностью, которая от закона, но с тою, которая через веру во Христа». У Павла буквально: «Не имея праведность моего „я“...» Симона выделяет ἐμὴν (своею).

- ¹⁶⁹⁸ Еф 3:12 (СП): «Но стремлюсь, не достигну ли я, как достиг меня Христос Иисус». У Симоны мысль Павла передана буквально более верно и понятно.
- ¹⁶⁹⁹ Еф 3:19: «Их бог — чрево».
- ¹⁷⁰⁰ Еф 3:21.
- ¹⁷⁰¹ Кол 1:13–16 (СП): «Возлюбленного Сына Своего (буквально: Сына любви Своей. — П. Е.), в Котором мы имеем искупление Кровию Его и прощение грехов, Который есть образ Бога невидимого, рожденный прежде всякой твари; ибо Им создано все». В основном варианте текста Нового Завета по изданию Нестле-Аланда, которым пользовалась Симона, слов «Кровию Его» нет, но во многих древних рукописях они присутствуют.
- ¹⁷⁰² Кол 1:16.
- ¹⁷⁰³ Кол 1:17 (СП): «И Он есть прежде всего, и все Им стоит».
- ¹⁷⁰⁴ Assemblé en lui.
- ¹⁷⁰⁵ Кол 1:18.
- ¹⁷⁰⁶ Кол 1:20: «Примирить с Собою все, умиротворив через Него, Кровию креста Его, и земное и небесное».
- ¹⁷⁰⁷ Кол 1:23 (СП): «От надежды благовествования, которое вы слышали, которое возвещено всей твари поднебесной».
- ¹⁷⁰⁸ Уточнение Симоны.
- ¹⁷⁰⁹ Кол 2:9 (СП): «В Нем (т. е. во Христе) обитает вся полнота Божества *телесно*». Последнее слово выделено Симоной.
- ¹⁷¹⁰ Кол 3:9 (СП): «Не говорите лжи друг другу, совлекшись...»
- ¹⁷¹¹ По мысли Симоны, тот, кто «совлек с себя ветхого человека», не может лгать по определению; ему уже не требуется это внушать.
- ¹⁷¹² Кол 3:10: «Облекшись в нового, который обновляется в познании по образу Создавшего его».
- ¹⁷¹³ Кол 3:12 (СП): «Облекитесь, как избранные Божии, святые и возлюбленные, в милосердие, благодать...»
- ¹⁷¹⁴ Внутренности милосердия (*англ.*; так же и во французской Библии по переводу Луи Сегонда). Ср. размышления над этой метонимией, характерной для языка Библии: «Среди этих символов (библейского представления о человеке. — П. Е.) должна быть названа еще и „утроба“; прежде всего, конечно, это в муках рожающая материнская утроба (*rehem*), которая представляет собой в библейской семантике синоним всяческой милости и жалости („*благо-утробие*“, *εὐσπλαγχνία*, как у Библии научились выражаться византийцы и затем крещенные византийцами славяне): символика „теплой“ и

„чревной“ материнской любви, столь же характерная для греко-славянской православной культуры, сколь чуждая античности, идет от Ветхого Завета (...). Материнская утроба — в числе других своих значений — также выразительный символ сокровенности (...). Но помимо всего этого, утроба вообще — образ мягкой, чувствительной, болезненной незащищенности перед ударом. „Книга притчей Соломоновых“ говорит об ударах, которые проникают в „по-таенности недр“» (Аверинцев С. Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1997, с. 65–66).

¹⁷¹⁵ 2 Фес 2:11–12 (СП): «И за сие пошлет им Бог действие заблуждения, так что они будут верить лжи, да будут осуждены все, не веровавшие истине, но возлюбившие неправду». В издании Нестле-Аланда и у Симоны стоит «*λέμλει*» (посылает), вместо «*λέμψει*» (пошлет — как в СП). Слово *ἀδικία* (неправда — в СП) означает собственно «несправедливость».

¹⁷¹⁶ Лк 4:6; слова сатаны, искушающего Христа (буквальный перевод. — П. Е.): «Тебе дам власть над этим всем и славу его, ибо она (власть. — П. Е.) предана мне, и я, кому хочу, даю ее».

¹⁷¹⁷ Offrande.

¹⁷¹⁸ Возможен и перевод: «Зачем?»

¹⁷¹⁹ Irreductible.

¹⁷²⁰ «Горе им, ибо у них есть утешение». Ср.: «Горе вам, богатые! ибо вы уже получили свое утешение» (Лк 6:24).

¹⁷²¹ Représentable.

¹⁷²² Вероятнее всего, Симона ссылается на истолкование символики третьего глаза Шивы у Р. Генона, сочинения которого она внимательно изучала летом и осенью 1941 г. Согласно Генону, третий, т. е. лобный глаз на изображениях Шивы во временном аспекте символики «соответствует настоящему, которое, с точки зрения проявленного, есть всего лишь неуловимый миг, на уровне пространственном сравнимый с не имеющей измерений геометрической точкой. Вот почему взгляд этого третьего глаза разрушает всякую проявленность (это символизируется выражением, согласно которому он все обращает в прах), и вот почему он не олицетворяется никаким телесным органом. Но когда поднимаются над этой точкой зрения преходящего, оказывается, что настоящее заключает в себе всю реальность (точно так же, как точка заключает в себе все пространственные возможности); когда последовательность превращается в единовременность, то оказывается, что все

вещи пребывают в „вечном настоящем“ и видимое „разрушение“ в действительности оказывается „преображением“» (Р. Генон, Человек и его становление..., гл. 20, примеч. 7; пер. Н. Тирос).

¹⁷²³ Кажется, Симона имеет в виду переписку Дидро с его возлюбленной Софи Волан. Ср. письмо к ней от 20 октября 1759 г.: «Вы думаете обо мне! Вы любите меня. (...) Теперь я счастлив. Я снова живу. Я могу разговаривать, работать, играть, гулять (...) Моя любовь, даже Ваше присутствие не обрадовало бы меня больше, чем Ваше первое письмо. С каким нетерпением я ждал его!»

¹⁷²⁴ Энергия связана с воображением. Энергию способно бывает придать и совершенно неожиданное письмо, подчас от человека неизвестного, но ободряющее плюс содержащее в себе богатую пищу для воображения. Для некоторых поэтов и писателей письмо от таинственной незнакомки открывало целую творческую эпоху. Известно, что Зинаида Гиппиус, стараясь стимулировать творческую активность мужа (Д. Мережковского), писала ему письма якобы от поклонниц его творчества.

¹⁷²⁵ Из «Касыды о вине» Омара ибн аль Фарида (1181–1235), египетского суфийского поэта-мистика: «Даже взгляд на печать от его кувшина / Веселит и бодрит, точно мера вина» (пер. З. Миркиной).

¹⁷²⁶ Декарт, как известно, был склонен рассматривать человеческое «тело как машину, которая, будучи сделана руками Божьими, несравненно лучше устроена и способна к более удивительным движениям, нежели машины, изобретенные людьми». Воображению в этом чудесном механизме приписывалась большая власть над возникающими в человеческом мозгу представлениями: оно, по Декарту, «способно различно преобразовывать их и формировать из них новые идеи, (...) путем распределения животных духов в мышцах приводить в движение члены рассматриваемого тела столькими различными способами — как под влиянием внешних предметов, действующих на чувства, так и в результате внутренних чувств, — с какими двигаются члены нашего тела в том случае, когда их не направляет воля» (Рассуждение о методе, ч. V; пер. Г. Слюсарева и А. Юшкевича).

¹⁷²⁷ Кардинал де Рец. Мемуары. М., 1997, с. 633–634 (пер. Ю. Яхниной). Жан-Франсуа Поль де Гонди, кардинал де Рец (1613–1679) — архиепископ Парижский, выдающийся деятель Фронды, писатель-мемуарист.

¹⁷²⁸ Там же.

- ¹⁷²⁹ Кардинал де Рец. Мемуары, с. 197. «Дерзкий» — так передает переводчик слово *hasardeux*.
- ¹⁷³⁰ Там же, с. 225. Пер. мой, у Ю. Яхниной иначе.
- ¹⁷³¹ Там же, с. 183. Пер. мой; у Ю. Яхниной иначе.
- ¹⁷³² Парафраз Флп 2:6–8: «Он, будучи образом Божиим (...) уничижил Себя Самого, (...) смирил Себя, быв послушным даже до смерти, и смерти крестной».
- ¹⁷³³ *Alors on a la vérité du mond.*
- ¹⁷³⁴ Ср. комментарии на 6-ю главу «Дао дэ цзин». Ван Би: «Вскармли- вает все вещи, а не утруждает себя». Дэцин: «Путь по своей сути предельно пуст, не имеет помыслов, но всегда полезен, поэтому не прилагает усилий» (пер. В. Малявина).
- ¹⁷³⁵ Кардинал де Рец. Мемуары, с. 379–380.
- ¹⁷³⁶ Признание своей ошибки и тщетности предпринятых действий (особенно если они были сопряжены с какими-то жертвами) создает в душе чувство пустоты, которое, по убеждению Симоны, можно и должно использовать для принятия истины. Но, как про- должает далее де Рец, «люди, попавшие в такое положение, даже уже заметив свою ошибку, обыкновенно долго упорствуют и уве- ряют себя, будто не ошиблись, ибо им столь трудно распутать ими же запутанный клубок, что они сами себе возражают, но доводы их, хотя и кажутся им плодом рассуждения, на деле почти всегда продиктованы свойствами их натуры» (с. 380). Симона могла бы предложить поправку к этой сентенции: эти доводы диктуются не только свойствами натуры (хотя и ими тоже), но и нежеланием допустить *пустоту* в душу, нежеланием потерять опору. Боясь дискредитировать в собственных глазах себя прежнего, я лишаю себя возможности стать новым.
- ¹⁷³⁷ Усилие, которое делает человек, чтобы перенести это страдание.
- ¹⁷³⁸ Властителей.
- ¹⁷³⁹ Это рассуждение применимо и к животным. Напрашивается даже констатация, что если направленное, стимулированное действие — общее между человеком и животным, то действие по *чистому* по- слушанию (см. ниже) доступно лишь отдельным людям.
- ¹⁷⁴⁰ *Son orientation au temps.*
- ¹⁷⁴¹ Двойная вертикальная черта проведена от этих слов до самого конца страницы ms. 29.
- ¹⁷⁴² Нередко бывает, что в чрезвычайной ситуации, требующей «от- решиться от связей», человек делает это моментально, без долгих

раздумий. Например, мужчина, имеющий любимую семью, бросается на спасение кого-то постороннего с риском погибнуть и оставить жену и детей, которых он любит, и о которых заботится. Но это уже, если пользоваться терминологией Симоны, проявление сверхъестественного начала. Возможно, в этом рассуждении она не покидает «естественной» области. В «естественном» же течении жизни те, кому по долгу службы приходится рисковать жизнью, достигают готовности к этому длительной привычкой.

¹⁷⁴³ «Сделавшись весами тела» (*лат.*). Слова о Кресте Христовом из гимна еп. Венанция Фортуната (VI в.). См. примеч. 339.

¹⁷⁴⁴ Ин 5:30. Ср. в СП: «Как слышу, так и сужу, и суд Мой праведен; ибо не ищу Моей воли, но воли пославшего Меня Отца».

¹⁷⁴⁵ БхГ, I, 28 — II, 36. Арджуна был готов позволить врагам-сородичам убить себя, лишь бы не брать на душу грех пролития братской крови. Кришна, явившись ему, укрепил его в решении воевать, сославшись на необходимость следовать дхарме воина и напомнив, что уклонение от нее повлечет бесчестие. Симона полагает, что к отказу от битвы Арджуну, вопреки его собственным словам, побуждала не боязнь греха, но чувственная, плотская жалость, которая противоречила в нем сознанию долга. Кришна, лишь указав на это, лишь помог ему определиться окончательно. Вспомним, для сравнения, образцовый текст русской агиографии «Сказание о Борисе и Глебе» (нач. XII в.): «Да аще кровь мою пролиет и на убийство мое потщится, мученик буду Господу моему. Аз бо не противлюся, зане пишется: „Бог гордым противится, смиренным же дает благодать“. (...) Се иду к брату моему и реку: „Ты ми буди отец, ты ми брат и старей. Что ми велиши, господи мой?“ » Оба — и Арджуна, и Борис — выбирают послушание высшему долгу. Но, понимая его по-разному, поступают противоположно. Один принимает бой и побеждает, другой принимает смерть, навряд ли не сознавая, что следом будет убит и младший брат, и другие члены семьи. Глеб гибнет, уже не делая сознательного выбора: его смерть предрешена непротивлением Бориса. Приложив замечание Симоны к анализу поступка не Арджуны, а Бориса, можем допустить, что и в Борисе действовала естественная жалость (соединенная с нерешительностью, с привычкой уступать властному брату), а аргументы «от Писания» только подкрепили ее. К идее сверхъестественного послушания по образу Христа примешиваются побуждения физические, голос «плоти и крови». От смешения происходит подмена.

Монолог Бориса обнаруживает, что *повиновение Богу у него перерастает в повиновение старшинству, власти, силе*. Отсюда вопрос: а что, если бы Святополк принял от Бориса это «что ми велиши?» и не убил бы его, а стал использовать в своих целях? В контексте всей тысячелетней истории отношений между властью и народом в России проблема остается чрезвычайно актуальной.

¹⁷⁴⁶ Св. Хуан де ла Крус, Духовная песнь, XXX, 5: «Дела, совершенные для Бога в сухости духа и в трудностях, имеют особую ценность в Его глазах, и через них приобретаются многие добродетели и дары. (...) Добродетель, находясь в сухости, в трудах и зное, пускает корни...» (здесь и далее пер. Н. Серебровской).

¹⁷⁴⁷ Там же, XXXI, 4.

¹⁷⁴⁸ Там же, XXXIX, 12.

¹⁷⁴⁹ Dans les grâces. Т. е. в геометрической прогрессии.

¹⁷⁵⁰ Св. Хуан де ла Крус, Духовная песнь, XXXV, 2–7.

¹⁷⁵¹ Там же, XXXV, 4 (Симона выписывает эти слова на испанском).

¹⁷⁵² Там же, XXXVI, 12 (в кавычках слова из стихотворения самого св. Хуана).

¹⁷⁵³ Там же.

¹⁷⁵⁴ Примеры душ, которые страдание не очищает, а ломает (как Овидия), или оподляет (как типы рабов у Плавта). Как и в других местах «Тетрадей», об Овидии Симона говорит на основании «Скорбных элегий» и «Писем с Понта». Однако ее суждение кажется не вполне справедливым. Хотя в стихотворных посланиях из ссылки количественно преобладают мотивы отчаянной беспомощности и тщетной надежды, толкающей поэта на все новые, безмерные славословия Августу, в поэзии Овидия тех лет есть и другое, пусть небольшое, но важное, что говорит о несломленности души, ее сохраняющейся цельности и живущем в ней подлинном свете. Это строки, посвященные жене, которые отличает чистое любовное чувство, уважение и доверие (в особенности, элегия V, 12, возможно, не без умысла *венчающая* цикл «Tristia»), и те, что посвящены собратьям-поэтам (элегия V, 3; тоже из последней книги). Возвышая в них достоинство супруги, достоинство творчества, поэт утверждает и собственное достоинство человека и творца: «О трудов сотоварищи наших, поэты, / Благочестиво подняв чаши, молитесь за нас! / Пусть из вас хоть один, назвавши имя Назона, / Слезы смешает с вином, кубок поставит на стол, / Ваши ряды оглядит, о ссылном вспомнит и скажет: / „Где он, тот, без кого хор наш

неполон, — Назон? / Сделайте так, коль от вас заслужил я любви добротою, / Если мой суд не бывал вашим в обиду стихам, / Если, должную дань воздавая творениям древних, / Я не ниже ценил Музу новейших времен. / Пусть, если можно, всегда среди вас мое имя пребудет...» (пер. С. Ошерова). Перед нами примеры привязанностей, которые, очищая страдание, делают его духовно действенным, возрождающим. Но отметим, что традиционная христианская аскетика и их почитает «тщетою», восхваляя примеры расторжения любящих ради высшей любви к Небесному Жениху и отречения от творчества и красоты во имя смирения и простоты. (Блаж. Иероним, бьющий себя камнем в грудь в наказание за мысли о красоте латинского слога, Боттичелли, уничтожающий «легкомысленные» картины, Гоголь, сжигающий рукопись романа...).

¹⁷⁵⁵ ИУ, 1: «Владыкой окутано все то, что движется в мире; Наслаждайся же отречением, не влекись к чужому добру. Постоянно совершая здесь <свои> деяния, пусть стремится <человек> прожить сотню лет; Такой же, а не иной, <путь> и у тебя — <путь, на котором> деяние не привязывается к человеку» (пер. А. Сыркина). Заметим, что идеал «отрешения» в ведийской (как и в даосской) традиции не ведет к обесценке земного века; отрешение даже помогает долголетию. Иначе в христианстве. Для христианского подвижника уход к Богу желанен, а земная жизнь есть бремя, влекомое по обязанности: «Ибо для меня жизнь — Христос, и смерть — приобретение. Если же жизнь во плоти *доставляет* плод моему делу, то не знаю, что избрать. Влечет меня то и другое: имею желание разрешиться и быть со Христом, потому что это несравненно лучше; а оставаться во плоти нужнее для вас», — пишет апостол Павел (Флп 1:21–23). Не-готовность к смерти, не-желание умереть, для христианской аскетики — проявление духовной незрелости, неочищенности от земных пристрастий.

¹⁷⁵⁶ Быт 3:5. Этим обещанием змей искушает Адама и Еву съесть плод с древа познания добра и зла.

¹⁷⁵⁷ Ne l'avont pas complètement compris.

¹⁷⁵⁸ Ср. Мф 26:38–39: «Тогда говорит им Иисус: душа Моя скорбит смертельно (...). И, отойдя немного, пал на лице Свое, молился и говорил: Отче Мой! если возможно, да минует Меня чаша сия; впрочем не как Я хочу, но как Ты».

¹⁷⁵⁹ Ср. Илиада, XVIII, 95–126.

- ¹⁷⁶⁰ Ему было предсказано, что он погибнет вслед за Гектором, и однако, охваченный желанием мести, он стремился убить Гектора.
- ¹⁷⁶¹ О каких движениях идет речь, мне непонятно.
- ¹⁷⁶² *Trop général.*
- ¹⁷⁶³ О различении атеистов в истинном смысле от атеистов, считаемых таковыми по недоразумению, см. в письме Симоны аббату Кутюрье (сентябрь 1943): «Поскольку на Западе слово Бог (в общепринятом смысле) означает Лицо, бывает, что люди, чьи внимание, вера и любовь обращены на не-личный аспект Бога, считают себя и называют атеистами, хотя в их душах живет сверхъестественная любовь. Такие люди — обязательно спасутся. Их можно узнать из их отношения к этому миру. Все, кто имеют чистую любовь к ближнему и с чистой любовью принимают порядок мира, включая несчастье, непременно будут спасены, даже если по внешности живут и умирают как атеисты. (...) Когда мы встречаем таких людей, не зачем стремиться их обратить. Они уже вполне обращены, хотя и невидимо; они заново рождены от воды и духа, даже если никогда не были крещены; они вкусили хлеба жизни, даже если никогда не причащались» (Ф, с. 460).
- ¹⁷⁶⁴ *Travail.* Работа здесь — физический термин, по связи необходимости с действием физических сил.
- ¹⁷⁶⁵ По свидетельствам близких Симоны, с самого дня сдачи Парижа она спала не на кровати, а на полу.
- ¹⁷⁶⁶ Это звучит горьким предвестием, если вспомнить обстоятельства последней болезни и смерти Симоны, ускоренной добровольным недоеданием.
- ¹⁷⁶⁷ «Украшения», в данном контексте — усиленная забота о своем социальном имидже, когда мы стремимся создать впечатление благополучия, стабильности, успеха; соответственно, «нагота» — то, о чем говорилось в предыдущем абзаце.
- ¹⁷⁶⁸ Утверждение базируется на библейском рассказе о грехопадении. Змей соблазняет Еву мечтой, что она и Адам «станут, как боги». Жена дает волю воображению: «И увидела жена, что дерево хорошо для пищи, и что оно приятно для глаз и вожделенно, потому что дает знание». За этим следует сам поступок: «и взяла плодов его и ела; и дала также мужу своему, и он ел» (Быт 3:5–6). Но очевидно, что змей лишь использовал воображение, которое уже было усвоено человеком. По тому же сказанию выходит, что и сам Бог, давая заповедь не вкушать от древа познания добра и зла, исполь-

зует воображение: «Ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертию умрешь» (Быт 2:17). Да и порученное Богом Адаму наречение имен «всякой душе живой», вероятно, можно рассматривать как дело воображения: во всяком случае, в известной нам человеческой жизни это именно так.

¹⁷⁶⁹ Если человек в аскетическом поиске добровольного унижения, или из солидарности с кем-либо, сам заведет себя в безвыходную среду (тюрьму, концлагерь), где унижение будет превосходить то, что он ожидал (а так бывает всегда), а к тому же придется быть бессильным зрителем унижений и жестокостей *над другими*, он скорее всего позабудет те побуждения, которые привели его сюда, и будет желать лишь одного — избавиться от этого кошмара. А поняв, что избавления нет, впадет в бездонное отчаяние.

¹⁷⁷⁰ Как показывает следующее предложение, Симона проводит аналогию между поступком морально-этического плана и использованием рычага (см. эту же аналогию K5, ms. 47, с. 27). Если не приложить достаточную силу к рычагу, не сдвинешь камень, мешающий проезду. Если не приложить достаточного нравственного усилия для прекращения некоего зла, оно так и останется в душе целиком, хотя, возможно в модифицированном виде.

¹⁷⁷¹ Bonne.

¹⁷⁷² Soit d'espèce de cet effet.

¹⁷⁷³ Ср. K6, ms. 32 (с. 110) и примеч. 1755.

¹⁷⁷⁴ Мф 6:10: «Да будет воля Твоя».

¹⁷⁷⁵ Представлять всевозможные несчастья при молитве, конечно, еще не значит молиться о том, чтобы они пришли. Но молитва, смешанная с игрой воображения, рискует из беседы с Богом превратиться в средство самовнушения. Стоит отметить резкое расхождение между традициями Восточной и Западной ветвей христианской Церкви относительно участия воображения в молитве. Если на Востоке представлять себе что-либо во время молитвы считается недопустимым и духовно-опасным, то на Западе такая молитва, освященная примером многих католических святых, культивируется, и плоды такого рода созерцаний могут являться даже предметом богословской рефлексии (напр.: Урс фон Бальтазар Г. Созерцательная молитва. М., 2004). Сама Симона, узнав (тогда же, в Марселе), что в католическом монашестве, особенно женском, поощряется молитва в виде воображаемых «диалогов» с Христом, отнеслась к этому резко отрицательно (SP, p. 563).

- ¹⁷⁷⁶ Ин 11:33–38: «<Иисус> Восскорбел духом и возмутился... Иисус прослезился... Иисус же, опять скорбя внутренно, приходит ко гробу».
- ¹⁷⁷⁷ Эпизод с женщиной, помазавшей благоуханиями ноги Иисуса в дому фарисея Симона (Лк 7:37–50). «Сказываю тебе: прощаются грехи ее многие за то, что она возлюбила много, а кому мало прощается, тот мало любит. Ей же сказал: прощаются тебе грехи. И возлежавшие с Ним начали говорить про себя: кто это, что и грехи прощает? Он же сказал женщине: вера твоя спасла тебя, иди с миром» (Лк 7:47–50).
- ¹⁷⁷⁸ Греческий глагол ἀφέωνται (отпущены), в оригинале стоящий в перфекте, латинский перевод блаж. Иеронима (Вульгата) передает как remissa sunt (отпускаются). Заметим, что близки по смыслу к латинскому варианту и «отпускаются» церковнославянского, и «прощаются» Синодального русского перевода Евангелия.
- ¹⁷⁷⁹ Лк 7:50: «Вера твоя спасла тебя».
- ¹⁷⁸⁰ Эта фраза повторяется в Евангелии от Луки дважды: в случае с женщиной-грешницей у Симона (Лк 7:50) и в эпизоде исцеления кровоточивой (Лк 8:48).
- ¹⁷⁸¹ Толкование слов Христа из того же диалога с Симоном: «А кому мало оставляется, тот мало любит».
- ¹⁷⁸² Однако и думая о реально умерших те, кто их любят, часто мысленно беседуют с ними.
- ¹⁷⁸³ Расин, Береника, действие 1, явление 4: «На пустынном Востоке, что стал моею тоскою, / Я бродил подолгу по Кесарии, / В дорогих местах, где мое сердце тебе поклонялось...» (пер. мой. — П. Е.).
- ¹⁷⁸⁴ Симона говорит несомненно о Боге. Мысль об «отсутствующем Боге», которую Симона считает важной для очищения веры от «идолов», в этом случае бьет по вере своим задним концом. По мысли апостола Иоанна, которую вполне разделяет и она, «Бога никто никогда не видел. Если мы любим друг друга, то Бог в нас пребывает, и любовь Его в нас совершенна» (1 Ин 4:12). Но если Бог, в определенном смысле, в мире «отсутствует», а присутствует в нем только Распятим, через страдание и смерть, то и любовь к человеку преимущественно принимает формы сопричастности в «отсутствии»: в беспомощном страдании, унижении и смерти. В момент столь сильного сгущения страданий, как война, любовь, *при таком ее понимании*, с необходимостью влечет к гибели. — П. Е. Ср. в наст. изд.: О. Панкратьев, Симона Вейль и опыт Богоотсутствия (т. 1, с. 31–58).

- ¹⁷⁸⁵ Вера.
- ¹⁷⁸⁶ Хуан де ла Крус. Восхождение на гору Кармель, кн. I, 3 и слл.
- ¹⁷⁸⁷ Une vertu. Кроме «добродетели», это слово имеет и другие значения, которые здесь, несомненно, следует учитывать: свойство, сила, способность.
- ¹⁷⁸⁸ Мф 17:20: «Истинно говорю вам: если вы будете иметь веру с горчичное зерно и скажете горе сей: «перейди отсюда туда», и она перейдет; и ничего не будет невозможного для вас» (Ср. Мф 21:21; Мк 9:23; Мк 11:23; Лк 17:6). Однако у Павла, 1 Кор 13:2: «Если имею пророчество, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, такую, что и горы переставлять, а не имею любви, — то я ничто».
- ¹⁷⁸⁹ Régime de l'attention.
- ¹⁷⁹⁰ Весь текст на ms. 36 перечеркнут, а на ms. 38 переписан в новой редакции.
- ¹⁷⁹¹ «Я ничто» (лат.) В К4, ms. 47 (т. 1, с. 340) Симона приписывает эти слова рабам — персонажам Плавта. Но у Плавта их нет; они имеются в латинском переводе Первого послания к Коринфянам (см. цитированный выше пассаж 1 Кор 13:2). Но если апостол высказывает их в смысле отрицательном, предостерегающем, то Симона, напротив, рада считать себя за ничто.
- ¹⁷⁹² Платон, Горгий, 486d–487a: «Сократ. Будь душа у меня золотая, Калликл, обрадовался бы я или нет, как по-твоему, если б нашел один из тех камней, которыми берут пробу золота, (...) а потом приложил бы к нему свою душу, и если бы он подтвердил, что душа ухожена хорошо, мог бы я знать это наверное и другого пробного камня уже не искать? (...) Мне кажется, что такую именно счастливую находку я и сделал, встретившись с тобой. (...) Я полагаю, чтобы надежно испытать душу в том, правильно она живет или нет, надо обладать тремя качествами — знанием, доброжелательством и прямоотой, и ты обладаешь всеми тремя» (пер. С. Маркиша). Важная (и роковая для Симоны) разница в том, что Сократу нужен другой человек для испытания себя, а Симона его даже не ищет, пытаясь научиться испытывать себя сама.
- ¹⁷⁹³ Снова речь идет о Боге, рассматриваемом как «отсутствие Бога». См. К6, ms. 35 (с. 114) и примеч. 1784.
- ¹⁷⁹⁴ Как вера есть дар сверхъестественного прочтения, проникновения за покровы видимостей, так милосердная любовь, чтобы не уклоняться от справедливости (справедливость, по Симоне, и есть мера

милосердия), должна быть основана на познании и сверхъестественном приятии силы тяжести, действующей в людях, событиях, судьбах.

¹⁷⁹⁵ Платон, Пир, 210e–211b (речь Диотимы): «Кто, наставляемый на пути любви, будет в правильном порядке созерцать прекрасное, тот, достигнув конца этого пути, вдруг увидит нечто удивительно прекрасное по природе, то самое, Сократ, ради чего и были предприняты все предшествующие труды, — нечто, во-первых, вечное, то есть не знающее ни рождения, ни гибели, ни роста, ни оскудения, а во-вторых, не в чем-то прекрасное, а в чем-то безобразное, не когда-то, где-то, для кого-то и сравнительно с чем-то прекрасное, а в другое время, в другом месте, для другого и сравнительно с другим безобразное. Прекрасное это предстанет ему не в виде какого-то лица, рук или иной части тела, не в виде какой-то речи или знания, не в чем-то другом, будь то животное, Земля, небо или еще что-нибудь, а само по себе, всегда в самом себе единообразное; все же другие разновидности прекрасного причастны к нему таким образом, что они возникают и гибнут, а его не становится ни больше, ни меньше, и никаких воздействий оно не испытывает. И тот, кто благодаря правильной любви к юношам поднялся над отдельными разновидностями прекрасного и начал постигать само прекрасное, тот, пожалуй, почти у цели» (пер. С. Апта).

¹⁷⁹⁶ Удивительно, что Симона, ссылаясь на Платона, развивает мысль, практически противоположную мысли своего любимого мыслителя. Ср. там же, 211c–d (речь Диотимы): «Вот каким путем нужно идти в любви — (...) начав с отдельных проявлений прекрасного, надо все время, словно бы по ступенькам, подниматься ради самого прекрасного вверх — от одного прекрасного тела к двум, от двух — ко всем, а затем от прекрасных тел к прекрасным нравам, а от прекрасных нравов к прекрасным учениям, пока не поднимешься от этих учений к тому, которое и есть учение о самом прекрасном, и не познаешь наконец, что же это — прекрасное. И в созерцании прекрасного самого по себе (...) только и может жить человек, его увидевший». Мы с ясностью видим, что «созерцатель прекрасного», по Диотиме, находится в постоянной деятельности, росте, развитии, в общении, непрерывно расширяя любовь частную до всего мира, любовь, так сказать. Симона, в принципе признавая и поддерживая это направление развития (в статье «Формы неявной любви к Богу»), на практике собственной жизни отказывается от него.

- ¹⁷⁹⁷ Est trompeur.
- ¹⁷⁹⁸ Продолжение мысли, начатой на ms. 32.
- ¹⁷⁹⁹ Мк 4:30–32: «Царствие Божие (...) — как зерно горчичное, которое, когда сеется в землю, есть меньше всех семян на земле; а когда посеяно, всходит и становится больше всех злаков, и пускает большие ветви, так что под тенью его могут укрываться птицы небесные». Также Мф 13:31–33; Лк 13:18–19.
- ¹⁸⁰⁰ Илиада, XXI, 34–135. Сначала юный сын Приама надеется сохранить жизнь и даже хватается за копье Ахилла, умоляя его о пощаде. Но ответ Ахилла не оставляет никакой надежды. «У Ликаона мгновенно расслабили колени и сердце. / Выпустил пику из рук он и на землю сел, распростерши / Обе руки. Ахиллес же, свой меч обнажив отточенный, / Около шеи ударил в ключицу, и в тело глубоко / Меч погрузился двуострый» (там же, ст. 114–118).
- ¹⁸⁰¹ Собственно, это не источник, а способ экономии энергии.
- ¹⁸⁰² Т. е. влечет нас в сторону гордыни.
- ¹⁸⁰³ Илиада, VIII, 69–71: «Взял промыслитель Кронид золотые весы, и на чашки / Бросил два жребия смерти, несущей печаль и страданья, — / Жребий троян конеборных и меднодоспешных ахейцев».
- ¹⁸⁰⁴ Faire descendre.
- ¹⁸⁰⁵ Откр 13:7: «Агнец, закланный от создания мира».
- ¹⁸⁰⁶ Se dégrade.
- ¹⁸⁰⁷ Inutile (dégradante).
- ¹⁸⁰⁸ Expiatrice.
- ¹⁸⁰⁹ Redemptrice.
- ¹⁸¹⁰ Классификация кажется неполной: не упомянуто, например, причинение боли в лечебных целях. Встает встречный вопрос: кем введено или признается ограничение, указанное Симоной? Если Богом, то из чего это следует? Если человеческой моралью, то она подвижна и различается у разных народов. При этом практически все общества и религии допускали *на законной, для них самих, основе* причинение всех названных здесь разновидностей боли. Причинение боли сопутствует всевозможному хозяйственному использованию человеком вьючных и ездовых животных. На причинении боли, фактически, стоит рабство. Даже христианство не запрещало телесного воздействия на рабов (и отнюдь не только в плане наказаний), похваляя одновременно рабов-христиан, покорно сносивших жестокость хозяев. И причина этого, очевидно,

не столько в конформизме церковных вероучителей, сколько в трезвом сознании того, что насилие от угнетения неотделимо. Все религии допускали, а порой и освящали войну, при которой, как известно, основная доля насилия обрушивается на безоружных и невинных. (Ветхий Завет, как помним, в ряде случаев приписывает истребление невинных непосредственному повелению Яхве.) Наконец, архаические ритуальные практики: человеческие жертвы, для которых выбирались, как правило, невинные (дети, непорочные девы и юноши); умерщвление при погребениях жен и слуг усопших; ритуальные бои; мужские и женские инициации, всегда включающие в себя причинение и перенесение боли.

¹⁸¹¹ БхГ, IX, 4 (слова Кришны): «Все живое во Мне существует, / но я, Партха, не в нем пребываю».

¹⁸¹² БхГ, XV, 12: «Этот свет, что сияет в солнце, / освещая вселенную, Партха, / также свет, что ты в месяце видишь / иль в огне, — то Мое, знай, сиянье».

¹⁸¹³ БхГ, VII, 11: «А в живущих Я, знай, — вожденье, / когда дхарме оно не противно».

¹⁸¹⁴ Персонаж «Сказки о Можжевельнике» братьев Гримм, убитый злой мачехой. Сказка кончается воскрешением мальчика и возмездием убийце.

¹⁸¹⁵ Ипполит — сын царя Тезея, в которого влюбляется его мачеха Федра. Ипполит отвергает ее любовь и Федра, боясь огласки и позора, убивает себя, оставив записку, где обвиняет пасынка в насилии над ней. Прочитав письмо, Тезей проклинает сына, моля Посейдона убить его. Проклятие сбывается, Тезей гибнет. Над телом Тезея Артемида, которую особенно чтит царевич-девственник, обещает отомстить. Хотя прямая виновница смерти Ипполита мертва, Артемида обещает совершить воздаяние в любом случае: «Меж смертными стрела моя найдет, / Кто ей милей других» (ст. 1423–1424; пер. И. Анненского). См. также К6, ms. 44 (с. 126).

¹⁸¹⁶ Посредство.

¹⁸¹⁷ Ин 4:34.

¹⁸¹⁸ Ср. К5, ms. 87 (с. 46).

¹⁸¹⁹ «Отче наш, сущий на небесах, подай мне это» (относится ко всему предыдущему выделенному фрагменту).

¹⁸²⁰ См. примеч. 1812.

¹⁸²¹ «Дваждырожденного Вакха» (Еврипид, Ипполит, 560). Согласно мифу, Дионис был зачат фиванской царевной Семелой от Зевса,

который совокупился с ней, принимая последовательно облик быка, льва, пантеры, змея, оленя. Ревнивая Гера, задумав погубить соперницу, внушила Селене безрассудную мысль: просить у Зевса, чтобы во время своих любовных ласк с нею он предстал в своем божественном величии. При следующем свидании Семела заклала Зевса клятвой, что он выполнит любое ее пожелание, а потом потребовала явиться ей во всей божественной славе, иначе отказываясь разделить с ним ложе. Зевсу поневоле пришлось исполнить клятву: он приблизился к Селене в пламени молний, и царевна погибла от огня, успев родить недоношенного, шести месяцев, младенца. Зевс зашил его в свое бедро и носил до окончания положенного срока, а потом родил Диониса вторично (Нонн, Деяния Диониса, песни VII–IX). Возможно, в этом месте Симона вспоминает двойное — от человека и от бога — рождение Диониса как символическое изображение связи между тем, что происходит от тела, и тем, что происходит от Бога, в человеческом духе.

¹⁸²² Еврипид, Гекуба, ст. 345: «Ты не услышишь от меня <мольбы именем> Зевса Молящего» (пер. мой. — П. Е.). Здесь и дальше — фрагменты из ответа Поликсены, дочери Приама и Гекубы, Одиссею, пришедшему увести ее, чтобы убить над курганом Ахилла.

¹⁸²³ Там же, ст. 348: «Явлюсь дурной и <слишком> привязанной к жизни женщиной».

¹⁸²⁴ Там же, ст. 356–357: «Равная богам, разве что смертная; ныне же я — раба».

¹⁸²⁵ Там же, ст. 362–366: «Заставит меня печь хлеб в его хоромах, подметать в его жилище, сидеть у ткацкого стана, проводя печальный день в нужде; купленный неизвестно где раб придет осквернить мое ложе, которое прежде считалось достойным владык». Этот фрагмент, вероятно, привлек особое внимание Симоны еще и тем, что в нем дважды употреблено слово ἀνάγκη (необходимость) — один из ключевых терминов этики Симоны. Им подчеркивается (прежде Еврипида это делает Гомер в Илиаде), что страдание и унижение человека в рабстве носят объективный характер, зависящий не от злой или доброй воли господина, а от самой природы этого института. Поликсена, выбирающая смерть (через какое-то время она сама откажется от пощады, объявленной ей Агамемноном), встает, таким образом, над властью физических законов человеческих отношений и оказывается носителем сверхъестественного начала, идущим к богоуподоблению мистиком-теургом (ср.

рассуждения Симоны на ms. 40 и 43). С этим же связан и выбор предыдущей фразы, где Поликсена называет себя равной (ἴση) богам, разве что лишь не бессмертной. Царевна говорит о своей богоподобной красоте, чистоте и царском достоинстве, но Симона, возможно, угадав намерения самого Еврипида, вычитывает в ее словах мистический смысл. Поликсена становится для нее образом Бога-жертвы.

¹⁸²⁶ Там же, ст. 375–376: «Тот, кто не приучен вкушать несчастья, тоже несет их, но его шея болит под этим ярмом». Т. е., несчастья не только гнетут его своей тяжестью и безысходностью, но и нестерпимо натирают ему шею, как плохо прилаженное ярмо.

¹⁸²⁷ Недописано в рукописи.

¹⁸²⁸ Guitten J. Portrait de Monsieur Pouget. P., 1941, p. 132–133. О. Гийом Пуже (1847–1933) — священник, деятель католического образования. Из бедной крестьянской семьи. В 1869 г. принес монашеские обеты в ордене лазаристов, с 1872 г. — священник. Преподавал в ряде священнических семинарий историю науки, философию, библейскую экзегетику. С 1905 г. отстранен от преподавания за «уклонение в модернизм» в экзегетике, в 1909 г. полностью ослеп. Почти не оставив печатных работ (не считая нескольких журнальных статей, изданных под псевдонимом), имел при этом огромное влияние на католическую студенческую молодежь. До самой смерти Пуже посещали многие верующие интеллектуалы (среди них Г. Марсель). С глубоким уважением к нему относились А. Бергсон и Ален.

¹⁸²⁹ Стрелка проведена к словам: «Неверующие и христиане...» и т. д.

¹⁸³⁰ Est fort contaminée de christianisme.

¹⁸³¹ Комментаторы ЕС не могут указать источник ссылки, допуская возможность описки. Но, кажется, Симона имеет в виду высказывание Аристотеля в «Поэтике», в очерке правил для написания трагедии: «сострадание возникает при виде того, кто страдает невинно» (Поэтика, 13, 1453а; пер. Н. Новосадского). Народные сказки, пожалуй, ярко, как ничто другое, показывают несостоятельность этого тезиса: в них зачастую герой страдает по собственной вине, но сказка отнюдь не лишает его сочувствия. Для Симоны же тезис Аристотеля не только фактически неверен, но и нравственно порочен; позиция «судящего» для нее неприемлема.

¹⁸³² Симона, чьим первым — и навсегда жизнь любимым — чтением были народные сказки (в частности, из собрания братьев Гримм),

видела в них неисчерпаемый кладязь познания реальности (мира, общества, человеческой души). Позднее к этому прибавилось познание мистическое. В последние два года своей жизни она будет изучать сказки как свидетельство Откровения, как богословие, может быть, в наиболее адекватной форме.

¹⁸³³ Se procurer. Не до конца понятно, о чем речь: о том, чтобы просто обеспечить себя возможно большим количеством фольклорных источников, или о том, что формулируемое ею богословие «принятия пустоты», «недействующего недеяния» может быть целиком выведено на примерах фольклора.

¹⁸³⁴ Ср.: «Любое празднество, даже если оно является абсолютно светским по происхождению, имеет определенные характерные черты религиозной церемонии, поскольку, во всяком случае, оно предназначено к тому, чтобы сблизить индивиды между собой, привести в движение массы и произвести, таким образом, состояние возбуждения, подчас даже безумия, которое не лишено родства с состоянием религиозным» (Durkheim É. *Les formes élémentaires de la vie religieuse*. P., 1925, p. 547).

¹⁸³⁵ Le Verbe (Слово, ὁ Λόγος, см. Ин 1:1–14.).

¹⁸³⁶ Ср. Ин 1:4, 9: «В Нем (в Слове. — П. Е.) была жизнь, и жизнь была свет человеков. (...) Был Свет истинный, Который просвещает всякого человека, приходящего в мир».

¹⁸³⁷ Ср. в письме Симоны аббату Кутюрье (сентябрь 1942): «Само то, что Λόγος переведено на латынь как Verbum, показывает, что нечто утеряно, ибо λόγος означает, прежде всего, *отношение*, и у Платона и пифагорейцев является синонимом для ἀριθμός (число). — Отношение, то есть пропорция. — Пропорция, то есть гармония. — Гармония, то есть, посредничество. — Я перевела бы: в начале было Посредничество» (Ф, с. 489; пер. исправлен для наст. изд.).

¹⁸³⁸ (Милосердная) любовь.

¹⁸³⁹ Сказка братьев Гримм «Шесть лебедей». Шестнадцатилетняя Симона написала небольшое эссе на тему этой сказки для семинара Алена в коллеже Генриха IV (рус. пер. Н. Ликвинцевой в: Синий диван, 2011, № 16, с. 129–148). Важно заметить, что в нем, на трех страницах, уже намечен ряд тем, к которым Симона вернется в 1940–1942 гг.

¹⁸⁴⁰ Ср. Лк 4:6.

¹⁸⁴¹ Симона указывает на две характерные черты конфессионального взгляда на историю: 1) телеологизм, т. е. учение о божественных

целях, ради которых события складываются определенным образом, и 2) веру в непосредственное, нарушающее видимые причинно-следственные связи, вмешательство Бога в цепь событий. Объектом критики здесь является, прежде всего, библейский взгляд на историю, как в иудейском, так и в христианском ее осмыслении.

¹⁸⁴² Défaire.

¹⁸⁴³ Слово, смысл, отношение.

¹⁸⁴⁴ Ум.

¹⁸⁴⁵ Говоря о Троице, Симона имеет в виду природу Сына как Посредника между Богом и творением. Но уместно поставить вопрос и о посредстве Сына-Логоса и во внутритроичных отношениях: Логос как посредник между Отцом-Умом и Духом. Триадология Симоны совершенно традиционна для Западной Церкви, она практически никогда не отходит от известной схемы блаж. Августина, трактующего Дух как Любовь, что связует Отца и Сына. Но сохранились следы и другого богословия Духа, основанного на семитском, т. е. собственно первоначально-библейском, понимании этого слова. Арамейское «Евангелие Евреев», которое с большим энтузиазмом и доверием принимал блаж. Иероним Стридонский, видя в нем первоначальный, сильно отредактированный при переводе, текст Евангелия от Матфея, содержало слова Христа, где Он свидетельствует *о Духе как о Своей Матери* (на еврейском и арамейском слово «дух» имеет женский род). При таком понимании слова божественного извещения Марии — «Дух Святой найдет на тебя, и сила Вышнего осенит Тебя» (Лк 1:35) — приобретают новый смысл: Дух Святой сходит на Марию, вселяется в нее как сила *божественного материнства, делая ее способной принять семя Логоса*. В более общем богословском плане, этот по-новому прочитанный евангельский пример рельефно выделяет идею, что Дух есть именно то, что дает одушевленной и неодушевленной материи обрести божественный Логос, стать логосом. Сама по себе эта идея вполне традиционна; она является одной из главных в Евангелии от Иоанна, ее развивает вся восточно-христианская аскетическая письменность. Но важен новый нюанс: осененная материнской силой Духа, и сама материя становится Богоматерью. Этот образ мог бы развернуть мысль Симоны совершенно иначе: сотворение мира, осмысливаемое ею трагически, как страдание Бога, требующее ответных страданий от тех, кто Его любит, предстало бы перед нею как череда взаимных *дарений*. Создавая мир, который есть

«иное, нежели Бог», Создатель не умаляет свою божественность. Он зачинает и рождает Сам Себя посредством материнской утробы *матери, осененной Духом*. Идея, как кажется, способная одушевить новое Возрождение...

¹⁸⁴⁶ Лк 11:9–13: «Просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и отворят вам, ибо всякий просящий получает, и ищущий находит, и стучащему отворят. Какой из вас отец, *когда* сын попросит у него хлеба, подаст ему камень? или, *когда попросит* рыбы, подаст ему змею вместо рыбы? Или, если попросит яйца, подаст ему скорпиона? Итак, если вы, будучи злы, умеете даяния благие давать детям вашим, тем более Отец Небесный даст Духа Святого просящим у Него».

¹⁸⁴⁷ «Верую» (*лат.*), первое слово Символа веры — т. е. краткого исповедания веры вселенской христианской Церкви, изложенного ее на Никейском (325 г.) и Константинопольском (382 г.) соборах Церкви. Входит как в повседневное церковное богослужение, так и в состав домашних молитв.

¹⁸⁴⁸ «Да будет предан анафеме» (*лат.*).

¹⁸⁴⁹ Симона предлагает альтернативу анафеме при осуждении взглядов, соборно признанных неправославными. Ср. исповедание веры Никейского собора, которое завершается так: «Говорящих же, что было время, когда не было (Сына), что Он не существовал до рождения, и произошел из не сущего, или утверждающих, что Сын Божий имеет бытие от иного существа или сущности; или что Он создан, или изменяем, или преложим, таковых предаёт анафеме католическая и апостольская Церковь». Анафема (*грег. ἀνάθεμα* — «отлучение», от ἀνατίθημι — «возлагать, накладывать») стала широко применяться во внутрицерковной богословской полемике с начала IV в., т. е. тогда, когда христианство получило в Римской империи статус покровительствуемой государством религии. Смысл анафемы состоял в публичном объявлении некоторых личностей или групп лиц лишенными всякого сообщения с членами Церкви. Церковный писатель и историк V в. Сократ Схоластик пишет об анафеме: «Так мы, христиане, обыкновенно называем приговор против богохульника, когда свое мнение объявляем всем, выставляя его как бы на столбе» (Церковная история, VII, 34). В условиях ранневизантийского общества, где разные церковные группировки боролись за монопольное влияние у трона, борьба за церковное единomyслие и единовластие отождествлялась с борь-

бой за единство общества и государства; поэтому анафема, произнесенная некой группой от лица собора, поддерживаемого императором, фактически означала объявление ее адептов врагами престола и общества, со всеми вытекающими отсюда последствиями. В средневековые политически-карательный аспект анафемы был многократно усилен. Список подвергаемых анафеме мнений, верований и действий непрерывно и быстро возрастал, включая в себя от разномыслия по коренным вопросам христианского вероучения до поступков, которые, по мнению иерархии, колебали церковно-общественный строй. Так, еще Гангрский собор 343 г. анафематствовал тех, кто порицает богатство клира, кто учит рабов не повиноваться господам, и даже женщин, одевающихся в мужские одежды. На всем протяжении средних веков, да и гораздо позднее, в разных странах христианского мира многократно провозглашались анафемы бунтовщикам, заговорщикам и иным противникам действующей власти. Римско-Католическая Церковь отказалась от анафемы как от способа определения и ограждения церковного вероучения на Втором Ватиканском соборе 1962–1965 гг.; в жизни Восточных Православных Церквей она продолжает оставаться инструментом церковной политики, хоть и редко используемым. Один из относительно недавних примеров в таком роде — анафема, объявленная патриархом Алексием II организаторам попытки государственного переворота в СССР в августе 1991 г.

¹⁸⁵⁰ Понятия о «единой истинной религии», свойственного древнему Израилю, и от него заимствованного сначала христианством, а затем исламом, весь остальной древний мир не знал. Изучать религию, скажем, Диониса как «единую истинную» будет анахронизмом и искажением, ибо она существовала не в качестве «единой истинной», но наряду со многими, без претензий на исключительность. Миграции, торговые и военные контакты неизбежно переносили те или иные культы за пределы их первоначального ареала и первоначальной среды, что включало в себя элементы синкретизма на протяжении всей античности, а не только в римскую эпоху. Так, культ финикийской богини Аштарот был перенесен купцами-морепплавателями на Сицилию, усвоен местным сиколо-лигурским населением, а затем под греческим влиянием стал специфическим культом Афродиты Эрикины. В римский же период распространилось мнение об основании храма этой богини Энеем, что придало культу дополнительный новый оттенок. Конечно, культ Эрикины

отличался и от культа Аштарот в Сидоне, и от почитания Афродиты в Аттике. Изучающий его должен рассматривать его как самостоятельную молитвенно-обрядовую и, может быть, мистериальную систему, одновременно учитывая его подвижность. Это, может быть, и позволит хотя бы нащупать, отчасти представить мистико-этическую глубину данной разновидности богопочитания. Но по Симоне выходит, что религия Митры достигала подлинной глубины только в Персии, Исида — в Египте и т. д., а почитание тех же божеств в Риме могло быть разве что профанацией: «То, как Рим той эпохи кишел восточными культами, напоминало распространение теософских сект в наши дни. Насколько можно судить, и в первом, и во втором случае это не было чем-то подлинным, но грубой подделкой, рассчитанной на снобов», — пишет она аббату Кутюрье (Ф, с. 498). Симона проецирует на далекое прошлое религиозную ситуацию современной Европы, где люди, не удовлетворенные традиционным христианством, обращаются к восточным учениям по шаблону еще христианского сознания, ищущего «единой истинной» веры. «Синтетический» характер имели и доктрины и практики гностиков, и вера манихеев, к которой Симона относится с самым пристальным вниманием. Но несомненно, что каждая из этих доктрин имеет собственные критерии глубины и подлинности.

- ¹⁸⁵¹ *Avait détruit*. Выбираем самое слабое из значений слова. Но и при таком переводе высказывание Симоны остается рискованным. Самый яркий — и почти единственный — пример гонений на определенный культ со стороны римских властей относится к друидам Галлии и Британии, практиковавшим жесточайшие человеческие жертвоприношения и гадания по конвульсиям убиваемых. Но даже закон об «окончательном уничтожении» этого культа, о котором сообщает Светоний (Клавдий, 25, 5), в условиях устойчивости местных сельских общин не мог быть исполнен во всем объеме. Человеческие жертвоприношения преследовались уголовным судом, но в тех или иных формах культ друидов по местам существовал и в IV в. Существовало и официально признанное галльское жречество, служившее местным богам. Этим божествам повсеместно строили храмы и жертвенники, их почитали не только местные жители, но и римские солдаты и чиновники, переносившие затем это почитание в другие провинции. Подобный религиозный взаимообмен, происходивший по всей Империи, носил объективный харак-

тер. С Симоной можно согласиться в том, что религии подвластных Риму народов подрывались навязыванием имперского культа (культ живущих и умерших императоров, в частности Августа, Сената, богини Ромы и т. п.), поощрением соответствующих объединений и братств. В той же Галлии, например, собрания представителей провинций устраивались именно при императорских храмах. Соответственно ослабевал социально-объединяющий компонент местных культов. Такая трансформация религиозной жизни, вероятно, оттолкнула от отеческих установлений в сторону христианства немалое число людей. Позднее, в послеконстантиновскую эпоху, тот же насажденный за века римского господства конформизм не мог не иметь дурных последствий для морального климата внутри церковных общин. Но, как бы то ни было, тему религиозной жизни римских провинций можно рассматривать только на конкретном местном материале, без рискованных поспешных обобщений.

¹⁸⁵² Указаны страны, принявшие христианство официально. Но оно с первых веков существовало и там, где никогда не было господствующей религией: в Аравии, в Месопотамии, в Персии, в Индии.

¹⁸⁵³ Название раздела в «Мыслях» Паскаля (60).

¹⁸⁵⁴ *La valeur éminente*.

¹⁸⁵⁵ Мф 26:52.

¹⁸⁵⁶ Стрелка проведена к словам: «Опустошая себя...» и т. д.

¹⁸⁵⁷ Эта религиозная интуиция лежит в основе практики человеческих жертвоприношений. Христианство, провозгласив искупительным страдание одного Христа, несколько затенило ее, но не до конца. Она, в частности, очень жива в русском православии — до такой степени, что представляется многим отличительной чертой русской религиозности: на ней основано почитание «страстотерпцев», невинно убиенных: Бориса и Глеба, царевича Димитрия, отрока Василия Мангазейского и др. Впрочем, оно живет и у католических романских народов: яркие примеры — святые девы Екатерина Сиенская, Бернадетта Субиру, Тереза из Лизье, посвящавшие Богу в жертву свои предсмертные страдания.

¹⁸⁵⁸ Ср. К6, ms. 42 (с. 249), ms. 44 (с. 251) и примеч. 1815.

¹⁸⁵⁹ *En se vidant*.

¹⁸⁶⁰ Ср. Ин 1:18: «Бога не видел никто никогда; Единородный Сын, сущий в недре Отчем, Он явил», и Ин 6:45–46: «Всякий, слышавший от Отца и научившийся, приходит ко Мне. Это не то, чтобы кто видел Отца, кроме Того, Кто есть от Бога; Он видел Отца».

- ¹⁸⁶¹ Ср. Ин 14:8–10: «Филипп сказал Ему: Господи! покажи нам Отца, и довольно для нас. Иисус сказал ему: столько времени Я с вами, и ты не знаешь Меня, Филипп? Видевший Меня видел Отца; как же ты говоришь, покажи нам Отца? Разве ты не веришь, что Я в Отце и Отец во Мне?»
- ¹⁸⁶² Sans forme.
- ¹⁸⁶³ Аллюзия на Мф 25:37–40: «Тогда праведники скажут Ему в ответ: Господи! когда мы видели Тебя алчущим, и накормили? или жаждущим, и напоили? когда мы видели Тебя странником, и приняли? или нагим, и одели? когда мы видели Тебя больным, или в темнице, и пришли к Тебе? И Царь скажет им в ответ: истинно говорю вам: так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне». Это место Симона часто приводит в подкрепление своего тезиса о праведниках-атеистах, которые чтут Бога самым делом, сами того не зная.
- ¹⁸⁶⁴ Недописано в рукописи.
- ¹⁸⁶⁵ Apparence.
- ¹⁸⁶⁶ По моему мнению, «не может иметь» следует понимать как «не должен стремиться иметь», «не должен заботиться о».
- ¹⁸⁶⁷ Enchaîne.
- ¹⁸⁶⁸ Однажды, во время переселения из пещеры в пещеру аскет Миларепа выронил и разбил свое единственное достояние — глиняный горшок, в котором варил пищу. Не дав себе огорчиться потерей, он тут же сложил песню: «Даже этот глиняный горшок стал мне Учителем. Он научил меня закону непостоянства всех земных вещей и освободил от последней привязанности к ним». См. примеч. 491.
- ¹⁸⁶⁹ Ср. Иов 9:23: «Все одно; поэтому я сказал, что Он губит и непорочного и виновного. Если этого поражает Он бичом вдруг, то пытке невинных посмеивается». Похоже, что речь идет о замысле еще одной трагедии, после «Спасенной Венеции», которая, впрочем, осталась незавершенной.
- ¹⁸⁷⁰ Раскаяться (букв. переменить ум).
- ¹⁸⁷¹ Подчеркнем, что «перемена ума», делая страдание, в прошлом заслуженное, безвинным, не освобождает от него. Наоборот, здесь-то, по Симоне, страдание и начинает приносить свой истинный плод (см. К6, ms. 50, с. 128). Оба наших классика — Достоевский в «Преступлении и наказании» и Толстой в «Воскресении» — останавливают свое повествование лишь на пороге этого этапа, вероятно, понимая чрезвычайную сложность задачи. На этой ступени

наказание (то, что прежде было наказанием) приобретает смысл религиозный, превращаясь в таинство, причем как для самого человека, так, потенциально, и для общества, если оно способно осознать этот смысл и следовать ему в практическом обращении с преступниками. В трактате «Формы неявной любви к Богу» Симона пишет о том, что служение суда и исполнения наказаний должно исполняться как священное. Возможно, смутное, неопределенное ощущение этой *потенциальной святости* терпящего наказание и делало милостыню заключенным и каторжникам одной из самых впечатляющих форм народной благотворительности, описанной многократно — от «Записок из мертвого дома» до «Архипелага Гулаг».

¹⁸⁷² Слова из трагедии Сенеки «Ипполит».

¹⁸⁷³ *Spirituel*. Следует постоянно помнить, что во французском языке *esprit* (дух) означает и ум. Соответственно, и производное от него *spirituel* (духовный) может означать: «относящийся к сфере ума». Сама по себе эта особенность предполагает гораздо больше доверия человеческому мышлению, чем привычно, например, для русского сознания. Что мы и видим у Декарта (см. ниже).

¹⁸⁷⁴ *Ясное и отчетливое*, «по Декарту, являются критериями истинности знания. „Ясным, — пишет Декарт, — я называю такое восприятие, которое очевидно и имеется налицо для внимательного ума, а отчетливым — восприятие, которое настолько отлично от всего остального, что содержит только ясно представляющееся тому, кто надлежащим образом его рассматривает“. И ясное, и отчетливое знание включает в себя момент очевидности; оба, стало быть, являются определениями знания через его отношение к сознанию. Но вот тут и возникает решающий вопрос: может ли сознание быть достаточно сильным гарантом, чтобы нести возложенную на него миссию — быть залогом истины? Взятое само по себе, автономно, оно, по Декарту, такой силы не имеет. «Если мы предположим, что обязаны существованием не всемогущему Богу, а либо самим себе, либо чему-нибудь другому, то чем менее могущественным признаем мы виновника нашего существования, тем более будет вероятно, что мы так несовершенны, что постоянно ошибаемся».

Таким образом, истинность ясного и отчетливого знания гарантирована тем, что существует Бог, что Он — всесовершенное существо, а следовательно не может быть обманщиком (ибо обман —

это теоретический, гносеологический аспект несовершенства, т. е. небытия). (...) Он создал нас способными к достоверному познанию, вложив в нас естественный свет разума, или, что то же самое, ясные и отчетливые идеи: ведь душа видит ясно и отчетливо благодаря естественному свету разума. Только благодаря всемогуществу Бога, создавшего сознание, оно может быть залогом истины. (...) Только благодаря этой открытости сознание, или ум, у Декарта ограждено от той чисто психологической, субъективно-идеалистической трактовки, при которой сознание рассматривается просто как выражение состояний и содержаний индивидуума — носителя этого сознания. Такая трактовка есть вполне естественное следствие рассмотрения сознания только как рефлексии, и Декарту хорошо известна опасность субъективизма и релятивизма, порождаемая такой трактовкой сознания. (...) Всемогущество Бога и его субъективный коррелят — принцип очевидности — вот что является у Декарта залогом объективной значимости человеческого мышления, противоядием против психологизма» (Гайденко П. История новейшей европейской философии в ее связи с наукой. М., 2000. Гл. 3, § 1).

¹⁸⁷⁵ Гастон Берже (1896–1960) — французский философ; организатор науки и образования. В возрасте 18 лет добровольцем ушел на фронт Первой мировой войны, где получил «Боевой крест» и звание офицера. После войны занимался предпринимательством. Без отрыва от работы получил философское образование и в 1926 г. с группой друзей основал «Философское общество Юго-Востока» и журнал «Les Etudes Philosophiques», а в 1937 г. — общепольский Комитет философских обществ. В 1941 г. защитил докторскую диссертацию по философии Гуссерля. С 1944 г. профессор; в 1949 г. возглавил комиссию по американо-польским культурным связям, в 1953–1960 гг. директор по высшему образованию министерства образования Польши. На этом посту существенно модернизировал систему университетского образования. Член Академии моральных и политических наук (1955).

¹⁸⁷⁶ *Грег.* κόσμος — 1) украшение, наряд; 2) порядок, устройство; 3) мир, вселенная, небо. Отдельно стоит употребление этого слова в Новом Завете — «мир» в значении: земные блага, суета, преходящее.

¹⁸⁷⁷ Комментарий Ван Би (III в. н. э.) к 1-й главе «Дао дэ цзин»: «Все наличное исходит из отсутствующего. То, что не имеет формы и

имени, — это начало десяти тысяч вещей. То, что имеет форму и имя, есть мать всего сущего: оно растит, вскармливает и приводит к завершенности. То и другое исходят из сокровенного» (пер. В. Малявина).

¹⁸⁷⁸ Entendement.

¹⁸⁷⁹ Кажется, Симона имеет в виду эстетический критерий порядка.

¹⁸⁸⁰ *Фр.* *misère* — убожество, немощь. Нам приходится использовать то одно, то другое русское слово для передачи того или иного нюанса смысла. В современной русской разговорной речи, относительно с недавних пор, слово «убогий» получило презрительный смысл, которого не имело в народной и церковной речи прошлых веков. Ср.: «Церковное достоянье — убогих богатство»; «Лучше на убогой жениться, чем с богатою волочиться» и др. примеры в словаре Даля. Не имеет никакого презрительного или уничижительного оттенка и слово *misère* в лексиконе Симоны.

¹⁸⁸¹ Source.

¹⁸⁸² Мф 5:44–48.

¹⁸⁸³ Симона подводит к мысли о множественности воплощений Слова.

¹⁸⁸⁴ Эта фраза непонятна.

¹⁸⁸⁵ «Да будет воля Твоя».

¹⁸⁸⁶ Оба критерия выделяю цифрами для удобства читателя.

¹⁸⁸⁷ См. примеч. 1867. Явление, отмечаемое и в христианской монашеской литературе: человек, отрекшийся от всего, избравший добровольную нищету, вдруг привязывается душой к ничтожнейшим вещам. Ср. поучение прп. Сергия Радонежского: «Будем бдительны, чтобы нам, оставившим великое, не воспрепятствовало малое».

¹⁸⁸⁸ Ср. К6, ms. 42 (с. 119).

¹⁸⁸⁹ *Le mal lui-même*. В русском переводе нелегко передать, что имеет в виду Симона. Французское «mal» означает не только зло, но и горе, бедствие, болезнь, боль. Это и делает возможной мысль, которая на русском выглядит пугающе противоречивой. Здесь речь идет не о зле как активности, а о зле причиненном, претерпеваемом.

¹⁸⁹⁰ Персонаж трагедии Симоны Вейль «Спасенная Венеция».

¹⁸⁹¹ Ср. Ин 8:15–17: «Вы суждите по плоти; Я не сужу никого. А если и сужу Я, то суд Мой истинен, потому что Я не один, но Я и Отец, пославший Меня. А и в законе вашем написано, что двух человек свидетельство истинно».

¹⁸⁹² Т. е. взгляд с определенной точки, на определенном расстоянии, подчиненный всем законам перспективы.

¹⁸⁹³ БАУ, I, 4, 10: «Поистине, в начале это было Брахманом. Он узнал себя: „Я есмь Брахман“. Поэтому он стал всем <сущим>. И кто из богов пробудился <к этому знанию> тот стал таким же. То же произошло с риши, то же с людьми. (...) Так и поныне — кто знает: „Я есмь Брахман“, тот становится всем <сущим>. И даже боги не могут помешать ему в этом, ибо он становится их Атманом. Кто же почитает другое божество и говорит: „Оно — одно, а я — другое“, тот не обладает знанием. Он — как животное перед богами. Ведь, поистине, как многие животные служат человеку, так и каждый человек находится на службе у богов. Даже когда бывает взято одно животное, это причиняет неудовольствие, — чего же говорить о многих? Поэтому, им <богам> неприятно, когда люди знают это» (пер. А. Сыркина).

¹⁸⁹⁴ Arbore, т. е. дерево как растение, в отличие от bois, дерево как материал. История этого образа, явным образом связанного с эдемским древом познания, довольно сложна, но начало его лежит уже в первых христианских писаниях. Первым сравнил деревянный крест с живым деревом апостол Павел: «Христос искупил нас от проклятия закона (т. е. за прегрешения перед законом Моисея. — П. Е.), сделавшись проклятым вместо нас — ибо написано: проклят всяк, висящий на древе» (Гал 3:13). Павел ссылается здесь на законоположение Моисея о смертных казнях: «Тело его не должно ночевать на дереве, но погребти его в тот же день, ибо проклят пред Богом <всякий> повешенный <на дереве>, и не оскверняй земли твоей, которую Господь Бог твой дает тебе в удел» (Втор 21:23). У Моисея речь шла не о распятии, но о повешении на дереве. После Павла аналогия «крест — дерево» была подхвачена немедленно, тем более, что существовали списки Давидовых псалмов (а они рассматривались как пророчества), где стояла фраза: «Господь воцарится с древа» (Пс 95/96:10). Хотя в большинстве списков Писания этой фразы не было (не вошла она и в канонический христианский текст), на нее как на пророчество, сокрытое иудеями, ссылаются уже столь ранние источники, как т. н. «Послание Варнавы» (гл. 8) и «Разговор с Трифоном иудеем» (гл. 73) Юстина Философа (ок. 100–165). Отсюда Юстин переходит и к истолкованию райского древа Жизни как прообраза Креста (там же, 86). Христианские толкователи Библии видели свою основную задачу в том, чтобы находить в явлениях, предметах, событиях ветхозаветных Писаний сокровенные образы евангельских событий; образ «древа животно-

рящего» стал одним из самых популярных в проповеди и гимнографии. Его, в частности, несколько раз упоминает в своих ритмизованных гомилиях один из первых христианских поэтов — еп. Мелитон Сардский (ум. 190). С начала IV в. символическое изображение креста в виде цветущего райского дерева распространилось от Сирии до Испании.

¹⁸⁹⁵ Внутри структуры трех гун существует порядок восхода (но не исключения), ведущий от инерции (тамас) к согласию со всем сущим (саттва), посредством движения и экспансии, представляемых второй гуной, раджас. Придание большего значения одной из гун не приводит к исчезновению остальных, но лишь меняет доминанту, ориентирует структуру (примеч. Алиетты Деграс).

¹⁸⁹⁶ Мазаччо (Томмазо ди сер Джованни ди Гвиди; 1401–1428) — крупнейший флорентийский живописец-реформатор XV в. Драматизм сцены изгнания Адама и Евы из рая, выполненной Мазаччо, усиливается контрастом со статично-спокойными фигурами их до преступления, кисти его собрата Мазолино. Обе фрески находятся в капелле Бранкаччи церкви Санта Мария дель Кармине (Флоренция).

¹⁸⁹⁷ Как боги (*лат.*).

¹⁸⁹⁸ Быт 3:5: «Будете как боги, знающие добро и зло» (*лат.*).

¹⁸⁹⁹ Coupable.

¹⁹⁰⁰ Éclairée. Возможны другие варианты: просвещена, озарена. Мне показался уместнее самый «прозаический».

¹⁹⁰¹ Ср. у Павла, Рим 8:3: «Так как закон, ослабленный плотью, был бессилен, то Бог послал Сына Своего в подобии плоти греха *в жертву* за грех...». И комментарий Тертуллиана: «Во Христе упразднена не плоть греха, а грех плоти, не материя была упразднена, а <свойство ее> природы, и не субстанция, а вина (...) Под подобием же плоти греховной он (Павел) предлагает разуметь не то, что сама плоть Христа греховна, но что она была тождественна плоти греховной по происхождению своему, а не по греху Адамову. (...) Во Христе была та плоть, природа которой в человеке греховна, и грех в ней был упразднен так, что во Христе безгрешным было то, что в человеке не безгрешно» («О плоти Христа», 16).

¹⁹⁰² Эта идея традиционна для Восточной Церкви. По св. Максиму Исповеднику (580–662), Боговоплощение «есть божественный итог, ради которого и возникло все <тварное бытие>. Это есть божественная цель, задуманная <Богом> еще до начала сущих... заранее продуманный <Богом> итог, ради которого существуют все <твар-

ные вещи>, но который сам существует не ради какой-нибудь одной из них. (...) Это есть, в подлинном смысле слова, предел Промысла, а также тех <тварей>, о которых Он промышляет, — тот предел, согласно которому происходит возглавление в Боге <всех существ>, созданных Им» (Вопросоответы к Фалассию, 60; пер. А. Сидорова). Той же мысли придерживался и целый ряд видных западных теологов — Руперт из Дойтца (ум. 1129), Гонорий Отенский (ум. 1152), Альберт Великий (ок. 1200–1280) и, наконец, Иоанн Дунс Скот (1266–1308), придававший этому вопросу первостепенную богословскую важность. После Фомы Аквинского и под влиянием его авторитета большинство западных теологов стало склоняться к противоположному мнению. Подробный обзор проблемы у прот. Г. Флоровского в его статье «*Cur Deus homo?*» (Прот. Г. Флоровский, Догмат и история. М., 1998, с. 151 и слл.).

¹⁹⁰³ Ср. Лк 7:42, 43, 47.

¹⁹⁰⁴ L'honnête homme heureux.

¹⁹⁰⁵ Хотя в других местах Симона неоднократно пишет, что несчастья нельзя себе желать или призывать, на деле она начинает жить этим желанием, вынашивая его в тайне, может быть, даже от себя самой. Но то, как она об этом пишет, не оставляет сомнений, к чему она себя готовит. О пассивном отношении здесь не может идти речи. Осенью 1942 г., ко времени отъезда в Лондон, ее настрой выразится в особой молитве (См.: Ф, с. 143–144; Елифанов П. Невозможность жизни // Там же, с. 97–140).

¹⁹⁰⁶ Неясно, какой случай из жизни Миларепы или какое место из его сочинений имеется в виду. Возможно, это наставление, данное им купцу Дава Норбу, о памятовании смерти. После этого наставления, как говорится в жизнеописаниях Миларепы, купец, оставшись мирянином, сделался его учеником и преуспел в духовном совершенствовании (Сто тысяч песен Миларепы, гл. 15).

¹⁹⁰⁷ Identité.

¹⁹⁰⁸ Мф 6:2, 5, 16. Перевод Симоны: *ont reçu*. В СП: «уже получают», в смысле: «уже имеют», т. е. идентичном, несмотря на использование разных времен глагола.

¹⁹⁰⁹ *Le vide dans la sensibilité*. Настойчиво повторяемый Симоной призыв к отказу от утешения, на наш взгляд, грешит отвлеченностью. Симоне не пришлось познать опыт супружества и материнства. Нередки случаи, когда любящий оказывается *физически не в состоянии* пережить смерть любимого: в частности, отец или мать —

смерть детей, или один супруг — смерть другого, с кем прожил очень долго. Боль такой утраты носит как эмоциональный, нравственный, так и еще в большей степени — физический характер; достигая какого-то предела, она вызывает соматическую болезнь, часто непоправимую. Бывает, что «чувственная пустота» ведет человека — незаметно как для окружающих, так и для него самого — к обычной раковой опухоли. «Отказ от утешения» — рецепт неудачный именно потому, что он не учитывает ту «человеческую немощь», о которой сама же Симона говорит выше. В указанных нами ситуациях ставится вопрос о простом выживании человека. И для этого, конечно, хороши все возможные средства, кроме самообмана, болезненных фантазий и наркотиков — всего того, что, создавая иллюзию утоления боли, ведет личность к разрушению.

¹⁹¹⁰ *N'est pas fait pour Dieu*. Известный, но часто искажаемый при цитировании и переводе, афоризм Симоны. Перевод: «Я должна быть безбожницей той своей частью, которая не создана для Бога» (в кн.: Кругман А. Симона Вейль, свидетельствующая о себе. Челябинск, 2003, с. 296) противоречит уже тому, что душа, как верила Симона, создана Богом. (Напомним, что в оригинале сказано: «той частью своей души».) И каким образом некая ее часть может быть создана Богом, но «не для Бога»? Симона повсюду подчеркивает необходимость познания экзистенциальных и религиозных истин «всею душой». Переводчик, кажется, и сам чувствует неловкость и, ища способ свести концы с концами, удаляет слово «душа». Но ошибка только усугубляется. Корень ее в том, что выбрано первое попавшееся значение «fait» — «сделанный», но оставлены без внимания другие: «готовый», «способный», «зрелый», «приспособленный» и др., куда более уместные в данном случае.

¹⁹¹¹ Перевод в издании ТБ: «Из людей, чья неземная (*surnaturelle*) часть их самих еще не пробудилась, правы атеисты, а верующие не правы» (с. ???). Фраза «*les athées ont raison*» здесь не означает подлинной правоты. Смысл, скорее, таков: «называющие себя атеистами говорят правду, а называющие себя верующими говорят неправду». Насколько мы можем проследить употребление Симоной слова «сверхъестественный», — одного из главных терминов ее этики, — «человек с непробужденной сверхъестественной частью души» означает отнюдь не атеиста-праведника. Ср. в письме аббату Кутюрье: «Поскольку на Западе слово Бог (в общепринятом смысле) означает Лицо, бывает, что люди, чье внимание, вера и

любовь обращены на не-личный аспект Бога, считают себя и называют атеистами, хотя в их душах живет *сверхъестественная любовь*. Такие люди — обязательно спасутся» (Ф, с. 460 и слл.; курсив мой. — П. Е.). Очевидно, что в этом фрагменте оправдываются совсем другие атеисты, чем в комментируемом пассаже. «Люди с непробужденной сверхъестественной частью души» суть не те, кто пока не готов верить в сверхъестественное, но те, кто пока не готов к сверхъестественной любви.

¹⁹¹² Гостия (от *лат. hostias* — жертва) — в латинской церковной традиции круглый пресный хлебец, освящаемый на мессе в Тело Христово.

¹⁹¹³ Représentable.

¹⁹¹⁴ Adhérer.

¹⁹¹⁵ Amour — любовь как влечение.

¹⁹¹⁶ Charité (родственно *лат. caritas*) — милосердно-сострадательная любовь.

¹⁹¹⁷ La part de l'intelligence.

¹⁹¹⁸ Человек, имеющий опыт церковной жизни, хорошо представляет, о чем идет речь. Исходя из российского опыта стоит добавить, что неофиты — обращенные из других религий, из атеизма, агностицизма, или той магически-квазинаучной смеси, которую представляет собой наиболее распространенное сегодня «светское» мировоззрение, — часто прилагают к таинствам «низшие части души» еще более слепо, чем те, кто получили сколько-нибудь осмысленное христианское воспитание.

¹⁹¹⁹ Incrédulité. Перевод может быть также: и «сомнение», и «неверие».

¹⁹²⁰ Состояние души, описанное св. Иоанном Креста в «Духовной песни» и «Темной ночи», есть состояние христианина, прошедшего длительный путь в вере и подвижничестве, но переживающего кризис. Эта душа жаждет теснейшего, способного укрепить и умудрить ее, единения с Богом, который кажется ей отделившимся, скрывшим свою благость, участие и самое свое существование. Симона считает возможным применить анализы кармелитского мистика XVI века в ситуации века XX исходя из собственного, чрезвычайно редкого опыта. Трудно сказать, с какого времени Симона стала верующей, если иметь в виду не интеллектуальное согласие с догматами Троицы или Боговоплощения, но сердечное устремление, любовь. Ее лицейское сочинение о сказках братьев Гримм,

написанное в возрасте 16 лет (1925), являет глубоко религиозную душу — ту самую, уже вполне сложившуюся душу, которую мы знаем по «Тетрадям» и статьям 1940–1942 гг. Уже на первом курсе Эколь нормаль, в 1928-м, директор характеризовал ее как «помесь анархистки с религиозной фанатичкой». Ее страстный поиск, ее, полное боли, сближение-разделение с христианством действительно может быть описано в образах поэзии Хуан де ла Крус. (Заметим, что он близок Симоне не только как учитель или аскет, но и по своему поэтическому темпераменту, что имело огромное значение для ее развитого чувства прекрасного.) Но состояние и большинства атеистов Европы XX и XXI вв., и большинства христиан, есть мещанство. Как для одних, в силу жизненных условий и представлений о душевном комфорте, удобнее числить себя адептами религии, так другим, в силу аргументов того же рода, удобнее обходиться без религии. Самооправдание, довольство собой такими, как мы себя привыкли видеть, определяет ориентацию как в том, так в другом случае. Путь атеиста в религию идет, как правило, иной дорогой, чем описана Сан Хуаном. «Очищение», рекомендуемое Симоной, может пригодиться на другой ступени — тому, кто имеет длительный религиозный опыт. Но этот выбор требует такой нравственной зрелости, ответственности и такого мужества, какие свойственны лишь весьма редким людям. Любая религиозная институция осудит его как соблазн и подрыв веры «малых сих»; решившийся на него даже и в наше время может оказаться одиноким среди собратьев по вере.

¹⁹²¹ Verités. Обратим внимание на этимологическую и семантическую разницу между *лат.* veritas и происходящим от него *фр.* vérité, с одной стороны, и славяно-русским «истина» с другой. *Лат.* verus — истинный, подлинный, верный, достоверный, правдивый, законный и др. — содержит праиндоевропейский корень *weh-*; в русском языке ему соответствует «верный», во множестве своих значений. Во всех этих случаях подразумевается нечто соответствующее определенному критерию проверки, доказанное, испытанное, у-досто-вер-енное. Особенно следует учитывать использование *veritas* как юридического термина в языке римского права, унаследованного европейским средневековьем. Наше же слово «истина», сближаемое с глаголом «есть», по о. П. Флоренскому, «закрепило в себе понятие абсолютной реальности: Истина — подлинно-существующее, (...) в отличие от мнимого, не действительного, бывающего. Русский

язык отмечает в слове „истина“ онтологический момент этой идеи. Поэтому „истина“ означает абсолютное само-тождество...» (Флоренский П. Столп и утверждение истины. М., 1914, с. 15–16). Итак, русское мышление не видит невозможного в том, чтобы считать таинства истинами в строгом смысле слова. Они — предметы Откровения, что делает их (для христианского сознания, конечно) истинами в самом полном смысле.

¹⁹²² Amour.

¹⁹²³ Charité.

¹⁹²⁴ О родах познания по Спинозе см. примеч. 1099.

¹⁹²⁵ «Третье измерение», т. е. высота — у Симоны метафора сверхъестественного. Ср. в трактате «Любовь к Богу и несчастье»: «Безмерность пространства и времени отделяет нас от Бога. (...) Как идти к нему навстречу? Если даже будем идти целую вечность, будем только вращаться вокруг земли. Даже на самолете мы не сможем сделать ничего другого. Мы не в состоянии высоко продвигаться по вертикали. Нам не дано возможности сделать и шаг к небесам. Бог сам, пересекая вселенную, сходит к нам» (Ф, с. 293).

¹⁹²⁶ Еф 3:14,16–19: «Преклоняю колени мои пред Отцем Господа нашего Иисуса Христа, (...) да даст вам, по богатству славы Своей, крепко утвердиться Духом Его во внутреннем человеке, верою вселиться Христу в сердца ваши, чтобы вы, укорененные и утвержденные в любви, могли постигнуть со всеми святыми, что широта и долгота, и глубина и высота, и уразуметь превосходящую разумение любовь Христову, дабы вам исполниться всею полнотою Божию».

¹⁹²⁷ Спиноза, Этика, часть V, теорема 23, схолия (пер. Н. Иванцова).

¹⁹²⁸ Ср. 1 Ин 3:8, 12: «Кто не любит, тот не познал Бога, потому что Бог есть любовь. (...) Бога никто никогда не видел. Если мы любим друг друга, то Бог в нас пребывает, и любовь Его совершенна есть в нас».

¹⁹²⁹ Мф 18:20.

¹⁹³⁰ Бrevиарий — в Западной Церкви литургическая книга, содержащая сокращенные последования служб суточного, седмичного и годового богослужбных кругов. Мысль двух последних записей была развита в письме о. Перрену от 14 мая 1942 г.: «Сам Христос, который был Истиной, когда говорил перед собранием (...) использовал другой язык, нежели тот, которым Он говорил наедине со своим возлюбленным другом. И, несомненно, сравнивая фразы,

можно было бы, с видом правдоподобия, обвинить Его в противоречии и в обмане. Ибо по одному из тех законов природы, которые Бог уважает — ибо Он сам пожелал, чтобы они существовали от века — есть два языка, полностью отличных друг от друга, хоть и составленных из одних и тех же слов — язык коллективный и язык индивидуальный. Утешитель, которого нам посылает Христос, Дух истины, говорит по обстоятельствам на том или на другом языке, и по самой необходимости природы они не созвучны. (...) Всем известно, что по-настоящему интимный разговор бывает вдвоем или втроем. Уже когда говорят пять или шесть, начинает преобладать коллективный язык. Поэтому, когда прилагают к Церкви слова: «Где два или три из вас собраны во имя Мое, там буду и Я посреди них», смысл этих слов полностью выворачивается наизнанку. Христос не сказал «двести», «пятьдесят», или даже «десять». Он сказал: «два или три». Он сказал именно то, что Он — всегда третий в тайне христианской дружбы, в тайне между одной душой и другой.

Христос дал обетования Церкви. И все-таки ни одно из этих обетований не имеет той силы, что имеет изречение: «Отец ваш, который втайне». Слово Бога есть слово тайное. Тот, кто не расслышал это слово, не прикоснулся к истине — даже если он верен всем догматам, которые проповедует Церковь» (Ф, с. 422–423).

¹⁹³¹ Подобно тому, как гармония природы и гармония совершенного художественного произведения носят в себе «безымянность», «безличность», так же безымянен и строй мира, создаваемый необходимостью.

¹⁹³² S'évanouit.

¹⁹³³ Эквивалентами к *грег.* ἀγάπη обычно являются *лат.* caritas и *фр.* charité.

¹⁹³⁴ Платон, Государство, 443с–е: «Поистине справедливость была у нас чем-то (...) не в смысле внешних человеческих проявлений, а в смысле подлинно внутреннего воздействия на самого себя и на свои способности. Такой человек не позволит ни одному из имеющих в его душе начал выполнять чужие задачи или досаждать друг другу взаимным вмешательством: он правильно отводит <каждому из этих начал> действительно то, что им свойственно; он владеет собой, приводит себя в порядок и становится сам себе другом; он прилаживает друг к другу три начала своей души, совсем как три основных тона созвучия — высокий, низкий и средний,

да и промежуточные тоны, если они там случатся; все это он связывает вместе и так из множественности достигает собственного единства, рассудительности и слаженности».

¹⁹³⁵ Ср. К6, ms. 40 (с. 117).

¹⁹³⁶ Любовь к судьбе (*лат.*) — любовное приятие всего, что происходит по силе необходимости. Традиционно связывается с этикой стоицизма. «Не требуй, чтобы события совершались так, как тебе хочется, но принимай происходящее таким, как оно есть, и будешь счастлив» (Эпиктет, Энхиридион, VIII; пер. А. Тыжова). «Все мне пригодно, мир, что угодно тебе; ничто мне не рано и не поздно, что вовремя тебе, все мне плод, что приносят твои, природа, сроки. Все от тебя, все в тебе, все к тебе» (Марк Аврелий, Размышления, IV, 23; пер. А. Гаврилова).

¹⁹³⁷ Препятствия в осуществлении замысла: физическое и умственное изнурение, конструктивные трудности, сопротивление материала, расходы.

¹⁹³⁸ Еврипид, Вакханки, ст. 84: «Бромия (вин. падеж), божественное чадо бога» (здесь и ниже пер. мой. — П. Е.). Бромий, т. е. шумный — одно из прозвищ Диониса, от βρόμος — шум, гром: Дионис был рожден при раскатах грома.

¹⁹³⁹ Сюжет «Вакханок»: царь Фив Пенфей не только сомневается в божественности Диониса, но и пытается препятствовать его культу и обрядам менад, среди которых оказывается и его мать. Дионис внушает царю желание пробраться в женском платье на Киферон, чтобы подсмотреть за менадами. Охваченные священным безумием менады, не помня себя, разрывают Пенфея на части.

¹⁹⁴⁰ Там же, ст. 27: «Говорили, что он не рожден от Зевса».

¹⁹⁴¹ Там же, ст. 22: «Чтобы божество было явлено смертным».

¹⁹⁴² Там же, ст. 47: «Будучи бог, иду к нему, чтобы явить себя».

¹⁹⁴³ Там же, ст. 72–82: «Блажен, кто, милостью богов удостоенный их таинств, соблюдает чистоту в жизни и душой приобщается к сонму посвященных, справляя в горах вакхические празднества среди благочестивых очищений; блажен, кто, подымая символы великой Матери-Кибелы, потрясая тирсом и увенчанный плющом, служит Дионису» (пер. Ф. Зелинского).

¹⁹⁴⁴ «А Осирис по-эллиньски — Дионис» (пер. Г. Стратановского).

¹⁹⁴⁵ Еврипид, Вакханки, ст. 188–189: «В радости мы забыли, что мы старые» (пер. мой. — П. Е.).

- ¹⁹⁴⁶ Там же, ст. 208: «Он хочет, чтобы все сообща чтили его». Старцы — Кадм (основатель Фив, отец Семелы) и прорицатель Тиресий. Цитата — из их диалога: «*Кадм*: Но разве мы одни будем плясать в честь Вакха? *Тиресий*: Да; мы одни благоразумны, остальные — нет. (...) Напрасны наши мудрствования над божеством. Унаследованные от отцов заповеди, столь же древние, как и само время — никакой ум не в состоянии их низвергнуть, никакая мудрость (...) Скажут, что я позорю свою старость, помышляя о пляске и венчая голову плющом. Но бог не установил различия для молодых и для старых, определяя, кому следует плясать и кому нет; он хочет, чтобы все сообща чтили его...» (пер. Ф. Зелинского)
- ¹⁹⁴⁷ Там же, ст. 272–276: «<*Тиресий*> Этот новый бог, над которым ты глумишься, — я и сказать не могу, сколь велик он будет в Элладе. Заметь, юноша: есть два начала, господствующие в жизни людей. Первое — это богиня Деметра, она же и Земля; называть ты можешь ее тем или другим именем» (пер. Ф. Зелинского).
- ¹⁹⁴⁸ «Кадмова дочь Семела, в любви сочетавшись с Кронидом, / Сына ему родила Диониса, несущего радость, / Смертная — бога. Теперь они оба бессмертные боги» (пер. В. Вересаева.). Напомним, что в своей любви к Зевсу Семела прошла через смерть от огня...
- ¹⁹⁴⁹ Еврипид, *Вакханки*, ст. 284–285. Здесь явная параллель между Дионисом и Христом: бог, добровольно становящийся жертвой ради блага людей. В тексте трагедии есть и другая параллель: Дионис дважды называет себя «богом, принявшим облик человека». Эту связь, конечно же, разглядели христианские апологеты. Климент Александрийский (ок. 150–ок. 215), например, говоря о посвящении в таинства веры, приводит слова Диониса из «Вакханок» как бы от лица Христа (Строматы, кн. IV, 162). Известна византийская драма Псевдо-Григория Назианзина «Христос страждущий», представляющая собой коллаж из стихов и фрагментов «Вакханок», приспособленных ко Христу.
- ¹⁹⁵⁰ Там же, ст. 300–301.
- ¹⁹⁵¹ Там же, ст. 421–423: <Дионис дарует> «усладу вина, равно доступную и богачу и бедняку, ни в ком не возбуждающую зависти» (пер. Ф. Зелинского).
- ¹⁹⁵² Там же, ст. 859–861: «Он узнаёт Зевсова сына, Диониса, бога столь же грозного для беззаконных, сколько кроткого для благочестивых людей» (пер. Ф. Зелинского).

¹⁹⁵³ Здесь намечаются новые очертания теории, которая будет развита в статье «Любовь к Богу и несчастье»: «Сквозь безмерность пространства и времени еще безмерно-более-безмерная любовь Божия сходит пленить нас. Она сходит в свое время. Нам дан выбор: согласиться впустить ее, или отказать. (...) Если... мы соглашаемся, Бог кладет в нас, как в землю, маленькое семечко и уходит. С этого момента Богу уже не нужно делать ничего другого, как только ожидать. Только ожидать остается и нам. Единственное, что от нас требуется, — не пожалеть о данном нами согласии, о том «да», которое мы однажды произнесли, подобно невесте. Это не так легко, как кажется; ибо, когда семя всходит, мы чувствуем боль. (...) И вот, наконец, наша душа принадлежит Богу, и тогда не просто согласна любить, но истинно и деятельно любит. Теперь ей, в свою очередь, приходится пройти через все мироздание, чтобы достигнуть Бога. Теперь она любит не той сотворенной любовью, которой любят другие создания. Любовь, живущая в ней, божественна и нетварна, ибо она есть любовь между Богом и Богом, которая проходит через душу. Один Бог способен любить Бога. Мы можем только согласиться утратить наши собственные чувства, предоставляя Его любви пройти сквозь нашу душу. (...) Мы и сотворены только ради этого согласия (Ф, с. 293–294).

¹⁹⁵⁴ См. примеч. 1848 и 1849.

¹⁹⁵⁵ Эпизод встречи Авраама и ханаанейского царя-жреца Мелхиседека из книги Бытия (14, 18–20): «Мелхиседек, царь Салимский, вынес хлеб и вино, — он был священник Бога Всевышнего, — и благословил его (Авраама, тогда еще носившего имя Аврам. — *П. Е.*), и сказал: благословен Аврам от Бога Всевышнего, Владыки неба и земли; и благословен Бог Всевышний, Который предал врагов твоих в руки твои. <Авраам> дал ему десятую часть из всего». В параллель ему Симона приводит загадочную фразу Христа: «Авраам, отец ваш, рад был увидеть день Мой; и увидел и возрадовался» (Ин 8:56), предполагая, что Авраам видел Христа в образе Мелхиседека. Апокрифическую идею о том, что в Мелхиседеке был воплощен, прежде Своего пришествия, Христос, передавали в христианской среде веками, и церковное учительство с ней неустанно боролось. Основания для этой идеи находили в Послании к Евреям: «Мелхиседек, царь Салима, священник Бога Всевышнего, тот, который встретил Авраама и благословил его, (...) во-первых, по знаменованию имени, „царь правды“, а потом и царь Салима, то

есть „царь мира“, <описываемый> без отца, без матери, без родословия, не имеющий ни начала дней, ни конца жизни, уподобляясь Сыну Божию, пребывает священником навсегда» (Евр 7:1, 3). Симона не могла не видеть, что в Послании к Евреям образ Мелхиседека используется, во-первых, как аналогия, а во-вторых, для доказательства более общей идеи: иудейское священство «от колена Левиина», культ Иерусалимского храма, с его жертвоприношениями, имея временный характер, упразднены единым безгрешным Первосвященником-Христом, принесшим себя в единую на все века абсолютную Жертву. Тем не менее Симона с энтузиазмом восприняла мысль о том, что в царе Салимском мог быть воплощен Христос. Она благоприютствовала ее теории о том, что Боговоплощение является не историческим актом, произошедшим в Иудее в таком-то году, но нитью, проходящей сквозь всю вообще человеческую историю.

¹⁹⁵⁶ Не вполне ясно, сравнивает ли Симона откровения, которые могла содержать Мелхиседекова религия «Бога Всевышнего», с откровениями, известными Аврааму и его племени за 2000 лет до н. э., — или же гипотетическое откровение Мелхиседека объявляется высшим, чем вся иудейская религия. Симона не знает и не может сказать ничего определенного об этом откровении. Пафос ее понятен: убежденная, что неперенным спутником и вместилищем Откровения в душе человека является «сверхъестественная любовь», она не может допустить, что избранным хранителем Откровения мог быть народ, беспощадно истреблявший другие народы ради присвоения их земли и продуктов их труда. Древние евреи в своей исключительной жестокости к населению завоеванного ими Ханаана ссылались на прямое изволение Бога; в глазах Симоны это делает их религиозных и политических вождей *носителями духа лжи*. Таким образом, по ее мысли, Откровение если и могло быть сообщено *также и этому народу*, то никак не преимущественно перед другими народами, а скорее всего, было заимствовано ими у соседей (в том числе, жертв их агрессии), претерпев при этом шовинистические искажения. Мелхиседек — жрец ханаанеев, тех племен, которые были истреблены Израилем. Отсюда, носителем откровения, частично сохраненного в Священном Писании евреев, оказываются именно ханаанеи, по словам Симоны, «оклеветанные своими убийцами». Эта мысль весной 1942 г. находит развитие в статье Симоны «Трое сыновей Ноя и история средиземноморской цивилизации»,

где выстраивается историософская гипотеза об «откровении Хама» (по Библии, предка ханаанеев) — духовной основе главных центров средиземноморской цивилизации: Египта, Финикии и Крито-Микенского мира. Притом, что статья Симоны принадлежит к исторической мифологии, некоторые из ее догадок подтверждаются памятниками литературы одного из важных ханаанейских центров — Угарита (2000–1200 гг. до н. э.), в начале 1940-х гг. еще недостаточно изученной. Первые сведения о письменности Угарита Симона получила в апреле 1942 г. (см. K10, ms. 63 в: СЕС, t. VI, vol. 3, p. 296).

¹⁹⁵⁷ Valeur, букв. «ценность» (*фр.*). Под качеством, коль скоро оно представляется зависящим от «условий существования», вероятно, имеется в виду степень его неискаженности, свободы от примесей политического и т. п. характера, но, конечно, совсем не то, что разные народы по особому избранию свыше получают откровение высшего качества, а иные низшего.

¹⁹⁵⁸ Ин 5:22: «Ибо Отец и не судит никого, но весь суд отдал Сыну».

¹⁹⁵⁹ Ин. 5:27: «И дал Ему власть производить и суд, потому что Он есть Сын Человеческий».

¹⁹⁶⁰ Лк 4:6: «И сказал Ему диавол: Тебе дам власть над всеми сими *царствами* и славу их, ибо она предана мне, и я, кому хочу, даю ее». Этот момент искушения Христа упомянут здесь неслучайно, хотя кажется и не связанным с предыдущими цитатами. Эти слова Симона приводит в параллель тому, как воля Бога и избрание, связанное с откровением, интерпретируются в исторических книгах Торы: «Когда перейдете через Иордан в землю Ханаанскую, то прогоните от себя всех жителей земли и истребите все изображения их, и всех литых идолов их истребите и все высоты их разорите; и возьмите во владение землю и поселитесь на ней, ибо Я вам даю землю сию во владение (...) если же вы не прогоните от себя жителей земли, то оставшиеся из них будут тернами для глаз ваших и иглами для боков ваших и будут теснить вас на земле, в которой вы будете жить, и *тогда, что Я вознамерился сделать им, сделаю вам*» (Числ 33:53, 55–56). В передаче Моисея, тот голос, который он воспринимает как божественный, подстрекает к войне и истреблению народов (в иных местах даются на этот счет прямые приказы), угрожая при этом своим избранникам карами, если они не будут достаточно беспощадны. Симона, как можно понять, склоняется к мысли, что голос, говоривший Моисею, был тот самый, что искушал Христа.

¹⁹⁶¹ Жаффье, герой трагедии Симоны Вейль «Спасенная Венеция». С двумя названными древними трагедиями ее объединяет то, что во всех трех герой, пусть не безгрешный, но честный и движимый благими побуждениями, избирается, помимо своей воли на исполнение судеб, предначертанных Божеством, и при этом или гибнет, или оказывается жертвой несчастья. В «Эдипе-царе» у Софокла это несчастный Эдип, так и не ушедший от предсказанной ему участи — стать убийцей отца и мужем матери; в «Вакханках» — Кадм, страдающий за нечестие внука, и Кадмова дочь Агава, которая в вакхическом безумии сама совершает над сыном божественную кару. Жаффье, спасая Венецию, предает при этом на смерть лучшего друга и товарищей, и гибнет сам, окруженный ненавистью и презрением тех, кого спас. Важный момент: для Симоны «третье измерение» есть не та воля Бога, что действует через простые законы материального мира, а проявление сверхъестественного начала в душах и поведении людей, противонаправленное «силе тяжести». Т. е. для всех перечисленных героев общим оказывается не просто безвинное страдание по воле высших судеб, но то, что они активно служат Божеству в этих судьбах: Эдип дважды спасает Фивы от беды — первый раз своим приходом, а второй — своим уходом; Кадм — основатель и защитник Фив (предание приписывало ему и перенесение в Грецию финикийских письмен), искренний чтитель бога, который, по воле Зевса, приходится ему внуком (Дионис рожден от Зевса и дочери Кадма — Семелы); Жаффье, полюбив город, бывший ему чужим, разрушает заговор против его свободы.

¹⁹⁶² «Малый объем». Ср. Софокл, Электра, ст. 1142. Электра называет так сосуд, в котором, как ей сказали, находится пепел Ореста.

¹⁹⁶³ *Se dégrade.*

¹⁹⁶⁴ Той роли, на которую претендуем.

¹⁹⁶⁵ Например, раб, подвергающийся унижениям и жестокостям, презренный в глазах общества, знает о себе, что его личность, его внутренний мир не тождествен его униженному облику.

¹⁹⁶⁶ Один из наиболее часто вспоминаемых Симоной фольклорных образов. Здесь он приведен в контексте общего рассуждения. С этим принцем можно сравнить упомянутую рядом легкомысленную красавицу: заблуждаясь относительно себя, забывая о действительно важном ради одной лишь внешней красоты, она становится зависима от столь ничтожной вещи, как зеркало, и своего от-

ражения в нем (ср. пушкинскую сказку «О мертвой царевне и семи богатырях»). Подобное происходит и с теми, кто гонятся за богатством, социальным престижем, славой, устрашающим образом силы и т. д.

¹⁹⁶⁷ То есть, человек, идущий через опыт несчастья к богоуподоблению, должен, в первую очередь, отбросить память о прошлом и будущем как защитные механизмы сознания. Здесь Симона рассматривает аскетический аспект несчастья в отрыве от других сторон конкретной жизненной ситуации. Благо, если опыт несчастья послужит полному обновлению личности. Но чтобы это обновление принесло плоды, и не только для него самого несчастного, но и для других, ему надо просто выжить в своем несчастье. Заключенному в лагере смерти, на пределе физических сил, может придать дополнительную энергию мысль о встрече с любимой семьей или воспоминание о прекраснейших моментах прошлого. Совсем необязательно, что эта память будет связана с «социальным лицом»: это могут быть картины родной природы или другие образы «чистой красоты», оставившие в душе след счастья. Несомненно, заключенный, у которого есть такая надежда или такая мечта, имеет больше шансов выжить, чем тот, кто обрезал себе мысли о прошлом и о будущем. И даже тот, кто от ужаса и отчаяния настоящего не в силах помнить о светлом прошлом, возможно, попытается вспомнить это прошлое в смертный час. Последним высказанным устно желанием Симоны, в последние часы ее жизни, было — поесть картошки, поджаренной так, как дома, в ее детстве, готовила мама...

¹⁹⁶⁸ Т. е. осознаваемое как то, чего быть не может. Чувство ирреальности происходящего, таким образом, распространяется и на самого себя: этого не может быть — значит, этого нет. Значит, и того, с кем это происходит, т. е. меня, — нет. Ср. К4, ms. 126.

¹⁹⁶⁹ «Дóлжно разграничить вот какие две вещи: чтó есть вечное, не имеющее возникновения бытие, и чтó есть вечно возникающее, но никогда не сущее. То, что постигается с помощью размышления и рассуждения, очевидно, и есть вечно тождественное бытие; а то, что подвластно мнению и неразумному ощущению, возникает и гибнет, но никогда не существует на самом деле. (...) Далее, если создатель любой вещи взирает на неизменно сущее и берет его в качестве первообраза при создании идеи и свойств данной вещи, все необходимо выйдет прекрасным; если же он взирает на нечто

возникшее и пользуется им как первообразом, произведение его выйдет дурным» (пер. С. Аверинцева).

¹⁹⁷⁰ Этот опыт восприятия кажется очень специфически-личным. Вкус, определяющий восприятие нами прекрасного, вырабатывается опытом созерцания множества прекрасных творений, который живет в нас спустя многие годы и обновляется в созерцании иных творений. В этом смысле можно говорить о жизни как об одном длящемся и обогащающемся опыте созерцания прекрасного. То же имеет место как в формировании религиозных и философских традиций, так и в их восприятии. Пример: IV–VIII вв. — период бесспорного расцвета восточно-христианского богословия, определяющий и наиболее репрезентативный для него именно как традиции. При этом обнаруживается интенсивнейшее усвоение и использование видными церковными писателями наследия античной философской мысли. Немало умов той эпохи, вполне принимавших христианство как способ упования и молитвы, в качестве философии могли принять его только в платонической или стоической интерпретации. (Августин в «Исповеди» в этом признается прямо; но и в целом это было характернейшей чертой эпохи.) Иногда собственно христианский компонент в писаниях богословов той поры подчиняется иному, как, например, весь строй мысли Псевдо-Дионисия Ареопагита — неоплатонический; христианство задает ей лишь темы. При этом «Ареопагитики» вошли в христианскую традицию, став одной из самых влиятельных книг византийского и европейского Средневековья. Собственно, то же самое делает Симона: стоицизм задает ей условия прочтения ею христианства, образуя сам угол зрения, задавая направление тому вниманию, которое она прилагает к христианству.

¹⁹⁷¹ Платон различает области познания, к каждой из которых приложимы разные методы исследования и разные критерии истинности суждения. Ср. Тимей, 29b–c: «В каждом рассуждении важно избрать сообразное с природой начало. Поэтому относительно изображения и первообраза надо принять вот какое различие: слово о каждом из них сродни тому предмету, который оно изъясняет. О непреложном, устойчивом и мыслимом предмете и слово должно быть непреложным и устойчивым; в той мере, в какой оно может обладать неопровержимостью и бесспорностью, ни одно из этих свойств не может отсутствовать. Но о том, что лишь воспроизводит первообраз и являет собой лишь подобие настоящего образа,

и говорить можно не более как правдоподобно. (...) Рассматривая во многих отношениях много вещей, таких, как боги и рождение Вселенной, мы не достигнем в наших рассуждениях полной точности и непротиворечивости. Напротив, мы должны радоваться, если наше рассуждение окажется не менее правдоподобным, чем любое другое, (...) не требуя большего» (здесь и далее пер. С. Аверинцева).

¹⁹⁷² Платон, Тимей, 29с: «Ведь как бытие относится к рождению, так истина относится к вере». Суждение, построенное по образцу формулы пропорциональности. См. размышления Симоны о таких формулировках в греческой — в особенности, пифагорейской — философской мысли, в статье «Комментарии к пифагорейским текстам».

¹⁹⁷³ Там же, 29а: «ясно, что он взирал на вечное». Контекст фразы: «... Взирая на какой первообраз работал тот, кто его устроил, — на тождественный и неизменный или на имевший возникновение? Если космос прекрасен, а его демиург благ, ясно, что он взирал на вечное; (...) ведь космос — прекраснейшая из возникших вещей, а его демиург — наилучшая из причин».

¹⁹⁷⁴ Ин 14:6.

¹⁹⁷⁵ Симона задается вопросом, нельзя ли найти в «Тимее» понятие о всех лицах христианской Троицы. Платоновский Демиург соответствует для нее Богу Отцу, «Мировая Душа», по образцу которой Демиург творит вселенную, — Логосу-Сыну. Где же Святой Дух? Не сам ли образец, рассматриваемый как идея, как ментальная связь между Демиургом и Мировой Душой? Триадологические представления Симоны всегда вращаются вокруг идеи блаж. Августина о Св. Духе как о «Любви, связующей Отца и Сына»; похожую схему она надеется найти и у Платона.

¹⁹⁷⁶ Facultés.

¹⁹⁷⁷ Ин 3:18: «Верующий в Него не судится, а неверующий уже осужден, потому что не уверовал во имя Единородного Сына Божия»; Ин 8:24: «Если не уверуете, что это Я, то умрете во грехах ваших»; Мк 16:16: «Кто будет веровать и креститься, спасен будет; а кто не будет веровать, осужден будет». Последнее приведенное изречение из Евангелия от Марка, как и весь конец, отсутствует в наиболее древних рукописях (Брюс М. Метцгер, Текстология Нового Завета, М., 1996, с. 222–225; Ф, с. 478, примеч. 546).

¹⁹⁷⁸ Ср. Ин 1:4, 9: «В Нем была жизнь, и жизнь была свет человеков.

(...) Был Свет истинный, Который просвещает всякого человека, приходящего в мир». Симона понимает эту фразу так, что Бог-Слово живет в каждом человеке от рождения.

¹⁹⁷⁹ Связь каждого человека с Богом через мистическое присутствие в нем Бога-Слова.

¹⁹⁸⁰ Христос.

¹⁹⁸¹ Несколько видоизмененная цитата из Ин 14:16. Ср.: Есть у Меня и другие овцы, которые не сего двора, и тех надлежит Мне привести: и они услышат голос Мой, и будет одно стадо и один Пастырь.

¹⁹⁸² Платон, Тимей, 33с. Следующая за цитатой фраза является ее примерным переводом. В переводе С. Аверинцева: «Получать пищу от своего собственного тления».

¹⁹⁸³ Le Monde. Мир, рассматриваемый в «Тимее» как живое существо.

¹⁹⁸⁴ Communion. Симона сопоставляет идею Платона с христианским пониманием евхаристии: Христос одновременно и Жертва (как человек), и Священник, совершающий жертву (как Сын, повинующийся Отцу) — и Тот, кто ее принимает, т. е. «вкушает» (Бог, единый от Единосущной и Нераздельной Троицы). Что-то сходное совершается и с одушевленным Космосом Платона, который является воплощением Мировой Души: разрушаясь, он сам себя питает.

¹⁹⁸⁵ Purement. Возможны два перевода: «чисто, беспримесно» и «чисто, безупречно». Похоже, что Симона одновременно использует оба значения.

¹⁹⁸⁶ Ср. Откр. 13: 8: «Агнец, закланный от создания мира».

¹⁹⁸⁷ Un être partiel. Существова «частично», сравнительно с абсолютным существованием Бога.

¹⁹⁸⁸ «Не сбивая самих себя». В тексте Платона стоит: ἀπλανὲς ἐκείνων, «не сбивая тех». Контекст: Демиург уделил телу Космоса «из семи родов движения... соответствующий род, а именно тот, который ближе всего к уму и разумению. Поэтому он заставил его единообразно вращаться в одном и том же месте, в самом себе, совершая круг за кругом, а остальные шесть родов движения были устранены, чтобы не сбивать первое». Итак, кругообразное движение, по Платону, символизирует умственную, высшую сферу и высшую деятельность как в макрокосме-Вселенной, так и в микрокосме-человеке. Исходя из того, что другие роды движения Платон назы-

ваает излишними, Симона ставит вопрос, не могут ли прямолинейные представления нести в себе заблуждение: например, шкала времени (вместо античного понятия о его круговращении) и связанное с нею представление о прогрессе, и др.

¹⁹⁸⁹ Там же, 37с: «И вот когда Отец усмотрел, что порожденное им, это изваяние вечных богов, движется и живет, он возрадовался...». Отметим, что Демиург у Платона называется «Отцом».

¹⁹⁹⁰ Там же, 36b–с. Рассказ о разделении Мировой Души на части: «Затем, рассекши весь образовавшийся состав по длине на две части, он (Демиург. — П. Е.) сложил обе части крест-накрест наподобие буквы Х и согнул каждую из них в круг, заставив концы сойтись в точке, противоположной точке их пересечения. После этого он принудил их единообразно и в одном и том же месте двигаться по кругу». О сотворении времени Платон говорит ниже (37d–e): «Он замыслил сотворить некое движущееся подобие вечности; устроив небо, он вместе с ним творит для вечности, пребывающей в едином, вечный же образ, движущийся от числа к числу, который мы называли временем». Но, похоже, Симона, говоря «вдоль времени», т. е. сообразно движению времени, имеет в виду не то, что деление (= «распятие») Мировой Души совершилось во времени. Напротив, по Платону, оно стало одним из подготовительных условий для создания времени. Для Симоны важно, что Платон настаивает на круговом, а не поступательном движении времени: «Виды времени, подражающего вечности и бегущего по кругу согласно <законам> числа» (там же, 38a). Таким образом, распятие Сына Божьего становится возможным соотнести не с линейным историческим процессом, а с цикличным временем, замкнутым в вечности, как меньший круг в большем.

¹⁹⁹¹ Composition.

¹⁹⁹² Ср. там же, 34с–35b: «Бог сотворил душу (Космоса) первенствующей и старейшей по своему рождению и совершенству (...) вот из каких частей и вот каким образом: из той сущности, которая неделима и вечно тождественна, и той, которая претерпевает деление в телах, он создал путем смешения третий, средний вид сущности, причастный природе тождественного и природе иного, и подобным же образом поставил его между тем, что неделимо, и тем, что претерпевает деление в телах. Затем, взяв эти три <начала>, он слил их все в единую идею, силой принудив не поддающуюся смешению природу иного к сопряжению с тождественным». Симона,

следовательно, соотносит природу Прекрасного с «третьим видом сущности, причастным природе Тожественного и Иного».

¹⁹⁹³ Федр, 246а: «Попробуем сказать и о том, как произошло название смертного и бессмертного существа. Всякая душа ведает всем неодушевленным, распространяется же она по всему небу, принимая порой разные образы. Будучи совершенной и окрыленной, она парит в вышине и правит миром, если же она теряет крылья, то носится, пока не натолкнется на что-нибудь твердое, — тогда она вселяется туда, получив земное тело, которое благодаря ее силе кажется движущимся само собой; а что зовется живым существом, — все вместе, то есть сопряжение души и тела, получило прозвание смертного» (пер. А. Егунова).

¹⁹⁹⁴ Тимей, 40а–b: «Единообразное движение на одном и том же месте, дабы о Тожественном они всегда мыслили тождественно».

¹⁹⁹⁵ Там же, 41а: «Возникшее от меня пребудет неразрушимым, ибо такова моя воля».

¹⁹⁹⁶ Потому что иначе они будут равны бессмертным богам. Чтобы они явились именно смертными, и через это «небо получило полное завершение» и «стало всем», надо, чтобы их творили боги второго ранга, подражая, по мере своей природы, могуществу Демиурга (там же, 41с).

¹⁹⁹⁷ Там же, 41с: Демиург вкладывает в смертные существа «нечто соименное бессмертным, называемое божественным, <...> чтобы оно вело тех, кто всегда и с охотой будет следовать справедливости и вам» (Демиург обращается к созданным им богам).

¹⁹⁹⁸ Платон считает, что неподвижные звезды «являют собой вечно-сущие божественные существа, которые всегда тождественно и единообразно вращаются в одном и том же месте» (Тимей, 40b).

¹⁹⁹⁹ Там же, 42а: «Когда же души будут по необходимости укоренены в телах, а каждое тело станет что-то принимать в себя, а что-то извергать...»

²⁰⁰⁰ Судить об этих источниках человек может и должен; иначе как он сможет принять правильное решение, совершать или не совершать такой-то поступок? При этом зоркость внутреннего зрения оттачивается собственным длительным опытом, по возможности, при помощи другого, близкого, любящего и, соответственно, любовно-зоркого к нам человека. Информация, полученная из книг, носит отвлеченный характер, и используют ее почти всегда произвольно и выборочно.

- ²⁰⁰¹ Тимей, 38а: по Платону, подражающее вечности время «бежит по кругу согласно <законам> числа».
- ²⁰⁰² Совершившемуся — если мы говорим о Воплощении Христа — из чистого послушания: «Он, будучи образом Божиим, (...) уничтожил Себя Самого, приняв образ раба, сделавшись подобным человекам и по виду став как человек; смирил Себя...» (Флп 2:6–8).
- ²⁰⁰³ Тимей, 51а: «Начало, назначение которого состоит в том, чтобы во всем своем объеме хорошо воспринимать отпечатки всех вечно сущих вещей, само должно быть по природе своей чуждо каким бы то ни было формам».
- ²⁰⁰⁴ В мистике ветхозаветной и затем христианской в лице Божественного Жениха изображается всегда Бог, а в лице Невесты — ищущая Его человеческая душа или собрание верных — Церковь. Симона имеет в виду, судя по контексту, «пассивные» качества мистической невесты, как верность, ожидание, внимание и т. п. Впрочем, такой неисчерпаемый источник вдохновения созерцателей поэтов-мистиков как Песнь Песней (мы придерживаемся мнения, что она была изначально сборником эротической поэзии, и ее мистическое истолкование вторично), в некоторых своих стихах являет совсем другой образ невесты — активной, страстной, преодолевающей (может быть, в мечте) страх и стыд перед людьми в желании соединиться с возлюбленным.
- ²⁰⁰⁵ Понятие о мире как о благоустроенном порядке, который организуется и поддерживается Умом, направляющим все вещи ко благу, представляет собой мощную традицию в греческой мысли. «Тот, кто сказал, что разум находится, подобно тому как в живых существах, так же и в природе, и что это он виновник благоустройства мира и всего мирового порядка, этот человек представился словно трезвым по сравнению с пустословием тех, кто выступал раньше. Явным образом... взялся за такие объяснения Анаксагор, но есть указания, что прежде об этом сказал Гермотим из Клазомен. Те, которые стояли на этой точке зрения, признали причину совершенства <в вещах> первоначалом вещей, и притом — таким, от которого вещи имеют движение. Можно предположить, что Гесиод первый стал искать нечто в этом роде, а также (...) и Парменид, ведь и он, устанавливая возникновение Вселенной, замечает: «Всех богов первее Эрот был ею замышлен» (...), ибо должна быть... некая причина, которая будет приводить в движение и соединять вещи» (Аристотель, Метафизика, 984b; пер. А. Кубицкого). Под-

чиненное законам и упорядоченное, стремящееся к «доброму и прекрасному» мироустройство стало необходимой предпосылкой как натурфилософии, так и этики в системах пифагорейцев, Платона, Аристотеля и др.

²⁰⁰⁶ Ср. Тимей, 47е–48а: «Из сочетания ума и необходимости произошло смешанное рождение нашего космоса. Правда, ум одержал верх над необходимостью, убедив ее обратить к наилучшему большую часть того, что рождалось».

²⁰⁰⁷ Ср. там же, 48а–b: «Путем победы разумного убеждения над необходимостью была вначале построена эта Вселенная; и, если мы намерены представить ее рождение так, как оно совершалось на деле, нам следует привнести также и вид беспорядочной причины вместе со способом действия, который по природе этой причине принадлежит».

²⁰⁰⁸ Павел рассматривает эту тему в 7 главе Послания к Римлянам, делая сильный акцент на том, что обязанность, налагаемая с силой, исполняемая усилием воли, только обостряет желание преступить ее. «Неужели *от* закона грех? Никак. Но я не иначе узнал грех, как посредством закона. Ибо я не понимал бы и пожелания, если бы закон не говорил: не пожелай. Но грех, взяв повод от заповеди, произвел во мне всякое пожелание: ибо без закона грех мертв. (...) Ибо не понимаю, что делаю: потому что не то делаю, что хочу, а что ненавижу, то делаю. (...) Ибо по внутреннему человеку нахожу удовольствие в законе Божиим; но в членах моих вижу иной закон, противоборствующий закону ума моего и делающий меня пленником закона греховного, находящегося в членах моих» (Рим 7:7, 15, 22–23).

²⁰⁰⁸ Comme étrangères.

²⁰¹⁰ Флп 5:6 (СП): «Он, будучи образом Божиим, не почитал хищением быть равным Богу; но уничижил Себя Самого...». Вульгата и опирающиеся на нее французские переводы передают эту фразу так: «Он... не счел добычей быть равным Богу», т. е. не счел тем, за что надо держаться, не выпуская из рук.

²⁰¹¹ Однако: «Возлюби ближнего твоего, как самого себя» (Мф 22:39). «Так должны мужья любить своих жен, как свои тела: любящий свою жену любит самого себя» (Еф 5:28).

²⁰¹² Прием, охотно используемый в пропаганде, когда, например, на государство, личность лидера, правящую партию переносятся чувства людей к родной земле, привычному укладу жизни, семье и

другим естественно дорогим вещам.

²⁰¹³ Время у Канта предстает как универсальная, первичная по отношению к пространству форма систематизации чувственного опыта и одновременно само условие возможности этого опыта. «Не говоря уже о том, что представления *внешних чувств* составляют основной материал, которым мы снабжаем нашу душу, само время, в которое мы полагаем эти представления и которое даже предшествует осознанию их в опыте, находясь в основе их как формальное условие того способа, каким мы полагаем их в душе, содержит уже отношения последовательности, одновременности и того, что существует одновременно с последовательным бытием (того, что постоянно)» (Критика чистого разума, § 8; 3; пер. Н. Лосского).

²⁰¹⁴ Мф 27:46; Мк 15:34. Источник этих слов — Пс 21:2.

²⁰¹⁵ Откр 6:16: «От гнева Агнца».

²⁰¹⁶ Георг Кантор (1845–1918) — немецкий математик еврейского происхождения; создатель теории множеств. Теорема Кантора, фактически утверждающая существование «бесконечности бесконечностей», была воспринята частью современников как вызов религии, с ее верой, что абсолютно бесконечен только Бог.

²⁰¹⁷ Ср. К4, ms. 10.

²⁰¹⁸ Платон, Менон, 80е: <Сократ.> «Видишь, какой довод ты приводишь — под стать самым завзятым спорщикам! Значит, человек, знает он или не знает, все равно не может искать. Ни тот, кто знает, не станет искать: ведь он уже знает, и ему нет нужды в поисках; ни тот, кто не знает: ведь он не знает, что именно надо искать» (пер. С. Ошерова).

²⁰¹⁹ Temporel.

²⁰²⁰ Retournement.

²⁰²¹ Теме внимания в школьном обучении посвящена статья «Размышления об использовании школьных занятий в воспитании любви к Богу» (Ф, с. 323–334).

²⁰²² Dégradation.

²⁰²³ Т. е. соответствующей не уровню сделанного дела, а, по мысли Симоны, поднимающей душу на более высокий уровень.

²⁰²⁴ Ср. Мф 6:3: «Когда творишь милостыню, пусть левая рука твоя не знает, что делает правая, чтобы милостыня твоя была втайне».

²⁰²⁵ По классификации Спинозы. См. примеч. 1099.

²⁰²⁶ В кантовском смысле этого термина: «я», относящееся к чистому разуму, независимо от всякого опыта.

- ²⁰²⁷ *Regrader*, антоним к *dégrader*. Слово, придуманное, как утверждают, Наполеоном; очень редкое.
- ²⁰²⁸ Аллюзия на XXIV, 509 и слл. (встреча Приама и Ахилла): «Плакали оба они. Припавши к ногам Ахиллеса, / Плакал о сыне Приам, о Гекторе мужеубийце. / Плакал Пелид об отце о своем, и еще о Патрокле. / Стоны обоих и плач по всему разносились дому. / После того как слезами Пелид богоравный упился...», следует описание хлопот над трупом Гектора и ужина несчастного отца с убийцей его сына.
- ²⁰²⁹ Ин 3:21–22. Ср. К4, ms. 59.
- ²⁰³⁰ Ин 3:13: «Никто не восходил на небо, как только спешший с небес Сын Человеческий, сущий на небесах».
- ²⁰³¹ *Sacrements*.
- ²⁰³² *Quasi-damnés*.
- ²⁰³³ Аллюзия на евангельскую Притчу о милосердном самарянине (Лк 10:25–37).
- ²⁰³⁴ *Rédemptrice* (искупительное по отношению ко злу других).
- ²⁰³⁵ «Поддай мне это». Ср. К6, ms. 43.
- ²⁰³⁶ Ордалия, или «Божий суд» — в обычае архаических народов, в государственном праве, начиная с древних цивилизаций Востока (законы Ману, Хаммурапи) до средневековой Европы, способ выявления виновности через испытание огнем, раскаленным железом, водой (холодной и кипящей), и др. Представляя собой средство установления юридической истины путем обращения к воле Бога, применялась, когда обычное расследование не давало нужных результатов. Ордалия не предполагала признания подозреваемого, об истине судили на основании следов, оставленных судебным испытанием. Например, при испытании огнем обожженную руку или ноги забинтовывали, а на третий день повязку снимали и по состоянию полученных ран судили о виновности или невинности участников ордалии. В разных странах Европы долго (до XVII в. включительно) сохранялась в т. н. ведьмовских процессах.
- ²⁰³⁷ «Осужден». Ср. Ин 3:18: «Неверующий уже осужден, потому что не уверовал...».
- ²⁰³⁸ Деян 10:1–33. История сотника Корнилия: Дух Святой сошел на Корнилия, и он пророчествовал, еще не будучи крещен.
- ²⁰³⁹ Мк 16:16: «кто не будет веровать, осужден будет».
- ²⁰⁴⁰ Лк 9:23 (СП): «Отвергнись себя».
- ²⁰⁴¹ Ср. в трактате «Формы неявной любви к Богу»: «Сотворение мира,

со стороны Бога, не есть акт расширения себя, но акт умаления, лишения. (...) Бог позволил существовать вещам иным, чем Он сам, которые имеют значение бесконечно меньшее, чем Он. Через творческий акт Он отрицает самого себя, как и Христос заповедует нам отрицать себя самих. Бог отвергается себя в нашу пользу, чтобы дать нам возможность отвергнуться от самих себя ради Него. Этот наш ответ, это эхо (от которого мы, однако, имеем свободу отказаться), есть единственное возможное оправдание безумия любви в акте творения» (Ф, с. 195).

²⁰⁴² Т. е. помыслить бесконечность расстояния между Богом и нами.

²⁰⁴³ Несет, поднимает. Ср. Лк 14:27: «Кто не несет креста своего и идет за Мною, не может быть Моим учеником».

²⁰⁴⁴ Soupeser.

²⁰⁴⁵ СП: «Которые от страха смерти... были подвержены рабству» (правильнее: «посредством страха смерти»).

²⁰⁴⁶ Платон, Тимей, 48а. См. также К6, ms. 80 и примеч. 2006.

²⁰⁴⁷ Le tout.

²⁰⁴⁸ Ср. К4, ms. 93, 111, 115.

²⁰⁴⁹ Мф 6:9: «На небесах».

²⁰⁵⁰ Весь текст отсюда и до конца страницы, записанный карандашом, в начале следующей страницы воспроизведен с небольшими вариациями. Здесь мы объединяем обе записи в одну, учитывая оба варианта.

²⁰⁵¹ Expiatrice.

²⁰⁵² Rédemptrice. Не совсем понятно, чем вызвано употребление двух разных слов.

²⁰⁵³ En la défaisant.

²⁰⁵⁴ «Хлебом насущным» (Мф 6:11). Церковнославянское слово «на-сущный» изобретено специально ради перевода греческого ἐπιούσιος. Как значение, так и сама этимология этого новозаветного, неизвестного языку классической эпохи, слова веками оставались предметом живого обсуждения и споров среди толкователей Евангелия. Из вариантов: «каждодневный», «жизненный», «потребный по естеству», «завтрашний», «принадлежащий к будущему веку» и, наконец, «сверхъестественный» — перевод, который безусловно предпочитает Симона, соглашаясь в этом случае с блаж. Иеронимом Стридонским. Подробная справка по вопросу: A Patristic Greek Lexicon / ed. by G. W. H. Lampe, Oxford, Clarendon Press, 1961, p. 529.

- ²⁰⁵⁵ Сомнения в этой формуле были более чем оправданны. История христианства дала богатейший — и по большей части печальный — материал по вопросу, чем заполняется пустота при «устремлении ввысь» энергии, отделенной на природные функции. Показательны в этом отношении и судьбы многих представителей науки и искусства, принесших в жертву творческому призванию счастье своих близких, иногда саму их жизнь.
- ²⁰⁵⁶ Conquête, по первому значению, «завоевание».
- ²⁰⁵⁷ Т. е. дополнительная энергия, прибавляясь к энергии, требуемой необходимостью, резко увеличивает творческие и иные возможности личности, подобно как сила оружия, прибавляемая к силе физической, увеличивает боевые возможности.
- ²⁰⁵⁸ «Бог воинств». Древнееврейское צבאות , Цеваот, множ. число от צב , цав — воинство, войско; буквально «Господь Воинств» — одно из имен Бога в иудейской традиции. Отсутствует в Пятикнижии (Тора); упоминается в исторических книгах (впервые 1 Цар 1:3), часто используется в псалмах и у пророков. Может означать как «Господь воинств Израилевых», так и «Господь небесных воинств».
- ²⁰⁵⁹ В этом значении — человеческое общество, рассматриваемое как среда, где господствуют низкие побуждения и страсти — слово $\acute{o} \kappa\acute{o}\sigma\mu\omicron\varsigma$, «мир» систематически используется в Евангелии от Иоанна и в Посланиях этого апостола, откуда перешло в речевой обиход всех христианских народов. Ср. Ин 14:27: «Мир ($\epsilon\iota\rho\acute{\eta}\nu\eta$) оставляю вам, мир Мой даю вам; не так, как мир ($\acute{o} \kappa\acute{o}\sigma\mu\omicron\varsigma$) дает, Я даю вам», и мн. др.
- ²⁰⁶⁰ Гильгамеш — царь шумерского г. Урука, живший в кон. XXVII — нач. XXVI в. до н. э. Герой мифологизированного «Эпоса о Гильгамеше», дошедшего во фрагментах на шумерском, аккадском, хурритском и хеттском языках, из которых самая древняя версия — шумерская, а самая полная — аккадская (найдена в сер. XIX в. в составе клинописной библиотеки царя Ашшурбанипала в Ниневии). Аккадская версия повествует, в частности, как Гильгамеш в отчаянии от смерти своего друга Энкиду бежит в пустыню, где после долгих душевных мучений осознает, что смерть — удел каждого человека, и примиряется с нею.
- ²⁰⁶¹ Анри Пра (1902–1981) — французский и канадский биолог. Получив образование и докторскую степень в Парижском университете, в 1931–1935 гг. работал в Канаде в качестве профессора, а затем ди-

ректора Монреальского биологического института. В 1936–1946 гг. профессор университета Экс-Марсель. После войны снова работал в Монреале, а с 1960 до окончания научной карьеры — в Марсельском ун-те. Активно участвовал в работе Марсельского общества изучения философии, руководимого Г. Берже. 17 января 1942 г. представил здесь доклад на тему «Биологическая среда и рождение цивилизации», где констатировал сильнейшую зависимость цивилизационного процесса от биологических условий обитания.

²⁰⁶² Ср. K6, ms. 86–87.

²⁰⁶³ Ср. K5, ms. 106. И развитие этой мысли в трактате «Любовь к Богу и несчастье»: «Вся красота мира возвещает нам, что материя заслуживает нашей любви. В красоте мира предметом любви становится даже грубая механическая необходимость его законов. Что может быть столь прекрасно, как сила тяжести, проявляющая себя в бегущем гребне морской волны или в навечно застывших гребнях гор!

Море не становится в наших глазах менее прекрасным из-за того, что на нем, как мы знаем, иногда тонут корабли. Напротив, от этого оно еще прекраснее. Если бы море изменяло движение волн, чтобы шадить корабли, тогда оно было бы существом, наделенным свободой различения и выбора, но не этой текучей стихией, полностью повинующейся всем внешним воздействиям. Совершенное послушание и составляет его красоту.

Все ужасы, происходящие в этом мире, — не более чем складки и изгибы, которые на морской поверхности производят волны, подчиняясь силе притяжения. Поэтому и они заключают в себе красоту. Подчас поэзия, например, в «Илиаде», дает почувствовать эту красоту» (Ф, с. 289).

Итак, Симона предполагает, что человеку как бы врождено связывать прекрасное с законами необходимости. Но любование «немощью», слабостью, хрупкостью, возможно, исходит из другого источника, а именно из родительского инстинкта. Повинуясь этому инстинкту, хищники не трогают, а порой и ласкают детенышей животных, за взрослыми особями которых охотятся. В нас вложена нежность к слабому, маленькому, неоформившемуся: даже суровые люди улыбаются младенцам, любят смотреть на маленьких котят или цыплят. В чувствительном человеке эта нежность через нравственные механизмы переносится и на другие формы слабого, немощного, открытого страданию: всё это воспринимается в какой-то мере как «маленькое», причастное миру детства.

- ²⁰⁶⁴ Soit expiatrice, soit rédemptrice.
- ²⁰⁶⁵ Но это делает искусство. Пафосом преобразования немощи в красоту одушевлены великие мастера живописи барокко — Караваджо, Рембрандт, Рибера и др.; в XIX в. этим занималась, в частности, русская литература, по хрестоматийному определению Эжена Вогюэ, «вышедшая из гоголевской „Шинели“».
- ²⁰⁶⁶ Déchirement.
- ²⁰⁶⁷ Снова аллюзия на Притчу о милосердном самарянине. Очевидно, что встреча, о которой здесь говорится, может произойти и не «на дороге». Например, услышав о несчастье, произошедшем с кем-то за тысячи километров от нас, если даже мы не в состоянии помочь страдающему материально, то можем хотя бы душевно сострадать ему, желать ему блага, молиться о нем.
- ²⁰⁶⁸ Эта мысль прочитывается в «Нравственных письмах к Луцилию» Сенеки (письмо CXVII). Симона, считая римский стоицизм вторичным и удешевленным вариантом греческого, подчас приводит изречения римских стоиков без указания имени. (Почетное исключение делается для Марка Аврелия.)
- ²⁰⁶⁹ Екатерина Сиенская (1347–1380) — итальянская подвижница и мистик, оставившая множество писем, в том числе, к римским папам и монархам Италии и Европы, и «Диалоги о Провидении Божьем» в форме бесед со Христом. Вела чрезвычайно аскетический образ жизни и имела видения и стигматы. Видела свое призвание в молитве об умирении Католической церкви, терзаемой смутами. Способствовала возвращению папы Григория XI в Рим из «Авиньонского пленения», а затем активно поддерживала Урбана VI в противостоянии авиньонскому антипапе. Умерла от крайнего физического и нервного истощения в возрасте 33-х лет. Причислена Католической церковью к лику святых, а с 1970 г. почитается среди Учителей Церкви.
- ²⁰⁷⁰ В трактате «Темная ночь» описываются две переходно-кризисных ступени в духовном развитии: 1) «темная ночь души», по выходе из состояния начинающих, и 2) «темная ночь духа»: «Проведя душу дальше, Всевышний погружает ее в эту Ночь духа, но не сразу, как только закончатся лишения и трудности первого очищения в Ночи чувства — обычно проходит довольно много времени, даже годы, в течение которых душа, выйдя из состояния начинающих, обучается в состоянии продвинувшихся» (II, 1; пер. Л. Винарской).

²⁰⁷¹ Эсхил, Прометей прикованный, ст. 456–461: <У людей> «разуменья не было / У них ни в чем, покуда я восходы звезд / И скрытый путь закатов не поведал им. / Премудрость чисел, из наук главнейшую, / Я для людей измыслил и сложенъе букв, / Мать всех искусств, основу всякой памяти...» Прометей перечисляет свои дары людям в такой иерархической последовательности: 1) наука о небе и звездах (что неудивительно при обожествлении светил); 2) наука о числах; 3) письменность. Далее идут конкретные хозяйственно-технические и иные навыки. Гадание, прорицание и толкование снов упоминаются после медицины, в списке хозяйственных умений.

²⁰⁷² Платон, Филеб, 16b–e: «*Сократ.* (...) Нет и не может быть лучше пути, чем мой излюбленный путь, хоть он нередко уже ускользал от меня и оставлял в недоумении. (...) Указать его не очень трудно, но следовать им чрезвычайно тяжело. Между тем все, что когда-либо было открыто в искусстве (τέχνη — объединяет ремесла и искусства вместе), появилось на свет только этим путем. (...) Божественный дар, как кажется мне, был брошен людям богами с помощью некоего Прометея вместе с ярчайшим огнем; древние, бывшие лучше нас и обитавшие ближе к богам, передали нам сказание, гласившее, что все, о чем говорится как о вечно сущем, состоит из единства и множества и заключает в себе сросшиеся во едино предел и беспредельность. Если все это так устроено, то мы всякий раз должны вести исследование, полагая одну идею для всего, и эту идею мы там найдем. Когда же мы ее схватим, нужно смотреть, нет ли кроме одной еще двух, а может быть, трех идей или какого-то иного их числа, и затем с каждым из этих единств поступать таким же образом до тех пор, пока первоначальное единство не предстанет взору не просто как единое, многое и беспредельное, но как количественно определенное. Идею же беспредельного можно прилагать ко множеству лишь после того, как будет охвачено взором все его число, заключенное между беспредельным и одним; только тогда каждому единству из всего [ряда] можно позволить войти в беспредельное и раствориться в нем. Так вот каким образом боги, сказал я, завещали нам исследовать все вещи, изучать их и поучать друг друга...» По Платону, главное, предшествующее всем умениям и открытиям, дарование — диалектический принцип познания вечно-сущего.

²⁰⁷³ Puissance.

²⁰⁷⁴ См. К6, ms. 58.

- ²⁰⁷⁵ Отсюда и до конца абзаца приведены выдержки из диалогов и писем Екатерины Сиенской, по книге: J.-M. Perrin. *Sous l'égide de sainte Catherine de Sienne*, Marseille, éd. Publiroc, 1938, p. 80, 83, 85, 87–88, 89, 90, 92. Книгу Симона получила, по всей вероятности, от автора — о. Перрена (пер. мой. — П. Е.).
- ²⁰⁷⁶ «Бегство». Ср. Теэтет, 176a–b: «*Сократ*. Но зло неистребимо, Феодор, ибо непременно всегда должно быть что-то противоположное добру. Среди богов зло не укоренилось, а смертную природу и этот мир посещает оно по необходимости. Потому-то и следует пытаться как можно скорее убежать отсюда туда. Бегство — это посильное уподобление богу, а уподобиться богу — значит стать разумно справедливым и разумно благочестивым» (пер. Т. Васильевой). Заметим, что в своих поздних «Законах» Платон пишет обратное: «Каждый должен как можно дольше и лучше провести свою жизнь в мире. Так что же, наконец, правильно? Надо жить играя. Что ж это за игра? Жертвоприношения, песни, пляски, (...) чтобы, играя, снискать милость богов и прожить согласно свойствам своей природы, ведь люди в большей своей части — куклы и лишь немного причастны истине. *Мегилл*. Ты полностью понижаешь наш человеческий род, чужеземец! *Афинянин*. Не удивляйся, Мегилл, прости меня! Я взирал на бога и под этим впечатлением сказал сейчас свои слова. Если тебе угодно, будем считать наш род не презренным, но достойным некоторого попечения» (VII, 803d–e, 804b; пер. А. Егунова).
- ²⁰⁷⁷ Как видим, Симона полностью принимает призыв раннего Платона к бегству, и в данном случае берет союзницы и св. Екатерину Сиенскую.
- ²⁰⁷⁸ J.-M. Perrin, *op. cit.*, p. 93.
- ²⁰⁷⁹ Эсхатологический миф, рассказанный от лица Сократа в диалоге «Горгий» (523b–d): посмертный суд учрежден для людей ради того, чтобы истинная сущность любого из них не была прикрыта пристрастными и заинтересованными мнениями живых. «Потому надо, чтобы их судили совершенно нагими, а для этого пусть их судят после смерти. И судья пусть будет нагой и мертвый, и пусть одною лишь душою взирает на душу — только на душу! — умершего, который разом лишился всех родичей и оставил на земле все блестящее свое убранство, — лишь тогда суд будет справедлив» (пер. С. Маркиша).
- ²⁰⁸⁰ Св. Екатерина Сиенская, письмо 65. В скобках примечание Симо-

ны.

²⁰⁸¹ J.-M. Perrin, *op. cit.*, p. 128, 93, 106, 116, 118, 119.

²⁰⁸² Симоне свойственно отношение к городу, подобное тому, что мы можем видеть в живописи Высокого Возрождения: город в ней всегда изображается как некое идеальное пространство, место, где красота мироздания воспроизводится в чудесной игре пропорций и рукотворных геометрических форм. Так и для Симоны город, прежде всего остального, есть образ красоты мира. «Человеческие города — каждый больше или меньше, соответственно их уровню совершенства, — окутывают поэзией жизнь своих обитателей. Они суть образы и отражения всемирного града. (...) Разрушить города — хоть материально, хоть морально — (...) значило бы перерезать все связи поэзии и любви между человеческими душами и мирозданием. (...) Едва ли возможно преступление хуже» (Ф, с. 236). В этом контексте стоит прочувствовать со всей интенсивностью и фразу о «разрушении Трои и Карфагена».

Коллизия между этим идеалом города, как воплощенной в камне поэзии и красоты, — и городом, как местом столкновения материальных, низменных интересов, составляет одну из главных тем драмы «Спасенная Венеция». Жаффье спасает город, приняв его в сердце как божественную, сверхъестественную красоту, принеся в жертву все, что у него есть, включая лучшего друга. Но город как человеческая структура уничтожает своего спасителя, что происходит как бы автоматически.

²⁰⁸³ Horribles, также: «безобразные», «отвратительные».

²⁰⁸⁴ Ср. 1 Ин 4:19: «Будем любить Его, потому что Он прежде возлюбил нас».

²⁰⁸⁵ Такой постоянный и строгий контроль над пределами собственной воли, кажется, труднее всего. Он может легко и незаметно уступить обычной человеческой тактике: добиваясь своего там, где есть возможность, не спорить с явно превосходящей силой (людей или обстоятельств). Нередко у христиан названиями «смирения» и «отказа от собственной воли» прикрывается именно такой конформизм.

²⁰⁸⁶ *Contraint*. Это принуждение не обязательно носит насильственный характер и причиняет страдания. Речь идет о побуждении силы, безмерно превосходящей человека. Но следовать ей можно и в радостных обстоятельствах, и само это следование несет в себе радость.

²⁰⁸⁷ Это же рассуждение повторено в письме о. Ж.-М. Перрену от 19 января 1942 г. (Ф, с. 392–399; пер. Н. Ключаревой). См. также К6, ms. 105.

²⁰⁸⁸ ИУ, 1. Ср. К6, ms. 32.

²⁰⁸⁹ Мы видим, что Симона находит для мысли св. Екатерины новое применение. Смысл слов Екатерины очень прост: «Есть много вещей, которые, кажутся прекрасными только пока мы их не испытали. Стоит их вкусить, как вся красота и очарование пропадают». Имеется в виду, например, брак. Хотя сама Екатерина, у которой из двадцати с лишним братьев и сестер большинство умерли младенцами, и не вступая в брак, а с самого детства могла прочувствовать горечь библейских слов: «Умножая умножу скорби в беременности твоей...» (Быт 3:15). Симона переводит разговор в эстетическую плоскость. В «Формах неявной любви к Богу» она пишет: «Прекрасная вещь содержит в себе благо только сама по себе, во всей цельности, такая, какой она предстает перед нами. Мы подходим к ней не зная, чего попросить у нее. Она предлагает нам свое собственное существование. Мы не желаем другого, мы уже обладаем этим, но тем не менее нам этого еще хочется. Совершенно непонятно, почему. Нам хотелось бы зайти по другую сторону красоты, но она имеет только одну поверхность. Она как зеркало, в котором отражается наше собственное желание блага. Она сфинкс, загадка, томительно волнующая тайна. Нам хотелось бы насытиться ею, но на нее можно только смотреть, она являет себя только на определенной дистанции. Великая скорбь человеческой жизни заключается в том, что смотреть и есть — суть два различных действия. Только по другую сторону неба, в стране, где обитает Бог, — только там это одно и то же. (...) Возможно, что пороки, извращения и преступления почти всегда — или даже всегда — по сути, представляют собой попытки «съесть» прекрасное, съесть то, на что можно только смотреть. Первой это сделала Ева. Если она погубила человеческий род тем, что съела плод, — следовательно, противоположное поведение, — то есть, смотреть на плод, не пытаясь его съесть, — должно быть тем, что спасет человечество» (Ф, с. 219–220).

²⁰⁹⁰ L'objet de la sainteté.

²⁰⁹¹ По взгляду Симоны, в Книге Иова реальность господства Необходимости над человеком обнажена больше, выявлена чище, беспримеснее, чем в наших обычных жизненных впечатлениях (включая

переживание собственных несчастий). Причина — те психологические защитные конструкции, которые люди выстраивают между собой и несчастьем, как чужим, так и своим собственным.

²⁰⁹² «Тело есть могила». Представление, выраженное этим афоризмом, имеет длинный путь в истории античной мысли: от орфиков оно унаследовано пифагорейцами и Гераклитом, а затем Платоном и платониками всех поколений и, наконец, сочувственно воспринято раннехристианскими апологетами (Климент Александрийский, Ориген и др.). Вот как истолковывает его сам Платон в диалоге «Кратил»: «*Сократ*. Многие считают, что тело подобно могильной плите (σῆμα), скрывающей погребенную под ней в этой жизни душу. В то же время эта плита представляет собою также и знак (σῆμα), ибо с ее помощью душа обозначает то, что ей нужно выразить, и потому тело правильно носит также название „сома“ (σώμα). И все же мне кажется, что скорее всего это имя установил кто-то из орфиков вот в каком смысле: душа терпит наказание — за что бы там она его ни терпела, — а плоть служит ей оплотом, чтобы она смогла уцелеть, находясь в теле, как в застенке» (400c). В «Горгии» Платон тот же афоризм использует в другом, «гераклитовском», ракурсе, называя смертью жизнь, подчиненную никогда не прекращающимся и ненасытимым желаниям потреблять, приобретать, расширять жизненное пространство. Ср. у Гераклита: «Огонь живет смертью земли; воздух живет смертью огня, вода живет смертью воздуха, земля — смертью воды» (76 DK). Таким же потреблением-смертью предстает Платону и жизнь «нормального человека» (Горгий, 492e–493b). То, в каком смысле Симона считает возможным применить чисто греческую формулу к драме Иова, с ее ярко выраженным семитическим характером, вероятно, несколько выходит за рамки платонизма, даже и в христианском варианте.

²⁰⁹³ В истории Иова.

²⁰⁹⁴ Прем Сол 2:5–9: «Ибо жизнь наша — прохождение тени, и нет нам возврата от смерти: ибо положена печать, и никто не возвращаются. Будем же наслаждаться настоящими благами и спешить пользоваться миром, как юностью; (...) ибо это наша доля и наш жребий».

²⁰⁹⁵ Assimilation.

²⁰⁹⁶ Ср. Иов 1:9–11.

²⁰⁹⁷ Néant.

- ²⁰⁹⁸ Переносимым под властью внешней силы, но не добровольно.
- ²⁰⁹⁹ Перифраз слов гимна Венанция Фортуната «Грядут знамена царские». См. K1, ms. 61.
- ²¹⁰⁰ Folie, «безумие» во французских переводах Нового Завета соответствует греческому μωρία, τὸ μωρὸν — глупость. В ц.-слав. переводе: «буйство», т. е. сумасшествие. Ср. у Павла (в смягченном варианте СП): «Ибо слово о кресте для погибающих юродство (μωρία) есть, а для нас, спасаемых, — сила Божия. (...) Не обратил ли Бог мудрость мира сего в безумие (ἐμώρανεν — буквально: оглушил)? Ибо когда мир *своею* мудростью не познал Бога в премудрости Божией, то благоугодно было Богу юродством (διὰ τῆς μωρίας — через глупости) проповеди спасти верующих. (...) Мы проповедуем Христа распятого, для Иудеев соблазн, а для Еллинов безумие μωρίαν, (...) потому что немудрое (τὸ μωρὸν) Божие премудрее человеков...» (1 Кор 1:18, 20–25). Пресловутое тертуллианово «credo quia absurdum» весьма созвучно пафосу Павла.
- ²¹⁰¹ История из трактата «Ле-цзы» о лучнике, который после долговременных упражнений внимания попал стрелой в сердце вши, не задев волоса, на котором она была подвешена. См. K4, ms. 95 и примеч. 744.
- ²¹⁰² Par excellence.
- ²¹⁰³ Лк 22:41–44: «И Сам отошел от них на вержение камня, и, преклонив колени, молился, говоря: Отче! о, если бы Ты благоволил пронести чашу сию мимо Меня! впрочем не Моя воля, но Твоя да будет. Явился же Ему Ангел с небес и укреплял Его. И, находясь в борении, прилежнее молился, и был пот Его, как капли крови, падающие на землю». Характерно, что Симона не упоминает о явлении ангела, — о котором, впрочем, не говорят и остальные евангелисты.
- ²¹⁰⁴ Мф 26:38–45.
- ²¹⁰⁵ Мф 27:46: «Боже Мой, Боже Мой, зачем Ты Меня оставил?»
- ²¹⁰⁶ Т. е. человек делает нечто, представляющееся ему добрым, по собственному почину и выбору, избегая того, к чему побуждает его воля Бога.
- ²¹⁰⁷ Т. е. через них происходит отсеивание тех дел, которые сам Бог видит добрыми и хочет от нас, и тех, которые лишь кажутся нам таковыми.
- ²¹⁰⁸ Платон, Тимей, 52e–53b (из мифа о сотворении стихий): «То, что приводилось в движение, все время дробилось, и образовавшиеся части неслись в различных направлениях точно так, как это быва-

ет при провеивании зерна и отсеивании мякины: плотное и тяжелое ложится в одном месте, рыхлое и легкое отлетает в сторону и находит для себя иное пристанище. Вот наподобие этого и четыре упомянутых рода [стихии] были тогда колеблемы Восприемницей, которая в движении своем являла собой как бы сито: то, что наименее сходно между собой, она разбрасывала дальше всего друг от друга, а то, что более всего сходно, просеивала ближе всего друг к другу» (пер. С. Аверинцева). Восприемница, она же Кормилица, — персонификация сущности, через которую высшие идеи реализуются в мир чувственных феноменов, «вскармливающей» все живое. Но похоже, что здесь Симона сопоставляет ее с Мировой Душой, сходящей на вещественный уровень — т. е. как бы с воплотившимся Словом христиан. Просеивание элементов ставится в параллель с просеиванием-судом помыслов и деяний.

²¹⁰⁹ Бог как ценность. Предыдущие слова отсылают к литургическому славословию, употребляемому во всех разновидностях традиционного христианского богослужения как Восточной, так и Западной церкви: «Ибо подобает Тебе всякая слава, честь и поклонение, Отцу, и Сыну, и Святому Духу, ныне и присно, и во веки веков». Оно же, в близких по выражению формах, входит и в состав бесчисленных молитв, оставленных святыми подвижниками. Ефрем Сирин (IV в.): «Всякая хвала подобает любви Его к рабам Его»; Франциск Ассизский (XIII в.): «Тебе подобает хвала, Тебе подобает слава, честь и всякое благословение», и мн. др. Симона вкладывает сюда мысль, что вообще всякая похвала (т. е. высокая, вплоть до бесконечности, оценка) имеет конечным объектом Бога и, следовательно, можно говорить о Боге как о Ценности ценностей, единственной ценности в собственном смысле.

²¹¹⁰ Притч 8:17: «Любящих меня я люблю, и ищущие меня найдут меня».

²¹¹¹ См. К4, ms. 72 и примеч. 1209; подробнее в трактате «Комментарии к пифагорейским текстам», примеч. 2762.

²¹¹² Нумен, у Канта, «вещь-в-себе», вне отношения к воспринимающему ее субъекту; феномен — вещь, как она воспринимается нашими чувствами.

²¹¹³ Понимание Симоной отношений между лицами Св. Троицы неизменно исходит из августиновской теории о Св. Духе как «взаимной Любви, которой любят друг друга Отец и Сын».

²¹¹⁴ Esprit.

- ²¹¹⁵ Ср. в трактате «Любовь к Богу и несчастье»: «Везде, где отсутствует действие сверхъестественного света, все подчиняется механическим законам, столь же слепым и столь же точным, как законы падения тел. Знание об этом благотворно и, более того, необходимо. Те, кого мы называем злодеями, — это лишь куски черепицы, которые ветер срывает с крыши, и они падают куда попало. Их единственная вина заключается в том первоначальном выборе, сделав который, они обратились в черепицу. (...) Человеку не дано выйти из послушания Богу. Творение не может не повиноваться. Человеку, как существу мыслящему и свободному, предоставлено выбрать лишь одно: пожелать этого послушания, или не пожелать. И не желая, он все равно будет вынужден повиноваться, повиноваться ежеминутно, но только как вещь, подчиненная механической необходимости. А если он желает повиноваться, то остается подчиненным механической необходимости, но к ней прибавляется некая новая необходимость, устанавливаемая теми законами, которые свойственны вещам сверхъестественным» (Ф, с. 288, 290).
- ²¹¹⁶ Пс 38/39:14 (по *фр.* переводу Луи Сегонда). В СП: «Отступи от меня, чтобы я мог подкрепиться». В ц.-слав.: «Ослаби ми, да почию».
- ²¹¹⁷ Увы, тавтология при переводе неизбежна.
- ²¹¹⁸ См. К6, ms. 76 и примеч. 1974.
- ²¹¹⁹ Платоновская мысль.
- ²¹²⁰ Во второй части диалога «Парменид» диалектически доказывается, что мыслить Единое возможно только вводя его в отношение с иным, нежели оно, или различая в нем части в их взаимном соотношении.
- ²¹²¹ Аристотель (Метафизика, XII, 9, 1074b) определяет высший Ум как то, чье «мышление есть мышление о мышлении» (пер. А. Кубицкого).
- ²¹²² Ordre.
- ²¹²³ «Бегство». См. К6, ms. 92 и примеч. 2076.
- ²¹²⁴ Но, вероятно, и в ветхозаветной концепции Бога — во всяком случае, какой она предстает в псалмах и в т. н. «книгах Премудрости» — нет того монолитного, непроницаемого, неразличающего единства, о котором говорит Симона. Иначе зачем это усиленное олицетворением настойчивое воспевание Премудрости? Сами понятия «Слово» и «Дух» не могли бы получить в христианстве основополагающего значения, если бы, кроме греческой философии,

их не применял по отношению к Богу Ветхий Завет. Лишь некоторые примеры из Книги Псалмов: Псал 32/33:6: «Словом Господним утверждены небеса, и духом уст Его все воинство их». Псал 147:7 (в западной Библии 147:18): «Пошлет слово Свое — и растопит их, повеет дух Его — и потекут воды».

²¹²⁵ Эта мысль — коренной тезис восточнохристианского учения об обожении — высказана, вероятно, впервые еп. Иринеем Лионским (ок. 130–202) в такой форме: <Христос> «сделался тем, что и мы, дабы нас сделать тем, что есть Он»; затем повторялась в трудах многих богословов (Афанасий Великий, Григорий Богослов, Максим Исповедник и др.).

²¹²⁶ Ср. Ин 12:24: «Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, пав в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода».

²¹²⁷ Suggère un accord.

²¹²⁸ Письмо от 19 января 1942 г. (Ф, с. 392–399; пер. Н. Ключаревой). «Пункты» поведения, направленного на повседневное исполнение воли Бога, записаны и здесь же, в Тетради VI, возможно, в качестве набросков к письму. См. К6, ms. 96 (§ 2).

²¹²⁹ В статье «Формы неявной любви к Богу» это же сравнение будет использовано Симоной по другому случаю: «...Мироздание лишено целесообразности. Отсутствие целесообразности есть господство необходимости. (...) В сфере искусства аналогом этому господству необходимости является сопротивление материи и формальных правил. Рифма через отбор слов диктует поэту направление, абсолютно не связанное с последовательностью мыслей. В поэзии она выполняет функцию, может быть, аналогичную функции несчастья в жизни. Несчастье заставляет всем естеством почувствовать отсутствие целесообразности» (Ф, с. 231).

²¹³⁰ У даосских учителей вода выступает образом совершенного следования Дао в «не-действующем действии»; модель поведения мудреца, живущего в гармонии с небом и землей. Для Симоны это — образ действия-недействия, присутствия-отсутствия в мире Бога, Его беспристрастия, которому должен подражать человек, стремящийся к богоуподоблению. Ср. из письма аббату Кутюрье: «Слова „Будьте совершенны, как совершен Отец ваш небесный“, следующие непосредственно за словами: „Отец ваш, сущий на небесах, дает восходить Своему солнцу над злыми и добрыми и посылает дождь на неправедных и праведных“, заключают в себе

целое учение, которое, насколько мне известно, нигде не раскрыто. Ибо Христос приводит в качестве высшего проявления Божьей праведности то, на что всегда ссылаются (пример — Иов), когда обвиняют Его в несправедливости: именно то, что Он благоденствует добрым и злым, не делая между ними различия. Должно быть, в учении Христа было понятие о некоей добродетели „беспристрастия“, подобной тому, что можно найти в греческом стоицизме и в индуистской мысли» (Ф, с. 488). Теперь в сокращении приведем пассаж, посвященный символике воды, из даосского сборника «Хуайнань-цзы» (II в. до н. э.). «Ничто в Поднебесной не может сравниться с водой по мягкости, но она велика беспредельно, глубока безмерно. (...) Тьма вещей без нее не родится. Сотни дел без нее не вершатся. Она обнимает все множество живого, но не знает ни любви, ни ненависти. Напитывает влагой мельчайшие существа и не требует вознаграждения. Обогащает Поднебесную и не истощается. Облаготворяет простой народ и не несет урона. Всегда в пути, но не может дойти до конца. Малая, но не может быть зажата в ладони. Нанеси удар — не поранишь, коли — не проколешь, руби — не разрубишь, жги — не горит. То течет спокойно, то бурлит, взбудораженная, но не рассеивается. Точит металлы и камни. Наполняет собой всю Поднебесную. Разливается на безбрежных просторах, парит выше туманов. Бежит в долинах и руслах рек, орошает пустынные поля. Имеет ли излишек или недостаток — небо и земля берут или отдают. Ее получает тьма вещей, и нет здесь ни первых, ни последних. (...) Широко простертая, кипучая, объединяется с небом и землей в великое единство. Нет для нее ни правой стороны, ни левой — свободна в изгибах и переплетениях. (...) Это и есть высшее благо» («Хуайнань-цзы», гл. «Об изначальном Дао»; пер. Л. Померанцевой).

²¹³¹ Эта фраза, кажется, объединяет два афоризма, весьма далекие друг от друга по происхождению: 1) «Все наполнено богами» (Фалес, передано у Аристотеля, О душе, 411a) и 2) фрагмент о полноте из БАУ, V, 1, 1 (см. K4, ms. 15).

²¹³² Без отвергаемых Симоной телеологических схем религия теряет «практический» смысл. Как исторический, социально-психологический феномен, религия основана на телеологии. Для того, чтобы просто любить и славить Бога за всю реальность, как она есть, религия как система не нужна, для этого достаточно моментов катарсиса, которые случаются в жизни людей самого разного уров-

ня, благодаря впечатлениям от природы, искусства и др. Но молясь, совершая обряды, объединяясь с этой целью, все люди надеются, что результатом этих молитв и обрядов будет выстраивание событий в определенной смысловой цепи (для каждого она своя). «Нуждается» при этом не Бог, но человек, уповая, что то, в чем он нуждается, совпадет и с волей Бога. Даже самая наивная телеология имеет не меньшее право на существование, чем теория о Боге, «любящем необходимость». Оба взгляда ограничены и, каждый по-своему, немощны, оба — «слишком человеческие», но высокой человечности достигают, лишь дополняя друг друга. В отвержении телеологии у Симоны сказывается тот индивидуализм, от которого она не могла избавиться, даже жертвуя чем-то ради других (что отмечал в ней, например, Тибон); когда же ей удавалось, не умственно, но в некой полноте переживания реальности, почувствовать себя человеком среди людей (в деревенской работе, в путешествиях по Италии и Португалии, еще в некоторые особые моменты, как, например, рождение племянницы) в ней сразу же возникало живое сочувствие к традиционным и наивным формам религии.

²¹³³ Гармония понимается Симоной в пифагорейском смысле как «согласие несогласных», т. е. единство противоположностей, по Филолаю. Ср.: «Гармония вообще возникает из противоположностей. Ибо гармония есть соединение разнообразной смеси и согласие разнообразного». «Музыка есть гармоническое соединение противоположностей, приведенное к единству многого, и согласие разногласного» (В 10; по А. Лосеву). См. подробнее об этом в трактате «Комментарии к пифагорейским текстам» (с. наст. издания).

²¹³⁴ Opposition.

²¹³⁵ Ср. переданное блаж. Иеронимом изречение из неканонического «Евангелия Евреев»: «Величайшей вине подпадает тот, кто ввергает в печаль дух своего брата» (Комментарии на Иезекииля, XVIII, 7).

²¹³⁶ Мф 26:38; Мк 14:34. В СП: «Душа моя скорбит смертельно». В ц.-слав.: «Прискорбна есть душа моя до смерти».

²¹³⁷ Т. е. не ее «сверхъестественная» часть.

²¹³⁸ Если даже по рождению и воспитанию он принадлежит к среде, духовные запросы которой низки.

²¹³⁹ Dans la réalité continue.

²¹⁴⁰ В собственном смысле: Логос, le Verbe.

- ²¹⁴¹ Эта мысль будет развита в трактате «Любовь к Богу и несчастье»: «Творения говорят при помощи звуков. Слово Бога есть молчание. Тайное слово любви Божией может быть только молчанием. Христос есть молчание Бога. Нет в мире другого такого дерева, как Крест. Нет в мире большей гармонии, чем молчание Бога. Пифагорейцы улавливали эту гармонию в бездонном молчании звездного неба. Необходимость в этом мире есть голос молчания Бога» (Ф, с. 322).
- ²¹⁴² В нарицательном значении: *parole*.
- ²¹⁴³ *Attribut*. См. формулу Аристотеля на ms. 104.
- ²¹⁴⁴ Ср. K4, ms. 32.
- ²¹⁴⁵ Симона вспоминает, конечно, борение в Гефсиманском саду.
- ²¹⁴⁶ Симона приводит в сравнение с рассказом книги Бытия о запретном плоде народные сказки, где одному из персонажей делается запрет с расчетом, что он его нарушит.
- ²¹⁴⁷ Непонятно, прогнать мысль о чем: о самой возможности послушания, или о предмете, относительно которого дан запрет.
- ²¹⁴⁸ «Рожденного, несотворенного» (*лат.*). Из Символа (краткого исповедания веры) Никейского собора 325 г.: «Верую... и в единого Господа Иисуса Христа, Сына Божьего, едиnorodного, рожденного от Отца прежде всех веков. Света от Света, Бога истинного от Бога истинного, рожденного, несотворенного, единосущного Отцу...»
- ²¹⁴⁹ «В дереве» (как в материале, *лат.*). Симона хочет прояснить, почему в христианстве утвердилось почитание Креста как «животворящего древа», симметричного эдемскому «древу жизни» (апокрифические легенды прямо производили дерево, из которого был изготовлен крест Распятия, от эдемского дерева «познания добра и зла»), в то время как пророчество псалма указывает на воцарение Царя-Христа «в древе», делая акцент на материале.
- ²¹⁵⁰ Вероятна описка: не «на вид», а «на вкус». Ср. ниже примеч. 2152.
- ²¹⁵¹ *Précieux*.
- ²¹⁵² Быт 3:8 (СП): «И увидела жена, что дерево хорошо для пищи, и что оно приятно для глаз и вожделенно, *потому что дает* знание». (Слова «потому что дает» вставлены переводчиком.)
- ²¹⁵³ Бергсон, в противоположность Декарту, ставит интуицию на более важное место в познании сравнительно с рассудком. Для него интуиция есть «инстинкт, сделавшийся бескорыстным, сознающим

самого себя, способным размышлять о своем предмете и расширять его бесконечно» (Творческая эволюция, М., 1914, с. 158; пер. В. Флеровой), род «симпатии ума, путем которой переносятся внутрь предмета, чтобы слиться с тем, что есть в нем единственного и, следовательно, невыразимого» (Введение в метафизику // Собрание сочинений, СПб., 1914, т. 5, с. 6). Рассудок всегда мыслит вовне, мыслит обрывочно (Бергсон сравнивает это с кадрами киноленты), умерщвляет предметы, а интуиция схватывает их изнутри, переживая их. Только с помощью интуиции, по Бергсону, возможно чистое созерцание, которое и является целью познания, но для интеллекта, пользующегося лишь рассудком, недоступно. Интуитивное самоуглубление сознания, связывающее инстинкт и интеллект, создает энергию для «жизненного порыва». Теория «внимания» Симоны Вейль сформировалась не без влияния Бергсона.

²¹⁵⁴ Уильям Блейк (1757–1827) — английский художник и поэт-мистик. Симона имеет в виду, вероятно, загадочный фрагмент из его цикла «Бракосочетание рая и ада». «Те, кто удерживает свои Желания, делают так только потому, что их Желание достаточно слабо, и его можно удерживать; и Удерживающий, или Разум, узурпируя его место, правит <такими людьми> против их воли. И, будучи удерживаемо, оно постепенно ослабевает, пока не останется лишь тенью Желания. История этого описана в «Потерянном Рае», и Правитель, или Разум, назван Мессией. А первозданный Архангел, коему было вверено предводить Небесное Воинство, назван Дьяволом, или Сатаной, а дети его зовутся: Грех и Смерть. Но в Книге Иова мильтоновский Мессия зовется Сатаной. Ибо истинность этой истории признана обоими. Итак, Разуму казалось, будто <из Эдема> изгнано Желание, но Дьявол говорит, что пал Мессия, что Он устроил свое Царство Небесное из украденного в Преисподней. Это показано в Евангелии, где Он молит Отца Небесного послать Ему Утешителя, или Желание, чтобы Разуму было на чем основывать свои мысли, и библейский Иегова был не кто иной, как он (Утешитель-Желание? — П. Е.), живущий в пылающем огне. Знай, что после смерти Христа он стал Иеговой» (гл. «Голос Дьявола», 5–6; пер. мой. — П. Е.). Кажется, «Желание» Блейка в некотором роде соединяет в себе «интуицию» и «жизненный порыв» Бергсона (см. выше).

²¹⁵⁵ Correct.

²¹⁵⁶ «Творящие правду». Ин 3:21: «Творящий правду (СП: поступаю-

щий по правде) идет к свету, дабы явны были дела его, потому что они в Боге соделаны».

²¹⁵⁷ Аллюзия на Ин 3:21 (см. выше).

²¹⁵⁸ Идея характерная для восточно-христианского аскетизма и выраженная, в частности, в произведениях гимнографии. «Сбрасывая все свои одежды, входя без трепета в озеро, говорили друг другу святые мученики: ради рая, который мы утратили, не пожалеем ныне об одеждах тленных; одетые некогда из-за тлетворного змея, ныне обнажимся ради Воскресения всех (т. е. Христа)» (служба Сорока мученикам севастиийским, вечерня, стихира Иоанна монаха // Минея март, 9 день).

²¹⁵⁹ Но видеть добрые дела других, даже не достижимые для нас, и восхищаться ими, чтить их, хранить о них память — разве это не «иметь опыт добра»? Иначе «опыт добра» в мире был бы весьма невелик.

²¹⁶⁰ Расин, Федра, действие IV, явл. 6, ст. 1277: «Где спрятаться? Бежим в преисподнюю ночь» (пер. мой. — П. Е.).

²¹⁶¹ Там же, действие V, явл. 7, ст. 1643–1644: «И смерть, похитив у глаз моих свет, / Отдаст дню, ибо они осквернили всю его чистоту» (пер. мой. — П. Е.). Раскаяние дает Федре увидеть чистоту мироздания, о чем не помышляла она, когда была одержима ревностью и жаждой мести отвергнувшему ее Ипполиту.

²¹⁶² Гомер, Илиада, XXIV, 525–533 (слова Ахилла, обращенные к Приаму).

²¹⁶³ Ср. подступ к этой мысли в K4, ms. 16.

²¹⁶⁴ Раскаяние Симона находит в том, что сказания о Троянской войне, отразившиеся как в гомеровских поэмах (и более поздних подражаниях им), так и в трагедиях «троянского» цикла, проникнуты сочувствием к побежденным. Троянские персонажи вошли в круг любимых литературных героев Греции наравне с ахейскими. См. подробнее в статье Симоны «Илиада, или Поэма о силе» (Ф, с. 145–184).

²¹⁶⁵ В оригинале дано французское название книги Ф. Ницше «Воля к власти» (1901), посмертно собранной из разнородных черновых записей философа по инициативе его сестры Элизабет.

²¹⁶⁶ Ср. Лк 4:6–7: «Тебе дам власть над всеми сими царствами и славу их, ибо она предана мне, и я, кому хочу, даю ее; итак, если Ты поклонишься мне, то всё будет Твое» (также Мф 4:8–9).

²¹⁶⁷ *Malgré elle.*

²¹⁶⁸ *Par ma faute.*

²¹⁶⁹ *Non essentielle.*

²¹⁷⁰ Таким образом, Симона резко отделяет видения и голоса от реальной жизни святого, от того, «чем она была».

²¹⁷¹ Имеется в виду Гефсиманский сад, расположенный у подножия Елеонской горы. Симона допустила неточность по ассоциации с неоднократно упоминаемой ею поэмой Альфреда де Виньи «Le Mont des Oliviers» («Гора Елеонская»), где описывается моление Христа в Гефсиманском саду.

Согласно Евангелиям, Христу (или Его ученикам) неоднократно был слышен голос с неба — в Крещении: «И се, глас с небес глаголющий: Сей есть Сын Мой возлюбленный, в Котором Мое благоволение» (Мф 3:17; ср. Мк 1:11 и Лк 3:22); в Преображении: «Когда он еще говорил, се, облако светлое осенило их; и се, глас из облака глаголющий: Сей есть Сын Мой Возлюбленный, в котором Мое благоволение; Его слушайте» (Мф 17:5; ср. Мк 9:7 и Лк 9:35; в рассказе о вхождении Иисуса в Иерусалим: «Отче! прославь имя Твое. Тогда пришел с неба глас: и прославил и еще прослаблю» (Ин 12:28). В эпизоде молитвы Христа в Гефсиманском саду, согласно Луке, «явился Ему Ангел с небес и укреплял Его» (Лк 22:43).

²¹⁷² Не знаю, как комментировать эту странную формулу. По ее уверенной категоричности («ни на атом *не может* выйти») понятно, что она может основываться лишь на каком-то принципе, принимаемом за аксиому, принципе, которому подвластен сам Бог. Значит, Симона не верит в абсолютную свободу Божьего воления. Каков этот принцип?

²¹⁷³ Колетта Пеньо (1903–1938) — подруга Симоны с 1931 г. Дочь предпринимателя, владельца шрифтолитейного завода. Потрясение, пережитое во время Первой мировой войны, на которой погибли ее отец и трое его братьев (1915), сложность отношений с суровой до деспотизма матерью, иные травматические опыты, а также рано развившийся туберкулез обострили у нее склонность к чрезвычайному опыту, переходящую в стремление к физическому страданию и смерти. Страдала тяжелыми депрессиями. В 17 лет, после домогательств со стороны священника, духовника семьи, разорвала с католической религией. Пережила череду мучительных любовных увлечений. В 1930 г. вместе с Эллой Майяр (примеч. 1419) по коминтерновским каналам приезжает в СССР, где у нее происходит роман с писателем Борисом Пильняком. С 1931 по 1934 г. живет с Борисом Сувариним, поддерживая деньгами издаваемый им жур-

нал «Критик сосьяль». Участвуя в руководимом Сувариним «Кружке демократических коммунистов», знакомится здесь с Жоржем Батаем и Симоной Вейль. Летом 1934 г. влюбляется в Батаю и, уйдя к нему, принимает участие в его ритуальных оргиях. (Батай полагал себя стоящим у порога основания новой религии.) В ноябре 1938 г. умирает от туберкулеза. После ее смерти Батай в 1939 г. опубликовал ее прозаические и поэтические тексты под выбранным ею самой псевдонимом Лауры. Симона, сама испытывая нечто вроде сестринской влюбленности в Суварина, чрезвычайно тяжело переживала разрыв между ним и Колеттой. Об истории взаимоотношений Батая и К. Пеньо см.: С. Фокин. Жорж Батай и Колеетт Пеньо // Предельный Батай, СПб., Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2006, с. 182–194. Переписка Колетты с Симоной издана в составе книги: *Laure, Une rupture, 1934 (correspondance de Laure avec Boris Souvarine, sa famille, Georges Bataille, Pierre et Jenny Pascal, Simone Weil)*, Éditions des Cendres, 1999.

²¹⁷⁴ Apparence. Похоже, что здесь это слово означает не «наружность» (часто обманчивую), а наличную реальность, «то, что есть перед глазами». Любить, не придумывая «тайных достоинств», «нераскрытых дарований», которые якобы видишь в любимом только ты, а трезво рассматривать человека в его практическом проявлении. Здесь от любви между людьми Симона переходит к любви к Богу, и — по той же модели — любовь к Богу истинному, а не воображаемому, отождествляется для нее с любовью к наличной жизни, «как она есть». Вероятно, в этом же ключе следует понимать и шокирующую формулу в предыдущем абзаце. В ней Симона как бы рисует образ Бога без «всеблагости», «всещедрости» и других идеальных, невидимых, лишь на веру принимаемых свойств, предлагая себе полюбить Бога таким, каким Он воспринимается из грубой наличности жизненного опыта.

²¹⁷⁵ «Лучше» отнюдь не предполагает произвольного выбора. В другом месте Симона оговаривает, что к несчастью нельзя стремиться произвольно (см. K7, ms. 6).

²¹⁷⁶ Мф 8:2: «Если захочешь, сможешь меня очистить».

²¹⁷⁷ Это знание.

²¹⁷⁸ Ср. ЧУ, VIII, 3, 2: «Тех же своих, которые живы и которые мертвы, и то другое, что он желает, но не получает, он находит, уйдя туда (в град Брахмана), ибо там — его истинные желания, покрытые обманчивым».

²¹⁷⁹ Создается впечатление, что Симона сознательно отказывается от ветхозаветной формулы: «любить, как самого себя», подхваченной Новым Заветом и положенной в основу христианской морали. Это впечатление ошибочно; немного ниже об этой формуле ею будет сказано отдельно. Однако для ясности необходимо провести небольшой обзор. Лев 18:19: «Не мсти и не имей злобы на сынов народа твоего, но люби ближнего твоего, как самого себя. Я Господь». Здесь характерно, что ближний = соплеменник; его и надо любить, «как самого себя». Израиль уподобляется единому телу. Мф 22: 37–40: «Иисус сказал ему: возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею и всем разумением твоим: сия есть первая и наибольшая заповедь; вторая же подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя; на сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки». Следом использует то же сравнение и Павел: «Мужья, любите своих жен, как и Христос возлюбил Церковь и предал Себя за нее (...) Так должны мужья любить своих жен, как свои тела: любящий свою жену любит самого себя. (...) Так каждый из вас да любит свою жену, как самого себя» (Еф 5:24, 28, 33). Объединяет эти свидетельства представление о «едином теле»: как в первом случае имеется в виду «тело» религиозно-племенной общины, так во втором Павел говорит о единстве близких по плоти, ставших и близкими по духу. Отметим, что и вообще в посланиях апостолов разговор о любви ведется всегда во внутриобщинном контексте. Зато сам Христос, казалось бы, всего лишь повторяя старую формулировку, на деле решительно разбивает созданный ею ограничительный круг. В ответ на вопрос: «А кто же такой мой ближний?» Он приводит знаменитую притчу о самарянине (Лк 10:30–35), где любовь являет себя как человеческое сопереживание, человеческая солидарность, безо всяких предварительных условий, преодолевая племенные и конфессиональные границы. В ситуации самарянина и спасенного им путника-иудея речь не идет о «едином теле» как устойчивом земном организме: каждый из них обоих вернется в свою общинную среду, нося в сердце лишь воспоминание об этом чудесном и ослепительном проблеске братства. Так же и в заповеди «любите врагов ваших» из Нагорной проповеди речь не идет о «едином теле» в каком-либо социально-устойчивом воплощении. «Вы слышали, что сказано: люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего. А Я говорю вам: любите врагов ваших» (Мф 5:23–44). Здесь лю-

бовь — непостижимое таинство. Симона Вейль, сравнивая любовь между лицами Троицы и любовь между людьми, как и Христос, говорит не о бытовой «любви к ближним» (к родным и соседям), руководимой простым здравым смыслом, не о физиологической «любви к себе», но о любви сверхъестественной, которая дана немощному естеству как чудесная возможность.

²¹⁸⁰ *S'humilie* — в данном контексте: ставит себя ниже, подчиняет себя, отдает себя на службу.

²¹⁸¹ Это не было исполнено в дошедшем до нас варианте текста.

²¹⁸² Испытание Арджуны отказаться от битвы. Ср. пример Бориса и Глеба.

²¹⁸³ *Intelligence*.

²¹⁸⁴ *Raisonnable*.

²¹⁸⁵ Эту фразу Симона повторит в письме к о. Ж.-М. Перрену от 19 января 1942 г., прибавив: «И если бы вместо моего, это было спасение всех человеческих существ, прошлых, нынешних и грядущих, я знаю, что следовало бы поступить так же. В последнем случае мне было бы трудно решать. Но если бы дело касалось только меня, мне кажется, я почти не испытала бы затруднений» (Ф, с. 403–404; пер. Н. Ключаревой).

²¹⁸⁶ Аллюзия на БАУ, I, 4, 10. См. К6, ms. 57 и примеч. 1892.

²¹⁸⁷ Вероятна аллюзия на Еккл 3:15: «Что было, то и теперь есть, и что будет, то уже было, — и Бог воззовет прошедшее».

²¹⁸⁸ Иов 9:22–23: «Он губит и непорочного и виновного. Если этого поражает Он бичом вдруг, то пытке невинных посмеивается».

²¹⁸⁹ Мф 15:21–28: «И, выйдя оттуда, Иисус удалился в страны Тирские и Сидонские. И вот, женщина Хананеянка, выйдя из тех мест, кричала Ему: помилуй меня, Господи, сын Давидов, дочь моя жестоко беснуется. Но Он не отвечал ей ни слова. И ученики Его, приступив, просили Его:пусти ее, потому что кричит за нами. Он же сказал в ответ: Я послан только к погибшим овцам дома Израилева. А она, подойдя, кланялась Ему и говорила: Господи! помоги мне. Он же сказал в ответ: нехорошо взять хлеб у детей и бросить псам. Она сказала: так, Господи! но и псы едят крохи, которые падают со стола господ их. Тогда Иисус сказал ей в ответ: о, женщина! велика вера твоя; да будет тебе по желанию твоему. И исцелилась дочь ее в тот час».

²¹⁹⁰ *Déchirement*.

²¹⁹¹ Т. е. не должен являть того безразличия к страданию правого и

виноватого, которое усматривает Симона в Боге вслед за Иовом.

²¹⁹² Для христианской среды более традиционно иное — настойчивость в молитве «за своих». Церковь в рамках государства, например, всегда вменяла в долг своим служителям и пастве молиться о победе войск страны над врагами даже в случаях несправедливых и агрессивных войн.

²¹⁹³ Faveur. Милость по отношению к человеку.

²¹⁹⁴ Никто не может быть ближе к Богу, чем праведник, страдающий без утешения.

²¹⁹⁵ Иван Петрович Павлов (1849–1936) — русский ученый, физиолог, создатель науки о высшей нервной деятельности и представлений о процессах регуляции пищеварения; лауреат Нобелевской премии в области медицины и физиологии 1904 г. «за работу по физиологии пищеварения». Использовал собак для опытов по изучению высшей нервной деятельности, в частности, условных и безусловных рефлексов, что было обобщено им в книге «Двадцатилетний опыт объективного изучения высшей нервной деятельности (поведения) животных» (1923). Симона Вейль сравнивает неудержимую жажду страдания за веру и невероятную стойкость в терпении боли, описываемую в некоторых (возможно, не вполне достоверных, сохраненных в позднем мифологизированном пересказе) житиях христианских мучеников, с условными рефлексами животных, ставя под сомнение сверхъестественный характер их подвига.

²¹⁹⁶ Диалог Платона, где Сократ опровергает прорицателя Евтифрона, в произвольном моральном выборе ссылающегося на волю божеств. Подобная ситуация описывается и в Мф 15:6, где Христос обличает книжников, помогающих оправдать безнравственный, своекорыстный поступок притворно-благочестивыми намерениями.

²¹⁹⁷ Т. е. объективную и субъективную возможность для себя сделать такое-то злое дело.

²¹⁹⁸ Друг из приведенного примера — образ Бога. Ср. в статье о несчастье: «Просто Сам Бог берет руку человека и слегка сильнее сжимает ее» (Ф, с. 323).

²¹⁹⁹ 1 Ин 4:19: «Будем любить Его, потому что Он прежде возлюбил нас».

²²⁰⁰ Жюль Ланьо (1851–1894) — французский философ. Сын рабочего. В детстве переболел оспой, от последствий которой страдал всю жизнь. Участник франко-прусской войны. По окончании Эколь

нормаль преподавал философию в ряде лицеев. Ратовал за метод рефлексивного анализа, который на основе психологических фактов индивидуального сознания раскрывает их универсальный смысл. При жизни не публиковался; посмертно были изданы его «Знаменитые лекции». Кульминация книги — «Лекция о Боге», пытающаяся примирить пантеизм и рационализм Спинозы с живым чувством человеческой свободы — наследием Декарта. Там он, в частности, пишет: «Бог познаваем для души лишь постольку, поскольку она реализует Его в себе посредством действия», и: «доказательство реальности Бога дает только любовь» (J. Lagneau, *Célèbres leçons et fragments*, P. U. F., 1950, p. 357). Симона восприняла глубокое уважение к личности и мысли Ланьо от Алена, написавшего книгу воспоминаний о своем учителе (1925).

²²⁰¹ Correctement.

²²⁰² Мф 25:37.

²²⁰³ Мф 6:4: «Чтобы милостыня твоя была втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе...».

²²⁰⁴ Мф 6:6: «Отцу твоему, Который втайне».

²²⁰⁵ Лк 6:24: «Горе вам, богатые! ибо вы уже получили свое утешение».

²²⁰⁶ Πλούσιοι — богатые, πτωχοί — бедные, нищие. Говоря о «бедных в широком смысле», Симона имеет в виду фразу Мф 5:3: Μακάριοι οἱ πτωχοὶ τῷ πνεύματι, ὅτι αὐτῶν ἐστὶν ἡ βασιλεία τῶν οὐρανῶν («Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство небесное», которую традиционно относят не к бедным в социальном смысле, но к тем, кто в вере и смирении возлагает все свои надежды только на Бога. В этом значении слово «нищий» (*евр.* ани, во мн. числе — анавим) употребляется во многих молитвенных текстах Ветхого Завета, в частности в Псалмах.

²²⁰⁷ Παράκλητος — утешитель (именование Святого Духа в Евангелии от Иоанна).

²²⁰⁸ Любить невидимого, недоступного нашим чувствам, Бога, не зная об этом, любя Его через людей, которым делаешь добро, — возможно. Труднее допустить, что можно было бы любить людей, не зная об этом. Если речь идет об аскете, удалившемся от мира, чтобы пребывать в непрестанной молитве перед лицом Бога, то невозможно поверить, чтобы его созерцанию не предшествовал опыт деятельной любви к людям. И если эта любовь в человеке реально жила, то она не может исчезнуть или сделаться неведомой от него

самого. Уместно привести здесь знаменитый пассаж из писаний прп. Исаака Сирина о «сердце милующем», где Исаак прямо связывает молитвенное памятование о всех живых существах с уподоблением Богу: «Что есть сердце милующее?.. Возгорение сердца у человека о всем творении, о людях, о птицах, о животных, о демонах и о всякой твари. При воспоминании о них и при воззрении на них очи у человека источают слезы, от великой и сильной жалости, объемлющей сердце. И от великого терпения умягчается сердце его, и не может оно вынести, или слышать, или видеть какого-либо вреда или малой печали, претерпеваемых тварью. А посему и о бессловесных, и о врагах истины, и о делающих ему вред, ежечасно со слезами приносит молитву, чтобы сохранились и очистились; а также и о естестве пресмыкающихся молится с великой жалостью, которая возбуждается в его сердце до уподобления в сем Богу» (Слово 48).

²²⁰⁹ Ср. критику понятия о провиденциальности: К6, ms. 109.

²²¹⁰ Учение и практика ветхозаветной религии не распространяли заповедь о любви к ближнему на иноплеменников и иноверцев. Впрочем, институциональные формы христианства тоже делали ограничения, резко сужавшие сферу действия заповеди. В поучениях пастырей древнерусской Церкви, например, относительно «ближнего» разъяснялось, что это есть «всякий живущий в вере Христове», т. е. адепт восточного православия: западных христиан за христиан не признавали, о любви к магометанам и язычникам и речи идти не могло. Русским православием освящена в качестве предания и знаменитая формула митр. Филарета (Дроздова; 1783–1867): «Гнушайтесь убо врагами Божиими, поражайте врагов отечества, любите враги ваша» (из «Слова в неделю 19-ю по Пятидесятнице»).

²²¹¹ См. К2, ms. 28 и примеч. 569.

²²¹² *Le sentiment de la perpétuité.*

²²¹³ «Дух в бутылке» — название сказки братьев Гримм.

²²¹⁴ Подразумевается: «Всё, что вы сделали одному из братьев Моих меньших, сделали Мне». Симона приводит евангельские слова по памяти. Ср. Мф 25:37–40: «Тогда праведники скажут Ему в ответ: Господи! когда мы видели Тебя алчущим, и накормили? или жаждущим, и напоили? когда мы видели Тебя странником, и приняли? или нагим, и одели? когда мы видели Тебя больным, или в темнице, и пришли к Тебе? И Царь скажет им в ответ: истинно говорю вам: так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то

сделали Мне».

²²¹⁵ Ср. Ин 17:20–22: «Не о них же только (апостолах. — П. Е.) молю, но и о верующих в Меня по слову их, да будут все едино, как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, *так* и они да будут в Нас едино, — да уверует мир, что Ты послал Меня. И славу, которую Ты дал Мне, Я дал им: да будут едино, как Мы едино».

²²¹⁶ То же самое, что «нищета духовная», ср. Мф 5:3. См. также К4, ms. 98, К6, ms. 33.

²²¹⁷ Ин 14:6.

²²¹⁸ Поскольку в приведенной выше фразе Христос называет себя тем посредствующим звеном, через которое только можно достичь Отца, Симона переходит к рассмотрению смыслов «посредства» в Евангелии.

²²¹⁹ «Посредство».

²²²⁰ Античный обычай, позднее перешедший и в христианскую византийскую практику, согласно которому человек, обхвативший в храме алтарь божества, ища спасения от убийц или от казни по государственному приговору, объявлялся неприкосновенным. Впрочем, как в античных Греции и Риме, так и в Византии он зачастую безбоязненно нарушался.

²²²¹ Илиада, XXIV, 533 (Ахилл говорит о несчастных как об отверженных).

²²²² Продолжается размышление над 15-й главой Матфея. Симона пытается перевести в метафизическую плоскость слова Христа о том, что благотворившие *видели* Его в лице тех, кому они благотворили.

²²²³ В поэме А. де Виньи «Гора Елеонская» (1843) звучит отчаянный протест против «вечного молчания Божества», «безгласного, слепого и глухого к воплям своих созданий». Кроме того, Виньи имел в замысле произведение о Страшном суде, где Бог как подсудимый предстал бы перед человечеством-судьей, чтобы «объяснить, зачем творение, зачем страдание и смерть невинных» (A. de Vigny. Journal d'un poete. P., s. a., p. 154).

²²²⁴ Достоевский, Братья Карамазовы, кн. V, гл. 4 («Бунт»).

²²²⁵ Comme un souverain.

²²²⁶ Сказка «Жена мертвеца» — см. К2, ms. 80. Выбор примера кажется неудачным, а вывод из него неправомерным. Обладание сверхъестественной любовью тем паче должно было вразумить женщину, что приходящий к ней по ночам — не ее муж. Напротив, позволять являвшемуся губить себя и дальше — что угодно, только не сверх-

ъестественная любовь.

²²²⁷ Ин 15:13. В оригинале: ὑπὲρ τῶν φίλων αὐτοῦ, что СП вполне точно переводит: «за друзей своих». Но перевод Симоны по смыслу совершенно верен: в греческом слово φιλέω означает «любить», соответственно, φίλος — дорогой, любимый, друг.

²²²⁸ Во всех перечисленных и подобных случаях «любовь» не является бескорыстной, но служит получению добавочной энергии. Но эта энергия не идет для собственных фундаментальных нужд «любящего». В случае «любви» к властителю, она заставляет жертвовать жизнью ради интересов властителя; в страстной влюбленности в женщину как в «предмет» любовник подчас теряет самого себя; скупец умирает ради своих сокровищ («Скупой рыцарь» Пушкина, «Хозяин и работник» Толстого).

²²²⁹ Ср. К6, ms. 129. Этот «единственный случай» покрывает собой необозримое поле жизненной реальности, особенно в такие периоды и в тех ситуациях, когда ставится под угрозу простое физическое выживание людей. А именно эти периоды и такие ситуации (война, голод, необузданное насилие) занимают едва ли большую часть истории и повседневной жизни мира. В любом благовоспитанном, выросшем в мире и довольстве европейце гнездится тот же «вегетативный» эгоизм, что и в дикаре. Поэт-эмигрант Владимир Смоленский (1899–1961) рассказывает, как уезжал из Парижа перед приходом немцев (июнь 1940), стоя на подножке переполненного вагона: при этом стоявший в тамбуре бельгийский беженец на полном ходу поезда отдирает его руку от поручня, чтобы столкнуть вниз «лишнего» пассажира. Когда после отчаянной борьбы, ценой потери чемодана с вещами и документами, Смоленскому все-таки удалось забраться в вагон, тот, кто минуту назад отчаянно сталкивал его, любезно предложил ему сигарету.

²²³⁰ Комментаторы ЕС полагают, что имеется в виду эпизод на Геннисаретском озере, когда Петр шел по водам по примеру Иисуса, но, испугавшись внезапно налетевшего ветра, стал утопать (Мф 14:28–31). Мы думаем, что речь идет об отречении Петра (Мф 26:69–75; Мк 14:66–72; Лк 22:56–62).

²²³¹ Ср. К5, ms. 44.

²²³² В платоновском смысле.

²²³³ Inintelligible.

²²³⁴ Mystères. Ср. об этом же в письме о. Ж.-М. Перрену от 14 мая 1942 г.: «Когда подлинные друзья Бога (...) повторяют слова, слышанные

ими втайне, среди безмолвия, в любовном сочетании, их видимые разногласия с наставлениями Церкви объясняются лишь тем, что язык общественного места не совпадает с языком брачного чертога. (...) Христос дал обетования Церкви. И все-таки ни одно из этих обетований не имеет той силы, что имеет изречение: „Отец ваш, который втайне“. Слово Бога есть слово тайное. Тот, кто не слышал это слово, не прикоснулся к истине — даже если он верен всем догматам, которые проповедует Церковь» (Ф, с. 423).

²²³⁵ Ин 14:6: «Я есмь путь и истина и жизнь; никто не приходит к Отцу, как только через Меня».

²²³⁶ «Дао» по-китайски «путь».

²²³⁷ «Поддай мне это». Ср. также К6, ms. 43. Повторение этой просьбы в одном и том же виде, без детальных разъяснений наводит на мысль, что в обоих случаях содержание просьбы остается незаписанным. Ясно только, что Симона молится о «Кресте и обретении света». Возможно, эта тайная молитва идентична более поздней, записанной в Нью-Йорке осенью 1942 г. (К16, ms. 68; Ф, с. 143–144).

²²³⁸ *Sous éclairage universel*. Ср. то же выражение на К6, ms. 131.

²²³⁹ Т. е. любить, как самого себя, не только ближнего, но и все творения. Иначе говоря: распространить круг «ближних» на все, что составляет мироздание.

²²⁴⁰ Согласно Канту, пространство и время являются априорными или чистыми интуициями.

²²⁴¹ Шарло — так, на французский манер, звался герой ранних фильмов Чарли Чаплина, незащитный маленький человечек, объект всеобщих издевательств, которые его, однако, не сокрушают. По мысли Симоны, такой «смешной» тип несчастного, угнетенного, униженного нужен обществу, чтобы ему было легче защититься от сострадания.

²²⁴² Стрелка проведена к предложению, начинающемуся со слов: «Кроме разве что...»

²²⁴³ Упрощение, практически неизбежное при выработке формул: явление рассматривается как, подобно физическому эксперименту, происходящее в закрытых условиях. В жизни всё бывает, конечно, не так. На нравственные последствия любого человеческого поступка влияет множество внутренних и внешних факторов.

²²⁴⁴ *Une mauvaise humiliation*.

²²⁴⁵ Арджуна по слову Кришны, исполняя свою дхарму воина, решает на войну с родичами, в развязывании которой он неповинен. Но

обретенное спокойствие в исполнении долга не делает его закрытым для жалости к врагам и душевного страдания.

²²⁴⁶ Т. е. чтобы их участие в воспитании общества было закреплено традицией и законами. Мысль, выраженная в VI книге «Государства» Платона.

²²⁴⁷ Ниже Симона называет эту вторую область «областью вдохновения».

²²⁴⁸ Ин 12:31; 14:30; 16:11.

²²⁴⁹ Имеется в виду, конечно, вовлеченность большей части стран мира в мировую войну.

²²⁵⁰ Иов 7:19; ср. 10:20; 14:6.

²²⁵¹ Dans une âme humaine. Сравним у Майстера Экхарта, высоко ценимого Симоной: «Во всех остальных существах есть Бог, поскольку Он действие и чувство, но только в душе Он рождает Себя. Все другие творения — подножие Бога, а душа по своей природе Божие подобие: подобие, которое в этом рождении должно украситься, стать совершенным» (слово «О неведении»; пер. М. Сабашниковой). Но Симона, как нам кажется, употребляя артикль une, подчеркивает отдельность и редкость таких душ. Подразумевается как бы: «в некоторых из человеческих душ».

²²⁵² Ne peut rien.

²²⁵³ Вопрос не выражает сомнения в том, что мы не должны приносить друг другу страдание, но сформулирован как задача: выяснить, по выражению Симоны, духовный «механизм».

²²⁵⁴ Поиск ответа на этот вопрос, начатый ниже (ms. 143), был продолжен в статье «Формы неявной любви к Богу»: «Кто может быть благодетелем для Христа, если не Сам Христос? Как человек сможет накормить Христа, если он хотя бы на миг не достигнет состояния, о котором говорит апостол Павел, что он «более не сам живет, но живет в нем Христос» (Гал 2:20)?

В тексте Евангелия речь идет только о присутствии Христа в несчастном. Однако, как видим, духовное достоинство того, кто получил помощь, там не обсуждается. Тогда следует предположить, что это сам благодетель, как носитель Христа, дал Христу войти в голодного бедняка, вместе с хлебом, который подал ему. А голодный может принять, или же не принять в себе Христа, точно так же, как тот, кто причащается. Если дар дан, как подобает, и принят, как подобает, передача куска хлеба от одного человека к другому становится чем-то поистине похожим на причащение» (Ф, с. 187).

Мысли на ту же тему развиваются на протяжении всего первого раздела статьи.

²²⁵⁵ См. заметки Симоны над этой книгой: K2, ms. 29–30. Кестлер неоднократно описывает, как находившиеся вместе с ним в тюрьме пленные обманывали себя, отгоняя страх смерти, вплоть до полной потери чувства реальности, притом что казни в тюрьме происходили регулярно. Когда за одним из них пришли, чтобы вывести на расстрел, он принял это за розыгрыш.

²²⁵⁶ См. K6, ms. 93. Слова, которые, как передавала св. Екатерина Сиенская, были сказаны ей Христом. Ср. Исх 3:14: «Бог сказал Моисею: Я есмь Сущий. И сказал: так скажи сынам Израилевым: Сущий [Иегова] послал меня к вам». Если единственный и абсолютный Бог, отвечая на вопрос о Своем имени, определяет Себя как «Сущий» в собственном смысле, как «Тот, Кто Есть-на-Самом-Деле», то для разумного тварного существа остается или отождествить себя с этим бытием, или признать себя «тем, кого нет».

²²⁵⁷ Платоновское разделение «бытия» от «становления» и соответственно, «сущего» от «становящегося». По Платону, хоть становящееся имеет начало в сущем, но в определенном смысле ему противоположно. Ср. в «Тимее» (28a–b): «Для начала должно разграничить вот какие две вещи: что́ есть вечное, не имеющее возникновения бытие и что́ есть вечно возникающее, но никогда не сущее. То, что постигается с помощью размышления и рассуждения, очевидно, и есть вечно тождественное бытие; а то, что подвластно мнению и неразумному ощущению, возникает и гибнет, но никогда не существует на самом деле. Однако все возникающее должно иметь какую-то причину для своего возникновения, ибо возникнуть без причины совершенно невозможно. Далее, если демиург любой вещи взирает на неизменно сущее и берет его в качестве первообраза при создании идеи и свойств данной вещи, все необходимо выйдет прекрасным; если же он взирает на нечто возникшее и пользуется им как первообразом, произведение его выйдет дурным».

²²⁵⁸ Азоло — городок в итальянской провинции Тревизо, где Симона провела некоторое время в 1937 г., во время своей первой поездки в Италию. В одной из закрытых местных церквей — Сант’Анджело — она случайно обнаружила под отслаивающейся штукатуркой с возрожденческими фресками XV в. (есть предположении об их принадлежности кисти Паоло Уччелло) фреску, выполненную в романском

стиле, которую по догадке отнесла к X в. Симона стала хлопотать о сохранении этой фрески перед местными властями и даже написала по этому случаю небольшую статью. В 1951 г. живопись церкви была детально исследована и укреплена; фреску, найденную Симоной, датировали XIII в.

²²⁵⁹ То, что в данном случае Симона определяет как рас-сотворение, т. е. возвращение тварного к своему истоку, может быть, однако, описано и истолковано совсем иначе. «Вывести ужас из тьмы на свет внимания» и явление, тем самым, «прекрасного» — так книга Бытия описывает творение, и именно нашего мира. «Земля же была безвидна (т. е. представляла собой неустроенный хаос. — П. Е.) и пуста, и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водою. И сказал Бог: да будет свет. И стал свет. (Свет метафизический, ибо солнце еще не создано. — П. Е.) И увидел Бог свет, что он хорош...» (καλόν — прекрасен; так передает смысл этого слова греческий перевод Семидесяти).

²²⁶⁰ Мф 18:19–20: «Если двое из вас согласятся на земле просить о всяком деле, то, чего бы ни попросили, будет им от Отца Моего Небесного, ибо, где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них». В этом месте Евангелия речь идет о действенности единодушной братской молитвы, и «двое или трое», судя по контексту, означает: «хотя бы двое или трое». Братская любовь между христианами есть то, что придает силу их молитве, — эта мысль выражается в Евангелии систематически. Но Симона — надо признать, произвольно — переносит это изречение из сферы молитвы в сферу интеллектуальной жизни: «Всем известно, что по-настоящему интимный разговор бывает вдвоем или втроем. Уже когда говорят пять или шесть, начинает преобладать коллективный язык. Поэтому, когда прилагают к Церкви слова: «Где два или три из вас собраны во имя Мое, там буду и Я посреди них», смысл этих слов полностью выворачивается наизнанку. Христос не сказал «двести», «пятьдесят», или даже «десять». Он сказал: «два или три». Он сказал именно то, что Он — всегда третий в тайне христианской дружбы, в тайне между одной душой и другой» (письмо к Ж.-М. Перрену от 14 мая 1942 г.; Ф, с. 423). Наблюдение Симоны верно, но приведенной цитатой оно не может быть подкреплено. Организация учеников Христа, как известно, с самого начала строилась в виде концентрических кругов: 1) трое ближайших — Петр, Иоанн и Иаков Зеведеев; 2) Двенадцать; 3) Семьдесят. После вознесения

Иисуса эта структура стала быстро преобразовываться в иерархическую. Можно сказать, что как своим воплощением Сын Божий с момента зачатия предоставил Себя действию всех законов физического мира, так Свою Церковь с момента ее основания Он предоставил законам жизни коллектива. Другой Церкви, кроме той, что несет на себе все признаки «социального», никогда не было и не могло быть.

²²⁶¹ Все диалоги из «сократического цикла» Платона, воспроизводящие, конечно, реальную обстановку бесед Сократа, имеют двоих или троих участников (кроме «Пира»).

²²⁶² Эта неоднократно повторяемая (по частям или целиком) формула — парафраз слов Кришны из БхГ, II, 16: «То, что есть, никогда не исчезнет; / что не есть — никогда не возникнет; / этих двух состояний основу / ясно видят зрящие сущность».

²²⁶³ On l'abolit.

²²⁶⁴ Снова платоновская оппозиция между «быть» (être) и «стать» (devenir). Человек, по Симоне, «есть ничто» по заданной от начала своей природе. А добровольно «становясь ничто», отказываясь от того, чтобы быть «чем-то», реализует эту заданность, но как бы в обратном направлении, с восхождением к истоку — Богу. Диалектику этого богоуподобления легче проиллюстрировать не через писания св. Екатерины, на которые Симона выше ссылалась (далеко не все, впрочем, в них разделяя), но через псалмы, где переход от сознания ничтожества к сознанию величия и обратно совершается почти мгновенно. «...Что́ есть человек, что Ты помнишь его, и сын человеческий, что Ты посещаешь его?» Этот вопрос в псалме 143/144 получает ответ: «Человек подобен дуновению...» (Пс 143/144:4) по СП, а в Σ: μάταιότης, «ничтожеству». Зато псалом 8, где, казалось бы, предполагается тот же ответ, возвещает: «Не много Ты умалил его пред Ангелами: славою и честью увенчал его; поставил его владыкою над делами рук Твоих; всё положил под ноги его: овец и волов всех, и также полевых зверей, птиц небесных и рыб морских, все, переходящее морскими стезями. Господи, Боже наш! Как величественно имя Твое по всей земле!» Финальный аккорд особенно впечатляющ: именно человек, потомок Адама, нарекавшего имена всему сущему, величает, славит имя Господа на земле, по самой своей природе, по врожденному инстинкту: «из уст младенцев и сосущих грудь Ты устроил Себе хвалу» (там же, 3). Это моментальное преображение ничтожества в

богоподобие живо почувствовал в Псалмах и заново выразил Державин: «Ничто! — но Ты во мне сияешь / Величеством Твоих доброт; / Во мне Себя изображаешь, / Как солнце в малой капле вод. / (...) Я царь, — я раб, — я червь, — я бог!» Всесовершенная личность Творца дает первообраз для личности человека, соответственно, бого-образной. В свою очередь, Симона свою направленность на устранение личности обосновывает тем, что Бог, вверяя мир объективным законам, устраняясь от прямого вмешательства, в качестве личности являет Себя «Ничем». И, собственно, единственным Его прямым проявлением в мире остается присутствие в самой потаенной глубине души человеческой «анонимного» сверхъестественного начала.

²²⁶⁵ В эти действия, совершаемые, «чтобы стать никем», подчеркнем, входит весь круг человеческой активности, включая творчество, политику и даже победоносную войну. Для Симоны символический характер, наряду с царевичем Арджуной, приобретает фигура Лоуренса. Лоуренс, освободивший от турок Дамаск и в обличье безвестного нищего араба принимающий пощечину от прибывшего надменного английского полковника, — вот каков для нее образ совершенного «отрешения», как от плодов своего подвига, так и от себя самого.

²²⁶⁶ «Уподобление Богу». Платон, Теэтет, 176b.

²²⁶⁷ Non-intervention. Здесь, по всей вероятности, Симона суммирует содержание своего любимого изречения Мф 5:45. Но не видится оснований понимать *беспристрастность* Бога, о которой идет речь в этом пассаже, как *невмешательство*. «Отец Мой доныне делает, и Я делаю», — отвечает Христос иудеям, обвиняющим Его в нарушении субботного покоя (Ин 5:17). Речь шла, напомним, о чудесных исцелениях. Восстанавливая первозданное здоровье и красоту того или иного отдельного человека, Иисус уподобляет Себя Богу, созидающему мир. Несколько прохладное отношение Симоны к чудесам известно, но в данном случае нам важнее осмысление Иисусом Своего служения, тем более, что Он настаивает: «Я и Отец — одно» (Ин 10:30). Возможно ли считать эту позицию «невмешательством»? Никак. Постоянное использование Им в проповеди мотивов награды и наказания тоже говорит о «вмешательстве», только лишь отложенном. Приведем для сравнения метафизическую интерпретацию Ин 5:17 другим христианским платоником — Максимом Исповедником (580–662). «Бог, сразу образовав, как

знает Сам, логосы <всего> происшедшего и общие сущности сущего, до сих пор еще осуществляет не только сохранение их для бытия, но и созидание, выхождение и устройство содержащихся в них в возможности частей. Кроме того, Бог через <Свой> Промысел уподобляет отдельные существа общим видам до тех пор, пока через движение отдельных существ к благобытию не объединит их произвольное стремление с <присущим им> по естеству общим логосом разумной сущности и не сделает их тождественнодвижимыми и созвучными друг другу и целому так, чтобы отдельные существа не имели произвольного различия по отношению к общему виду, но чтобы единый и тот же самый логос созерцался у всех, не будучи разделяем способами <осуществления> тех, в ком он равно сказывается, и пока Он не покажет действенной обоживающую всех благодать» (пер. А. Сидорова).

²²⁶⁸ Т. е. «Тибон» Ср. у Тибона: «Любовь рождается из сходства; справедливость доходит до крайней точки различий» («Мысли»; пер. П. Епифанова).

²²⁶⁹ Одновременно.

²²⁷⁰ Т. е. представлять их с той же полнотой их чувств, запросов, обстоятельств, определяющих их самоощущение и поведение, как представляем мы самих себя.

²²⁷¹ Имеется в виду, несомненно, разрыв Бориса Суварина с Колеттой Пеньо, который Симона пережила и как свою личную драму.

²²⁷² Персонаж комедии Мольера «Школа жен».

²²⁷³ Фраза Арнольфа из пьесы «Школа жен», ст. 1024.

²²⁷⁴ Мысль оборвана, восстанавливаем по догадке.

²²⁷⁵ См. K2, ms. 51.

²²⁷⁶ См. K2, ms. 6 и примеч. 542. Гасдрубал, вероятно, приведен как тот, чьи мораль и поведение были диаметрально противоположны идее «становиться никем».

²²⁷⁷ Мф 6:11. Приводим этот стих из общеизвестной молитвы в интерпретации самой Симоны: «Хлеб наш сверхъестественный подай нам сегодня» (AD, p. 220).

²²⁷⁸ В тетради это стихотворение св. Франциска Ассизского (1182–1226) выписано на языке подлинника — староитальянском (пер. мой. — П. Е.). Различия с другими существующими переводами этой песни на русский язык объясняются, в первую очередь, многозначностью предлогов, что допускает различные прочтения всего текста.

²²⁷⁹ Cum — допускает перевод как в качестве соединительного союза

«с», так и в инструментальном значении. В старинном латинском переводе — *propter*.

²²⁸⁰ Т. е. является Твоим знаком.

²²⁸¹ *Per* — допускает перевод как в качестве предлога «с», так и в значении: «посредством», «через». В старинном латинском переводе — *propter*. Во французском переводе, одобренном для богослужения, — *par*. Последний вариант теснее сближает «Песнь» с псалмом 148, который, несомненно, послужил образцом для ее сочинения. Этой интерпретации благоприятствует и заглавие: *песнь Богу возносится от лица творений*.

²²⁸² В тетради текст на английском. Пер. Н. Гоцкой.

²²⁸³ Ср. Евр 12:6: «Ибо Господь, кого любит, того наказывает; бьет же всякого сына, которого принимает».

²²⁸⁴ *Adhésion*.

²²⁸⁵ Мф 6:28: «И об одежде что заботитесь? Посмотрите на полевые лилии, как они растут: ни трудятся, ни прядут; но говорю вам, что и Соломон во всей славе своей не одевался так, как всякая из них».

²²⁸⁶ Платон, Тимей, 34а. Ср. К6, ms. 77 и примеч. 1354.

²²⁸⁷ «Число, посредство». Ср. Платон, Филеб, 16d: «Число, посредствующее между беспредельным и одним».

²²⁸⁸ ЧУ, VIII, 2, 1: «Если он желает мира отцов, то по одной его воле <перед ним> встают отцы. Наделенный этим миром отцов, он счастлив» (Описание достояний и способностей того, кто «познал Атман», даруемых ему по отходе из этого мира; пер. А. Сыркина). У Симоны фраза приведена на деванагари.

²²⁸⁹ Жюль Ладумег (1906–1973) — французский легкоатлет. Круглый сирота из бедной семьи; его отец, портовый грузчик, погиб за считанные дни перед его рождением, мать — через несколько недель, при пожаре дома, сам младенец был чудом спасен. Обладатель серебряной медали Олимпийских игр 1928 г. по бегу на 1500 м, чемпион мира 1930 и 1931 г. на дистанциях 1000 и 2000 м. Пользовался во Франции огромной популярностью, память о которой жива и поныне.

²²⁹⁰ Кришна учит Арджуну не прекращать помышления о Божестве даже во время боя (БхГ, VIII, 7) и быть непрестанно готовым отойти от земной жизни, держа свои гуны «обузданными» (БхГ, VIII, 10–14).

²²⁹¹ Т. е. в действии. Симона полагает, что, поражая врагов, Арджуна

не должен был поддаваться обычному настрою войны: «Наше дело правое, с нами Бог, а наши враги — нелюди и ничтожества». Для него лучше было сражаться, сохраняя в себе сокрушение сердца и осознавая, что чистой моральной правоты в войне быть не может.

²²⁹² Т. е. действуя незаинтересованно, внутренне бескорыстно, из чистого сознания неизбежности и долга.

²²⁹³ Т. е. спор о мнениях (относительно поступка, политического события и т. п.) бесполезен. Важна общая жизненная философия, стоящая за мнением; и соглашаться или не соглашаться возможно только с ней.

²²⁹⁴ ИУ, 7. Симона цитирует по памяти в переводе Шри Ауробиндо. Пер. А. Сыркина: «Когда для распознающего Атман стал всеми существами, / То какое ослепление, какая печаль могут быть у зрящего единство?»

²²⁹⁵ «Я, король». Слова из пьесы Лопе де Вега «Лучший алькальд, король». Король, придя к неверному сеньору, сначала представляется ему под именем «Jo», т. е. «я», чтобы затем открыться, что он король.

²²⁹⁶ Мф 5:44; Лк 6:27, 35.

²²⁹⁷ В рассуждении Симоны тонко раскрыта этимология слова *гесоп-naissance*, «признательность», одинаковая во французском и в русском языках. Это признание полноты существования, полноты ценности и свободы волеизъявления за другим индивидом.

²²⁹⁸ И, соответственно, вправе надеяться на благодарно-уважительное отношение от того, кому он помог.

²²⁹⁹ С чистым сердцем исполненное и с чистым сердцем принятое.

²³⁰⁰ Как господствующего принципа межчеловеческих отношений.

²³⁰¹ *Charité*.

²³⁰² Т. е. чтобы на смену каким-либо формам клерикального контроля над общественной и частной жизнью или наполнению ее внешними религиозными ритуалами пришло глубокое осознание членами общества духовной значимости любого исполняемого ими дела. Видеть Бога в каждом деле, видеть Бога в каждом собрате — для этого нет нужды выгораживать в обществе особую «чистую» сферу, отделенную от «профанного», «неосвященного», и содержать сословие ее блюстителей.

²³⁰³ Здесь говорится, несомненно, о чистом, абсолютном благе. Социальные институты, несомненно, имеют в себе *долю* блага, относительного, ограниченного и неизбежно смешанного со злом.

- ²³⁰⁴ Pour le mond. Ин 17:9: «Я о них молю: не о *всем* (слово вставлено в ц.-слав. и в СП. — П. Е.) мире молю, но о тех, которых Ты дал Мне, потому что они Твои».
- ²³⁰⁵ Известная фраза кард. Ришелье, «разрешающая» противоречие между требованиями христианской морали и политическими интересами: «Человек бессмертен и его спасение находится в иной жизни. Государства же не будут существовать после этого мира, их благо — или настоящее, или ничто». Цит. по: Françoise Hildesheimer, Richelieu, Paris, Flammarion, 2004. http://www.asmp.fr/travaux/a_lire/richelieu.htm. Арман Жан дю Плесси, герцог де Ришелье (1585–1642) — кардинал, государственный деятель Франции. Государственный секретарь (1616) и первый министр при Людовике XIII (1624–1642). Один из главных создателей системы абсолютизма во Франции.
- ²³⁰⁶ Одно из средств между человеком и Божеством. Ср. у Шарля Пегги: «Блажен, кто пал за города земные: / Они ведь града Божьего тела...» («Ева»). Но город как космический (или даже эсхатологический) символ реализуется только через город как социальную структуру, и никак иначе. Города Италии, прозрачнее всего являющие через себя Бытие (что так тонко чувствовала в них Симона), — суть именно те, чья архитектурная красота создана на военной добыче, репарациях и торговых монополиях. Без этого была бы невозможна неповторимая аура Флоренции, Венеции или Пизы. Медичи, радетели богатства и красоты Флоренции, уничтожали историческую память покоренных городов Тосканы, снося их лучшие здания и сжигая местные архивы и хроники. Симона этого не могла не понимать: в финале «Спасенной Венции» мы видим, как прекрасный город оскальчивается по-босховски безобразной личиной «социального».
- ²³⁰⁷ Именно в том смысле, как в предыдущих строках. Но характерно, что в самой пьесе столкновение Венеции и Испании оказывается столкновением двух «социальных». С одной и другой стороны разворачивается пасть платоновского «Великого зверя». Как чистый образ высшей Красоты, город предстает на мгновение глазам лишь одного человека — Жаффье. Для юной и ничего не понимающей Виолетты это полудетская-полудевичья мечта о празднике. Для остальных персонажей красота города существует лишь как почти не осознаваемый довесок к их повседневному существованию.
- ²³⁰⁸ N'évoque pas du social. Т. е. в уме Симоны слово «город» вызыва-

ет только образ красоты. Но это взгляд гостя, туриста, или человека, который ностальгирует по корням, которых, как ему кажется, он сам лишен. Последнее — как раз случай Симоны. Само слово *cit  *, которым она здесь пользуется, происходит от латинского *civitas*, «гражданская община».

²³⁰⁹ Renoncement. Судя по отсылке к Упанишадам (см. ниже), Симона возвращается здесь к размышлениям более раннего времени: см. K4, ms. 82.

²³¹⁰ Ср. о том же в «Формах неявной любви к Богу»: «Если душа направлена на любовь, то, чем больше она смотрит в лицо необходимости, чем больше чувствует себя и свою плоть сдавленной ее стальными тисками, — тем ближе она к красоте мира. Это испытал на себе Иов. Так как он достойно переносил свое страдание, что даже в горе ни одним помыслом не уклонился от истины, Бог сошел к нему, чтобы открыть ему красоту мира» (Ф, с. 232).

²³¹¹ Ср. Марк Аврелий, Размышления, II, 16: «Наибольшим позором покрывает себя душа человеческая, когда возмущается против мира, становясь (поскольку то зависит от нее) как бы болезненным наростом на нем. Ропот по поводу чего-либо происходящего есть возмущение части против природы Целого, содержащего в себе все другие существа» (пер. Н. Роговина).

²³¹² Например, пушкинская «Сказка о рыбаке и рыбке» — плод переработки сказки «О рыбаке и его жене» из сборника братьев Гримм.

²³¹³ Возможно, имеется в виду рассуждение о «познавшем Атман» — одно из любимых и наиболее часто цитируемых Симоной мест из ЧУ (VIII, 1 и сл.).

²³¹⁴ Идея чуда неотторжима от религии, и когда она исчезает, исчезает и религиозная вера в собственном смысле. Живая личная практика религии, от первобытного мира и до наших дней, не озабочена «понятием о чуде», но нуждается в чуде, так же, как любой человек не интересуется понятием пищи, а нуждается в пище. Речь идет о действенном ответе Бога на мольбу верующего. Этот ответ является первичной и исконной целью молитвы. В какой форме он будет дан, — внешне необычным образом, или в последовательности самых рутинных событий, — верующего это не интересует: он просит *любой* действенной помощи в своей нужде. Недаром все молитвы, в любой традиции, включая молитву, заповеданную Христом в Евангелии (Мф 6:9–13; Лк 11:2–4), совершаются в форме

прошения; славословие Бога, входящее в них, используется лишь в качестве преамбулы или завершения, и призвано укрепить молящегося в надежде на получение того, о чем он просит.

Религия, если рассматривать ее внутреннюю человеческую составляющую, есть феномен психологический в колоссально большей степени, чем система метафизических представлений. В своем протесте Симона интуитивно права, но удар ее приходится мимо цели: она смешивает ощущение, опыт чуда с *понятием* о нем, возникающем лишь в качестве коллективной рецепции чуда религиозной общиной. *Понятие* о чуде есть лишь феномен коллективного происхождения и природу, о которых не забывает даже когда проникает в личное сознание. Сами слова, означающие чудо (*грег.* θαῦμα, *лат.* miraculum), говорят о чем-то «зримом» и даже «зрелищном», акцентируют внимание на внешнем, наглядном эффекте, на удивлении им, а не на духовном содержании случившегося. К оценке этого эффекта приглашаются сторонние люди: не сам — возьмем для примера — исцелившийся больной (для него неважна форма его исцеления), не тот, кто смотрит в корень нравственного неблагополучия, из которого могла развиваться болезнь, но зрители, не разделяющие ни боль, ни ответственность. Педагогическая роль чуда, таким образом, весьма сомнительна. Любое народное движение, вызванное молвой о чуде, моментально приобретает все черты массового самовнушения и психоза.

²³¹⁵ БхГ, XV, 1–4.

²³¹⁶ МУ, III, 1, 1.

²³¹⁷ Т. е. лишенное укорененности и целей во внешнем мире. Послушное Богу, как мертвая материя. В этом месте парадоксальным образом используется аллюзия на Монтескье, см. примеч. 1233.

²³¹⁸ Плутарх описывает случай, как Александру Македонскому во время изнурительного перехода войска по безводным местам поднесли полный шлем воды. «Александр спросил их (возчиков. — П. Е.), кому везут они воду, и македоняне ответили: «Нашим сыновьям; но если ты будешь жить, мы родим других детей, пусть даже и потеряем этих». Услышав это, Александр взял в руки шлем, но, оглянувшись и увидев, что все окружавшие его всадники обернулись и смотрят на воду, он возвратил шлем, не отхлебнув ни глотка. Похвалив тех, кто принес ему воду, он сказал: «Если я буду пить один, они падут духом». Видя самообладание и великодушие царя, всадники, хлестнув коней, воскликнули, чтобы он не колеблясь вел их дальше, ибо

они не могут чувствовать усталости, не могут испытывать жажду и даже смертными считать себя не могут, пока имеют такого царя» (Александр, 42; пер. М. Ботвинника и И. Перельмутера).

²³¹⁹ S'exiler.

²³²⁰ Аскетика добровольного «отрешения от корней» — чисто монашеская. Представить себе, чтобы родители, «лишив себя корней», обеспечили чувство укорененности ребенку (конечно, по мысли Симоны, чтобы он, когда вырастет, тоже добровольно «лишил себя корней»), решительно невозможно. Если христианских монахов сближает с мирянами хотя бы общая иерархическая структура, догматика, культ, общая евхаристия (и это лишь теоретически, а на практике за века сложилось и множество всяких компромиссов), то у Симоны сама религиозная система и жизнестроительство базируются на тотальном «отрешении», умерщвлении «я», и других принципах, несовместимых с ответственностью за семью, а тем более, за коллектив. Любое объединение людей, основанное на таких принципах, неизбежно сформирует внутри себя касту безбрачных философов-аскетов, стоящих над «несовершенными». Результатом станет лишь мрачная секта наподобие катаров или русских беспоповцев-безбрачников.

²³²¹ Не в физическом смысле, но от ее воздействия на наше самосознание и поведение.

²³²² Ср. Евр 5:9 (СП): «<Христос>, совершившись, сделался для всех послушных Ему виновником спасения вечного».

²³²³ Евр 2:10 (СП): «Ибо надлежало, чтобы Тот, для Которого все и от Которого все, приводящего многих сынов в славу, вождя спасения их совершил через страдания».

²³²⁴ «Мне» — в качестве примера, в смысле: простому и слабому человеку. Та же фраза воспроизведена в письме о. Ж.-М. Перрену от 19 января 1942 г., с продолжением: «Социальное — это область дьявола. Плоть заставляет говорить „я“, дьявол заставляет говорить „мы“, или же, как диктаторы, „я“ от имени коллектива. И, соответственно своей миссии, он фабрикует подделку, эрзац божественного. (...) Я хорошо знаю, что быть в том числе и социальным институтом для Церкви неизбежно. Без этого ее бы не существовало. Но насколько она социальна, настолько она принадлежит князю мира сего. А поскольку она еще и сосуд сохранения и передачи истины, в ней заключена чрезвычайная опасность для тех кто, как я, слишком подвержен влиянию коллектива. Ведь самое чистое и самое

скверное, если оно сходно по виду и перепутано под одними и теми же словами, составляет почти неразделимую смесь» (Ф, с. 401; пер. Н. Ключаревой).

²³²⁵ Вертикальная черта проведена до конца страницы.

²³²⁶ Майя (*санскр.* māyā, букв. «иллюзия», «видимость») — в индуизме и буддизме особая сила (шакти), или энергия, которая одновременно скрывает истинную природу мира и обеспечивает многообразие его проявлений. Является иллюзией не от того, что она лишена бытия, а оттого что она — преходяща. Майей называется и иллюзорное ложное представление о существующем мире, которое выстраивает человек вследствие своего неведения. Сравнивается с постоянно меняющимися очертаниями облаков, пузырями на воде и т. п. Цель адепта путем отречения от соблазнов, постижения высшего начала (Атмана) преодолеть цепи майи, выйти из бесконечного круговорота сансары.

²³²⁷ Scandaleux. Арджуна праведно хочет отказаться от войны и убийства, но ради долга Кришна повелевает ему сражаться против ополчившихся на него родственников и убивать их.

²³²⁸ Наряду с долгом кшатрия (воина), Кришна выставляет в пользу битвы и такой аргумент, как честь. БхГ, II, 38: «Твое имя хулить и бесславить / будут люди не переставая; / благородному же бесславье / отвратительней даже смерти».

²³²⁹ Рамаяна, VI, 107, VII. Жена царя Рамы, прекрасная и целомудренная Сита, чудесно рожденная из земной борозды во время ритуальной пахоты, похищена демоном Раваной. Рама, в тяжелой войне победив Равану, освобождает Ситу, но, подозревая, что ее честь осквернена демоном, отправляет ее от себя. Чтобы доказать свою непорочность, Сита входит в разожженный костер и остается невредимой. Рама с радостью принимает ее. Но и после этого, когда царица беременеет двойней, людская молва продолжает порочить ее и царя, якобы покрывшего ее «скверну». Не в силах терпеть укор, Рама отправляет супругу к отшельнику Вальмики. Здесь она благополучно разрешается от бремени. Когда оба сына вырастают, она приходит с ними к мужу, чтобы вновь засвидетельствовать свою чистоту. Сита обращается с молитвой к своей матери Дхарани, богине земли, прося принять ее в свой чертог, если она невинна. Богиня является воочию перед царем и, обняв дочь, уносит ее в свое царство. Рама остается в безутешной печали и, передав царство сыновьям, становится аскетом.

- ²³³⁰ См. К4, ms. 40 (т. 1, с. 337) и примеч. 753.
- ²³³¹ БАУ, V, 1, 1: «Ом <это> пространство, <это> Брахман, изначальное пространство, <наполненное> ветром пространство». (...) Это — веда, которую знают брахманы. Благодаря ей знают то, что следует знать».
- ²³³² Еф 3:18.
- ²³³³ Наблюдения Симоны над каким-то своим поступком. Фамилия известного писателя использована как пример необъективного сравнения режимов Гитлера и Сталина, когда сходные явления в одном случае он использовал для обличения, а в другом просто не рассматривал. Симона неоднократно приводит этот пример в наставление себе, указывая, чего надо избегать не только в оценке исторических событий, но и в анализе любых человеческих поступков. См. также К3, ms. 98 (т. 1, с. 292).
- ²³³⁴ Ср. в статье «Размышления о пользе учебных занятий для воспитания любви к Богу»: «Самые драгоценные блага не надо искать. Их надо ожидать. Ибо человек не может обрести их собственными силами; а если примется за поиск, то найдет вместо них блага ложные, ложность которых не сумеет распознать. Решение задачи по геометрии само по себе не есть драгоценное благо; но к нему применим тот же закон, ибо оно — образ драгоценного блага. Будучи маленьким фрагментом частной истины, оно являет чистый образ Истины единственной, вечной и живой, той Истины, которая некогда возгласила человеческим голосом: „Я есмь Истина“. Понятое таким образом, каждое учебное упражнение подобно священному таинству. Для каждого рода учебных занятий есть свой особенный способ того, как ожидать истину с желанием, но при этом не позволять себе искать ее самому» (Ф, с. 331).
- ²³³⁵ БхГ, VII, 28.
- ²³³⁶ В этом качестве и была написана процитированная выше статья.
- ²³³⁷ Ensemble — целое, совокупность, система, единство, ансамбль, мат. множество.
- ²³³⁸ Ensembles.
- ²³³⁹ Indifférents. Ср. БхГ, II, 50: «Равновесие мысли бесстрастной / злых и добрых деяний не знает».
- ²³⁴⁰ Par grignotement — букв. вгрызанием.
- ²³⁴¹ Мудрость, мужество, справедливость, умеренность. Перечень основывается на перечислении добродетелей Амфиарая, данном у Эсхила в трагедии «Семеро против Фив» (ст. 568–594) и использованном

в «Государстве» Платона (IV, 427e). Они вошли и христианскую этическую систему (на Западе) под именем *кардинальных*, т. е. стержневых, добродетелей, будучи дополнены тремя *теологическими* добродетелями — верой, надеждой и любовью.

²³⁴² Греческое слово, переведенное здесь как «умеренность», имеет также значения: рассудительность, здравомыслие, воздержание. Недописанная фраза Симоны, вероятно, имела в виду это довольно широкое смысловое поле, куда может быть включено и послушание.

²³⁴³ Темная ночь, II, 1: «Очищающее любовное познание или Божественный свет... точно так же поступает с душой (очищая ее и приуготовляя к тому, чтобы совершенно объединить с собою), как должен поступить огонь с деревом, чтобы преобразить его в себя. Первое, что делает вещественный огонь, будучи приложен к дереву, — начинает иссушать его, заставляя извергать влагу наружу и выплакивать воду, которая в нем есть. Так, делая древесину черной, безобразной и дурнопахнущей, огонь сушит ее мало-помалу, извлекая из неесвет и заставляя извергнуть наружу все темные и безобразные свойства, которые в ней есть и которые противоположны огню. Наконец, он начинает нагревать ее и воспламенять снаружи, пока не преобразит в себя и не сделает прекрасной, как сам огонь...» (Св. Хуан де ла Крус. Темная ночь. М., 2006. Там же развернутый комментарий А. Коваля, указывающий близкие параллели в Упанишадах и в греческой философской традиции.)

²³⁴⁴ Ср. Откр 6:16: «И цари земные, и вельможи, и богатые, и тысяченачальники, и сильные, и всякий раб, и всякий свободный скрылись в пещеры и в ущелья гор, и говорят горам и камням: падите на нас и сокройте нас от лица Сидящего на престоле и от гнева Агнца; ибо пришел великий день гнева Его, и кто может устоять?»

²³⁴⁵ Ср. Мф 21:28–31: «У одного человека было два сына; и он, подойдя к первому, сказал: сын! пойди сегодня работай в винограднике моем. Но он сказал в ответ: не хочу; а после, раскаявшись, пошел. И подойдя к другому, он сказал то же. Этот сказал в ответ: иду, государь, и не пошел. Который из двух исполнил волю отца?»

²³⁴⁶ Мф 8:2: «Если захочешь, Ты в силах меня очистить» (зов прокаженного к Иисусу).

²³⁴⁷ Ср. Еф 3:18–19.

²³⁴⁸ Откр 6:16: «...гнева Агнца».

- ²³⁴⁹ Фраза выписана на деванагари и в собственном переводе Симоны. В пер. В. Семенцова: «Люди добрых, благих деяний, / чьи грехи навсегда прекратились...». Комментаторы ЕС уточняют, что стоящее в санскритском тексте слово *rāraṁ* (переданное как «зло» у Симоны, как «грехи» у Семенцова) означает «дурные последствия поступков».
- ²³⁵⁰ Chose. В широком смысле — предмет, явление, событие и т. п.
- ²³⁵¹ Идея из «Дао дэ цзин» (гл. 58): «О несчастье! Оно является опорой счастья. О счастье! В нем заключено несчастье. Кто знает их границы? Они не имеют постоянства. Справедливость снова превращается в хитрость, добро в зло. Человек уже давно находится в заблуждении» (пер. Ян Хиншуна).
- ²³⁵² Для характеристики «творения-сохранения» по Декарту воспользуемся обзором В. В. Биbihина: «„Для сохранения (*conservatio*) любой вещи в каждый отдельный момент ее существования потребна не меньшая сила действия, чем для создания (*creatio*) той же самой вещи заново“ (Декарт Р. Соч. в двух томах. М., 1994, т. 2, с. 41). Я как мыслящая вещь сохраняем не моими родителями; следовательно не ими и создан. Не создал я и сам себя. В качестве сохраняемого я, таким образом, отличен от себя самого и в опыте своего сохранения причастен к опыту Божества. Не надо идти в поисках начал до бесконечности; следует, наоборот, всякий раз снова и снова возвращаться к своему чудесно длящемуся теперешнему сохранению. Что меня породило, то и хранит; а „мысль одну только я в настоящее время принимаю за самого себя“, и ничто меньшее чем творение из ничего меня сохранить не может. Идея Бога, таким образом, „врожденна“ мне, т. е. неотделима от моего бытия; она и есть мое продолжающееся сотворение. Что мне вроджено, то меня и сохраняет. (...) Сохранение (спасение) вовсе не обязательно предназначено отдельным существам. Скорее, наоборот, вещи и лица привязаны к успеху целого. Вместе с тем, лишенное во всем совершенства, в одном, а именно в выборе „да — нет“, „истина — ложь“, „делать — не делать“ мое решение безусловно, абсолютно, божественно. (...) Из бездны меня вывело творение-сохранение, продолжающееся, т. е. нуждающееся в „ничто“ бездны для своей безусловности. Мы продолжаем быть причастны творению в нашем „да — нет“, в свете которого судим вещи» (Новая философская энциклопедия. М., 2010, т. II, с. 546–548).

- ²³⁵³ Manifestation. Ср. БхГ, VIII, 18, 20–21: «В начале дня Брахмы все непроявленные существа переходят в проявленное состояние, а затем, когда наступает ночь Брахмы, они вновь становятся непроявленными. (...) Но существует иная, вечная, непроявленная природа — она лежит за пределами материального мира, который то проявляется, то исчезает. Эта высшая природа неуничтожима. Когда всё в материальном мире разрушается, она остается нетронутой. То, что ведантисты называют непроявленным и нетленным, то, что именуют высшей целью, то место, достигнув которого живое существо никогда не возвращается в материальный мир, — это Моя высшая обитель». XIX, 4: «В Своей непроявленной форме Я понижаю всю вселенную. Все существа пребывают во Мне, но Я — не в них» (пер. А. Очаповского). Важно, что творение здесь рассматривается и в перспективе «рас-сотворения», столь важной для Симоны.
- ²³⁵⁴ О Гастоне Берже см. К6, ms. 53 (с. 131). Речь идет о его докторской диссертации «Исследование условий познания» (1941), в обсуждении которой Симона принимала участие.
- ²³⁵⁵ Термином μέθεξις (участие) Платон обозначает отношение между чувственно воспринимаемым объектом или качеством с умопостигаемой Формой, которая является его высшей сущностью.
- ²³⁵⁶ Платон, Государство, VII, 515–517. Знаменитая притча о Пещере (см. примеч. 151) завершается нравоучением: «Область, охватываемая зрением, подобна тюремному жилищу, а свет от огня уподобляется в ней мощи Солнца. Восхождение и созерцание вещей, находящихся в вышине, — это подъем души в область умопостигаемого. Если ты все это допустишь, то постигнешь мою заветную мысль — коль скоро ты стремишься ее узнать, — а уж богу ведомо, верна ли она. Итак, вот что мне видится: в том, что познаваемо, идея блага — это предел, и она с трудом различима, но стоит только ее там различить, как отсюда напрашивается вывод, что именно она — причина всего правильного и прекрасного. В области видимого она порождает свет и его владыку, а в области умопостигаемого она сама — владычица, от которой зависят истина и разумение, и на нее должен взирать тот, кто хочет сознательно действовать как в частной, так и в общественной жизни» (517а–с; пер. А. Егунова). Итак, чистое благо, «стоит его различить», само просвещает ум человека, совершая то нисходящее движение, о котором говорит Симона.

- ²³⁵⁷ БхГ, VII, 28, в собственном переводе Симоны. Достигли предела зла — т. е., того состояния, за которым зла уже нет, оно исчерпано. Ср. в переводе В. Семенцова, вместе с предыдущим стихом: «Существа, возникая в мире, / в ослепление впадают тотчас, / в заблуждение двойственных качеств, / отвращением и страстью рожденных. / Люди добрых, благих деяний, / чьи грехи навсегда прекратились, / став свободны от качеств двояких, / чтят Меня, соблюдая обеты». См. также K7, ms. 24 (с. 236) и примеч. 2349.
- ²³⁵⁸ «Поддай мне это». Часто повторяющаяся в Тетрадах Симоны молитвенная формула.
- ²³⁵⁹ *Se confondent*.
- ²³⁶⁰ Ср. Мк 10:17; Лк 18:19.
- ²³⁶¹ «Благо само по себе», чистое благо — т. е. единственное, достойное называться поистине благом, не содержащее в себе зла в качестве побочных следствий. См. Платон, Государство, VII, 534с: «αὐτὸ τὸ ἀγαθὸν».
- ²³⁶² Ср. K7, ms. 9 (с. 224).
- ²³⁶³ *Pose*.
- ²³⁶⁴ «<На> небесах».
- ²³⁶⁵ «Имя».
- ²³⁶⁶ «Царство».
- ²³⁶⁷ «Воля».
- ²³⁶⁸ «Сегодня».
- ²³⁶⁹ «Долги наши... должникам нашим».
- ²³⁷⁰ «Искушение».
- ²³⁷¹ «Это» — добавлено Симоной.
- ²³⁷² *Crainte*.
- ²³⁷³ «Отче небесный».
- ²³⁷⁴ «Да святится».
- ²³⁷⁵ *Terme*.
- ²³⁷⁶ Под «зверем» разумеется власть коллективного начала над умом, совестью и поступками людей. Платоновский образ (Государство, VI, 493b–c).
- ²³⁷⁷ См. примеч. 753. Казнь шудры была причинением смерти, но не была причинением несчастья, как понимает его Симона (ср. статью «Любовь к Богу и несчастье»). Но, например, любое решение о начале военных действий, будь оно сколь угодно оправданным, неминуемо ввергает в несчастье множество людей и, прежде всего, безоружных, незащищенных, наиболее слабых.

- ²³⁷⁸ Indifference. Кажется, здесь продолжается размышление, начатое выше: K7, ms. 19.
- ²³⁷⁹ Ср. K7, ms. 19 (с. 232). Симона считает, что для мудреца и святого, т. е. человека, обладающего подлинным вниманием, сам нравственный выбор будет ясен. (Это не отменяет и не ослабляет колебаний, которые могут быть связаны со страхом боли, смерти, страданий близких.)
- ²³⁸⁰ Folie. Эта фраза могла родиться из размышлений над книгой А. Давид-Неэль «Мистики и маги Тибета», где описываются упражнения с объективацией внутренних переживаний, порой весьма рискованные. Ср. ниже ссылки на эту книгу. Александра Давид-Неэль (1868–1969) — путешественница, писательница и исследовательница Тибета. По профессии оперная певица, до 1904 г. активно выступала, работала в театрах Франции и ее колоний. В юности увлекшаяся атеизмом и анархизмом, в кон. 1880-х гг. обратилась к теософии под влиянием Елены Блаватской, от которой восприняла интерес к Тибету. В 1891 г. во время посещения Индии изучила санскрит. Между 1911 и 1946 г. совершила несколько трудных и рискованных путешествий по Тибету и охваченному гражданской войной Китаю; в 1924 г. стала первой европейкой, посетившей Лхасу. Приобщилась к буддизму не как к практической религии, но как к философии жизни. Автор нескольких весьма информативных и увлекательных книг о ламаизме, быте, нравах и обычаях тибетцев.
- ²³⁸¹ Déraciner des lectures.
- ²³⁸² Ланьо, в «Курсе о восприятии»: «Все иллюзии чувств показывают, что не потому, что мы воспринимаем тело имеющим такие-то свойства, мы думаем, что они у него есть, но напротив, поскольку мы думаем, что они у него есть, мы его и воспринимаем таким» (Célèbres leçons et fragments. P., 1964, p. 218).
- ²³⁸³ David-Néel A. Mistiques et magiciens du Tibet. P., 1980, p. 275.
- ²³⁸⁴ Марсель Пруст, В поисках утраченного времени, кн. III, «Германт», гл. 2: «В этом гулянье на берегу было нечто чарующее. Река, платья женщин, паруса лодок и бесчисленные отражения тех и других помещались рядом в квадрате картины, вырезанном Эльстиром из какого-нибудь чудесного послеполуденного часа. То, что восхищало в платье женщины, переставшей на минуту танцевать вследствие жары и одышки, мерцало также на полотне повисшего паруса, на водяной поверхности маленькой гавани, на деревянной пристани,

в листве деревьев и на небе. (...) (Далее от лица героя. — П. Е.) «Довольно вульгарная с виду дама, на которую гуляющий дилетант избегал бы смотреть, которую он исключил бы из поэтической картины, развернутой перед ним природой, — дама эта тоже прекрасна, платье ее получает тот же свет, что и парус лодки, и вообще нет вещей более драгоценных и менее драгоценных, заурядное платье и сам по себе красивый парус — лишь два зеркала одного и того же отблеска, вся ценность заключена в глазах художника» (пер. А. Франковского).

²³⁸⁵ David-Néel A. *Mistiques et magiciens du Tibet*, p. 275: «Двигается нечто в них самих» (зрителях; здесь и ниже пер. мой. — П. Е.).

²³⁸⁶ Платон в диалоге «Софист» (246а–с) описывает борьбу философских школ, из которых приверженцы второй «утверждают, будто существует только то, что допускает прикосновение и осязание, и признают тела и бытие за одно и то же, всех же тех, кто говорит, будто существует нечто бестелесное, они обливают презрением, более ничего не желая слышать. (...) Поэтому-то те, кто с ними вступает в спор, предусмотрительно защищаются как бы сверху, откуда-то из невидимого, решительно настаивая на том, что истинное бытие — это некие умопостигаемые и бестелесные идеи; тела же, о которых говорят первые, си то, что они называют истиной, они, разлагая в своих рассуждениях на мелкие части, называют не бытием, а чем-то подвижным, становлением» (пер. С. Ананьина).

²³⁸⁷ David-Néel A. *Mistiques et magiciens du Tibet*, p. 275: «На голову послушника, собирающегося предаться медитации, ставят зажженную лампу. Монахи, живущие отдельно, водружают лампу себе на голову сами. (...) В эти чаши помещают фитили и наполняют чаши растопленным коровьим маслом. Застывая, масло принимает форму пирога с торчащим из него фитилем. Пока монах сохраняет полную неподвижность, светильник у него на голове держится вполне устойчиво, но при малейшем движении монаха он падает. Так как неподвижность есть следствие полной концентрации, падение светильника свидетельствует о ее несовершенстве».

²³⁸⁸ Ср. там же: «Испытание считается выдержанным, если во время перехода из чаши не прольется ни капли. Этим способом проверяют степень спокойствия духа. Малейшее его нарушение вызывает движение тела, а даже при легкой дрожи в пальцах вода из чаши

выливается. Количество пролитой воды соответствует степени взволнованности духа испытываемого».

²³⁸⁹ У А. Давид-Неэль не говорится, что это лишь промежуточный этап откровения: «Именно это и нужно было понять, — говорит ему учитель. — Боги, демоны, вся вселенная — только мираж. Все существует только в сознании, от него рождается и в нем погибает».

²³⁹⁰ В VI книге «Исповеди» Руссо подробно рассказывает о проживании в Шарметт, в доме своей возлюбленной и покровительницы госпожи де Варан. В начале книги это описывается как земной рай, где он проводит дни в ненарушимом покое с любимой, в книжных занятиях, неизнурительных сельских трудах и ощущении единства с природой (всё это близко идеалу самой Симоны). Комната, впрочем, упоминается здесь только раз: Руссо пишет, что не любит молиться в комнате, где стены будто отделяют его от прекрасных произведений Творца, а предпочитает обращаться к Нему на лоне природы. В конце книги Жан-Жак вновь возвращается в любимый дом, но здесь все переменилось: уже не занимая в сердце любовницы прежнего места, он вынужден терпеть присутствие соперника. Теперь стены комнаты и книги становятся для него единственной защитой от того, что его угнетает и оскорбляет.

²³⁹¹ David-Néel A. *Mystiques et magiciens du Tibet*, p. 296.

²³⁹² *Ibid.*, p. 138.

²³⁹³ Протагор (V в. до н. э.) — уроженец Абдер, философ-сенсуалист. За открыто выражаемые сомнения в существовании богов подвергался преследованию. Симона упоминает его, очевидно, по связи с предыдущей выпиской из книги А. Давид-Неэль, т. к. он высказывался в том же роде. Ср. Платон, *Теэтет*, 152а: «У него где-то сказано: «Мера всех вещей — человек, существующих, что они существуют, а несуществующих, что они не существуют». (...) Он говорит тем самым, что-де какой мне кажется каждая вещь, такова она для меня и есть, а какой тебе, такова же она в свою очередь для тебя».

²³⁹⁴ *Devenir naturel*.

²³⁹⁵ Город на юго-западе Франции, ставший центром массового паломничества после явления Девы Марии четырнадцатилетней местной уроженке Бернадетте Субиру в 1858 г. За это время в Лурде зарегистрировано около семи тысяч случаев исцеления больных. К 2013 г. только 69 из них официально признаны Католической Церковью в качестве чудес.

²³⁹⁶ Т. е. проследить все его причинно-следственные связи.

- ²³⁹⁷ Арджуна в самом поступке (отказе от борьбы) надеется обрести праведность, мир с совестью. Кришна возражает ему: «Когда мысль успокоена в йоге, / она действия все превосходит; / цель поставь пред собой — йогу мысли; / кто к плодам устремляется — жалок. / Равновесие мысли бесстрастной / злых и добрых деяний не знает; / устремляйся же к йоге, Арджуна! / Йога — это в деяньях искусность» (II, 49–50).
- ²³⁹⁸ Стрелка проведена к фразе: «Пост заключает...»
- ²³⁹⁹ Судя по контексту, речь может идти о разрушительных для здоровья формах поста. Но мысль принимается и в более общем смысле. Ср. K4, ms. 16 (т. 1, с. 246).
- ²⁴⁰⁰ Мф 4:1–4: «Тогда Иисус возведен был Духом в пустыню, для искушения от диавола, и, постившись сорок дней и сорок ночей, напоследок взалкал. И приступил к Нему искушитель и сказал: если Ты Сын Божий, скажи, чтобы камни сии сделались хлебами. Он же сказал ему в ответ: написано: не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих».
- ²⁴⁰¹ David-Néel A. *Mystiques et magiciens du Tibet*, p. 223.
- ²⁴⁰² Ibid., p. 224–225.
- ²⁴⁰³ Ibid., p. 227.
- ²⁴⁰⁴ Ibid., p. 272–273. В работе над избавлением от «самости» аскет приучается отождествлять себя с предметами, на которые направлено его созерцание.
- ²⁴⁰⁵ В новелле «Лицензиат Видриера» рассказывается о выпускнике университета, который был колдовством доведен до потери рассудка, так что воображал себя стеклянным. Его юродское поведение стяжало ему своеобразное уважение у окружающих. «Видриера высказывал такие суждения, что, не будь всех этих криков при первой же попытке подойти к нему или протянуть к нему руку, не будь этого странного одеяния, ограничений в еде, забавной манеры пить, желания летом спать под открытым небом, а зимой — на сеновале (о чем выше было нами сказано, и что явно свидетельствовало о его безумии), никто бы ни на минуту не усомнился в том, что лицензиат — один из самых умных людей на свете» (пер. Б. Кржевского). Когда лицензиата удалось-таки исцелить от помешательства, вернув ему облик и манеры «нормального человека», его никто более не принимал всерьез, так что герою новеллы пришлось покинуть родину и завербоваться в солдаты.

²⁴⁰⁶ Симона приводит содержание шотландской сказки, известной ей под названием «Красный бык из Норроуэя» (Popular Rhymes of Scotland by Robert Chambers. L., 1842). Многочисленные варианты этого сюжета имеются в фольклоре всех народов Европы (ср. русскую сказку «Финист — ясный сокол»).

²⁴⁰⁷ «Ища меня, Ты присел, усталый» (*лат.*). Слова из погребальной секвенции Фоми де Челано «Dies irae».

²⁴⁰⁸ Regradée ou dégradée.

²⁴⁰⁹ Т. е. связанные с переменой дыхания. См.: David-Néel A. *Mistiques et magiciens du Tibet*, p. 222.

²⁴¹⁰ Вероятно, в каком-то из выступлений Берже в Обществе изучения философии.

²⁴¹¹ См. K7, ms. 40 (с. 247).

²⁴¹² Платон, Федр, 244b–245b: «Величайшие для нас блага возникают от неистовства, правда, когда оно уделяется нам как божий дар (...) Те из древних, кто устанавливал значения слов, не считали неистовство (μανία) безобразием или позором — иначе они не прозвали бы „маническим“ (μανική) то прекраснейшее искусство, посредством которого можно судить о будущем. (...) По свидетельству древних, неистовство, которое у людей от бога, прекраснее рассудительности, свойства человеческого.

Избавление от болезней, от крайних бедствий, от тяготевшего издревле гнева богов бывало найдено благодаря неистовству, появившемуся откуда-то в некоторых семействах и дававшему прорицания, кому это требовалось. Неистовство разрешалось в молитвах богам и служении им, и человек, охваченный им, удостоивался очищения и посвящения в таинства, становясь неприкосновенным на все времена для окружающих зол, освобождение от которых доставалось подлинно неистовым и одержимым.

Третий вид одержимости и неистовства — от Муз, он охватывает нежную и непорочную душу, пробуждает ее, заставляет выражать вакхический восторг в песнопениях и других видах творчества и, украшая несчетное множество деяний предков, воспитывает потомков. Кто же без неистовства, посланного Музами, подходит к порогу творчества в уверенности, что он благодаря одному лишь искусству станет изрядным поэтом, тот еще далек от совершенства: творения здравомыслящих затмятся творениями неистовых» (пер. А. Егунова).

- ²⁴¹³ Византийское и русское юродство, несомненно, относится к явлениям того же порядка.
- ²⁴¹⁴ «Жизнь есть сон», пьеса Кальдерона (1635).
- ²⁴¹⁵ «Мы» — т. е. Франция, в лице колониальной администрации Полинезии. Возможно, Симона здесь основывается на свидетельствах книги Поля Гогена «Прежде и потом» (1903).
- ²⁴¹⁶ Платон, Горгий, 523b–d. См. К6, ms. 93 (с. 167) и примеч. 2079.
- ²⁴¹⁷ Платон, Парменид, 141e (заключение рассуждения, выведенного Платоном от его имени). Парменид (ок. 540 до н. э. или 520 до н. э. — ок. 450 до н. э.) — философ, родоначальник Элейской школы, автор поэмы «О природе». Первым ввел в обиход греческой философии понятия «бытие» и «небытие».
- ²⁴¹⁸ «Так, что остаются неподвижными» (Платон, Государство, VII, 514a: о людях в Пещере).
- ²⁴¹⁹ «Активность, как отличительное свойство «я» и способов его бытия, связана непосредственно со способностью к движению, которую следует отделять от способности чувствовать, как отделяется самая большая из ветвей от ствола дерева, или лучше, как два дерева-близнеца, что держатся, сплетаясь, на одном корне» (П. Мен де Биран, Влияние привычки на способность мышления, предисловие; пер. мой. — П. Е.).
- ²⁴²⁰ Bourbier, в греч. оригинале: βόρβωρος. Платон, Государство, VII, 533d: «Диалектический метод (...) высвобождает, словно из какой-то варварской грязи, зарывшийся туда взор нашей души и направляет его ввысь» (пер. А. Егунова).
- ²⁴²¹ В диалоге «Федр» (246–248) образ крылатой колесницы используется для изображения души.
- ²⁴²² КУ, I, 3, 3–4: «Знай же, что Атман — владелец колесницы; тело, поистине, — колесница; Знай, что рассудок — колесничий; разум, поистине, — поводья. Чувства называют конями, предметы <восприятия> — их путями» (пер. А. Сыркина).
- ²⁴²³ Платон, Федр, 249c–250c.
- ²⁴²⁴ См. т. 1, К3, с. 304–305.
- ²⁴²⁵ «Не достигшим созерцаний» (Федр, 248b).
- ²⁴²⁶ Федр, 248a–b: «Что же до остальных душ, то у той, которая всего лучше последовала Богу и уподобилась ему, голова возникшего поднимается в занебесную область и несется в круговом движении по небесному своду; но ей не дают покоя кони, и она с трудом созерцает бытие. Другая душа то поднимается, то опускается — кони

рвут так сильно, что она одно видит, а другое нет. Вслед за ними остальные души жадно стремятся кверху, но это им не под силу, и они носятся по кругу в глубине, топчут друг друга, напираяют, пытаясь опередить одна другую. И вот возникает смятение, борьба, от напряжения их бросает в пот. Возникнем с ними не справиться, многие калечатся, у многих часто ломаются крылья. Несмотря на крайние усилия, всем им не достичь созерцания <подлинного> бытия, и, отойдя, они довольствуются мнимым пропитанием» (пер. А. Егунова).

²⁴²⁷ Т. е. сидящие в пещере видят на стене только силуэты, но не объемные фигуры тех, кто ходит снаружи.

²⁴²⁸ Имеется в виду пассаж Еф 3:18: «Чтобы вы, укорененные и утвержденные в любви, могли постигнуть со всеми святыми, что широта и долгота, и глубина и высота, и уразуметь превосходящую разумение любовь Христову». Познание любви Христовой связывается с полнотой познания реальности.

²⁴²⁹ См.: Давид-Неэль А. Мистики и маги Тибета. М., 2002, гл. 7.

²⁴³⁰ Ипполит, по проискам Афродиты и по воле Посейдона разбившийся на колеснице, приходит на мысль Симоне в связи с образом колесницы у Платона. Другая линия — «зависть божества» — сближает его с Прометеем; то, что внешне предстает как «зависть», толкуется как любовь, предающая любимого на жертвенное страдание. Ср. у апостола Павла, Бог «Который Сына Своего не пощадил, но предал Его за всех нас» (Рим 8:32). Соответственно, наряду с Прометеем, Ипполит становится для Симоны символической мессианской фигурой, одним из образов Христа (см.: K15, ms. 29; СЕС, t. VI, vol. 4, p. 225).

²⁴³¹ Платон, Государство, VII, 520с, призыв к философам не до конца уходить от общественных несовершенств в чистое созерцание, но обратить познанную истину на справедливое устройство общества: «Вы должны, каждый в свой черед, спускаться в обитель прочих людей и привыкать созерцать темные стороны жизни. Привыкнув, вы в тысячу раз лучше, чем живущие там, разглядите и распознаете, что представляет собой каждая тень и образ чего она есть, так как вы уже раньше лицезрели правду относительно всего прекрасного, справедливого и доброго. Тогда государство будет у нас с вами устроено уже наяву, а не во сне, как это происходит сейчас в большинстве государств, где идут междоусобные войны и призрачные сражения за власть...» (пер. А. Егунова). Словом «госу-

дарство» переводчик передает греческое понятие πόλις — полис, город-государство, характерный для древней Греции. Ничто не дает думать, чтобы Платон считал свою теорию приложимой к государствам, имеющим совершенно другие размеры, устройство, историко-культурные предпосылки.

²⁴³² Ср. в статье Симоны «Бог у Платона» (февраль 1942): «„Тимей“ (...) не похож ни на один другой диалог Платона; он кажется совершенно инородным. Или Платон здесь черпает вдохновение из неизвестного нам источника, или между сочинением других диалогов и этого с ним что-то произошло. Что — нетрудно догадаться. Он вышел из Пещеры, увидел солнце и возвратился в Пещеру. „Тимей“ написан человеком, вернувшимся в пещеру. И этот чувственный мир уже больше не представляется Пещерой» (ЕСС, t. IV, vol. 2, p. 124; пер. мой. — П. Е.).

²⁴³³ Ср. Федр, 255c–d.

²⁴³⁴ Платон, Государство, VII, 515e–516a (о человеке, который не вынес пользу от выхода из Пещеры): «Если же кто станет насильно тащить его по крутизне вверх, в гору и не отпустит, пока не извлечет его на солнечный свет, разве он не будет страдать и не возмутится таким насилием? А когда бы он вышел на свет, глаза его настолько были бы поражены сиянием, что он не мог бы разглядеть ни одного предмета из тех, о подлинности которых ему теперь говорят». «Насилие», которого не выдержал этот несчастный, который отверг свет и предпочел вернуться в Пещеру, и есть та необходимость, которая сопутствует процессу духовного познания так же, как и земным трудам.

²⁴³⁵ Мысль Симоны можно понять из ее наблюдений за физическим трудом крестьян и замечаниях на даосские тексты, где эта аналогия проводится систематически. В выработке правильного навыка к труду важны терпение, внимание, навык и ритмичность. «Хороший кузнец кует, не уставая» (Лао-цзы). Напротив, чрезмерное напряжение физических усилий только вредит. Все это верно и для духовного преуспевания. Скользкость, обманчивость аналогии в том, что труд все же 1) нуждается в паузах и 2) нацелен на заработок. Духовное же совершенствование истинно, когда ведет к выводу человека на новый уровень; при этом — по мнению Симоны, отличному в данном случае от традиционного христианского подхода, да и вообще подхода большинства институциональных религий (не чуждого и орфическо-пифагорейской

традиции) — оно не должно ставить специально задачу личного спасения.

²⁴³⁶ Весь миф о коловращении душ (Федр, 248–250) строится на образах полета и падения, т. е. проявлений силы тяжести; но что конкретно имеет в виду Симона, догадаться трудно.

²⁴³⁷ Комментаторы издания ЕС предполагают, что в первой половине сравнения Симона вспоминает рассуждения о свободном выборе из кантовой «Критики практического разума»: «Все, исходящее от свободного выбора человека (как, без сомнения, всякое дело, совершаемое намеренно), имеет своим основанием свободную причинность, которая, со дней первой молодости этого человека, отражает его характер в его проявлениях (действиях)». Во второй же она, вероятно, ссылается на один из афоризмов Тибона о случайности и финальности. Ср., например: «Случайность встречи, рождения любви. Что он такое — этот случай, соединивший нас? И почему тебя, почему меня? Это, в самом деле, — случай; но случай, которому уготовано стать выбором и целью: неоформленный, обладающий разными возможностями развития (polyvalente) зародыш, вверенный божественным Провидением провидению человеческого» (*L'expérience de Dieu avec Gustave Thibon. Québec, 2003, p. 94*).

²⁴³⁸ Ср. Быт 4:2–3.

²⁴³⁹ Платон, Федр, 247а, с: «В пределах неба есть много блаженных зрелищ и путей, которыми движется счастливый род богов; каждый из них свершает свое, а <за ними> следует всегда тот, кто хочет и может, — ведь зависть чужда сонму богов. (...) Души, называемые бессмертными, когда достигнут вершины, выходят наружу и останавливаются на небесном скрежете; они стоят, небесный свод несет их в круговом движении, и они созерцают то, что за пределами неба. (...) Эту область занимает бесцветная, без очертаний, неосознаваемая сущность, подлинно существующая, зримая лишь кормчему души — уму; на нее-то и направлен истинный род знания».

²⁴⁴⁰ Мф 7:7.

²⁴⁴¹ См. примеч. 2070.

²⁴⁴² Мф 16:25.

²⁴⁴³ Платон, Тимей, 88b; перед греческим текстом — фраза в собственном переводе Симоны.

²⁴⁴⁴ «Пища», «питание».

²⁴⁴⁵ Платон, Федр, 246d.

- ²⁴⁴⁶ Ср. Еф 3:18 (СП): «Постигнуть со всеми святыми, что́ есть широта и долгота, и глубина и высота, и уразуметь превосходящую разумение любовь Христову...». В оригинале: *γυνῶναι* (познать), *τῆς γυνώσεως* (знание, познание), чему точно соответствует *connaissance* в переводе Симоны.
- ²⁴⁴⁷ О Жанне де Зальцман см. примеч. 1275. «Идентификация» — термин ее учителя Г. Гурджиева. Здесь, в употреблении Симоны, речь идет об отождествлении себя как личности — с любовью, подобно тому как «Бог есть любовь» (1 Ин 4:16). Образцовый для Симоны пример само-идентификации через любовь — позиция Антигоны: «Я рождена любить, не ненавидеть» (Софокл, Антигона, ст. 528).
- ²⁴⁴⁸ Платон в Федре уподобляет душу крылатой колеснице, запряженной двумя конями, один из которых послушен, ибо «благороден» (символизирует божественное начало в человеке), а другой упрям и непослушен, ибо «причастен злу» (символизирует влечение чувственности).
- ²⁴⁴⁹ См. примеч. 2393.
- ²⁴⁵⁰ Фраза весьма спорная, или же имеющая весьма ограниченную область применения (что у Симоны здесь не оговорено). Начиная употреблять наркотики еще не думает, что они разрушат его и нравственно, и физически. Но разрушительный процесс идет с самого начала увлечения наркотиками, с самых первых проб. Очевидно, что это увлечение — зло, и оно лишь опаснее от того, что впавший в него не сразу или не во все моменты одинаково понимает его пагубность. Ведь и после установления привычки, после опыта «ломок», в моменты наркотического возбуждения наркоман продолжает думать, что его увлечение не есть зло.
- ²⁴⁵¹ Строгая обязанность (термин этики Канта) — «священная, безусловно повелевающая и никакими внешними требованиями не ограничиваемая заповедь разума» (Кант, О мнимом праве лгать из человеколюбия). К таким кенигсбергский философ относит, в частности, обязанность говорить правду, а также все обязанности, налагаемые законом.
- ²⁴⁵² Симона допускает, что для Бога, вероятно, существует свой, соприродный Ему, эквивалент тому, что для человеческой морали формулируется как «строгая обязанность». Однако учение Канта о «строгих обязанностях» многократно критиковалось и в европейской мысли; а, например, для подвижно-текучей, ситуативной даосской морали оно неприемлемо в принципе.

²⁴⁵³ Désir — желание, понимаемое не как «воление», а как «вожделение», стремление, направленное на некий внешний объект (*фр.*). Поэтому Симона и говорит о «божественном эквиваленте» для désir, о том, что ему соответствует «в плоскости божественного», но не тождественно, ибо Бог не имеет нужды в получении того, чего бы Он не имел.

²⁴⁵⁴ Платон, Государство, VII. 516e–517a: «<Сократ.> Обдумай еще и вот что: если бы такой человек (вышедший из Пещеры и познавший свет и то, как выглядят в его лучах все предметы. — *П. Е.*) опять спустился туда и сел бы на то же самое место, разве не были бы его глаза охвачены мраком при таком внезапном уходе от света Солнца? *Главкон.* Конечно. *Сократ.* А если бы ему снова пришлось состязаться с этими вечными узниками, разбирая значение тех теней (которые видны сидящим в Пещере вместо самих предметов. — *П. Е.*)? Пока его зрение не притупится и глаза не привыкнут — а на это потребовалось бы немалое время, — разве не казался бы он смешон? О нем стали бы говорить, что из своего восхождения он вернулся с испорченным зрением, а значит, не стоит даже и пытаться идти ввысь. А кто принялся бы освобождать узников, чтобы повести их ввысь, того разве они не убили бы, попадись он им в руки? *Главкон.* Непременно убили бы» (пер. А. Егунова). Важно, что в конце VII книги Платон все же настаивает, чтобы те, кто освободились из мрака Пещеры, т. е. истинные философы, возвращались от блаженства созерцания к служению обществу, в том числе и к управлению государством, если будут к этому призваны.

²⁴⁵⁵ D'assimilation.

²⁴⁵⁶ Ordre.

²⁴⁵⁷ БхГ, I, 28–31: «Когда вижу я родичей этих, / что сошлись сюда, Кришна, для битвы, / мои члены никнут бессильно, / рот от ужаса пересыхает, / сотрясается дрожью тело, / волоски поднимаются дыбом. / Моя кожа горит; лук Гандиву / эти руки вот-вот уронят; / подкоситься готовы ноги, / как потерянный, ум блуждает. / (...) отовсюду знамения злые / на меня наступают, Кешава». Притом, что Арджуна говорит прекрасные слова о нежелании покупать господство ценой пролитой крови родичей, истинный смысл этих слов выдает его состояние, которое описывается как явно паническое. Пацифизмом и человеколюбием, как это часто бывает в политической жизни, прикрывается малодушие.

²⁴⁵⁸ БхГ, III, 5.

- ²⁴⁵⁹ Indifference. Здесь речь идет о безразличии в специальном терминологическом употреблении Симоны — «божественном безразличии», идеал которого она находит как в Евангелии (Мф 5:45), так и в мистико-этических учениях Востока. Ср. БхГ, VI, 9: «К другу кто и к врагу одинаков, / к ненавистному и к родному, / к добродетельному и к злодею / — йогин тот превосходит...»
- ²⁴⁶⁰ Платон, Федр, 254е: «Возничий (...) откидывается назад, словно от бегового барьера, изо всех сил натягивает узду между зубами наглого коня, в кровь ранит ему злоречивый его язык и челюсти, пригнетая его голени и бедра к земле и причиняя ему боль. После того как дурной конь часто испытает это же самое и отбросит наглость, он смиренно следует намерениям своего возничего...» Речь идет о воспитании чувства, о внутренней аскезе, необходимой, чтобы не превратить чистую и возвышенную любовь к юноше в заурадную гомосексуальную связь. Эту бдительную и суровую работу над чувствами любящий, по словам Платона, должен соединять с «почитанием любимого как богоравного» (255а), что тоже позволяет сохранять дистанцию, помня об ответственности в отношениях.
- ²⁴⁶¹ Речь идет об использовании воображения в духовных размышлениях в западно-христианской мистической традиции. Ср. св. Хуан де ла Крус, Восхождение на гору Кармель, II, 12, 5: «Те, кто представляют себе Бога в облике какой-либо вещи, например, великого огня, блеска или иного образа, думая, будто что-либо из этого будет подобно Богу, очень значительно отдаляются от Него. Подобные рассуждения, формы и способы размышления неизбежны для начинающих, чтобы умножались в любви и укрепляли душу посредством чувств, как мы в дальнейшем поясним. Служат они тогда как средство дистантное для единения с Богом. И обычно этой дорогой должна пройти душа, чтобы прийти к цели, в комнату отдохновения душевного. Это, однако, есть состояние преходящее, и душа не может всегда в нем пребывать, так как никогда в этом случае не дошла бы до истинной цели, которая отлична от этих дистантных средств и не имеет с ними ничего общего» (пер. А. Незванова). Аскетические руководства христианского Востока вообще предостерегают против какого-либо использования воображения в молитвенных размышлениях. На Западе к этому издревле относились гораздо терпимее. Но если св. Хуан, допуская в медитациях долю фантазии на начальном этапе духовного пути, напо-

минает о необходимости оставить ее по мере продвижения, то в женской католической мистике они расцветают пышным цветом безо всяких ограничений. В последние десятилетия в РКЦ заметна тенденция ко все более полному признанию этого опыта как достоверного и безупречного, вплоть до богословской рецепции полученных таким образом «откровений» (труды кард. Х. Урса фон Бальтазара, беатификация Анны-Катарины Эммерих (1774–1824), широкая пропаганда явлений в Меджугорье, и т. п.).

²⁴⁶² Платон, Тимей, 88b–c: «Не возбуждать ни души в ущерб телу, ни тела в ущерб душе, но давать обеим сторонам состязаться между собой, дабы они пребывали в равновесии и здравии. Скажем, тот, кто занимается математикой или другим делом, требующим сильного напряжения мысли, должен давать и телу необходимое упражнение, прибегая к гимнастике; напротив, тому, кто преимущественно трудится над развитием своего тела, следует в свой черед упражнять душу, занимаясь музыкой и всем тем, что относится к философии, если только он хочет по праву именоваться не только прекрасным, но и добрым» (пер. С. Аверинцева).

²⁴⁶³ K4, ms. 33 (т. 1, с. 331).

²⁴⁶⁴ Entendement.

²⁴⁶⁵ Вавилонский миф о нисхождении Иштар в нижний мир (текст сохранился в двух версиях — XI в. до н. э. и VII в. до н. э.). Богиня Иштар спускается в нижний мир и требует, чтобы привратник открыл ей ворота (по одной из версий, чтобы освободить своего возлюбленного Таммуза). Страж, проводя ее через семь врат подземного мира, в каждом воротах снимает с нее какое-нибудь украшение, имеющее магическую силу. Когда нагая и безоружная Иштар предстает перед сестрой, богиней подземного мира Эрешкигаль, та приказывает закрыть ее во дворце. Поскольку на земле с уходом Иштар все живое перестало размножаться, боги направляют евнуха Аснамира в царство мертвых. Эрешкигаль оживляет и отпускает сестру, но напоминает, что по законам нижнего мира при выходе из преисподней Иштар обязана оставить себе замену. Иштар снова проходит сквозь семь ворот, получая обратно отданные ранее вещи.

²⁴⁶⁶ Бессмертие (*санскр.*).

²⁴⁶⁷ Текст в этом месте составлен из образов диалога «Федр» и Упанишад.

²⁴⁶⁸ См. примеч. 2173.

²⁴⁶⁹ Прем 6:24.

²⁴⁷⁰ Сюда же относится, конечно, и воображаемое, которое навязывается мышлению пропагандой и всеми средствами социального внушения.

²⁴⁷¹ Réellement réel. Выражение буквально заимствовано из французского перевода платоновского «Федра» (249с), выполненного Л. Робеном (1933). Ср. в русском переводе А. Егунова (соответствующие слова выделяем курсивом): <Идея> «есть припоминание того, что некогда видела наша душа, когда она сопутствовала богу, свысока глядела на то, что мы теперь называем бытием, и поднималась до *подлинного бытия*».

²⁴⁷² Платон, Федр, 248с: «Закон же Адрастеи». Речь идет о законе посмертных перевоплощений согласно тому, в какой мере душа соблюдала справедливость в исполнении своих земных обязанностей. Адрастея («та, от которой нельзя убежать», «неотвратимая») — одно из имен Немезиды, богини возмездия, законы которой распространяются и на богов. Последнее склоняет к тому, чтобы видеть в Адрастее персонификацию некоего высшего начала. В трактате Псевдо-Аристотеля «О мире» (I-сер. II в. н. э.) и Адрастея, и Немесида суть имена единого Бога.

²⁴⁷³ Смотрящая с высоты (*грег.*). Из: Федр, 249с. Егунов переводит как «свысока глядела».

²⁴⁷⁴ Далее комментируется фрагмент 249с–d.

²⁴⁷⁵ Букв. любитель труда (*грег.*). Этот класс объединяет тех, кого привлекает физико-динамический аспект жизни тела. Заметим, что он отличен от класса 7, но это и понятно: Платон разделяет людей не по профессиональному критерию, но по склонности души. Представители класса 4 увлечены телом, в то время как тружеников из класса 7 привлекает не сам труд тела, но плоды их умения и усилий.

²⁴⁷⁶ Классы 8 и 9 поставлены в конце перечня не по степени почитания в обществе, а по степени удаленности от того, что есть истинная мудрость. Обличению софистов и демагогов Платон посвятил немало страниц в своем «Государстве». Из того, что царь и воин занимают почетную 2-ю позицию, а «тиран» — 9-ю, можно понять, что первые действуют сообразно долгу, возложенному на них свыше, а тиран захватывает власть самоволием. Но и тираническое самоволие, и суемудрие софистов, и развращение толпы демагогами — все у Платона включено в систему правящего миром Закона. И тиран из слепого орудия Необходимости может-таки стать

сознательным служителем Закона, если «проживет справедливо». Добавим, что *tύραννος* могло означать не только обладателя неограниченной власти в греческом полисе, но и вождя варварского племени, и атамана разбойников.

²⁴⁷⁷ Скорее, в нем можно увидеть полемический выпад против тех же софистов и демагогов. Но это было бы упрощением (см. выше).

²⁴⁷⁸ Плутарх в сочинении «Об упадке оракулов» (гл. 17) рассказывает случай, якобы имевший место в царствование императора Тиберия. Некоторый корабль, следовавший из Пелопоннеса в Италию, проходил мимо острова Паксос. В это время с берега кто-то невидимый окликнул кормчего и повелел, чтобы он, когда будет проплывать другой остров — Палод, возвестил там, что «умер великий Пан». Кормчий так и сделал, и со стороны Палода слышались плач и стенания. Впоследствии христианские апологеты писали, что этот возглас предвещал гибель язычества и победу истинной веры.

²⁴⁷⁹ Фрагмент 62 DK: «Бессмертные — смертны, смертные — бессмертны; смертью друг друга они живут, жизнью друг друга они умирают» (пер. М. Дынника). Из имеющихся версий русского перевода приводим наиболее близкую к французскому тексту в ЕС.

²⁴⁸⁰ Мысль, характерная для Гераклита, хотя в данном месте цитата никак не означена. Ср. фрагмент 58 DK.

²⁴⁸¹ Здесь и дальше у Симоны нумерация фрагментов Гераклита дается по DK. Ср. пер. А. Лебедева: «Если бы все вещи стали дымом, носы бы распознали <их>».

²⁴⁸² Маркс и Энгельс считали Гераклита предком своей «материалистической диалектики». Ленин, сверх того, придавал особенное значение гераклитовскому тезису о «войне противоположностей», при этом его существенно искажая: «Единство (совпадение, тождество, равнодействие) противоположностей условно, временно, преходяще, релятивно. Борьба взаимоисключающих противоположностей абсолютна, как абсолютно развитие, движение» (Философские тетради // Ленин В. Полн. собр. соч.: В 55 т. М., 1969, т. 29, с. 317). Тем самым эфесский философ объявлялся заодно и родоначальником учения о классовой борьбе как главном двигателе исторического развития. Но вот голос самого Гераклита, будто провидевшего недобросовестность позднейших толкователей: «Они не понимают, что расходящееся с самим собой приходит в согласие, самовосстанавливающуюся гармонию лука и лиры» (фр. 51 DK).

- ²⁴⁸³ Платон, Государство, VI, 493a–d.
- ²⁴⁸⁴ «Собственной». Симона Вейль своеобразно понимала и переводила этот фрагмент. «Поэтому надо придерживаться общего. Но при том, что логос является общим для живущих, большинство из них пользуются своим мышлением (φρόνησις) так, будто собственной вещью» (ЭС, t. VI, vol. 2, p. 646; пер. мой. — П. Е.).
- ²⁴⁸⁵ Фр. 5 DK: «Но напрасно они, запятнанные кровью, жертвоприношениями хотят очиститься, как если бы кто-либо, вступив в грязь, грязью пожелал бы обмыться. Безумным посчитал бы его человек, заметивший, что он так поступает. И этим статуям они молятся, как если бы кто-либо захотел разговаривать с домами; они не знают, каковы боги и герои» (пер. М. Дынника). Этот афоризм, в частности, использовался апологетами христианства против приверженцев языческих культов.
- ²⁴⁸⁶ Фр. 12 DK: «На входящего в одну и ту же реку текут все новые и новые воды» (пер. М. Дынника).
- ²⁴⁸⁷ Продолжение того же фрагмента, с переводом.
- ²⁴⁸⁸ Je suis modifié. Мен де Биран: «Испытывая боль или зуд в какой-либо внутренней части тела, или вообще, ощущая, что мне хорошо или плохо, тепло или холодно, что на меня веет приятным или досадным запахом, — я говорю: я *чувствую*, что я некоторым образом изменяюсь; для меня несомненно, что я никак не распоряжаюсь моим изменением, что у меня нет средства остановить его или переменить; таким образом, я выражаю и то, что нахожусь или чувствую себя в пассивном состоянии» («Влияние привычки на способность мышления»; пер. мой. — П. Е.).
- ²⁴⁸⁹ Фр. 52 DK. В греч. оригинале πεισσεῖα — игра, родственная нардам, при которой игроки, бросая кости, двигают шашки в соответствии с выпавшими очками.
- ²⁴⁹⁰ См. примеч. 2479.
- ²⁴⁹¹ Мотив «съедения Богом» будет использован Симоной, в частности, в статье «Формы неявной любви к Богу», где миф о критском Лабиринте и Минотавре будет истолкован как символическое изображение инициации (Ф, с. 217).
- ²⁴⁹² Гераклит, фр. 100 DK, в сокращении. Пер. М. Дынника: «Периоды. Солнце, их управитель и наблюдатель, устанавливает, руководит, назначает и обнаруживает переходы и времена года, которые всё приносят».
- ²⁴⁹³ Épreuve.

²⁴⁹⁴ Яркую иллюстрацию тезиса Симоны мы находим у Толстого в «Анне Карениной»: «Алексей Александрович был не ревнив. Ревность, по его убеждению, оскорбляет жену, и к жене должно иметь доверие. Почему должно иметь доверие, то есть полную уверенность в том, что его молодая жена всегда будет его любить, он себя не спрашивал; но он не испытывал недоверия, потому имел доверие и говорил себе, что надо его иметь. Теперь же, хотя убеждение его о том, что ревность есть постыдное чувство и что нужно иметь доверие, и не было разрушено, он чувствовал, что стоит лицом к лицу пред чем-то нелогичным и бестолковым, и не знал, что надо делать. Алексей Александрович стоял лицом к лицу пред жизнью, пред возможностью любви в его жене к кому-нибудь, кроме его, и это-то казалось ему очень бестолковым и непонятным, потому что это была сама жизнь. Всю жизнь свою Алексей Александрович прожил и проработал в сферах служебных, имеющих дело с отражениями жизни. И каждый раз, когда он сталкивался с самою жизнью, он отстранялся от нее. Теперь он испытывал чувство, подобное тому, какое испытал бы человек, спокойно прошедший над пропастью по мосту и вдруг увидавший, что этот мост разобран и что там пучина. Пучина эта была — сама жизнь, мост — та искусственная жизнь, которую прожил Алексей Александрович» (ч. II, гл. 8).

²⁴⁹⁵ Клеанф (ок. 331/330 — ок. 230 до н. э.) — греческий философ, представитель Ранней Стои, преемник Зенона из Китиона в руководстве стоической школой. «Гимн Зевсу» — единственное сочинение Клеанфа, дошедшее до нас в полном объеме.

²⁴⁹⁶ Перевод мой с французского текста Симоны. — П. Е.

²⁴⁹⁷ Мф 3:10 (призыв Иоанна Крестителя к покаянию): «Уже и секира при корне дерев лежит: всякое дерево, не приносящее доброго плода, срубают и бросают в огонь».

²⁴⁹⁸ Меч упоминается в Евангелии как символ суда совести и разделения между истиной и ложью, верой и неверием. Мф 10:34–36: «Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч, ибо Я пришел разделить человека с отцом его, и дочь с матерью ее, и невестку со свекровью ее. И враги человеку — домашние его». Лк 22:36–38: «Тогда Он сказал им: но теперь, кто имеет мешок, тот возьми его, также и суму; а у кого нет, продай одежду свою и купи меч; ибо сказываю вам, что должно исполниться на Мне и сему написанному: и к злодеям причтен. Ибо то, что о

Мне, приходит к концу. Они сказали: Господи! вот, здесь два меча. Он сказал им: довольно». Во втором примере Христос говорит образно, но ученики понимают его буквально. Продолжает этот ряд ап. Павел (Евр 4:12): «Ибо слово Божие живо и действенно и острее всякого меча обоюдоострого: оно проникает до разделения души и духа, составов и мозгов, и судит помышления и намерения сердечные».

²⁴⁹⁹ В одной записи осени 1942 г. Симона распутывает свою довольно сложную символическую идею: «Зенон Стоик: „животное семя есть огонь“. — Как семя испускается и воспринимается по действию любви, так и молния, связь любви между Небом и Землей. Огненное животное семя есть дыхание жизни, так и молния служит знаком (*identifiée au*) Св. Духа». Здесь, как и всегда у Симоны, богословское осмысление Св. Духа соединяется с идеей «связи», «посредства». Один из древнейших символов Божества, в канонических Евангелиях молния несет относительно небольшую символическую нагрузку, упоминаемая лишь в связи со вторым пришествием Христа: «Ибо, как молния исходит от востока и видна бывает даже до запада, так будет пришествие Сына Человеческого» (Мф 24:27; ср. Лк 17:24). Также и в других новозаветных писаниях молния со Св. Духом никак специально не связывается. Однако эта символическая связь вырастает в христианской гомилетике и поэзии: у прп. Ефрема Сирина (IV в.) в «Слове на еретиков» обыграно представление древних о зарождении жемчуга из соединения молнии и воды: молния выступает образом Св. Духа, вода — Пресвятой Девы. Позднее красивый образ активно усваивает палестинская монашеская гимнография: «Бездна милосердия неизреченно явила Тебя, Отроковица, избранною бездною чудес; ибо из Тебя, посредством молнии Божества, (Св. Духа. — П. Е.) жемчуг-Христос воссиял» (Октоих, 3-й канон воскресный 4-го гласа, песнь 6; ср. 3-й канон воскресный 6-го гласа, песнь 1). Еще более распространенным становится образ молнии применительно к благодати Св. Духа, дающей богопознание и совершенство.

²⁵⁰⁰ Интерпретация, предлагаемая Симоной, замыкает в динамическое кольцо Зевса, его Молнию-Огонь, и Логос. Молния — не простое орудие, но некая самодвижущаяся сила. Действительно, самой ближайшей параллелью к прочитываемой таким образом концепции Божества является единосущная Троица по Никейско-Константинопольскому символу веры.

- ²⁵⁰¹ Цитата из Клеанфова «Гимна Зевсу» (о разящей молнии в руках царя богов).
- ²⁵⁰² Еще один эпитет молнии из «Гимна Зевсу». Евангельская цитата дана в переводе и со вставками Симоны.
- ²⁵⁰³ Французское выражение *coup de foudre* («удар молнии») метафорически означает любовь с первого взгляда.
- ²⁵⁰⁴ Ин 3:5 (СП): «Иисус отвечал: истинно, истинно говорю тебе, если кто не родится от воды и Духа, не может войти в Царствие Божие». Симона переводит греческое *πνεῦμα* как *souffle* («дыхание», «дуновение»).
- ²⁵⁰⁵ ИУ, 14. Ср. в переводе А. Сыркина: «Тот, кто знает обоих вместе — и проявление и уничтожение, переправившись через смерть с помощью уничтожения, достигает бессмертия с помощью проявления».
- ²⁵⁰⁶ ИУ, 9. «Рождение» вписано Симоной в обоих случаях вместо стоящего в оригинале «знания». Во французском оба слова похожи: *naissance* — *connaissance*, однако, предположить двойную непреднамеренную опisku трудно, тем более, что в это время Симона уже читала Упанишады на санскрите. Замена, скорее всего, намеренная.
- ²⁵⁰⁷ ИУ, 14.
- ²⁵⁰⁸ Лк 12:49–50. Приводим для сравнения вариант СП, который нам представляется ошибочным: «Огонь пришел Я низвести на землю, и как желал бы, чтобы он уже возгорелся! Крещением должен Я креститься; и как Я томлюсь, пока сие совершится!»
- ²⁵⁰⁹ Ср. K7, ms. 57 (с. 263).
- ²⁵¹⁰ *Misérable* может быть переведено и как «жалкий», но я принимаю во внимание постоянное терминологическое использование Симоной в том же контексте понятия «*misère humaine*» («человеческая немощ»).
- ²⁵¹¹ Таким образом творение завершается в том, что сама Симона называет *de-création*, «рас-сотворение».
- ²⁵¹² Речь идет о любви между Лицами Троицы.
- ²⁵¹³ Симона пытается обосновать свой излюбленный тезис о «непрерывности воплощения Бога» со стороны «логики любви». Но она не проясняет здесь, из чего следует необходимость именно *совершенного* существа для любви Бога к творению. Возникает вопрос: не достаточно ли самого *стремления к совершенству*, бесконечно-высокого идеала любви, к которому стремятся избранные друзья Бога из числа людей, сообщая этот идеал и остальному челове-

ству. В связи с этим приведем слова восточно-христианского мистика, с которыми Симона, конечно, всей душой согласилась бы, если бы их знала. «Что такое сердце милующее? (...) Возгорение сердца у человека о всем творении, о человеках, о птицах, о животных, о демонах и о всякой твари. При воспоминании о них и при воззрении на них очи у человека источают слезы от великой и сильной жалости, объемлющей сердце, и от великого терпения умягчается сердце его, и не может оно вынести или слышать, или видеть какого-либо вреда или малой печали, претерпеваемых тварью. А посему и о бессловесных, и о врагах истины, и о делающих ему вред ежечасно со слезами приносит молитву, чтобы сохранились и были они помилованы; а также и об естестве пресмыкающихся молится с великою жалостью, какая без меры возбуждается в сердце его до уподобления в сем Богу» (Прп. Исаак Сирийский, слово 48; пер. еп. Феофана (Говорова)). Это яркое описание дает нам образ человека, через которого Бог любит Свое творение. Но совсем не кажется необходимым приписывать этому человеку уже достигнутое совершенство. Такое мироощущение может оказаться доступным и весьма далекому от совершенства. Оно бывает гениально выражено и в творениях искусства, через которые сообщается зрителям, слушателям и др.: в живописи Рембрандта и Караваджо, в музыке Перголези, Баха и Моцарта. Нужно ли при этом говорить об этих мастерах как о «совершенных существах»? Допуская, вместе с Симоной, возможность «непрерывного воплощения Божества», мы полагаем более последовательным не связывать эту идею с представлением о существе, отделенном, нарочито избранном и совершенном, идущую, как нам кажется, от древних ритуалов жертвоприношения. Не отвергая сам принцип богоизбранности, мы предпочли бы обратить внимание не на избранных, а на самом явлении Воплощения, к которому потенциально, в какой-то мере, причастно каждое из творений, в особенности, разумных.

²⁵¹⁴ Платон, Менон, 81c–d. «А раз душа бессмертна, часто рождается и видела все и здесь, и в Аиде, то нет ничего такого, чего бы она не познала; поэтому ничего удивительного нет в том, что и насчет добродетели, и насчет всего прочего она способна вспомнить то, что прежде ей было известно. И раз все в природе друг другу родственно, а душа все познала, ничто не мешает тому, кто вспомнил что-нибудь одно, — люди называют это познанием — самому найти и все остальное, если только он будет мужествен и неутомим в

поисках: ведь искать и познавать — это как раз и значит припоминать» (пер. С. Ошерова).

²⁵¹⁵ Поль Валери. Лаура (*Mauvaises pensées et autres // Œuvres*, t. 2, P., 1960, p. 857–858).

²⁵¹⁶ *Inconstatable.*

²⁵¹⁷ Библейский эпизод (Исх 17:6).

²⁵¹⁸ Высшего уровня, по классификации Спинозы. См. примеч. 1099.

²⁵¹⁹ *Émanation.*

²⁵²⁰ *Sacrements.* Речь идет о таинствах в христианском церковном смысле и, прежде всего, о евхаристии и почитании Св. Даров. Русскому читателю для лучшего понимания мысли Симоны стоит учесть, что она наблюдала неизвестную у нас католическую практику поклонения Св. Дарам, молитвенного созерцания «евхаристического Христа» в специальных вместилищах-монстранциях. Эта практика действительно весьма похожа на отношение к драгоценному памятному предмету: недаром монстранции для Св. Даров по виду и устройству напоминают ковчеги для святых реликвий. В восточном христианстве почитание Даров неотрывно связано со священнодействием литургии и с личным причащением верующего. Воспоминанием здесь является вся литургия, вместе с освящаемыми и вкушаемыми на ней Дарами, а не сама по себе отдельная частица евхаристического Хлеба.

²⁵²¹ Платон, *Федр* 249d: «Когда кто-нибудь смотрит на здешнюю красоту, припоминая при этом красоту истинную, он окрыляется, а окрылившись, стремится взлететь; но, еще не набрав сил, он наподобие птенца глядит вверх, пренебрегая тем, что внизу, — это и есть причина его неистового состояния. Из всех видов исступленности эта — наилучшая...» (пер. А. Егунова).

²⁵²² Ср. в «Формах неявной любви к Богу»: «„Зевс совершил все вещи, — сказано в орфических стихах, — Дионис их довершил“. Довершение — это сотворение красоты. Бог создал мир, а Его Сын, наш первородный Брат, сотворил его как красоту для нас. Красота мира — это ласковая улыбка Христа, которой Он улыбается нам сквозь материю. Любовь к этой красоте исходит от Бога, сошедшего в нашу душу, и направлена к Богу, присутствующему в мироздании. Здесь перед нами (...) нечто подобное таинству (*comme un sacrement*)» (Ф, с. 218).

²⁵²³ Психологическую точность этой фразы подтверждают многие жизненные наблюдения. А вот незатейливо-откровенное свидетельство

из мира масс-культуры. В песенке современной популярной певицы эротические излияния сопровождаются рефреном, обращенным к любимому: «Я просто тебя съем».

²⁵²⁴ Симона говорит о служении мессы до реформ Второго Ватиканского собора, когда из ее ритуала была изгнана всякая торжественность. Возможно, она имеет в виду даже не общепринятую до 1950-х гг. т. н. «тридентскую» мессу (по единообразному образцу, установленному на Тридентском соборе XVI века), а один из более древних местных вариантов. Самые сильные впечатления от литургии, о которых Симона многократно писала впоследствии, она получила в 1938 г. в бенедиктинском аббатстве Солем, славящемся строгими обычаями и древними напевами григорианского хора. Стилем, наиболее подходящим художественного или музыкального выражения истин христианства, она убежденно считала романский. Движения внешнего, зачастую неорганичного и безвкусного «осовременивания», которыми были увлечены многие католические деятели 1-й половины XX в., ее только отталкивали.

²⁵²⁵ L'unité d'union.

²⁵²⁶ В то время, когда делались эти записи, Симона имела весьма ограниченные возможности для изучения истории христианского богословия. Источниками ее познаний в этой области были церковный Катехизис Тридентского собора, «Сумма Богословия» Фомы Аквинского, а также личное общение с рядом священников, для которых вера согласно Катехизису была предметом не обсуждения, а послушания. История богословского развития Церкви оставалась вне круга ее занятий. То, что она не ссылается на источники по богословию восточного христианства, говорит не об отсутствии интереса, но о том, что не было почвы, на которой этот интерес мог бы родиться. Официальная католическая церковно-историческая наука, третируя всех «восточных» как схизматиков, изображала только латинский Запад сердцем и мозгом церковного предания. В богословии господствовали только сформулированные поздним латинским христианством изложения веры. В этой ситуации Симона просто не знала о существовании какого-то иного учения о Троице, чем официальное, опирающееся на представления блаженного Августина. Знаменитая августиновская формула о Св. Духе, как о «Любви между Отцом и Сыном», давшая почву для догмата о Filioque и фактического принижения Св. Духа в западной триадологии, казалась ей единственным и общепринятым

выражением церковного предания по этому вопросу. По этой причине Троица и оказывается для нее всего лишь «Двоицей со связкой». В ее тяжеловесном построении можно разглядеть попытку уяснить для себя, почему же Церковь эту явную Двоицу называет Троицей, оправдать и внутренне принять это представление. Хотя в таком случае любую пару предметов, связанных некой общей идеей, можно назвать «тройкой». «Тройкой», по этой логике, можно назвать, например, топор, состоящий из 1) собственно топора, 2) топорика и 3) замысла человека, соединившего обе детали, чтобы топором можно было пользоваться. Тогда оказывается необъяснимым то значение, которое уделяется Св. Духу в Новом Завете, где Он предстает не как некий предикат, но как полномочный божественный Субъект, самодвижная божественная Сила.

²⁵²⁷ Сын-Логос называется «объектом» как рожденный Отцом предвечно и затем на земле (Симона не сомневается в Божестве Иисуса), но также и как «объект <нашей> любви» (K7, ms. 70, с. 274).

²⁵²⁸ «Видение» здесь означает Духа. Он имеет ровно столько же реальности, сколько Отец и Сын, — если принимать никейский догмат о единосущности и равночестности Лиц Троицы.

²⁵²⁹ Πνεῦμα переведено как «дыхание» (Ин 3:8; см. также K7, ms. 59, с. 264). Здесь начинается размышление над ответом Христа Никодиму (Ин 3:1–12): Никодим «пришел к Иисусу ночью и сказал Ему: Равви! мы знаем, что Ты учитель, пришедший от Бога; ибо таких чудес, какие Ты творишь, никто не может творить, если не будет с ним Бог. Иисус сказал ему в ответ: истинно, истинно говорю тебе, если кто не родится свыше, не может увидеть Царствия Божия. Никодим говорит Ему: как может человек родиться, будучи стар? неужели может он в другой раз войти в утробу матери своей и родиться? Иисус отвечал: истинно, истинно говорю тебе, если кто не родится от воды и Духа, не может войти в Царствие Божие. Рожденное от плоти есть плоть, а рожденное от Духа есть дух. Не удивляйся тому, что Я сказал тебе: должно вам родиться свыше. Дух дышит, где хочет, и голос его слышишь, а не знаешь, откуда приходит и куда уходит: так бывает со всяким, рожденным от Духа. Никодим сказал Ему в ответ: как это может быть? Иисус отвечал и сказал ему: ты — учитель Израилев, и этого ли не знаешь?» Истинно, истинно говорю тебе: Мы говорим о том, что знаем, и свидетельствуем о том, что видели, а вы свидетельства Нашего не

принимаете. Если Я сказал вам о земном, и вы не верите, — как поверите, если буду говорить вам о небесном?».

²⁵³⁰ Гегель, Энциклопедия философских наук, ч. III, Философия духа, § 410.

²⁵³¹ Кажется, настойчивый перевод πνεῦμα как «дыхание» обусловлен тем пониманием Св. Духа как «связи», которое нам приходилось отмечать выше. В таком случае, слова: «Никто не знает, куда оно идет, или откуда приходит» могут быть поняты как апофатическое указание на Отца и Сына, между которыми Дух присутствует как некая стихия совместного дыхания обоих.

²⁵³² «Если кто не родится от воды и Духа, не может войти в Царствие Божие» (Ин 3:5). Относить эти слова Христа к таинству крещения было всеобщим обычаем богословов и проповедников Церкви (свв. Киприан Карфагенский, Кирилл Иерусалимский, Иоанн Златоуст, Августин, Исидор Пелусийский, Иоанн Дамаскин и мн. др.); без отсылки на эти слова не обходится глава о крещении ни в одном церковном катехизисе Востока и Запада. Но такая интерпретация, при всей ее древности, не является единственно возможной и даже вызывает возражения. Во-первых: в беседе Христа с Никодимом крещение как действие не является темой разговора. Темой является вселение и действие Бога в человеке (Ин 3:2). Евангелие от Иоанна всегда устремляет читателя к глубокому мистико-этическому смыслу, а не ко внешней стороне любого явления. Во-вторых: Христос не мог укорять Никодима («Ты — учитель Израилев, и этого ли не знаешь?») за незнание о таинстве, которое только-только появлялось и еще не было никак оформлено; зато повсюду была известна традиция еврейских ритуальных омовений, которым никто не приписывал власти «вводить в Царство небесное». «Мы говорим о том, что видели», — продолжает Христос. С точки зрения логики повествования, говорить так о таинстве крещения было бы преждевременным: в предыдущих двух главах Евангелия упоминалось только крещение Иоанново. Нет, Христос говорит здесь о «небесном» (Ин 3:12), о том, что знает от Отца; т. е. речь идет о действии Лиц Троицы в человеке, первым примером чего и является сам Христос, ибо к Нему в первую очередь и относится выражение «рожденный от Духа» (ср. Мф 1:18, 21; Лк 1:35).

²⁵³³ Стоики считали огонь и верховным Божеством, отождествляя его с Зевсом (Хрисипп), и первоматерией, в которую неизбежно воз-

вращаются все прочие формы материи по завершении каждого космического цикла.

²⁵³⁴ Св. Хуан де ла Крус, Восхождение на гору Кармель, кн. II, 16, 2: «Фантазия и память являются для ума как бы архивом и кладовой, в которых собраны все разумные формы и образы. По получении их посредством пяти чувств или путем сверхъестественным, они прячутся там и отражаются как бы в зеркале. Ибо память представляет их разуму, который рассматривает их и судит о них» (пер. А. Незванова). У Платона о сверхъестественной природе памяти — см. Федр, 249d (K7, ms. 64, с. 268 и примеч. 2521).

²⁵³⁵ Но неужели «отдавать Богу» должно через «разрушение»? Кроме человеческого сознания, с его «я», Богом создана тьма вещей, создан весь мир, с условиями для жизнедеятельности бесчисленных существ и сами эти существа. И все они, рождаясь, живя и умирая, принадлежат Богу. Уничтожать их не значит «приносить их Богу», но скорее противоположное. «Приносить Богу», убивая, свойственно лишь архаическому человеку с его представлением о Боге, как об источнике могущества, с одной стороны, и страха, с другой, — с той концепцией, что вызывает у Симоны протест. Так почему же с человеческим «я» надлежит поступать, как с умерщвляемой жертвой? Почему не соотносить любовно свое человеческое «я» с божественным «Я» — так, как бережно *читут* личность друг друга истинные любящие и друзья (ср. Платон, Федр, 255a, а у самой Симоны главу «Дружба» в трактате «Формы неявной любви к Богу»)?

²⁵³⁶ «Связь», «соединение» — одно из распространенных прямых значений слова λόγος.

²⁵³⁷ Ср. K7, ms. 58 (с. 264) и примеч. 2500.

²⁵³⁸ Т. е. как вегетативное существование как бы «без души», существование которой отрицают материалисты: говоря же языком Симоны, речь идет об уничтожении в душе «сверхъестественного начала».

²⁵³⁹ Это зависит от совести, от навыка к самоиспытанию. Иногда благодетель постфактум сам обнаруживает ложные мотивы в своем отношении к страдальцу, которому оказывает помощь, и тогда закономерность враждебной реакции сразу становится ему понятной.

²⁵⁴⁰ Méritent plus d'intérêt. Я понимаю эту фразу так: «Дети больше нуждаются в заинтересованном внимании к их развитию...».

- ²⁵⁴¹ Неудача борьбы за арабскую независимость стала для Т. Э. Лоуренса личным поражением и, в какой-то степени, «разрушением извне». Его ответ на удар судьбы был именно таким, какой считает желательным Симона — добровольное «разрушение „я“». Лоуренс отказался от предложенных ему почетных званий, не сделался отставным мемуаристом и «экспертом по Востоку», но под чужим именем поступил рядовым в британские ВВС, подвергая свое самолюбие новой экстремальной ломке. Впрочем, эпизоды насилия над своим «я» Лоуренс старательно описывает от первого лица в своих книгах. «Разрушение „я“» становится частью литературной стратегии. На материале своей судьбы он создает образ рыцаря абсолютной самоотверженности, с религиозным пафосом несущего «бремя белого человека», как стигматы св. Франциска.
- ²⁵⁴² «Вот что со мной приключилось. Но я благодарю». На греческом Симона обычно делает записи-намёки о чем-то самом интимном.
- ²⁵⁴³ Mal. Во французском языке «mal» может означать как зло, так и горе, болезнь (как зло претерпеваемое).
- ²⁵⁴⁴ Certain в предложении повторено дважды.
- ²⁵⁴⁵ Rapport.
- ²⁵⁴⁶ Т. е. таинство веры, совмещающей противоположности, по Симоне, и делает возможным подлинное богопочитание. Оно и являет Бога поистине сверхъестественным, превосходящим меры человеческого ума и постижения.
- ²⁵⁴⁷ Т. е. восприятие вместе, одновременно.
- ²⁵⁴⁸ Филолай, фр. 10 DK. Перевод очень специфический, применительно к теме текущих размышлений Симоны.
- ²⁵⁴⁹ Convenance, arrangement.
- ²⁵⁵⁰ Ср. выше формулу Филолая. Итак, зло по отношению к любви к ближнему есть второй компонент гармонии. Симона не хочет сказать, что зло нужно, но что при одновременном переживании любви к ближнему и созерцании (и перенесении) зла гармония устанавливается *в нашем восприятии*.
- ²⁵⁵¹ В оригинале: rendre l'amertume. Предполагая, что во фразе пропущено слово, восстанавливаю: rendre l'amertume <sensible>.
- ²⁵⁵² Поистине; но зачем тогда нужно разрушение «я»?
- ²⁵⁵³ Слова философа-стоика Посидония (139/135–51/50 до н. э.) во время жестоко мучившей его болезни. Переданы Цицероном в «Тускуланских беседах» (II, 25).
- ²⁵⁵⁴ Rédemptrice.

- ²⁵⁵⁵ Expiatrice et rédemptrice. См. также K6, ms. 41 (с. 118).
- ²⁵⁵⁶ Expiatrice.
- ²⁵⁵⁷ Знаки поставлены Симоной.
- ²⁵⁵⁸ Valeur rédemptrice. Выражение (и тема) католического богословия, основанное на словах ап. Павла: «Не знаете ли, что тела ваши — храм живущего в вас Святого Духа, Которого вы имеете от Бога, и вы не принадлежите себе? Ибо вы куплены *дорогою* ценою. Посему прославляйте Бога в телах ваших и в душах ваших, которые суть Божии» (1 Кор 6:19–20).
- ²⁵⁵⁹ Аббревиатура означает: Тибон. Ср. заметки Тибона, читанные Симоной в рукописи: «Нет ничего банальнее зла. Порок отталкивает, прежде всего, своей глупостью и недалекостью. Ад — плоская страна. Вопреки всем романтическим выдумкам, низость никогда не бывает тождественна с глубиной» (Цит. по: <http://www.catho.org/9.php?d=c13>; пер. мой. — П. Е.).
- ²⁵⁶⁰ L'absence ressentie.
- ²⁵⁶¹ «Крест» в оригинале со строчной буквы, т. е. речь идет не отдельно о Кресте Христовом, но вообще об искупительном страдании, принимаемом с любовью и послушанием.
- ²⁵⁶² L'Esprit — Дух, но и: Ум. Второе значение будет использовано ниже.
- ²⁵⁶³ В качестве Любви между Отцом и Сыном.
- ²⁵⁶⁴ L'esprit. Можно перевести и «дух», и «ум».
- ²⁵⁶⁵ Saisissables.
- ²⁵⁶⁶ Mystères. Речь здесь идет, конечно, не о таинствах как священнодействиях (христианских и не только), но в целом о тайнах веры, доступных лишь мистическому восприятию. Такие таинства, несомненно, существуют во всякой развитой религии. В принципе, являясь сердцевиной религиозного чувства, они развиваются вместе с религиями. Особая настроенность на созерцание таинств, впрочем, всегда является уделом немногих. Доля этих созерцателей не повышается от того, что религиозные институты вводят внешние элементы таинства в массовую практику, используя их для сплочения общины (мистерии в греческих полисах, всеобщее участие в евхаристии у христиан, массовый зикр в суфийских обществах и т. п.). Ставя личный духовный опыт выше «среднесоциальной» религиозности собратьев, исповедуя опасный для религиозных старейшин принцип духовной свободы, подлинные мистики почти всегда остаются непонимаемыми и гонимыми.

²⁵⁶⁷ Употребляя выражение *verités saisissables* несколько раз подряд, Симона усваивает ему терминологическое значение. «Истины, доступные постижению», созерцания вербализуемые, суть как бы вторичные продукты таинств, в отличие от мистических переживаний первого ряда, не разлагаемых на отдельные идеи и невыразимые в словах, о чем пишет, например, Павел: «Ибо мы не знаем, о чем молиться, как должно, но Сам Дух ходатайствует за нас воздыханиями неизреченными» (Рим 8:26). Впрочем, встает вопрос: правомерно ли оценивать таинства по вторичным производным? Ибо, принимая форму упрощенных изложений, эти истины неизбежно перетолковываются и искажаются их новыми и новыми пересказчиками, которые не обладают опытом, но лишь доверяют авторитету, а подчас и претендуют на свою долю в нем. Впрочем, другого материала, относительно которого возможна была бы оценка, мистика просто не дает.

²⁵⁶⁸ *Convenance* — здесь: благоприличие. Характерный довод в ранневизантийском богословии, идущий, кажется, от классической античности с ее понятием о «добром и прекрасном» (калокагатии), где доброе (т. е. полезное, нравственное) должно быть облечено и в соразмерную гармоническую форму. В богословской полемике ранневизантийской эпохи аргументом «благоприличия» в божественном Промысле разные течения и школы могли доказывать абсолютно непримиримые положения. «Говорят, что Богу *неприлично* родиться человеком из-за постыдности способа нашего рождения. Но только зло по природе гнусно, а все естество, созданное Богом, непричастно злу. Все органы человека хороши, каждый служит для поддержания жизни. Но родотворные органы следует *особо почитать*, так как они обеспечивают бессмертие человеческого рода. Поэтому нет ничего *неприличного* в том, что Бог вошел в нашу жизнь через то, чем наша природа борется со смертью» (Григорий Нисский, Большое огласительное слово, 28; курсив мой. — П. Е.). Для гностиков физиология человеческого рождения «постыдна» и «неблагообразна», и это становится аргументом против телесной реальности рождения Сына Божьего от Марии. В ответ Григорий Нисский находит нужным «воздать сугубую честь» этой физиологии, открывая многовековую чреду восторженных похвал «ложеснам», «чреву» и «сосцам» Богоматери, на которые будет столь щедра литургическая поэзия Византии. Византийские богословские трактаты, соборные томосы и гимны

буквально переполнены аксиологическими утверждениями: «достойно», «подобает», «приличествует» и т. п. Несомненно, именно отсюда заимствует такой род доводов и Фома Аквинский, но у него они окрашиваются уже в средневековые тона сословной чести и церемониальности.

²⁵⁶⁹ Ср. К4, ms. 33 (т. 1, с. 331–332).

²⁵⁷⁰ Здесь Симона, рассуждая «по методу» св. Фомы, излагает традиционно-католическую концепцию Воплощения, которую сама не разделяет.

²⁵⁷¹ Весь большой отрезок текста начиная с этого абзаца и кончая словами «грехом искушения Бога» на ms. 83 выделен вертикальной чертой, проведенной по полям страниц.

²⁵⁷² На каком-то этапе нашего развития, накопления опыта мы можем с очевидностью увидеть, что нечто должны отложить в сторону и жить, не принимая это в расчет. В тот момент мы можем обрести пользу от такого отсечения, благодаря ему какая-то истина предстанет нам в более чистом виде. Но на новом, более высоком этапе мы можем вернуться к тому же явлению, или к другим, связанным с ним, совсем на другом уровне, с другой стороны и с другим подходом. И тогда-то как раз важно, чтобы мы не были связаны оценками, решениями и отречениями прежних дней, а могли продумать свое отношение к этому феномену с полной свободой.

²⁵⁷³ Платон, Горгий, 508a. См. в примеч. 138.

²⁵⁷⁴ Знаменитая заповедь библейского Десятословия: «Не вари козленка в молоке матери его» (Исх 34:26). Дж. Фрэзер, видящий в ней классический пример представлений, связанных с симпатической магией, приводит длинный ряд однотипных обычаев у многих народов — от пастушеских племен Африки до эстонцев и болгар (Золотая ветвь, часть IV («Закон»), гл. 2). Впрочем, интерпретация Симоны идет дальше выводов Фрэзера.

²⁵⁷⁵ Народы, практикующие подобные обычаи и запреты.

²⁵⁷⁶ Однако едва ли не большинство авторитетных толкователей первых веков христианства понимали выражение «хлеб насущный» (τὸν ἄρτον τὸν ἐπιούσιον) из «молитвы Господней» (Мф 6:9–13) как хлеб «необходимый для жизни» или «повседневный», т. е. естественный. Среди них Киприан Карфагенский, Василий Великий, Григорий Нисский, Иоанн Златоуст, Кирилл Александрийский, Исидор Пелусиот и др. Сам Христос показывает пример молитвы о ниспос-

лании естественного хлеба в эпизоде умножения хлебов (Мф 15:32–38; Мк 8:1–9).

²⁵⁷⁷ Платон в «Государстве» (II, 359d–360b; X, 612b) рассказывает мифологизированную историю о возвышении Гигеса, царя Лидии (VII в. до н. э.). По Платону, Гигес, обычный пастух, нашел в появившейся после землетрясения расщелине бронзового коня, а внутри его — труп человека с золотым перстнем на пальце. Надев перстень на палец, Гигес получил способность становиться невидимым. Пользуясь этой возможностью, Гигес проник в царский дворец, соблазнил царицу и, умертвив ее супруга, стал править вместо него. Платон делает вывод: «Если бы было два таких перстня — один на руке у человека справедливого, а другой у несправедливого, тогда, надо полагать, ни один из них не оказался бы настолько твердым, чтобы остаться в пределах справедливости и решительно воздержаться от присвоения чужого имущества и не притрагиваться к нему, хотя каждый имел бы возможность без всякой опаски брать что угодно на рыночной площади, проникать в дома и сближаться с кем вздумается, убивать, освобождать из заключения кого захочет — вообще действовать среди людей так, словно он равен богу. (...) Вот это и следует признать сильнейшим доказательством того, что никто не бывает справедливым по своей воле, но лишь по принуждению, раз каждый человек не считает справедливость самое по себе благом и, где только в состоянии поступать несправедливо, он так и поступает» (пер. А. Егунова).

²⁵⁷⁸ Существует тончайшая грань, которую навряд ли возможно различить по методике. Ведь «отложение в сторону» входит и в принимаемую Симоной доктрину «недействующего действия». В «Бхагавад-Гите» Кришна, поощряя Арджуну на бой, происходящий по его воле, говорит: «Я — мира извечный губитель. / Весь этот люд Я решил уничтожить. / В битву ты вступишь иль битву покинешь, / воинам этим пощады не будет. / Так поднимайся! Добудь себе славу! / Царством, врагов перебив, наслаждайся! / Их ведь заранее всех поразил Я: / будь лишь оружием Моим, славный лучник!». Начало этого фрагмента поэмы повторил про себя Роберт Оппенгеймер во время испытания атомной бомбы в Нью-Мексико, за месяц до удара по Хиросиме и Нагасаки. «Мы знали, что мир уже не будет прежним, — говорил он двадцать лет спустя. — Несколько человек смеялись, несколько человек плакали. Большинство молчали. Я вспомнил строку из священной книги индуизма, „Бха-

гавад-Гиты“; Вишну старается уговорить царевича, что тот должен выполнять свой долг, и, чтобы впечатлить его, принимает свое многорукое обличие и говорит: „Я — Смерть, великий разрушитель миров“. Я полагаю, что все мы, так или иначе, подумали о чем-то подобном» Ссылка на телеинтервью с Оппенгеймером от 1965 г.: <http://www.atomicarchive.com/Movies/Movie8.shtml>. Просматривая его, мы видим, что лицо ученого, говорящего с опущенными глазами, выражает глубокое потрясение и горе. Какое из «отложений в сторону» перед нами в данном случае? «Божественная отрешенность» праведника или «добровольная иллюзия» виновного?

²⁵⁷⁹ Absolution.

²⁵⁸⁰ L'intelligence claire.

²⁵⁸¹ Лк 7:47.

²⁵⁸² Conforme.

²⁵⁸³ Пифагорейское выражение, процитированное у Аристотеля (Большая Этика, 1182a). Перевод Т. Миллер: «Справедливость — число, помноженное само на себя». Как видим, Симона понимает фразу совсем иначе (в согласии с Платоном) — как пропорциональность.

²⁵⁸⁴ Seuil.

²⁵⁸⁵ Симона приписывает первым христианам свою собственную логику (см. K7, ms. 74, с. 277, запись об «искупительной боли»). Но непосредственные ученики Христа рассуждали, скорее всего, «с другого конца». Они могли поверить, что Воплощение одно, по причине уникальности вести такого рода в рамках иудаизма. Речь ведь шла о воплощении не одного из многих богов, но Единого Сущего, абсолютного, ничему не равного, не имеющего начала или конца, неизобразимого, неименуемого. Если бы они приняли мысль о том, что воплощения могли происходить и раньше, тем паче, у иных народов, им пришлось бы отвергнуть всю собственную религиозную традицию.

²⁵⁸⁶ Тема «исполнения времен» (образ времени, наполнившегося подобно сосуду) начинает звучать в Евангелиях уже с первых глав — с рассказа о проповеди Иоанна Крестителя («уже секира при корне дерев лежит» — Мф 3:10). Предчувствиями конца времен были проникнуты неофициальные течения в палестинском иудаизме, что породило обширную апокалиптическую литературу. Впоследствии многие ее образцы были заимствованы и переработаны христианами, превратившись в христианские апокрифы.

²⁵⁸⁷ Четвертая эклога из «Буколик» Вергилия (написана в 43 г. до н. э.), толковалась раннехристианскими апологетами, а затем средневековыми книжниками как пророчество о рождении Христа. Симону в данном случае более интересует восторженное описание в ней «золотого века», будто бы готового вернуться на землю.

²⁵⁸⁸ Платон, Государство, VI, 493с. Эту путаницу между тем, что совершается «по законам необходимого» (т. е. по чисто физическим законам взаимодействия тел) и тем, что поистине благо, Платон считает самым тяжким последствием порабощения человеческого ума «Великому зверю», т. е. социальному инстинкту. С этим социальным инстинктом, по мнению Симоны, Церковь связала себя не тем, что вошла в определенные отношения с Империей при Константине, но гораздо раньше, уже с I в. — тем, что построила свою проповедь не на свободном стремлении к совершенствованию, а на стимулах, связанных с «природой необходимого». В данном случае речь идет об одном — и далеко не единственном из них — объединении на почве коллективного страха перед концом мира.

²⁵⁸⁹ A imposé.

²⁵⁹⁰ «Детки! последнее время», — пишет ап. Иоанн в своем послании Церкви (1 Ин 2:18). Этот мотив звучит в Иоанновом Евангелии постоянно. Фраза: «наступает время, когда...» повторяется на протяжении его семь раз. «Время уже коротко», — вторит Павел (1 Кор 7:29). Являясь одной из сквозных тем в Новом Завете, вера в близость конца света не прекращается в христианстве никогда, но временами живет как бы под спудом, в узких группах, а временами приводит в движение большие массы людей, как например, в Римской Африке IV в., в Италии XIII в., в России конца XVII — начала XVIII в. Нередко она дает повод для образования сект.

²⁵⁹¹ Из опасения, что тетрадь может попасть в руки полиции, Симона не раскрывает, что именно имеется в виду. «Перемирие» с Германией (фактически капитуляция), было подписано французским правительством 22 июня. 3 июля Англия, опасаясь передачи французских военных кораблей в руки немцев, атаковала французский флот в ряде портов его базирования (Портсмут, Плимут, Мерс-эль-Кебир, Дакар). Часть кораблей была уничтожена, часть — безнадежно повреждена, погибло около 1300 французских моряков. 10 июля Национальное собрание вручило маршалу Петену полностью власти на неоккупированной части территории страны. Тот июль

Симона и ее родители прожили в городе Виши, которому суждено было сделаться ставкой правительства Петена; здесь, как уже говорилось, Симона встретила некоторых прежних друзей. Что из этого могла вспоминать Симона в контексте своих размышлений? Может быть, беседы с теми, кто, резко сменив многолетние политические взгляды, встали на сторону временно победившей силы?

²⁵⁹² Т. е. увлекшись борьбой за признание у современников, талант может пойти на поводу вкусов публики.

²⁵⁹³ Аллюзия на Лк 3:1. Проповедь Иисуса Христа в Иудее происходила в годы царствования Тиберия. О «благодати как нисходящем движении» см. К7, ms. 25–26 (с. 236–237).

²⁵⁹⁴ Bon Dieu — во французской речи, особенно простонародной, употребляется как устойчивое словосочетание.

²⁵⁹⁵ L'ensemble.

²⁵⁹⁶ Флп 2:6. Т. е. не держался за это равенство с пристрастием, не желая ни с кем поделиться, не выпуская из рук ни на мгновение (как держится за добычу хищное животное). Вариант СП, испорченный из церковно-славянского, невразумителен: «Он, будучи образом Божиим, не почитал хищением быть равным Богу». Ср. *церк.-слав.*: «Во образѣ Божіи сый, не восхищеніемъ непщева быти равенъ Богу», что в точности совпадает по смыслу с французским переводом.

²⁵⁹⁷ Симона рассматривает сотворение — как аналог отрешения для Отца, воплощение — для Сына, вдохновение, т. е. вселение Духа в человеке — как аналог отрешения для Св. Духа.

²⁵⁹⁸ Обитаемая земля, ойкумена.

²⁵⁹⁹ Это не так. Созданная в начале христианской эры «География» Страбона (ок. 64/63 до н. э. — ок. 23/24 н. э.) содержит описание Персии, Парфии и Индии, а также отрывочные сведения о Китае. Некоторым апостолам (Матфею, Варфоломею, Фоме, Фаддею) апокрифические сказания приписывали проповедь именно в странах за пределами зоны римского влияния.

²⁶⁰⁰ Здесь американская цивилизация рассматривается как вариант европейской, т. е. восходящей к Риму. «Колонизация в античном смысле» — процесс, подобный основанию греческих колоний в VII–V вв. Избыточное население полиса выезжало за море (в Италию, в Ионию, в Тавриду), где основывало «дочерние» полисы, сохранявшие политические, экономические и культурные связи с «городом-матерью» (отсюда термин «метрополия»).

²⁶⁰¹ Случаи Эфиопии и России, будучи особыми и в чем-то исключительными, свидетельствуют при этом о закономерности. Средневековому христианству действительно трудно было мыслить себя вне Римской империи или воинствующего «избранного народа», Израиля. При отсутствии культурно-исторической преемственности ее надо было придумать. Русь на военно-политическом подъеме XV века измыслила себе статус «Третьего Рима» и происхождение Рюрика от Августа, а эфиопские цари объявили себя потомками царя Соломона. Впрочем, отсылками к «священным войнам» Израиля пестрят и русские летописи.

²⁶⁰² Сирия, ядро крупнейшей эллинистической державы Селевкидов, с ее многочисленными греческими культурными центрами, была весьма восприимчива и к римским влияниям (взять хотя бы культуру Пальмиры).

²⁶⁰³ Симона хочет сказать, что христианство укоренилось там, где римское господство смогло в достаточной мере лишить местные народы их собственных культурных корней, и в этом провести параллель с европейским миссионерством в колониях в XVI–XX вв. В письме к аббату Кутюрье эта мысль выражена еще резче: «Рим, как всякая страна-колонизатор, в моральном и духовном отношении лишал завоеванные страны их корней. Это бывает последствием любого колониального завоевания. Вернуть покоренных к их корням Рим не собирался и теперь (после принятия христианства. — П. Е.). Ему надо было лишить их корней еще больше. (...) Христианство, подпав под совместное влияние Израиля и Рима, блестяще преуспело в этом. И вплоть до сего дня, повсюду, куда приносят его миссионеры, идет тот же процесс лишения корней» (Ф, с. 500–501).

²⁶⁰⁴ «Творению» (Мк 16:15). В указанном фрагменте сказано еще определеннее: *πάσῃ τῇ κτίσει*, «всему творению». Вся заключительная часть канонического текста Евангелия от Марка, начиная с 16:6, отсутствует как во многих из древнейших рукописей на греческом, так и в части древних изводов латинского, сирийского, древнеармянского, древнегрузинского и эфиопского текста. О ней не знали Климент Александрийский, Ориген, Аммоний. Блаженный Иероним отмечал, что ни один известный ему греческий список Евангелия от Марка ее не имел. Вместо этой концовки, в ряде древних рукописей записаны другие варианты; все они, по общему мнению исследователей текстологии Нового Завета, не носят признаков

стиля евангелиста Марка, а добавлены кем-то другим, хотя и в весьма раннее время (Метцгер Б. М. Текстология Нового Завета, М., 1996, с. 222–225).

²⁶⁰⁵ Эсхатологическими обещаниями пронизано все учение Христа; синоптические Евангелия — Матфея (24:2–44), Марка (13:5–37) и Луки (21:6–36) — передают Его проповедь о последнем времени в сходных выражениях. Во всех трех вариантах рассказа говорится о вселенском характере миссии Христа, Его евангельской проповеди и Его второго пришествия. У Марка (13:3) уточнено, что эта проповедь была произнесена не перед многочисленным собранием, а в кругу четырех учеников — Петра, Иакова, Иоанна и Андрея. К их свидетельствам, очевидно, и восходят три версии рассказа. У Иоанна она не приведена; но эсхатологическое напряжение свойственно написанному им Евангелию отнюдь не в меньшей степени, чем синоптическим.

²⁶⁰⁶ Ср. Мф 15:24.

²⁶⁰⁷ Кажется, смысл здесь таков: Церковь, по мнению Симоны, должна была подобрать «потерянных овец», т. е. выходцев из разной религиозной среды, разочарованных и утративших естественное и твердое стояние в отеческих традициях, но не вытеснять, не уничтожать то, что еще было крепкого в этих традициях.

²⁶⁰⁸ Arrachement, буквально: «разрыв».

²⁶⁰⁹ Ср. рассуждение о разных видах разрушения «я»: 1) жертвенно-аскетическом, «изнутри», и 2) «извне», влекущем за собой деградацию и распад личности (K7, ms. 66–70, с. 270–273).

²⁶¹⁰ Convenance.

²⁶¹¹ Говоря о результате действия, Симона обычно имеет в виду достижение либо недостижение желаемой цели. Но не лучше ли говорить о совокупности прямых и косвенных последствий, относящихся к сфере нашей ответственности? Не продумывая их, мы можем получить результаты, прямо противоположные нашим устремлениям. В качестве примера вспомним злополучную лекцию папы Бенедикта XVI в университете Регенсбурга 12 сентября 2006 г. Чистота и благородство намерений папы, равно как и насущная актуальность темы (соотношение веры и разума в греческой и исламской традициях), не вызывают сомнений; но последствия речи были печальны: шквал антихристианских эксцессов по всему мусульманскому миру, насилие и человеческие жертвы; повод всему дала лишь краткая, но острая цитата, в то время как основное содержа-

ние лекции не привлекло широкого внимания. Львиная доля ответственности за случившееся лежит на мировых СМИ, разнесших слова понтифика как пищу для скандала; но увы, трудно отрицать и долю собственной вины оратора, которая заключается в одном — в недостаточном учете возможных последствий.

²⁶¹² По классификации Спинозы.

²⁶¹³ Противоположный пример. Моральный выбор женщины-матери, в нормальном варианте, делается с преимущественным учетом отношений материнства. И они, несомненно, оказывают воздействие на вегетативную энергию.

²⁶¹⁴ *Énergie disponible*. Впоследствии, для облегчения текста, мы будем также переводить это определение как «наличная энергия».

²⁶¹⁵ Здесь духовная энергия, которой «мы обладаем» (*on possède*), явно противопоставлена энергии «наличной», энергии, «которая имеется в нашем распоряжении» (*disponible*). Отличие в том, что количество «наличной» энергии в человеке зависит от множества внешних и даже случайных факторов, а энергия духовная, с одной стороны, присуща человеку внутренне, но при этом имеет сверхъестественное происхождение.

²⁶¹⁶ *Licence*.

²⁶¹⁷ Св. Хуан де ла Крус. Советы монаху о том, как достичь спасения, 9.

²⁶¹⁸ Эта статья Симоны Вейль вышла в «*Cahiers du Sud*» уже после ее смерти, в январе 1944 г., под анаграмматическим псевдонимом Эмиль Новис.

²⁶¹⁹ Эту фразу надо, вероятно, понимать так: воображаемое в нашей жизни облекает для нас добро и зло оболочками, в силу чего контакты с добром и злом, даже когда мы их видим своими глазами и переносим физически, бывают опосредованы различными фикциями. Т. е. эти контакты редко бывают в полном смысле реальными.

²⁶²⁰ Ср. Платон, *Филеб*, 16с.

²⁶²¹ Та *ἑρῦα* первоначально было названием таинств Деметры, но впоследствии перешло на культ Диониса. Переход к современному употреблению слова произошел, вероятно, через посредство римских Вакханалий, которые, в отличие от греческих оргий, приобрели характер растлительный и общественно-опасный (ср. Тит Ливий, *История от основания города*, XXXIX, 8–14).

²⁶²² Эпоптия (букв.: «созерцание») — высшая степень посвящения в Элевсинские мистерии.

²⁶²³ Платон, *Государство*, VII, 515с–d.

- ²⁶²⁴ Платон, Федр, 254b–e; 251c–d.
- ²⁶²⁵ K7, ms. 41 (с. 248).
- ²⁶²⁶ Платон, Федр, 254e.
- ²⁶²⁷ Двойная черта идет по полю страницы до слова «Отразить...».
- ²⁶²⁸ Действия тех, кто сознательно ввергает людей в несчастье. В данном случае, имеются в виду организаторы заговора. См. речи Рено в 6-м явлении 2-го действия.
- ²⁶²⁹ Les deux bouts.
- ²⁶³⁰ Речь идет о том, когда человека делают игрушкой для удовлетворения плоти, и не обязательно насильственно. Возможно, еще одно размышление о Коlette, чью судьбу Ж. Батай использовал как материал для разнообразных экспериментов в де-садовском стиле. Ср. K6, ms. 119 (с. 190); K7, ms. 52 (с. 260).
- ²⁶³¹ Гераклит, фр. 90 DK: «На огонь обменивается все, и огонь — на все, как на золото <обмениваются> товары, и на товары — золото» (пер. М. Дынника).
- ²⁶³² Образ молнии из «Гимна Зевсу» Клеанфа, в котором Симона видит символ Святого Духа. См. примеч. 2499.
- ²⁶³³ Комментарий на формулу о Боге из «Метафизики» Аристотеля. Ср. K6, ms. 104 (с. 176–177), ms. 109 (с. 180–181); примеч. 2708 и 2709.
- ²⁶³⁴ Исх 3:14 (голос Бога из горящего тернового куста на Синае).
- ²⁶³⁵ Я (*исп.*).
- ²⁶³⁶ Мф 25:31–46.
- ²⁶³⁷ Ср. Лк 17:7–10: «Кто из вас, имея раба пашущего или пасущего, по возвращении его с поля, скажет ему: пойдй скорее, садись за стол? Напротив, не скажет ли ему: приготовь мне поужинать и, подпоясавшись, служи мне, пока буду есть и пить, и потом ешь и пей сам? Станет ли он благодарить раба сего за то, что он исполнил приказание? Не думаю. Так и вы, когда исполните всё повеленное вам, говорите: мы рабы ничего не стоящие, потому что сделали, что должны были сделать».
- ²⁶³⁸ Impulsion.
- ²⁶³⁹ См. абзац: «Чтобы быть только рабом...».
- ²⁶⁴⁰ Симона именно так и выражается: «Мыслить всей душой», — а не: «Желать всей душой», — ибо «желание» слишком часто сводится к напряжению воли, а Симона настаивает на том, что благие изменения в душе производятся не волей, а «вниманием, соединенным с любовью».

- ²⁶⁴¹ То, что есть, сущее (*грез.*). Напомним, что Платон отличает «истинно сущее», т. е. умопостигаемое, и имеющее, по его убеждению, истинную реальность, от «становящегося», чувственного, изменчивого, которое получает свое существование от первого.
- ²⁶⁴² См. т. 1, K1, с. 130–131.
- ²⁶⁴³ *Silencieuse.*
- ²⁶⁴⁴ *Intention.* Поскольку намерение направлено бывает на объект, фраза относится, вероятно, ко второму способу. Если текст фразы прочитан издателями верно, мысль кажется выраженной не вполне отчетливо. Мы ее прочитываем так: в отношении человека к отдельным объектам (в хозяйственной ли, в иной ли деятельности, в личных и общественных отношениях, и т. д.), если человек не воспринимает объекты как органичную часть мироздания, если он пренебрегает тем, что через это отношение входит в контакт с Мировой Душой, в этих случаях, в отношении человека к объектам *Бог не присутствует.*
- ²⁶⁴⁵ Имеется в виду опыт Ланьо относительно куба, который Симона использует многократно. В др. месте она пишет: «Никто никогда не видел и не увидит куба. Никто никогда не осязал и не сможет осязать куб, по аналогичным причинам. Обходя вокруг кубического ящика, мы порожаем неопределенное разнообразие видимых форм, ни одна из которых не является кубической. Форма куба отличается от них всех, она трансцендентна по отношению к их области» (СЕС, t. VI, vol. 2, p. 651, п. 270, а также: t. IV, vol. 2, p. 273).
- ²⁶⁴⁶ Т. е., «Платон».
- ²⁶⁴⁷ Платон, Государство, VI, 511b–d.
- ²⁶⁴⁸ Платон, Филеб, 51c (о красоте геометрических форм, поверхностей и объемов; Платон называет их *ἀεί καλά*, «вечно прекрасными»).
- ²⁶⁴⁹ Платон, Пир, 210c–d, 212a (речь Диотимы): «Начав с отдельных проявлений прекрасного, надо все время, словно бы по ступенькам, подниматься ради самого прекрасного вверх — (...) от прекрасных тел к прекрасным нравам, а от прекрасных нравов к прекрасным учениям, пока не поднимешься от этих учений к тому, которое и есть учение о самом прекрасном, и не познаешь наконец, что же это — прекрасное. И в созерцании прекрасного самого по себе (...) только и может жить человек, его увидевший. (...) Неужели ты думаешь, (...) что человек, устремивший к нему взор, подобающим образом его созерцающий и с ним неразлучный, может жить жалкой жизнью? Неужели ты не понимаешь, что, лишь созерцая пре-

красное тем, чем его и надлежит созерцать, он сумеет родить не призраки добродетели, а добродетель истинную, потому что постигает он истину, а не призрак? А кто родил и вскормил истинную добродетель, тому достается в удел любовь богов, и если кто-либо из людей бывает бессмертен, то именно он» (пер. С. Апта).

²⁶⁵⁰ Не вытекающее из какого-либо иного предположения, безусловное.

²⁶⁵¹ В работе «Человек и его становление согласно Веданте» (1941).

²⁶⁵² Ср. K7, ms. 96 (с. 294).

²⁶⁵³ Платон, Государство, VII, 515e–516a: «А если заставить его смотреть прямо на самый свет, разве не заболят у него глаза, и не вернется он бегом к тому, что он в силах видеть, считая, что это действительно достовернее тех вещей, которые ему показывают? (...) Если же кто станет насильно тащить его по крутизне вверх, в гору, не отпуская, пока не извлечет его на солнечный свет, разве он не будет страдать и не возмутится таким насилием? А когда бы он вышел на свет, глаза его настолько были бы поражены сиянием, что он не мог бы разглядеть ни одного предмета из тех, о подлинности которых ему теперь говорят» (пер. А. Егунова).

²⁶⁵⁴ Transfini.

²⁶⁵⁵ Par les deux pînces. Акцент делается на парном (и большем) числе аргументов в отношениях как логических, так и математических.

²⁶⁵⁶ Руссо, Эмиль, кн. II: «Есть два сорта зависимости: зависимость от вещей, лежащая в самой природе и зависимость от людей, порождаемая обществом. Первая, не заключая в себе ничего морального, не вредит свободе и не порождает пороков; вторая, не будучи упорядоченной, порождает все пороки. (...) Держите ребенка в одной зависимости от вещей, и вы будете следовать порядку природы в постепенном ходе его воспитания. Противопоставляйте его неразумной воле одни только физические препятствия или такие наказания, которые вытекают из самих действий и которые он при случае припоминает. (...) Пусть с ранних пор (он) чувствует над своей гордо поднятой головой жестокое иго, налагаемое на человека природой, тяжелое иго необходимости, под которым должно склониться всякое ограниченное существо. Пусть он видит эту необходимость в вещах, а не в капризе людей... пусть уздой, его удерживающей, будет сила, а не власть. (...) С помощью одной узды — необходимости — его можно связывать, двигать вперед, задерживать, не возбуждая в нем ропота; с помощью одной силы вещей можно делать его гибким, и послушным, не давая возмож-

ности одному пороку зародиться в нем, ибо страсти не возбуждаются, пока они не способны произвести никакого действия» (пер. П. Первова).

²⁶⁵⁷ По полю страниц с ms. 107 по 109 идет сплошная черта.

²⁶⁵⁸ Сжатая цитата из КнУ, 1, 5–9: «Что невыразимо речью, чем выражается речь, (...) что не мыслится разумом, чем, <как> говорят, мыслим разум, (...), что не видно глазом, чем видны глаза, (...) что не слышно ухом, чем слышно ухо, (...) что не дышит дыханием, чем дышится дыхание — знай: то и есть Брахман...»

²⁶⁵⁹ Не растолковано, кто познает — Бог или мыслящее существо.

²⁶⁶⁰ Симона хочет сказать: «Мое „я“ стоит...»

²⁶⁶¹ В смысле: чистым, беспримесным.

²⁶⁶² Аллюзия на БхГ, VII, 28. См. также К7, ms. 24 (с. 236) и примеч. 2349.

²⁶⁶³ Платон, Парменид, 142с–d: «*Парменид*. Итак, должно существовать бытие единого, не тождественное с единым, ибо иначе это бытие не было бы бытием единого и единое не было бы причастно ему, сно было бы все равно что сказать „единое существует“ или „единое едино“. Теперь же мы исходим не из предположения „единое едино“, но из предположения „единое существует“. Не правда ли? *Аристотель*. Конечно. (...) *Парменид*. Если „существует“ говорится о существующем едином, а „единое“ — о едином существующем, и если, с другой стороны, бытие и единое не тождественны, но лишь относятся к одному и тому же существующему единому, которое мы допустили, то ведь необходимо, чтобы само существующее единое было целым, а единое и бытие — его частями? *Аристотель*. Необходимо. *Парменид*. Далее, называть ли нам каждую из этих двух частей только частью, или же каждая часть должна называться частью целого? *Аристотель*. Частью целого. *Парменид*. И следовательно, то, что едино, одновременно есть целое и имеет части? *Аристотель*. Именно так» (пер. Н. Томасова).

²⁶⁶⁴ Там же, 143d–144a.

²⁶⁶⁵ Черта идет по полю до конца ms. 110.

²⁶⁶⁶ ИУ, 1. Ср. также К6, ms. 32 (с. 110).

²⁶⁶⁷ Pure; «чистый» здесь означает не «нравственно-чистый», а «беспримесный».

²⁶⁶⁸ Симона хочет сказать, что, созерцание Христа, которого мы кормим из собственных рук, должно быть не менее благоговейно, чем созерцание Его крестного страдания.

- ²⁶⁶⁹ Евангелие заповедает творить милостыню не вообще и всегда, а с ограничениями, с соблюдением определенных условий: «Смотрите, не творите милостыни вашей пред людьми с тем, чтобы они видели вас: иначе не будет вам награды от Отца вашего Небесного» (Мф 6:1). Уместно вспомнить также эпизод с миром, который возлила грешница на ноги Иисуса незадолго до Его страдания: «Тогда один из учеников Его, Иуда Симонов Искарот, который хотел предать Его, сказал: Для чего бы не продать это миро за триста динариев и не раздать нищим? (...) Иисус же сказал: оставьте ее; она сберегла это на день погребения Моего. Ибо нищих всегда имеете с собою, а Меня не всегда» (Ин 12:4–8).
- ²⁶⁷⁰ Sort. Имеется в виду зависимость от стечения случайных обстоятельств, сложившихся так, что человек встретил того, кто захотел ему помочь.
- ²⁶⁷¹ См. K2, ms. 129 (т. 1, с. 229).
- ²⁶⁷² Перевод выполнен по изданию Q, р. 595–627. Все ссылки и подстрочные комментарии сделаны специально для настоящего перевода.
- ²⁶⁷³ Симона связывает его с господством Рима, который считает древним примером тоталитарного режима.
- ²⁶⁷⁴ Диоген Лаэртский, О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов, VII, 1, 18. Предположение, что эти слова относятся к смерти, высказывает Порфирий (Жизнь Пифагора, 42).
- ²⁶⁷⁵ Лк 9:62.
- ²⁶⁷⁶ Иак 3:2–8.
- ²⁶⁷⁷ Ямвлих, Протрептик, 21, 106.
- ²⁶⁷⁸ Ямвлих, О пифагорейской жизни, 82.
- ²⁶⁷⁹ Там же, 86.
- ²⁶⁸⁰ Аристотель, Большая этика, I, 1182a. Аналогично переводит это выражение Т. Миллер. Симона в другом месте предлагает другой его перевод (ср. K7, ms. 86 и примеч. 2583).
- ²⁶⁸¹ Диоген Лаэртский, VII, 1, 33. В рус. пер. М. Гаспарова: «Дружба есть равенство ладов».
- ²⁶⁸² Гераклит, фр. 32 DK.
- ²⁶⁸³ Платон, Теэтет, 176b: «Истина же гласит так: Бог никоим образом не бывает несправедлив, напротив, он как нельзя более справедлив, и ни у кого из нас нет иного способа уподобиться ему, нежели стать как можно более справедливым».
- ²⁶⁸⁴ Изречение, приведенное выше в передаче Диогена Лаэртского.

²⁶⁸⁵ Платон, Тимей, 31с–32а: «Прекраснейшая же из связей такая, которая в наибольшей степени единит себя и связуемое, и задачу эту наилучшим образом выполняет пропорция, ибо, когда из трех чисел — как кубических, так и квадратных — при любом среднем числе первое так относится к среднему, как среднее к последнему, и соответственно последнее к среднему, как среднее к первому, тогда при перемещении средних чисел на первое и последнее место, а последнего и первого, напротив, на средние места выяснится, что отношение необходимо остается прежним, а коль скоро это так, значит, все эти числа образуют между собой единство» (пер. С. Аверинцева).

²⁶⁸⁶ Платон, Пир, 202d–202e (беседа Сократа с Диотимой): «Так что же такое Эрот? — спросил я. — Смертный? — Нет, никоим образом. — А что же? — Как мы уже выяснили, нечто среднее между бессмертным и смертным. — Кто же он, Диотима? — Великий гений, Сократ. Ведь все гении представляют собой нечто среднее между богом и смертным. — Каково же их назначение? — спросил я. — Быть истолкователями и посредниками между людьми и богами, передавая богам молитвы и жертвы людей, а людям наказания богов и вознаграждения за жертвы. Пребывая посредине, они заполняют промежуток между теми и другими, так что Вселенная связана внутренней связью. Не соприкасаясь с людьми, боги общаются и беседуют с ними только через посредство гениев — и наяву и во сне» (пер. С. Апта). Словом «гений» переводчик передает греческое δαίμων.

²⁶⁸⁷ Прокл, Комментарий к первой книге «Начал» Евклида. Введение.

²⁶⁸⁸ Филолай, фр. 11, по собственному переводу Симоны Вейль. В рус. пер. А. Лебедева: «Можно заметить, что природа и сила числа действуют не только в демонических и божественных вещах, но также повсюду во всех человеческих делах и отношениях, во всех технических искусствах и в музыке». Впрочем, религия древних греков не противопоставляла «божественное» и «демоническое», как впоследствии христианство, а объединяла их. Перевод Симоны хоть и не буквален, но избегает двусмысленности. Как поясняет Платон в «Пире» и «Послезаконии», дело даймонов — посредство между верховным Божеством, «достигшим совершенства в своей божественной участи, (который) находится за пределами удовольствия и страдания и во всем причастен лишь разумности и познанию» (Послезаконие, 985a; пер. А. Егунова), и смертными. «Бла-

годаря им возможны всякие прорицания, жреческое искусство и вообще все, что относится к жертвоприношениям, таинствам, заклинаниям, пророчеству и чародейству» (Пир, 203а; пер. С. Апта). «Они знают все наши мысли и чудесным образом приветствуют тех из нас, кто прекрасен и благ, а очень дурных людей ненавидят» (Послезаконие, 985а). Они — «истолкователи; их надо усердно почитать молитвами за их благие вещания» (там же, 984е). Итак, дела, связанные с даймонами, суть дела истолкования божественной воли и уподобления божеству в поиске нравственного и интеллектуального совешенства. К даймонам у Платона (см. «Пир») относится и Эрот, которого Симона Вейль прямо соотносит с Богом как Посредником, т. е. со Христом.

²⁶⁸⁹ Выражения Евангелия от Иоанна о Христе как Посреднике подчас напоминают математические формулы пропорциональности. Например: «Принимающий того, кого Я пошлю, Меня принимает; а принимающий Меня принимает Пославшего Меня» (Ин 13:20).

²⁶⁹⁰ Принадлежность «Послезакония» непосредственно Платону оспаривалась еще в древности (Ср.: Диоген Лаэртский, III, 37, 51, 61, 62). В качестве компромиссного высказывается мнение, что этот диалог после смерти Платона записан полностью по памяти или завершен частично учениками.

²⁶⁹¹ Assimilation.

²⁶⁹² Платон, Послезаконие, 990с–d: «Кто это усвоил, тот может перейти к тому, что носит весьма смешное имя геометрии. На самом деле ясно, что это наука о том, как выразить на плоскости числа, по природе своей неподобные. Кто умеет соображать, тому ясно, что речь идет здесь прямо-таки о божественном, а не человеческом чуде» (пер. А. Егунова).

²⁶⁹³ Мы употребляем здесь это слово в качестве перевода французского *médiation* для наглядности связи с богословскими теориями «Посредничества». Принятым термином для обозначения такого рода соотношения является: «непрерывная пропорция».

²⁶⁹⁴ По Диогену Лаэртскому (VIII, 1, 12) это была гекатомба, т. е. заклание сотни быков. Достоверность рассказа, впрочем, под сомнением, так как и сам этот автор, и многие другие передают, что Пифагор не одобрял приношение в жертву животных.

²⁶⁹⁵ Платон, Послезаконие, 991b.

²⁶⁹⁶ Платон, Пир, 187b. Поскольку среди значений слова λόγος имеются такие как «связь», «отношение», то ὁμολογία — во всяком слу-

чае, в определенном контексте — может быть переведено: «идентичность отношений», как это делает Симона. С. Апт переводит его просто как «согласие».

²⁶⁹⁷ *Démonstration*. Другое (впрочем, близкое) значение: демонстрация опыта.

²⁶⁹⁸ Пример последнего рода показывает, например, древнерусская каменная архитектура. При хорошем — а подчас превосходном — эстетическом чувстве пропорций, наши зодчие XV–XVII вв. обходились без математических расчетов, доверяя лишь навыку и глазу. В обстановке недоверия ко всякому (включая богословскую сферу) теоретическому поиску, в котором виделось «парение ума», прямоком ведущее в «прелесть бесовскую», математика не могла развиваться даже в технических целях, даже в областях, где нужда в ней представляется очевидной. В этом отношении Русь была антиподом древней Греции.

²⁶⁹⁹ Диофант Александрийский — математик, живший в III в. н. э.

²⁷⁰⁰ В своем желании достичь согласия между интеллектуальной строгостью и мистическим озарением, Симона, возможно, несколько преувеличивает стремление пифагорейцев к математической точности в богословских рассуждениях. Пифагореец Тимей у Платона, например, затрудняется судить определенно о предметах божественных: «О непреложном, устойчивом и мыслимом предмете и слово должно быть непреложным и устойчивым... Но о том, что лишь воспроизводит первообраз и являет собой лишь подобие настоящего образа, и говорить можно не более как правдоподобно. Ведь как бытие относится к рождению, так истина относится к вере. А потому не удивляйся, Сократ, что мы, рассматривая во многих отношениях много вещей, таких, как боги и рождение Вселенной, не достигнем в наших рассуждениях полной точности и непротиворечивости. Напротив, мы должны радоваться, если наше рассуждение окажется не менее правдоподобным, чем любое другое, и притом помнить, что и я, рассуждающий, и вы, мои судьи, всего лишь люди, а потому нам приходится довольствоваться в таких вопросах правдоподобным мифом, не требуя большего» (Тимей, 432; пер. С. Аверинцева).

²⁷⁰¹ Под образами божественных истин, «подвластными необходимости», Симона понимает, судя по дальнейшему изложению, геометрические закономерности, которым она, вслед за пифагорейцами, дает мистическое толкование.

- ²⁷⁰² Certitude. Рассуждение в этом абзаце построено на разных аспектах значения этого слова.
- ²⁷⁰³ Certitude, переводимое обычно на русский как «уверенность», не имеет столь ярко выраженного субъективного оттенка, как русское слово. Certitude есть скорее убежденность, удостоверенность в силу того, что ее предмет очевиден или доказан, в то время как по-русски «уверенным» можно быть в силу чистого внушения.
- ²⁷⁰⁴ Течение во французской поэзии 2-й половины XIX в. (Теофиль Готье, Теодор де Банвиль, Жозе-Мария Эредиа, Филипп Вилье де Лиль-Адан, Сюлли Прюдом, Катюль Мендес и др.). В некоторых отношениях парнасцам наследовал Поль Валери, которого Симона очень ценила; может быть, именно творчество Валери, еще продолжавшееся в 1940-е гг., дает ей повод говорить о парнасцах в настоящем времени.
- ²⁷⁰⁵ Для понимания этого места следует помнить о том, что для Симоны истинное богоуподобление, т. е. уподобление Христу распятому, означает «принятие пустоты». Об этом см.: Любовь к Богу и несчастье (Ф).
- ²⁷⁰⁶ Мнение об уровне развития математики в СССР предвоенной поры Симона, возможно, позаимствовала у своего брата Андре, состоявшего в переписке с советским математиком Львом Понтрягиным.
- ²⁷⁰⁷ Изречение Филолая, фр. 10: $\delta\acute{\iota}\chi\alpha$ φρονεόντων συμφρόνησις. Симона дает очень буквальный перевод этого изречения, которое уже древними комментаторами трактуется как «слаженность противоположных», «согласие несогласных» (особенно в приложении к музыкальной гармонии). Симона придает ему смысл теологической формулы.
- ²⁷⁰⁸ В оригинале: «Ἔστιν ἡ νόησις νοήσεως νόησις» (Аристотель, Метафизика, XII, 9, 1074b). Перевод А. Кубицкого: «Ум мыслит сам себя, если он — превосходнейшее, и мышление его есть мышление о мышлении».
- ²⁷⁰⁹ Кажется, в этом случае Симона ошибается, распространяя на греческое слово то, что можно сказать о французском слове *pensée*. В отличие от своего французского эквивалента, который может означать как мыслимое, объект мысли, так и деятельность ума, который мыслит, греческое $\nu\acute{o}\eta\sigma\iota\varsigma$ имеет только активное значение: «мышление». Вообще она систематически выказывает предубежденность против Аристотеля. Он вызывает у нее неприятие и как адепт «здравого смысла», жесткий критик мистических тенденций

Платона и Пифагора, и как философ, официально признанный эталоном в позднесредневековом католицизме. Симона постоянно помнила, что утверждение в западной теологии культа Аристотеля было связано с Альбигойскими войнами и началом практики систематического истребления инакомыслящих в христианской Европе.

²⁷¹⁰ Исх 3:14.

²⁷¹¹ Ср. Платон, Тимей, 31b.

²⁷¹² Par excellence.

²⁷¹³ Филолай, фр. 7.

²⁷¹⁴ Connexion.

²⁷¹⁵ Constitue.

²⁷¹⁶ Платон, Тимей, 36с.

²⁷¹⁷ В 1-й главе книги Бытия этапы созидания мира описываются через назначение пределов: «И увидел Бог свет, что он хорош, и *отделил Бог свет от тьмы*. (...) И сказал Бог: да будет твердь посреди воды, и *да отделяет она воду от воды*. (...) И сказал Бог: да соберется вода, которая под небом, *в одно место, и да явится суша*. (...) И сказал Бог: да будут светила на тверди небесной <для освещения земли и> *для отделения дня от ночи, и для знамений, и времен, и дней, и годов*» (Быт 1:4, 6, 9, 14).

²⁷¹⁸ Ср. Платон, Филеб, 16d.

²⁷¹⁹ Платон, Филеб, 16с. Пер. Н. Самсонова: «Древние, бывшие лучше нас и обитавшие ближе к богам, передали нам сказание, гласившее, что все, о чем говорится как о вечно сущем, состоит из единства и множества и заключает в себе сросшиеся воедино предел и бес-предельность».

²⁷²⁰ Intelligence.

²⁷²¹ Творец — творение (см. выше).

²⁷²² Псал 21:1; Мф 27:46; Мк 15:34.

²⁷²³ Ср. Флп 4:7.

²⁷²⁴ Ср. Рим 8:29: «Ибо кого Он предузнал, тем и предопределил быть подобными образу Сына Своего, дабы Он был первородным между многими братьями».

²⁷²⁵ Хуан де ла Крус, Изъяснение песнопений, объясняющих работу души, песнь 32, изъяснение 6: «Для Бога любить душу значит принять ее определенным образом в себя самого, уравнив с собой; и так Он любит душу в себе вместе с собой той самой любовью, коей любит себя» (пер. А. Незванова).

- ²⁷²⁶ Этот тезис впервые был высказан более чем за двести лет до Августина еп. Иринея Лионским в такой форме: «Для того Слово Божие сделалось человеком и бывший Сыном Божиим стал Сыном Человеческим, чтобы человек, принятый в Слово и получивший усыновление, смог стать сыном Божиим» (Против ересей, III, 19, 1).
- ²⁷²⁷ Платон, Горгий, 508а: «Мудрецы учат, Калликл, что небо и землю, богов и людей объединяют общение, дружба, порядочность, воздержность, справедливость, по этой причине они и зовут нашу Вселенную „порядком“ <космосом>, а не „беспорядком“, друг мой, и не „бесчинством“. Ты же, мне кажется, этого в расчет нисколько не принимаешь, несмотря на всю свою мудрость, ты не замечаешь, как много значит и меж богов, и меж людей равенство, — я имею в виду геометрическое равенство, — и думаешь, будто надо стремиться к превосходству над остальными. Это оттого, что ты пренебрегаешь геометрией» (пер. С. Маркиша). В «Законах» Платон, разъясняя, в каком смысле эта геометрическая категория применяется в общественно-этических вопросах, различает два вида гражданского равенства: «арифметическое равенство» («равенство меры, веса и числа») и «геометрическое равенство» (равенство по достоинству и добродетелям). Платон замечает, что «для неравных равное стало бы неравным, если бы не соблюдалась надлежащая мера» (Законы, 757а; пер. А. Егунова). «Геометрическое равенство» — «самое истинное и наилучшее равенство»: «большему оно уделяет больше, меньшему — меньше, каждому даря то, что соразмерно его природе» (Законы, 757с).
- ²⁷²⁸ Горгий, 508а, по переводу Симоны.
- ²⁷²⁹ Если применить для истолкования этого изречения приведенную выше фразу из «Горгия», она будет означать скорее: «Да не входит сюда тот, кто не стремится приобрести истинных понятий о справедливости».
- ²⁷³⁰ Ин 14:6.
- ²⁷³¹ Это изречение Платона, сохраненное устной традицией, приводится в «Застольных беседах» Плутарха (II, 2, 1)
- ²⁷³² Un principe de mal.
- ²⁷³³ В печатном издании статьи «не» отсутствует, но контекст его требует.
- ²⁷³⁴ Prennent une efficacité diabolique.
- ²⁷³⁵ Médiateur.
- ²⁷³⁶ Платон, Пир, 201–212 (речь Диотимы в пересказе Сократа).

²⁷³⁷ Филолай, фр. 6.

²⁷³⁸ Ямвлих рассказывает об этих сицилийских философах в своем труде «Жизнь Пифагора» (33, 234–236) со ссылкой на свидетельство Дионисия Старшего, тирана Сиракуз. Дионисий, желая испытать великодушие и мужество пифагорейцев, ложно обвинил одного из них, Финтия, в измене и вынес ему смертный приговор. «Финтий ответил, что если таково его решение, то он просит предоставить ему оставшуюся часть дня, чтобы уладить домашние дела, свои и Дамона. Эти мужи жили вместе и все имущество у них было общее, а Финтий, как старший, большую часть домашних дел взял на себя. Поэтому он хотел, чтобы его отпустили под поручительство Дамона. Дионисий (...) спросил, найдется ли такой человек, который останется поручителем смерти. Когда Финтий сказал, что найдется, то послали за Дамоном. Он явился и, услышав о том, что произошло, сказал, что он ручается за Финтия и будет ждать, пока тот не возвратится. Конечно, Дионисий, как он говорил, был искренне поражен этим; а те, кто с самого начала устроили это испытание, смеялись над Дамоном, что его бросили в беде (...). Но уже на закате дня Финтий явился, чтобы умереть, и все были этим поражены и покорены. Дионисий, как он говорит, обняв и поцеловав этих мужей, просил принять его третьим в их дружеский союз, но они решительно отказались это сделать» (пер. И. Мельниковой).

²⁷³⁹ Ср. Ин 13:34. У Ямвлиха приведены впечатляющие примеры взаимопомощи в пифагорейской среде; впрочем, его изложение ясно свидетельствует, что дружба ограничивалась для них кругом посвященных; отношения внутри этого круга безусловно предпочитались всем остальным социальным связям, в том числе и родственным. Это вызывало неприязнь, а подчас и ненависть к пифагорейцам со стороны сограждан, переходившую подчас в жестокие преследования.

²⁷⁴⁰ Ср. Мф 6:21.

²⁷⁴¹ Вставляем по контексту.

²⁷⁴² Фукидид. История Пелопоннесской войны, V, 89, 105. Слова афинских послов, сказанные гражданам маленького острова Мелос, которых они пытались давлением привлечь к союзу против Спарты. Вот как переданы они в переводе Г. Стратановского: «Добивайтесь только того, что и вы и мы по здравому рассуждению одинаково считаем возможным. Ведь вам, как и нам, хорошо известно,

что в человеческих взаимоотношениях право имеет смысл только тогда, когда при равенстве сил обе стороны признают общую для той и другой стороны необходимость. В противном случае более сильный требует возможного, а слабый вынужден подчиниться». Мелосцы отказались принять эти бесстыдные доводы даже перед угрозой афинского вторжения. Афиняне осадили город и через год голодом вынудили мелосцев к сдаче. Войдя в город, они перебили взрослых мужчин, а женщин и детей обратили в рабство.

²⁷⁴³ Т. е. на то, что удаленные предметы кажутся меньше, а иные и во все не видны.

²⁷⁴⁴ Энона — кормилица и служанка Федры в одноименной трагедии Расина, Пилад — друг Ореста в трагедии Расина «Андромаха». Согласно древнегреческим эпическим преданиям, использованным в трагедиях Эсхила, Еврипида и др. авторов, Пилад был сыном фокейского царя и приходился двоюродным братом Оресту. Античность видела в них примерный образ равных и взаимно преданных друзей. Напротив, у Расина Пилад относится к Оресту как верный вассал к сеньору.

²⁷⁴⁵ «Иисус сказал ему: возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею и всем разумением твоим: сия есть первая и наибольшая заповедь; вторая же подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя» (Мф 22:37–39).

²⁷⁴⁶ «Да будете сынами Отца вашего Небесного, ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных» (Мф 5:45).

²⁷⁴⁷ «Иисус сказал ему: еще одного недостает тебе: все, что имеешь, продай и раздай нищим, и будешь иметь сокровище на небесах, и приходи, следуй за Мною» (Лк 18:22).

²⁷⁴⁸ См. т. 1, с. 232.

²⁷⁴⁹ Для лучшего понимания мысли Симоны следует учитывать, что «справедливость» и «праведность» обозначаются одним словом и в греческом языке Нового Завета (δικαιοσύνη), и в латинском языке Вульгаты (justitia), и во французском (justice). Современный же русский язык, в отличие от церковно-славянского и древнерусского, разводит эти два смысловых поля.

²⁷⁵⁰ Аллюзия на древнюю молитву «Великое славословие», сохраняющуюся по древней традиции в богослужении как Восточной, так и Западной церкви.

²⁷⁵¹ Charité.

- ²⁷⁵² В этом гармоническом отношении Бог мыслится не как Личность, но как безличный принцип. О необходимости постигать Бога в обоих аспектах — личном и безличном — см. выше.
- ²⁷⁵³ Дао дэ цзин, 73. Симона цитирует по изданию: Tao Te King / Trad. Pierre Salet. P., 1923. Аналогично фраза передана в: Маслов А. Китай: Укрощение драконов. Духовные поиски и сакральный экстаз. М., 2003. Близко по смыслу и чтение В. Малявина: «Небесная сеть широка и редка, но из нее ничто не ускользает». Стоящий особняком вариант из перевода Ян Хиншуна (1950, 1972): «Сеть *природы* редка, но ничего не пропускает» представляется цензурным искажением (возможно, редакторским), неуклюжей попыткой превратить Лао-цзы в «стихийного материалиста».
- ²⁷⁵⁴ Филолай, фр. 11: «Ибо природа числа есть то, что дает познание, направляет и научает каждого относительно всего, что для него сомнительно и неизвестно. В самом деле, если бы не было *числа и его сущности*, то ни для кого не было бы ничего ясного ни в вещах самих по себе, ни в их отношениях друг к другу. <Однако в действительности дело обстоит не так, но> оно <число>, прилаживая все <вещи> к ощущению в душе, делает их <таким образом> познаваемыми и соответствующими друг другу по природе гномона, <т. е. как бы возводя в новую степень, потенцируя, ибо гномон, приложенный к соответствующему квадрату, образует новый квадрат, обнимающий в себе первый>, сообщая им телесность и, разделяя, полагает отдельно понятия о вещах беспредельных и ограничивающих» (пер. и истолкование А. Лосева).
- ²⁷⁵⁵ Так любят родной дом и предметы, связанные с детством, семейные реликвии.
- ²⁷⁵⁶ Сюда относятся инструменты и орудия, которые любят за их удобство и эффективность в использовании, предметы престижа, помогающие устанавливать выгодные связи и поддерживать социальный вес, предметы религиозного культа.
- ²⁷⁵⁷ Principal.
- ²⁷⁵⁸ Fatum (от *лат.* *fari*, говорить) — по первому значению: слово, изречение (богов), отсюда уже исходят другие: рок, судьба, исход, смерть, иное неотвратимое бедствие. Λόγος — от *грек.* λέγω, говорить.
- ²⁷⁵⁹ Le Christ a annexé.
- ²⁷⁶⁰ Навряд ли Симона хотела сказать, что Христос освящает все подробности учений этих философов и каждое сказанное и написанное

ими слово. Из всего круга их размышлений она выбирает этику благодарного приятия существующего миропорядка, которым правит необходимость. Этим нравственным настроем философы, по ее мнению, близки Христу как «Его друзья», причастны Его Духа.

²⁷⁶¹ Это слово подставлено Симоной в текст формулы (см. ниже), впрочем, совершенно законно, так как из всех дошедших до нас свидетельств об учении Анаксимандра (Аристотель, Цицерон, Плутарх, Аэций, Феофраст и др.) известно, что началом всех рождений он полагал *ἄλτερον*. Это слово обычно переводится как «Беспредельное», но Симона здесь, согласно с интерпретацией Аристотеля и Симпликия, предпочитает второе значение: «Неопределенное».

²⁷⁶² Анаксимандр, фр. 1. Это место разными исследователями переводится по-разному. «А из чего возникают все вещи, в то же самое они и разрешаются согласно необходимости. Ибо они за свою нечестивость несут наказание и получают возмездие друг от друга в установленное время» (А. Ф. Лосев). «А из каких <начал> вещам рождение, в те же самые и гибель совершается по роковой задолженности, ибо они выплачивают друг другу правозаконное возмещение неправды <= ущерба> в назначенный срок времени» (А. В. Лебедев). «А из коих возникают сущие (вещи?), в них же они и переходят, погибая по необходимости, ибо несут наказание и получают друг от друга возмездие за несправедливость, согласно порядку времени» (И. Д. Рожанский). Заметим, что вейлевское истолкование этого фрагмента, разделяемое и русским платоником А. Ф. Лосевым, не разделяется многими современными исследователями. «Распространенное мнение, что во фрагменте речь идет о взаимоотношении „апейрона“ и вещей, не отвечает действительности. Во фрагменте содержится множественная форма *ἐξ ὧν ... εἰς ταῦτα*, поэтому вслед за О. Н. Кессиди мы переводим: *из тех (вещей)*, а не *из того; в те же самые (вещи)*, а не *в то же самое*. (Кессиди О. Натурфилософия Анаксимандра. Автореф. дис. канд. филос. наук. М., 1977, с. 19.) Во-вторых, возникают трудности в толковании социоморфической терминологии (*δίκη, τίσις, ἀδικία*). Какое содержание скрывается за ней, кто здесь воздает друг другу „справедливое возмездие“? Прежде всего надо отметить, что во фрагменте речь идет не о взаимоотношении „апейрона“ и вещей, а о взаимоотношении космических стихий (сил, властей) — воды, огня, воздуха. Первым это убедительно доказал Ф. Корнфорд

(Cornford F. M. *Principium Sapientiae*. Cambridge, 1952, p. 775). Подобный подход разделяется большинством современных исследователей. „О возвращении в бесконечное у Анаксимандра не может быть и речи“, — пишет В. Брокер (Brocker W. *Die Geschichte der Philosophie vor Sokrates*. Frankfurt a. M., 1965, S. 17). По его мнению, во фрагменте речь идет о взаимоотношении противоположностей. При этом он также обращает внимание на множественную форму выражения, используемую во фрагменте. Ч. Кан, которому принадлежит один из последних обстоятельных анализов фрагмента, приходит к выводу о том, что возмездие воздают друг другу не вещи и не „апейрон“, а элементы. Во фрагменте не говорится о рождении вещей из „апейрона“ (Kahn Ch. H. *Anaximander and the origins of Greek cosmology*. N. Y., 1960, p. 166–196). Речь идет о взаимоотношении уже известных космических стихий — воды, огня, воздуха. Если это так, то вполне понятно, что осуществляемые ими по отношению друг к другу насильственные действия могут быть интерпретированы как ἀδικία, несправедливость» (Драч Г. *Рождение античной философии и начало антропологической проблематики*. Ростов-на-Дону, 2001).

²⁷⁶³ «Ему отвечали: мы семя Авраамово и не были рабами никому никогда; как же Ты говоришь: сделаетесь свободными? Иисус отвечал им: истинно, истинно говорю вам: всякий, делающий грех, есть раб греха. Но раб не пребывает в доме вечно; сын пребывает вечно. Итак, если Сын освободит вас, то истинно свободны будете» (Ин 8:33–36).

²⁷⁶⁴ Перевод платоновского термина συνιότης (Тимей, 29d, 30c и др.).

²⁷⁶⁵ Ср. Рим 8:29. В нас, т. е. в нашем сознании.

²⁷⁶⁶ Спиноза, *Этика*, V, теорема 23, схолия. «Мы чувствуем и внутренне сознаем, что мы вечны. Ибо душа те вещи, которые она представляет, сознавая их разумом, чувствует не менее тех, которые она помнит. Ведь очами для души, которыми она видит и наблюдает вещи, служат самые доказательства. Поэтому хотя мы и не помним о своем существовании прежде тела, однако мы чувствуем, что душа наша, поскольку она заключает в себе сущность тела под формой вечности, вечна и что существование ее не может быть определено временем или выражено во временном продолжении».

²⁷⁶⁷ В прямоугольном треугольнике сумма квадратов длин катетов равна квадрату длины гипотенузы (теорема Пифагора).

²⁷⁶⁸ Платон, *Государство*, IV, 493d.

- ²⁷⁶⁹ Довольно распространен взгляд, что евангельское учение требует не считать и не называть врагом никого, и что праведник должен вести себя так, будто у него нет врагов, кроме дьявола. Но сама формулировка заповеди: «Любите врагов ваших» (Мф 5:44) допускает, что у праведного человека могут быть личные враги. Вызвать зависть, ненависть, вражду к нему могут сами его добродетели. Можно и должно принимать меры защиты, не желая при этом своему врагу зла. Известное изречение Христа о левой и правой щеке не призывает человека подставлять под удар, кроме щеки, скажем, жену или ребенка.
- ²⁷⁷⁰ Например, крайней необходимости защитить себя и, в особенности, другого от непосредственной и явной угрозы жизни.
- ²⁷⁷¹ Гераклит, фр. 94 DK.
- ²⁷⁷² *Consentement universel*.
- ²⁷⁷³ Псалом 88 (89):11, по переводу: *Nouvelle version des psaumes, faites sur le texte hébreu*. Р., 1762. Ср. также Пс 103 (104):13; Притч 8:29; Иов 38:10–11.
- ²⁷⁷⁴ Как образом Бога.
- ²⁷⁷⁵ Конечно, обычно эти математические отношения устанавливаются без всякого измерения, простым навыком. Например, при косьбе как само удобство обращения с косой, так и продуктивность работы зависят от расстояния между лезвием косы и землей, от угла, под которым лезвие срезает траву, от радиуса вращательного движения косой и множества подобных. Методичное, точное, выверенное соблюдение этих навыков создает особую романтику, эпическую «удаль», реальное удовольствие, вдохновение от тяжелого труда косьбы, составляющее отдельную тему в народной песне и в русской литературе XIX в.
- ²⁷⁷⁶ Ср.: Мф 5:48.
- ²⁷⁷⁷ *Esprit*.
- ²⁷⁷⁸ Филолай, фр. 6. В пер. А. Лебедева: «Вещи подобные и единокровные нисколько не нуждаются в гармонии, а неподобные, неединокровные и не одного порядка необходимо должны быть сопряжены гармонией с тем, чтобы удерживаться вместе в космическом порядке». В этом переводе исчезает уподобление «вещей» створам дверей, которые замыкает в одно-единое ключ гармонии.
- ²⁷⁷⁹ Лк 11:52. Симона дает свою версию перевода.
- ²⁷⁸⁰ Платон, Филеб, 31: «Как только в нас, живых существах, расстраивается гармония, так вместе с тем разлагивается природа и появ-

ляются страдания. (...) Когда же гармония вновь налаживается и возвращается к своей природе, то следует сказать, что возникает удовольствие».

²⁷⁸¹ Развитие метафоры Филолая.

²⁷⁸² *Bien supporté*. Для лучшего понимания того, что хочет вложить в эту фразу Симона, надо обратиться к ее теории несчастья (подробнее в трактате «Любовь к Богу и несчастье»). Она отличает его от всех частных видов страдания и боли: это долговременное, безысходное (или кажущееся таким) состояние, сочетающее физическое страдание и социальное падение, что создает в душе несчастного чувство крушения его собственного «я». Муки распятого Христа, с Его выкриком: «Боже мой, зачем Ты меня оставил?» для Симоны образ человеческого несчастья вообще. «Подобающее перенесение» несчастья — не натужное проявление «несгибаемости», не отчаянная попытка сохранить как можно больше признаков былого, «счастливого» состояния, но погружение в его глубину, переживание его с максимальной честностью, и осознание своего единства с мирозданием, со вселенной, чья жизнь полностью подчинена действию слепых законов, которые Симона, вслед за древнегреческой философской традицией, объединяет понятием «необходимости».

²⁷⁸³ Афоризм, приписываемый Пифагору, в передаче Аристотеля. См. K5, ms. 118 (с. 73).

²⁷⁸⁴ В латинском христианстве главный акцент ставился на *искуплении*, т. е. на получении человеком вечной жизни через Жертву Христа. Восточнохристианское учение об *обожении* человека Западу казалось подозрительным. Симона, отдавая даже предпочтение именно этому аспекту Боговоплощения, сама не зная того, сближается с богословскими интуициями христианского Востока.

²⁷⁸⁵ Симона перефразирует знаменитое место из Послания к Римлянам: «Ибо кого Он предузнал, тем и предопределил быть подобными образу Сына Своего, дабы Он был первородным между многими братьями» (Рим 8:29, СП).

²⁷⁸⁶ Ин 9:1–3: «И, проходя, (Иисус) увидел человека, слепого от рождения. Ученики Его спросили у Него: Равви! кто согрешил, он или родители его, что родился слепым? Иисус отвечал: не согрешил ни он, ни родители его, но *это для того*, чтобы на нем явились дела Божии». Авторитетные церковные экзегеты признают сложность этого фрагмента. «Трудновато для объяснения и имеет много не-

доуменного это изречение — быть может, благоразумнее обходить его молчанием и оставлять без толкования» (Кирилл Александрийский). Одни толкователи считали нужным оговариваться, что предлог *ἵνα* (чтобы) в данном случае выражает не цель, а только следствие; другие заявляли, что долговременные страдания слепого — с младенчества и до дня исцеления — ничто в сравнении с чудесным двойным прозрением — как физическим, так и духовным (т. е. познанием Христа). Симона предлагает радикально иное прочтение: «да явятся на нем дела Божии» означает, по ее предположению: да явится в этом невинном страдальце образ Бога, принявшего человеческую плоть для Крестного страдания.

²⁷⁸⁷ Рассуждение, начинающееся отсюда и идущее вплоть до слов: «Есть звучание этой высшей гармонии», изложенное несколько иными словами, вставлено в завершающую часть статьи «Любовь к Богу и несчастье», которую Симона написала уже по отбытии из Марсея (Ф, с. 320–321).

²⁷⁸⁸ Ср.: Мф 6:6: «Ты же, когда молишься, войди в комнату твою и, затворив дверь твою, помолись Отцу твоему, Который втайне...».

²⁷⁸⁹ Ср. K7, ms. 103 (с. 300) и примеч. 2645.

²⁷⁹⁰ Перевод выполнен по: Р, р. 43–133.

²⁷⁹¹ Маловероятно, что в экстремальной обстановке лета 1940 г. Симона имела возможность перечитывать Отуэя или искать редкую старинную книгу Сен-Реаля. Дриму Отуэя она могла читать еще в отрочестве, встретив ее упоминание на страницах бальзаковского «Отца Горио».

²⁷⁹² SP, р. 531.

²⁷⁹³ Хорошо известна теория религиозных истоков греческой трагедии, с блеском изложенная Ницше; но для Симоны, может быть, большее значение имел В. Гюго, назвавший любимого ею Эсхила «языческим евангелистом».

²⁷⁹⁴ Р, р. 52.

²⁷⁹⁵ Ср. K7, ms. 12 (с. 227).

²⁷⁹⁶ Р, р. 48.

²⁷⁹⁷ K7, ms. 13 (с. 227).

²⁷⁹⁸ Составлена Симоной Вейль.

²⁷⁹⁹ Аббат Сезар Вишар де Сен-Реаль (1643–1692) — французский исторический писатель. События, легшие в основу сюжета трагедии Симоны Вейль, описаны им в сочинении «*Conjuration des espagnols contre la république de Venise en l'année MDCXVIII*» (1674).

- ²⁸⁰⁰ Собор Сан Марко (*ит.* Basilica di San Marco) — кафедральный храм Венеции, расположен на одноименной площади рядом с Дворцом дожей. Построен в первоначальном виде в 829–832 гг., в современном — в 1063–1094 гг.
- ²⁸⁰¹ Кампаниле — колокольня собора св. Марка, самое высокое здание Венеции (98,6 м). Строилась с IX в., окончательную форму получила к 1513 г. Один из главных символов города: венецианцы называют ее «El parón de casa» («Хозяин дома»).
- ²⁸⁰² Пьяццетта (*ит.* piazzetta — маленькая площадь) — расширение площади Сан Марко с юго-востока, где она выходит на берег Лагуны.
- ²⁸⁰³ Ошибка: праздник Обручения Венеции с Адриатикой совпадал не с Пятидесятницей, а с Вознесением. Это было связано с двумя важными историческими моментами: 9 мая 1000 г., в день Вознесения, венецианский флот под командованием дожа Пьетро II Орсеоло вышел на помощь далматским городам, страдавшим от пиратских набегов славян. Экспедиция не положила конца набегам, но знаменовала собой установление военно-политического господства Венеции над обоими берегами Адриатики. Второй вехой явилось подписание в 1177 г. в Венеции, при посредничестве дожа Себастьяно Дзиани, мирного договора между папой Александром III и императором Фридрихом Барбароссой, положившего конец многолетнему противостоянию папства и Империи. Хотя и в этом случае примирение было лишь временным, факт посредничества Республики между двумя главными игроками европейской политики говорил о ее вхождении в круг мировых держав. Это было отмечено и папой, который вручил дожу обручальное золотое кольцо в знак принимаемого Венецианской республикой «вечного попечения о море», подобно как муж принимает на себя ответственность за содержание и защиту жены. В память об этом был установлен в 1180 г. праздник, в самом названии которого — Festa della Sensa — религиозный смысл соединялся с политическим: на венецианском диалекте слово Sensa означает Вознесение, но оно же напоминало и местный торговый термин «senseria» — торговое посредничество, дающее посреднику долю от суммы сделки. За церковной части праздника — мессой и обрядом благословения венецианским епископом (в сане патриарха) морских вод — следовало символическое обручение: достигнув устья портовой гавани на разукрашенной барке, дож бросал в волны золотое кольцо. Праздник привлекал в Венецию массу иностранных паломников: всем посетившим

в эти дни собор святого Марка специальная папская булла объявляла прощение грехов. Надо отметить, что церковный аспект праздника у Симоны вообще никак не отражен.

²⁸⁰⁴ В портрете Жаффье Симона воспроизводит некоторые черты Лоуренса, Сципиона Африканского, а также, возможно, Буонавентуры Дуррути (см. «Испанский дневник» в т. 1 наст. изд.).

²⁸⁰⁵ Индуистский термин употреблен Симоной для характеристики состояния заговорщиков. Индивид, находящийся в раджо-гуне, развивает в себе жажду материальных удовольствий, видя в этом смысл жизни. Вся его деятельность направлена на достижение чести, славы, богатства, ради которых он идет на любые труды и риск, преодолевает сопротивление людей и обстоятельств. Раджасу сопутствуют постоянные изменения, возбуждение, страсть.

²⁸⁰⁶ Знак вопроса поставлен Симоной. Место выглядит недостаточно проработанным. Если Жаффье состоял в числе заговорщиков с начала своего пребывания в городе, то, конечно, Рено знал бы его куда ближе, и само вовлечение Жаффье в заговор не прошло бы без его согласия и постоянного контроля. Жаффье, не будучи профессиональным военным, пользуется горячей симпатией и уважением у офицеров и солдат; чужак, он общается на равных с венецианцами высокого положения. По статусу он близок к Отелло у Шекспира. Подобно тому, как показано у Шекспира, чтобы достигнуть такого положения, Жаффье должен был провести на венецианской службе и прожить в городе достаточно лет, многократно засвидетельствовать Республике свою верность и героизм. Характер Жаффье, как он обрисован Симоной, совершенно исключает двуличие. Он не смог бы долго вести двойную жизнь; вопрос о выборе встал бы для него не за день до выступления, а гораздо раньше. Картина выглядела бы естественнее, если бы Рено *сам* привлек к сотрудничеству и Пьера, и Жаффье, ища опоры в мужественных людях с незапятнанной репутацией.

²⁸⁰⁷ В архиве Клаудио Монтеверди (1567–1643) сохранилось письмо, где упомянута кантата, написанная им специально для праздника «обручения Венеции с морем» 1618 г. Произведение до нас не дошло. Монтеверди, наряду с Бахом — один из любимых композиторов Симоны. Ср. в письме к Ж. Постернаку (1938): «Только с этими до сего времени у меня возникало чувство общения, так сказать, душа к душе — (...) с Бахом, Монтеверди, Софоклом, Гомером» (SP, p. 455).

- ²⁸⁰⁸ Напомним, действие происходит на колокольне собора Сан Марко, что вызывает ассоциацию с эпизодом искушения Христа: сатана возводит Иисуса на кровлю храма, предлагая броситься вниз, испытав свою божественную власть над ангелами и земным притяжением, затем ставит на «высокую гору и показывает Ему все царства мира и славу их, и говорит Ему: все это дам Тебе, если, пав, поклонись мне» (Мф 4: 4–9).
- ²⁸⁰⁹ Сожжение дворца персидских царей в Персеполе по приказу Александра Македонского. Разрушение Карфагена, выполненное Сципионом Африканским по воле римского сената. Оба этих действия не были вызваны военной необходимостью, а имели символический характер.
- ²⁸¹⁰ В ноябре 1941 г. по инициативе Й. Геббельса оккупационным командованием была организована и разрекламирована в печати групповая поездка французских художников в Германию (А. Дерен, М. Вламинк, О. Фриез, Кеес ван Донген), которые должны были присутствовать на официозной выставке скульптуры. Неоднократно подобные поездки устраивались и для писателей.
- ²⁸¹¹ Кардинал де Рец, Мемуары, часть 2: «Я припомнил самые славные и великие замыслы, когда-либо подсказанные мне воображением; я уступил чувствам, которые тешило имя главы партии, издавна привлекавшее меня в «Жизнеописаниях» Плутарха; когда же я подумал о выгоде, какую могу найти в том, чтобы отличаться от людей моего звания образом жизни, стирающим различия между священнослужителем и мирянином, голос щекотливости окончательно умолк. (...) Громкие дела заматают все следы, прославляя даже то, чего они не оправдывают; пороки архиепископа во множестве случаев могут стать добродетелями главы партии» (пер. Ю. Яхниной).
- ²⁸¹² Сгі. В издании Р (р. 117) вместо этого стоит «сгіте» («преступление»), что нам представляется ошибкой.

Указатель личных имен*

- Август, Октавиан – I: 98, 387, 388
Августин, Аврелий – I: 314;
II: 319, 322
Александр Македонский – I: 252;
II: 226
Ален (Эмиль Шартье) – I: 26, 177,
182; II: 330
Альтицер, Томас – I: 41, 45
Ампер, Андре Мари – II: 26
Анаксимандр – I: 204, 301, 358;
II: 35, 175, 338
Ангелус Силезиус (Иоганн
Шефлер) – I: 178
Ануй, Жан – II: 21
Аристотель – I: 149, 333, 381;
II: 123, 310, 318, 324, 357
Архимед – I: 174, 177, 179, 197,
198, 202, 294; II: 36, 314

Бадиа, Мигель – I: 142
Бак, Перл – II: 40
Бакунин, Петр – I: 32
Балло, Шарль – I: 203
Бальзак, Оноре де – I: 322
Барт, Карл – I: 39, 51, 52

Бах, Иоганн Себастьян – I: 102,
109, 115, 245, 264, 290; II: 64,
151, 181, 323
Белен, Рене – I: 146
Бенедикт XVI (Йозеф Ратцин-
гер) – I: 41, 55
Бергсон, Анри – II: 183
Берже, Гастон – II: 131, 237, 249
Бернанос, Жорж – I: 132, 140
Бертолле, Жюль – I: 142
Бертомье, Луи – I: 137, 138, 139
Бибихин, Владимир Вениамино-
вич – I: 20
Блейк, Уильям – II: 183
Блуа, Леон – I: 40, 41
Больцман, Людвиг – II: 59
Бонхёффер, Дитрих – I: 37, 39,
49
Браунинг, Роберт – I: 280, 282
Браунинг, Элизабет – I: 280
Бреаль, Огюст де – II: 94
Брион, Марсель – I: 180
Бройль, Луи де – I: 158, 169
Брюкберже, Реймон Леопольд –
I: 387
Бультман, Рудольф – I: 41

Валери, Поль – I: 17, 26, 70, 159,
178, 189, 192, 193, 273, 321, 322,
323, 324, 325, 386; II: 266
Ван Гог, Винсент – II: 233
Ванеев, Анатолий Анатольевич –
I: 21, 32, 146, 183, 196
Вейль, Андре – I: 15; II: 12, 355
Веласкес, Диего – I: 178
Верхарн, Эмиль – I: 86
Вильгельм II (император Герма-
нии) – II: 48, 52, 83

* Указатель не охватывает раздел «Примечания» и постраничные сноски.

Виньи, Альфред де – I: 48, 178;
 II: 203
 Галилей, Галилео – I: 178; II: 11,
 13, 36, 73
 Ганди, Мохандас Карамчанд –
 I: 334
 Ганнибал – I: 250, 252
 Галуа, Эварист – I: 74
 Гарсия Оливер, Хуан – I: 136, 141
 Гасдрубал – II: 216
 Гаусс, Карл Фридрих – I: 293
 Гегель – I: 79, 80, 81, 98, 103, 104,
 109; II: 270
 Генон, Рене – I: 183; II: 300
 Гераклит – I: 101, 278, 306; II: 12,
 261, 262, 264, 295, 309, 310, 336,
 337, 342
 Герберт, Джордж – I: 193, 221,
 388; II: 218
 Геродот – I: 341; II: 81, 146
 Гесиод – II: 13, 38, 39, 147
 Гете, Иоанн Вольфганг – I: 63, 162
 Гигес – II: 284, 285, 293
 Гиппократ – I: 300
 Гитлер, Адольф – I: 40, 145, 147, 306
 Гнедов, Василиск (Василий
 Иванович) – I: 17
 Гольдман, Люсьен – I: 37
 Гомер – I: 58, 63, 64, 75, 115, 116,
 249, 263; II: 185
 Гораций Флакк, Квинт – I: 63, 98,
 122
 Го Си – I: 180
 Гофмансталь, Гуго фон – II: 356
 Гошон, Сюзанна – I: 73
 Гракхи, Тиберий и Гай – I: 249
 Гримм, Вильгельм и Якоб – II: 123
 Гурджиев, Георгий Иванович –
 I: 182
 Гюйо, Аньес – I: 265, 285

Давид, Жак-Луи – I: 249
 Давид-Неэль, Александра – II: 247
 Д'Аламбер, Жан Лерон – II: 14, 34
 Дамон – II: 324
 Данте Алигьери – I: 118
 Дарвин, Чарльз – I: 177
 Декарт, Рене – I: 37, 88, 89, 92, 95,
 106, 107, 112, 117, 119, 162, 177,
 195, 197, 254, 347, 360; II: 103,
 131, 142, 237
 Деметрий Полиоркет – II: 48
 Детёф, Огюст – I: 61, 93, 103, 147
 Джеймс, Уильям – I: 89, 90
 Джотто ди Бондоне – I: 153, 155,
 196, 238, 245, 375
 Дидро, Дени – I: 108; II: 103
 Дикманн, Юлиус – I: 87
 Диоген Лаэртский – II: 310
 Диофант – II: 315
 Д'Обинье, Агриппа – I: 200
 Домаль, Вера – I: 182, 391; II: 229,
 281
 Домаль, Рене – I: 182, 183, 391
 Донн, Джон – I: 178
 Дорио, Жак – I: 146
 Достоевский, Федор Михайло-
 вич – I: 31, 46
 Дуррути, Буонавентура – I: 134,
 135, 136, 139
 Дюркгейм, Эмиль – I: 42, 380;
 II: 124
 Евдокс – I: 197, 283, 292; II: 34, 160
 Еврипид – I: 115; II: 122, 193, 198
 Екатерина Сиенская – II: 165, 166,
 167, 170
 Жанна д'Арк – I: 242, 243, 279;
 II: 76, 77
 Жид, Андре – I: 10, 188

- Зальцман, Жанна де – I: 375;
II: 255
- Замятин, Евгений Иванович –
I: 69
- Заратуштра (Заратустра) – I: 49,
228
- Зенон Китийский – I: 359
- Иванов, Константин Константи-
нович – I: 32, 35, 40
- Иоанн Дамаскин – I: 331
- Казанова, Джакомо Джироламо –
II: 31
- Кальдерон де ла Барка, Педро –
II: 250
- Камю, Альбер – I: 9, 10, 25
- Кандинский, Василий Василье-
вич – I: 16
- Кант, Иммануил – I: 164, 177, 274;
II: 21, 37, 89, 156, 197, 205
- Кантор, Георг – II: 156, 160
- Карсавин, Лев Платонович – I: 32,
44
- Каспер, Вальтер – I: 39
- Катон Старший, Марк Порций –
I: 388
- Катулл, Гай Валерий – I: 178
- Кейдж Джон – I: 17
- Кеплер, Иоганн – II: 41
- Кёстлер, Артур – I: 199
- Китс, Джон – I: 178, 311
- Клеанф – II: 263
- Коллине, Мишель – I: 141, 143
- Конрад, Джозеф – I: 103, 385
- Копо, Эдвиж (Эди) – I: 108
- Корнель, Пьер – I: 98, 178
- Кортес, Эрнан – I: 268; II: 373
- Кручёных, Алексей Елисеевич –
I: 17
- Кутюрье, Мари-Ален – I: 40
- Кьеркегор, Сёрен – I: 41, 50; II: 88
- Кювье, Жорж Леопольд – I: 177
- Лабрюйер, Жан де – I: 25; II: 13
- Лавуазье, Антуан Лоран – II: 43
- Лагранж, Луи де – I: 101
- Ладумег, Жюль – II: 220
- Ламарк, Жан-Батист – I: 177
- Ланжевен, Поль – I: 152
- Ланца дель Васто – I: 183, 315, 350
- Ланьо, Жюль – I: 177; II: 197, 243,
330, 331
- Лао-цзы – II: 181, 208, 309, 330
- Лаплас, Пьер-Симон – II: 43
- Ларошфуко, Франсуа де – I: 25
- Лебрен, Альбер – I: 145
- Лейбниц, Готфрид Вильгельм –
I: 47, 50, 89
- Лекарпантье, Марсель – II: 34, 47
- Ле Корбюзье, Шарль-Эдуард –
I: 118
- Леонардо да Винчи – I: 109, 110,
115, 178
- Леонтьев, Константин Николае-
вич – I: 51
- Летеллье, Пьер – I: 94
- Ле-цзы – I: 180
- Лозен, Антонен де – II: 32, 58
- Лопе де Вега, Феликс – II: 296
- Лоуренс, Томас Эдвард (Лоуренс
Аравийский) – I: 12, 199, 248,
251, 277, 283, 325; II: 53, 67, 201,
275
- Лукреций Кар, Тит – I: 63, 120,
178, 340
- Людовик XIV – I: 369, 370; II: 19,
27, 88, 92
- Мазаччо (Томмазо ди сер Джован-
ни ди Гвиди) – II: 135, 166
- Майяр, Элла – II: 24

- Макиавелли, Никколо – I: 15, 178, 380
- Малларме, Стефан – I: 63
- Мальро, Андре – II: 229
- Мани – II: 163
- Мантенья, Андреа – I: 383
- Манту, Поль – I: 203
- Марий, Гай – II: 52, 83, 91
- Марк Аврелий Антонин – I: 83, 287
- Маркс, Карл – I: 85, 87, 156; II: 61, 262
- Марло, Кристофер – I: 12, 193, 222, 315, 350; II: 157
- Марсель, Габриэль – I: 10, 31
- Мелеагр – I: 216; II: 13
- Мель, Роже – I: 189
- Микеланджело Буонарроти – I: 289
- Миларепа Шепя Дордже – I: 172; II: 129, 133, 138, 247, 249, 252, 262, 306
- Моннервиль, Гастон – I: 283
- Монтеверди, Клаудио – II: 372, 388
- Монтень, Мишель – I: 16, 177
- Монтескье, Шарль-Луи де – I: 79, 82, 177, 263
- Монтесума II – I: 269
- Мориак, Франсуа – I: 10, 78, 315
- Моцарт, Вольфганг Амадей – I: 51, 52, 290; II: 323
- Мэн де Биран, Франсуа – I: 264; II: 251, 262, 330
- Наполеон I – I: 42, 116, 357, 389
- Ницше, Фридрих – I: 31, 47, 50, 51, 54
- Ньютон, Исаак – I: 92, 169, 332; II: 31, 106
- Овидий Назон, Публий – I: 282, 387, 388; II: 23, 90, 110, 291
- Оливье де Бувень (Леон, Гюбельс) – I: 226
- Омбредан, Андре – I: 262
- Отуэй, Томас – II: 356
- Павлов, Иван Петрович – II: 195
- Парменид – II: 177, 250, 305
- Паскаль, Блез – I: 25, 34, 55, 57, 177,
- Пеньо, Колетта – II: 190
- Перикл – I: 69
- Перрен, Жозеф-Мари – I: 24, 25, 45, 184, 185, 186, 187, 307; II: 11, 12
- Петен, Анри-Филипп – I: 145, 147
- Петрарка, Франческо – I: 118
- Петреман, Симона – I: 307; II: 12
- Пифагор – I: 197, 313, 361; II: 72, 313, 322
- Плавт, Тит Макций – I: 199, 340; II: 110, 205, 236, 397
- Планк, Макс – I: 160, 170, 198, 202, 203, 301; II: 78
- Платон – I: 58, 69, 80, 81, 115, 122, 123, 149, 150, 161, 166, 167, 177, 179, 191, 195, 197, 198, 221, 237, 254, 266, 272, 283, 287, 288, 291, 292, 293, 298, 304, 305, 306, 308, 321, 333, 337, 361, 362; II: 12, 67, 79, 85, 116, 144, 151, 154, 155, 207, 212, 237, 238, 239, 344, 249, 250, 251, 262, 266, 268, 270, 281, 294, 300, 305, 309, 310, 311, 312, 319, 320, 322, 323, 324, 328, 329, 331, 337, 341, 348
- Плутарх – II: 381
- Прокл – II: 311
- Протагор – II: 246, 255
- Прудон, Пьер-Жозеф – I: 86

Пруст, Марсель – I: 102; II: 50,
244, 268

Пуже, Гийом – II: 123

Рамо, Жан-Филипп – I: 108

Ранер, Карл – I: 39

Расин, Жан – I: 64, 97, 98, 115, 178;
II: 326

Ратцингер, Йозеф (см. Бене-
дикт XVI)

Рейно, Поль – I: 145

Рец, Жан-Франсуа де – I: 277;
II: 104, 106

Ридель, Шарль – I: 137, 138, 139,
142, 350

Риё, Андре – I: 309, 310, 400; II: 11,
15, 46, 89

Риё, Аньес – II: 18, 46

Ришелье, Арман Жан дю Плесси
де – I: 200, 371; II: 208, 223

Ромен, Жюль – I: 70

Руано (Роанна), Лусио – I: 142

Руссо, Жан-Жак – I: 82, 111, 177;
II: 302

Рэ, Жиль де – I: 315, 350, 351, 353,
356; II: 157

Сантьян, Диего Абад де – I: 136,
142

Сафо – I: 12, 77, 121, 175, 193

Сенар, Эмиль – I: 304

Сен-Реаль, Сезар Вишар де –
II: 362

Сен-Симон, Луи де Рувруа – I: 15

Серж, Виктор – I: 61, 72

Ситроен, Анри – I: 105

Смит, Адам – I: 105

Сократ – I: 78, 111, 113, 117, 190,
200, 249; II: 69, 70, 309

Софокл – I: 63, 64, 96, 97, 98, 115,
117, 118, 121, 175, 177, 213, 214,

219, 224, 280, 304, 386, 393;
II: 16, 25, 198, 357

Спиноза, Барух – I: 87, 178; II: 340

Сталин (Джугашвили), Иосиф
Виссарионович – I: 61

Суварин (Лифшиц), Борис
Константинович – I: 61, 141

Судзуки, Дайсэцу Тэйтaro – I: 182

Сузо, Гейнрих – I: 171

Суинберн, Алджернон Чарльз –
I: 178

Сэв, Морис – II: 55

Тард, Гийом де – II: 47

Тацит, Публий Корнелий – I: 178

Теренций Афр, Публий – I: 63

Тертуллиан, Квинт Септимий
Флоренс – I: 41

Тиберий – II: 288

Тибон, Гюстав – I: 22, 23, 24, 25,
26, 186, 187, 307, 308, 309, 310;
II: 11, 12

Толстой, Лев Николаевич – I: 367

Тортель, Жан – I: 184; II: 356

Троцкий, Лев Давидович – I: 61

Уайльд, Оскар – I: 23

Уголино делла Герардеска – I: 371;
II: 20, 78

Фалес – I: 35, 313

Фейербах, Людвиг – I: 31, 40

Финтий – II: 324

Фома Аквинский – I: 314, 321, 331,
348, 361; II: 181, 210, 258, 280

Франциск Ассизский – I: 153, 196,
249, 335, 366, 393; II: 216, 327

Фрейд, Зигмунд – I: 89, 321

Френе, Селестен – I: 114; II: 75

Фробениус, Лео – I: 217, 311

Фрэзер, Джеймс – II: 283

Фукидид – I: 38; II: 60, 82, 326

Фуко, Шарль де – I: 385

Хлебников, Велимир (Виктор
Владимирович) – I: 17

Хуан де ла Крус – I: 260, 395; II: 50,
108, 114, 140, 166, 233, 234, 256,
258, 270, 293, 322

Чаплин, Чарльз Спенсер
(Шарло) – II: 205

Чосер, Джеффри – I: 199

Шанкара (Шанкарачарья) – I: 287,
288

Шато, Рене – I: 147

Шевалле, Клод – II: 13

Шекспир, Уильям – I: 12, 115, 118,
123, 178, 193, 220, 221; II: 25

Шелер, Макс – I: 42

Шелли, Перси Биши – I: 178

Шмеман, Александр Дмитрие-
вич – I: 43

Шрёдингер, Эрвин – II: 65

Элиот, Томас Стернз – I: 10

Эпиктет – I: 324

Эпикур – II: 42

Ямвлих – II: 324

Содержание

Список используемых сокращений	5
Условные обозначения	8

ТЕТРАДИ V–VII

Тетрадь V (K5) Сен-Марсель д'Ардеш — Марсель, 24 октября — конец ноября (?) 1941	11
Тетрадь VI (K6) Марсель, начало (?) декабря 1941 — конец (?) января 1942	81
Тетрадь VII (K7) Марсель, конец января — около 20 февраля 1942	219
Комментарии к пифагорейским текстам	308
Спасенная Венеция Трагедия в трех действиях 1940–1943	355
Примечания	418
Указатель личных имен	607

Издание осуществлено при поддержке
Клуба друзей Издательства Ивана Лимбаха
ООО «Лига» Ростеслав Леонтьев

16+

Редактор *И. В. Булатовский*
Корректор *Л. А. Самойлова*
Компьютерная верстка *Н. Ю. Травкин*

Подписано к печати 00.00.2016 г. Формат 60×90¹/₁₆.
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Тираж 0000 экз. Заказ № 0000.

Издательство Ивана Лимбаха.
197342, Санкт-Петербург, ул. Белоостровская, 28А.
E-mail: limbakh@limbakh.ru
WWW.LIMBAKH.RU

Отпечатано в Первой Академической типографии «Наука»
199034, Санкт-Петербург, 9-я линия, 12/28